

В
ВГ

ОТЦЫ
ОСНОВАТЕЛИ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ПОБЕДИТЕЛИ
ЗЛА

ЭКСМО

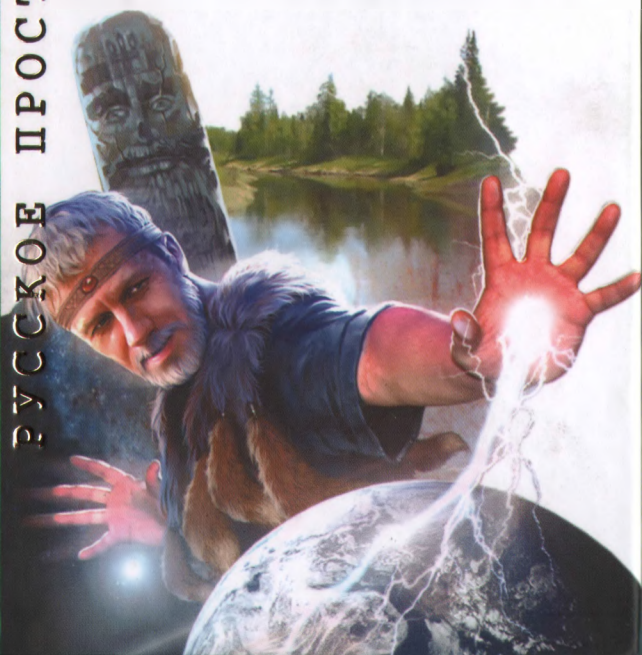
Василий ГОЛОВАЧЕВ

ПОБЕДИТЕЛИ
ЗЛА

ОТЦЫ - ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЭКСМО

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ВТОРЖЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ
ПРАВИЛА ВОЯ
СКАЗАНИЯ О ВЕЕРЕ МИРОВ
ГАСИТЕЛИ СОЛНЦ
ЛИК БЕСА
БОЙ БЕЗ ПРАВИЛ
ВОЙНА РЕАЛЬНОСТЕЙ
ИСКАТЕЛИ СМЕРТИ
ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК
ЧЕРНАЯ СИЛА. ЧЕРНОЕ ВРЕМЯ
ДРЕВО ВРЕМЕН
ВЛАДЫКИ РЕАЛЬНОСТИ
ПРОВУЖДЕНИЕ ДЖИННА
ПРЕОДОЛЕНИЕ НЕВОЗМОЖНОГО
ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ
РЕЛИКТ: ДЕТИ ВЕЧНОСТИ
РЕЛИКТ: АБСОЛЮТНЫЙ ИГРОК
КРАЙ СВЕТА
СЕРДЦЕ ВСЕЛЕННОЙ
ПРИГОВОРЕННЫЕ К СВЕТУ
ПРАВО ЖИТЬ
ПОБЕДИТЕЛИ ЗЛА

ОГНИ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Василий

ГОЛОВАЧЕВ

ПОБЕДИТЕЛИ ЗЛА

ВЕДИЧ

**ПОСТОРОННИМ ВХОД
ВОСПРЕЩЕН**

Москва

2008

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 61

Оформление серии *А. Саукова*

Серия основана в 2005 году

Г 61 Головачев В. В.
Победители Зла: Фантастические романы / В. В. Головачев. — М.: Эксмо, 2008. — 640 с. — (Отцы-основатели: Русское пространство).

ISBN 978-5-699-25664-8

Зло многолико и коварно, но каким бы могущественным оно ни казалось, под какой бы маской ни скрывалось — всегда найдутся люди, готовые пожертвовать собой и защитить свою Родину и человечество от самого страшного врага. Такие, как Егор Крутов, Ираклий Федотов, Глеб Тарасов, спасшие Серебряного Мальчика, последнюю надежду сил Света, от Синклита Черных конунгов, или контрразведчик Руслан Горюнов, отправляющийся в самое пекло, на другой конец Галактики, чтобы защитить Землю от неведомой космической угрозы...

**УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4**

ISBN 978-5-699-25664-8

**© Головачев В. В., 2008
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2008**

ВЕДИЧ

Роман

Глава 1

НЕ БЕГИ ОТ МИРА

Пришёл я в Мир и огорчился: ложь, обман и подлость растут повсюду как сорняки.

Искал я Правду в Мире, долго и тщательно, и находил лишь робкие ростки Её, забытые сорняками. Но я не отчаялся, так как зов Возвышенного увлекал меня к поиску Истины и Красоты и давал надежду. Зов Возвышенного поддерживал меня и помогал найти дорогу во Тьме. И однажды пришли слова:

— Если не можешь отыскать Правду на Земле и открыть людям, найди её в самом себе!

И я ушел из Мира в Природу, которая дала мне животворящий огонь Познания, свет Понимания и терпение Восхождения.

Вошёл я в глубины Мироздания внутри себя, отделив Тьму от Света, открылся мне Трон Тайн Возвышенного, взошёл я на него, и увидел Свет Истины, и вспомнил всё...

Глаза Егора открылись.

Сном его состояние назвать было трудно.

Он уже давно знал, что существуют семь уровней сна, соответствующих познанию семи уровней Бытия, и научился от «нормальных» состояний: физического сна — состояния «здесь и сейчас», эфирного сна — мысленного путешествия в пространстве — переходить к высшим переживаниям, через астральное, ментальное, духовное — к снам Я-сознания. Но «сон Вечности», соответствующий состоянию «нирваны», давался редко. Прыжок в Ничто, в Пустоту и Небытие, где нет ни форм, ни символов, ни движения и звука, абсолютное безмолвие и блаженство, всё ещё был недоступен.

Егор вспомнил последнее Посвящение, состоящее из трёх ступеней.

Первая ступень предполагала полное отвержение себя, отрицание личных желаний и удовольствий, уход из мира, отказ от богатства, славы, почестей, приобретённых знаний, всех порядков и правил, привязанностей и волеизъявлений — кроме духовного поиска и смирения. С этим Егор Крутов, бывший полковник спецназа ГРУ, «осветенный» волхв, то есть человек, достигший высот магического знания не по наследственной линии, не родившийся волхвом, справился достаточно легко. Тем более что жена понимала и принимала его устремления.

На вторую ступень — полный отказ от самого духовного подвижничества, достигаемого усилием воли, от постов и медитационных размышлений — Крутов поднялся за три года, сосредоточившись на исследованиях, которые он начал под влиянием раскрывшихся возможностей организма. Пришлось уйти из всех общественных движений, забыть о друзьях, отказаться от участия в делах Общины «Родолюбие» и запереть сознание в «могиле себя», чтобы услышать в своём сердце «безмолвный глас» Вещего Бога — Рода, который должен был привести ветлужского отшельника через Калинов мост реалий к новому возрождению.

Однако одолеть третью ступень, проникнуть ещё глубже в познание о с н о в Бытия, стать «мёртвым среди живых и живым среди мёртвых», то есть *Бером* — оборотнем, быть в миру, но не от мира, Крутов не смог. Человеческое в человеке оказалось сильнее. И всё же он ещё раздумывал, идти ли ему дальше по намеченному пути или остановиться на грани естественного любопытства, за которым начиналось любопытство иное — чисто интеллектуальное, оторванное от сердца и души.

Внезапно какой-то звук вторгся в безмолвное н и ч т о, окружавшее волхва.

Крутов повернулся «сам в себе», пытаясь определить источник звука.

Впрочем, это был не звук — мысленный посыл, отражавший древний сензарский язык — птичий, тайный язык волхвов и магов. На сензарском разговаривали гиперборейцы, прямые предки русского Рода, а «птичьим» его называли потому, что на этом языке пела свои песни вещая птица Гамаюн и разговаривал бог древних египтян Птах. На нём же можно было «пропеть» всю гамму человеческих чувств, тонко выразить эмоциональ-

ное состояние человека. По сути, он являлся универсальным языком Космоса и был понятен всем существам Вселенной.

«Внемли, отшельник, — услышал Крутов невыразимый никакими словами вызов. — Тебе хочу я передать Весть, ибо навсегда ухожу из Яви в Навь».

«Зимогор? — ответил удивлённый Крутов, определив личность нашедшего его «во сне Я-сознания». — Почему ты уходишь?»

«Пришло время, — мысленно усмехнулся старый волхв. — Я долго шёл по стезе поиска, но вижу, что не достигну конца пути и не начну сначала. Теперь твой черёд».

«Почему ты обратился ко мне?»

«Ты ещё не испорчен. Идея всечеловеческого блага, всеобщей пользы и равенства, ставшая самой холодной и неправильной религией среди людей, тебя не подмяла. Выходи на свет».

«Я не закончил... свой поиск».

«Этот процесс бесконечен. Я знаю, что ты освоил базовую информационную матрицу, чем начинал заниматься ещё мой ученик Петя Гаряев, то есть генетико-метаболическую волновую память организма, и можешь теперь жить долго молодым. Используй это во благо. Я же хочу передать тебе свой свет и м е ц».

«Для этого нужно решение иерархов... твой интенционал изменит мою сущность...»

«Не беги от мира, но ищи в нём любовь».

«Мне надо подумать...»

«Прощай, волхв. Теперь ты — В л а д ы к о».

Луч странного света сверкнул в бездне тьмы, пронзил Крутова, преломляясь в нём как в друзе кристаллов хрусталя, осветил все закоулки его сознания и памяти, заставил сверкать кристаллики забытого и драгоценные камни нового з н а н и я. Спустя мгновение внутри Крутова развернулась целая вселенная чужого опыта, касающегося едва ли не всех областей человеческого знания. Если бы не собственный опыт и багаж познанного, Крутов мог бы буквально захлебнуться в этом невидимом и неосязаемом на уровне семи чувств океане. Но он выстоял!

Луч погас.

Океан иного опыта сжался в веретено светящегося «тума-

на», заставившее трепетать энергетические центры организма, чакры — на языке эзотериков, — и это «веретено» тихо растворилось в голове.

Крутов опечалился, продолжая оставаться на уровне «нирванического» сна, понимая, что волхв Зимотор умер. Но успел передать человеку, которому доверял всецело, свет и м е ц, или интенционал — на языке науки, то есть энергоинформационный «пакет».

На душе стало светло, жарко и одновременно — темно и холодно.

Повеяло с м е р т ь ю. Хотя Крутов и относился к ней иначе, нежели простой человек. Однако к переходу в Навь он готов не был.

Страх!

Страх небытия вдруг вновь отключил его от Я-сознания, подобного сну, создающему индивидуальное пространство-время. Крутов «выпал» сначала в сон духовного тела, выходящий за пределы телесной оболочки и барьеры времени, затем в сон ментальный, несущий информацию о будущем, в астральный — сон прошлых времён и действий, перескочил через эфирный и физический сны и вышел в ясном сознании в своём кабинете, на диване, где часто оставался один.

Кто-то ещё присутствовал здесь, мягкий и покорный, как глина под пальцами творца.

Егор повернул голову, увидел сидящую на краешке дивана жену. Некоторое время смотрел на неё, не двигаясь.

— Лизавета...

Женщина улыбнулась, кутаясь в тёплую шаль.

— Ты светился...

— Я был... далеко отсюда...

— Не пора ли возвращаться?

Он сел на диване, одетый в домашний халат.

Показалось, что Елизавета говорит чужими словами, словами Зимотора, словно тоже получила от умершего волхва некое магическое послание.

— Почему ты не спишь?

— Не хочу, — улыбнулась женщина с той же мудрой печалью. — Детей хочу. Жить хочу. Понимаешь? Мне уже сорок. А что я видела и пережила?

Крутов вспомнил слова Зимогора: «Не беги от мира, но ищи в нём любовь». Душу вдруг охватил стыд. Его верная подруга, принявшая безоговорочно его образ жизни, была и оставалась красивой женщиной, мечтавшей о простом человеческом счастье. Он же обрёк её на вечное ожидание, на тихое угасание, не понимая, что творится в её душе. Стоят ли такого самоотречения все его попытки овладеть магией волхвования, или в о л ш б о й, как говорят сами волхвы? Так ли это необходимо человеку для мистического восхождения, для подготовки встречи с Возвышенным?

— Ты... хочешь... ребёнка?

— Хочу.

— Ты мне никогда раньше об этом не говорила.

— Думала, догадаешься сам.

Егор, не сводя глаз с лица жены, сел напротив, очень близко, положил руки на плечи.

— Любимая моя женщина... я спал...

— Я знаю.

— Прости меня!

Она покачала головой, зажмурилась.

— Я сама приняла твой план бытия. Но дальше так...

Он прижал палец к её губам, потом поцеловал.

Поцелуй был коротким и странным — как со статуей.

Тогда он поцеловал жену снова и целовал до тех пор, пока не почувствовал ответ.

И тогда Возвышенное сошло на них неосязаемой мягкой глыбой ж е л а н и я, и оба перестали думать о чём-то другом, растворяясь в страстной необходимости любить...

Елизавета уснула раньше.

Крутов лежал рядом, прислушиваясь к затихающему гулу крови в жилах, расслабленно сосредоточился на сердечной чакре, но не довёл медитацию до конца — уснул. Не опустошённый, а счастливый!

Проснулся с первыми лучами солнца.

Осторожно, чтобы не разбудить жену, поднялся, принял душ, вернулся в кабинет.

Лиза спала, удивительно красивая и близкая.

В душе Крутова снова шевельнулось желание.

И тотчас же Лиза проснулась, повернула к нему голову, словно знала, что муж рядом. Впрочем, она тоже умела предвидеть опасность и удачу, даже не будучи ведьмой, но главное, что она до сих пор хранила дар берегини, реагируя на любое движение мужа.

Егор потянулся к ней.

Елизавета, внезапно застеснявшись, накрылась простынёй, но рука нашла её, простыня слетела на пол, и они обнялись, снова притянутые силой, которой не хотелось сопротивляться...

Потом Лиза упорхнула в ванную, Егор полежал, расслабленный, безмерно довольный, прислушиваясь к своим ощущениям и улыбаясь. Услышал зовущий голос жены, тоже направился в ванную. Привёл себя в порядок. Вернулся в кабинет, походил вокруг деревянного кресла, поглядывая на капию — корону универсальной энергоинформационной матрицы, дающую «вход в прошлое». Но решительно отнёс все поползновения ума заняться расшифровкой переданного Зимогогором интенционала и сел за компьютер.

Первым делом он бегло просмотрел утренние выпуски новостей по всем каналам телевидения, прочитал информационные сообщения газет. Затем связался с обозревателем средств массовых коммуникаций Общины «Родолюбие», удивив его своим появлением, и полчаса беседовал с ним, с интересом выслушав анализ обстановки в стране и в мире.

Елизавета позвала мужа на завтрак, он хотел отказаться, но вспомнил о перемене своих «революционных» устремлений и с удовольствием позавтракал, ощутив зверский аппетит.

Поговорил с женой, которая, как оказалось, была в курсе многих событий, вернулся в кабинет и продолжил информационные изыскания. К двенадцати часам дня Крутов насытился новостями и сел в «кресло истин» размышлять о положении «магического реализма» в России,двигающего властными структурами и целыми народами.

Первый вывод, сделанный им после размышлений, оказался неутешительным: страна была чуть ли не смертельно больна коррупцией на всех уровнях! Прорезались метастазы. И никакие «жесткие меры», предложенные Генеральной прокуратурой, положения не спасали. Бодрые заявления правительства «об улучшении жизни народа» являлись лишь средством успо-

коения масс. Не добавляли оптимизма ни деятельность Объединённой Думы, ни самого президента Союза России и Белоруссии, которым стал «старый» президент России Прямушин. Высшей ценностью государства по-прежнему признавались экономика и пресловутый «институт снижения инфляции», а не интересы сохранения народа и природы России. По-прежнему все благие начинания достойнейших представителей народа вязли в инертной массе властных структур и реализовывались с точностью до наоборот.

Но самое плохое крылось в том, что Кремль опирался на Центр стратегических инициатив (ЦСИ), преемника Новой революционной инициативы, и страной фактически правила Федеральная антитеррористическая служба — ФАС, напрямую подчинявшаяся Синклиту конунгов — чёрных магов. Храмы БЕСа — Братства Единой Свободы — перестали строиться повсеместно, но взамен этого конунги начали внедрять своих агентов в православные храмы и церкви, пытаясь перехватить управление ими изнутри, отчего война Катарсиса и Синклита перешла в иную форму — в пространство замыслов и намерений. Несмотря на то что Православие подчинилось христианству, по сути признавшему равноправие добра и зла, высшие иерархи Русской Православной Церкви понимали пагубность этого явления и усилили контрпропаганду. Кроме этого, им приходилось бороться против восточных учений, утверждавших, что жизнь несущественна, всех ждут перевоплощения и «райская» жизнь, а чувства людей не заслуживают внимания. Поэтому против Новой Идеологии Стабилизации попы оказались бессильны.

Сохранила своё положение и СССР — Система социальной стабилизации реальности, за которой также стояли агенты влияния Синклита. Управлял же этой Системой Харитон Кобяга, чёрный маг, уцелевший в последней битве с Витязями Соппротивления — Вечевой службы Рода.

Катарсисом же в настоящее время руководил бывший полковник военной контрразведки, соратник и друг Крутова Ираклий Федотов, ставший Витязем Рода.

Егор представил его абсолютно голый череп (Ираклий потерял шевелюру в последнем бою с конунгами) и улыбнулся. Фе-

дотов мог бы вырастить себе любые волосы, но не стал этого делать, так как его жена Мария сказала, что любит его и такого.

— Любовь — великая сила... — пробормотал Крутов сам для себя с шутливой интонацией. Но в глубине души он знал, что это правда. Законы волшбы опирались именно на неё.

Сколько же лет их сыну? — попытался вспомнить Крутов возраст Сергея, сына Ираклия и Марии. Лет десять? Или больше?

Егор покачал головой.

Годы пролетели незаметно. Лиза назвала странное число — сорок. Ей исполнилось сорок лет! В таком случае живут они вместе уже пятнадцать лет. А это значит, что сыну Ираклия должно исполниться тринадцать, столько же, сколько Сергию, будущему устроителю России.

Сердце сжала тревога.

Где он сейчас? Зимогор не сказал ни слова, передавая с в е т и м е ц, только назначил Крутова своим преемником. Теперь Егор — *Владыко*, Белый волхв, и теперь на нём лежит ответственность за судьбы дорогих ему людей. А главное — за судьбу всего Рода.

Крутов выключил компьютер, начал собираться.

В кабинет вошла Елизавета, одетая в лёгкий летний сарафан. Улыбнулась.

Он невольно залюбовался ею.

— Куда наметился? — спросила женщина, пытаясь скрыть смущение; на щеках выступил румянец, а глаза сияли, и Егор мимолётно подумал, что такой он не видел жену давно.

— Навещу Ираклия, — ответил он. — Поговорить надо. Зимогор передал мне полномочия координатора сопротивления, надо начинать дело.

— Ты... согласился?!

— Если честно, я об этом ещё не думал всерьёз. — Он лукаво прищурился; Лиза снова порозовела, как девочка, под его взглядом. — Кое-кто совсем вскружил мне голову. Выясню, что делается вокруг, и приму решение.

Лиза шагнула к мужу, обняла.

Они постояли несколько мгновений, прижимаясь друг к другу, как только что встретившиеся после долгой разлуки, потом Крутов мягко отстранил жену, проговорил:

— Я скоро вернусь.

И исчез — волхв, умеющий преодолевать пространство и «выходить за угол времени».

Елизавета повела рукой, как бы провожая ушедшего, и с пальцев женщины сорвалось колечко «обережного» света, растаявшее в воздухе без следа.

Глава 2

УЧЕНИЕ — СВЕТ

Брянская губерния

Бориславу Тихоновичу Шерстневу исполнилось пятьдесят шесть лет.

Родился он в селе Ахоево Нижегородской губернии, жил и учился сперва в Нижнем Новгороде, затем его отец, подполковник зенитно-ракетных войск ПВО страны, переехал с семьей в Тросну, небольшое село в Брянской губернии, и заканчивал среднюю школу Борислав Тихонович в Жуковке, районном центре Брянщины, куда переезжали многие из постепенно исчезающих деревень района.

Учился Шерстнев после окончания школы в Брянске, в местном машиностроительном институте, потом в Москве и в Минске, закончив еще два высших учебных заведения — Физтех и Академию педагогических наук.

В сорок два года он вернулся на Брянщину и поселился в Жуковке, где женился и прожил три года. Затем вступил в Общину «Родолюбие» и переехал в деревню Фошня Жуковского района, где создал первую Школу Шерстнева, воспитывающую детей на основе древнеславянских практик и учения о Родочеловеке.

Община потихоньку росла, укрепляя свои позиции в общеславянском движении, и Школы Шерстнева начали создаваться в других регионах Брянщины, в Дятькове, Навле, а также в Нижегородской, Ярославской, Суздальской губерниях, в Краснодарском крае, Тюмени, на Дальнем Востоке.

Ученики этих Школ творили чудеса, в двенадцать-тринадцать лет сдавая экстерном экзамены за весь курс обычной средней школы, заканчивая гимназии в возрасте четырнадцати лет, а институты — в шестнадцать-восемнадцать. Естественно,

все эти дети оставались членами Общины, несмотря на разделяющие их расстояния. Община «Родолюбие» была образованием социальным, а не территориальным, хотя многие её обитатели предпочитали селиться вместе, в новых посёлках и городках, созданных на деньги частных предпринимателей. На окраине Фошни тоже появилась Славянская слобода, построенная по замыслу архитектора Сундакова-младшего, где проживали более ста человек.

Борислав Тихонович жил отдельно, имея дом в самой Фошне, однако Школа его располагалась в Слободе, и он большую часть времени проводил там.

Двадцать пятого августа Шерстнев приехал в Школу рано утром, собираясь поработать с документами строгой отчётности, которые требовала от него, как от директора, местная сельская Комиссия по образованию. Но уже в девять к нему пришли двое молодых родителей, муж и жена, проживающие не в Фошне, а в соседних Ковалях. Мужчина назвался Глебом, а его жену звали Натальей.

— Мы детей хотим отдать в вашу Школу, — начал Глеб; судя по виду, ему еще не было и тридцати лет. — У нас мальчик и девочка.

— Веселинке семь лет, — добавила робко Наталья; у неё круглился животик, что говорило о скором прибавлении семейства. — А Фёдору шесть.

Шерстнев улыбнулся, кивнул на живот женщины:

— Третьего ждёте?

Гости переглянулись.

Глеб пригладил вихры, кивнул:

— Так ведь известно, чтоб род не пресёкся... ещё парня хочу.

— А дети у нас хорошие, послушные, — сказала Наталья и улыбнулась. — Помогают по дому, буквы знают, читать умеют.

— Это хорошо, — благожелательно сказал Борислав Тихонович, размышляя над просьбой: Школа у него была небольшая, всего на четыре класса, и все они были заполнены. — Хотя никакой беды не было бы, если бы они читать не умели. У нас учатся разные детки. Что ж, давайте попробуем, пусть приходят третьего сентября.

— А вы их тестировать не будете? — поднял брови Глеб. — Не надо экзамены сдавать?

— Экзамены сдавать не надо, — засмеялся Шерстнев. — А посмотреть можно. Приводите их завтра, покажут, что умеют.

— Они с нами...

— Так что же вы медлите? Пригласите обоих.

Наталья заспешила из кабинета директора, представлявшего самую настоящую кунсткамеру: все стены были увешаны картинами на бересте, а шкафы ломились от поделок из камня, дерева, глины, капа, сосновой коры и лещины. Поделки были выполнены учениками Школы, и некоторые из них являлись уникальными по мастерству исполнения. Через минуту Наталья вернулась и ввела в помещение двоих детишек. Дети стеснительно поздоровались:

— Здрасьте...

Веселина была старше брата на год, но казалась совсем маленькой; соломенного цвета волосы девочки были заплетены в косу.

Фёдор казался большим и серьёзным, только в серо-зелёных глазах мальчика прыгали бесенятки. Было видно, что ему всё любопытно, однако он сдерживал свой озорной характер.

Борислав Тихонович встретился с ним глазами, отмечая живость парня, кивнул ему, как давнему знакомому:

— Не рано ли тебе в школу, дружок?

— Не-е... — солидно ответил Фёдор и тут же абсолютно естественно добавил: — А сабля настоящая?

Шерстнев посмотрел на висящий на стене меч из пластилина, почти неотличимый от настоящего: у него даже лезвие отражало свет, как металлическое.

— Хочешь научиться делать такие сабли?

— Хочу.

— Тогда мы подружмся. Надеюсь, тебе у нас понравится. Ну, а ты чему хочешь научиться? — Борислав Тихонович посмотрел на девочку.

— Рисовать... — ответила Веселина, вскинув на директора большие голубые глаза.

— Она хорошо рисует, — вмешалась мать девочки. — Правда, больше небо да солнце. Там у неё люди живут.

— Они хорошие, — тем же тоном, но серьёзно сказала Веселина. — Добрые. И светятся по ночам.

— Ты их видишь?

— Ага... когда спать ложусь.

Борислав Тихонович улыбнулся:

— Когда я был маленьким, тоже видел во сне светящихся людей. И по небу летал.

— Там красиво, — мечтательно сказала Веселина.

Шерстнев задумчиво посмотрел на неё, на брата: их аура была чиста как слеза и гармонична, дети готовы были раскрыться и видеть Правь, у них имелись способности и силы, их любили и зачали по любви, что уже становилось редкостью в мире, и им был нужен уч и т е л ь.

— Что ж, буду рад встречаться с вами.

Борислав Тихонович не удержался, погладил Федора по вихрастой головке, и родители повели оглядывающихся детей к выходу.

— Нас отговаривали, — признался на пороге их отец, — даже угрожали... но мы всё равно хотели, чтобы они у вас учились. Спасибо... Извините, если что не так.

Семейство покинуло кабинет.

Шерстнев нахмурился, помедлил, потом быстро догнал посетителей.

— Глеб, подождите минутку. Кто вам угрожал?

Молодой человек смутился, глянул вслед жене с детьми, пожал плечами.

— Да дурость это всё. Недели две назад приходили двое, я их не знаю... Один степенный такой, лицо каменное, второй совсем молодой, меня моложе. Я его потом встретил возле магазина в Ходиловичах, с друзьями он был. Знаете, спортсмены эти, из Клуба.

Шерстнев кивнул.

В соседнем с Фошней селе Гришина Слобода год назад открылся Клуб спортивного совершенствования, быстро завоевал популярность среди молодёжи определённого толка, и теперь вся округа дрожала от страха, когда «спортсмены» выходили гулять, в том числе — по соседним деревням.

— Ничего, ерунда это, — заторопился Глеб. — Мы таких не слушаем. До свиданья.

— Что они говорили?

— Да ничего особенного. — Глеб почесал затылок. — Пред-

ложили отдать детей в православно-приходскую школу в Жуковке, потом добавили, чтоб мы к вам ни ногой, иначе кирдык.

Шерстнев покачал головой:

— Сурово!

Глеб махнул рукой, усмехнулся:

— Мы их не боимся. А про вашу школу только хорошее слышали.

Парень поспешил за своим семейством.

Борислав Тихонович вернулся в кабинет, пребывая в сосредоточенности. Уже третий житель района, принявший решение отдать детей учиться в Школу Шерстнева, жаловался на угрозы со стороны неких лиц, явно не заинтересованных, чтобы количество учеников в Школе увеличивалось. И симптом этот был тревожным.

Походив по кабинету, потом по тихим коридорам здания школы, пахнувшим новым линолеумом, Борислав Тихонович позвонил другу, носившему в Общине звание пестователя. Звали друга Онуфрием Павловичем, исполнилось ему уже семьдесят лет, работал он простым лесничим в Жуковском лесничестве, на самом же деле служил в Катарсисе и был близок к волхвам, основателям Общины «Родолюбие».

Онуфрий Павлович приехал к обеду, на стареньком велосипеде.

Жил он в соседней деревушке Велея, в семи километрах от Фошни. Высокий, седой, степенный, с короткой седоватой бородкой и умными живыми глазами с хитринкой, выглядел он на пятьдесят с небольшим. Одевался всегда просто, в соответствии с обычаями сельской местности, не выделяясь из общей моды. Август на Брянщине выдался жарким, хотя и не без дождей, и Онуфрий Павлович носил светлую льняную рубашку, холщовые штаны с кармашками и сандалии.

Прошлись по территории Школы, обмениваясь последними новостями, уселись в уютной учительской. Борислав Тихонович заварил чай, достал сухари с маком и баранки.

— Варенье есть, смородиновое, хочешь?

— Не откажусь, — кивнул Онуфрий Павлович, огладив бородку. — Умеет варить варенье твоя Алевтина. Где она, кстати?

— Уехала к родичам, — ответил Шерстнев; речь шла о его

жене Алевтине Матвеевне. — Она же из оренбургских крестьян, все её родственники там окопались.

Выпили по чашке чаю.

— Говори, что там у тебя, — отодвинулся от стола пестователь Общины.

— Тучи надвигаются. — Шерстнев рассказал о визите молодой семьи, закончил: — Это уже третий случай попыток воздействия на людей в таком ключе. Кто-то очень не хочет, чтобы к нам вели детей.

Онуфрий Павлович снова огладил бородку.

— Понятное дело. Ты растишь не просто активных строителей социума, но по сути магов, радеющих за Русь, за Род, за мир без зла. При достижении критического порога численности Школ может образоваться — и мы этого добиваемся — эгрегор справедливого отношения к людям, и в особенности — к власти имущим. А терять власть им не хочется. Вот и зашевелились конунги.

— Думаешь, это их телодвижения?

— Ты давно не беседовал с Пашей Здановичем?

Шерстнев помолчал. Речь зашла о директоре филиала Школы в Челябинске.

— С мая.

— На него тоже наехала некая структура, затеяла перерегистрацию документов, объявила землю Школы своей. Да и с другими Школами беспокойно, проблемы появились. У Дмитрия Кулибина сестру убили, слышал?

Шерстнев кивнул.

— Думаешь, это не случайное событие?

— Кулибину и самому звонили, угрожали, предлагали посты в Москве, аж в Министерстве образования, лишь бы Школу закрыл. Родовые Ключи под Москвой чуть не сожгли. Учеников бьют. Это война, Борислав, и к ней надо готовиться. У нас пока тихо только потому, что мы в зоне *непрогляда*. Однако всё меняется, мы становимся силой, с которой придётся считаться, и реакция Синклита абсолютно понятна. Твоя Школа, по сути система экстенсивного воспитания, как бельмо на глазу у местной администрации. На всех олимпиадах первые места берут наши ученики. А «традиционных» методик ты не признаёшь.

— «Традиционные» методики ведут к вырождению образования.

— Ещё бы, — кивнул Онуфрий Павлович. — Взять хотя бы реформы языка и насильственное внедрение Единого государственного экзамена. Между прочим, в соседних школах снова ввели курс «Здоровое будущее детей». Официально одобрен Министерством образования, а продвигается с подачи Детского фонда ЮНИСЕФ.

— Которым управляет конунг Ван Хиддинк.

— Особенно умилительны антинаркотические установки курса и методики сексуальных привыканий.

— Знаю, читал, — поморщился Шерстнев. — Мерзость! Под видом профилактики антисоциальных явлений в сознание детей внедряется их доступность! Полная нравственная несостоятельность курса очевидна. Но он всё равно отвоёвывает позиции, несмотря на заявления родителей. Мы должны что-то противопоставить этому «светлому» движению, наши практики к примеру.

— Вот поэтому конунги и начали превентивную обработку воспитательской среды. Не удивлюсь, что скоро нами займётся прокуратура, также находящаяся под влиянием Синклита.

— Неужели мы ничего не сможем им противопоставить?

— Сможем, — улыбнулся Онуфрий Павлович. — Работай, но посматривай по сторонам. Заразу надо лечить до её проявления. Если бы мы сработали вовремя тысячу лет назад, Православию не пришлось бы ради выживания подчиняться христианству, переиначивать наши родовые праздники и вымаливать прощение у чужого бога.

— Это верно, — слабо улыбнулся в ответ Шерстнев. — Библейское христианство — абсолютная зараза! Оно принципиально не согласуется со славянской и индоевропейской культурой, утверждая, что человек — раб по своей природе, что люди порочны и ничтожны в земных устремлениях. Что они должны бесконечно каяться перед высшим существом. Что, наконец, мир проклят и будет уничтожен, так как это угодно богу! Чушь несусветная!

Онуфрий Павлович поднял вверх палец.

— Именно поэтому бог христиан является богом социальной несправедливости! Если ты помнишь, ещё Фёдор Косой в

шестнадцатом веке утверждал, что всякая вера хороша, а плотские отношения сами по себе чисты. Но мы отвлеклись. Скажи лучше, ты применяешь на своем приусадебном участке удобрения с добавками нанопродуктов?

— Нет, — качнул головой Шерстнев. — Только навоз. Соседи-фермеры давно используют нанотехнологии, видел бы ты их яблоки! Но я работаю по старинке, и дети это понимают. А что, ты советуешь перейти на последние разработки? Сам же внушаешь детям, что генетику человека нельзя менять. Могу купить для Школы ферму индивидуального пользования. Полностью автоматизированный сельскохозяйственный комплекс, умещается в морской контейнер, приносит урожай круглый год, способен производить сотни пучков салата, редиса, моркови каждый день. Их выпускает брянский «Механотех».

— Я советую ввести в Школе курс экологии нанофермерских хозяйств, чтобы дети понимали, куда движется прогресс. В обычных школах перенимается опыт Америки, давно использующей трансгенные продукты, а это неправильно. Америка никогда не знала, что такое деревня, потому и погибает сейчас. Город — это поверхность жизни, деревня же — глубина, её корень, её душа, если хочешь.

— Всё изменилось, Онуфрий, социальная система, нравственные критерии и ценности. Деревня умирает, уже не будет тех глубин, что были раньше, и мы должны с этим смириться. К этому надо привыкать, растить детей, любящих землю. Я уже много раз писал волхвам, тому же Зимогору, что пора создавать новые принципы жизненного уклада и сохранять деревню иными способами. Где ответ? Нету пока.

Онуфрий Павлович нахмурился, опустил голову:

— Зимогор умер.

— Как умер? — не понял Шерстнев. — Почему? Когда?!

— Два дня назад мне позвонил волхв Долгий. Зимогору исполнилось сто двадцать шесть лет, он устал.

— И кто же теперь В л а д ы к о, Белый волхв?

— Волхв Полюнь.

— Не знаю такого.

— Мирское имя Егор Крутов, живёт в Ветлуге. Его мало кто знает. Хотя он, по слухам, родом из наших мест. Говорят так-

же, он бывший отшельник, а ещё раньше служил полковником спецназа.

Борислав Тихонович усмехнулся:

— Странен выбор Зимогора... хотя ему видней было.

— Поживём — увидим. Понял я тебя, Борислав, прав ты: надвигаются тучи. Надо принимать меры.

Онуфрий Павлович поднялся.

И в этот момент брызнуло, разлетаясь на осколки, стекло учительской, в помещение влетел обломок кирпича, завернутый в бумагу, ударился о стул, упал на пол.

Борислав Тихонович замер.

Онуфрий Павлович тенью переместился к окну и успел заметить мелькнувшую за оградой Школы спину метателя.

— Кто? — метнулся к нему Шерстнев.

— Мальчишка совсем, лет четырнадцати. Таких легко уговорить на любой поступок.

Онуфрий Павлович поднял обломок кирпича, развернул бумагу. На грязном белом листе из обыкновенной школьной тетради в клеточку были накорябаны слова: «Уберайтесь вон! А то сожжём школу! Дириженския зашытники».

— Зашытники, — повторил, усмехнувшись, пестователь. — Хорошо их грамоте учили — восемь ошибок в восьми словах!

— Их кто-то науськал.

— Разумеется, смысл-то понятен. Узнать бы, кто подбил пацана на эту пакость. — Онуфрий Павлович спрятал бумажку в карман, сунул директору ладонь. — Будь осторожен, Борислав, не случилось бы беды до начала учебного года. Я поговорю с кем надо, Школу подстрахуют. А ты пока стекло вставь и поглядывай по сторонам.

Они вышли через центральный вестибюль здания, никого вокруг не увидели. Онуфрий Павлович оседлал велосипед и, махнув рукой, уехал.

Борислав Тихонович вызвал сторожа, вдвоём они вставили разбитое стекло учительской.

— Отродясь бандитов у нас не было, — проворчал сторож Иван Клавдиевич, отставник-офицер, вернувшийся недавно на родину. — Узнаю, кто это сделал, уши оборву!

— Не надо ничего обрывать, — вздохнул Шерстнев. — Проблема лежит глубже, ушами не обойдёшься..

Сторож поворчал ещё немного и ушёл делать обход территории Школы, сказав, что на ночь сядет в засаду.

Борислав Тихонович улыбнулся. Засадами уберечь Школу от будущих потрясений было нельзя. Подул злой холодный ветер, солнце зашло за тучи, и этой «метеорологией» должны были заняться компетентные органы Вечевой службы Рода.

Зазвонил телефон.

Шерстнев посмотрел на него с лёгким удивлением, снял трубку.

— Это директор? — заговорил в трубке звонкий юношеский голос.

— Слушаю вас.

— Сегодня тебе было предупреждение. Закрывай свою школу к е...ни матери! Понял?!

— Кто звонит? — кратко осведомился Борислав Тихонович.

— Х... в пальто! Больше предупреждений не жди! У тебя есть сын, племянша, да и жена ещё ничего, — в трубке хихикнули, — сойдёт на пару раз. Усёк?

— Усёк. — Борислав Тихонович положил трубку.

В голову пришло старое шутливое изречение: ученье — свет, а неучёных — тьма.

Тот, кто опёрся на местных бандитов, неучёным не был. Он точно знал, что нужно делать, добиваясь своей цели.

— Не закрою! — вслух пообещал Шерстнев неизвестно кому.

Глава 3

ВЗЯТЬ ЕГО!

Жуковский район

Семён Блюшев появился в селе Гришина Слобода аккурат в тот год, когда здесь открылось первое на весь район медицинское училище.

Псих — кличка прилипла не сразу — его называли год спустя, при задержании после первой попытки изнасилования. Но просидел он в СИЗО всего несколько дней, получил медицинское свидетельство «больного на голову». А до этого молодой человек считался выходцем из добропорядочной семьи, культурным и высоконравственным человеком, закончил Ростов-

ский госуниверситет на «четыре» и «пять». Занимался спортом — получил звание кандидата в мастера по боксу. Вёл здоровый образ жизни, не пил, не курил и спланировал вокруг себя коллектив из боксёров, каратэков и прочих суровых парней. От армии ему каким-то образом удалось отвертеться, и после окончания экономического факультета университета Блюшев сначала устроился в Брянске, а потом переехал на родину, в Гришину Слободу.

Здесь он поработал в сельской администрации инспектором по экологическому надзору: родственники помогли, занимавшие немалые посты в районном чиновничестве, но вскоре создал Клуб спортивного совершенствования, став его президентом, добился постройки комплекса, и Гришина Слобода, начавшая было развиваться как городок, затаила дыхание.

Сначала стали жаловаться на приставания «спортсменов» девушки медучилища. Потом ученики местного ПТУ, которые попытались дать отпор «спортсменам».

Милиция бездействовала, случаи нападений, угроз и расправ множились, заявления изнасилованных девушек исчезали бесследно, и училище начало пустеть: испуганные произволом девушки переставали учиться, уезжали в другие города области, а новых заявлений на поступление в училище появлялось всё меньше и меньше.

Блюшева задержали ещё раз, и снова он вышел на свободу: во-первых, подвергшаяся его «ухаживаниям» девушка забрала заявление из милиции, во-вторых, ему снова дали справку с диагнозом «шизофреническое расстройство». Вот тогда местные деревни и поняли, что такое власть отморожков, опирающихся на местную официальную власть. По сути, созданный Блюшевым Клуб стал обыкновенным прикрытием банды, терроризирующей население района, и обуздать её не спешили ни в милиции, ни в прокуратуре, где сидели родственники самого Психа и его «спортсменов».

Двадцать седьмого августа домой к Семёну — жил он в новом кирпичном доме на окраине Гришиной Слободы, на берегу речки Ветьмы — явился гость.

Они были знакомы уже полгода, и всегда гость приходил не ради пустопорожнего времяпровождения в Клубе или местном ресторане, принадлежащем двоюродному дяде Семёна, Евге-

нию Косогазову, прозванному Косоглазым. Звали гостя Зиновием (фамилию его Псих не знал), и был он дьяконом в Велейской церкви Кирилла и Мефодия. Свои задания Семёну, командующему «спортсменами», он всегда щедро оплачивал, а что стояло за этим человеком, Псих не задумывался.

Зиновий на вид выглядел сорокалетним мужчиной во цвете сил, носил волосы по плечи и бородку клинышком. Церковные одежды он надевал только на службе, а вне её передвигался исключительно в гражданском и только на автомобиле; у него был «Фольксваген Пассат» последней модели.

Блющев принял гостя в кабинете президента Клуба, на втором этаже добротного, хорошо спланированного комплекса, где имелись комнаты для занятий борьбой, боксом, рукопашным боем, а также спортивный зал, где можно было играть в баскетбол и волейбол, небольшое кафе и игровой зал с автоматами и рулеткой. Никто не догадывался, на какие деньги был построен в небольшом селе этот комплекс, достойный крупных городов. Лишь Блющев знал, от каких господ из Москвы он получил «социальный заказ» на строительство сооружения.

— Мы его предупредили, — сказал Семён, усадив гостя в кресло. — Но он не внял. Пацаны узнали, что к нему в Школу записались еще трое детей.

Зиновий окинул плотную фигуру Психа оценивающим взглядом, сделал жёсткое лицо.

— Плохо предупреждали! Сам он редко показывается на людях, поэтому займитесь его родственниками — женой и племянницей. Объяснить, что нужно сделать?

— Не надо, — криво улыбнулся Блющев. — Сколько?

Он имел в виду оплату заказа.

— Как обычно, — пожал плечами Зиновий, беря с блюда яблоко. — Хотя ты мне ещё должен за прошлый раз. Не доделал дело до конца.

— Я вам ничего не должен...

— Ошибаешься, дружок, я многое тебе позволял, да и с Клубом помог, иначе он никогда бы не открылся. — Зиновий захрустел яблоком. — Так что ты уж постарайся, докажи, что мы не зря тебя выручали, ксиву психушечную доставали. Обойдись пока без мокрухи, но устрой директору Школы хороший джihad.

— Понял, — хмуро кивнул Псих.

Зиновий ловко бросил огрызок яблока в вазу на столе, поднялся и вышел, не прощаясь.

Тотчас же в кабинет президента заглянул мощного телосложения молодой человек с шапкой курчавых волос на голове.

— Чего ему было надо?

— Работа есть, — рассеянно сказал Блющев. — Ты племянницу Шерстнева знаешь?

— На кой она мне?

— Ей пятнадцать лет, худовата, правда, но тощие — самые активные. Надо её отловить и целку сломать. Сделаешь?

Курчавый ухмыльнулся:

— Сломать — не проблема, только он ведь директор.

— Закроет Школу и уедет. Готовь пацанов. Я тоже пойду.

Курчавый пожал плечами, достал мобильный телефон.

Утром двадцать восьмого августа Ксения Ромашкина встала рано — собралась с подружкой съездить в Брянск. Надо было купить себе кое-что из одежды на осень, походить по книжным магазинам: отец Ксюши собирал старые книги прошлого века, будучи заядлым библиофилом, — а ещё девушке, или, скорее, девочке, очень хотелось сходить в кино, в настоящий кинотеатр. Что смотреть — было не важно, главное — вдохнуть атмосферу «настоящей цивилизации», технологии которой настойчиво стучались в жизнь и захватывали воображение. К тому же кинотеатр в Жуковке до сих пор занимал частный клуб с рестораном, а новый строился уже три года и никак не хотел достраиваться.

Договорились сходить на недавно запущенный в прокат кинохит сезона «Логово зверя».

В шесть утра Ксения с Леной, соседской девчонкой, которой исполнилось столько же лет, сколько и самой Ксюше: обе перешли на второй курс медучилища, — уже сидели в маршрутном такси, за полчаса доставившем обеих на Жуковский железнодорожный вокзал. Без пятнадцати семь девочки сели в электричку, а в восемь пятнадцать сошли с неё на Брянском вокзале, весь путь посвятив обсуждению своих девчоночьих проблем.

Естественно, речь зашла и о парнях, которым симпатизировали будущие медсёстры. Обе сошлись на мнении, что парни

из гришинослободского Клуба спортивного совершенствования, конечно, ничего себе, но слишком наглые и бесцеремонные, а их начальник Сёма Блюшев и вовсе полный отморозок.

Девочки так и не заметили, что за ними в четыре глаза смотрят как раз те самые парни, о которых они судачили всё время. Причём эти молодые люди поехали за ними и дальше, сопровождая по городу, но так, чтобы объект слежки их не увидел.

День закончился хорошо.

Ксюша и Лена объездили кучу магазинов, купили себе всё, что хотели, побродили по книжному рынку и сходили в кино. Фильм понравился, о чём они долго потом рассуждали, вспоминая эпизоды.

В Жуковку девочки приехали в семь часов вечера, встретили подружку, поболтали и сели в последнюю маршрутку, идущую через Фошню в Дубраву. Кроме них в машине оказались две пожилые женщины, старик с двумя плетёными котомками, семья из четырёх человек: папа, мама и двое мальчиков, не желавших сидеть смирно, — а также двое парней, то и дело обменивающихся кривыми полуулыбками.

К Фошне подъехали, когда уже стемнело.

Однако парни не стали ждать остановки на центральной площади села. Как только впереди появились огни окраины, один из них наклонился вперёд и приставил к шее водителя нож:

— Останови!

Водитель, пожилой армянин, охнул, остановил такси.

Приятель парня с ножом достал второй тесак, направил на Ксюшу:

— Выходи! Быстро!

— Зачем?! — удивилась Ксения.

— Прокатимся, — ухмыльнулся парень; его Ксения не знала, он был не из местных.

— Оставьте её в покое! — возмутилась Лена.

Парень направил нож на неё:

— Заткнись! Проткну как шарик!

Лена, побледнев, откинулась на сиденье, прижав к груди сумочку.

Пожилые женщины и старик зароптали, но тут же замолчали, когда парень зыркнул на них по-волчьи:

— Тихо, деревня! Ничего с ней не случится! Погуляем и вернём. Нравится она одному хорошему человеку. Выходи, медичка!

Ксюша подхватила пакет с покупками, покорно вылезла из маршрутки.

Тотчас же из-за поворота вывернулся чёрный «Фольксваген Пассат», остановился в пяти шагах. Открылась дверца, на дорогу вышел накачанный молодец с курчавыми волосами, помахивая Ксюшу пальцем:

— Иди сюда.

— Не пойду! — вздёрнула голову девушка.

Парень с ножом, вылезший следом за ней из маршрутки, толкнул её в спину:

— Иди, дура!

— А ты езжай! — приказал второй налётчик водителю маршрутки.

— Ксения! — крикнула Лена, прижав лицо к стеклу.

Дверь маршрутки захлопнулась. Машина тронулась с места, медленно покатила к деревне.

Курчавый спортсмен приблизился к замершей Ксении расхлябанной походкой, оглядел её, стоящую в лучах фар «Фольксвагена», покачал головой:

— Селёдка... у меня на таких не стоит... пошли поговорим. — Он грубо ухватил Ксению за локоть.

Она вдруг вырвала локоть и бросилась бежать.

— Ловите, кретины! — заорал кто-то из машины, и на дорожку выпрыгнул Семён Блюшев в спортивном костюме.

Двое парней погнались за девушкой, настигли, повалили на землю. Она закричала. Ей заткнули рот ладонью. Она укусила курчавого за руку. Тот заорал, ударил Ксению наотмашь по лицу. Девушка замолчала. Возня продолжалась ещё какое-то время. Наконец парни справились с девушкой, держа её за ноги и за руки, один разорвал блузку, второй начал стаскивать трусики.

Подошёл Блюшев с ещё одним «спортсменом», ухмыльнувшись, разглядывая тело Ксении.

— Ну, кто первый?

— Давай я, — вызвался курчавый, облизнув губы.

— Не, я первый, — качнул головой Псих. — Не такая уж она и худая. Держите крепче.

Он начал снимать штаны.

И в этот момент рядом возникла смутная тень.

Ойкнул, падая, курчавый.

За ним начали падать остальные парни.

Ксения, освободившись от захвата, вскочила, загораживаясь руками.

Блюшев сообразил, что происходит нечто странное, подсмыкнул штаны, бросился бежать, но ушёл недалеко.

Тень настигла его. Раздался удар, и Псих полетел вперёд по воздуху как птица, ударился головой о капот «Фольксвагена», сполз на дорогу.

Стало тихо.

Тень сгустилась, обретая форму человека. Раздался негромкий хрипловатый голос:

— Успокойся, девочка, свои. Добежишь до дома?

Ксения судорожно кивнула, пытаясь запахнуть на груди разорванную блузку.

— Иди и ничего больше не бойся. С этого момента они не будут хулиганить и бандитствовать, обещаю.

Лица говорившего не было видно, но чувствовалось, что он улыбается.

— К-кто вы?

— Этого тебе знать не положено. Зови меня Неизвестным. Если придёт милиция, скажешь, что я из ЧК.

— Откуда?

— ЧК — это Чрезвычайная Комиссия, которая вскоре наведёт здесь порядок. Теперь иди.

Ксения кивнула, послушно направилась к деревне, спотыкаясь, оглядываясь на лежащие тела «спортсменов», на машину с горящими фарами. Когда исчез человек из ЧК, она не заметила. Его просто не стало, и всё.

Однако не успела девушка отойти от места происшествия на сто метров, как послышался шум машин и на дороге показалась маршрутка и за ней дядина «Лада Калина». Машины остановились. Из маршрутки с визгом выскочила Лена, бросилась к подруге:

— Ой, ты живая! Ой, ты ещё здесь! Ой, как хорошо! Ой, что там такое?!

Из «Калины» выбрался Шерстнев, за ним отец Ксении. Оба

подбежали к заплакавшей девушке. Отец прижал её к себе, начал гладить по волосам. Шерстнев двинулся к «Фольксвагену», оглядываясь по сторонам, наткнулся на «спортсменов», начавших шевелиться, приходить в себя.

Лишь Семён Блющев не подавал признаков жизни, скорчившись под бампером своей машины. Через несколько минут стало ясно, что Псих мёртв.

Глава 4

ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ

Жуковка

Бывшему капитану спецназа ГРУ Глебу Евдокимовичу Тарасову по кличке Старый пошёл сорок второй год.

До вступления в Общину «Родолюбие» он успел послужить в группе «Хорс», принадлежащей Службе безопасности президента, постиг тайны древних славянских боевых искусств — суева и боливака, помог Витязям Рода уберечь от расправы Сергия, мальчишку, способного стать будущим объединителем России, а также вступить в схватку с чёрными магами и достичь уровня Витязя.

Посвящение в сан Витязя он получил уже после боя с кунгями, когда наступили холода, приняв из рук белого волхва, Хранителя Рода, талисман Силы — колечко из нечернеющей меди с выгравированной на нём семилучевой звездой.

Год спустя Тарасов женился на Софье, сестре Дмитрия Булавина, президента Вологодской школы выживания «Белояр», с которым ему довелось бок о бок сражаться с носителями чёрных замыслов. После этого Тарасов и Софья, забрав дочерей, переехали из Москвы в Жуковку, Брянской губернии, где и остались жить в старом доме Клавдии, тётки Софьи.

Софья устроилась учителем русского языка в Жуковской средней школе, сам же Тарасов основал филиал школы «Белояр» и стал его руководителем, одновременно постигая тайны древнейшей системы самозащиты *жива*, обучая своему мастерству десятки мальчишек и молодых парней со всей округи. Школа в течение последующих лет и стала основой местной Общины «Родолюбие», несмотря на давление местных властей

и влиятельных лиц ортодоксальной Православной церкви в Брянске.

Молодой батюшка, основатель Новой жуковской церкви, сначала отнёсся к появлению притягательного для местной молодежи центра с настороженностью, несколько раз внимательно наблюдал за играми и занятиями в Школе, затем понял, что ничего плохого это движение не несёт, и проповеди «о нехорошем соседстве» пастве читать не стал. А вот брянские священники учуяли ослабление собственного влияния на деревенские массы и предприняли множество нападков на школу «Белояр» и её руководителя, пока не получили совет из Москвы, от людей из администрации президента, школу не трогать. И отступились на время.

Лишь сам Тарасов знал, что это поработали п е с т о в а т е л и Общины, оберегающие подобного рода общественные движения, имеющие своих людей в высших эшелонах власти. Правда, и у них были могущественные враги, не желавшие скорого возрождения России, а тем более — подъёма славянства.

Девочки, Акулина и Оленька, первая — от первой жены Тарасова, вторая — от первого мужа Софьи, — закончили пятый класс средней школы, и Глеб решил отдать их в Школу Шерстнева, с которым не был связан лично, однако знал об этом Учителе по связям Общины. Что территориально Школа располагалась не в Жуковке, а в Фошне, его не волновало. Он мог отвозить девочек туда и обратно на машине, а мог оставить их на полный недельный пансион, как это делали многие родители из сёл и городков Жуковского района. Это поощрялось, так как дети учились в Школе по методикам, недоступным обычным учебным заведениям, и усваивали материал не по дням, а по часам.

В июне к Тарасовым заглянул сам Дмитрий Булавин и привёз Сергия, по рождению — Световида, которому прочили славу Объединителя и Светителя Русского Рода. Мальчику тоже исполнилось тринадцать лет, он закончил девятый класс в Ладославле и одновременно — филиал Школы Шерстнева, и теперь ему надо было за год подготовиться к поступлению в институт; парень хотел учиться в Московском физтехе. Лучшим же учебным заведением для подобного рода процессов по-прежнему считалась Школа Шерстнева, и волхвы Рода не нашли

выхода лучше, нежели отдать парня доучиваться к самому Учителю.

Впрочем, это была не единственная причина, по какой Сергия решили вывезти из Ладославля. Как бы ни была искусна защита Серебряного мальчика на его родине, чёрные маги всё-таки начали догадываться, где он живёт, и руководители Катарсиса поспешили удалить его от мест, по которым поползла змеинная разведка Синклита.

— Хорошо, — сказал Тарасов, обрадованный появлением друга. — Без проблем. Пусть остаётся. Будет жить с нами и учиться в Школе вместе с девочками. Один вопрос: охрана?

— Будет, — успокоил его Булавин, раздавшийся вширь за последние годы и напоминавший обличем богатыря. — Пока я тут с вами пару недель поживу, а потом здесь поселится кто-нибудь из Витязей тебе в помощь.

Булавин уехал домой в конце июня, однако никто ему на замену не явился, и Тарасов решил, что задание по охране Сергия выдано лично ему. Пришлось провести анализ положения Школы и включения Сергия в существующую систему местных общественных связей. Надо было уберечь мальчишку от случайных знакомств, а тем более встреч с агентами конунгов, которыми могли стать обычные люди или, что было более реально, чиновники местных хозяйственных и правоохранительных служб района.

В принципе Тарасову, как Витязю, уже не раз приходилось рассчитывать уровни выживания того или иного субъекта защиты; Софья не знала подробностей служебных обязанностей мужа, хотя догадывалась о роде его занятий, но никогда не напоминала о себе и ни в чем не упрекала; она была идеальной женой, посвятившей себя воспитанию дочерей и работе учителя словесности.

Сначала Тарасов рассчитал самый низкий уровень общественного воздействия на Сергия — уровень физического пространства малого городка Жуковка.

Здесь почти никто не знал семью Тарасовых, поселившуюся на краю городка, на улице Гомонова. Соседи оказались милыми людьми, быстро познакомились с переселенцами, и их внуки, внучки и племянницы с удовольствием устраивали общие игры, вместе ходили в школу или ездили с Тарасовыми отды-

хоть на реку Десну. С их стороны каких-либо козней можно было не ждать.

Школа также хорошо приняла девочек Тарасова, отличавшихся уступчивостью и старанием, и могла бы принять и Сергия, если бы не тот факт, что он своё среднее образование уже закончил, несмотря на совсем юный возраст.

Окружение самого Глеба Евдокимовича, сложившееся за несколько лет упорной работы, подбиралось им в соответствии с тем характером, каким обладал он сам, поэтому всё это были люди честные, работающие и совестливые. Подступиться к ним агентам конунгов, если таковые и окопались в Жуковке, было непросто. Компромата на них не существовало. И все они сразу дали бы знать руководителю школы об интересе, проявленном к нему лично и к его семье со стороны незнакомых людей.

Таким образом, в Жуковке Сергию пока ничего не грозило, и он мог спокойно заниматься в Школе Шерстнева и одновременно в «Белояре»: мальчик с увлечением постигал азы боевых искусств, не чураясь детских игр и занятий русским языком с «мамой» Софьей.

Затем Тарасов проанализировал состояние природной матрицы на уровнях губернии, всей страны и мирового сообщества, нашёл целую сеть «чёрных паутинок» — интересов Синклита, свившего гнездо в Брянске, и понял, что долго жить в покое и довольстве ему не дадут. В районе начались странные социальные подвижки, окреп бандитский Клуб спортивного совершенствования в Гришиной Слободе, появились удивительные секты типа Новой Истинной Веры, рядящейся в псевдославянские одежды, милиция окончательно попала под влияние коррумпированных властных структур, и ждать каких-то перемен осталось недолго.

Тем не менее Тарасов посоветовался кое с кем из тех достойных деятелей, кто помогал ему в становлении «Белояра», и на основе анализа разработал план действий, представляющий по сути план превентивных мер на случай появления скрытых или явных угроз. Таким образом Сергей стал для всех окружающих сыном Тарасова, обучавшимся где-то на родине, в Ярославской губернии, а теперь вернувшимся в семью.

Мальчик прижился быстро. Он вообще рос покладистым, всегда готовым помочь, открытым и дружелюбным. Любил за-

ниматься в саду, задумчиво рассматривать цветы, возиться с растениями, мастерил планеры, но особенно ему нравилось ходить в лес по грибы, что весьма радовало Глеба Евдокимовича, заядлого грибника. Дочери к этому занятию относились с прохладцей. Да и жена почему-то побаивалась леса, хотя с мужем иногда совершала прогулки по ближайшим грибным местам, отступившим от Жуковки из-за отсутствия хорошей службы лесничества и замусоренности лесов.

Радовало Тарасова и рвение Сергея к учёбе. По сути, мальчик был уже готов к поступлению в Физтех и даже мог бы, наверное, сдать экзамены за первый курс. Во всяком случае он привёз с собой кучу пособий, учебников, а главное — ноутбук и специальные программы для занятий в Интернете, и пользовался каждой свободной минутой для пополнения знаний. При этом Сергей не увлекался играми и совсем не интересовался каналами для получения «дурного опыта», как сказал Дима Булавин. Ни «эротика», ни «приятные знакомства», ни «ню-шоу» мальчика не волновали.

До конца августа Сергей окончательно стал своим в семье Тарасовых, ни разу не дав Глебу Евдокимовичу пожалеть о своём решении.

А поздно вечером двадцать восьмого августа к нему вдруг постучался гость, которого он совсем не ждал.

Гость был гладко брит, причём везде; то есть круглая голова его не имела волос и в свете уличного фонаря бросала блики, как полированная кость. Поэтому Тарасов не сразу признал в нём старого друга.

— Никифор? Хмель?!

— Он самый, — усмехнулся бывший майор спецгруппы «Тайфун».

— Вот уж кого не ждал! Заходи.

Они прошли в дом.

Тарасов зажёл свет в кухне, плотно задёрнул занавески, с любопытством оглядел соратника по войне с конунгами.

— Что, изменился? — снова усмехнулся скупко Хмель.

— Есть немного. С волосами ты смотрелся иначе.

— Каждому времени свои волосы. Зато ты практически не изменился. Сколько мы не виделись? Лет пять?

— Что-то около того. Какими ветрами тебя занесло в наши края?

— Криминальными.

— Ты по-прежнему работаешь в команде по перевоспитанию чиновников?

— Нет. КОП расформирована, президентские структуры почти полностью попали под влияние агентуры Синклита. — Хмель бросил взгляд на графин с водой. — Нам пришлось реанимировать ЧК.

— Есть хочешь? — спохватился Глеб Евдокимович; он был в майке и шортах.

— Скорее пить, — ответил Никифор, одетый в джинсы и серую рубашку с погончиками; в руках у него ничего не было, лишь на поясе висел пенальчик с мобильным телефоном.

— Мои спят...

— Не вздумай будить, пусть спят. Я у тебя прокантуюсь до утра, а в шесть уеду в Брянск. Где тут у тебя можно тихо помыться?

— Залезай в ванну.

Пока гость мылся, Тарасов включил чайник, сварганил бутерброды с сыром, порезал овощи, выставил вазу с яблоками.

Хмель вышел посвежевший, вытирая мускулистый торс полотенцем, пригладил череп ладонями, уселся за стол.

— Кайф после жары!

— Пьёшь? Могу предложить местную водку, вино, пиво.

— Разве что пиво, особенно если холодное. Позволяю себе изредка, знаешь ли, когда жарко. Остальное — лишнее. Сам-то потребляешь?

— Нет.

— Жена смотрит косо?

Глеб Евдокимович улыбнулся:

— Софья не может смотреть на меня косо. Мы понимаем друг друга с полуслова. Твоя как? Дети есть?

— А как же. — Взгляд Никифора потеплел. — Двое, все пацаны. Шарифа в норме, работает в комиссии МЧС, часто в командировках, так что я больше один, чем с ней. Зато потом встречи получаются...

— Понимаю. Ладно, ешь и рассказывай. Наших кого-нибудь видел?

— С Ираклием встречался зимой, такой же лысый, как и я. Мы с ним смотримся как братья.

— У него всё нормально с Марией?

— Похоже, она наконец поняла, что он единственный, кто любит её по-настоящему. Живут душа в душу. Сыну Сергею уже тринадцать, вымахал под метр восемьдесят, учится в местной Школе Шерстнева. Слышал о такой?

Тарасов наметил улыбку, уловив косой взгляд гостя.

— Можешь не проверять, у нас тут рядом, в Фошне, такая же Школа располагается. Мои с сентября начнут там учиться.

— Я тут из-за неё.

— Это интересно. Имеешь право поделиться?

— Мы в одной лодке, Витязь, ты обязан знать, что творится вокруг. Кстати, что в стране делается, знаешь?

— Сделал недавно структурно-социальный анализ, хреновые дела, если честно.

— У меня по этому параметру собрана вся информация, в особенности что касается общего состояния преступности. После распада Союза в начале девяностых преступность в России представляла некоторое количество бандформирований, кучкующихся по территориальному признаку.

— «Солнцевские», «таганские»...

— «Тамбовские», «краснодарские», «владивостокские» и прочие. В основном — «творческие союзы» бывших спортсменов и уголовников.

— В Гришиной Слободе у нас родился такой такой союз — Клуб спортивного совершенствования.

— Да знаю, — поморщился Хмель. — Из-за него меня и направили сюда, хотя я отвечаю за другой регион. Тебя не стали вовлекать в это дело, ты на виду, и на тебе Серебряный мальчик.

— Поподробней, пожалуйста.

— Ну, если ты делал соцанализ, должен сам всё сообразить. Закончу мысль. Когда в конце девяностых у бандитов появились деньги, они стали подкупать сотрудников правоохранительных органов и чиновников.

— Что происходит и сегодня сплошь и рядом.

— Силовики занялись «крышеванием» бандитских структур. Затем после приватизации появились о ч е н ь большие

деньги, и оргпреступность слилась в экстазе с новыми хозяевами жизни. Что это породило?

— Начался процесс ассимиляции.

— Точно! Бандиты ринулись в коммерцию, превратились в «уважаемых бизнесменов», подались в политику, пересели в машины с мигалками, да ещё и с милицейской охраной...

— А силовики вместо них начали ездить на «стрелки»...

— И решать другие вопросы с помощью отстрела мешающих. Друг мой Егор, преступность продолжает расти! Её уже не уничтожишь на среднем уровне, только сверху! Надо нейтрализовать высшие властные структуры, вплоть до Генпрокурора и выше! Конунги это понимают и прибирают к рукам все нужные посты в государстве.

— К чему это ты?

— К тому, что меня, Витязя, направляют разбираться не на тот уровень, какого я достоин. Клуб спортсменов в Гришиной Слободе — мелкая проблемка, с которой должны управляться наши люди на местах. А я с трудом успел уберечь одну девочку... — Никифор замолчал, сунул в рот бутерброд.

— Какую? — не дождался продолжения Тарасов.

— Племянницу Шерстнева. В Катарсисе узнали, что его хотят припугнуть, заставить сократить численность Школы, которая превращается в эгрегор светлых сил. Пришлось мчаться к вам, вспоминать былые навыки.

— Успел?

— Только что из Фошни. Завтра в газетах или по телику новости узнаешь. Но это только полдела. Ниточки Замысла тянутся к местной Новой церкви и в Брянск. Буду заниматься ими какое-то время.

— Давай я помогу.

— Не шебуршись, Старый, у тебя другие заботы. Береги Сергия. С государственной мафией и повязанными ею по рукам и ногам чиновниками будет бороться другая команда.

— Ты же сказал, КОП распущена.

— Зато создан «Овёс».

— Что?

Хмель улыбнулся:

— Особый отряд по восстановлению справедливости, сокращенно «Овёс». Так ласково его прозвали члены отряда.

— Ты тоже в этом отряде?

— Нет, я чекист, на мне лежат задачи аварийного плана, когда требуется быстрое и прямое воздействие на ситуацию. Обычно же наша превентивная служба рассчитывает вектор воздействия на десяток ходов вперёд, чтобы само воздействие выглядело как случайность.

— Д-трафик... неужели работает?

— Милый мой, война нынче ведётся сначала в пространстве планов, замыслов и намерений, а уж потом на физическом уровне. Наш враг силен, умён и могуч, и справиться с ним можно, только переняв, изучив и применив его же хитрости и умения. А рассчитывать трафики он умеет. Возникновение Клуба спортивного совершенствования практически рядом со Школой Шерстнева и является по сути трафиком. Местные деятели Катарсиса этого почему-то не учли. Что очень странно. Приеду домой, поделюсь с начальством своими соображениями по этому поводу.

— Утечка информации?

— Может быть, утечка, может, прямое предательство. Мы тоже люди, понимаешь ли. — Никифор изобразил красноречивую ухмылку. — Поддаёмся соблазнам.

— Витязи?

— Не о нас лично речь. Но упорно проталкиваемый «Эсэсэром»¹ Проект Нового Управления Человечеством, начавшийся, между прочим, с внедрения в России в сфере образования Единого государственного экзамена, имеет некоторое количество весьма соблазнительных постулатов, за которыми удобно прятать прямо противоположные намерения. Не все, к сожалению, в Катарсисе это понимают. Но не будем о грустном. Где ты меня положишь?

В кухню вдруг тихо вошла Софья, на ходу застегивая халатик, улынулась:

— Никифор!

— Софи! — Хмель встал из-за стола, обнял женщину. — Рад тебя видеть. Ты не изменилась. Извини, что разбудил.

— Ничего страшного, выплюсь. Муж хоть накормил-то? —

¹ Имеется в виду СССР — «Система социальной стабилизации реальности», разрабатываемая Синклитом чёрных магов.

Софья бросила взгляд на стол. — Конечно, по-мужски, а у меня в холодильнике мясо запечённое стоит, в фольге.

— Забыл, не глянул, — почесал в затылке Тарасов.

— Тоже мне хозяин.

— Так ведь у нас ты хозяин, — сделал лъстивое лицо Тарасов.

Софья засмеялась, открыла холодильник, глянув на Никифора:

— Ты ему веришь?

— Конечно, — с готовностью подтвердил Хмель. — Я точно знаю, что ради тебя он готов на любой подвиг, даже отдать все обязанности по дому.

Тарасов тоже засмеялся.

Софья погрозила обоим пальцем:

— Мужская солидарность в самом извращённом виде. Мясо греть?

— Не стоит, — отказался Никифор. — Не хочу ложиться с набитым желудком. Чаю вот попью, и спать.

— Как хочешь. Отведай нашего варенья, свеженького. Я наварила земляничного и малинового, вот он в лес ходил с детьми.

Софья кивнула на мужа, достала варенье, розетки и ушла.

— Пейте, спокойной ночи.

Никифор с удовольствием напился чаю с вареньем, поговорил с хозяином о том о сём и лёг спать на веранде, защищённой от комаров не только сетками на дверях и окнах, но и волшебным словом, которому научили Тарасова волхвы.

В шесть утра Хмель тихо исчез, никого не разбудив, оставив только записку, что, возможно, он ещё побывает в гостях через пару дней.

Тарасов обругал себя, что не догадался встать пораньше и накормить друга, покачал головой. Никифор никогда не отличался особой застенчивостью, однако не любил никому надоедать и быть в тягость. Хотя сам был хозяином гостеприимным.

Послonyaвшись по дому и поняв, что больше не уснёт, Глеб Евдокимович решил съездить по грибы. Тем более что этот год выдался урожайным: бывалые грибники набирали зараз по два-три ведра боровиков.

Стараясь не шуметь, он собрался, стал искать кепку и наткнулся на пороге на Сергея. Мальчик был уже одет, в глазу — ни тени сна.

— Можно я с тобой?

Тарасов хмыкнул, поколебался, прижал палец к губам:

— Что с тобой сделаешь? Тихо, не буди остальных. Как ты учуял, что я собрался в лес?

Сергий смущённо улыбнулся, повёл плечом.

Тарасов прижал его к себе, подтолкнул к двери:

— Бери лукошко, идём.

Они вышли во двор.

Рассвело, хотя солнце ещё пряталось за зубчатой кромкой леса на востоке. Было прохладно, однако чувствовалось, что день будет жарким.

Глеб Евдокимович завёл свою синюю «Импрезу» восьмилетней давности, купленную ещё в Москве, но исправно продолжавшую службу, и машина, басовито заурчав мотором, выехала со двора.

Вокруг Жуковки почти все леса были завалены упавшими деревьями и заросли травой, поэтому грибные места надо было искать подальше от города. Тарасов любил ездить в Ковали, маленькую деревушку в пятнадцати километрах от Жуковки, на краю болотца, где местные жители показали ему и сказочно обильный малинник, и земляничные поляны, и богатые грибные наделы, где росли подосиновики, белые, подберёзовики, грузди и опята.

Доехали до Ковалей за четверть часа.

Поставили машину во дворе деда Ивана, с которым сдружился Тарасов, по утреннему холодку — только-только перевалило за семь часов — двинулись в лес, обойдя домики деревни по тропинке, огибающей болотце. Практически сразу же, в небольшой дубовой рощице, наткнулись на семейство белых. А чуть подальше, в распадке во мху, нашли чуть ли не целое поле лисичек.

Сергий запел.

Судя по всему, этой песенке его научил кто-то из старших, так как в ней встречались словечки типа «круголя» и «дрябко», а смысл её сводился к тому, что «не жалуйся, а живи и радуйся».

Через час у обоих было по полному лукошку роскошных лесных красавцев, а у Тарасова ещё и пакет с лисичками и рыжиками. Решили отдохнуть. Сели на горбики у мшистого пня, достали несложную снедь: огурчики малосольные, помидоры,

варёные яйца (Софья сварила их ещё вчера, для окрошки), хлеб, Тарасов открыл термос с горячим чаем, и оба с аппетитом позавтракали, испытывая одинаковое наслаждение от чистейшего воздуха, тишины и простой, но вкусной еды.

И вдруг Глеб Евдокимович почувствовал неуютное дуновение холодного ветра. Насторожился, сравнивая это ощущение с внутренними показаниями сторожа организма, и понял, что учуял чужое присутствие. Стало ясно, что в лесу, совсем недалеко, появились недобрые люди. Двое. И обоих явно интересовали грибки.

Тарасов посмотрел на Сергея, встретил его ответный понимающий взгляд.

— Они давно идут за нами, — тихо сказал мальчик.

— Что же ты сразу не сказал? — нахмурился Тарасов.

— Думал, ты знаешь.

— Такое впечатление, будто они включили фонарь.

— Мне они не нравятся.

— Мне тоже. Попробуем познакомиться?

— Зачем? — пожал плечами Сергей. — Я могу накрыть нас *непроглядом*.

Тарасов подумал:

— Хорошо, накрой. Но я бы всё же хотел выяснить, кто это и что им надо. Посиди здесь минут пятнадцать, никуда не уходи. В случае чего — покричи.

— Я их вижу...

Тарасов прищурился, разглядывая серьёзное лицо маленького ведича, как говорили в народе о несовершеннолетних колдунах.

— Как ты их видишь?

— Ну... почти так же, как тебя.

— Интересно... волхвы называют это устроением *тяма*. Опиши их.

Сергей закрыл глаза, поворачивал головой туда-сюда.

— Один такой молодой, в спортивном костюме, небритый... у него рюкзак за плечами... холодный...

— Почему холодный?

— Там всякие металлические предметы... злые...

— Оружие?

— Наверное, оружие.

— Второй?

— Этот старше, как ты, худой и высокий, с бородкой, в кожаном костюме. У него очень злая аура...

— Он вооружён?

— Не... палка в руке...

— Посох.

— И нож на поясе...

— Понятно. Странная пара. Что они делают?

Сергий снова покрутил головой справа налево и обратно.

— Смотрят в нашу сторону. Молодой достал бинокль... с такой ручкой сбоку... как телекамера с двумя объективами.

— Неужели «малый СЭР»?

— Что?

— Существует аппаратура для обнаружения противника за стенами и разного рода препятствиями, официальное название «малое средство для электронной разведки». Но откуда у этого спортивного хлопца СЭР? Такие штучки находятся только в ведении спецконтор. Да и зачем она ему в лесу?

Сергий промолчал.

Тарасов очнулся.

— Ладно, я всё же схожу к ним тихонько.

— Не надо, дядя Глеб, — попросил Сергей.

Тарасов хотел отшутиться, но посмотрел на смущённо-встревоженное лицо мальчика и передумал.

— А и правда, незачем мне туда идти. Бог с ними обоими. Как ты думаешь, они пойдут за нами, если мы рванём через болото?

— Не надо через болото. — Сергей улыбнулся, пригладив свои удивительные серебристые, будто рано поседевшие, волосы. — Они нас и так не увидят.

— Тогда идём к машине, на сегодня грибы кончились.

Быстро собрались, упаковались, двинулись вдоль края болотца к просеке, ведущей к дороге на Ковали.

— Ну, как они там? — поинтересовался Тарасов, когда грибки выбрались на дорогу. — Не следят за нами?

— Нет, они на старом месте, — сморщил нос Сергей. — Смотрят туда, где нас нет. Я там оставил *шэньши*.

— Что? — не понял Тарасов.

— Это как живое что-то шевелится.

— Видеодвойник?

— Не двойник, но отличить от человека издали трудно.

— Кто тебя этому научил?

— Дедушка Пахом, пестователь.

— Кажется, я знаю, о ком ты говоришь. Ладно, избавились от слежки, и то хорошо. Посмотрим, найдут они нас в Жуковке или нет.

Грибники вышли к деревне и обнаружили стоящий в кустах джип «Патриот».

— Вот на чём они приехали, — пробормотал Тарасов, обойдя джип кругом. — Таких тачек тут не было. Интересно, где водитель?

— Может быть, их двое с водителем? — предположил Сергей.

— Может быть.

Тарасов оглядел дома деревни, никого подозрительно глядящего на них не увидел и направился к дому деда Ивана. Поговорили минутку с дедом, одетым, несмотря на жару, в ветхую гимнастёрку времён Отечественной войны и такие же галифе, и через полчаса были дома, в Жуковке.

Никто их не преследовал.

Как сказал Сергей, двое с биноклем, позволяющим определять цели, продолжали следить за «призраками», оставленными маленьким ведичем в лесу.

И тем не менее Тарасов сделал вывод, что за ним начали следить некие «недобрые люди», что вовсе не доставляло ему удовольствия и добавляло хлопот.

Глава 5

Я ЖЕ ФАНТАСТ!

Воронежская губерния

Усманский бор, названный так по имени протекающей через него небольшой речки Усмань, напоминает зелёный остров, окружённый со всех сторон сельскохозяйственными землями, промышленными центрами и оживлёнными дорогами. Северную часть лесного массива занимает Воронежский запо-

ведник, на краю которого лет двадцать пять назад местные власти разрешили жителям Воронежа строить дачные посёлки.

Говорили, что Усманский лес был заповедником ещё во времена Петра Первого — в нём брали древесину для постройки судов Российского флота. Но не трёхсотлетние сосновые боры и дубравы послужили причиной создания Воронежского заповедника, а бобры.

К началу двадцатого века этих грызунов почти полностью истребили, небольшая колония бобров выжила лишь в пойме реки Усмань. Для защиты животных в тысяча девятьсот двадцать третьем году организовали первый заказник, затем питомник, и к началу двадцать первого века удалось восстановить и весь ареал распространения бобров.

Увидеть их можно теперь везде по ручьям и вдоль Усмани вплоть до впадения реки в реку Воронеж. Однако кроме бобров в лесу можно встретить и благородных оленей, завезённых в Воронежскую губернию из Германии ещё в конце девятнадцатого века, и косуль, и лосей, и летучих ушанов. Естественно, это обстоятельство лишь добавляло интереса к постройке коттеджей в лесу, с которыми бесстрашно сражалась комиссия Минприроды по борьбе с незаконными постройками в природоохраненных местах. Были застрахованы от судебных приставов только дачи вдоль просек и линий электропередач, даже если самих линий уже не существовало.

Чувствовал себя спокойно и отец Владлена Тихомирова, построивший домик в лесу, который он несколько раз достраивал и облагораживал, пока не превратил в усадьбу, где можно было жить в любые зимние холода.

Потом Денис Поликарпович умер от сердечного приступа в возрасте шестидесяти четырёх лет, и Владлен стал хозяином дачи, расположенной недалеко от кордона Ближний Бор, в двух километрах от села Боровое. К тому времени ему стукнуло сорок, и он, уже признанный писатель, практически переселился в Усманский Бор, превратившийся в небольшой дачный посёлок, практически забросив двухкомнатную квартиру в Нововоронеже, городке атомщиков, где на знаменитой атомной электростанции когда-то работала мать Владлена, Зинаида, также умершая рано, ещё до смерти отца.

Владлен женился, но через год развёлся, понимая, что мо-

лодая жена (ей тогда исполнилось всего девятнадцать лет) просто искала приключений, а не любви и верности. После этого он смотрел на брак с сомнением и до сорока трёх так семью и не создал. Хотя очень жалел, что у него нет детей. Поэтому всё свободное время он посвятил двум страстям: спорту — Владлен был заядлым теннисистом, и собирательству книг — его библиотека старой фантастики со времён начала двадцатого века и до середины девяностых насчитывала более четырёх тысяч книг.

Широкоплечий, с прямой спиной, гордой посадкой головы, ни намёка на живот, выглядел Владлен по-спортивному подтянутым, и лишь заметные залысины, открывавшие высокий лоб, по его мнению, портили ему «всю обедню». Тем не менее он нравился женщинам, все редакторши московского издательства МОЭКС были от него без ума, и лишь избранный Владленом отшельнический образ жизни не позволял ему удариться во все тяжкие и менять подруг как перчатки.

Впрочем, подруги находились, на некоторое время принимали спортивно-подвижнический образ жизни Тихомирова, но не выдерживали долгого отсутствия светско-тусовочных мероприятий и тихо исчезали. Так Владлен и дожил до своих сорока трёх.

Тихомиров был известен в России не только как оригинальный писатель-фантаст, создавший несколько циклов произведений о завтрашнем дне России и мира, но и как последовательный защитник истинной истории славянского Рода, опиравшийся на исследования российских историков и эзотериков. За это его часто критиковали, зато книги Тихомирова сразу становились бестселлерами и уходили влёт, неся людям пищу для размышлений и груз информации, заставляющий их и дальше искать истину в нагромождениях официально поддерживаемых лживых исторических концепций, навязанных россиянам иноземными «учёными».

Владлен как раз закончил один из таких романов под названием «Время древнего молчания», в котором его герои убедительно доказывали несостоятельность «норманнских и варяжских» теорий рождения Руси, ведущей свой путь от древней Гипербореи. А так как его уже ждал накопленный на следующий роман информационный материал, Владлен отдыхать не собирался. Он лишь дал себе несколько дней на обдумывание

концепции романа, которому присвоил условное название «Беспошадные, или Искатели жизни».

Основополагающей идеей романа должны были стать судьбы мировой цивилизации, сценарии глобального будущего, в котором России Запад отводил роль барьера между исламскими радикалами и террористами, Китаем и Европой, жаждущей быть над схваткой и управлять тем, что останется от этого мощного противостояния. Владлен прочитал на эту тему много различного рода материалов, в том числе и рассекреченные доклады ЦРУ и китайского Министерства госбезопасности своим правительствам. Подходы у этих ведомств к проблеме были разные, а выводы — почти одинаковые. Грезившие мировым господством военные отводили одну роль России — роль поставщика природных ресурсов, «стада рабов», а самой Земле русской — участь мировой свалки, куда остальные «лидеры цивилизации» могли свободно свозить запасы ядерных, химических, биологических и прочих отходов этой самой цивилизации.

Для романа же Тихомиров избрал слегка подкорректированный вариант такого сценария, названный в прессе «Спиралью Страха». В нём не только России, но и Европе грозили неслыханные катаклизмы и войны.

Суть «Спирали» была такова.

Радикальные исламисты создают «транснациональное теократическое общество «Новый халифат» и объявляют всему остальному миру «глобальный джихад».

Китай отвечает на угрозу, расширяя границы государства на юг и на восток. Начинается всеобщая террористическая война, в которой России приходится сражаться на два фронта. Война ведётся невиданными прежде методами, с помощью огромной сети законспирированных ячеек, рассыпанных практически по всем странам. Выявить их крайне сложно, так как все они действуют по своим планам и представляют собой фанатиков-смертников, использующих шкалу ценностей раннего Средневековья, когда жизнь человека не стоила ничего. И Европе, спрятавшейся «за спину» могучей России, и самой России приходится туго, потому что невидимой, но исключительно агрессивной силе, обладающей новейшими технологиями, противостоят старые структуры: танковые соединения, пушки, ракеты,

генералы со штабами, бюрократы и предатели в министерствах, ничего не знающие о законах шариата и рвущегося к мировому господству Китая.

Однако по идее Владлена всё у него в романе должно было закончиться хорошо.

Россия преодолевала демографический спад, выстояла, победила, остановила нашествие, и над Землёй засияло солнце мира и дружбы.

Конечно, все эти коллизии служили ему только фоном для действий героев, которым Владлен симпатизировал и которых описывал с удовольствием и любовью. Им стоило подражать, им не стыдно было сочувствовать, потому что они были благородны во всём, как бы это выпендрено ни звучало.

Хватало в романе и фантастики.

Во-первых: здоровые силы страны победили, и в России отменили Единый государственный экзамен, существенно снизивший творческий потенциал учеников.

Во-вторых: родилось и укрепилось поколение паранормов, представляющих собой новый вид человека разумного, живущего по совести и по справедливости. Хотя одновременно с ним, благодаря потере генов мужской Y-хромосомы, вдруг созрело и поколение «мутиков» — людей, представляющих собой «третий пол». Миллионы лет назад эта хромосома содержала более полутора тысяч генов, в начале двадцать первого века их осталось всего сорок, а ко времени действия романа — к середине двадцать первого века — меньше двадцати! Поэтому по замыслу писателя человечеству грозило исчезновение мужчины как вида, отчего уже сейчас компетентным органам стоило подумать о будущих поколениях, стремительно обретающих новые формы взаимодействия.

Качественный скачок — в ту или иную сторону, потеря мужских признаков, смена приоритетов сексуальных отношений, потеря любви как о с н о в ы жизни — всё это должно было заинтересовать не только простых читателей, жаждущих развлечений, но и тех, кто готов был бороться за человеческое в человеке.

И тем не менее главным достоинством книг Тихомирова было их стремление изменить жизнь к лучшему — то, чего так не хватало многим молодым людям в реальном плане бытия.

Машина у Тихомирова была — корейская «Хёндэ S-line» спортивного класса, однако в Москву на ней он ездить не любил. Не потому, что боялся рисковать на дорогах, а потому, что московские гаишники останавливали его по десятку раз на дню, что действовало на нервы.

На поезде не хотелось терять время. Поэтому он остановил свой выбор на самолёте.

Двадцать девятого августа среднемагистральный «Ту-204» доставил писателя в развивающийся аэропорт Шереметьево, откуда он за сорок минут добрался до издательства, полный радужных надежд и приятных ожиданий. Одет он был легко, полетному, в полуспортивные белые штаны со множеством карманчиков, белую футболку, белые же кросстуфли с дырочками, на плече — небольшая сумка, поэтому писателем Тихомиров не выглядел, скорее — спортсменом. Однако в издательстве его знали хорошо, ждали, и охрана на входе открыла турникет без обычного вопроса: к кому идёте?

Владлен поднялся на четвёртый этаж, нашёл дверь редакции фантастической литературы, вошёл и остановился, разглядывая интерьер первого помещения, где раньше стояли только шкафы с книгами. Теперь здесь стояли столы с компьютерами, за которыми сидели две девушки. Ни одну из них Владлен раньше не видел.

— Здравсьте...

— Здравствуйте, — оторвалась от экрана компьютера та, что сидела ближе к двери. — Вы к кому?

Владлен хотел пошутить, но посмотрел в её серо-зелёные лучистые глаза... и утонул в их сиянии, не в силах вымолвить ни слова.

Глаза девушки раскрылись шире, в них проскочила искринка усмешки.

— Тихомиров я, — выдавил Владлен. — К завредакцией...

Открылась дверь в соседнюю комнату, из неё выглянула редактор Наташа, с которой Владлен был знаком давно.

— Ой, Владлен Денисович, а мы вас ждём! Кирилл Леонтьевич скоро придёт, посидите пока у нас. Кофе хотите?

— Хочу, — сказал Владлен робко.

Незнакомка с большими серо-зелёными глазами улыбнулась.

Он улынулся в ответ, вдруг почувствовав прилив сил и желания порисоваться. Однако, уже открыв рот, сдержал эмоции и добавил, доставая из сумки коробку конфет:

— А давайте попьем кофейку все вместе? Начальства всё равно нет, никто и коситься не станет.

— Оно и так не косится, — махнула рукой Наташа, сделала приглашающий жест: — Девчонки, зовите мальчишек и пошли пить кофе с мастером. Кстати, — она лукаво прищурилась, кивнула на зеленоглазую, — у нас и своя Маргарита имеется. Познакомьтесь, Владлен Денисович, это Маргарита, или Марго, как мы её называем. А это Люся.

Владлен поклонился:

— Тихомиров, воронежский литератор, хотя по профессии астрофизик.

— А ещё он хорошо рисует и играет в теннис, — заметила Наташа, суетясь вокруг кофейного автомата.

— Я тоже играю в теннис, — сказала Люся. — Хожу в Клуб «Валери» на Живописной. А вы давно играете?

— Лет пятнадцать, — сказал Владлен, то и дело поглядывая на Марго; лишь много позже, анализируя встречу, он оценил и другие достоинства Маргариты и понял, что она необыкновенно мила и женственна, но в данный момент главную роль играли её глаза.

Открылась еще одна дверь в редакторскую комнату, и появились мужчины — Дима и Вася, с которыми Владлен также был знаком давно. Оба хорошо знали фантастику, ценили юмор и уважительно относились к классикам жанра.

Речь зашла о теннисе.

Оказалось, все в редакции любят этот вид спорта и регулярно смотрят соревнования по телевизору. Люся, игравшая, по её словам, «с пелёнок», свободно оперировала терминами «смэш» и «хавкорт», Владлен смешно интерпретировал их значение в «смерш» и «короткий хлеб», и общее кофе- и чаепитие получилось весёлым и дружеским.

Подошёл заведующий редакцией Кирилл Леонтьевич Шакурин, молодой, энергичный, прекрасно разбирающийся в литературе и вообще весьма эрудированный (например, его знаниям в области алкогольных напитков позавидовали бы иные сомелье), и беседа продолжалась ещё какое-то время, пока Ки-

рилл Леонтьевич не показал подчинённым, — движение бровью было почти нечитаемо, но редакторский отдел хорошо знал мимику своего шефа, — что пора приступать к работе. Через минуту все занимались своими делами.

Владлен с тайным вздохом проводил глазами зеленоглазую Марго, покинувшую редакцию, и зашёл к заведующему в кабинет. Отдал дискету с текстом романа. Спросил, кивая на дверь:

— Давно у вас эти... перестановки?

— Два месяца назад увеличил штат, — ответил Шакурин, то и дело отвечая разным абонентам по мобильнику. — Станный всплеск покупательской активности на фоне общего падения интереса к чтению книг. Уже понятно, что книга потихоньку уходит, сдавая позиции компьютерам и мобильным телефонам, да и в продажу поступает все больше гибких смартиков.

— Я бы не купил, — сказал Владлен осуждающе. — Читать с ладони труднее, да и кайф не тот.

— Согласен, но молодёжь думает иначе. Тем не менее у нас пока идиллия, приходится работать с большей нагрузкой. Подумываем о расширении редакции, будем издавать электронные книги на разного рода физических носителях.

— DVD?

— Не только, на любых носителях, имеющих уже разработанные программы, в том числе на смартиках. Для этого, кстати, и взяли нового сотрудника. Вы её видели — Маргариту.

— Симпатичная девочка, — небрежно бросил Владлен.

Шакурин улыбнулся:

— Девочкой назвать её трудно, ей двадцать шесть, плюс две трёхлетние дочки — у неё двойня.

— Что же муж заставляет работать при таком положении?

— Она вдова. Муж погиб в автокатастрофе, он был гонщиком. Сейчас Маргарита одна, живёт в Бутове с бабушкой.

Владлен невольно покачал головой:

— А с виду не скажешь, что у неё двое детей...

— Она славная, исполнительная, хороший специалист. В общем — подарок судьбы, как говорится, вот только счастье своё не нашла. Хотя, с другой стороны, дети — тоже счастье?

— В наши времена трудно растить их одной, несмотря на пособия и соцпомощь. Если никто больше не помогает.

— Такова жизнь, — философски заметил Шакурин. — Заби-

рает то, что совершенно необходимо, подсовывает то, что совершенно не нужно.

— Жизнь полна страданий, — кивнул озадаченный Владлен, размышляя над словами собеседника. — Но прекращение страданий возможно, и есть путь, выводящий человека из этого состояния.

— Вам видней, вы об этом пишете, — улыбнулся Кирилл Леонтьевич. — Кстати, мне звонили странные люди, требовали, чтобы издательство больше не печатало ваши книги.

— Как? — удивился Тихомиров.

— В самом прямом смысле. Грозили, что, если мы опубликуем новую книгу, нами займётся Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями.

— Круто! На вас накоплен компромат?

— Компромат можно слепить практически на каждую коммерческую структуру. Хотя надеюсь, что мы ничего противозаконного не делаем.

— И что же вы решили?

Шакурин снова улыбнулся:

— Будем печатать. Вот договор, читайте.

Владлен бегло просмотрел текст договора, стандартного по своей применимости на территории России, подписал.

— Аванс получите в бухгалтерии, — сказал Кирилл Леонтьевич. — Но с октября этого года мы просим вас рассмотреть предложение по безналичному расчёту и налоговому обслуживанию. У нас создаётся новая структура, облегчающая жизнь писателей, особенно тех, кто сотрудничает с издательством эксклюзивно. Вам даже не придётся самому ежегодно составлять налоговые декларации.

— Прекрасно! — пожал плечами Владлен. — Всегда готов. Скажите, Кирилл, а удобно ли будет, если я...

Он хотел сказать: «Удобно ли будет, если я приглашу Маргариту в ресторан?» — но сдержался.

— Что удобно? — спросил Шакурин, блеснув глазами. — Взять над Маргаритой шефство?

Владлен смутился.

— Я хотел просто...

Заведующий редакцией с улыбкой махнул рукой:

— Думаю, вы не нуждаетесь в рекомендациях издательства.

Скажу только как мужчина мужчине: Марго — изумительная девушка! Мне она тоже нравится... — Он сделал строгий вид. — Как редактор.

Тихомиров засмеялся, ощущая облегчение.

— Я вас понял. И прошу прощения.

— Ну что вы, это же здорово, когда сотрудники издательства нравятся писателям, да ещё таким известным. Заходите к нам чаще.

Владлен пожал руку Шакурину, попрощался с редакторами, по-прежнему не видя Маргариту, и направился в бухгалтерию, гадая, где девушка может быть.

Разгадка пришла сама собой: зеленоглазая Марго встрети-лась ему на лестнице, ведущей на пятый этаж здания, где находилась бухгалтерия издательства.

— Уже уходите? — остановилась девушка.

Сердце ухнуло вниз, слова застряли в горле, потребовалось значительное усилие, чтобы сохранить внешний уверенный вид.

— Ещё остались кое-какие дела. Зато потом я свободен как птица, в отличие от вас. Кстати, — вдруг решился Владлен, — я не слишком вас шокирую, если приглашу в ресторан на ужин?

— Нет, не слишком, — улыбнулась Маргарита. — А я не слишком вас огорчу, если откажусь?

— У вас вечером дела? — сокрушённо кивнул он.

— Дети, — ответно покачала она головой. — У меня две девочки, Аня и Саша.

— Плюс бабушка.

— Откуда вы знаете?

— Из милиции сообщили.

— Правда?!

Владлен засмеялся.

Маргарита сконфузилась.

— Я сморозила глупость.

— Существует справедливый баланс: женщины чаще говорят глупости, мужчины чаще делают. Я просто пытался пошутить. И всё же я бы очень хотел встретиться с вами. Неужели бабушка не посидит с девочками?

— Вы действительно этого хотите?

— Ну конечно, честное слово! Я уже давно ищу смысл жизни и никак не могу найти. Вы мне поможете.

Маргарита улыбнулась:

— Моя приятельница тоже так иногда говорит: ищу смысл жизни, — и добавляет: найду — перепрычу, без него жить легче.

Владлен снова засмеялся, ощущая пьянящую окрылённость.

— Так вы согласны?

Маргарита неопределённо повела плечиком, поглядывая то на папку в руке, то на дверь, ведущую к выходу на этаж, потом кивнула:

— Хорошо, давайте сходим.

— Отлично! — обрадовался Тихомиров. — Я подъеду к издательству к шести, вас устроит?

— Нет, не надо к издательству, лучше встретимся где-нибудь в центре, на Пушкинской площади, в семь часов.

— Хорошо, как скажете. Куда пойдём?

— Мне всё равно.

— И мне всё равно, я Москву не очень хорошо знаю.

— Тогда пойдём в «Пушкин», это совсем рядом с памятником Пушкину. Говорят, там очень вкусно готовят.

— Ну и прекрасно! Посвятим вечер чревоугодию. В семь буду вас ждать у памятника.

Маргарита кивнула и быстро побежала по лестнице вниз, только каблучки застучали.

Владлен остался на лестнице, испытывая эйфорическое чувство победы над пространством и над собой, что было важнее. Он всегда знакомился с девушками трудно, несмотря на спортивно-решительную внешность, особенно с теми, кто ему нравился, но тут вдруг переступил некую черту и почувствовал себя творцом того самого смысла жизни, о котором только что шутил.

В половине седьмого он уже ждал Маргариту у памятника Пушкину с красной розой в руке. Гуляющих в этот жаркий августовский вечер было мало, и на него посматривали с укоризной, как ему казалось, будто именно он был виноват в опустившейся на город жаре. Однако Владлен стойко терпел зной и был невозмутим, как змей, ожидавший жертву.

Это сравнение пришло на ум неожиданно, и он обдумал его со всей серьёзностью, пока не отверг начисто: Маргарита на

жертву не походила, несмотря на своё зависимое положение, а он сам на змея не тянул.

Девушка появилась из подземного перехода минута в минуту, одетая в лёгкий летний сарафан, с белой сумочкой через плечо.

— Я не опоздала?

— Нет, — заулыбался Владлен, протягивая розу и откровенно любуясь её фигурой. — Я жду вас всего три часа.

Маргарита засмеялась. Она вообще была очень непосредственна и не боялась улыбаться и смеяться.

— В таком случае я вас прощаю.

— За что? — озадачился он.

— Если бы вы ждали меньше, я бы не пришла. — Маргарита понюхала розу. — Красивая... идёте?

— Может, сначала погуляем по бульвару?

— Давайте погуляем.

Они спустились в переход, вышли на Тверской бульвар, медленно двинулись в противоположную от кинотеатра «Пушкинский» сторону.

Мимо с криками пробежали какие-то смуглолицые парни, толкая прохожих. И тотчас же с двух сторон к ним кинулись люди в штатском, появилась милиция. Смуглолицых настигли, умело повалили на асфальт, быстро заковали в наручники. Подъехали два джипа, — всё это на глазах не особенно удивившихся гуляющих, — парней затолкали в машины, и те уехали. Стало тихо.

— Ничего себе! — опомнилась оторопевшая Маргарита.

— Классная работа! — кивнул Владлен со знанием дела.

— Вы о чём?

— О задержании. Наверно, мы стали свидетелями какой-то операции по захвату бандитов. Причём это явно приезжие, да ещё исламисты.

— У нас много исламистов, — поёжилась девушка. — Каждый день кого-то грабят, бьют, дерутся, убивают. Прямо джихад какой-то!

— Джихад — это священная война с неверными, — сказал Владлен. — И объявляют его как раз радикальные исламисты, фанатики, далёкие от истинных религиозных установок. Кстати, с одной стороны, это уродливое явление, а с другой — зако-

номерная реакция древней культуры на агрессивную антикультуру Запада.

— Но ведь исламисты уничтожают всех: и своих, и чужих, добрых и злых, плохих и хороших!

— А ты попробуй отделить плохих от хороших, — перешёл на «ты» Владлен. — Сможешь?

Маргарита подумала.

— Не знаю...

— Вот видишь? Я тоже иногда не могу сразу определить, плохой человек встретился или хороший. Многие говорят так умно и красиво, что веришь каждому их слову. А на поверку выходит — это просто пустозвон. Встретился мне недавно один такой — изумительные речи вёл, всю подноготную властных структур поведал, рассказал, как надо управлять государством, а потом просто кинул в одном деле...

— Каком?

— Это не интересно, — пробормотал слегка расстроившийся Тихомиров. — Всё уже в прошлом. Но говорить он умеет и в самом деле свехубедительно.

— Недаром существует пословица: человек не то, что он говорит, а то, что делает.

— Ты права.

— Я тоже сталкивалась с такими людьми. Но как же быть? Злых и бессердечных людей больше.

— Есть только один способ — натравить зло на зло! И воспитывать детей в правильном направлении. Слыхала что-нибудь о Школах Шерстнева?

— Нет.

— Это удивительные Школы, воспитывающие детей согласно древним традициям и открывающие их таланты.

— Вы учились в такой Школе?

— Зови меня на «ты». Нет, я не учился в Школе Шерстнева, но знаю о процессе от людей, которые близки к воспитанию нового поколения. Дети в этих Школах проходят весь курс обычной средней школы за четыре-пять лет. Представляешь? Кстати, твои девочки тоже могли бы там учиться.

— Вряд ли у них есть способности...

— Способности есть у каждого ребёнка, их только надо уметь выявить. Что и делают учителя в Школах Шерстнева.

— Разве они есть в Москве?

— Не знаю, — смутился Владлен. — Но узнаю. Посидим на скамеечке? Или пойдём ужинать?

— Мне расхотелось гулять. И очень есть охота!

— Чего же мы ждём?

Они перешли бульвар и двинулись к ресторану «Пушкин», рядом с которым красовалось новое здание из стекла и стали — культурный центр «Старый Свет». Тихомиров хотел предложить спутнице зайти в центр, но подумал, что она, наверно, уже посещала «Старый Свет», и передумал.

Народу в ресторане было много, но их всё же усадили у окна, и гости принялись изучать меню в толстых, кожаных, с застёжками, бюварах, с любопытством читая рецепты на старорусском языке.

Выбрали «стерлядь заморожённую» и пти пате — маленькие пирожки с потрошками и грибами. Плюс «салат мужской».

— Что будешь пить? — спросил Владлен.

— Честно говоря, я редко пью вино, — смутилась Маргарита, — и вовсе не разбираюсь в марках вин.

— Давай спросим у официанта. — Владлен подозвал вежливого молодого человека, обслуживающего их столик. — Посоветуйте, что у вас подаётся к рыбе?

— Бутылочку или в розлив?

Владлен посмотрел на девушку:

— Одолеем бутылку?

— Я только хочу попробовать...

— Тогда по бокалу.

— Есть «Фюр дю Пойнт», очень нежное, — сказал официант.

— Хорошо, несите.

Официант удалился.

— Можно было бы взять шампанское, — сказал Владлен, — но по опыту моего друга Жени Шилова шампанское пьют кеткетки и хохотушки и пьянеют практически мгновенно.

— Да? — удивилась Маргарита. — Я не знала.

— Водку пьют волевые, сильные женщины с твёрдым характером, знающие цель в жизни.

— А коньяк?

— Коньяк предпочитают женщины среднего возраста, нуждающиеся в тепле, заботе и ласке. Пьянеют, кстати, тоже быстро.

— Вы... ты и об остальных алкогольных напитках знаешь, кто что пьёт?

— Не я, я практически не пью, но для меня, как для писателя, важно знать такие нюансы. К примеру, виски пьют уверенные в себе женщины, без комплексов, а выпив, могут действовать непредсказуемо. Текила — для экстравагантных взбалмошных барышень. Джин-тоник вообще потребляют девушки, мало в чём разбирающиеся.

— Как я.

— Ты скорее исключение. Что ты обычно пьёшь по праздникам?

— Да почти ничего, — пожала плечами Маргарита. — Шампанское пару глотков, вино... сухое.

— Красное или белое?

— Красное.

— Красное вино пьют эмоциональные страстные натуры. Они неподражаемы в... — Владлен осёкся, сообразив, что может быть понят превратно.

— В чём?

— В опьянении.

Маргарита улыбнулась:

— Я ещё ни разу не была пьяной.

— Этот порок мы преодолеем. Чего ещё ты не умеешь?

— Готовить. Поэтому я была плохой женой.

— Все плохие жёны начинали как хорошие невесты. Готовить можно научиться, было бы желание. К примеру, я тоже не умел готовить, да нужда заставила овладеть этим искусством. Теперь я умею почти всё. — Он подумал. — Хотя мама готовит лучше.

Официант принёс вино, показал бутылку, плеснул в бокал.

Владлен покрутил бокал, пригубил вино, кивнул:

— Вы правы, оно нежное, наливайте.

Официант налил два бокала, удалился.

— За что выпьем? — подняла бокал Маргарита.

— За приятное знакомство, — поднял свой Владлен. — Если честно, я даже не надеялся, что ты согласишься встретиться. А теперь у меня такое чувство, будто мы знакомы с детства.

Они чокнулись, отпили по глотку.

— Вкусное, — похвалила Маргарита, — и совсем не кислое. Что ты на меня так смотришь?

— Любуюсь, — откровенно признался Владлен. — Ты красивая. Хотя мой друг любит повторять, что счастье — иметь красивую жену и горе — иметь такое счастье.

Маргарита засмеялась.

— Твой друг оригинал. Ему повезло?

— В каком смысле?

— Жена у него красивая или уродка?

— Он был женат трижды, так что его поиск не закончен.

Принесли пти пате.

— На вид очень аппетитно, — сказала Маргарита. — Но если я буду есть пирожки, то располнею.

— Боишься располнеть — выпей пятьдесят граммов коньяку.

— И что, помогает?

— Коньяк притупляет чувство страха.

Маргарита снова засмеялась, взялась за пирожки.

Пти пате оказались очень вкусными, Владлен даже пожалел, что заказал всего три пирожка. Но потом принесли стерлядь, и думать о другом стало недосуг.

Они с удовольствием поужинали, болтая обо всём на свете, что интересовало обоих, и закончили трапезу зелёным чаем со сладкими «вкусностями», которые соблазнила отведать Маргарита.

Потом Владлен провожал девушку домой, читал стихи и, когда она ушла, — никаких поцелуев, никаких обещаний будущих встреч, только номер телефона и задумчивое «позвони», — долго смотрел на окно её спальни на седьмом этаже дома в Бутове. Опомнился он, когда взошла луна, в половине двенадцатого.

Пришлось ловить такси и мчаться на вокзал, чтобы не опоздать на поезд в Воронеж. Но и в поезде он долго не мог уснуть, вспоминая встречу с Марго, её смех, мягкие шутки, расставание у подъезда, пока наконец под утро не пришёл сон: сам Пушкин Александр Сергеевич сошёл с пьедестала на Пушкинской площади в Москве, обнял его за плечи и пророкотал:

— Ай да Владлен Денисович, ай да сукин сын, неужто влюбился?..

В квартиру Тихомиров вошёл в одиннадцать часов утра и остановился у двери, озадаченный помехой.

Одежда из шкафа в прихожей лежала на полу!

То же самое обнаружилось в гостиной и в спальне: разгром,

разбросанные по всем углам вещи, одежда, книги. На столе в кабинете стоял включённый компьютер. Дискеты с текстами произведений исчезли, на столе валялся расколотый надвое пластмассовый держатель дискет. В воздухе стоял заметный запах чего-то кисло-горького, как сгоревший порох.

Владлен, ошарашенный увиденным, начал было собирать книги, машинально тронул клавишу на клавиатуре, но экран монитора остался пустым, блекло-водянистым, как дно ручья. Ни одна программа, в том числе Windows, не включалась. Через минуту стало ясно, что записи в компьютере стёрты. Все! Не сохранилось ничего, в том числе — хранящиеся в памяти файлы романов.

— Ни хрена себе! — пробормотал Владлен, опускаясь на стул. — Кто же это здесь похозяйничал?!

Зазвонил телефон.

Владлен вздрогнул, потянулся к трубке.

— Тихомиров? — зазвучал в трубке густой, астматичный мужской голос.

— Слушаю вас.

— Забери свой роман из издательства!

— Что?! Вы о чём?! Кто вы?!

— Забери роман, Достоевский! Иначе будет плохо и тебе, и твоим друзьям в издательстве! Понял? Вспомни совет.

— К-какой совет?

— Твоего дружка-однокашника: думай много, говори мало и ничего не пиши.

— Что за идиотизм! — возмутился Владлен. — Кто это шутит?!

— Шутки кончились, писака! Мы тебя предупредили!

В трубке зазвучали гудки отбоя.

— Мать вашу! — выдохнул Владлен, сжимая в руке телефон и видя перед собой лицо Маргариты.

Глава 6

КАТАРСИС

Ветлуга

Давно Крутов не чувствовал такого подъёма сил. За день он успел сделать множество дел, решил кучу проблем, пообщался с Ираклием, приехавшим на сход Славянских Об-

щин, и даже позанимался спортом: он больше полутора часов играл со старшеклассниками Школы Шерстнева в волейбол.

Приехал домой, довольный миром и собой. Поделится с женой мыслями о предстоящей поездке в Москву, покосился на её животик под полупрозрачным кимоно. Она перехватила его взгляд, покачала пальцем:

— Не сглазь!

— Да я не глазливый, — улыбнулся он, обнимая Елизавету, сделал строгое лицо. — Не повторить ли нам процесс? Чтобы не сомневаться в успехе посева?

Она засмеялась, выскользнула из объятий мужа.

— Вечером, муженёк, вечером, сейчас к тебе придут гости, не забыл?

Он спохватился, кинул взгляд на часы:

— Накрывай на стол, я сейчас.

Но переодеться Крутов не успел. В его кабинете уже сидели гости, умеющие пользоваться *легкоступом*. Это были волхвы, пестователи Общины «Родолюбие» Онуфрий и Дементий. Онуфрий, высокий, худой, седоголовый, прибыл из Фошни Жуковского района Брянской губернии, Дементий — кряжистый, темнолицый, с лысиной на полчерепа, полная противоположность Онуфрия, — из Воронежа. Оба встали, когда вошёл Крутов, поклонились, демонстрируя почтение.

— Извините, отцы, — сказал Крутов, пожимая руки обоим, — увлёкся спортом, только явился вот. Ужинать будем?

— Недосуг, — качнул головой Онуфрий. — Время, которое у нас есть, — это возможности, которых у нас нет.

— Философ доморощенный, — усмехнулся Дементий. — Сразу видно, что ты бывший учитель семинарии.

— Я просто праведник.

— Праведную жизнь обычно начинают вести тогда, когда на грешную уже не остаётся ни сил, ни желаний.

— Человек, обладающий разумом, всегда будет вести себя соответственно внутренним законам совести.

— Разум — хитрая сволочь, — согласился Дементий, — всё время велит делать не то, что хочется.

Крутов рассмеялся.

— Вы напомнили мне разговор двух пенсионеров. Один со вздохом говорит: «Старость — не радость». Второй ему ворчли-

во отвечает: «И молодость — гадость!» Если дорожите временем — начинайте.

— Слушаюсь, Владыко, — смиренно сказал Онуфрий. — Ведомо ли тебе, что наши аналитики сделали общий социальный анализ развития России?

— Ведомо.

— Тогда тебе должен быть понятен сценарий развития событий, предлагаемый агентами влияния Синклита.

— В России сейчас возможны два варианта развития событий, — усмехнулся Егор Лукич. — Наихудший и маловероятный. Диктатуры не предвидится, что не даёт повода для оптимизма, а демократия выродилась в паразитическую форму существования — похеризм. Однако нам есть над чем работать, об этом и поговорим.

— Какой-то остроумец заметил, — проворчал Дементий, — что диктатура плоха тем, что ограничивает возможности ума, демократия же нехороша тем, что в ней не ограничены права глупости.

— Как сказал другой остроумец: с глупостью даже боги бороться бессильны. Но к делу, други.

— Никифор Хмель завершает свою миссию в Брянской губернии, — сказал Онуфрий. — Но это паллиатив. На какое-то время чёрная паутина там увянет одновременно с ликвидацией «спортивного» Клуба и местных агентов Синклита, но вряд ли надолго. Нам же надо уберечь Серебряного мальчика и не привлечь внимание к Школе Шерстнева.

— Мы победим! — прогудел Дементий.

Крутов покачал головой:

— Не только в России или на Земле, но и вообще в нашей Вселенной победа светлых сил возможна, но даётся она с превеликим трудом и изрядной долей горя, боли и печали. Все мы должны смириться с этим законом.

— Может быть, и должны, — тем же ворчливым тоном сказал Дементий, — однако согласно учению о Родочеловеке мы более должны жить по другому закону, отрицающему власть Тьмы. В России же нынче всё наоборот, несмотря на внешнее благополучие и рост экономики. Знаешь ли ты, Владыко, что за время реформ с начала девяностых годов прошлого века и по нынешние времена с лица земли нашей исчезли двадцать пять тысяч деревень, сёл и посёлков?

— Знаю, пестователь. Это результат принудительного разгрома крупных коллективных хозяйств, введения в оборот земли через куплю-продажу и резкого сокращения государственной поддержки.

— Государство разорило нашего производителя сельскохозяйственной продукции, что усугубило ситуацию, — добавил Онуфрий. — Мы сегодня ввозим из-за границы почти пятьдесят процентов продовольствия, а из сельхозоборота уже выведено более тридцати миллионов гектаров угодий. — Он посмотрел на Дементия: — К чему ты об этом речь завёл?

— К тому, что Русь не встанет на ноги без поддержки крестьян. Многие ли понимают это наверху? Не нацелить ли один из наших векторов на решение этой проблемы?

— Мы уже думали над бедственным положением землепашцев, — сказал Крутов. — Коллапса сельского хозяйства не будет, как не будет у нас и развитого производства генетически изменённых продуктов. Катарсис возрождается в полной мере, вместе с аналитической службой и службой предупреждения преступлений. Вы это знаете. Как только Никифор Хмель закончит свою миссию, пошлите его ко мне, он мне нужен.

— Хорошо, Владыко, — кивнул Онуфрий.

— Что у вас? — посмотрел Егор Лукич на Дементия.

— То же, что и везде, — буркнул волхв, хмурия брови. — Эта зараза — стремление к потреблению без желания что-либо производить — перекинулась с Запада и к нам.

— Благодаря телевидению и Интернету, — вставил Онуфрий, добавил с кривой усмешкой: — Я теперь в хакерах вижу чуть ли не спасителей человечества, мешающих молодёжи уходить в виртуальные миры.

— Молодёжь теряет способность глубоко мыслить и творить, не желает заниматься самостоятельной деловой активностью... — Дементий замолчал, горестно махнул рукой, отвернулся. — А наша пропаганда здорового образа жизни не находит достаточного количества сторонников.

— Одна надежда — Школы Шерстнева, — вздохнул Онуфрий. — Но и у них начали возникать проблемы. Им не дают возможности роста. Синклит понимает, что ученики Школ образуют мощный эгрегор светлых сил, и увеличивает давление

на систему образования. Всё, что мы смогли сделать, — это добиться рассмотрения в правительстве отмены ЕГЭ.

— Что ж, и это победа, пусть и малая. А Школы мы будем защищать всеми имеющимися у нас средствами. По Воронежской губернии есть конкретика?

— Нам удалось снять главу Елань-Коленовского района, — сказал Дементий. — Он открыто начал преследовать Славянскую Общину и обвинять наших потворников в антигосударственной деятельности. В то же время при его поддержке в районе строится храм БЕСа. Но теперь на его месте работает нормальный человек. Думаю, и храм не будет построен.

— Установили, кто за ним стоит?

— Конунг Замятин.

Крутов помолчал, вспоминая давнюю встречу с начальником службы безопасности олигарха Сосновского, перешедшего потом в ФАС. В те времена Иван Шенгерович Замятин в конунгах не числился.

— Вырос наш полковник, конунгом стал. Что ж, я сориентирую ЧК. Что ещё?

— В Нововоронеже живёт и работает писатель Владлен Тихомиров, известный неожиданной фантазией и в особенности своим живым участием в деле Союза Славянских Общин. Он считается фантастом, на самом же деле философия его произведений близка нашей. Романами Тихомирова зачитываются миллионы людей. По сути он — п р о в о д н и к Родноверия. Естественно, Синклит не мог не заинтересоваться его работой и, похоже, начал на него атаку.

— Откуда вам это стало известно?

— Один из наших потворников, Дмитрий Хвостов, лично знаком с Тихомировым. Недавно писатель сдал в издательство МОЭКС новый роман, и тут же в его квартиру проникли некие злодеи и уничтожили все записи в компьютере. Хорошо, что у него многие тексты записаны на флэшку, как принято говорить. Однако, кроме нападения на квартиру, Тихомирову «посоветовали» по телефону, чтобы он больше не писал в продолжение темы о Древней Руси. Мало того, кто-то звонил и в издательство, предлагал купить роман Тихомирова, а потом пригрозил, что у издательства будут неприятности, если оно опубликует роман.

Крутов покачал головой:

— Издательство испугалось?

— Судя по всему, не очень.

— Литература — очень важная часть жизни людей, она организует моральное пространство не хуже, чем повелительный императив. Нам следует поддерживать все светлые начинания в этой области управления людьми. Что за роман сдал Тихомиров?

— Об истинной истории Рода, хотя и с вольными допущениями. Он должен замкнуть цикл «Очищение». По мысли писателя, роман способствует прорыву Светлых Сил в реальность.

— За парнем начнётся охота.

— Я дал задание нашему региональному отделению службы взять Тихомирова под свою опеку. Но ты же знаешь, Владыко, Витязей не хватает, они и так работают днём и ночью, на пределе.

— Хорошо, я обговорю ситуацию с Ираклием. Однако надо мыслить масштабнее и сражаться не с последствиями, а с причинами явлений. Пора выходить на чёрных слуг Синклита и уничтожать!

— Легко сказать — уничтожать, — проворчал Дементий. — Их сначала найти надобно.

— Разве наша разведка ест хлеб даром?

— Не даром, но вычислить конунга, скрывающегося за личиной добропорядочного слуги народа, очень трудно.

— Могу помочь.

Дементий недоверчиво посмотрел на Крутова:

— Владыко, твоё ли это дело?

— Недавно я проанализировал данные ГАИ по Москве, и знаете, что обнаружилось? За последние три года в столице явно обозначились места у д о б н о г о манёвра автотранспорта, где никогда не бывает пробок. Манёвр же всегда возможен и приводит заинтересованное лицо к контролируемым государственным трассам. Всего таких зон в столице шесть. Из них три принадлежат президенту, кремлёвской администрации, премьеру и руководителю Думы. Остальные три никак с ними не связаны. Почему бы не проверить, кто поселился в центрах этих зон?

Онуфрий и Дементий переглянулись.

— Ты думаешь, — вопросительно поднял бровь Онуфрий, — эти зоны создали конунги?

— Конунги или их эмиссары.

— Проверим, — кивнул Дементий. — И не только в Москве, но и по всей России. Система социальной стабилизации реальности, пестуемая конунгами, не сработала, но храмы Братства Единой Свободы продолжают строиться. Синклит не оставляет надежды добиться полного пси-программирования страны. В Воронеже тоже появился один такой храм, на месте бывшей Православной церкви Михаила и Амвросия. Новый БЕС уже работает, активно привлекает молодёжь. Надо обратить на него самое пристальное внимание.

— Помощь ЧК нужна?

— Нам помогает подвижник Селифан, однако вполне возможно, что понадобится хирургическое вмешательство.

— У вас там есть школы *живы*.

— По сути, это филиал Школы Шерстнева, который вполне способен стать эгрегорным «резонатором». Но мы ещё не опирались на него как на источник светлого воздействия. К тому же мы надеялись, что Катарсис — как система Сопротивления «чёрной власти» — будет быстрее реагировать на будущие изменения иерархии земной пси-структуры.

— Принимаю упрёк, — поморщился Крутов. — Это моя вина, что Замысел по очищению нашей земли от надвигающейся тучи сатанизма до сих пор не разработан. Я работаю с ним. «Новая революционная инициатива», испытанная в Югославии, Украине, Грузии, Азербайджане, странах Балтии, работает по одному шаблону, созданному Синклитом, но её применение нелинейно и приводит к ветвлению альтернативных путей развития слабых стран. Мы этого не учитывали.

Онуфрий и Дементий снова обменялись взглядами, согласно кивнули.

— Теперь о мальчике. Не плохо ли мы сделали, что перевели его в Брянскую губернию? Непокойно там.

Онуфрий огладил седую бородку, помедлил.

— Непокойно нынче везде. Нужна триада для его защиты, постоянная и надёжная. Боюсь, Витязь Глеб один с задачей не справится. Его мы не трогали, считая, что он будет контроли-

ровать деятельность Школы и помогать Шерстневу. Сергей — дополнительная нагрузка.

— Сергей — наша надежда. Думайте, предлагайте варианты. — Крутов развёл руками. — Мы не должны ошибиться. У вас всё, отцы?

— Слава богам! — встал Дементий.

За ним поднялся и Онуфрий.

— Хочу попрощаться с хозяйкой и извиниться за отказ от трапезы.

— Она не обидится. Но попрощаться надо.

Гости вышли из кабинета, встретили Елизавету, выглянувшую из кухни. Она всплеснула руками:

— Уже уходите? А я ужин приготовила, кваску холодненького.

— Квасу отведаем, — согласился Дементий, — а ужинать некогда, уж прости, хозяйка.

Волхвы напились и вышли.

Егор Лукич и Елизавета посмотрели друг на друга.

— Они чем-то расстроены, — тихо сказала женщина. — Что-то случилось?

— Пестователи чуют недобрые времена, — рассеянно проговорил Крутов. — Люди катастрофически теряют веру в доброе, светлое и вечное. А отними у человека веру, что с ним станется?

— Он не жилец на свете.

— Гораздо хуже, если он станет проводником чёрных сил. Вот тогда миру действительно конец. Но ведь мы ещё поборемся?

Елизавета прижалась к груди мужа...

Глава 7

ЕДУ, ЕДУ, НЕ СВИЩУ...

Брянская губерния

Больше всего Никифора поражала статистика. По роду деятельности ему часто приходилось знакомиться со статистическими выкладками по той или иной проблеме, и он всегда удивлялся, почему люди что-то любят, ненавидят или чего-то боятся. Потом, со временем, удивляться он перестал, только качал головой, изучая полученные данные. По его мнению, су-

шествующая поговорка: есть ложь, есть большая ложь и есть статистика, — почти полностью укладывалась в русло действительности. Лишь одна цифра статистики отвечала тем впечатлениям, которые сложились у Хмеля лично: семьдесят процентов населения России испытывали страх перед людьми в милицеской форме. А последние реформы в Министерстве внутренних дел только усугубляли ситуацию. Не помогала и серьёзно работающая в этой сфере служба внутренних расследований МВД, выводящая на чистую воду коррупционеров в милицеских погонах. Однако в милицию по-прежнему шли молодые люди, не желающие думать, но желающие властвовать, и система не менялась. Руководство МВД пыталось что-то делать, бодро докладывало наверх об успешных операциях против бандитов и террористов, но переломить ситуацию в стране было не в состоянии. Потому что это было абсолютно невыгодно Синкиту конунгов, постепенно перехватывающему власть в государстве.

Случай, подтвердивший выкладки статистического отчёта о негативном отношении российского общества к милиции, произошёл прямо на глазах Никифора, в Брянске, где он заканчивал расследование по заданию Катарсиса. По статистике, милиционеры избивали пострадавших: при задержании — в шестидесяти процентах случаев, в каждом шестом случае — при выбивании «чистосердечных признаний», в каждом третьем — беспричинно, ради куража и демонстрации власти. Случай у ресторана «Дебрянск» относился именно к последней категории происшествий.

Вместе с Никифором в ресторане обедала нешумная компания учителей — двое мужчин в возрасте и две женщины, одна постарше, другая помоложе. Они что-то степенно обсуждали — совсем свежую реформу образования, насколько понял Хмель. Закончили обедать и вышли из ресторана они вместе с Никифором. Но тут к ним подошли два милиционера, старшина и сержант, и грубо потребовали документы.

Учительница постарше, — с виду ей было не меньше шестидесяти лет, — седая и полная, сделала им замечание. А дальше случилось нечто дикое.

Стражи порядка взбеленились, схватили женщину за руки, поволокли к белой «Ладе»-«шестёрке» с мигалками, ударили мужчину, спутника учительницы, пытавшегося остановить оз-

веревших милиционеров. Второй мужчина тоже кинулся на выручку своим коллегам, но получил удар дубинкой в лоб и упал на тротуар, обливаясь кровью.

И терпение Никифора кончилось.

В иных обстоятельствах он твёрдо придерживался правил Житейских Вед, установленных волхвами: давайте людям больше, чем они ожидают, в случаях конфликтов боритесь честно, и в особенности — не вмешивайтесь в чужие дела. Но тут лицо было вопиющее нарушение служебной этики, и Никифор не сдержался.

Дубинка внезапно вылетела из руки сержанта и, как живая, завилась вокруг него спиралью, ткнулась ему в ухо.

Милиционер ойкнул, выпустил руку женщины, схватился за ухо.

Дубинка крутнулась и перетянула его напарника по мясистому загривку.

Старшина, утробно хрюкнув, сунул носом в открытый салон «шестёрки».

Женщина вырвала руку, отбежала к своим коллегам. По лицу её катились слёзы, в глазах сквозь недоумение и ужас простояло удивление.

Дубинка снова взвилась в воздух и опустилась на предплечье сержанта, лапнувшего кобуру штатного «макарова». С воплем милиционер присел на корточки, держась за онемевшую руку. Дубинка упала рядом.

Никифор вышел из т е м п а — в этом состоянии его практически никто не мог увидеть, — подошёл к учителям, сбившимся вокруг вытирающего платком разбитый нос мужчины.

— Успокойтесь, идите домой.

— Но они нас ни за что... — опомнилась женщина помоложе.

— Они будут наказаны, идите.

Тон Хмеля подействовал.

Учителя побрели прочь, оглядываясь. Они плохо понимали, что произошло, и лишь положение обидчиков подсказывало, что кто-то серьёзно остудил намерения стражей порядка добиться «торжества закона».

Задержавшиеся на минуту случайные свидетели происшествия поспешили по своим делам.

Никифор оценивающе глянул на приходивших в себя мили-

ционеров, кивнул сам себе: они явно не поняли, что случилось, и были не в состоянии продолжать начатое «дело».

— Кто был ничем, тот станет всем, — пробормотал Никифор, вспоминая слова пестователя Дементия, что это — лозунг контрселекции. В принципе закон коммунистической идеологии работал иначе: кто был никем, тот никем и оставался до конца своей жизни, как правило, короткой.

В этот же вечер Никифор стал свидетелем ещё одной криминальной драмы, когда во втором часу ночи, возвращаясь в гостиницу на улице Красноармейская, увидел двоих молодых людей, поджигающих красавец «Ситроен» на стоянке напротив ресторана.

Из той же статистики социальных неблагополучий Никифор знал, что в России «антисоциальные элементы» постоянно жгут машины, до двух-трёх тысяч ежегодно в больших городах и почти столько же в сельской местности. До «революции пожаров», как во Франции и Италии несколько лет назад, было ещё далеко, но «мода» эта не проходила, выражая некие социальные протесты пришельцев из других стран, и машины горели каждую ночь.

Однако одно дело — знать, что явление существует, другое — столкнуться с ним воочию, в реальности. Потушить же загоревшуюся автомашину не успевал ни владелец, ни пожарные службы, ни случайные свидетели поджога.

Никифор, наверное, не обратил бы внимания на возню парней у «Ситроена», если бы не разлившийся в прохладе вечера специфический запах бензина. Он оглянулся и мгновенно понял, что происходит.

Зазвенела отброшенная в кусты бутылка.

Вспыхнул огонёк зажигалки.

Никифор вогнал себя в т е м п и за доли секунды преодолел два десятка метров, отделяющие парадный вход в гостиницу от стоянки машин.

Парни всё же успели поджечь фитиль — длинную белую ленточку, ведущую к крышке бензобака, но пламя не смогло разгореться, и Никифору удалось его сбить.

Бросившиеся наутёк поджигатели остановились, не понимая, почему погас фитиль, хотели вернуться, и в этот момент возле них сформировалась из ночного мрака стремительная те-

кучая тень. Раздались два удара, и парни отправились в короткий полёт к соседнему зданию, упали на асфальт и потеряли сознание.

Никифор брезгливо отряхнул кисти рук от «негативной энергетики», зашагал к гостинице, приняв себя за руки: они пахли бензином.

— Вызовите милицию, — тихо сказал он дежурному охраннику, — там на стоянке драка. Меня вы не видели.

Финала событий он уже не увидел, да это было и неинтересно. Милиция должна была разобраться с поджигателями сама, а охранник на входе в гостиницу должен был забыть свидетеля, сообщившего о «драке».

На следующее утро, тридцать первого августа, Никифор поехал в Жуковку.

В Брянске его дела были закончены. Он выяснил, кто из отцов церкви непосредственно занимался внедрением чёрных программ в жизнь губернии, начиная с культуры и заканчивая социальной сферой, и позвонил в Москву. Теперь судьбой эмиссара Синклита должен был заняться местный отдел оперативного реагирования Катарсиса, имеющий популярное в народе название «Овёс». Данные Хмеля проверят, разработают селективный трафик — цепочку «случайных», с виду никак не связанных событий, финальное из которых приведёт к фатальному концу отца Федюни, координатора конфессиональных связей Патриархата. Этот человек согласился работать на конунгов добровольно, и жизнь его, весьма греховная по всем оценкам, должна была прерваться.

В самой Жуковке Никифору необходимо было нейтрализовать деятельность ещё одного церковного слуги — отца Зиновия, дьякона Велейской церкви Кирилла и Мефодия, связанного с бандитами Клуба спортивного совершенствования в Фошне. Именно через него работал отец Федюня, получающий распоряжения непосредственно от конунгов. Зиновий же организовал и атаку на Школу Шерстнева, к счастью, не получившую развития благодаря действиям Хмеля.

Кроме того, Никифору нужно было предупредить начальника местного отделения УВД подполковника Вильяма Коробко, являвшегося дядей убитого Сёмы Блющева. Этот слуга на-

рода землю рыл, чтобы найти убийц, и посадил в СИЗО уже немало народу, никак не причастного к преступлению.

В Жуковском районе всё ещё шла охота на «террориста» из не ведомой никому ЧК, убившего гендиректора Клуба спортивного совершенствования в Фошне. Поэтому частные автомашины останавливались милицейскими патрулями на всех дорогах района. Остановили и спортивную «Ауди RS-6» Никифора с брянскими номерами (естественно, он заранее сменил московские номера на местные), хотя он вовремя заметил патрульную машину и снизил скорость.

— Ваши документы, — козырнул инспектор ГАИ, с автоматом под мышкой.

— А ваши? — вежливо ответил Хмель.

Лейтенант нахмурился, разглядывая спокойное лицо водителя, нехотя процедил сквозь зубы:

— Лейтенант Муракамов, областное УВД. Ваши документы, гражданин водитель.

Хмель протянул ему малиновую книжечку:

— Полковник в отставке Степанчук. Что тут у вас происходит, лейтенант? Меня уже третий раз останавливают.

Инспектор развернул удостоверение, прочитал фамилию, шевеля губами.

— Водительские права?

— Конечно, как же без них, — достал пластиковую карточку Никифор. — Так что случилось, командир?

— Ловим тут группу... террористов, — снова нехотя, через силу признался лейтенант; сравнил фото на документах, вернул Хмелю. — Будьте осторожны, полковник, не берите подозрительных пассажиров.

— Хорошо, не буду, — сделал озабоченное лицо Никифор.

— К кому едете?

— К родственникам в Жуковку, сестра у меня там, тётки.

— Езжайте. — Инспектор отвернулся, отошёл к другой остановленной машине.

Никифора так и подмывало спросить, не посулило ли начальство миллион долларов за голову «террориста», ликвидировавшего Семёна Блющева, но мысль об этом благополучно скончалась в голове. Не хватало ещё, чтобы у хмурого лейте-

нанта зародились подозрения о странной осведомлённости «полковника в отставке» о происходящих в районе событиях.

В Жуковке Хмель оставил машину у деда Сидора Мокеевича, родственника Онуфрия, который жил на самой окраине города, напротив небольшого сельца Латыши, и отправился к Тарасову пешком.

Встреча с другом и Витязем, обеспечивающим безопасность Серебряного мальчика, длилась около часа. Они обсудили варианты выполнения задачи, наметили план действий, и Никифор отправился выполнять свою часть плана.

Вечером в Жуковке произошли два события, мало кого заинтересовавшие: население города не следило за работой милиции, не доверяя ей почти всецело, и не участвовало активно в религиозной жизни столицы района.

Сначала неизвестные лица забросали камнями двухэтажное здание УВД, разбив стёкла в пяти окнах на первом и втором этажах. Этими неизвестными оказались двое местных жуковских алкоголиков, впоследствии так и не сумевших объяснить, что заставило их совершить этот «подвиг».

Зато пока охранники здания гонялись за камнеметателями, в здание проник ещё один неизвестный злоумышленник, которого никто не заметил, и нанёс увечье начальнику милиции подполковнику Коробко — сломал ему челюсть. Удар был нанесён так быстро и умело, что подполковник очнулся только через час после нападения. На груди его обнаружилась записка от руки: «Не прикрывай подонков и насильников, иначе последуешь за ними! Это предупреждение последнее».

Найти злоумышленника, пригрозившего всесильному главе жуковской милиции, так и не удалось. План «Перехват» не сработал.

А чуть позже в дом к молодому батюшке Иннокентию, заправлявшему в местной церкви, у которого остановился на постой гость из Брянска отец Зиновий, заявился бородатый, с рыжими всклокоченными волосами мужик и недолго побеседовал с представителями церкви. После чего батюшка Иннокентий «уторел в бане», как потом рассказывала его жена, и долго не ходил на службу, а гостя отца Зиновия наутро и вовсе увезли в больницу, якобы от «отравления грибами».

Лишь один человек, кроме самих пострадавших, знал ис-

тинные причины «угара и отравления» церковных деятелей — Никифор Хмель, он же «рыжий мужик». Батюшку Иннокентия он всего лишь попугал, чтобы тот никогда больше не привечал посланцев БЕСа. А отца Зиновия крепко побил, применив в финале один из приёмов *боливака*, отражавшийся на деятельности желудочно-кишечного тракта. Эмиссар конунгов теперь вынужден был лечить «язву желудка», а по сути снимать навешенную психофизическую структуру — порчу. «Язва» эта начинала открываться, как только отец Зиновий замышлял появиться на территории Жуковского района. А поскольку он был человеком сведущим в магии, на следующий день после «беседы с мужиком» уехал.

Первого сентября, с началом нового учебного года, Никифор отбыл в Москву.

Глава 8

НЕ ХОДИТЕ, ДЕТИ, В АФРИКУ ГУЛЯТЬ

Жуковка—Фошня

Девочки с энтузиазмом окунулись в школьную атмосферу, несмотря на первые страхи и сомнения: всё-таки это была стрессовая ситуация — перейти из обычной средней школы в Школу Шерстнева, — и Тарасов вздохнул с облегчением. В глубине души он побаивался, что Акулина и Оля закомплексуют в непривычной обстановке. Однако всё обошлось. Да и учителя в Школе подобрались отменные, знали своё дело и быстро привязали к себе новых учениц, найдя каждой занятия по вкусу.

Так Акулина, склонная к математике, стала заниматься у Корнея Филипповича, преподающего математику, а Оля, предпочитавшая гуманитарные науки, вошла в группу расширенного изучения русского языка. При этом обе не перестали заниматься английским языком, что оказалось вовсе не таким уж сложным делом, поскольку усваивался иностранный язык на игровом уровне, без напряжения и заучивания правил.

Сергий тоже влился в коллектив Школы без конфликтов со «старой гвардией» и с самим собой. Он вообще рос бесконфликтным человеком, рассудительным и спокойным, но всегда мог постоять за себя. К тому же таких, как он, в Школе было ещё

трое — двое мальчишек и девчонка, — готовящиеся к поступлению в институты, и Сергей быстро сдружился с ними, вдруг обретя соратников, относящихся к жизни с той же степенью ответственности. Да и по возрасту они были близки: самому Сергию исполнилось тринадцать лет, как и Вадику, Андрею и Веронике — по четырнадцать.

Вероника оказалась спортсменкой, занималась теннисом, и мальчишки стали провожать её на тренировки, а потом и сами начали увлечённо учиться играть в теннис, что сблизило их ещё больше. Девочка нравилась всем трем, хотя красавицей назвать её было нельзя. И всё же что-то в ней было, внутренний шарм, милая открытость и непосредственность, притягивающие парней. Плюс роскошная улыбка, заставляющая вздрагивать юные сердца.

Тарасов узнал, что Вероника является дочерью брянского хирурга Саковича, рано оставшегося без жены, и что за её судьбой пристально наблюдают координаторы местной Славянской Общины. Девочка обещала стать целителем, так как с малого возраста умела определять болезни людей и лечить многие из них.

Первая неделя сентября прошла для Глеба Евдокимовича в хлопотах по обеспечению и налаживанию нового распорядка жизни.

Сначала он возил всех детей в Фошню каждое утро и забирал их из Школы вечером. Потом стал оставлять Сергия на два-три дня, а с ним — через неделю — и обеих дочерей. В Школе были созданы все условия как для обучения, так и для проживания тех, кто приехал учиться издалека.

После уничтожения Хмелем — «неизвестным террористом» — предводителя «спортсменов» Семёна Блюшева и исчезновения отца Зиновия, руководившего «чёрным подпольем» в Жуковском районе, попытки давления на директора Школы прекратились. *Непрогляд*, по сути — слой пространственно-временных колебаний воздуха, закодированных амплитудно-фазовыми характеристиками голографических решёток природы, установленный волхвами над территорией района, продолжал действовать, не позволяя злой воле чёрных магов проникать в дома жителей района. Но Тарасов, включивший внутренний «резонатор» организма, настроенный на ловлю отрицательных энер-

гетических потоков, чувствовал, что конунги заинтересовались Фошной, и начал готовиться к появлению новых эмиссаров Синклита.

Его предчувствия сбылись в середине сентября.

Как обычно, в понедельник он повёз свою «мелкую» команду в Фошню, собираясь забрать девочек вечером. Сергей захотел остаться в Школе до пятницы, и Глеб Евдокимович не стал возражать, хотя данное обстоятельство его напрягало. Несмотря на уверения охранников Школы в отсутствии к ней интереса со стороны «подозрительных лиц», это не снимало ответственности с Тарасова, которому поручили защищать Серебряного мальчика всеми доступными средствами.

Проехали Латыши, Гришину Слободу, а за Велеёй Тарасову стало неудобно, будто в спину подул пронизывающий холодный ветер. И тотчас же Сергей, сидевший на переднем пассажирском сиденье, оглянулся и проговорил:

— За нами едет машина.

Тарасов и сам обратил внимание на зелёный отечественный джип «Патриот», появившийся сзади и державшийся на пределе видимости, но только теперь связал его появление со своими ощущениями.

— Это те, кто был в лесу, когда мы ходили за грибами.

— Как ты их вычислил?

Сергей улыбнулся, не отвечая.

Тарасов хмыкнул, понимая, что мог бы вопрос не задавать: Сергей отлично видел ауры людей и мог разбираться в их энергетической направленности.

— Понятно. Что ж, пусть едут, а мы посмотрим, чем это закончится.

Щебечущие на заднем сиденье Оля и Акулина примолкли. Они тоже почуяли неладное.

«Импреза» разогналась, плавно вошла в поворот. Она могла двигаться даже со скоростью в триста километров в час, но сельские дороги не дотягивали до европейских автобанов, и максимум, на что мог рассчитывать такой опытный водитель, как Тарасов, — это сто восемьдесят километров в час. Тем не менее «Патриот» отстал и больше на горизонте не показывался. Однако замечание Сергея, что его пассажирами являются «те же люди, что следили за ними в лесу», заставило Глеба Евдоки-

мовича задуматься. К случайным событиям эти две встречи отнести было нельзя.

Догнать «Импрезу» джип не смог и возле Школы не появился.

Зато Тарасов неожиданно увидел его у сельской управы на центральной площади Фошни. Подумав, он остановил машину прямо за джипом, вылез и, не торопясь, обошёл «Патриот» кругом, внимательно его осматривая. Окна джипа были открыты, и его водитель и пассажир, на которых Глеб Евдокимович не обратил никакого внимания, с недоумением воззрились на него, не понимая, чего хочет моложавый, спортивно подтянутый мужик.

Тарасов достал мобильник, набрал номер:

— Алексей Алексеевич, пробей-ка по базе данных тачку с нижегородскими номерами: джипер «Патриот», У 666 БЮ. Ага, я подожду.

Сидящие в джипе молодые люди переглянулись.

Стукнула дверца, на асфальт прыгнул могучего телосложения парень с редкой щетиной на подбородке, одетый в пятнистые шорты цвета хаки и такую же майку. На поясе у него висел нож в чехле.

— Эй, деревня, ты чо делаешь?

Тарасов мельком глянул на него, не отнимая трубку от уха.

— Тебя спрашивают! — с угрозой проговорил парень.

— Я понял, Алексей Алексеевич, — сказал Тарасов, пряча телефон, оглядел парня с ног до головы. — Интересно, что делает в нашей глуши машина нижегородской Национальной лесной компании? Не представитесь, молодой человек?

— Да кто ты такой?!

— Я-то местный житель, а вот вы кто? Какого дьявола колесите по Жуковскому району? Людей преследуете? Неужто ваше начальство решило начать вырубку леса вокруг Жуковки?

— Тебе какое дело?

— Мне, может, и никакого, а власти заинтересуются. Так что советую убраться отсюда подобра-поздорову. Это я только с виду мирный, но могу и шум поднять, гаишников натравить. Всех вы вряд ли купите. Годится вам такой вариант?

— Да мы, бля, тебе...

— Поехали, Фил, — буркнул водитель джипа, окинув Тарасова нехорошим взглядом. — Мы с ним потом поговорим.

— Ну-ну, потом так потом, — с иронией сказал Глеб Евдокимович. — Не надорвитесь от грандиозных планов, не то как бы вам не пришлось остаться здесь навсегда.

Парень в пятнистом псевдовоенном наряде сел в джип. Машина взревела двигателем, покатилась прочь.

Тарасов проводил её глазами, хотел было сесть в свою «Импрезу» и вдруг заметил летящий над площадью плоский серый лист, напоминающий пыльную газету. Лист вёл себя как живой, рыскал из стороны в сторону, не подчиняясь порывам ветерка, кружил над домами и словно что-то искал.

Тарасов замер, автоматически закутав себя индивидуальным слоем *непрогляда*.

Над Фошной кружил *глядун* — антенна пси-пеленгатора конунгов, способная засечь мыслеизлучение определённого человека.

— С-сволочь! — одними губами произнёс Тарасов, доставая мобильник. — Онуфрий Павлович?

— Слушаю, — отозвался после паузы пестователь Общины.

— Я к тебе сейчас подъеду.

— Хорошо.

Серый прямоугольник *глядуна* стал невидимым, исчез.

Тарасов подождал ещё немного, запуская «щупальца» своего ментального восприятия в разных направлениях, но больше ничего негативного в районе Фошни не учуял. Конунги включили свой «пеленгатор». И всё же сам факт появления «антенны» *глядуна* говорил об интересе чёрных магов к деревне. А точнее — к Школе Шерстнева. Конунги ничего не делали просто так, ради забавы или развлечения. Они явно искали кого-то. То есть — Серебряного мальчика.

Онуфрий жил в старой бревенчатой избе на краю Велеи.

С виду изба была как изба, построенная ещё в начале прошлого века и мало чем отличавшаяся от других домов деревни, сохранившихся в целости и сохранности. Однако внутри это был вполне современный дом, имеющий технологичную начинку со всеми коммуникациями. И Тарасов невольно оробел, хотя уже бывал здесь пару раз. В молодые годы слова «маг» и

«волхв» ассоциировались у него с древними практиками колдовских таинств и особым эзотерическим бытом колдунов, где не место было современной технике и красивому современному интерьеру. Здесь же, в доме Онуфрия, ничего мудрёного вроде химических реторт, колб, сушёных лягушачьих лапок, трав и прочей «каббалистической» дребедени не было.

Стены комнат были оклеены светлыми обоями с красивым сетчато-муаровым рисунком. На них висели картины, написанные маслом и акварелью, не копии — «живые» оригиналы: горы, море, лес и лунный пейзаж. Красивые бра по углам комнат в форме птиц создавали приятное ощущение д в и ж е н и я. Мебель стояла стильная, явно выполненная на заказ. В кабинете волхва располагался мощный компьютер «Пенза» с двадцатидвухдюймовым монитором «Харьков», а в гостиной висел на стене тонкий, двухметровый, жемчужный лист телесистемы «Сварог», имеющий спутниковый транслятор.

Онуфрий усадил гостя в удобное кресло, предложил завтрак.

— Только кофе, — покачал головой Тарасов, — если можно.

— Я не последователь квасного патриотизма, — усмехнулся Онуфрий. — Хотя кофе не люблю. Тебе чёрный, с молоком?

— Чёрный, с лимоном.

Онуфрий вышел.

Тарасов проводил его внимательным взглядом, отмечая удобу волхва и его угловатую манеру держаться.

Он знал историю пестователя, приговорённого к смерти болезнью: в тридцать шесть лет у Онуфрия Павловича определили рак желудка. В тридцать семь Онуфрий ушёл из дома — жил он в Почепе — в Брянские леса, на островок посреди Белоберёзовых болот, — не хотел, чтобы близкие видели, как он угасает в мучениях, — и прожил там без пищи сорок дней! Ничего не ел. Пил только ключевую воду.

Болезнь уже начала заявлять права на его тело: желтела кожа, мутило от солнца, катастрофически падал вес, и покидали силы. Он же построил скит, пока ещё мог что-то делать, и начал свой Великий пост.

Ходил голый. Зарос бородой. Падал в голодные обмороки. Знал, что умирает, но стойчески не думал об этом, жил минутой. Читал захваченные с собой книги по древнерусской исто-

рии и мифологии. Беседовал с духами природы, научился видеть их «третьим глазом». А на сороковой день при ясном сознании понял, что болезнь ушла!

С тех пор Онуфрий и начал свой путь подвижника и славителя древних русских богов, пока не стал волхвом и пестователем Славянской Общины «Родолюбие». Говорили, что он умеет выходить «за угол времени», становиться недосягаемым никаким средствам наблюдения, но лично Тарасов этого не видел.

В доме запахло свежесваренным кофе.

Вошёл хозяин, толкая впереди изящную тележку-поднос, на котором стояли чашки с дымящимся кофе и чаем, лежали сухари.

— Или ты не будешь сухари? — поймал взгляд гостя Онуфрий. — Есть сыр, варенье.

— Благодарю, не надо.

Тарасов взял чашку, бросил в неё ломтик лимона, отпил.

Кофе был вкусный и слегка припахивал мятой.

— Рассказывай, — сказал Онуфрий.

Глеб Евдокимович коротко извещил волхва о слежке и о появлении в Фошне «антенны» *глядун*.

Онуфрий помрачнел, огладил бородку.

— Синклит не уследил, куда мы упрятали Серебряного мальчика, и проводит разведмероприятия по всей территории России. По Воронежской губернии тоже рыщут охотники конунгов, а Дементий не раз наблюдал *глядун*.

— Меня весьма настораживает, что *глядун* появился именно здесь, в Фошне, где расположена Школа Шерстнева.

— В фошнянскую Школу в этом году поступили шесть мальчишек разного возраста. Конунги не могут не проверить их всех. Поэтому надо ждать гостей, ищущих нашего мальчика. До сих пор нам удавалось отводить глаза всем деятелям такого рода, но, видимо, придётся создавать триаду защиты Сергия.

Тарасов помолчал, допивая кофе.

— Ты считаешь, что я не справлюсь?

Онуфрий прямо посмотрел ему в глаза:

— Если Синклит убедится, что Серебряный мальчик учится в фошнянской Школе, сюда последует десант чёрного спецназа. Рисковать жизнью будущего объединителя России нельзя. Возрождение Язычества в новом облике для врагов страшнее

ядерного и любого иного оружия, ибо Сергей призван восстановить связь Рода нашего с могущественными Родными Силами. Одно могу обещать твёрдо: ты войдёшь в триаду.

Тарасов кивнул:

— Согласен. В отличие от того же христианства истинное Язычество не выдуманно пророком, апостолом или наместником бога. Своё духовное начало оно берёт в самой божественной природе Сушего.

— В Вечности, — добавил волхв. — Недаром же христиане всегда строили и продолжают строить свои храмы там, где некогда стояли древние славянские капища и Святилища. То есть в местах с и л ы.

— Которые перестают потом работать как источники светлых энергий. Но ведь в их храмы ходят наши люди?

— Потому что многие наши лидеры не понимают, что почитание Традиций не означает сохранение умершего образа жизни! Русская идея — состояние вечного преодоления на грани невозможного! Поиск Истины, Справедливости, Добра, Правды! Стремление к Единению, к высшим духовным идеалам! Во все не возвращение в прошлое!

Тарасов, прищурясь, взгляделся в ставшее жёстким лицо волхва. Тот заметил его взгляд, скривил губы:

— Увы, мы разобщены, каждый деятель опирается на собственные представления о том, как надо жить, и потому так долго идет процесс объединения.

— Старые идеологии себя скомпрометировали, а новые ещё не разработаны.

— Условия для них уже созданы. Нужен лидер, который объединит все позитивные силы Рода. Вот почему мы так печёмся о судьбе Серебряного мальчика, способного изменить устоявшееся мировоззрение людей, одурманенных идеологами Синклита.

— К сожалению, в России побеждает культура патологических властолюбцев и дегенератов, пролезающих в авангард любого вида искусства. Наши редкие победы вроде отмены «реформы образования» не могут пока изменить общую тенденцию. Синклит медленно, но упорно идёт к цели — превращению народа в быдло, в стадо баранов. Или я не прав?

Онуфрий усмехнулся:

— Ничего, друг мой, мы тоже крепнем, вплотную подошли к созданию целостной системы реагирования на внешнюю агрессию и уже готовы к перехвату управления в целом по стране. Для этого Общины и создавались, чтобы сохранить естественное мировоззрение и перейти на новый уровень корпоративного общежития.

— Пока что нам приходится воевать, — проворчал Тарасов.

— Увы, это неизбежно: нас атакуют — мы отвечаем.

— Ладно, это я понимаю. Есть более конкретные задачи. К примеру, как вы собираетесь пестовать Серебряного мальчика дальше? У него блестящие способности, он может закончить любой институт за два-три года. Конунги сразу обратят внимание на его успехи и примут меры.

— Да, это проблема, — согласился Онуфрий. — Мы над ней думаем. Но, во-первых, он не один такой способный. Вместе с ним выйдут в свет десятки других парней. Во-вторых, мы готовим его Посвящение в операторы прямой волшбы.

— Диводары, — пробормотал Тарасов. — Светлый — диводар?

— Он понимает сензарский язык, — улыбнулся Онуфрий. — И быстро обучается тайнам магического оперирования. Ты должен был заметить его способности.

Тарасов вспомнил последний августовский поход с Сергием в лес, где тринадцатилетний ведич создал пси-двойника, чтобы отвлечь от них охотников.

— Да, изредка он меня поражает.

— Так что справимся, Витязь, хотя будет тяжело. Жди наших.

— Кого вы подсоедините ко мне?

— Этого я не ведаю. Подбором триады занимается лично Владыко. Он не ошибётся.

Тарасов поднялся.

— Последнее: эти молодцы разъезжают на машине, принадлежащей Национальной лесной компании. Что, если в руководстве этой компании и сидит координатор конунгов? Может быть, даже сам директор?

— Проверим. Теоретически любой сперматозоид может стать директором компании.

Тарасов улыбнулся, пожал руку волхву и вышел.

На всякий случай он объехал Фошню, высматривая джип,

постоял возле Школы, размышляя, куда тот мог деться. Пришла идея вызвать Сергея и спросить, не чувствует ли он присутствие машины. Но потом решил не суетиться. Разведку конунгов надо было нейтрализовать тихо, чтобы она не почувствовала целенаправленного воздействия. Однако психологическое давление на разведчиков можно было организовать уже сейчас.

Подумав, Тарасов снова связался со своим человеком в Брянской ГАИ и попросил его выслать ориентировку на водителя и пассажира джипа «Патриот» с нижегородскими номерами всем постам ГАИ и передвижным патрулям. С этой минуты их должны были останавливать на всех дорогах губернии.

— Вряд ли это вам понравится, — вслух проговорил Глеб Евдокимович, довольный своей идеей.

Неделя прошла спокойно.

Джип Национальной лесной компании скрылся в неизвестном направлении. Никто больше машину Тарасовых не преследовал.

Тогда он собрал всю свою семью и в воскресенье, благо погода выдалась абсолютно летней, поехал в Брянск, где недавно открылся Русский парк развлечений.

Идея популяризации исконно русских забав родилась ещё несколько лет назад у администрации подмосковного города Серпухова. Там и был построен первый Русский национальный парк развлечений — на месте заброшенной зоны отдыха, расположенной в исторической части города и занимающей площадь в семь гектаров. Кроме привычных турникетов, шведских стенок, волейбольных и баскетбольных площадок в парке были оборудованы специальные поля для игры в городки, рассчитанные на детей и взрослых, в «чижа» и в лапту. Кроме того, там были размещены и площадки для силовых единоборств, в том числе для армрестлинга и перетягивания каната, а также аттракционы: «русские горки», колесо обозрения, изба Бабы-яги и застенки Кошеля Бессмертного. Плюс «колдовской лес» с «настоящими» кикиморами, лешим, болотняком, водяными, чертями, Змеем Горынычем и Соловьём-разбойником.

Точно такой же парк открылся и в Брянске, расположенный в красивейшем месте на берегу реки Десны. Тарасов не знал, что стоило его устроителям добиться столь комфортного

расположения почти в центре Брянска, где вовсю шла война между строительными компаниями за землю, но факт оставался фактом: Русский парк, получивший неофициальное название Десналенд — по имени реки, начал функционировать.

Они побывали везде, находившись так, что девочки буквально падали с ног. Сергей держался по-мужски, но было видно, что и он устал. Хотя с удовольствием принимал участие во всех играх.

Последним развлечением для Тарасовых стала игра в лапту, после которой они с трудом добрались до кафе «Вкуснятина» и просидели там почти полтора часа, глядя на горки, с которых скатывались вниз в прозрачных шарах любители острых ощущений.

Глеб Евдокимович хотел было предложить покататься Сергию, наблюдавшему за спуском с видимым интересом, но посмотрел на умиротворённо-довольное лицо жены и передумал. На первый раз приключений было достаточно. А поскольку в Десналенде они не разочаровались, сюда вполне можно было ездить отдыхать чаще.

Вечером, в начале седьмого, они сели в машину, оставленную на подземной стоянке, о которой позаботились строители парка, и Тарасов повёз семью домой.

И тотчас же сработало чувство опасности.

Глеб Евдокимович покосился на Сергия, сидевшего на переднем пассажирском сиденье. Серебряный мальчик ответил ему понимающим взглядом.

Тарасов оглянулся, но в потоке машин на улицах города трудно было сразу определить, какая из них следует за «Импрезой», и он спросил:

— Ты их видишь?

— Они недалеко... метрах в пятидесяти... такая серая спортивная машина...

— «Ниссан 350Z», — сообразил Тарасов. — Вижу. Внутри двое. Парни сменили транспорт. Это те же, что караулили нас в лесу?

— По-моему, да.

— Ладно, «Ниссан» делает телеги. Даже его родстер нашей «Импрезе» не соперник, попробуем оторваться.

— Вы о чём? — полюбопытствовала востепенная Софья.

— Потерпите, — бросил Тарасов, — мы погазуем.

«Импреза» резко увеличила скорость, на манёвре опережая идущие впереди машины. Через несколько минут она вырвалась на трассу Брянск—Смоленск, миновала пост ГАИ и помчалась вперёд, к Жуковке, обгоняя редких попутчиков на скорости в сто восемьдесят, а то и двести километров в час.

— Где они? — осведомился Тарасов.

— Отстали, — тихо ответил Сергей, увлечённый — у него азартно блестели глаза — гонками.

— Мужчины, не ведите себя как заговорщики! — потребовала Софья. — Мне не нравится, что мы едем так быстро!

— Они не отвяжутся, — сказал Сергей.

Тарасов подумал, снизил скорость, вдруг оценив мудрость слов маленького ведича. «Импреза» двигалась быстрее, да и у беглецов была возможность спрятаться под вуалью *непрогляда*, но это не решало проблемы в целом. Охотники имели возможность выйти на жертву позже, зная, где она живёт. Если, конечно, у них была цель не только следить за «сыном» Тарасова, но и ликвидировать его на всякий случай. А что задача конунгами ставилась именно так, Глеб Евдокимович не сомневался.

Он достал мобильник:

— Алексей Алексеевич, Тарасов беспокоит. Тут замечен интересный аппарат — родстер «Ниссан 350Z». Мчится по трассе в сторону Жуковки. Нет у нас постов по пути?

— Понял, проверим, — пообещал Тарасову человек в ГАИ.

«Импреза» свернула с трассы, миновала Летошники, Новые Несковичи, въехала в Жуковку. Встретившийся бело-синий милицейский «Фольксваген» не обратил на неё внимания. Гаишники торопились куда-то, возможно, и для перехвата «Ниссана». Однако эта мысль не обрадовала Тарасова. Он понимал, что настала пора тревог и волнений, предшествующих новой войне с конунгами.

Глава 9

ШКОЛА ВЫЖИВАНИЯ

Вологда

В августе Вологодской школе выживания «Белояр» исполнилось пятнадцать лет, и бессменный директор школы, несмотря ни на какие передраги, Дмитрий Булавин решил устро-

ить по этому случаю торжество. Он обзвонил друзей, взял на себя обязанности завхоза, закупил продукты, соки, вино, и утром третьего сентября три машины с группой отдыхающих в количестве двенадцати человек отправились в лес. Точнее — на дачу к Петровичу, преподавателю отшельнического быта, которому исполнилось в июне шестьдесят пять лет. Петрович был самым старшим в команде, но выглядел на сорок пять, и девушки всегда отмечали этот факт, зная, что ему приятно.

Естественно, Дмитрий взял с собой жену и пятилетнюю дочку Алёну, ещё ходившую в детсад, но давно научившуюся читать и писать. После беседы с женой он решил отдать дочку в вологодскую Школу Шерстнева, хотя и не верил в какие-то особые её способности. Тем не менее результаты обучения других детей в шерстневских Школах впечатляли, а терять Булавиным было нечего: лучшей подготовки к вступительным экзаменам в вузы не давала ни одна обычная средняя школа.

Дачей владение Петровича назвать было трудно, скорее — охотничьим домиком, запрятанным в лесной глуши на берегу ручья Кручёный, впадающего в речушку Чернаву. Однако никто не собирался ночевать здесь, и гости с энтузиазмом начали обживать территорию дачи, налаживать мангал, монтировать столики и стульчики из толстых распиленных брёвен.

Женщины пошли в лес за грибами в сопровождении Толевича, как все звали Анатолия Юревича, знатока природных богатств. Мужчины увлеклись расчисткой участка, подшучивая над смущённым хозяином, признавшимся, что он никогда не обращал внимания на порядок в собственной усадьбе.

Обедали по-царски, отведав вкуснейшего приготовления шашлыки из свиной шейки и сёмги с дымком, а также грибы, жаренные с картошкой, и специально обработанные овощи. Не считая салатов из свежих овощей.

Пели старые русские песни, шутили, дурачились, радовались жизни.

В девять часов вечера собрались обратно в Вологду.

Первыми уехали давние приятели директора «Белояра», отец Дмитрия Михай Олегович и руководители школы. Дмитрий с женой и Петровичем уезжали последними.

— Щедрый был вечер, — грустно сказал Петрович, когда за

кормой «Ирокеза» Булавиных скрылась его деревенская хата. — Когда ещё такой удасться.

— Ничего, соберёмся, — легкомысленно отозвался довольный Дмитрий. — Жизнь на самом деле прекрасна, несмотря на её внутренний ужас.

Петрович усмехнулся.

— Будь осторожен, командир. Чует моё сердце — надвигается шторм.

— Шторм обойдёт нас стороной.

— Я бывший моряк, а моряки чувят перемену погоды безошибочно.

Дмитрий оглянулся, поймал тревожный взгляд Дианы, постарался отшутиться:

— Шторма вологодской природой не предусмотрены. Тем не менее обещаю переходить дорогу только в установленных местах.

Дорога домой показалась короткой.

Петровича оставили во дворе его пятиэтажки на окраине Вологды. Прощаясь, он сказал:

— Я знаю, ты общаешься с покровителями Общины. Спроси, не возьмут ли они меня? Хочу быть полезен на старости лет.

— Обязательно поговорю, — пообещал Дмитрий. — Вход в Общину никому не заказан. Да и не клуб это по интересам, если честно, а состояние души.

Петрович помахал рукой, скрылся в подъезде.

— Я его таким не видела, — тихо сказала Диана. — Что с ним?

— Жена ушла, — нехотя признался Дмитрий. — Месяц назад. Она была моложе его на двадцать девять лет. Не выдержала.

— Чего?

— Не знаю, — улыбнулся Дмитрий, потрепав Алёну по светлой головке. — Может быть, потому, что не было детей.

— У него же сын Алёшка.

— От первой жены. От второй никого, хотя прожили они вместе лет пятнадцать. Ладно, потом поговорим на эту тему.

В начале одиннадцатого он поставил «Ирокез» в гараж недалеко от дома, — жили Булавины по-прежнему в шестиэтажке на улице Багровской, рядом с церковью Сретения и полигра-

фическим институтом, — и отнёс уснувшую Алёну наверх, уложил спать.

Диана разобрала вещи, приняла душ, переделалась в лёгкий домашний халатик, нашла мужа в кабинете, задумчиво смотрящего на экран монитора.

— У меня из головы не выходят слова Петровича. Нам снова придётся вспоминать практики выживания?

Дмитрий оглянулся, окинул жену, стоявшую с распущенными волосами, заинтересованным взглядом, и глаза его загорелись. Он обнял её, жадно вдыхая аромат чистого тела.

— Если и придётся, то не сегодня. Забыл тебе рассказать... я видел вчера хороший сон...

— Расскажи, — прошептала она, зажмурившись.

— Мы вдвоём в какой-то незнакомой комнате с диваном, на тебе длинное тонкое платье, серое, с размытыми жемчужными разводами, ты даришь мне в к у с н ы й поцелуй, потом мы на диване, срываем друг с друга одежду...

— Это так на тебя не похоже...

— Твоё платье тает как дым... такое странное ощущение реальности и иллюзии! Я хочу тебя!

— Это твоё...

— Внутри клокочет энергия...

— А потом?

— Эйфория сна и яви в одном флаконе... я пьян тобой, пью тебя, как амброзию боги, и мне безумно хорошо!

— Дальше...

— Торжество плоти, пронизанное ангельским светом желания, тепла и ласки... не хватает рук, чтобы ощущать тебя всю... ты мягкая, гладкая, податливая, желанная, и я хочу тебя снова и снова...

— Так в чём же дело? Почему нам не вернуть этот сон?

Дмитрий засмеялся, начал целовать жену в щёки, в шею, в грудь, сорвал халатик, подхватил на руки...

В постели он прошептал Диане на ухо:

— Кто-то сказал: хочешь быть счастливым один месяц — женись. А я счастлив уже семь лет!

Она не ответила. Может быть, и не слышала ничего. Слова сейчас главными не были. Они любили друг друга, и каждое движение было откровением и ожиданием чудес...

Утром Диана ушла на работу — она работала юристом в консалтинговой компании. Дмитрий отвёз дочку в детсад и поехал в инспекцию МЧС, где должен был встретиться с отцом, который курировал строительство ядерного могильника на территории Вологодской губернии.

Решение о строительстве принималось на федеральном уровне, несмотря на протесты населения, пикеты у здания администрации и частые «антисвалочные» шествия по Вологде. С тех пор местное отделение Союза Славянских Общин и начало борьбу с чиновниками, разрешившими строительство в предвкушении денежных компенсаций за это «благое дело».

Дмитрий получил задание Катарсиса разобраться с ввозом ядерных и химических отходов по всей стране с месяц назад и начал свою деятельность с родной Вологодской губернии. По его выводам, ни одна страна в мире не ввозила к себе чужое дерьмо на хранение! И лишь Россия согласилась принять двадцать тысяч тонн отработанного ядерного топлива и неисчислимое количество химических отходов.

Как заявляли чиновники: «Это принесёт стране огромные деньги!»

Однако на поверку оказалось, что хранение одного килограмма отходов обходится стране за двадцать пять лет вдвое больше, нежели за них рассчитываются «добрые дяди» за рубежом. А доказательства чиновников основываются прежде всего на мзде, которую они получают, лоббируя «исключительно надёжные» способы заработка государством астрономических сумм.

Булавин вошёл в Комиссию Минатома по экологическому надзору за судьбой собственных — российских — ядерных отходов и ввозом чужих отравляющих веществ. Но роль его была шире: он работал ещё и с чиновниками, как Витязь ЧК, наставляя их на «путь истинный». С теми же, кто не желал прислушиваться к предупреждениям, обычно происходил какой-то маловероятный, но вполне объяснимый несчастный случай.

После разговора с отцом Дмитрий поехал сначала на стройку могильника под Тотьмой, потом запросил рекомендации аналитического центра Катарсиса и начал собираться на встречу с главой местных экологов, который особенно ратовал за

увеличение ввоза в Тотмьянский район ядерных отходов ввиду «полной безопасности» технологического цикла захоронения.

Однако поездку в экологическую Комиссию пришлось отложить. Неожиданно к Булавиным заглянул гость, которого Дмитрий не ждал. Это был Дементий Карпович Перегудов, он же — волхв Дементий, один из пестователей Общины «Родолюбие» северных окраин России.

— Здрав будь, Витязь, — раскатисто пробасил он, мощный телом, кряжистый, похожий на Никиту Кожемяку из русских былин. — Поговорить надо, не возражаешь?

— Ни в коем разе, проходи, — отступил в прихожую Дмитрий, озадаченный появлением волхва. — В два я должен быть у начальника экологов Михайлюка.

— Михайлюк подождёт, да и разговор у меня короткий.

Они прошли в кабинет Булавина.

— Чай, кофе, кефир?

— Водички холодной, если имеется.

— Колодезной или ключевой нет, есть фильтрованная, для кофе чистим.

— Неси.

Дмитрий принёс стакан воды гостю, выжидательно посмотрел на него, присевшего на краешек маленького диванчика.

— Садись, в ногах правды нет, — сказал Дементий, смакуя воду.

— Её нет и выше, — улыбнулся Дмитрий, но сел. — Что-нибудь случилось?

— Мы готовим триаду для защиты Серебряного мальчика. Один из углов триады есть — твой друг-приятель Глеб Тарасов. Владыко поручил мне найти ещё два.

— Вы предлагаете мне... войти в триаду? — усомнился Булавин. — На мне же вся местная ядерная лабуда.

Дементий усмехнулся:

— Лабуда подождёт, как и экология, это долгая забота. А Сергия надо охранять уже сейчас. Конунги зашевелились, пустили по всей России охотников на мальцов его возраста.

— Киллеров? — нахмурился Дмитрий.

— По нашим сведениям, их задача — отловить парня и перевоспитать, переманить на свою сторону, заставить служить чёрным силам. Это гораздо хуже.

Дмитрий скептически покачал головой:

— Переубедить Сергея невозможно. С ним работали воспитатели такого закваса, что никому теперь не дано нейтрализовать их установки.

— К сожалению, разработаны и уже используются мощные технологии нелинейного программирования, позволяющие снять любые внутренние установки и барьеры. А главное — существуют инструменты для перепрограммирования, суггесторы «Удав»...

— «Глушаки»!

— ...и масс-усилители пси-излучения...

— Храмы БЕСа!

— Так что угроза велика, — закончил Дементий, допивая воду. — Хороша водичка, но всё ж не живая, антидепрессантов маловато. Как тебе предложение? Пойдёшь в триаду?

Дмитрий задумался, поглядывая на семейное фото на стене: он, Диана и Алёна сфотографировались на море в Крыму год назад. Очень не хотелось нарушать сложившееся равновесие бытия, куда-то ехать и напрягаться, оставив своих близких на неопределённый срок. Но и отказаться от предложения Владыки волхвов — значило пойти на поводу у обросшей жирком лени.

— Если Владыко рекомендует — отказываться негоже. Кого ещё он хочет видеть в триаде?

— Никифора Хмеля либо Ираклия.

— Хорошо бы обоих, — улыбнулся Дмитрий.

— Тогда это будет уже не триада, а тетрада. Решено пока ограничиться малой поддержкой, но работать по полной программе трафик-воздействия на ситуацию.

Булавин кивнул.

Войны магов всегда начинались в сфере замыслов и намерений, поэтому для того, чтобы не началась война на физическом плане, со стрельбой, волшбой и многочисленными жертвами, надо было готовить т р а ф и к и — цепочки событий, с виду не связанные между собой, но изменяющие намерения противоборствующей стороны. Конунги не должны были убедиться в истинности своих сомнений относительно нахождения Серебряного мальчика на территории Брянщины. Но для этого триаде предстояло найти «убедительные доказательства» отсутствия

Сергия в данном районе, то есть разработать трафик, который смог бы «отвести глаза» чёрным колдунам.

— На какой срок собирается триада?

Дементий блеснул умными глазами, в которых промелькнула искорка сочувствия.

— До конца нашей жизни.

Дмитрий продолжал смотреть на волхва с терпеливым ожиданием, и тот добавил:

— Как минимум на полгода. До тех пор, пока он не поступит в институт. Потом возможна замена.

— Понятно. — Дмитрий мельком глянул на улыбавшуюся Диану на фотографии, подавил вздох сожаления. — Долго я своих не увижу.

— Полгода — не срок, потерпишь.

— А что, если запустить «утку»?

— В каком смысле?

— Мы можем слепить слух о мальчике в любом другом районе России. Пусть конунги шлют свои команды хоть до морковкина заговенья.

— Боюсь, тогда они пошлют не простых охотников.

— Киллеров?

— Терять-то им нечего. Постреляют массу ребятишек. Возможно лишь одна альтернатива, если они дознаются о Сергии на Брянщине.

— Найти другой схрон?

— Нет, пустить слух о путешествии Светлого через всю страну на Дальний Восток. А самим вместе с ним отправиться в другую сторону, к примеру на Север. Но это лишь в случае невозможности сохранить тайну местопребывания Сергия в Жуковке.

— Что ж, поживём — увидим. Откуда стало известно, что Синклит заслал в Жуковку охотников?

— Глеб Евдокимович заметил слежку. Мы должны отреагировать немедленно. Выезжай завтра, а лучше уже сегодня.

Дмитрий кивнул, сдерживая порыв гнева в душе — на обстоятельства, на вершащих свои чёрные дела конунгов, на своё положение. Сказал глухо:

— Конечно, я поеду. Но это не решение проблемы. Надо

раз и навсегда покончить с главарями Синклита, а не с их эмиссарами и «шестёрками».

— Мы думаем над этим, — кротко сказал Дементий, понимая, что творится в душе Витязя. — Новый Владыко Полынь более решительный человек, чем те, кто ушёл. До сих пор Синклит был не по зубам Катарсису. Но времена меняются, мы теперь тоже — с с и с т е м а, так что поборемся за Светую Русь.

Дмитрию на мгновение стало жарко и весело, с такой уверенностью прозвучали последние слова волхва. Он встал, офицерски щёлкнул каблуками, кинул подбородок на грудь:

— Завтра утром буду в Жуковке!

Диана отпустила мужа без лишних слов. Она знала, кто он и какому делу служит, принимала все его отъезды спокойно и даже попыталась успокоить на прощание:

— Не волнуйся, мы тут справимся, хотя и будем скучать. Позвонишь?

— Буду звонить каждый день, — пообещал Дмитрий, окидывая фигуру жены в б и р а ю щ и м взглядом. — Зато ты от меня отдохнёшь наконец. Может, возьмёшь отпуск?

— Я не устала, — улыбнулась Диана.

— От кого-то я слышал: даже самая любимая работа, самый любящий муж и самые спокойные дети не заменят полноценного отдыха от них.

— Эту пословицу, — засмеялась она, — придумала не любящая никого женщина. А я тебя люблю.

— И я тебя.

Они поцеловались на ступеньках офиса, не стесняясь никого, и Дмитрий уехал. С Алёной он попрощался ещё дома.

До Москвы добрался быстро; наступил вечер пятницы, и поток машин в столицу был втрое меньше, чем из неё. Оставил машину на платной стоянке в Тушине, переночевал у бывшего советника президента Сергея Борисовича Голубева, предупреждённого о визите Витязя, и рано утром, в шесть часов, отправился в Брянск.

Путь от Москвы до столицы Брянской губернии занял четыре часа и завершился без происшествий. Зато в самом Брянске Булавин вынужден был принять решение, способное отозваться неприятными последствиями.

В начале одиннадцатого он оставил «Ирокез» возле кафе «Винни-Пух», собираясь взбодриться, попить чаю или кофе.

Кафе уже работало, хотя посетителей не было. Лишь за барной стойкой возился хмурый парень да чуть поодаль стояли две девушки в белых передниках и слушали третью, рыженькую, симпатичную, явно взволнованную и расстроенную.

Дмитрий подошёл к витрине, выбирая пирожное, и невольно прислушался к разговору официанток.

Речь шла о вчерашнем посещении кафе подвыпившей компанией, в которую входили не какие-нибудь молодые хулиганы, а официальные лица города во главе с заместителем мэра. Охрана компании быстро очистила зал кафе от посетителей, мужчины потребовали водку, закуски, стали пить, обещая «поставить город раком», — оказалось, заместитель градоначальника только-только вступил в должность и праздновал это событие с друзьями, — а потом начали приставать к официанткам.

— Один хватал за ногу, — жаловалась девушка подругам, — другой лез под юбку, тянули в разные стороны, ужас! Валька достала телефон, так охранник подскочил к ней, прошипел: «В милицию звонишь, сучка? Мы главней милиции!» А сам этот полумэр, лысоватый такой, глаза навывкате, начал тащить Ксюшу в машину. Хорошо, заведующая подбежала. Ксюха теперь на работу боится выйти.

— А ты что ж? — спросила одна из официанток. — Отбилась?

— Ко мне тоже пристал один губошлёп, но я вырвалась.

— Вот сволочи! — возмутилась третья девушка. — Ни суда на них, ни управы! Что хотят, то и делают!

— Отцы города, — скривила губки рыженькая. — Попробуй пожалуйся кому.

— Самой же достанется!

— Он обещал сегодня заехать и забрать на дачу, — добавила рыженькая со смешком. — Очень я ему понравилась.

— Зачем же вышла? Вдруг придёт?

— Жди, как же, — покачала головой третья. — Это они все спяну обещают, а потом забывают. Так что не бойся.

Звякнул входной колокольчик, в кафе появились трое посетителей: мужчина лет сорока пяти, в коричневом костюме, с

галстуком, с тифлообразным носом и разъехавшимся в стороны ртом (действительно губошлёп, оценил Булавин), и двое крупноплечих парней в чёрных костюмах. Все трое уставились на замолчавших официанток. Рыженькая девушка побледнела.

— Он, что ли? — посмотрела на неё с сомнением подруга.

— Ага, вот она! — с удовлетворением заговорил гость в коричневом. — Машенька, да? Поехали, машина ждёт.

— К-куда? — пролепетала девушка.

— Как куда? Отдыхать, — заржал мужчина. — Будет весело, обещаю.

— Я на работе...

— Ничего, с начальством я договорюсь, — махнул рукой «губошлёп». — Через пару дней выйдешь.

— Не поеду...

— Дурочка, знаешь, кто я? Пресс-секретарь Горленко! Поехали, не кочевряжься.

Девушка спряталась за спины подруг.

— Не поеду!

Мужчина сдвинул брови, пожевал губами, разглядывая официанток и парня за стойкой, бросил пренебрежительно:

— В машину её!

Охранники двинулись вперёд и наткнулись на шагнувшего навстречу Булавина.

— Отбой тревоге, граждане! Это не компьютерная игра, и вы не в Германии тридцатых и даже не в Чечне девяностых.

— Ты кто?! — изумился пресс-секретарь градоначальника, встопорщив реденькие брови. — Я токо мигну...

— Мигни, — спокойно сказал Булавин. — Завтра же вылетить с работы и будешь отвечать по закону в прокуратуре. Предлагаю мирно разойтись и больше не доставать девчонок, имеющих свои планы на отдых.

Один из бугаёв протянул мощную руку, попытался оттолкнуть Булавина, но промахнулся. Тупо глянул на то место, где только что стоял противник. Снова полез вперёд как танк.

Дмитрий обошёл его, как пустое место, не теряя из виду второго охранника, сказал ещё более твёрдо:

— Так что, будем продолжать в том же духе или вы скромно удалитесь, извинившись перед девушкой?

— Дай ему! — решился на военные действия коричневый костюм.

К Булавину вразвалочку зашагал второй битюг-охранник.

Дмитрий, сожалеюще вздохнув, влепил обоим по удару в брюхо, безошибочно находя нервные узлы. Понаблюдав за парнями, скорчившимися от боли в полуприседе, глянул на пресс-секретаря градоначальника, осознавшего, что его может постигнуть та же участь.

— Забирай своих быков, мешок с дерьмом! И чтоб духу твоего здесь больше не было! Уразумел?

— Ур-ра... — вытянул вперёд дрожащую руку «губошлёп»; его прошиб пот.

— Я к тебе вечером наведаюсь, готовься.

Мужчина в коричневом костюме попятился, за ним, с трудом разгибаясь, поплелись охранники, кидая на обидчика мрачные взгляды.

В кафе загалдели осмелевшие официантки.

— Ой, спасибо вам! — подскочила рыженькая. — Я уж думала, пора увольняться. С этим новым мэром в городе одни беспорядки начались, прямо бандиты какие-то к власти пришли, а не начальники! Вам что принести?

— Кофе со сливками, — попросил Дмитрий, досадую на себя, что не сдержался. — И вот эту булочку с курагой.

— Сейчас принесу.

Парень у стойки, так и не промолвивший ни слова, окинул Булавина равнодушным взглядом, принялся чистить пивной автомат. По-видимому, он привык к подобного рода посетителям и охрану кафе вызывать не спешил.

Дмитрий съел мягкую булочку, запивая вполне приличным кофе со сливками, ответил на пару вопросов рыжей официантки, суеящейся вокруг него, и вышел из кафе.

К счастью, грозный пресс-секретарь мэра не стал дожидаться обидчика, чтобы расквитаться с ним без свидетелей. Зато сработала «чёрная паутина недоброжелательства», которую сам же Булавин и возбудил своим вмешательством в дела, его не касающиеся. Если не учитывать морального аспекта этих дел.

Стоило ему сесть в «Ирокез» и отъехать, как Дмитрия тут же остановил инспектор ГАИ, выскочивший откуда-то как чёртик из табакерки.

Зная, что правил дорожного движения он не нарушал, Дмитрий остановил машину и с удивлением выслушал:

— Нарушаем, гражданин водитель?

— Что? — спросил он, усомнившись в своей оценке действительности: вдруг и в самом деле потерял концентрацию внимания и не заметил какой-нибудь запрещающий знак?

— Здесь поворот запрещён, — сказал инспектор, немолодой, толстый, страдающий одышкой, лоснящийся от пота.

— Никакого запрещающего знака не видно, — пожал плечами Булавин.

— А разметка?

Дмитрий вылез из машины.

— И разметки никакой нет.

— Стёрлась, значит. — Инспектор, разглядывающий документы Булавина, протянул руку. — Страховое свидетельство покажь. Вы, кстати, и скорость превысили.

— На трассе — возможно, в городе — нет, — сказал Дмитрий, слерживаясь. — Да у вас и скоростемера нет, чтобы показать мне цифру скорости. В чём дело, сержант? Вы же знаете, что я не нарушал ПДД, и по закону не имеете права останавливать автотранспорт ради развлечения.

Глазки инспектора сузились.

— Значит, я ради развлечения? А ну, пошли со мной, шутник!

Он двинулся к перекрёстку, за которым Булавин разглядел бело-синюю старенькую «Ладу».

Положение осложнялось с каждой секундой, надо было что-то предпринимать. На магический т р а ф и к это было похоже мало, но пахло злостным целевым воздействием, а он ещё даже не доехал до места назначения.

— Постой, служивый! — Дмитрий догнал милиционера, преградил ему дорогу, в упор глянул в неопределённого цвета глазки. — Я ничего не нарушал! Всё в порядке! Погода хорошая! Дела идут замечательно! Начальство тебя похвалит! Дежурство скоро закончится, и можно будет выпить пивка! На вот на пиво.

Дмитрий ловко выхватил из руки инспектора черный несесер с документами, сунул в эту же руку сто рублей, похлопал по плечу:

— Жизнь прекрасна! Забудь, что было! Посмотри на людей, улыбнись!

Сержант осоловело хлопнул ресницами, покосился направо, налево, продолжая держать сотенную в руке. Прохожие с интересом начали оглядываться.

Дмитрий быстро сел в машину, газанул.

И только тогда инспектор очнулся, посмотрел на зажатую в руке купюру, на прохожих, на машины, изменился в лице и засеменил к патрульному автомобилю. Впрочем, вряд ли он стал звонить коллегам, чтобы те остановили «нарушителя ПДД». Номер булавинского «Ирокеза» напрочь выпал у него из памяти.

Больше никаких происшествий с Дмитрием за время пути в Жуковку не случилось. Он подъехал к дому Тарасовых, на пороге показался хозяин, глянувший на гостя из-под козырька руки, и они обнялись.

Глава 10

ПЕРЕМЕНА МЕСТ

Усманский Бор

Владлен нарезал помидоры, огурцы, салат, лук, добавил сметаны и соли, перемешал, сел за стол. Прочитал в газете: «Мастера гастрономии предложили им зефир из лангустов, жареное филе цесарки, сервированное галетами из сельдерея и соусом из малины, белужью икру «Альмас» на тёплых оладьях со свежей земляникой, стерлядь по-петергофски, сорбет из эстрагона и грушевой настойки, косулю под трюфельным соусом, сервированную пюре из топинамбура и клубники с чёрным перцем под соусом бальзамик».

— Танцуют все! — пробормотал Владлен, посмотрев на заголовки в газете: речь шла о встрече президентов СНГ в Санкт-Петербурге. — Интересно, что такое соус бальзамик?

Салат, приготовленный собственными руками, показался не менее вкусным, чем подавали президентам, да и сырники из творога, купленного на рынке в Усмани у старушки, тоже порадовали, хотя и не дотягивали до изысков президентской кухни. Тем не менее Владлен любил готовить сам и решил выяснить у знакомых кулинаров, как готовить зефир из лангустов.

Этого блюда он ещё не пробовал, и даже в меню ресторана «Пушкин» зефир, насколько помнилось, отсутствовал.

Владлен вспомнил первую встречу с Маргаритой в ресторане, мысли свернули в другое русло.

Первые три дня после возвращения из Москвы он вообще себе места не находил, вспоминая каждую минуту встречи с девушкой. Звонил несколько раз, путаясь приветливого, но сдержанного голоса Маргариты. Выдержал ровно неделю и всё-таки сорвался в Москву, не предупредив никого из редакции.

Вторая встреча с Марго получилась не менее сердечной, чем первая. Они снова гуляли по Москве, ходили в кино, посидели в кафе на Самотёчной, и, проводив девушку в Бутово, где она жила, Владлен улетел обратно. Хотя ждал приглашения остаться. Но его не последовало. Маргарита не стала приглашать его к себе в гости, а он постеснялся попроситься, о чём впоследствии долго жалел.

Любовь — трагедия со счастливым началом, — вспомнилось чьё-то шутливое изречение. Владлен покачал головой. Себе он мог признаться, что как мальчишка влюбился в молодую женщину с двумя малыми детьми. Но в её ответные чувства не верил. Встреча в редакции действительно превращалась в подобие трагедии, а что делать дальше, он не знал.

— Работать, работать и ещё работать! — сурово пробормотал он вслух, заканчивая завтрак.

Убрал посуду, сел за компьютер.

У него был свой сайт, но линию чата Владлен с недавних пор отключил. Во-первых, разговоры с читателями отнимали слишком много времени. Во-вторых, надоело выслушивать «умные» советы, как следует писать, а в особенности — пренебрежительные высказывания всезнаек о «снижении писательского потенциала». Вообще рассуждения дилетантов подобного рода, их суждения о «падении интереса» к затронутым Тихомировым темам сначала Владлена бесили. Потом он успокоился, получая десятки и сотни писем от по-настоящему умных читателей.

И, наконец, в-третьих, судя по глубокому падению знания русского языка, Интернет постепенно превращался в разработчика и распространителя сленга, намеренно коверкающего язык общения. И поделаться с этим процессом ничего было нельзя.

Те, кто и так плохо знал русский, с восторгом подхватили идею его искажения, и теперь весь Рунет стал языковой «помойкой», которую понимали только сами исказители, в основном — молодые пользователи от четырнадцати до двадцати лет.

А началась эта эпидемия ещё в две тысячи шестом году, когда один из пользователей блога dirty.ru, некто lobbz, изменил под картинкой американца Джона Лури надпись «Surprise!» на русское «Превед». Привет то есть. Обхохочешься, одним словом. И пошло-поехало! Картинка попала на глаза ещё одному «весёлому» пользователю, ещё и ещё, и через месяц в Интернете началась эпидемия языкового идиотизма, а пользователи с филологическим образованием с ужасом обнаружили, что остановить её не представляется возможным!

Да и кого могли радовать «творческие открытия» откровенных «приколистов» и бездарей, считающих свою деятельность «креативным поиском»? Речь шла об изменении словарного запаса в негативную сторону и об исчезновении энергоинформационной глубины языка, ни больше ни меньше! А кто стоял за этим, какие структуры, обычные пользователи Интернета не знали. Многим из них эта проблема была по фигу.

Владлен же, как писатель, знаток и ценитель русского языка, очень переживал по поводу появления новых «глуманутых текстов» и с отвращением, не читая, стирал приходящие к нему письма, написанные в таком стиле.

«Уфожаимый писатял! — прочитал он очередное послание какого-то читателя. — Фсе фашы раманы напоменают...»

Владлен кликнул письмо клавишей «Стереть» и со вздохом вывел на экран текст новой главы романа. Через минуту он уже работал, перейдя из мира кабинета в мир произведения, где жили его герои.

Впрочем, его огорчали не только сленговые письма и стихи вроде переделанной детской считалочки: «Рас, дфа, три, чы-тыри, пяц. Вышил зайчег пагуляц. Фтрук ахотнег выбигаид — Пряма ф зайчегга стриляид...» Русский язык пополнялся и другими видами сленга, в том числе — языком бизнес-комьюнити, которым пользовались клерки в офисах. А о том, что этот псевдоязык просто ужасен, опять же никто из его пользователей не задумывался. Большинство воспринимало его как игру, как весёлое развлечение, не думая о последствиях. И лишь едини-

цы — лингвисты, филологи и социологи — понимали, к чему могут привести старания кретинов размыть границы языковых доменов, превратить язык не в средство общения и познания мира, а в гигантское «вавилонское болото».

Среди приятелей Владлена были и те, и другие, но первым он сочувствовал, а со вторыми пытался вести разъяснительную работу, хотя его раздражало, когда он получал от них письма с выражениями типа «сатисфакнутый клиент» или «давай хэп-пибёзднем».

Его хватило на три часа работы.

Сторож организма выдернул сознание из виртуального мира создаваемого романа, и Владлен откинулся на спинку кресла, потягиваясь, понимая, что пора отдохнуть.

Горячий зелёный чай с лимоном и бутерброд с плавленым сыром «Янтарь» привели его в бодрое состояние. Владлен даже подумал, не сесть ли снова за рабочий стол. Но мысль о Марго легко справилась с тягой к творчеству. Он походил из угла в угол кабинета в поисках причины, каковая могла бы позволить ему позвонить в Москву, и нашёл.

— Алло, Марго? Это Владлен. Извини, что отвлекаю от работы, но мне нужна твоя помощь.

— Слушаю, — ответила Маргарита тусклым голосом.

— Что вы запланировали на октябрь... — Он вдруг оценил тон девушки и встревожился. — Что случилось?

— У нас беда: Кирилла Леонтьевича сбила машина.

— К-как сбила? — не поверил Владлен. — Почему?!

— Он переходил дорогу у издательства, какой-то лихач на джипе выскочил на красный свет светофора, а потом вообще скрылся.

— Кирилл жив?!

— В больнице, сломана рука, рёбра... он жив. Сегодня к нему едет делегация из издательства. Мы с девчонками тоже поедём.

— Дьявольщина! Не понимаю, как такое могло случиться! Он всегда был осторожен...

Владлен вдруг вспомнил слова завредакцией о телефонном звонке в издательство: неизвестный «доброжелатель» требовал снять с плана роман Тихомирова. Не связано ли происшествие

с наездом с этим предупреждением? И чего теперь ждать самому Владлену?

— Я тоже приеду.

— Как хочешь.

В тоне Маргариты слышалась сухая нотка, и Владлен торопливо добавил:

— Я не буду заходить в редакцию. Навешу Кирилла и позволю тебе, встретимся. Не возражаешь?

— Ты уверен, что тебе этого хочется?

Владлен помедлил, представил милое лицо Маргариты с горькой складкой губ и сказал твёрдо:

— Очень!

— Хорошо, позвони.

Владлен сделал несколько кругов по дому, напился клюквенного морсу собственного приготовления, сел было к телефону, чтобы позвонить в аэропорт Воронежа и заказать билет до Москвы, но телефон вдруг зазвонил сам.

Он торопливо схватил трубку:

— Алло?

— Тихомиров? — заговорила трубка гнусавым мужским голосом; Владлену показалось, что в ухо ему полилась холодная ржавая вода! Он даже дотронулся до уха пальцем.

— Кто говорит?

— Слушай сюда, писатель. Тебя раз предупреждали. Это последнее предупреждение. Забери роман из издательства! И больше не пиши на эти темы! Пиши о космосе, понял? Не то с тобой будет то же, что с редактором.

Владлен стиснул занывшие зубы.

— Так это вы устроили наезд на Кирилла Леонтьевича?

— Мы его тоже предупреждали, но он не внял. Не забережь роман — пожалеешь! Понял?

— Сволочь!

— Чего?! Ты еще что-то вяка...

Владлен бросил трубку. Раздувая ноздри, постоял над тумбочкой с телефоном, ожидая повторного звонка, но его не последовало. Неизвестный заявитель чьей-то злой воли и так сказал всё, что хотел.

— Сволочь! — вслух повторил Владлен, размышляя, что делать дальше.

Первая мысль была обратиться в милицию и сделать официальное заявление об угрозах по телефону. Вторая мысль пришла более трезвая: поговорить с кем-нибудь из руководителей Общины «Родолюбие», которые изредка подбрасывали ему нужную для общего дела — и для разработки романов — информацию.

И тут же телефон зазвонил вновь.

Владлен выждал время, осторожно снял трубку.

— Владлен Денисович, — заговорил в трубке приятный, мягкий, мужской баритон, — Дементий Карпович тебя беспокоит. Нас как-то Дима Хвостов знакомил, помнишь?

— Да, конечно.

— Хочу набиться к тебе в гости, поговорить кое о чём надо.

— Я скорее всего улечу сегодня в Москву...

— Я тебя не задержу.

Владлен заколебался.

— Вам долго добираться? Дача расположена в Усманском Бору...

— Я знаю. Буду у тебя через пять минут.

В трубке зазвенели колокольчики отбоя.

Владлен с недоверием посмотрел на неё, потом подумал, что Дементий Карпович мог разговаривать с мобильного телефона, и успокоился. Поставил чайник, достал мёд, варенье, пряники.

Гость позвонил в дверь дачи ровно через пять минут.

Он был кряжист, грузен с виду, неповоротлив и нетороплив, но двигался на удивление легко и бесшумно, как спецназовец со стажем. Владлен даже позавидовал старикану, которому явно перевалило за семьдесят.

Они сели в гостиной Тихомировых, заставленной полками с книгами, Владлен налил в чашки чаю, и Дементий Карпович, кинув взгляд на книги, взялся за чашку.

— Знаю, что тебе угрожали. Что надумал?

Владлен поднял брови, с любопытством глянул на добродушное обветренное лицо волхва.

— Вы прослушиваете мой телефон?

Дементий Карпович усмехнулся:

— Лично я не прослушиваю, но у Катарсиса, о коем ты писал, имеется возможность держать под контролем неблагопри-

ятные тенденции развития событий. Угрозы в твой адрес и нападение на издательского работника есть по сути императив воздействия на людей, так или иначе поддерживающих Катарсис. Ты из их числа.

— Что же мне делать? — вырвалось у Владлена, о чём он сразу пожалел.

— Уехать, — спокойно сказал Дементий, берясь за пряник.

— Куда?!

— Могу предложить несколько мест, где за тобой присмотрят наши люди.

— Вы думаете... всё так серьёзно?!

— Не то чтобы очень, но есть основания полагать, что тебе стоит побережиться. Конунги на полпути не останавливаются. Убить человека для них — что прихлопнуть муху. Знаешь ведь поговорку: нет человека — нет проблемы.

— Но почему они прицепились ко мне? Я ведь фантаст...

— Твоя проза заставляет людей задумываться над ситуацией в стране и искать дополнительную информацию по всем затронутым темам, по эзотерическому наследию, по историческим корням Рода. Это ведь твоя идея, что во времена обучения Петра I плотницкому ремеслу в Голландии его «облучили» масонскими идеями? И что случилось потом?

— Была закрыта Оружейная палата, иконопись русская была изгнана из столицы и крупных городов, за ношение бороды полагалась пошлина...

— Более глобальной ошибки — с разворотом Руси в сторону Европы — трудно что-либо совершить. Ты был прав. Масонская лига даже мечтать не могла о таком подарке судьбы. Через прорубленное в Европу окно в Россию занесло страшные семена. Вот поэтому то, о чём ты пишешь, и ненавистно Синклиту чёрных магов, опирающемуся на масонские ложи и христианскую церковь. Удивительно, что тебя предупредили достаточно мягко. Хотя, с другой стороны, не привела бы эта мягкость к летальному исходу. О чём твой роман, который ты отправил в издательство?

— Я сдал «Время древнего молчания», по сути — боевик с элементами фэнтези, по смыслу — роман о заговоре против русской истории. Естественно, в нём есть некий современный фон, где герои задают себе вопросы...

— Какие?

— Ну-у... разные... Почему во всём мире люди получают зарплату по труду, а мы нет? Почему в Лондоне, Париже, Берлине, Нью-Йорке все рынки не захвачены пуэрториканцами, китайцами, вьетнамцами, а в России нет ни одного н а ц и о н а л ь - н о г о рынка?

— В Москве и России вообще произошло полное вытеснение коренного населения из коммерческой сферы. Это и для нас проблема из проблем. Но поскольку ты смело поднимаешь подобные вопросы, поэтому и стал неугоден Синклиту, так как задаёшь правильные вопросы. В связи с чем мы и хотим тебе помочь. Куда ты бы хотел уехать на какое-то время?

«В Москву», — чуть было не ляпнул Владлен, думая о Маргарите, но поправился:

— Могу поехать к родичам на Брянщину, у меня в Жуковке тётка живет, Александра Кузьминична.

Дементий прищурился, разглядывая озадаченного хозяина со странной задумчивостью во взоре.

— Всё чаще убеждаюсь, что мир действительно тесен.

— Вы о чём? — не понял Владлен.

— В Жуковке живёт один наш оперработник. Тебе будет полезно познакомиться с ним. Очень хорошо, что ты можешь поехать туда. Советую не откладывать отъезд в долгий ящик. Тебя ведь ничего не связывает с Воронежской землёй?

— Нет, — пробормотал Тихомиров. — Мама и отец умерли... давно... деды и бабки тоже. Остались, правда, родственники в Нововоронеже, но я с ними почти не общаюсь.

— Благодарю за чаёк. — Гость поднялся. — Зачем в Москву собрался?

Владлен хотел пошутить: за счастьем, — но передумал, отвёл глаза:

— Хочу навестить Кирилла... того самого редактора, которого сбила машина. Мы с ним дружны.

— Что ж, дело нужное, отправляйся. Только я на твоём месте уже не возвращался бы обратно, а сразу ехал в Жуковку.

— Я подумаю.

Зазвонил телефон.

Оба посмотрели на него: Дементий Карпович — внимательно, оценивающе, Владлен — тревожно.

Издав две трели, телефон умолк. Но тут же зазвонил снова.

— Возьмёшь? — поинтересовался гость.

Владлен поднял трубку.

Голос оказался женским, хотя и не был особенно приятным:

— Владлен Денисович? Извините, что беспокоим, это из журнала «Крутой мужчина» говорят, пиар-менеджер Трунова Сильвия. Мы хотели бы взять у вас интервью.

Владлен невольно посмотрел на Дементия. Тот кивнул.

— К сожалению, я уезжаю... — начал Тихомиров.

— Наша съёмочная группа уже проезжает Боровое, через полчаса мы будем у вас. Не волнуйтесь, мы быстро, материал очень нужен для новогоднего номера.

— Ну, хорошо, подожду, — не смог отказать журналистам Владлен.

— Кто? — спросил Дементий Карпович.

— Из журнала «Крутой мужчина», пиар-агентство...

— Часто у тебя берут интервью?

— В общем-то, приходится встречаться раза два в месяц.

— Здесь, на даче?

— Нет, на даче первый раз. Интересно, откуда им известен адрес дачи? Я никому не говорил. И вообще зря согласился. — Владлен сокрущённо шлёпнул себя по колену. — Умеет уговаривать девушка Сильвия.

— Как?

— Её зовут Сильвия Трунова, пиар-менеджер журнала.

— Ладно, не буду мешать. — Дементий направился к двери, добавил через плечо: — Будь осторожен. Мы, конечно, со своей стороны тебя подстрахуем, однако и своя голова должна работать.

— Э-э... — сказал Владлен ему в спину. — Извините, но я не хотел бы, чтобы за мной ходил ваш охранник.

Дементий улыбнулся:

— Охранника не обещаю, но сюрпризы будут.

— Какие?

— Увидишь, не пугайся.

Волхв вышел.

Владлен задумчиво посмотрел на трубку телефона в руке, бросил на рычаг, метнулся из дома, чтобы предложить гостю свою машину, но никого не увидел. Дементий Карпович исчез,

словно сквозь землю провалился, хотя ведущая к дороге улочка дачного посёлка была одна-единственная, по которой можно было подъехать или подойти к даче Тихомировых.

Впрочем, Владлен уже не в первый раз становился свидетелем демонстрации волхвами своих сверхъестественных способностей и даже описывал подобные чудеса в романах. Дементий Карпович в данном случае мог либо «выйти за угол времени», либо воспользоваться *легкоступом* — умением мгновенно преодолевать большие расстояния. В одном из романов Владлен назвал это умение *тхабсом* и был удивлён впоследствии, когда оказалось, что такая способность в частности и *тхабс* вообще — существуют.

В конце улочки показалась машина — темно-зелёная «Нива-Евро».

По всей видимости, это прибыли журналисты из неведомого Тихомирову журнала «Крутой мужчина». Он опомнился, побежал переодеваться и встретил гостей в тот момент, когда они — из машины вылезли двое парней, чернявый и с голым черепом, и женщина с сигаретой в зубах — уже шли по дорожке к дому, разглядывая приусадебный участок и переговариваясь. Все трое были одеты в джинсовые костюмы разных фирм, и все трое не понравились Тихомирову с первого взгляда.

— Здравствуйте, — поздоровался он, пытаясь выглядеть радужным хозяином. — Как добрались?

— Погода хорошая, — выплюнула женщина сигарету прямо на клумбу с цветами; у неё были прокуренные лошадиные зубы. — Поплутали немножко.

— Я тороплюсь, — сказал Владлен извиняющимся тоном.

— Ничего, мы вас не задержим. Куда нам пройти? В дом?

— Лучше в беседку, если не возражаете.

— Нам всё равно, — буркнул чернявый парень с видеокамерой.

Владлен повёл журналистов в беседку, стоящую в глубине сада между четырьмя соснами, которые он посадил сам несколько лет назад. Сосны выросли и уже давали приличную тень.

— Как мне стать или сесть?

— Садитесь свободно, мы сами выберем ракурс для съёмки.

Женщина достала диктофон, поставила на край круглого

столика, занимавшего центр беседки. Села напротив. Снова закурила. Парни садиться не стали. Тот, что светился голым черепом, двинулся по саду, разглядывая деревья и кусты. Второй начал искать себе место для съёмки, поглядывая по сторонам.

— Я бы попросил вашего коллегу не бродить по территории усадьбы, — вежливо проговорил Владлен.

— Он просто хочет пофотографировать, — махнула рукой журналистка Сильвия. — Ну что, начнём?

Бритоголовый молодой человек вернулся, кивнул:

— Вроде всё тихо.

Парень с видеокамерой направил своё орудие труда на Тихомирова.

Владлену показалось подозрительным это движение, будто на него навели ствол винтовки.

— Знаете что, я не хочу...

Парень нажал на кнопку на рукояти камеры, над её объективом зажёгся красный огонёк.

И в тот же миг Владлену всё стало безразлично!

Голова заполнилась странным дымом, мысли ушли, все звуки отдалились, стихли.

— Ты меня слышишь, писатель? — наклонилась к нему журналистка.

Её журчащий голосок коснулся слуха Владлена, но в сознание не пробился.

— Слышу...

— Сработало, — удовлетворённо кивнула женщина, повернула голову к бритоголовому: — Сходи, обыщи хату. Все диски уничтожь, комп сожги.

Парень поспешил к дому.

— Засранец, тебя же предупреждали, — скривилась журналистка, оглядывая застывшего Владлена. — Ну почему вы все такие упрямые? Согласился бы сразу, так ещё и заработал бы. А теперь возись тут с тобой, идиотом, вправляй мозги.

— Давай к делу, — хмуро бросил чернявый парень с видеокамерой, под которую был замаскирован суггестор «Удар», известный среди специалистов под названием «глушак». — У нас мало времени.

— Хватит, чтобы прочистить ему горшок на плечах. Ты какую ему фишку всадил?

— Обычную, Е-2, на потерю воли.

— Заряди на всякий случай G-7, на полное стирание памяти.

— Зачем?

— Писаки — народ непредсказуемый, ещё вспомнит потом кого-нибудь из нас.

Парень занялся камерой.

И в этот момент в доме что-то грохнуло, зазвенело стекло, и из двери с воплем выбежал бледный напарник чернявого оператора.

Женщина и парень с «видеокамерой» оглянулись на него.

— Ты что, с ума сошёл? — хмыкнула Сильвия.

— Т-там, т-там... — начал тыкать бритоголовый дрожащей рукой в дом.

Из двери вынесся клуб дыма, вспыхнул как веник, метнулся к нему.

Тот закрыл голову руками, упал на землю.

Женщина вскочила,хватила из-под курточки пистолет.

«Горящий веник» покружил над лежащим парнем, метнулся к дому, пропал.

— Что за б...ство?! — пробормотал чернявый.

Из-за сосны вдруг вышел огромный старик, большеголовый, рукастый, неуклюжий с виду, одетый в какую-то невообразимую рвань в заплатках. Посмотрел на гостей, раззявил чёрный рот, молча покачал пальцем.

— Эй, ты кто? — нервно сглотнул чернявый, покосился на спутницу. — Здесь же никого не было...

— Иди отсюда! — навела Сильвия на старика пистолет. — Быстро!

Старик снова покачал пальцем, двинулся к беседке.

Женщина выстрелила.

Пистолет был с глушителем, и звук выстрела мало чем отличался от щелчка сломанной сухой ветки.

Старик открыл огромный чёрный рот... и растаял в воздухе дымными струйками.

— Еб...кая сила! — выдохнул парень с «камерой».

— Вот б...ь! — очнулась Сильвия. — Этого нам только не хватало! Нас никто не предупредил.

— О чём?

— У него защита!

— Какая ещё защита?!

— Уходим!

— А с ним как же?

Женщина подняла пистолет, целя в голову Тихомирова.

В траве под беседкой зашелестело, зацокали крохотные невидимые копытца.

— Кто-то идёт! — прислушался чернявый.

— Смотрите! — показал пальцем оживший бритоголовый на движение в траве.

На дорожке, ведущей от беседки к дому, показался крутлый шар из листьев и паутины. Мелькнул и скрылся маленький глаз-бусинка. Шар покатился по дорожке, всё так же издавая необычный цокот, будто по стеклу бежали невидимые копытца. На спине странного животного открылся неожиданно большой рот:

— Ух-ух-ух! — раздался гулкий лопот. — Ду-бу-ду-бу-ду!

Сильвия выстрелила.

Пуля попала прямо в пухлый шарик... и срикошетировала!

Раздался треск — отскачившая, как от листа брони, пуля пронзила доски беседки.

Чернявый парень с испугу присел.

Женщина оскалилась, ловя в прицел катящийся вокруг беседки шар из листьев.

На улочке показался пикап «Вольво» с милицейскими номерами.

— Бежим! — выдохнул бритоголовый, пятясь.

Журналисты бросились к своему джипчику, захлопали дверцы, «Нива-Евро» сорвалась с места, запыхавшись прочь от дачи Тихомирова.

Пикап подъехал ближе и... растаял в воздухе как клоч сизого тумана.

На его месте объявился Дементий Карпович, подошёл к беседке, где всё так же безучастно сидел Владлен, покачал головой:

— Говорил же, уезжать тебе отсюда надо.

Он похлопал писателя по плечу, по спине, ощупал голову тёмной морщинистой рукой, подул в ухо:

— Отямись!

Владлен вздрогнул и зашевелился...

Глава 11**ШКОЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ***Фошня*

Девятнадцатого сентября, благо погода выдалась почти летняя, Шерстнев с группой учеников старших классов собрался во Вщиж, посетить древнее языческое святилище и раскопанную и восстановленную русскую крепость двенадцатого века.

Впервые город-крепость Вщиж упоминается в летописи тысяча сто сорок второго года, который простоял на холме недалеко от села Овстуг почти сто лет, пока, по легенде, не был разрушен войском Батыя в тысяча двести тридцать восьмом году. Остатки крепости были раскопаны экспедицией академика Рыбакова лишь в тысяча девятьсот сороковом — девятьсот сорок девятом годах, то есть уже в двадцатом веке.

Вщиж представлял собой деревянную крепость-детинец, построенную в форме треугольника со стороной в триста пятьдесят метров. Посад города был окружён мощным двойным земляным валом и глубоким рвом, ширина которого достигала восемнадцати метров. Стены города были рублены из дубовых городен размером три на пять метров. В центре детинца находилась большая башня наподобие западноевропейских донжонов, которую мечтал воссоздать Рыбаков, а также церковь и галерея-гульбище.

Вщиж не являлся крупным городом, поэтому его сооружения не поражали особым величием и масштабами, но после реконструкции к нему стекались реки посетителей и паломников, изучавших быт древних славян и жизнь русских крепостей и капищ. И даже сам Шерстнев, бывавший здесь не один раз, испытывал при встрече с городищем всегда странное чувство близости и тоски по старым добрым временам, когда на Земле существовала великая Светая Русь.

Кроме самой крепости ученики Школы должны были изучить и остатки языческого капища, построенного недалеко от Вщижа задолго до его рождения. Предполагалось, что капище стояло на этом месте как минимум двести пятьдесят лет, хотя волхвы утверждали, что его возраст превышает десять столетий.

Однако поездку в Овстут пришлось отложить.

Утром к Школе подкатил джип «Патриот» с милицейскими номерами, и к директору заявили двое служителей закона в форме, которые хмуро потребовали от Борислава Тихоновича «следовать за ними».

— Куда? — не понял Шерстнев.

— В Жуковский горотдел милиции, — сказал усатый сержант с автоматом под мышкой. — К следователю.

— По какому вопросу?

— Вам скажут.

— А нельзя это сделать послезавтра? У меня запланирована экскурсия со школьниками по историческим местам Брянщины.

— Велено доставить вас в горотдел, собирайтесь.

Шерстнев глянул на пустые лица милиционеров и сдержал желание *развернуть* их назад мысленным приказом. Уехали бы эти служаки, приехали бы другие. К великому сожалению, официальная милицмейская структура давно перешла в подчинение чёрным силам и жила лишь на энергии разрушения, а не созидания. И шли служить туда в большинстве своём люди, не желающие думать вообще.

— Хорошо, подождите четверть часа.

— Мы здесь подождём.

Шерстнев вызвал завуча Анну Павловну, сообщил ей об изменении планов и о переносе поездки на один день, после чего милиционеры повели его к машине.

В начале десятого утра он уже входил в горотдел Жуковского УВД, гадая, по какой причине его сюда пригласили.

Следователь оказался тихим с виду белобрысым молодым человеком с пушистыми белыми ресницами и губками бантиком. Глаза у него были светло-серые, прозрачные, невинные, и в них ничего нельзя было прочесть.

— Садитесь, — указал он на стул, жестом отправляя конвоира за дверь.

Шерстнев оглянулся, сел.

— Есть мнение, — продолжал следователь, устроившись за столом с монитором компьютера, — что вы знаете больше, чем рассказали на следствии, по делу убийства гражданина Блюшева.

Мнение — это проказа мыслительного процесса, вспомнил

Борислав Тихонович слова волхва Онуфрия. Мнения заполнили мир и оттеснили, закрыли Истину. Мнения вовлекли человека в гонку за ложными идеалами и целями, и бороться с этим злом невероятно тяжело.

— Я всё рассказал, что знал, — вежливо ответил Шерстнев.

— Не всё! — вдруг шлёпнул ладонью по столу следователь, изменившись в лице, и тут же присмирел. — Вы знаете, кто убил Блюшева! И скрываете это от следствия!

— Не знаю, — покачал головой Борислав Тихонович, с любопытством разглядывая хозяина кабинета; судя по всему, тот был легковозбудимым человеком, а может быть, обладал каким-то психическим расстройством.

— Почему вы приехали к месту преступления так быстро?! Знали, что произойдёт?! Заранее договорились с убийцей?!

— Вы о чем? — изумился Шерстнев. — Племянницу едва не изнасиловали, и если бы не вмешался этот неизвестный... Я приехал, как только водитель маршрутки сообщил о случившемся. Ни о каком сговоре речь не шла!

— Хорошо, допустим, — снова успокоился белобрысый. — Тогда почему вы заявили, что господин... э-э... гражданин Блюшев получил по заслугам?

— Потому что о нём и раньше ходила дурная слава бандита и насильника. Недаром в народе его прозвали Психом. Не в этот раз, так в следующий с ним приключилось бы то же самое.

— Значит, вы знали, что это произойдёт?! — наклонился вперёд следователь.

— Разумеется, не знал, — поморщился Шерстнев. — Вам не кажется, молодой человек, что вы задаёте странные вопросы? Неужели вы и в самом деле подозреваете меня, лицо пострадавшее, по сути, в подготовке убийства? Если и остальные ваши вопросы относятся к этому делу, я потребую вызова адвоката и буду отвечать на вопросы только в его присутствии.

— Не хотите сотрудничать, — осклабился следователь, откидываясь на спинку стула. — Что ж, ваше право. Придётся действовать иначе.

Он нажал кнопку, в кабинет вошёл давешний хмурый сержант.

— Уведите.

— Вы меня арестовываете? — уточнил Шерстнев.

— Пока нет, — ухмыльнулся следователь, согнал улыбку с лица. — Освобождаю вас, гражданин Шерстнев. Под подписку о невыезде. Вскроются новые обстоятельства по делу, мы вас вызовем. Кстати, что там у вас за история произошла с мальчишкой?

— С каким мальчишкой? — не понял Борислав Тихонович.

— Стекло разбил, учебники порезал, с учениками подрался.

Шерстнев покачал головой: осведомлённость следователя о школьных проблемах настораживала. Действительно, в Школу был зачислен мальчик Рома тринадцати лет, сын не бедных родителей из Брянска, показавший при тестировании отличное знание математики. Однако по беседам с учителями Шерстнев уже знал, что учится Рома плохо, конфликтует с другими мальчиками и тайком от всех курит, что вообще было недопустимо для Школы.

— Мальчик как мальчик, — пожал плечами Шерстнев. — Не самый послушный и воспитанный. Но мы для того и существуем, чтобы заниматься воспитанием таких подростков.

— Ну-ну, — сделал официальное лицо следователь. — Начнутся в Школе беспорядки — закроем!

— Прощайте, — вежливо сказал Шерстнев, действительно удивлённый таким поворотом дела. Зачем его вызывали, так и осталось непонятным. Вопросы, заданные следователем, могли быть только инструментом запугивания, но не инструментом следствия. Да плюс ещё это странное предупреждение... Чего хотел добиться следователь?

На площади перед зданием ОВД Борислава Тихоновича встретил Онуфрий, неожиданно открывший дверцу старенькой сто двадцатой «Лады»:

— Борислав, садись, подвезём.

Шерстнев поздоровался, сел рядом с пестователем Общины.

— Как вы здесь оказались?

— Сорока весть принесла, что тебя в милицию забрали. Вот пришлось собраться в Жуковку на всякий случай. Миша, поехали.

Водитель, молодой краснощёкий парень с русым чубом, тронул машину с места.

— Тебе куда?

— Обратно в Фошню, куда же ещё. Из-за этого вызова сорвалась экскурсия во Вщиж. Так и не понял, зачем я понадобился следователю. Задал пару глупых вопросов и отпустил. Правда...

— Что?

— Последний вопрос его касался поведения Романа Ошипкова.

— Понятно, — кивнул Онуфрий. — Я так и думал. Романа в Школу направили специально, чтобы он устроил некую «акцию неповиновения», после которой Школу можно закрыть. Не удивлюсь, если он окажется членом триангула.

Шерстнев посмотрел на волхва непонимающе, и тот добавил:

— Триангулы на вооружении конунгов появились ещё лет семь назад. В них, как правило, входят три человека: старик, женщина и ребёнок. Все — профессионалы слежки и оперативных мероприятий, натасканные особыми инструкторами. Их трудно заподозрить в противоправных действиях: что может совершить немощный с виду старик, пожилая женщина и пацан? Однако способны они на многое.

— Ты в самом деле думаешь, что Роман заслан конунгами?

— Проверим. Может быть, парня просто отчислить, от греха подальше?

— Дайте мне время, хотя бы пару дней, я сам с ним разберусь.

Онуфрий помолчал, поглядывая по сторонам.

Осень уже заявила о своих правах, и природа обогатилась новой палитрой красок, в которой преобладали жёлтые и оранжевые тона. Приближалась пора бабьего лета и золотой осени, зажигающей клёны невиданной красоты кострами. Лес по сторонам дороги, потерявший плотность летней листвы, протаял в глубину.

Машина миновала Гришину Слободу с её двухэтажным особняком Клуба спортивного совершенствования, затем свернула направо, к Велее. После смерти президента Клуба Семёна Блющева Клуб перестал работать как центр подготовки бандитов, и по сведениям из райцентра было известно, что его хотят превратить в филиал Бежицкого спортивного института. Базу

Клуб имел приличную, осталось только облагородить его территорию и переоборудовать кое-какие залы в аудитории.

«Лада» свернула ещё раз, направляясь к Фошне.

Сзади показался, но тут же отстал сине-белый джип «Патриот».

Онуфрий оглянулся.

— Подозрительных лиц вокруг Школы не замечал?

— Вроде бы нет, — ответил Борислав Тихонович, занятый своими мыслями. — Не могу поверить, что Роман — опер триангула. Неужели конунги вербуют в свои сети и детей?

— Ты не встречался с ними, вот тебе и в диковинку.

— Страшные люди!

— Нелюди, ты хотел сказать? Увы, мой друг, вся эта чёрная система создана не людьми и не для людей. Ничего святого для неё не существует. А за пацаном последи аккуратно, чтобы не натворил бед. Со своей стороны мы тоже примем кое-какие меры. Кстати, на вооружении эмиссаров Синклита появились пси-генераторы нового типа, замаскированные под фотоаппараты, видеокамеры, мобильные телефоны и прочую электронную дребедень. Помни об этом и будь начеку. В милиции тебя не фотографировали, случаем?

— Нет, я бы заметил, — пробормотал озадаченный Шерстнев.

— Всё равно давай посмотрю твою *тямь* и почищу на всякий случай.

Шерстнев подумал, кивнул; *тямью* волхвы называли пси-ауру человека, цвет которой и чистота легко выявляли присутствие посторонних психофизических излучений.

— Дома посмотришь.

— За нами приклеился джип «Патриот», — баском проговорил водитель, посматривающий в зеркальце заднего вида.

Онуфрий и Шерстнев переглянулись.

— К тебе прицепили «хвост», — усмехнулся волхв. — Начальник Жуковского ОВД подполковник Коробко является родственником убитого Блюшева, и ему очень хочется раскрыть это дело.

— Перспективы?

— Никаких. Но похватать невинных они могут. Тем не менее милиция для нас не проблема, ей легко отвести глаза. Дру-

гое дело — разведка конунгов. С одной из её групп мы справились, но Синклит, похоже, послал другую.

— Особого внимания к Школе я не чувю.

— Конунги понимают, что мы будем охранять Сергия, и действуют осторожно. Что и нас заставляет действовать так же осторожно, не раскрывать резервы и не создавать подозрительных прецедентов, по которым можно вычислить местонахождение ведича. Убийство Блюшева, к сожалению, прецедент. Витязь перестарался. Вот почему сюда устремились охотники Синклита.

— Может быть, всё ещё обойдётся?

Онуфрий оглянулся.

— Едет?

— Отстал, — качнул головой водитель.

— Останови.

«Лада» пересекла мостик через ручей и прижалась к обочине дороги.

Прошла минута.

Показался милицейский «Патриот», в кабине которого сидели трое: водитель и двое мужчин в штатском. Они внимательно посмотрели на «Ладу» с открытым капотом, на копошащегося внутри водителя.

— Не суетись, они тебя не увидят, — сказал спокойно сидевший Онуфрий. — А так как мы никуда не заезжали, то они сделают вывод, что мы тебя высадили по дороге, в Велее, и вернутся.

Действительно, джип через пять минут показался из-за поворота впереди, медленно проехал мимо. Его пассажиры всё так же внимательно осмотрели «Ладу», но вылезать не стали. «Патриот» скрылся за кормой «Лады». Водитель закрыл капот, сел и включил двигатель.

— Я мог бы накрыть машину *непроглядом*, — сказал Онуфрий, — но не хочу плодить слухи о чертовщине. Это может насторожить охотников за Сергием. Они наверняка имеют пеленгаторы магии. Кстати, как он себя ведёт?

— Нормально, прижился, — с улыбкой сказал Шерстнев. — Удивительно цельный мальчишка, светлый и чистый.

— Глеб так его и называет — Светлый.

Показались окраинные домики Фошни.

Машина остановилась у дома Шерстнева.

Наступил полдень, и улица была пуста, лишь у продуктового киоска две старушки беседовали с продавщицей. Вид был идиллически умиротворённый, спокойный, солнышко палило как в июле, сонная жара опустилась на деревню, и всё же Шерстневу вдруг на мгновение стало зябко. Он покосился на спутника, встретил его ответный понимающий взгляд.

— Непокойно у тебя, — покачал головой Онуфрий. — Дрёма нарушена, чую ток внимания.

— Ко мне?

— Ко всей местности. Фошня под прицелом конунгов, и это плохо. Кто-то из них запустил сюда свой коготок.

— Кто именно?

— Знал бы — этого не случилось бы. Впрочем, ты работай, как работал, не отвлекайся, мы сами проверим обстановку.

Они прошли в дом.

Жена Борислава Тихоновича работала в Школе, сын Антон учился в Рязанской Академии воздушно-десантных войск, поэтому в доме никого не было. Хозяин провёл гостя в светлицу, неуверенно потянул себя за мочку уха:

— Пообедаешь?

— Не голоден, да и некогда. — Онуфрий жестом показал ему, как надо стать. — Замри, думай о хорошем.

Шерстнев послушался.

Сквозь голову пронёсся лёгкий сквознячок, перед глазами засияла россыпь искр, погасла.

Онуфрий обошёл Борислава Тихоновича, проворчал:

— Слава богам, тямь не нарушена! Но почиститься тебе стоит. Сходи в баньку, попарься, искупайся в бочажке с холодной водицей, поправь энергетику.

— Хорошо.

— И звони мне, если что заметишь неправильное.

— Поговорю с Романом — позвоню.

Онуфрий сунул ему сухую крепкую ладонь, вышел.

Шерстнев присел на диванчик, подумав, что Онуфрий — не просто пестователь Общины, но и работник Катарсиса, Вечевой службы Рода Руси, и что за ним стоят мощные силы.

Борислав Тихонович когда-то и сам состоял на службе и знал, что Катарсис включает в себя многие структурные подразделения. Руководил Катарсисом Хранитель Традиций — на-

правляемый Советом волхвов. А непосредственно исполнителями являлись службы контроля властных структур, контрразведки и внутренних расследований, ясновидения и прогноза, разработки треков, реализации треков — оперативная спецслужба, состоящая из трёх групп: психологического давления, физического воздействия (её называли ЧК-службой) и наведения, а также служба охраны особо важных персон и объектов и аналитический центр. Самому Бориславу Тихоновичу в молодости удалось поработать в информационно-аналитическом центре Катарсиса, поэтому он знал о работе Вечевой службы изнутри. На жизни Школы деятельность Катарсиса пока никак не отражалась, но Онуфрий не зря уделял этому учебному заведению так много внимания. Именно от развития подобных Школ — а это и был Замысел волхвов — зависела дальнейшая судьба России, управляемой до сих пор служителями культа Сатаны — конунгами.

Шерстнев очнулся, сел поудобнее. Захотелось провести энергетическую чистку организма от всех негативных «шлаков», полученных в результате утреннего психического напряжения.

Это упражнение, улучшающее общее состояние, полезно выполнять в конце дня, особенно если в течение дня приходится встречаться с разными людьми. Но оно помогает избавляться от психоэнергетического «мусора» и в любое время суток.

Борислав Тихонович расслабился, привычно провёл трёхминутный сеанс дыхательной гимнастики. Представил вспыхнувший над головой смерч ослепительного белого огня в виде опускающейся воронки. Узкая часть воронки вихря проникла в голову и дальше, в позвоночник, а широкая охватила физическое тело и всё поле ауры.

Вихрь по воле Шерстнева стал опускаться ниже: узкая его часть — по позвоночнику, широкая, вращающаяся по часовой стрелке, — сквозь всё тело. Ослепительный огонь смерча выжиг все попавшие в организм «инородные энергии» и промыл тело, голову, позвоночник, восстановил кое-где «помятое» поле ауры, ушёл вниз, в землю, в подземные царства минералов.

Борислав Тихонович глубоко вздохнул, чувствуя себя помолодевшим, умылся, переоделся, оседлал велосипед и поспешил в Школу.

Завучу Анне Павловне о своей беседе со следователем он ничего рассказывать не стал. Односложно отговорился, что, мол, милицию беспокоит поведение некоторых учеников, что, в общем-то, было правдой. После этого он побеседовал с учителями и вызвал к себе Романа Ошипкова, о котором спрашивал его следователь.

Роман был крупным, склонным к полноте, розовощёким парнишкой тринадцати лет, с виду — увальнем, мечтающим о вкусной еде. Но, заглянув ему в глаза, Шерстнев понял, что мальчик не так прост, как кажется, и прячет в душе некое з н а н и е, доставшееся ему по чьей-то злой инициативе. В глазах этих, жёлто-медовых, не желающих смотреть прямо на собеседника, прятался огонёк упрямства, нагловатости и язвительной насмешки, обычно несвойственной детям в таком возрасте.

— Я слышал, что ты поссорился с мальчиками в группе, — начал Борислав Тихонович отеческим тоном. — Повышаешь голос на учителей, не слушаешь наставника. Что случилось? Почему тебе стало некомфортно в Школе?

— А чего они сами? — набычился Роман, кинув на директора тот же понимающе-насмешливый взгляд. — Дразнятся...

— Как дразнятся?

— Рома-корова, дай молока...

Борислав Тихонович улыбнулся, продолжая изучать ауру мальчика, в которой чередовались как лучистые корональные сияния, так и тёмные провалы и грязно-коричневые вуали.

— А мне говорили, что это ты дразнишься.

— Мало ли что вам говорят, — нагло ответил Роман, пряча глаза. — Вы же не дежурите на переменках.

— Это верно, не дежурю, — согласился Шерстнев. — Однако могу отличить ложь от правды. Ты же сейчас врёшь. Зачем?

— Не вру я нисколько, — окрылся мальчишка. — И вообще... скучно у вас! Я думал, будет интересно, обещали всё... а вы только про традиции да зубрить заставляете...

— Вот уж никто никогда у нас не заставляет зубрить учебники, — сказал удивлённый Шерстнев. — И о традициях говорят лишь на уроках истории. К тому же у нас много разных кружков, спортивных секций, можно легко отыскать дело по душе. Но, опять же, ты этого не делаешь, а лишь смеёшься над ребятами. Мало того, Серёжу Валова побил ни за что, хотя он нико-

гда ни с кем не ссорился. К Сергию Тарасову цепляешься. Приёмы интересные показываешь. Кто обучал тебя рукопашному бою?

— У меня папа спортсмен, — важно сказал Роман. — У него много друзей, все занимаются боксом и борьбой. Я у дяди Шуры занимался.

— Кто этот дядя Шура?

Роман покраснел, отвёл глаза.

— Он в милиции работает, всеми командует... И вообще... что вы меня допрашиваете? Я не виноват! Отцу пожалуюсь, что вы меня трютируете, к вам комиссия приедет, вот!

— Третируем, значит, — пригорюнился Борислав Тихонович. — Комиссия приедет. Кстати, откуда ты знаешь про комиссию? Кто тебе посоветовал хулиганить, чтобы приехала комиссия?

— Никто. — Роман покраснел, понимая, что в запальчивости сболтнул лишнее. — Вы меня не сбивайте... и вообще... мне обещали, что будут учить колдовству, а сами...

Шерстнев озадаченно потянул себя за мочку уха.

— Это кто же тебе обещал учить колдовству?

— Да, обещали, когда принимали! Там, ритуалам разным, белой магии, ага...

— Белой магии не существует.

— Почему? — вскинул глаза мальчишка.

— Под этим определением подразумеваются разные операции, которые в народном сознании носят мистический характер, магический, если угодно, но их исход всегда благоприятен для объекта, на который они направлены. Однако эти же операции можно повернуть и таким образом, что объекту станет плохо. Обычно этим занимаются так называемые чёрные маги.

— Ну, всё равно, обещали... и не делаете...

— Во-первых, никто такого при приёме в Школу обещать тебе не мог. Разве что цикл лекций о видах магии, да и то этот цикл рассчитан для других возрастов и умений. Ты же только-только начал у нас учиться. Думаю, тебе о магии говорили те, кто посылал тебя к нам.

— Меня никто не посылал! — сжал губы Роман. — Ну, папа говорил... и всё!

— Во-вторых, если человеку что-то не нравится, он должен

прийти и сказать, что именно не нравится, а не начинать бучу. Тебя ведь никто из учителей и ребят не обижал. Может быть, лучше всего бросить Школу, если уж тебе здесь так плохо?

— Я... мне тогда... — Мальчишка опустил голову, уши его вспыхнули; было видно, что он с трудом сдерживается. — Мне надо... учиться... и вообще... — Он вскинул на Шерстнева заблистевшие глаза. — А магия правда существует? Ну, хоть какая-нибудь?

Борислав Тихонович покачал головой:

— Если по правде, магия — это практика воздействия на материальный мир с помощью мысли и духовных сил. Её лишь можно применять во вред или для пользы. Хотя во всём мире разделяют эту практику на разные виды магии.

— Какие?

— Говорят об эгрегорной магии, красной, зелёной, теллуровой, о чародействе, шаманизме, теургии, гоэтии, спагирии, магии ангелов и так далее.

— Здорово! — В глазах мальчишки проскочила искра вожделения. — Вот бы мне научиться! Махнул рукой, раз — и всё тебе делают!

Борислав Тихонович погрузнел.

— За всё нужно платить, дружок, а за обладание магическими знаниями — особо. Главное, этому надо долго учиться. Нужно ли это тебе?

— Ещё как! Всем нужно!

— Не знаю, я бы не хотел так: махнул рукой — и всё тебе делают. Сам лучше сделаю, это намного приятней. Однако мы заговорились. Иди в класс. И подумай, как дальше жить. Учителя — не колдуны и не маги, а ребята — не ученики волшебников, как Гарри Поттер. Они хотят знать, как устроен мир, и применять знания на практике. Снова примешься за старое — отчислим.

— Я папе скажу, — угрюмо пробормотал Роман. — Он вам...

— Покажет, где раки зимуют, — серьёзно сказал Борислав Тихонович. — Что ж, жалуйся, если сумеешь убедить отца в своей невиновности. Только ведь жизнь таких наказывает сурово. Не боишься?

— Чего мне бояться? — криво улыбнулся мальчишка. — Это вы бойтесь... до свиданья.

Дверь закрылась за его спиной.

— До свидания, — проговорил Шерстнев, задумчиво глядя ему вслед.

Посидел немного, проверяя свои впечатления от беседы с возмутителем спокойствия в Школе, снял трубку телефона, набрал номер:

— Палыч, кажется, ты был прав. Мальчик не прост и не чист. Да и проговорился не раз. За ним кто-то стоит. Его специально обучали. Некто дядя Шура из отцовского окружения, работает где-то в милиции.

— Проверим, — отозвался пестователь. — Кто принимал его в Школу? Ты сам или завуч?

— Первым беседовал с ним я, и с отцом тоже, ещё в июле. Но документы, конечно, не проверял, его Анна Павловна оформляла.

— Посмотри эти документы внимательно. Боюсь, что и отец у него липовый, бумажный. Инструкторы спецназа конунгов обычно берут таких мальчишек из детдомов.

— Эти подробности вы сами выясняйте. Одно знаю твёрдо: парень от кого-то сильно зависим и умеет сдерживаться почти по-взрослому. Пока что он делает маленькие пакости, но определённо способен и на большие подвиги.

— Последи за ним, — хмыкнул Онуфрий. — Воспитание заблудших овец — твоя епархия. Справишься.

— Попробую, — сказал Шерстнев, опуская трубку на телефон.

Глава 12

В ЧЁМ ТВОЁ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ?

Ветлуга—Брянск

Предложение нового Владыки посетить его жилище в Ветлуге Хмеля удивило. Он не встречался с ним давно, несколько лет, и успел подзабыть о существовании Егора Крутова, к которому перешёл с у б в о р ь — знак Белого волхва, главы волхвов, который должен был печься о судьбе Руси и возрождать былую славу её воинов.

Предложение Никифору передал волхв Дементий, пестова-

тель Общины «Родолюбие» в Воронежской губернии, но на вопросы Хмеля: зачем он понадобился владыке и что надо делать — Дементий не ответил. Сказал: сам всё узнаешь, — поговорил о том о сём и уехал.

Никифор, как бывший военный человек, не привык обсуждать приказы, — просьбы Дементия он воспринимал именно так, — поэтому собрался быстро. Сообщил жене, что уезжает в командировку (Шарифа давно привыкла к такому образу жизни и мужу не перечила), доложил своему непосредственному руководству в лице начальника Роспотребнадзора Кормича, исполнявшего одновременно обязанности командира ЧК Катарсиса, что вызван по делу, и двадцатого сентября, в среду, погнал свою спортивную «Ауди» из Москвы в Ветлугу.

Крутов продолжал жить в райцентре Нижегородской губернии на улице Герцена, в собственном доме. Никифор уже бывал здесь дважды, хотя и давно, поэтому не плутал по городу в поисках усадьбы бывшего координатора Сопротивления, а сразу подъехал к дому.

Ворота во двор дома открылись, как только «Ауди» Хмеля оказалась перед ними, хотя механизма отпирания по-прежнему не было видно. Никифор загнал машину во двор, вылез, озираясь, узнавая строения усадьбы.

Тотчас же из сеней вышел к нему высокий мужчина с коротким ёжиком седых волос, плотный, ощутимо сильный, одетый в белую рубаху без ворота и домашние штаны.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга: с ожиданием и колебанием — Никифор, оценивающе — Крутов. Потом Владыко улыбнулся, шагнул вперёд, и они обнялись.

— Как доехал?

— Нормально. Дороги хорошие везде начали строить.

— В основном платные, если ты заметил. Есть хочешь?

— Не откажусь.

— Пошли.

Хозяин повёл гостя в дом.

В сенях, где, как встарь, гуляли запахи трав и смоляного дымка, к ним навстречу вышла молодая женщина с большими лучистыми серыми глазами.

— Лиза, — огорчённо сказал Никифор, — а я без цветов, прости.

— Ничего, цветов у нас в саду много. Рада тебя видеть.

Она обняла его, поцеловала в щеку, посмотрела на мужа.

— Накрывай на стол, пообедаем, — кивнул тот.

— Я мигом, — убежала Елизавета.

— Сколько лет прошло, а она не меняется, — проводил её глазами Никифор. — Даже молодеет. Где ты нашёл такую?

— В Брянских лесах, — наметил свою специфическую полуулыбку Крутов. — Там таких много. Жаль, что ты женат, мы бы и тебе там невесту нашли красивую.

— Одной красоты мало...

— Говорят, если хочешь жениться на красивой, умной и богатой, тебе придётся жениться три раза.

Хмель рассмеялся:

— В принципе, это правда. Но мне повезло.

— Как Шарифа, дочка?

— Всё в порядке, Шарифа работает в стоматологической клинике, Степанида ходит в детсад, ей уже три стукнуло. А твои где?

Крутов на мгновение смутился:

— Мы только недавно решились. Лиза беременна.

— То-то я заметил, ходит она плавно... и животик круглится. Это здорово, жизнь берёт своё. Я от Стёпушки без ума, если честно. Никогда ни думал, что так привяжусь к дочке! Если бы не командировки, в садик бы не водил.

— К сожалению, вынужден огорчить. Тебе опять придётся поехать в командировку.

— Я уже догадался. Куда?

— В Брянскую губернию, а точнее — в Жуковку.

— Я же недавно оттуда.

— Иди умывайся, поедим и побеседуем.

Никифор умылся с дороги, и, чувствуя себя посвежевшим, прошёл в холл, где стояла старинная русская печь, украшенная изразцами, а стены были покрыты древними с виду фресками.

— Проходи, — открыл дверь лаборатории Крутов.

Никифор с любопытством шагнул в помещение, пережив ощущение дежавю: семь лет назад он впервые знакомился с волхвом, самостоятельно прошедшим все ступени посвящения, и точно так же входил в его святая святых.

Лаборатория оказалась почти пустой.

Исчез длинный стол с рядами реторт, различных сосудов вычурных форм, банок и чашек. Вместо него посреди комнаты стоял современный круглый стол без каких-либо деталей.

Исчезли почти все сложнейшие установки, напоминающие химические реакторы, автоклавы и ускорители. Сохранился лишь один «ускоритель» в углу лаборатории, да на стенах появились необычные стеклянные и металлические узоры, похожие на антенны. Плюс экран телесистемы во всю стену. А в центре лаборатории красовалось знакомое Никифору массивное деревянное кресло с резной спинкой и гнутыми подлокотниками, с ножками в форме волчьей лапы. На подголовнике кресла висела корона из голубоватого металла, семигранная, высокая, с очень сложным узором ажурной вязи.

— Капия, — пробормотал Никифор, разглядывая корону.

Крутов показал свою обычную едва заметную усмешку.

— Не забыл. Не хочешь повторить сеанс?

— Благодарю покорно!

— А зря, с её помощью ты мог бы приобрести полезные свойства.

— Какие?

— К примеру, научиться технике ухода от пси-удара. Враги наши не дремлют, создали множество психотронных генераторов, от излучения которых практически нет защиты. Кроме воли и умения вовремя «улететь».

— Как это? — недоверчиво прищурился Никифор.

— Один из способов — представить себя птицей и улететь в небо. Потом вернуться, «почистив перья».

— Это если успеть заметить, что в тебя стреляют. А если не успеешь?

— Тогда организм сам должен переводить «стрелки» твоего «поезда» на запасный путь. Капия помогает закрепить это умение в форме инстинкта. Об искусстве джон-джиг слышал что-нибудь?

— Нет.

— Это практика мысленного вхождения в мёртвое тело человека или животного, так называемый перенос психики. Капия может помочь овладеть и этим защитным механизмом.

— Это долго, наверно...

— Два сеанса, — засмеялся Крутов, подтолкнул Хмеля к выходу. — Многие Витязи прошли через это. Идём обедать.

Елизавета накрыла стол на веранде, куда свободно проникали запахи сада. На столе дымились тарелки со щами, лежали в плоских пирожки с грибами, салат из свежих огурцов и помидоров. На второе хозяйка подала запечённую рыбу с румяной корочкой, и, когда она принесла чай, Никифор почувствовал, что сыт окончательно и бесповоротно.

— Вкусно готовишь! — похвалил он Елизавету, расслабленно откидываясь на спинку стула. — Повезло твоему мужу.

— Твоя Шарифа разве не умеет готовить? — осведомился Крутов.

— Умеет, но иначе. С русской кухней у неё небольшой напруг. Хотя научилась и щи варить, и солянку, и рыбный суп, и даже блины готовить. Но лучше у неё всё равно получаются блюда кавказской кухни.

— Чай будешь или что другое?

— Помнится, мы пили у вас чай с чабрецом и мятой, очень душевная вещь.

— Сейчас принесу. — Лиза вышла.

— Куришь? — спросил Крутов.

— Курил какое-то время, потом бросил. А что?

— Просто так спросил. Из моих знакомых редко кто курит.

— Ты решил прочитать мне лекцию о вреде курения?

— Заметил, как ты ищешь что-то глазами, подумал — пельницу. В принципе это сугубо индивидуальная вещь. Хотя недаром кто-то заметил, что курение вредно человеку только при жизни.

Хмель улыбнулся:

— Да, на том свете не покуришь. Что мне делать в Жуковке?

— Я хочу предложить тебе поработать в триаде по защите Серебряного мальчика вместе с Тарасовым и Булавиным.

Никифор удивлённо вскинул глаза на волхва:

— Ты серьёзно?

— В прошлый раз ты погорячился. — Глаза Крутова стали чисто голубыми и холодными, но тут же потеплели. — Блющева не стоило убивать.

Никифор поморщился.

— Да знаю я! Это получилось чисто рефлекторно... Редчайшей скотиной был этот выродок!

— Согласен, но всё равно это было ошибкой. Синклит, а точнее, исполнительный орган этой сатанинской системы...

— Реввоенсовет?

— Функции Реввоенсовета теперь исполняет Федеральная антитеррористическая служба.

— ФАС! — стиснул зубы Хмель. — Блин!

— ФАС, но не блин. Давно не сталкивался?

— Давненько, с момента нашего последнего боя с конунгами.

— Боюсь, наше противостояние с ФАС скоро возобновится. Ею заправляет ставленник Синклита генерал Гвоздецкий, бывший глава службы безопасности президента, и мы никак не можем заменить его своим человеком.

— Старый знакомый. Я знал его полковником.

— Он многому научился за последнее время. Но я не об этом. ФАС заинтересовалась Брянской губернией и послала туда несколько групп для выявления местопребывания Серебряного мальчика. Тебе с Глебом и Димой Булавиным придётся создать такую сеть охраны Сергия, сквозь которую не сможет просочиться ни один агент конунгов, ни одно живое существо!

Никифор опустил голову:

— Понятно.

— И дополнительное задание: в Жуковку временно перебрался известный писатель Владлен Тихомиров, его тоже надо взять под защиту.

— А его с какого бодуна?

Крутов усмехнулся:

— Не с бодуна, а конкретно. Он один из Проводников Рода, пытающихся донести до людей крупницы древнего знания о наших традициях и нашей истинной истории. Синклит приговорил его к нейтрализации.

— То есть к ликвидации?

— Иногда человека можно нейтрализовать, не убивая его. Тем более что уже существуют психотронные «глушаки» и «анаконды».

— Ясно. Прикроем. Что ещё?

Вошла Елизавета, держа поднос с чайным сервизом. Ники-

фор взял в руки красивую, тонкого фарфора чашку, и та вдруг шевельнулась как живая, изменив форму. Он осторожно посмотрел на неё, поставил на стол.

Чашка снова изменила форму.

— Изыди, сатана! — суеверно отмахнулся Никифор указательным пальцем.

Елизавета засмеялась, оставляя мужчин одних.

— Это гонизэ, — улыбнулся и Крутов. — Изделие вполне современное, хотя и в каком-то смысле магическое. Оно меняет цвет и форму в зависимости от эмоционального состояния владельца. Не бойся, оно не кусается.

Крутов взял свою чашку, и та под его взглядом претерпела трансформацию геометрической формы, пока не стала вновь обычным «фарфоровым» сосудом для чая.

Никифор внутренне напрягся, берясь за свою, заставил себя успокоиться, и чашка ответила на это лёгким «поворотом», из круглой превращаясь в эллиптическую.

— Первый раз встречаюсь с таким видом волшебства...

— Ну что ты, это физика, а не волшебство, хотя законы этой физики ещё не изучены в полной мере. Когда-то наши предки владели ими и могли управлять материальными процессами с помощью слова.

— Мысли, ты хотел сказать?

— Формирующая любой процесс мысль требует колоссальной дисциплины, поэтому ею пользовались только адепты, достигшие высочайшего уровня самореализации. Словом же владели многие.

— Слово — это же просто звук, сотрясение воздуха.

— Слово — вибрационная команда к реализации идеи через тонкие полевые взаимодействия. Ты сказки читал?

— В детстве, как все, — пожал плечами Никифор.

— В сказках зашифрованы многие достижения наших предков, которые воспринимаются ныне через призму волшебства, как несбыточные мечты. На самом же деле все они отражают истинные деяния героев.

— Это какие же? — заинтересовался Никифор.

— Помнишь сказку об Иване-царевиче, подъехавшем к камню, на котором были начертаны указания?

— Направо поедешь — коня потеряешь...

— Налево — богатым будешь, прямо поедешь — голову сложишь. Последний — самый трудный путь, потому что если потеря коня означает потерю времени, богатство — это испытание славой, властью и богатством, то потеря головы мыслится как потеря всего, к чему ты привязан. В том числе смену категоричности суждений, императивов и решений, разделяющих психический мир человека на полюса добра и зла. Главному герою этой сказки надо победить все свои страхи и сомнения и обрести гибкость и полноту сознания, чтобы выполнить своё предназначение и достичь главной цели...

— Освободить Василису Премудрую.

— Достичь главной цели — мудрости. Ибо Василиса Премудрая и есть высокая божественная Мудрость.

— Я понял. Только так можно достичь высот знания.

— Правильно, Витязь, высот знания и духовного совершенства, после чего человек и становится повелителем природы, то есть материи. В другой сказке, если ты помнишь, про Емелю-дурачка, его возможности выражены ярче. Емеля достиг такого высокого уровня владения мыслью и словом, что может совершать любые чудеса. Вот только достигается этот уровень упорнейшим трудом и самоотречением.

Хмель с любопытством посмотрел на разговарившегося волхва:

— Ты тоже так можешь?

Крутов помолчал, допил чай, качнул головой:

— Мне ещё идти и идти... Но о деле. В Брянске объявился некий Учитель Небесной Иерархии, как он себя величает, магистр Ордена Галактических Мастеров Варавва Елин. Корректирует биополя, подсоединяет страждущих к «сверхмошному божественному энергополю», учит магии, исцеляет чуть ли не все болезни и проводит операции с помощью «космического хилерства».

— Круто! Шарлатан?

— В том-то и дело, что он реально лечит больных, хотя в большинстве случаев больные сами исцеляются благодаря собственной вере в исцелителя. Мало того, вокруг дома, где он поселился, возник «автовакуум», как я называю места свободного проезда для всех видов транспорта. Кстати, у него «Хонда Прелюд Люкс». По моей оценке, эти места для себя каким-то образом организуют конунги.

— Так этот Варавва конунг?

— Может быть, эмиссар конунгов, не суть важно. Сможете понаблюдать за ним, но осторожненько, чтобы он не учуял?

— Попробуем, — с сомнением хмыкнул Никифор. — Спецтехника понадобится, однако.

— Вам доставят всё, что необходимо для слежки, хотя лучшая спецтехника — собственные силы и возможности. Их просчитать и определить сложно даже магу. И последнее: в начале октября вам необходимо совершить с Сергием паломничество к Дольмену Духа, на могилу Спасительницы.

— На могилу-то зачем?

— Это реликтовое сооружение, сохранившееся с допотопных времён, с момента распада Гиперборейской империи. Оно представляет собой особое место выхода позитивных энергий. Общение с Дольмен-могилей выявляет внутреннюю устремлённость человека к достижению высоких идеалов. Хотя выдерживают такое общение далеко не все.

— Зачем же рисковать мальчишкой?

Крутов наметил улыбку.

— Сергей должен справиться. Общение со Спасительницей даст ему многое. По сути, это будет посвящением парня в волхвы. Но для паломничества надо создать такие условия, чтобы никто не смог догадаться о его цели и преградить вам дорогу.

— Я понял, — пробормотал Хмель, вдруг ощутив всю тяжесть предупреждений Владыки.

— Чаю ещё хочешь?

— Благодарю, напился.

— Тогда, может быть, рискнёшь провести сеансик капии?

Никифор встретил изучающе-насмешливый, но не обидный, понимающий взгляд Белого волхва и расправил плечи:

— Я готов! Как говорит мой командир: лучше один раз родить, чем всю жизнь браться.

Крутов засмеялся, потрепал его по плечу, и они направились в лабораторию.

В Брянск Хмель приехал затемно.

После двух сеансов «корректировки» организма с надеванием на голову короны-капии он всё ждал, что начнёт видеть или ощущать «нечто странное», ранее недоступное шести органам

чувств. Но лишь в момент выхода из состояния «белого сна» голову пронизывал вихрь призрачных видений и небывалых ощущений, длившийся несколько мгновений. Потом голова прояснялась, и бывший майор спецназа чувствовал себя вполне нормально, как обычный человек.

Однако инициатор этого процесса Егор Крутов пообещал ему, что настроенный в глубинах нервной системы «резонансный контур» новых умений сам даст о себе знать в нужное время, и Никифор успокоился. Хотя изредка ловил себя на мысли, что неплохо бы проверить свои возможности.

Крутов пояснил ему также, что техника уклонения от психимпульса опирается на абсолютно немифические законы биофизики, так как физической основой и сглаза, и порчи, и других дистанционных воздействий на человека является управление электрической проводимостью ДНК. Молитва ли, транс, мысленно-волевой приказ мага или психотронный луч всего-навсего наводили в генах сильные электрические токи или же прерывали ДНК-проводимость, что, в свою очередь, приводило к нужному результату. То есть — к управлению людьми.

Объяснение Крутова Никифора не заинтересовало. Учёным он не был, ни теоретиком, ни экспериментатором, и всегда довольствовался тем, что сформулированные кем-то законы работают. А вот о предназначении своём, тему которого затронул Белый волхв, задумался. Что-то тревожное крылось в словах Крутова, не поддающееся мысленному анализу и требующее непредвзятой оценки. Жизнь потихоньку подвигалась к финалу, а Никифор так и не понял, ради чего живёт. Его личное предназначение оставалось тайной для него самого.

Он усмехнулся, вспомнив шутку командира: многие так и не поняли, есть ли жизнь перед смертью. Шутка несла в себе изрядный сакральный смысл. На самом деле редко кто из людей задумывался над смыслом своей жизни.

Вспомнив адрес господина Вараввы Елина, магистра Ордена Галактических Мастеров, Хмель решил проехать мимо его места обитания и на перекрёстке после въезда в Брянск и пересечения Десны повернул направо, на улицу Красноармейскую.

Варавва Елин жил на улице Советской, рядом с музеем «Брянский лес».

Никифор свернул на проспект Ленина, потом на Гагарина,

медленно проехал мимо музея и вдруг почувствовал на спине липкий неприятный взгляд!

И тотчас же отозвался тот самый «сторож» организма — резонансный контур джон-джига, активированный в психике Крутовым с помощью капии.

Душа Никифора рванулась птицей ввысь... и он действительно увидел вечерний Брянск с высоты птичьего полёта! И свою машину на улице!

Машина ехала в редком соседстве с другими автомобилями, её водитель крутил руль, и было ясно, что едет он «на автопилоте». Сознание Никифора в данный момент перенеслось в мозг парившего над городом ворона.

Сердце оборвалось: ощущение неспешного парения в воздухе было абсолютно естественным и свободным, но до этого Хмель никогда раньше так не летал!

Голова закружилась...

В то же мгновение сознание «спикировало» обратно в голову майора.

Удар!

Никифор инстинктивно затормозил, огляделся, переживая множество необычных ощущений, в том числе — ощущение тяжести в теле и тесноты.

Машина стояла рядом с остановкой автобуса. Всё было спокойно. Никто из прохожих и ожидавших транспорт пассажиров не обратил на неё никакого внимания.

Хмель прислушался к своим «встопорщенным» чувствам.

Ощущение липкого взгляда прошло. Тот, кто каким-то невероятным образом учуял приближение Витязя, «отвернулся», успокоенный.

Возможно, он использует магические приёмы безадресной защиты, вспомнились слова Крутова, будь внимателен.

— Собака бешеная! — прошептал Никифор, расслабляясь и трогая машину с места. — Мы к тебе ещё наведаемся!

Однако в глубине души он остался доволен своей реакцией. Первый опыт трансперсонального «выпрыгивания» из тела прошёл успешно.

Захотелось есть.

Взгляд отыскал среди линейки зданий кафе под названием «Винни-Пух». «Ауди» свернула к нему.

Размышляя над паранормальными возможностями человека, о которых говорил Крутов, Хмель поставил машину в ряду других, зашёл в кафе, почти заполненное молодёжными компаниями, сел в уголке за освободившийся столик. Очень хотелось овладеть приёмами волшебства, или сиддхами, как называли магические способности индийские эзотерики. Особенно нужны были лагхима — владение левитацией, анима — способность изменять размеры объектов и антардхана — невидимость, но Хмель понимал, что дано это не каждому человеку и даже не каждому волхву. И тем не менее мечты от этого понимания не становились слабее.

В кафе начался какой-то шум.

Никифор поднял голову от меню, которое принесла рыженькая девушка-официантка.

Возле барной стойки вцепились друг в друга два парня, худой и толстый, в майках, с татуировками на плечах. Их никто не разнимал. Даже охранники, отреагировавшие на шум, почему-то не спешили заниматься своим делом.

— У вас что здесь, бойцовский клуб? — хмыкнул Никифор.

— Это охранники мэра отдыхают, — понизила голос официантка. — Мы уже пробовали вызывать милицию и поплатились. Уволюсь я отсюда, надоело!

Никифор с любопытством посмотрел на девушку:

— Часто у вас такие спектакли?

— Каждую субботу. А сегодня они в будний день заявили... работать противно! Как нового мэра выбрали, так и началось.

— Да, весело живёте, — покачал головой Никифор.

— Если бы они не приставали...

— И к вам пристают?

Официантка смущённо кивнула:

— Ко мне пресс-секретарь мэра приставал. Хорошо, один мужчина вступился. Уйду я отсюда, наверно. Что вам принести?

— Салат «Цезарь», бараньи рёбрышки и чай.

Официантка убежала.

Парни у стойки ещё какое-то время возились, как борцы классического стиля, потом вдруг помирились и пошли к выходу. Но у столика Никифора задержались.

— Эй, братан, угости пивком, — прохрипел толстый бугай с серьгой в ухе. Было заметно, что он сильно навеселе.

— Да ладно, Юр, поехали в «Духлесс», — попытался урезонить приятеля худой. — Там девочки ждут.

— Пивка махнём и поедим, — упёрся толстый.

Начинать свою командировку с конфликта не хотелось.

— Извините, ребята, — мирно поднял ладони Хмель, — мне самому на пиво не хватило, салат вот заказал и чай.

— Откажись от салата, — ухмыльнулся толстый. — Как раз на пиво хватит.

— Я же сказал: нет денег! — Голос Никифора стал металлическим. — Непонятно?

— Ты чо, оборзел, в натуре?! — выпучил глаза толстый. — Тебя ж по-хорошему просят! Нет денег — вали отсюда!

Никифор понял, что тихо поужинать не удастся. Вспомнилась заповедь из собственного кондуита поведения: соблюдай правила, но некоторые смело нарушай. Особенно если этого требует ситуация.

— Парни, идите мимо, — проникновенно сказал он, сдерживаясь. — Я нищим не подаю.

— Чо ты вякнул?! — опёрся о стол ручищами толстый. От него прынула такая волна запахов, что Никифор поморщился и отодвинулся.

— Пошли, Юр, — снова попытался унять спутника худой. — Сейчас приедем в «Дух», там закажем пивка...

— Не, ты слышал, чо он сказал?! — взревел толстый. — Он мне за...

Бугай вдруг икнул, замолкая, и лёг грудью на стол.

Худой непонимающе уставился на него:

— Юр, ты чо?

— Эй, охрана, — позвал Никифор. — Человеку плохо стало.

Подскочившие охранники в черных костюмах подхватили толстого под руки, повели на подгибающихся ногах к выходу.

Толпа посетителей кафе рассеялась. Спектакль закончился. Никто так и не понял, что случилось.

Официантка принесла заказ, шепнула:

— Что вы с ним сделали?

— Ничего, — улыбнулся Хмель. — Скорее всего у него сердце слабое.

На самом деле он нанёс толстяку точный удар в нос, но удара никто не заметил.

— Всё равно спасибо, теперь тут тихо будет.

Хмель поел, заплатил за ужин и сел в машину. Охранник у входа в кафе проводил его равнодушными глазами. И хотя взгляд молодого человека в чёрном костюме не походил на испытанный недавно «психофизический» взгляд мага, Никифору стало не по себе. Конфликт всё же случился, пусть и без видимых последствий, а он ещё не доехал до места назначения.

Городские посты ГАИ удалось миновать без остановок. А ещё через час Никифор остановил машину на улице Гомонова в Жуковке, напротив дома Тарасова.

Давно стемнело, улица была пуста, не работал продуктовый киоск неподалеку, и лишь в домах горел свет. Были освещены и окна дома Глеба.

Никифор вышел из машины, открыл калитку, собираясь позвонить, но дверь распахнулась сама, будто ждала гостя, и на пороге возник человек. Но это был не Тарасов.

— Димка? — узнал Булавина Хмель.

— Загони машину и проходи, — улыбнулся директор Вологодской школы выживания, — стол уже накрыт.

Глава 13

ПИСАТЕЛЬ НЕ ДОЛЖЕН ЖИТЬ СПОКОЙНО

Жуковка

Дом у тётки был старый, с «удобствами во дворе», но Владлен относился к нему с теплотой и стойко переносил дискомфорт.

Тётка Александра, естественно, обрадовалась приезду племянника. Жила она одна, была слабовата здоровьем и мечтала о родственниках, разъехавшихся по городам и весям. По вечерам она любила степенные разговоры, вспоминала своё военное прошлое, умерших друзей и близких, быт довоенной и послевоенной Жуковки, и слушать её было интересно.

На второй день после обустройства на новом месте Владлен сходил на местный рынок, приятно удивился ценам и ещё больше удивил тётку, принеся с рынка кучу фруктов, творог, молоко и сметану. И трёхлитровую банку мёда, который очень любил.

Двадцать первого сентября он устроил себе экскурсию по

райцентру, с любопытством изучая его достопримечательности, работающий Парк культуры, новый кинотеатр и строящиеся на месте старого велозавода корпуса автозавода. Здесь чикагский автогигант «Шевроле» собирался возвести цех по сборке нового российско-американского внедорожника «Нива Attack».

Однако прогулка была омрачена происшествием, свидетелем которого стали Владлен и несколько случайных прохожих на площади перед рынком.

К частному магазину, принадлежащему одному из местных «олигархов», над входом в который реял российский флаг, подъехал милицейский «уазик», и двое блюстителей порядка попытались этот флаг снять. Из их путаных речей — на шум выбежали продавцы и сам владелец магазина — стало ясно, что флаги на «негосударевых предприятиях» запретила вешать новая Брянская администрация и теперь их везде велено снять.

Владлен, собиравший такого рода информацию, знал, что изредка на просторах России рождались удивительные приказы местных прокурорских начальников «блюсти закон», запрещавший вывешивать российскую символику, в том числе флаги, в непраздничные дни. Однако стражи законности давно получили разъяснение вышестоящего начальства о неправомерности подобных запрещений («Патриотизм не пройдёт!»), вызывающих справедливое возмущение граждан. И стать свидетелем новой «отрыжки соблюдения требований Федерального конституционного закона о государственном флаге» было неприятно. Новые власти Брянска, приступившие к исполнению обязанностей, явно хотели «упорядочить» проявление любви к Родине рядовыми жителями России.

— Ещё и штраф заплатите! — пригрозили милиционеры, сняв-таки флаг с магазина.

— Идиоты! — развёл руками седой владелец магазина, проводив глазами стражей порядка. — Не понимают, что делают. Кто ж после этого будет гордиться страной?

Это верно, согласился расстроенный увиденным Владлен.

На третий день он наконец сел за роман.

Первую главу одолел легко.

Вторая, где речь шла о создании слугами Морока своей общины, якобы отвечающей возрождению языческих традиций,

пошла намного труднее. Владлен придумал историю, оттолкнувшись от известных ему фактов и лишь слегка приукрасив действительность. Но эта история не хотела ложиться на бумагу, — писал он по старинке, сначала от руки, а потом переносил текст в компьютер, — хотя она и была продумана почти до конца.

Община ингливеров «Народовластие» должна была послужить ядром объединения неоязычников, чтобы потом перехватить управление Союзом Общин и развалить Славянский Собор изнутри. В этом заключалась обычная практика жрецов: чтобы разрушить систему врага, её надо возглавить.

Мучился Владлен долго. В конце концов глава состоялась, он вложил в неё всё, что хотел, и вздохнул с облегчением. Но подумал, что в дальнейшем ему понадобится консультация на тему неэксплуатационного характера Российской империи. Несмотря на хронический форс-мажор: по статистике, из века в век каждый третий год на Руси был неурожайным, а каждый второй — военным, — населявшие её малые народы не становились рабами и не исчезали. Сколько этносов включила в себя Российская империя на заре времён, столько и донесла до наших дней. Что было уникальным явлением в истории цивилизаций. Владлен знал, что остальные крупные империи мира: Византийская, Германская, Британская — уничтожили жизнь огромного количества народов. И тем не менее Тихомиров ясно понимал, что имеющейся у него информации мало.

— Будем искать, — сказал он вслух словами известного персонажа из фильма «Бриллиантовая рука», имея в виду не халат, конечно, а консультанта.

Полюбовавшись эпиграфом, взятым из стихов Рильке: «Есть такая страна — Бог, Россия граничит с ней», — Владлен закрыл рукопись и, довольный собой, направился на кухню, где тётка Александра готовила оладьи племяннику.

Отвечая на её вопросы, он вспомнил своё последнее посещение Москвы.

Кирилл Леонтьевич, к счастью, пошёл на поправку.

— Сам виноват, — сказал он, обрадованный приездом известного писателя, — зазевался. Впредь буду осторожней.

У Владлена на сей счёт имелось иное мнение, и он спросил:

— Больше никто не звонил, не угрожал?

— Мне никто. — Шакурин понял писателя по-своему. — Не волнуйтесь, Владлен Денисович, мы не собираемся изымать роман из плана. В январе или в феврале выйдет в свет, гарантирую.

С этой доброй вестью Владлен и помчался на встречу с Марго.

На этот раз всё получилось так чудесно, что он испугался: к добру ли?

Маргарита явно была рада встрече, взяла его под руку и, не стесняясь, поцеловала, когда они танцевали в кафе-клубе «Замок рыцаря» на проспекте Жукова.

— Что ты на меня так смотришь? — спросила девушка после танца; они сели за столик в укромном уголке кафе, за пальмами, так что молодёжные компании не мешали.

— Когда я звонил, ты была в плохом настроении. Я уж подумал, что надоел хуже горькой редьки.

— Ты лучше горькой редьки, — улыбнулась Маргарита. — Мне про тебя наговорили всякого. Я сначала поверила, захандрила.

— Что наговорили?

— Ты и алкаш, и бабник, и шизик. — Маргарита не выдержала, засмеялась, глядя на его ставшую несчастной физиономию. — Одним словом, тот ещё аферист.

— А потом что произошло?

— Поговорила с одним человеком, который тебя хорошо знает.

— Кто это такой?

— Юрий Никитко.

— Юрась, — расплылся в улыбке Владлен. — Это мой первый рецензент, а теперь друг. Он, кстати, в Москве живёт. Я его знаю уже лет двенадцать.

— В общем, я поняла, что слушать сплетни — всё равно что распространять их. Вопреки досужему мнению они не придают жизни смысла.

— Юра как-то заметил, что в жизни вообще нет смысла. Или хуже того, смысл есть, но он ему не нравится.

Маргарита снова засмеялась.

— По-моему, это сказал Оскар Уайльд, нет?

Владлен смущённо почесал в затылке:

— Может быть. Я не все его изречения помню. Но Юрась это повторял часто.

— Значит, ты в Москву приехал, чтобы навестить Кирилла Леонтьевича?

— И ради него тоже, — остался серьёзным Владлен. — Вообще-то я еду в Брянскую губернию, есть там такой небольшой городок — Жуковка. Поживу у тётки месяца три-четыре. Но в Москву буду приезжать.

— Решил сменить образ жизни?

Владлен чуть не признался, что едет в Жуковку по просьбе волхва из Воронежской губернии, но вовремя прикусил язык.

— Хочу пожить в глубинке России, поизучать местные обычаи, гостеприимство, взгляды на политику, на власть вообще. Этой информации мне очень не хватает.

— У меня родственники в Ветлуге, в Нижегородской области, я туда изредка езжу отдыхать с детьми. Простые люди, но очень добрые и гостеприимные. Не хочешь поехать со мной?

— Ты серьёзно? — засомневался Владлен.

— Так хочешь или нет?

— Хочу! Только боюсь, в этом году не получится.

— Я и сама соберусь, наверно, не раньше весны.

— Если возьмёшь меня с собой, я научу тебя плести ивовые корзинки, — пообещал Владлен. — Раньше я часто колесил по России, теперь реже. Хотя люблю знакомиться с людьми, на которых держится духовный хребет народа. Кстати, гостеприимство и терпимость имеют пределы и не должны оборачиваться против тех, кто их исповедует. Иначе сядут на голову и начнут погонять.

— Кто?

— Борцы за права недочеловеков и нелюдей, — улыбнулся Владлен. — У нас таких полно. Плюс хамоватые переселенцы, не желающие жить тихо и навязывающие свой образ жизни. Плюс законотворцы в думах, плюс любители повластвовать. Я уже не говорю о бандитах. Я об этом пишу. Как говорит мой приятель Дима: главная проблема России — люди, они ещё есть.

Маргарита с интересом посмотрела на помрачневшего спутника, хотела задать вопрос, но в это время официант принёс заказ, и разговор свернул в другое русло.

Возвращались они в начале одиннадцатого, притихшие, будто боящиеся испугать возникшее между ними взаимопонимание.

— Останешься? — шепнула Маргарита, прижавшись к нему у подъезда. — Мои уже все спят.

— А удобно? — засомневался он.

— Бабуля меня понимает, — улыбнулась девушка.

И он остался...

Владлен прервал воспоминания, снова подсел к столу. Душа потребовала перенести свои переживания на бумагу. Но в это время в гости к тётке зашёл сосед Василий Иванович, и работу пришлось отложить.

Расположились в светлице, за столом.

Александра Кузьминична принесла из погреба солёные огурчики, квашеную капусту, занялась картошкой.

Василий Иванович достал принесённую с собой бутылку водки «Русский размер», умело открыл.

— Будешь?

— Не пью я, Василий Иванович, — смущённо сказал Владлен. — Вернее, не пью ничего, кроме шампанского да пива в жару. Я вообще считаю, что водка — это зло.

— А шампанское — добро? — хитро прищурился Василий Иванович. — Раньше я всё подряд пил, лишь бы горело, а теперь вот выбираю только чистенькую. Как говорится, с годами из двух зол выбираешь всё меньшее и меньшее.

Василий Иванович махнул стопку, захрустел огурчиком.

— Знаешь, что эта водочка сделана на воде, которая добывается с глубин сто сорок метров?

— Не знаю.

— А как тебе новшество: в ее рецепте используются свежие огурчики?

— Зачем? — удивился Владлен.

— Чтобы она мягче была, понял? Так что я не зря к ней прилип. И тебе советую.

— Как-нибудь попробую.

Владлен налил себе бразильского светлого, неожиданно обнаруженного в киоске, и приготовился к беседе. Василий Иванович любил пофилософствовать, знал множество жизненных историй, и беседы с ним, как правило, затягивались до поздне-

го вечера. Нынешним вечером его волновали две темы: зачем создан Интернет и почему уважаемый писатель (в данном случае Тихомиров) пишет фантастику, а не что-либо серьёзное, к примеру исторические романы.

— Историк — тоже фантаст, только описывающий прошлое, — не обиделся на это высказывание Владлен. — Никто из так называемых серьёзных исторических романистов не был в прошлом и вынужден опираться на ту информацию, которая дошла до нынешних времён. А эта информация, особенно в части, касающейся русской истории, лжива и недостоверна.

— Почему недостоверна? — заспорил Василий Иванович. — Я в школе её не любил, это правда, я вообще зубрить не любил, но потом послушал умных людей и понял, что зря не стал историком. Конечно, в нашей истории много белых пятен, однако...

— Не то слово, Василий Иванович! Она почти полностью извращена и переписана. Сначала её писали немцы, Шлёцер, Миллер и Байер, убрав истинную информацию и заменив чистой ложью, потом прибавили своего и доморощенные историки: Карамзин, Державин, Соловьёв и иже с ними. В своё время Ломоносов, а затем почти век спустя Егор Классен пытались бороться с идеями этих так называемых учёных, но тщетно. Так мы и учим неправду в школах.

— Ну, может быть, не стану спорить, — согласился сосед, — однако же ещё с Петра Первого Россия развернулась и стала жить по-человечески. Это же он ввёл христианский календарь?

— В лето семь тысяч двести восьмого года, и мы сразу потеряли пять с половиной тысяч лет нашей истории. А ведь России не тысяча лет, не две, а гораздо больше, по крайней мере за семь тысяч лет, а то и все одиннадцать, считая с исхода предков наших, гиперборейцев, с севера на юг.

— Эт ты уже загнул, писатель!

— Вот и нет. Вы знаете, что в районе Южного Урала возле деревни Чандар профессор Чувывров обнаружил каменную плиту с рельефной картой Западной Сибири? Карта выполнена с использованием технологий, до сих пор неизвестных науке. Мало того, для её создания нужны спутники. И плит таких было почти три с половиной сотни. Я уж не говорю о раскопан-

ных древних городах — Аркаим, Буслав, Горох, которым по пять-десять тысяч лет.

— Дак что ж, умели предки, значитца. — Василий Иванович опрокинул в рот третью стопку. — Потомки богов, ити их! Жалко, что утеряно всё.

— Многое не просто утеряно, а уничтожено по приказу царей, того же Петра Первого. Особенно что касается книг, рукописей, языческих предметов веры. А сколько людей погубили, посвященных в Истину? Сколько сожгли волхвов и ведуний? Уничтожили древних родовых святилищ?

— Это нам неведомо, — покачал пальцем сосед. — Хотя оно, конечно, неправильно. Наши власти не ту политику ведут. Деревня вон всё равно вымирает. Вокруг Жуковки было натыкано три десятка хуторов, что осталось?

— Вот я и стараюсь достучаться до власти, — закончил лекцию Тихомиров, — чтобы она принялась за возрождение «золотого пояса» языческих экопоселений. Хотя верится в это с трудом. Власть занята своими делами, а деревни восстанавливают совсем другие структуры.

— Частники, — ословело кивнул Василий Иванович.

— Ты закусывай, старый, — вмешалась в разговор Александра Кузьминична, — а то сомлеешь быстро. Частники тоже своё блюдут, вон какие дворцы по Жуковке отгрохали.

— Я о других речь веду.

— Так нету других, только такие и есть.

— Просто у одних совесть ещё не заросла мхом, а другие только под себя гребут.

— Где это ты видел частников с совестью?

— Да у меня сосед Мишка дом себе каменный построил...

Они заспорили.

А Владлен подумал, что не все люди понимают, что происходит с Россией, но чувствуют несправедливость и пытаются объяснить её с высот своего знания. Донести же до них свет иного Знания, высшего, истинного, можно было только через книги. Которые они почти не читают.

Разговор кончился тем, что Василий Иванович окончательно захмелел и удалился восвояси, пошатываясь. Бутылку «Русского размера» он взять с собой не забыл.

— Вообще-то он мужик хороший, — извиняющимся тоном

проговорила Александра Кузьминична, — смирный, добрый, всем помогает, но упрямый. Жена у него рано умерла, он так бобылём и остался, двух деток вырастил.

— Где же они теперь?

— Да кто где. Петро в Дяткове обосновался, семья у него большая, шестеро по лавкам, мал мала меньше. А Валик в Сыктывкаре живёт, сюда ни разу не приехал, на родину-то, как за-был.

— Дела, наверное, — пожал плечами Владлен.

— Да уж, он деловой, каких мало, бизнесом занимается. Говорят, фабрика у него мебельная, сто китайцев на ней работают.

— Почему китайцы?

— Так им платить можно меньше. У нас в Жуковке китайцев нет, а в Почепе уже появились.

Владлен покачал головой. Проблему миграции он тоже поднимал в своих книгах, но эта тема интересовала его меньше. Тема возрождения России была значимее, хотелось мечтать о тех временах, когда на месте нынешней засияет настоящее Вечевое русское государство, действительно оберегающее своих граждан.

— А Васька ещё и хороший массажист, — долетел до него певучий голос тётки. — По спине он слабже, а ноги массирует — люди потом благодарят.

— Он где-то учился? — отвлёкся Владлен от своих мыслей.

— Жил тут на улице один старик, специалист по массажу. Васька с ним сошёлся, тот ему и показал працю. Особливо пятки где давить, ступни вообще. Васька понадавливает — и хворь отступает.

— На наших ступнях расположены биологически активные зоны, служащие проекциями внутренних органов. Их стимуляция с помощью точечного массажа способствует немалому облегчению. Мне лично такой массаж не делали, а моему приятелю делали. Полгода ходил с заложенным носом, голова болела, лечение от аллергии не помогало, и он пошёл к массажисту. Тот ему пальцы помассировал десять дней, теперь всё в порядке.

— Нос и я бы ему вылечила, травами. Нарвала бы базилика, лаванды, добавила каплю эвкалипта — и прощай, болезнь. Хотя лучше всего пожить в деревне, природа поможет. Вы, город-

ские, и болезнями болеете асфальтовыми, потому лечить вас надо деревенскими способами, отварами да заговорами.

— Какой же я городской? — улыбнулся Владлен. — Тоже в лесу живу, на даче.

— Ну, ты, может, и понимаешь что-то в нашей жизни, а те, что асфальтами дышат, вряд ли поймут. Им интернету да рестораны ближе.

— Не всем, — не согласился Владлен.

— Хорошо, коли так, — сказала Александра Кузьминична, начиная убирать со стола. — Я нынешнюю молодёжь не понимаю. Раньше всё по-другому было. Ты вот почему дома по вечерам сидишь? Неженатый же, пошёл бы в парк погулял, девку себе отыскал. Наши жуковские — самые красивые, нигде больше таких нет.

— Да я нашёл уже, — засмеялся Владлен.

— Ну-ка, обскажи, — живо заинтересовалась тётка. — Где? Неужели тут? Может, я кого знаю?

— Не в Жуковке — в Москве. Редактором в издательстве работает. Звать Маргаритой, двое детей у неё — девочки.

— Замужняя, что ль? — принахмурилась Александра Кузьминична.

— Да нет, муж у неё... Живёт с бабушкой, трудится, красивая.

— Не гулёна?

— Когда же ей гулять, коли дети дома ждут? Нет, она не из таких, хорошая очень, светлая. — Лицо Владлена стало задумчивым. — Я бы женился.

— Дак в чём дело? Женись, коли душа зовёт. Не боишься-то с детьми возиться? Отцовское дело — не жениховское, много времени требует и желания.

— Да я не против, — смущённо признался Владлен.

— Тогда женись, раз присох. Вижу, ты серьёзно настроен.

Владлен промолчал.

Он ещё не думал о женитьбе серьёзно, хотя намеревался продолжать встречаться с Маргаритой и дальше.

Утром следующего дня его разбудил совершенно трезвый Василий Иванович:

— По грибы со мной поедешь?

— Так дождь же обещали... — сказал сонный Владлен первое, что пришло в голову. Потом испугался, что сосед подумает

о нём плохо, и торопливо добавил: — Сейчас соберусь. На чём поедem?

— Я мотоцикл у братухи одолжил.

Через полчаса, умывшись, но не позавтракав, Владлен взял приготовленный тёткой узелок с едой (она тоже проснулась), сел в коляску мотоцикла Василия Ивановича, и они затарахтели по спящей ещё улице окраины Жуковки в сторону Скрабовского тракта.

Мотоцикл был старый, марки «Урал», но вполне пригодный для подобного рода мероприятий. По словам Василия Ивановича, его брат Степан использовал сию технику в основном для поездок на рыбалку да по грибы. От коляски и вправду несло рыбой, что подтверждало слова соседа.

Остановились у перепаханной трактором колеи: здесь вывозили срубленный лес и оставили после себя груды гниющих сучьев и брошенные сосновые стволы.

— Поганцы! — выругался Василий Иванович. — Сделали грязное дело и смыслись! Раньше, при советской власти, такого не было, лесники за порядком следили, леса чистые стояли.

— Дальше не поедem? — спросил возбуждённый Владлен: он не считал себя заядлым грибником, но собирать грибы любил.

— Загоним подальше в орешник и пойдём пешком.

Василий Иванович поворчал ещё немного об отсутствии у местной власти хозяйнической жилки, и они свернули за заросшую старую просеку. Загнали мотоцикл в кусты.

Василий Иванович достал большую плетёную корзину, закинул за плечи махонький рюкзачок с едой, в котором что-то булькнуло.

— Не разбить бы, — проворчал сосед.

— Водка? — догадался Владлен.

— А что, нельзя? — смутился Василий Иванович. — Я не алкаш, меру знаю. Не палёную водку пью, а «Русский размер».

— Только её, что ли? — усомнился Владлен.

— Говорю ж, от неё похмелья не бывает. На спирте «Люкс» готовится. Ну ладно, потопали. Покрикивай, если разойдёмся, чтобы не заблудился.

И тут Владлен заметил над просекой косо скользящий чёр-

ный прямоугольник, изредка отбрасывающий зеркальные отблески.

Сначала он принял его за почерневший дубовый лист, потом за полусторевший газетный лист, подхваченный ветром. Однако через несколько секунд стало ясно, что лист летит гораздо свободнее и не подчиняется ветру.

— Василий Иванович!

— Что? — оглянулся грибник, деловито вешающий на спину рюкзак.

— Посмотри-ка туда, на просеку.

Василий Иванович всмотрелся в странный объект, приставил ко лбу ладонь.

— Хренотень какая-то! Лист бумаги?

— Не похоже. Видите, как он кружится? Будто высматривает что-то.

— А ну, давай его поймаем! — оживился сосед.

— Чем мы его поймаем?

— У братухи в мотоцикле всегда имеются разные штучки-дрючки.

Василий Иванович полез в коляску и достал моток тонкой шёлковой бечевы, покопался ещё и вытащил пакетик с запасными рыболовными крючками.

— Сгодится! — Он сноровисто привязал крючок к концу бечевы. — Выломай палку подлиннее, будешь гнать его на меня!

Владлен подчинился, сам охваченный охотничьим азартом.

Кое-как, с помощью ножа обломав длинный прут орешника, он бросился к чёрному прямоугольнику, порхающему, как бабочка, над ближайшей к просеке полянкой, и замахал прутом:

— Иди сюда, насекомое! Поворачивай, вот так, не кружись!

Чёрный прямоугольник, меняющий плотность от кисейной дымки до непрозрачного металлического листа, крутанулся над старым пнём и вдруг в упор «посмотрел» на Тихомирова.

Владлен едва не выронил прут.

— Чур меня!

Василий Иванович в это время приблизился к необычному предмету, повисшему над пнём на высоте трёх метров, и бросил бечеву с крючком.

Всё произошло почти мгновенно.

Крючок коснулся чёрного прямоугольника. Сверкнул яркий лучистый огонёк, и по бечевке скользнула к рукам Василия Ивановича прозрачно-фиолетовая молния.

— Бросай веревку! — крикнул Владлен, облившись потом. Но его крик опоздал.

Молния перекинулась на руку соседа, змеёй метнулась по плечу и вонзилась в висок.

Василий Иванович вскрикнул, упал.

Одновременно с этим чёрный прямоугольник вспыхнул, как лист бумаги, и сгорел буквально за одну секунду, ничего не оставив в воздухе: ни дыма, ни пепла.

Владлен кинулся к спутнику.

Тот лежал недвижимо и, похоже, не дышал.

— Не может быть! — выдохнул Владлен, лихорадочно ощупывая тело старика, пытаясь сообразить, что делать дальше.

Массировать грудь! — сверкнула догадка. Плюс искусственное дыхание!

Он перевернул Василия Ивановича на спину и вздрогнул, услышав позади себя негромкий басовито-хриплый голос:

— Посторонись-ка...

Затравленно оглянулся.

К нему подходил высокий седой старец в довольно необычном костюме: серые штаны, сапоги до колен, френч времён Гражданской войны, зеленоватый, с медными пуговицами.

Владлен подвинулся.

Незнакомец опустился рядом на корточки, положил одну руку на лоб Василия Ивановича, вторую на грудь. Закрыв глаза на несколько мгновений.

Владлену показалось, что руки старца посветлели, налились внутренним золотисто-розовым свечением.

Тело Василия Ивановича вздрогнуло.

Владлен вздрогнул вместе с ним.

— Лежи, лежи, охотничек, — проворчал незнакомец, отнимая руки и стряхивая с кистей на траву ручейки желтоватого дыма. — Удумал за глядуном гоняться.

— За кем? — вырвалось у Тихомирова.

Старец посмотрел на него ясными светло-серыми глазами, в которых мигала искорка насмешки.

— Эта штука глядуном называется, предназначена для слежки за людьми.

— Вы... шутите?

— Какие уж тут шутки? Каб я не успел, олонясь, твой проводник окочурился бы.

Василий Иванович ещё раз вздрогнул, открыл пустые глаза. Оба посмотрели на него.

— След на виске останется, — задумчиво проговорил старик. — Ну да ничего, впредь умней будет.

— Кто... вы?

Незнакомец поднялся и оказался на голову выше Владлена.

— Онуфрием меня кличут. Поговорим, пока он не очухается.

— Как вы здесь оказались?

Онуфрий усмехнулся в бороду:

— Не суть. Я пестователь местной Родовой Общины. С тобой говорил мой реченник Дементий. Он же посоветовал тебе переехать в наши края.

— Так вы... друг Дементия Карповича?

Онуфрий кивнул.

— Значит, вы следили за мной?! — догадался Владлен.

Волхв бросил взгляд на ожившего Василия Ивановича, прижал палец к губам:

— Меня здесь не было. Он упал, споткнувшись о кочку, и ударился виском о корягу. Ясно?

Владлен кивнул.

— Мы ещё поговорим, — продолжал старик, — я к тебе наведаюсь сегодня вечером. Собирайте грибы и будьте осторожны.

Онуфрий сделал какое-то движение и исчез.

Владлен поискал его глазами, уже понимая, что никого не увидит, подал руку зашевелившемуся соседу. Тот вцепился в руку, сел, ощупал голову:

— Колёса огненные в глазах! Такое впечатление, что в меня стреляли!

Владлен коротко объяснил ему причину недомогания, пользуясь подсказкой волхва, и подумал, что впереди его ждут какие-то удивительные события.

Глава 14

ТРИАДА: ВЫХОД НА РУБЕЖ

Брянская губерния

Их не должны были видеть вместе, поэтому прибывшие в Жуковку Булавин и Хмель поселились отдельно от Тарасова. Дмитрий отправился в Фошню, поближе к Школе Шерстнева, где Онуфрий нашёл ему жильё у своих знакомых. Ну, приехал к ним родственник из Твери и приехал, будет жить пока. Хмель же отыскал себе квартиру в Жуковке, в одной из старых пятиэтажек за рынком. Естественно, ему подсказал адрес тот же Онуфрий, взявший на себя обязанности квартирьера для триады. Он знал многих в райцентре, где уже давно, с начала века, жили его родственники.

Витязи собирались вместе не часто. Для общения по делу хватало мобильных телефонов, отдых же им только снился. Все понимали, ради чего их отправили в Брянскую губернию, и готовились выполнить стоящую перед ними задачу с железной решимостью воинов.

Тарасов при первой же встрече, когда в Жуковку приехал Никифор Хмель, представил обоим свой анализ обстановки и схему уровней выживания в предстоящей схватке с конунгами. Он чувствовал, что схватка неизбежна. Впрочем, то же самое чувствовали и остальные.

Схема была изучена, и триада разработала план защиты Серебряного мальчика. Кроме того, было решено создать план повседневной работы с другими объектами, в число которых вошли магистр Ордена Галактических Мастеров Варава Елин и переехавший в Жуковку писатель Владлен Тихомиров.

Наблюдение за Варавой Елиным поручили Хмелю, как первому узнавшему об этом человеке. Никифор должен был сформировать целый наблюдательный пул, так как в одиночку следить за эmissаром Синклита было невозможно.

Охрану писателя взял на себя Дмитрий Булавин. Он также должен был организовать команду для негласного сопровождения Тихомирова, которая могла бы защитить писателя до прибытия триады.

Кроме того, Тарасова заинтересовала ситуация в Школе Шерстнева, о которой ему поведал Онуфрий. Да и Сергей, не-

посредственно видевший всё, что там происходило, добавил материала для размышлений. Поэтому сам Глеб Евдокимович решил заняться семейством Романа Ощипкова, отец которого якобы жил в Брянске и был заинтересован в «математических успехах» сына.

Двадцать третьего сентября триада Витязей начала действовать.

Тарасов отвёз детей в Школу, забрал Хмеля, и они поехали в Брянск.

Новый мэр города собирался заложить первый кирпич в строительство сногшибательного теннисного корта, которому позавидовали бы устроители Уимблдона и других крупнейших сооружений подобного типа. А поскольку он взошёл на олимп местной власти из «олигархических низов», будучи бизнесменом, — по слухам, он прославился продажей древесины, — то в его окружении было полно других бизнесменов, среди которых должен был находиться и отец Романа Евгений Ощипков. Тарасов хотел посмотреть на него и собрать через работников информационно-аналитического центра Катарсиса полное досье.

Хмеля же интересовал Варавва Елин, который также входил в свиту мэра. Было известно, что господин магистр Ордена Галактических Мастеров собирался вместе с мэром посетить село Красный Рог, где долгие годы жил в своём имении и был похоронен Алексей Константинович Толстой, поэт, прозаик и драматург.

Место посещения было выбрано мэром не случайно. Чтобы создать себе имидж современного культурного руководителя, мэр из кожи лез, начиная разные культурно-просветительские программы. Хотя за ним ходила другая слава — хамоватого недалёкого руководителя, любителя женщин, азартных игр, ночных походов и попок.

Булавин остался в Фошне. Он должен был наладить отношения с местной сельской управой и добиться расположения главы района, чтобы Школу Шерстнева перестали донимать разного рода проверками и бумажной волокитой.

Сначала Тарасов зашёл в брянский собес, где устроился один из оперработников Катарсиса, занимающихся информационной поддержкой Витязей. Сам информационно-аналитический центр Сопротивления располагался в городке Юрьев-Польский, но в век компьютерных технологий и спутниковых

систем связи расстояния не имели большого значения. С центром всегда можно было связаться по смарт-каналу и получить необходимую информацию. Если, конечно, таковая имелаась. Однако по отцу Романа Ощипкова у сотрудников центра не оказалось никаких сведений, поэтому готовить досье надо было с нуля.

Работником Катарсиса в собесе оказалась приятная молодая женщина Валентина Иванова, которая умела пользоваться всеми доступными, а также и недоступными рядовым гражданам сайтами УВД, МЧС и других спецслужб. Она быстро, в течение получаса, прошла по этим адресам и наскребла довольно много информации о Евгении Довлетовиче Ощипкове, предпринимателе, бывшем спортсмене, любителе повеселиться в определённых компаниях, трижды женатом, связанном в данный момент с одной из брянских «мисс сезона» гражданским браком. Однако не это обстоятельство заинтересовало Тарасова, а одно маленькое сообщение: детей у господина предпринимателя не было. Точнее, ровно три месяца назад он внезапно усыновил одного мальчика из Дятьковского детдома, а именно — Романа.

— Спасибо вам за помощь, — поблагодарил Валентину Тарасов. — Где живёт сей бывший спортсмен? Кстати, каким видом спорта он занимался?

Иванова пробежалась пальцами по клавиатуре.

— Боксом. А живёт он на проспекте Ленина, аккуратно рядом с цирком.

— Фото имеется?

— Пожалуйста.

Тарасов полюбовался на физиономию Евгения Ощипкова в мониторе, вполне отвечающую определению «спортсмен», и покинул собес. Теперь ему надо было заскочить к знакомому милиционеру, работающему в ГАИ Брянска, и через него выяснить, чем известен господин Ощипков, чем увлекается и с кем тусуется по вечерам. После этого Глеб Евдокимович запланировал съездить в Дятьково и поговорить с руководством детдома о Романи.

Хмель в это время скучал в толпе обывателей, собравшейся по поводу начала строительства теннисного корта, и наблюдал за свитой мэра, суетящейся вокруг него.

В свиту затесались два десятка самых разных людей. Среди них особняком держался и маг-целитель Варавва Елин, весьма примечательная, судя по всему, личность. Магистр Ордена Галактических Мастеров носил длинные, по плечи, волосы и был по-мужски обаятелен. У него было длинное породистое лицо с орлиным носом, чёрные брови, чёрные глаза, щёточка усов и — что-то сверкающее в ухе, похожее на серьгу. Он единственный из всех присутствующих на церемонии носил не костюм с галстуком, а длинный балахон с россыпью золотых звёздочек по обшлагам.

Закладка первого камня прошла под аплодисменты и ликование деятелей культуры, спорта, литературы и бизнеса. Были произнесены соответственные речи о «росте благосостояния народа», о его «культурных запросах», о «сближении города и деревни» и, самое главное, о «необходимости строительства спортивных залов для привлечения к этому благородному занятию молодёжи». О том, что теннисные корты вряд ли станут доступны «рядовому контингенту», как выразился мэр, никто не сказал ни слова.

После окончания торжественной церемонии мэр сел в свой чёрный «семисотый» «Мерседес» и поехал в село Красный Рог. За ним последовала солидная кавалькада машин, среди которых оказалась и скромная «Хонда Прелюд» Вараввы Елина. Хмель пристроил свою «Ауди» позади всех, и кавалькада устремилась за город, подняв переполох среди гаишников.

Доехали быстро, так как для пропуска автоколонны мэра было перекрыто движение на всех магистралях города и дорогах области аж до пункта назначения.

Само село, мало чем отличавшееся от других деревень русской глубинки, не произвело на Никифора особого впечатления. Прогресс и новейшие архитектурные веяния его не коснулись. Зато на окраине села сохранился старый тенистый парк, где была усадьба Толстого, — именно её и собирался воссоздать брянский градоначальник, — а также деревянная Успенская церковь начала девятнадцатого века и фамильная усыпальница Толстых.

Усыпальница представляла собой глухую часовню из кирпича, на стенах которой висели чугунные доски с именами похороненных: графа Алексея Константиновича и его жены гра-

фини Софьи Андреевны. Всё это выглядело предельно скромно и вместе с тем по-особому трогательно. Вряд ли бывшие хозяева поместья одобрили бы шумное разудалое шоу на территории парка, устроенное приближёнными мэра, внезапно озачиненного «возвращением народу памятников старины». Алексей Константинович Толстой, тончайший лирик, едкий сатирик и непревзойдённый юморист, главный автор пресловутого Козьмы Пруткова, чурался подобных зрелищ при жизни и не участвовал в «увеселениях тела», учиняемых царями и их наместниками.

Толпа челяди, приехавшая с мэром, заполнила парк смехом, шутками, весёлыми криками. Сам он тоже немного отдохнул, поучаствовав в трапезе на открытом воздухе, так что кортеж задержался здесь до пяти часов вечера.

Варавва Елин участия в торжествах не принимал. Слонялся по парку, подолгу застывал у деревьев, у пруда, на мостике через ручей, и по всему было видно, что человек он солидный, думающий и уравновешенный.

Лишь Хмель, использующий не прямые методы наблюдения за «галактическим мастером», видел, что господин Елин не просто убивает время, а тонко осматривается по сторонам в поисках наблюдателя (очевидно, он почувствовал Никифора) и часто разговаривает с кем-то по мобильному телефону: Хмель заметил тоненький проводок, вынырывающий из-под стоячего воротника балахона и исчезающий под волосами.

Дважды мимо Вараввы проходил молодой парень специфического вида, с волчьими глазами, из чего Никифор сделал умозаключение, что это охранник Елина. Каким бы сильным магом эмиссар Синклита ни был, он не хотел рисковать здоровьем и жизнью, предпочитая использовать обычное профессиональное сопровождение.

Затем к магистру Ордена Галактических Мастеров подошёл крупногабаритный мужчина лет сорока, с толстой шеей борца, и они скрылись в глубине леса. Идти за ними Никифор не рискнул.

Наконец свита мэра уgomонилась, сам он наговорился, наелся и отдохнул, и кортеж направился обратно в Брянск.

Никифор сопровождал джип Вараввы Елина до мэрии и доложил Тарасову, что свободен и готов встретиться.

— В семь у цирка, — коротко ответил командир триады.

В семь часов вечера они вылезли из машин у цирка, один за другим вошли в кафе «Вкусная еда». Сели за один столик.

— Что у тебя? — поинтересовался Тарасов.

Хмель рассказал о своих наблюдениях, добавил:

— Следить за ним будет трудно. Чёрная сволочь очень тонко реагирует на поток внимания к своей особе.

— Он тебя вычислил?

— Вряд ли, я же не стажёр на экзамене, но много раз проверялся и даже задействовал для поисков наблюдателя свою охрану. Не удивлюсь, если после этого перестанет показываться на людях. Потом к нему подошёл какой-то могучий мужик с толстой шеей спортсмена, весь накачанный, и они скрылись за кустами.

— Не этот? — Глеб Евдокимович достал из барсетки фотографию Евгения Ощипкова, сделанную на принтере.

— Он, — кивнул озадаченный Хмель. — Откуда ты его знаешь?

— Я его не знаю. Это приёмный отец Романа.

Хмель выпятил губы:

— Вот это фортель! Значит, они таки служат одному дьяволу?

— Поживём — увидим.

Появился официант, и оба, не сговариваясь, заказали мороженое и зелёный чай.

— На кого обопрёшься? — спросил Тарасов спустя какое-то время.

— Пока не решил. В нашем ЧК таких спецов нет. Связи этого «галактического магистра» можно выявить по компьютерным каналам, через Интернет, а наблюдать за ним нужно очень профессионально, невидимо, ювелирно. Слушай, — загорелся Никифор, — а давай привлечём к слежке кого-нибудь из твоих бывших сослуживцев?

Тарасов заинтересованно посмотрел на собеседника:

— Забавно, я подумал о том же.

— Ну? Ты же их хорошо знаешь.

— Знал когда-то.

— Помню, клички у них были необычные. Хохол...

— Майор Тихончук, был командиром группы.

— Он нас отпустил тогда на дороге. Ещё этот, Терминатор...

— Имтук Анылгин, старлей.

— Кто там с тобой ещё в отряде служил?

— Лёша, подрывник.

— Не помню кликуху.

— Хана. Саша-компьютерщик, он же связист, оперативный псевдоним — Ухо. Николай — Черкес, снайпер, и лейтенант Ром.

— Ром-Ромашка, помню. По-моему, вполне адекватный парень.

— Прошло семь лет, они могли осесть где угодно, если команда расформирована.

— А могли и остаться на службе. Специалистами такого уровня не бросаются. Короче, надо их разыскать. Сможешь?

Тарасов доел мороженое, принялся за чай.

— Тихончука привлекать к нашим делам не стоит. Я общался с ним года три назад. Майор женился, переехал в Украину, живёт в Киеве. А вот Черкеса и Сашу Ухо можно.

— Нам понадобится спецаппаратура. Крутов пообещал любую технику.

— Крутов — человек слова, будет тебе спецуха.

— Что у тебя?

— По моим данным, Варавва Елин появился в Брянске в конце августа, аккуратно после тех событий, в которых поучаствовал и ты. Входил в предвыборный штаб мэра. Протянул связи к местной церковной епархии, к прокурорской и судебной системам. Теперь он уважаемый человек, целитель и предсказатель, вхожий во все властные структуры. Но имя — Варавва и фамилия — Елин всего лишь псевдо этого «магистра». На самом деле он таджик Сулухутдин Махмадшариф, бывший личный представитель бывшего президента Таджикистана в Европе.

Хмель присвистнул:

— Ни фига занесло его! В ссылку сослали, что ли? За какие прегрешения?

— Я так понимаю, что ему дали задание возглавить сеть Синклита в Брянской губернии. Ты тут начал было чистку, и он сразу напруг свои связи. Тебя начали ловить по всем каналам, но потом...

— Я свалил.

— Ты уехал, и буря улеглась. Но он знает, что в Брянских

лесах появились опера Соппротивления, и понимает, что не зря. Он будет искать Светлого. Времени у нас на создание эшелонированной обороны мало. Кстати, нашего человека в ГАИ области убрали, теперь информацию и помощь от этой структуры получить будет трудно.

— Надо внедрить туда ещё одного человека.

— Это уже не наша забота, пусть ГАИ занимаются те, кому положено. Теперь мы знаем, что Роман является приёмным сыном Евгения Ощипкова, бывшего боксёра, а сам Роман совсем недавно находился в детдоме.

Хмель скривил губы.

— «Засланный казачок». Может, взять и позвонить этому боксёру, что мы всё знаем?

— Наша задача — защита Светлого. Никто не должен ни знать, ни догадываться, что в брянской глуши работает бригада Витязей. Выясним все тонкости замысла конунгов и сплётём свою паутину защиты мальчишки.

— Проще всего нанести упреждающий удар.

— Силовое воздействие — хороший отрезвляющий момент, но нам доступны только воздействия на уровне трека. Вот для чего нужна информация обо всех маршрутах Ощипкова. Да и господина Елина.

— Понял, сделаем. Сейчас мы куда?

— Поговорим с Димой, проанализируем обстановку, обсудим дальнейшие действия и поедem домой.

Хмель допил чай, первым вышел из кафе.

Дмитрий Булавин, оставленный в Фошне «на хозяйстве», тоже времени даром не терял.

Во-первых, он объехал деревню кругом, обследовал все улицы и составил в уме территориальную схему всех объектов, окружающих Школу Шерстнева.

Во-вторых, он съездил в Жуковку, зашёл в местный исторический музей и не поленился познакомиться с его хранителем, соединявшим в одном лице должности директора и архивариуса. Работала здесь суетливая симпатичная женщина в возрасте, Нелли Сазонова, увлечённая своей работой до самозабвения и способная рассказывать о Жуковском районе дни и ночи на-

пролёт. С её помощью Дмитрий узнал всю историю Фошни и прилегающих к ней деревень.

Оказалось, что село когда-то было самым крупным населённым пунктом района, а его история уходит в глубины веков. Первые документальные свидетельства о Фошне относятся ещё к пятнадцатому веку. В тысяча пятьсот четвёртом году в заведении великого князя Московского Ивана III упоминается и Брянск со всеми волостями, среди которых находилась и Хвощина. Название села, по-видимому, произошло от хвощей, в изобилии росших по берегам речки Березны. Хотя краеведы упоминали ещё одну версию: было известно, что слово «хвашины» — латинского происхождения и означает связки из прутьев, хвороста и камыша, которые служили для укрепления плотин, насыпей и крутых речных берегов. А в военное время ими обкладывали редуты. Об этом упоминал в романе «Война и мир» Лев Толстой.

Деревня Фошня дважды горела и каждый раз заново отстраивалась, уходя от леса и болота на возвышенность.

Были там построены и церкви: Хвошнянский храм — в семнадцатом столетии, каменная церковь Николы Чудотворца — в тысяча семьсот семьдесят пятом году и храм Святителя Николая с двумя церквями.

Но больше всего Булавина заинтересовали курганы вокруг Фошни, о которых ходили разные легенды. Многие старожилы утверждали, что это французские могилы, где похоронены солдаты Наполеона. Но существовала и легенда, что это древнерусские погребения девятого-десятого веков, то есть принадлежащие времени заселения местности южными славянами.

Десятки лет Фошня была важным торговым пунктом на тракте между Свенской ярмаркой и Смоленском и далее с Европой. Но с момента открытия железнодорожного сообщения в волости в тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году значение Фошни как центра стало падать. На эту роль начала претендовать быстро растущая Жуковка, которая и стала волостным центром при советской власти, в тысяча девятьсот двадцать четвёртом году. Хотя при этом сама Фошня продолжала оставаться культурным центром, имея девять школ: церковную, две земские, второклассную и пять школ первоначальной грамоты.

Однако в тысяча девятьсот восемьдесят первом году в селе закрыли последнюю школу, и с этого момента Фошня потеряла жизнеспособность и почти прекратила своё существование. Не спасли её от этого печального удела и церкви, заброшенные и рухнувшие в разное время. Лишь в начале двадцать первого века здесь начали строиться «новые русские крестьяне», имеющие квартиры в городах, фермеры и энтузиасты, пытавшиеся возродить деревню. Естественно, организованная здесь Школа Шерстнева резко увеличила интерес к деревне, отчего её статус повысился, а местные жители с удовольствием начали приводить — и привозить — в Школу своих детей.

Кроме Школы в Фошне за последнее время были построены два магазинчика, продуктовый и универсам, а также автозаправочная станция и авторемонтная мастерская. Плюс грибоварня, какие широко строились в пятидесятые годы по всей территории Брянского края. Поговаривали о строительстве сельского клуба, поскольку в деревню начала возвращаться молодёжь. Дороги района существенно улучшились, через Велею, Старь и Дятьково была построена прямая дорога Жуковка—Жиздра, выходящая на Киевское шоссе, и поток машин по трассе, не доходящей до Фошни всего полтора километра, резко возрос. Селиться в деревне, возводить собственные дома стали чаще. Почти у всех теперь появились машины, и достичь райцентра можно было всего за четверть часа.

Съездил Булавин и в Гришину Слободу, где красовался пресловутый Клуб спортивного совершенствования.

После смерти Психа власть в Клубе перешла в руки его заместителя Гоги Чванидзе. Но он недолго продержался на этом посту. Вмешалась жуковская администрация и милиция, где у Семёна Блющева были родственники, и Клуб превратился в арену борьбы за немалой стоимости собственности. Три года назад Клуб строился с размахом, его окружал лес, и местным чиновникам очень хотелось прибрать его к рукам. Победила точка зрения жуковского градоначальника превратить Клуб в Институт физкультуры и спорта. Но поскольку Гога Чванидзе, бывший борец, чемпион Грузии, мастер спорта и по совместительству главарь шайки бандитов, не собирался уступать своё место, за Клуб снова началась война с применением шантажа, угроз, подкупа и обещаний «всё устроить красиво». Гогу сме-

нил Борис Пацатый, двоюродный брат главы Жуковского ОВД подполковника Коробко, который и возглавил создаваемый Институт.

Впрочем, криминальная обстановка в районе улучшилась, «спортсмены» перестали терроризировать население Гришиной Слободы и окружающих деревень, народ вздохнул свободно, что и позволило начальнику ОВД доложить в Брянск о своих успехах. Его поддержали в УВД области, а также в спортивных кругах и даже в Брянской епархии, и теперь главной кандидатурой на роль ректора физинститута являлся Борис Пацатый. Бывший агроном Фошнянского сельсовета.

Дмитрий не поленился навести справки об этом человеке и понял, что тридцатичетырехлетний агроном мало чем отличается от своего родственника Семёна Блюшева. Кроме одного: Пацатый был удобен тем, что мог выполнить любое задание от тех, кто имел право им командовать. На ректора серьёзного учебного заведения он явно не тянул, максимум — на лидера небольшой секции либо на вожака преступной группировки.

На всякий случай Дмитрий обратился в информационно-аналитический центр с тем, чтобы там собрали по Пацатому всю доступную информацию, особенно в части его пристрастий и увлечений. Во-первых, это помогло бы триаде сделать прогноз, чего можно ждать от этого человека. Во-вторых, способствовало бы разработке плана превентивных мер на случай скрытых или явных угроз с его стороны. Дмитрию очень не понравилась близость Клуба к Школе Шерстнева. Словно тот был построен специально для нейтрализации Школы и её влияния на сознание масс. Мало того, Клуб вполне мог претендовать на роль масс-усилителя психотронного генератора «Лунный свет».

В три часа дня Булавин заехал в Школу и побеседовал с Шерстневым, который рассказал ему о поведении Романа.

Мальчишка продолжал свою политику «мне все завидуют и не дают спокойно учиться», что вполне укладывалось в тактику работы триангула. Самый короткий «угол» триангула, то есть самый маловозрастный оперативник группы, специально провоцировал противную сторону на ответные действия, чтобы в нужный момент объявились остальные члены триангула и устроили «разборку». Кем они были, какие должности занимали, Булавин сразу выяснить не смог. Для этого надо было срочно

заниматься парнем и его окружением во избежание негативных последствий. По заявлению отца Романа, кем бы он ни являлся, администрация района вполне могла предъявить Шерстневу претензии и закрыть Школу.

В четыре часа Булавин забрал Сергия и девочек Тарасова и повёз в Жуковку. А уже на выезде из деревни почувствовал смутную тревогу, неприятный холодок в затылке и остановил машину.

— *Глядун*, — тихо произнёс мальчишка, встретив взгляд Витязя.

— Закройся! — стиснул зубы Дмитрий. — Я выйду.

Он выбрался из машины, огляделся и в полусотне метров над дорогой увидел порхающий чёрный кисейный прямоугольник *глядун*. Напрягся, вызывая вокруг себя аурное свечение, и метнул в сторону пеленгационной антенны конунгов стрелу золотистого света.

Глядун подпрыгнул вверх, как волан от удара ракетки, закачался, закружился, источая струйки серого тающего дыма, и полетел прочь, «прихрамывая», будто получил растяжение «икроножной мышцы».

Дмитрий проводил его тяжёлым взглядом, сел на место.

— Это уже третий *глядун* за последнее время. Узнать бы, кто его выпускает.

— Я попробую, — кивнул Сергей, восприняв слова Булавина как просьбу.

— Неужели это возможно? — усомнился Дмитрий.

— *Глядун* — всего лишь энергоинформационный солитон, реагирующий на пси-излучение конкретного объекта. Он должен иметь связь с оператором, который им управляет, иначе нет смысла запускать пеленгатор.

— Логично, — согласился Дмитрий. — Что ж, если оператор не всполошится нашим вмешательством в полёт *глядун*, попробуем выйти на него.

— Прямо сейчас?

— Нет, мне надо посоветоваться со старшими товарищами. В следующий раз. К тому же мне показалось, что этот *глядун* искал именно нас. Ты не мог его насторожить?

— Дедушка Онуфрий посоветовал сделать невидимый программный экран...

— Какой экран?

— Такой энергоинформационный фильтр, который не пропускает истинную ауру...

— Как черепной эндокран¹?

— Я не знаю, что такое эндокран, — виновато сказал Сергей.

— Это несущественно. Главное, что тебя нельзя запеленговать, я правильно понял?

— Да.

— Отлично! И тем не менее мне не нравится активность конунгов, посылающих сюда *глядуну*.

Дмитрий вывел машину к трассе, но был вынужден остановиться, так как дорогу преградил человек в серо-голубой униформе, с полосатым жезлом.

У перекрёстка стояла белая «Калина», возле которой переговаривались ещё двое парней в такой же униформе. На инспекторов ГАИ они походили мало. Рядом с ними трое рабочих мастерили будку и устанавливали шлагбаум.

— Слушаю вас, — приспустил боковое стекло Дмитрий.

— Дорога на Фошню платная, — сказал мужчина в серо-голубом; его костюм напоминал форму десантных войск, но другого цвета, без камуфляжа, погон и знаков отличия.

— Представьтесь, пожалуйста, — вежливо попросил Булавин.

На равнодушном бугристом лице мужчины с жезлом отразилась работа мысли.

— Решение... это... губернатора, — проговорил он после паузы; его коллеги у белой «Калины», поглядывающие на «Ирокез» Булавина, поигрывающие полосатыми палками, двинулись через дорогу.

— Покажите мне это решение.

— Вы это... платите по-хорошему... сто рублей с иномарки...

— Покажите документы, по которым дорога на Фошню вдруг стала платной. Иначе ни о каком платном проезде речь идти не может.

Мужчина оглянулся на спутников. Те подошли ближе.

¹ Эндокран — слой эпителиальных клеток, устилающий внутреннюю поверхность черепа.

— Вот, не хочет платить.

— Водительские документы! — отрывисто потребовал высокий парень с редкой щетиной на щеках.

— А вот это вы и в самом деле не имеете права требовать, — радостно сообщил ему Дмитрий. — Кем бы вы там ни были. Водительское удостоверение имеет право требовать только инспектор ГАИ и только при нарушении водителем правил дорожного движения. Так что если хотите — запишите номер машины и сообщите своим начальникам.

Дмитрий включил двигатель.

Но второй спутник высокого, плотный, неприятного вида, стал прямо на пути джипа, и Дмитрий вынужден был заглушить мотор.

— Уйдите с дороги!

— Заплатишь — отойдём, — ухмыльнулся высокий.

— Посидите-ка минутку, — с улыбкой подмигнул притихшим дочкам Тарасова Дмитрий, — я сейчас.

— Может, не надо, дядя Дима? — неуверенно произнёс Сергей. — Я могу отвести им глаза.

— Ни в коем случае, дружок! Ты самый обыкновенный пацан, хотя и ученик Школы. Оставайся им как можно дольше.

Дмитрий вылез, держа взглядом всех троих исполнителей чьего-то указания собирать с водителей плату за проезд.

— Попрошу показать документы! — твёрдо сказал он. — Чтобы потом знать, с кем разбираться.

Парни переглянулись. Мужчина, остановивший машину, поморщился.

— Вы сделаете себе только хуже.

— Ваши фамилии, имена, должности, место работы, пожалуйста!

— Я тебе сейчас покажу удостоверение! — ощерился вдруг высокий, перехватывая свою палку поудобнее... и внезапно оказался безоружным! Палка сама собой возникла в руке Булавина и упёрлась высокому в кадык.

— Пошли отсюда вон, кретины! — тихо сказал Дмитрий. — Сборщики дани, мля! Сегодня же буду в милиции, а если потребуется, и до губернатора в Брянске доберусь, выясню, чья это затея! Прочь с дороги!

Молодой человек перед машиной бросился на выручку к

своему напарнику, но был обезоружен так же легко, быстро и непринуждённо, как и высокий. Дмитрий ткнул ему полосатым жезлом в глаз, заставил отступить. Первый мужчина переменился в лице, опасливо отступил. Рабочие, возившиеся с будкой и шлагбаумом, перестали работать, уставились на происходящее, ошеломлённо открыв рты.

— Всё уразумели? — поинтересовался Дмитрий. — Или мне самому сдать вас в милицию?

— Отпусти, — просипел высокий.

Дмитрий подумал, забросил жезлы в кусты, сел в машину.

— Предупреждаю: я запомнил и вас, и вашу тачку. Моим друзьям будет очень интересно заняться вами, так что ждите неприятностей.

Булавинский «Ирокез» резво побежал по дороге.

Девочки на заднем сиденье снова защебетали о своих делах.

— На всякий случай, — сказал Сергей и хитро улыбнулся, — я закрыл наши номера *непроглядом*.

Дмитрий засмеялся:

— Правильно сделал. Пусть потом ищут джип без номеров. Но этот пост не имеет права на существование. Надо будет узнать, кто решил его установить.

Серебряный мальчик промолчал.

Вечером из Брянска вернулись Тарасов с Хмелем, и Витязи собрались у Глеба Евдокимовича в отдельной комнате для обсуждения проблем.

Глава 15

ЭТО ЕЩЁ НЕ МАГИЯ

Фошня

Он чувствовал перемещение своего «ментального тела» из одного состояния в другое, но остановился, лишь когда пролетел через физический сон, эфирный и астральный. Дальше пути не было. И не потому, что Шерстнев не являлся ни магом, ни посвящённым волхвом, а потому, что сны духовного тела — выходы за пределы индивидуальности и барьеры времени — были недоступны даже самим магам. Ими владели только редкие личности, прошедшие все ступени самореализации.

Впрочем, и ментальный сон — путешествие в безличную информационную среду — тоже давался далеко не каждому человеку. Такое путешествие мог выдержать лишь всесторонне подготовленный адепт. Если знал, что и где искать.

Борислав Тихонович не ощущал себя как физический объект. Он вообще не чувствовал, как чувствует человек, порхая в светящейся бездне безличностно и отстранённо. Однако пронизывающее его желание з н а т ь будущее само сформировало необходимые «ментальные структуры», и Борислав Тихонович наконец проник в прозрачные невидимые струи нужных рефлексий...

Назад он выбирался — словно поднимался по лестнице в гору, медленно, задыхаясь, трудно, будто нёс на спине тяжкий груз.

Вышел в «нормальный» сон, почувствовал укол беспокойства и проснулся.

Стрелки будильника на тумбочке показывали без двух минут семь утра.

Жены рядом не было.

Тотчас же дверь в спальню приотворилась, в щель заглянула Алевтина.

Он сел, потягиваясь.

— Извини, что разбудила, — виновато улыбнулась она.

— Всё равно пора вставать, — успокоил он её, выключая будильник.

— У тебя лицо озабоченное. Сон плохой видел?

— Нет, всё нормально, — соврал он. — Сейчас приму душ, и ты увидишь другое лицо.

Алевтина взяла из шкафа полотенце, убежала.

Он лёг, перебирая в памяти последние видения и точно зная, что сегодня что-то произойдёт. Ментальный сон-предвидение никогда не приходил со счастливым известием, только с предупреждением о каких-то недобрых событиях.

— Кто предупреждён, тот вооружён, — пробормотал Шерстнев, сбрасывая одеяло.

Отжался тридцать раз, сделал наклоны вперёд и в стороны, помахал руками. Кровь быстрее побежала по жилам. Захотелось работать.

Скоро он уже завтракал: овсянка, приготовленная на обез-

жиренном молоке, с молотым грецким орехом, яйцо всмятку с хлебом из муки грубого помола, кофе с тем же обезжиренным молоком.

Посмеялся, прочитав в газете об очередной раздаче в Гарварде так называемых шнобелей — премий за самые бесполезные открытия и достижения. Особенно впечатляющим показался медицинский трактат «Влияние музыки кантри на статистику самоубийств». По мнению его авторов, профессоров Стивена Стака из Детройта и Джеймса Гундлаха из Алабамы, звуки банджо почти на пятьдесят процентов спасают от петли страдающих от депрессии, хотя и укорачивают при этом век домашних животных. Где они собирали материал для трактата, осталось невыясненным.

— Кретинизм! — выразил Шерстнев своё отношение к подобным исследованиям.

Алевтина занялась племянницей, — Ксения теперь жила с ними, — а Борислав Тихонович начал собираться на занятия. В начале девятого он сел на велосипед и поехал в Школу.

Кроме своих прямых директорских обязанностей он ещё читал лекции в старших классах. Сегодня у Борислава Тихоновича должна была состояться лекция о магии, тему которой затронул продолжавший хулиганить Роман Ощипков.

В аудитории собрались двадцать восемь учеников, в том числе и Сергей Тарасов, знавший о предмете лекции гораздо больше остальных детей. Не было лишь Серёжи Валова, собиравшегося в следующем году поступать в Московский архитектурный институт.

— Где Серёжа? — осведомился Шерстнев у наставника старшей группы Надежды Петровны.

— Был здесь, — засуетилась семидесятилетняя женщина, — сейчас поищу.

Она вышла.

— Начнём, пожалуй, — сказал Борислав Тихонович, оглядывая светлые, ждущие детские лица, на которых читался живой интерес. — Сегодня речь у нас пойдёт о магии эгрегора. Методы, используемые в ритуальных практиках магии эгрегора, уходят в глубокое прошлое человечества. Сознательно или бессознательно их применяли на протяжении тысячелетий. Термин «магия эгрегора» придумал в девятнадцатом веке аббат

Константин, более известный в России под именем Элифаса Леви.

— Я читал, — поднял руку Роман, перебивая учителя.

— Очень хорошо, — похвалил его Борислав Тихонович. — Только давайте договоримся выслушать лекцию до конца, а потом задавать вопросы. Эгрегорная магия использует коллективную энергию толпы, любого социального объекта, но управлять ею может один оператор. Достаточно направить энергию на объект...

— На любого человека? — снова перебил Шерстнева Роман.

— Рома, пожалуйста, потерпи, — остался спокойным Борислав Тихонович. — Все вопросы потом. Объектом воздействия эгрегорной магии действительно может стать любой человек. Энергия, аккумулированная на протяжении многих тысяч лет, «закачивается» в мишень, которой легко манипулировать. Ну, а мишенью...

— Мишень — человек? — тут же не выдержал Роман.

— Выйди, Роман, — сказал Шерстнев без выражения. — Ты задаёшь правильные вопросы, но не вовремя. Для тебя я прочитаю эту лекцию индивидуально.

— Не пойду! — вызывающе вскинул подбородок мальчишка. — Вы не имеете права! Я пожалуюсь отцу, и он вас...

Дети зашумели.

Сергий — Светлый посмотрел на одноклассника внимательно и строго, отталкивая его, с непривычной неприязнью, и Роман вдруг замолчал на полуслове, будто в рот ему сунули кляп. Он вытаращил глаза, пытаясь выговорить какую-то фразу.

Шерстнев поймал взгляд Сергия, качнул головой. Юный ведич виновато сморщился.

И тотчас же Роман вскочил, покрасневший, взволнованный, быстро затараторил, проглатывая слова и буквы:

— Он вам сра в милиции уси будете...

Класс захохотал.

Борислав Тихонович кивнул на стул:

— Сядь пока и не мешай. А с отцом твоим я сам поговорю.

Роман рухнул на место, открывая и закрывая рот. У него был такой растерянный вид, что Борислав Тихонович едва сдержал улыбку.

В этот момент в дверь заглянула Надежда Петровна, поманила рукой Шерстнева. Выглядела она бледной и растерянной.

Борислав Тихонович посмотрел на учеников:

— Подождите минутку. — Вышел. — Что стряслось?

— Серёжа Валов...

— Да говорите же!

— Его сбил мотоцикл...

— Когда?!

— Десять минут назад...

— Где?!

— Возле магазина. Он выбежал в магазин, сторож разрешил, и Серёжу сбил мотоцикл...

Борислав Тихонович метнулся к выходу, крикнул на бегу:

— Объявите ребятам, что лекция переносится.

Через минуту он был у продуктового магазина, в котором все ученики Школы часто покупали соки и мороженое.

Серёжа Валов с закрытыми глазами лежал на земле у забора. Над ним склонилась какая-то женщина, осматривая оголённую грудь мальчишки с алыми и синеватыми пятнами. Вокруг толпились возбуждённые односельчане.

— Что?! — выдохнул Шерстнев, протиснувшись сквозь толпу.

— Явные признаки переломов рёбер, — оглянулась женщина. — Сломаны руки, нога, ушиб теменной доли.

— Он жив?!

— Пока жив. Но его нужно срочно в больницу.

— У меня есть машина.

— Любая машина не годится, нужна реанимация.

Шерстнев достал телефон.

— Глеб Евдокимович? Нужна машина «Скорой помощи»... Да, ученик... нет, Серёжа Валов... в Жуковке есть такая? Понял, жду.

Шерстнев набрал новый номер:

— Онуфрий, нужна твоя помощь... Серёжу Валова сбил мотоцикл... возле магазина... понял, жду. — Он обвёл взглядом переминавшихся с ноги на ногу людей. — Кто видел, как сбили мальчика?

Люди вокруг зашумели.

— Я видела, — сказала старушка в полосатом пальто.

— И я, — поднял руку молодой парень, сжимающий руль

велосипеда. — Он остановился, когда увидел мотоцикл, но тот всё равно вильнул вправо и на всей скорости! Малец врезался прямо в забор.

— Что за мотоцикл?

— Японский, «Судзуки», с высоким седлом.

— Мотоциклист был один?

— Не, двое, второй сзади сидел. Оба в шлемах, лиц не видно, в кожаных куртках.

— Куда они поехали?

— Туда помчались, — махнул рукой парень в сторону лога за деревней.

Шерстнев снова достал телефон:

— Глеб Евдокимович... да, понял... я о мотоциклистах... Серёжу сбил мотоцикл марки «Судзуки», на нём двое в коже и в шлемах. Судя по всему, они рванули в сторону трассы на Жуковку... хорошо.

— Чёрт, он холодеет! — озабоченно проговорила женщина, беря пострадавшего за руку.

— Вы врач?

— Медсестра, приехала к родственникам.

— Сколько он ещё продержится?

— Не знаю, боюсь, не больше пяти минут. Сердце остановится — всё!

— Расступитесь, — раздался за спинами людей хрипловатый голос, и к телу мальчишки протиснулся седой старик, в котором Шерстнев не сразу признал Онуфрия. Он ни разу не видел волхва в белом наряде, напоминающем монашескую рясу.

Женщина с сомнением посмотрела на него.

Шерстнев дотронулся до её плеча:

— Не волнуйтесь, всё будет хорошо.

Онуфрий подержал руки над грудью и головой мальчика, разогнулся:

— Множественные переломы рёбер, но самое плохое — разрыв подвздошной сумки.

— Откуда вы знаете? — подозрительно сузила глаза медсестра.

— Я умею видеть суть вещей, — пожал плечами старик. — «Скорую» давно ждёте?

— Минут пятнадцать, — посмотрел на часы Шерстнев.

— Его надо срочно везти в Жуковку.

— Он нетранспортабелен.

— Уже транспортабелен, да и я буду рядом.

Где-то неподалёку взвыли моторы идущих на большой скорости машин, и в конце улицы показались бешено мчавшиеся «Ауди» вишнёвого цвета и синяя «Импреза». За несколько секунд преодолев три сотни метров, они остановились у магазина в клубах пыли. Захлопали дверцы. Из машин выскочили двое, Тарасов и Хмель, ни слова не говоря, отодвинули толпившихся сельчан. Тарасов подал руку Шерстневу, Онуфрию:

— Довезём?

— Говорили о «Скорой».

Глеб Евдокимович поморщился:

— «Скорая» на выезде, в больнице она всего одна, повезём сами.

— Встретили кого-нибудь на мотоцикле? — спросил Шерстнев.

— Никого.

— Значит, они поехали в Жиздру.

— Я догоню! — бросил Хмель, садясь в свою «Ауди».

Машина, взревев четырёхсотсильным мотором, сделала круг и помчалась по улице как метеор, исчезла из глаз.

— Кладите его на заднее сиденье, — сказал Тарасов.

Онуфрий и Шерстнев взяли за пострадавшего, не подающего признаков жизни, осторожно перенесли в кабину «Импрезы». Онуфрий уместился рядом. Тарасов сел за руль.

— Позвоните, — попросил Борислав Тихонович.

— Не беспокойся, всё обойдётся, — проворчал Тарасов.

Машина мягко взяла с места, с утробным урчанием понеслась по деревне.

Люди стали расходиться, переговариваясь, обсуждая случившееся.

Шерстнев проводил тарасовскую «Импрезу» глазами, медленно двинулся к Школе. На месте происшествия остались только две старушки и приезжая медсестра, задумчиво поглядывающая на опадающие клубы пыли в конце улицы.

В Школе было тихо. Но в аудитории, где Шерстнев начал читать лекцию по магии, было шумно. Борислав Тихонович открыл дверь, вошёл.

Галдёж прекратился.

Только Роман, стоявший спиной к двери в позе боксёра, продолжал громко говорить:

— Вы не понимаете ни хрена! Я свободный член общества и могу делать что хочу! Никто не заста... — Он заметил обращённые к двери лица ребят, оглянулся.

Шерстнев поманил его пальцем:

— Идём-ка со мной, свободный член общества. — Посмотрел на растерянную Надежду Петровну. — Продолжайте занятия по информатике.

— Как там он? — начала наставница.

— Всё в порядке, его повезли в больницу.

— А что случилось, Борислав Тихонович? — спросил один из мальчишек. — Серёжка заболел, да?

— Его сбил мотоцикл, — ответил Шерстнев, поднял руку, предупреждая шум. — Он жив, хотя и в тяжёлом состоянии, его повезли в больницу. Будут новости — сообщим. И у меня просьба: обо всех отлучках в магазин сообщайте преподавателям.

— Ещё чего, — скривил губы Роман.

— Выходи, — пропустил его вперёд Борислав Тихонович.

Они поднялись на второй этаж, зашли в директорский кабинет.

— Садись, — кивнул на стул Шерстнев, обходя стол.

— Не хочу! — вызывающе отказался Роман, встал в позу: ноги на ширине плеч, руки за спиной; глаза мальчишки при этом бегали, не глядя прямо на директора. — Чего вам от меня надо? Я ни в чём не виноват!

Шерстнев внимательно оглядел его, сел за стол.

— Что ж, постой, свободолюбец. Много говорить не буду. Твоё поведение переходит все допустимые границы, установленные в стенах этой Школы. А поскольку мы не можем подчиняться законам, по которым живёшь ты, тебе придётся подчиняться нашим. Добровольно. Или придётся уйти из Школы.

— Это не вам решать... — начал мальчишка.

— Как раз мне, — перебил его Борислав Тихонович. — Иди в класс и подумай, как тебе жить дальше. Только не мешай остальным.

Роман хотел ещё что-то сказать, но встретил понимающе-сочувствующий взгляд директора и запнулся, выскочил за дверь.

Шерстнев покачал головой. Вспомнились его мытарства по

многочисленными организациями, от которых зависела судьба Школы, и столкновения с чиновниками, ожидающими мзду в полной уверенности в своей безнаказанности. Он преодолел все, доказал всем на самом высоком уровне, от институтов образования до Министерства, что его Школа имеет право на существование. Но нигде никогда не сталкивался с малолетними агентами Синклита чёрных магов! Роман был первым.

Интересно, кто им руководит? — пришла мысль. Отец далеко, в Брянске, хотя задания приёмному сыну можно давать и по телефону. Однако за ним надо присматривать, а это означает, что где-то совсем рядом, даже, может быть, в Школе, есть человек, который подстраховывает «угол» триангула. Кто? Мужчина, женщина? Скорее всего женщина, так как триангул специально и рассчитывает на незаметность оперативников, подготавливая их из «некомбатантов».

Зазвонил телефон.

«Потом проанализирую», — подумал Борислав Тихонович, снимая трубку.

— Довезли нормально, он в реанимации, — раздался в трубке голос Тарасова. — Онуфрий подлечил его по пути, теперь им займутся врачи, так что не переживай.

— Как ты думаешь, это случайность?

Тарасов помолчал.

— Вряд ли, таких случайностей не бывает, если иметь в виду наше положение. Кто-то навёл на пацана киллеров.

— Зачем?

Тарасов сделал ещё одну паузу.

— Думаю, наблюдатель ошибся, приняв Серёжу за нашего парня.

— Какой наблюдатель?

— У тебя там работает триангул, это очевидно. А ошибиться мог только Роман Ощипков, по молодости лет. Он и навёл оперов Синклита на Валова.

— Если это так...

— Жди очередной атаки на учеников, на Школу вообще и на себя лично. Будь осторожен, звони, если что заметишь подозрительное.

— От Хмеля ничего?

— Будет информация — сообщу.

Шерстнев положил трубку на рычаг, посидел, сгорбившись, над столом, потом начал перебирать папки, бумаги, готовиться к очередным занятиям со старшеклассниками и менять пункты дневного плана. У него было много работы.

Однако первым делом он позвонил родителям Серёжи и рассказал о постигшей их беде. Успокоить никого не успел: отец Валова бросил трубку и, очевидно, помчался в больницу.

В десять к нему приехал наряд милиции, вызванный им же ещё час назад, и Бориславу Тихоновичу пришлось отвечать на вопросы хмурого капитана, заставившего его пойти на место происшествия. Уехали милиционеры только в двенадцать часов дня.

До обеда Борислав Тихонович работал как обычно, собираясь поехать в больницу к двум часам дня, но врач позвонил ему сам, сообщив, что Серёже сделали операцию, сшили сломанные кости, подвздошную сумку и наложили шину на сломанную руку.

— Мальчишке пришлось несладко, но жить будет, — добавил врач, дочь которого, как оказалось, тоже ходила в Школу. — Нашли, кто это сделал?

— Нет ещё, — со вздохом признался Шерстнев. — Но найдут.

Почему у него вдруг возникла такая уверенность, он и сам не знал, однако до вечера верил, что справедливость восторжествует. А в шесть часов вечера к нему в кабинет зашёл Тарасов, приехавший за детьми. Борислав Тихонович поднял голову от стола, потом поднялся.

— Что?

Глеб Евдокимович сел напротив, устало усмехнулся:

— Мы были правы, учитель: это триангул.

Шерстнев сглотнул горький ком в горле, снова сел.

— Рассказывай.

Тарасов по привычке помолчал и сообщил всё, что знал сам...

Хмель настиг мотоцикл «Судзуки» с двумя седоками через сорок три минуты: мчался он как ураган, со скоростью больше двухсот километров в час, и остановить его мог, наверное, только ракетный залп.

Произошло это между Старью и городком Дятково, недалеко от железнодорожной станции Стайная.

Хмель сразу смекнул, кому принадлежит серебристо-синий спортбайк «Судзуки JT», и, не задумываясь, на обгоне слева подал машину вправо, сбрасывая мотоцикл в кювет.

«Судзуки» на скорости сто тридцать километров в час слетел в канаву, перевернулся, врезался в дерево и развалился на части.

Его седоки, как горошины из стручка, вывалились в полёте один за другим и приземлились аккуратно в кочки близкого болотца, через которое был перекинут небольшой мост.

Хмель круто развернул «Ауди», вернулся назад, выскочил из машины на мосту.

Один мотоциклист так и остался лежать головой в кочке, раскинув руки. Второй слабо шевелился в десяти метрах, слепо шаря руками по траве. Сбросил шлем, открыв перемазанное грязью и кровью лицо, увидел сбегающего с обрыва Никифора, попытался достать из-под куртки оружие: у него был пистолет-пулемёт «Каштан».

Хмель прыгнул, ударом ноги отбросил байкера ещё дальше в болото, поднял выпавший у него из руки «Каштан-М». Покачал головой: это был новейший пистолет-пулемёт последней модели, признанный во всём мире лучшим образцом оружия в своём классе.

Мотоциклист начал тонуть, вытягивая вывалившуюся в грязи голову и пытаясь дотянуться до веток ближайшего кустарника. Прохрипел:

— Помоги...

Хмель присел на корточки на сухом берегу, у кочки.

— Кто вам дал задание замочить мальчишку?

— Я... не пони... дай ру...

— Кто вам дал приказ убить мальчишку? — терпеливо повторил Никифор.

Мотоциклист погрузился в болото с головой, вынырнул, весь облитый болотной жижей.

— Дай ру!.. Об-оп-оп... я в-всё ска... боп-боп-боп...

Хмель протянул ему ветку ольхи:

— Цепляйся.

Мотоциклист ухватился за ветку, начал подтягиваться, но сил не хватало, и он застыл, затянутый в болото по плечи.

— Говори!

— М-мы ждали...

— Кто дал задание?

— В Брянске, Жека-Кувалда... помощи вылез...

— Кто это — Кувалда? Фамилия, адрес! Кто навёл вас на мальчишку?

— Кувалда — бывший бокс... — Тонувший не договорил.

Слева раздалась очередь, и пули с противным чавканьем прошли по грязи, по кочкам и кустам. Одна из них угодила в висок мотоциклиста, и он, охнув, ушёл под слой жижи.

Хмель, мгновенно отпрянув в сторону, не глядя выстрелил из «Каштана» по звуку. Стало тихо.

Никифор подождал несколько мгновений, перекатился дальше, за кочки, но никто на его движение не отреагировал. Тогда он поднялся, готовый к любой неожиданности, и увидел за кустом под мостиком неподвижное тело второго мотоциклиста. Приблизился, перевернул тело, сплюнул:

— М-мать вашу!

Пуля из «Каштана» попала байкеру в лоб. Он был мёртв.

Вдали послышался шум приближавшегося грузовика.

Никифор помедлил мгновение, швырнул пистолет-пулемёт в то место, где скрылась голова второго мотоциклиста, нырнул в кабину «Ауди» и дал газ. Вскоре он был в Дятькове...

— Ясно, сомневаться действительно не приходится, — кивнул Борислав Тихонович, выслушав Тарасова. — Как думаешь, что за Кувалда отдавала приказ ликвидировать Серёжу?

— Жекой-Кувалдой вполне может быть господин Ошипков. Но меня больше настораживает простота решения вопроса. Если бы Серёжа Валов был Серебряным мальчиком, ведичем, он не попал бы под мотоцикл. Понимаешь?

Шерстнев подумал.

— Значит, это не ошибка?

— Это ошибка. И в то же время проверка. Мы, конечно, постережём мальчика в больнице, но вряд ли кто-нибудь придёт его добивать. Конунг, затеявший поиски Светлого, наверняка уже понял, что его подчинённые ошиблись. Надо ждать новых провокаций.

— Я готов.

— Мы тоже. — Тарасов подал руку Шерстневу, вышел.

Борислав Тихонович потёр лоб, пытаясь поймать мелькнувшую мысль. Вспомнил: надо позвонить сыну, предупредить, чтобы вёл себя поосторожней...

Мысль мелькнула и исчезла.

— Это ещё не магия, — пробормотал он вслух, внезапно понимая, что конунги пока что не принялись за него всерьёз.

Результаты бесед с Романом проявились уже на следующий день.

Учебное утро только началось, Борислав Тихонович созвал в кабинете работников Школы, отвечающих за быт учеников, питание, досуг и другие хозяйственные дела, и в это время с шумом и грохотом в кабинет вошла группа людей в количестве четырёх человек. Возглавлял её здоровяк в сером костюме, с могучей шеей спортсмена, в котором Шерстнев без особого удивления узнал Евгения Ошипкова, отца Романа. Остальные парни были под стать своему боссу: крутоплечие, все в кожаных куртках, накачанные, равнодушные ко всему на свете, кроме команды вожака. Различить их можно было разве что по росту и цвету волос.

За группой гостей, чуть ли не плача, вбежала молодая уборщица Школы Аня Сёмина.

— Борислав Тихонович, они не послушались, не стали ждать, ударили Ивана Клавдиевича...

Иван Клавдиевич, пятидесятилетний сторож Школы, был когда-то десантником, и справиться с ним обыкновенному человеку было не просто. Охранял он учебное заведение на совесть. Однако гостей, явно занимавшихся единоборствами, остановить не смог.

— Задвинь обслугу, — через плечо приказал Ошипков.

Один из кожаных мордovorотов молча повернул Аню лицом к двери, вытолкал и закрыл дверь.

Сидящие за столом работники Школы переглянулись, посмотрели на директора.

Шерстнев поднялся, не меняя выражения лица.

— Выйдите, пожалуйста. Закончится совещание, я вас приму.

— Я тебе щас всё кончу! — скривил губы Ошипков. — Какого хера ты прицепился к моему парню?! Чем он тебе не угодил?!

Учится хорошо, разбирается в математике... А что его немного заносит, так ведь он бывший детдомовец. Это понимать надо!

— Как вы разговариваете с директором?! — возмутилась Александра Максимовна, отвечающая за работу столовой.

Ощипков наставил на неё палец:

— Не твоё дело, толстуха! Сиди, пока не спрашивают. Короче, директор, больше повторять не буду! Ещё раз услышу от своего парня жалобу, пеняй на себя, понял? Школу закроют!

— Выйди вон! — ровным голосом сказал Шерстнев.

— Чего?!

— Выйди вон!

— Да я тебе... — шагнул к столу Ощипков.

Сидящие за столом вскочили.

В тот же момент дверь в кабинет открылась, вошёл Дмитрий Булавин, не уступавший габаритами ни охранникам Ощипкова, ни ему самому. К тому же он был выше всех чуть ли не на голову.

— Что тут происходит, господа-товарищи?

Ощипков оглянулся:

— Эт-то ещё что за орясина? Михась, выведи его!

Круглолицый Михась, стриженный под ноль, двинулся к Булавину и вдруг согнулся, будто у него внезапно заболел живот. Дмитрий перехватил его могучую руку, распахнул дверь и одним движением толкнул в приёмную. Закрыл дверь, обернулся.

— Прошу внимания, господа-товарищи. Если вы не убежёте отсюда по-хорошему, я буду действовать по-плохому, хотя и в рамках закона. Как поняли? Приём!

— Фак ю! — изумился Ощипков. — Ты кто такой?

— Сам ты марикон¹, — ответил Дмитрий. — Я волостной старшина. Стоит мне свистнуть — и сюда сейчас примчится взвод местных казаков. Вас или четвертуют, или повесят, народ тут суровый.

Гости переглянулись.

В дверь ломанулся обиженный Михась, но получил звонкий щелчок в лоб и скрылся за вновь закрывшейся дверью.

На лице Ощипкова отразилась задумчивость.

¹ Marico'n — человек нетрадиционной ориентации (исп.).

— Ты это... не имеешь права...

— Имею! — веско произнес Булавин. — Ну, так как? Звать казаков?

— Ладно, пошли отсюда, — принял решение бывший боксёр, направился к двери, оглянулся: — Но мы ещё встретимся!

— Очень буду ждать этого момента, — иронически поклонился Булавин. — Я предупрежу кого следует, так что встреча будет интересной и содержательной. И охрану Школы усилю на всякий случай, чтобы не пускала сюда всякий сброд. Да, и советую забрать своего приёмного сынка, ему здесь не место.

— Посмотрим, — хмыкнул Ошипков, исчезая за дверью.

За ним, косолапая, сверкая глазами из-под нахмуренных бровей, выбрались парни в коже.

В кабинете стало тихо.

Шерстнев потёр подбородок ладонью, пребывая в некотором замешательстве.

— Разве у нас в деревне есть казаки, Дмитрий Михеевич?

— Нет, так будут, — пожал плечами Булавин, направляясь к выходу. — Занимайтесь своими делами, друзья, извините за шум.

Дверь закрылась.

Подчинённые Борислава Тихоновича, ошеломлённые простотой развязки скандала, посмотрели на него. Он развёл руками:

— Ну-с, продолжим, господа-товарищи?

Глава 16

ПИСАТЕЛЬ — НЕ ПРОФЕССИЯ

Жуковка

«Город будто вымер.

Нависшие над ним фиолетово-чёрные тучи, подсвеченные снизу багровым, готовили ливень с градом, и по улицам свистели сквозняки, поднимая тучи пыли, неся в серых струях пластиковые бутылки, банки, обрывки бумаги, листья деревьев и тряпье.

Вересов затравленно огляделся. Бежать было некуда. Повсюду стояли вросшие в асфальт остовы легковушек, автобусы и трамваи. Некоторые из них выглядели как скелеты гигант-

ских динозавров, слонов и носорогов, так они были изогнуты, искажены и изломаны.

Послышался гулкий топот копыт. В конце улицы показался всадник на гигантском коне. Всадник состоял из двух половин — чёрной и белой, а за его плечами виднелись, напоминая крылья, рукояти двух мечей: абсолютно чёрного и сияюще-белого.

Вересов замер, понимая, что спасения нет...»

Владлен отложил ручку, откинулся на спинку кресла, чувствуя лёгкий звон в ушах: душа и тело требовали отдыха.

Четвёртая глава романа тоже давалась трудно, требуя обработки большого количества информации, которую нельзя было подавать в лоб. Читатели изменились, удивить их было нелегко, а заставить думать — и того труднее, приходилось идти на изощрённое упрощение сюжета, чтобы через действие донести до людей основную идею романа, его главную мысль.

И ещё одно обстоятельство мешало Тихомирову писать и чувствовать себя комфортно. Точнее, два. Первое — незнакомая обстановка, к которой ещё надо было приспособливаться, второе — мысли о Маргарите. Но если с первым обстоятельством ещё можно было как-то мириться, тем более что тётка Александра Кузьминична старалась не мешать племяннику и с удовольствием за ним ухаживала, то со вторым справиться Владлен не мог. Да и не хотел. Мысли о любимой были приятными, а иногда такими возбуждающими, что он места себе не находил. Однажды даже сорвался и помчался в Москву, не предупредив Маргариту, и провёл с ней великолепный вечер, о котором потом не раз вспоминал.

Он расплылся в улыбке, закрыл глаза, представил нежное лицо Марго с ямочками на щеках... Губы едва слышно прошептали:

— Милая...

Таким образом дни шли за днями, ничего особенного вокруг не происходило, и Владлен начал подзабывать беседу с волхвом Дементием, предупреждавшим о возможных встречах с теми, кто ему угрожал. Он считал себя правым, а главное — свободным от любых обязательств, хотя и относился к этому с иронией, помня высказывание сатирика: свобода дала возможность каждому выбрать себе рабство по вкусу. Сам Владлен

давно выбрал себе вид рабства: писательский труд, основанный на силе воли и гигантском терпении. Правда, к нему теперь прибавился ещё один вид — ожидание встреч с Маргаритой, но этот вид рабства был сладким и уводил его в мир мечты о семейной жизни, который прежде казался недоступным.

Двадцать восьмого сентября, в четверг, Владлен закончил наконец четвёртую главу романа и решил устроить себе отдых. То есть — погулять по Жуковке, зайти в местный ресторан под названием «Богатырская застава» и отведать ушицы, о которой с восторгом рассказывал ему сосед Василий Иванович. Уху эту, стерляжью, с добавлением пятнадцати граммов водки, якобы очень полюбил актёр и режиссёр Егор Кончаловский, однажды посетивший ресторан, о чём вешала висевшая на стене медная дощечка. Неизвестно, соответствовало ли это утверждение истине, но уха, по утверждению Василия Ивановича, и впрямь была великолепной.

В начале второго Владлен набросил на плечи джинсовую безрукавку и отправился в центр, оставив машину во дворе у тётки: от улицы Пушкина до рынка, неподалёку от которого располагался ресторан, добраться можно было за десять минут.

Бабье лето кончилось, однако погода стояла хорошая, тёплая, солнечная, и по воздуху летали светлые паутинки, пристающие к одежде и к лицу. Всё это радовало душу, Владлен чувствовал покой природы и был почти счастлив, если бы не толпившиеся в голове мысли. Впрочем, в данный момент он находился в лёгкой эйфории от законченного труда, поэтому беседовал сам с собой, как в детстве — с отцом, задавая «вечные» вопросы и получая весёлые ответы. Отец всегда разговаривал с ним так — с лёгкой, но необидной насмешкой, облекая ответы на вопросы сына в юморные истории.

Владлен зашёл в книжный магазин, открытый совсем недавно, покопался в книгах ради удовольствия. Отдел букинистики здесь не работал, но сами продавцы изредка приносили старые книги и выкладывали на прилавок.

Владлен просмотрел все два десятка изданных в прошлом веке книг, не купил ни одной, но остался доволен.

Возле кинотеатра глаз зацепился за вывеску на фасаде двухэтажного здания, рядом с новой дверью с тонким муаровым — под мрамор — рисунком. Надпись гласила: «Целительница Аг-

риппина. Чёрная магия: приворот — 100% (в течение двух полнолуний), отворот — 100%, снятие порчи, проклятия, венца безбрачия». Чуть ниже висело объявление на листочке картона: «Снятие алкогольной зависимости без ведома больного — дорого! Любые другие магические услуги».

Владлен покачал головой, поймал взгляд мрачного мужика в давно не глаженной рубашке. Сказал вежливо:

— Неужели находятся клиенты, кто в это верит?

— Люди делятся на две категории, — ответил мужик с неожиданным юмором. — Одни верят в невероятное, другие не верят своим глазам.

Владлен с любопытством глянул на его одутловатое лицо, явно хранившее память о запое.

— Вы относите себя к первой категории?

— Я между, — ухмыльнулся мужик. — Сообразим на двоих?

— Извините, не пью.

— А с виду интеллигент, — проворчал мужик.

— Я просто погулять вышел.

— Тогда зачем читаешь всякую херню? — резонно заметил мужик, направляясь к пивному ларьку на углу.

Владлен посмотрел ему вслед, потрясённый логикой аборигена, ещё раз глянул на вывеску «целительницы Агриппины», и у него вдруг мелькнула идея зайти и поговорить с этой самой целительницей, ведающей тайнами чёрной магии. Идея показалась чрезвычайно полезной для писательской деятельности. Не раздумывая, он занёс палец над кнопкой звонка, но дверь беззвучно растворилась раньше, будто его ждали.

— Проходите, будьте любезны, — прошепел из таинственной полутьмы тихий женский голос.

Напрягая зрение, Владлен углубился в эту полутьму, его под локоть взяла мягкая женская рука, провела в комнату, освещённую тремя свечами, стоящими на длинных стеклянных подставках, усадила на стул. Был виден только круг пола посреди комнаты и смутно — какие-то портьеры, перегородки, полки на стенах.

— Кто вы? — прошепел тот же голос.

Владлен завертел головой, пытаясь разглядеть, кто его проводил сюда и кто спрашивает.

— Я писатель Тихомиров... Владлен Денисович...

— Очень приятно, Владлен. Я Агриппина. Чего вы хотите?

Владлен наконец заметил в углу столик и замершую за ним женскую фигуру в кресле, вокруг которой колебался слой тумана. Впрочем, уже через несколько мгновений он догадался, что это кисейная накидка.

— Я хотел познакомиться...

— К сожалению, визиты платные. Деньги — это энергетика низшего плана, которую надо корректировать. Обладание деньгами снижает ваш творческий потенциал.

— Сколько стоит визит?

— В зависимости от ваших намерений. Я вижу, что вы не устроены в жизни, не женаты, семьи нет. К тому же вы «разобраны» на желания, которые мешают вам жить. Если захотите, я помогу вам правильно «собрать» эфирное тело. У вас наладится бизнес, решатся проблемы в карьере, в семье, вы встретите любовь...

Голос обволакивал, успокаивал, убаюкивал сознание, и Владлен вспомнил прочитанную когда-то книжку о нейролингвистическом программировании. Методики энелперов, как назывались специалисты этого дела, тоже основывались на максимальном сбрасывании сознательного контроля, на манипулировании подсознанием человека, в котором заложены основы личности, корни всех проблем и достижений. Таким образом, человек, подвергшийся НЛП-обработке, даже не подозревал, что сам выдаёт все свои тайные желания.

— Расскажите мне, что вы почувствовали, когда увидели вывеску моей лаборатории, — вкрадчиво продолжала женщина. — Какие звуки слышали. Какие запахи почувствовали. Кстати, визит стоит около десяти тысяч рублей, но с вас я возьму в пять раз меньше. Вы мне нравитесь.

— Я бы хотел...

— Нет такой проблемы, какую я не могла бы решить. Вместе с вами, разумеется. Положите деньги на подставку. И рассказывайте о себе, вспоминайте детство, расслабляйтесь...

В метре от Владлена зажглась ещё одна свеча, осветившая подставку на длинной витой ножке.

Рука невольно потянулась к кошельку.

— Ваш организм требует правильной «сборки», есть все

предпосылки для достижения высокого результата. Но у вас есть и враги! Я вижу их! Хотели бы вы избавиться от них?

— Да, — машинально ответил Владлен, борясь с желанием выложить на подставку все деньги. — Нет! Я сам! Извините, мне надо подумать... я зайду позже...

— Не волнуйтесь, всё будет хорошо. Вы человек нерешительный, но это поправимо. Чувствуете холод в правой руке? Положите деньги на подставку, и руке сразу станет тепло! Сердце успокоится. Это значит, что оно совершило благое дело.

— Простите, в следующий раз...

Владлен поднялся, сделал несколько шагов к выходу, но споткнулся обо что-то, чуть не упал.

— Осторожнее, Владлен Денисович, — воркующе отозвался голос. — Вы нервничаете, это лишнее. Я могла бы вам помочь...

— Да, спасибо, я зайду, обязательно, но позже... — Владлен обнаружил дверь, шмыгнул в неё, чувствуя странное головокружение, и наткнулся на человека.

В спину вонзился женский голос, ставший жёстким, пронзительным, требовательным:

— Вы забыли заплатить за визит! Две тысячи рублей!

— Но я ничего не просил...

— Плати! — угрюмо посоветовал мужчина, перегородивший коридор: тёмный силуэт на светлом прямоугольнике двери.

Владлен возмутился:

— Вы всегда так работаете? По сути, вымогаете деньги? Я пожалуй в ми...

В голове взорвался фонтан искр.

Владлен охнул, согнулся, прикрывая затылок руками.

В темноте вокруг него началась какая-то возня, разбился стакан, зазвенели бутылки, упали стулья. Сильная рука подхватила писателя под локоть, вытолкала за дверь. Глаза резануло крылом света, и он не сразу разглядел рядом хмурого мужчину с голым черепом, одетого в обычный джинсовый костюм.

Дверь кабинета «целительницы Агриппины» за их спинами захлопнулась, загремели засовы.

Владлен оглянулся, чуть не упал от слабости, посмотрел на бритоголового.

— Я вас где-то видел...

— Какого дьявола вас туда понесло? — грубо поинтересовался тот.

— Хотел просто познакомиться...

— Ну и как, познакомились?

— Она энелпер...

— Ничего удивительного, энелперы тоже должны жить, вот и зарабатывают как практикующие психологи и лингвисты.

— Она занимается чёрной магией...

— По моим сведениям, госпожа Агриппина — хороший психотерапевт. Пойдёмте, я вас провожу.

— Куда?

— Домой, конечно. Или у вас другие планы?

— Кто вы? — отступил на шаг Владлен.

— Ваш ангел-хранитель, — усмехнулся бритоголовый. — Давайте знакомиться: Никифор Петрович Хмель, бывший спец по тайным операциям. Но лучше удалиться отсюда. Агриппина имеет «крышу» среди органов и, обидевшись, может позвонить в местную милицию.

Владлен потёр лоб, удивляясь своей заторможенности, послушно двинулся прочь от резиденции Агриппины. Однако в парке, напротив старого дома культуры, очнулся, остановился, покачал головой:

— Никуда я с вами не пойду.

— Неужели не внушаю доверия?

— Нет, но...

— Никифор, разреши мне поговорить с молодым человеком, — раздался за спиной Тихомирова хриловатый голос.

Владлен оглянулся.

На него благожелательно смотрел высокий худой старик, седой, с тёмным, морщинистым лицом и ясными серо-голубыми глазами. Одет он был в светло-серый плащ.

— А вы кто?

— Неужто не помнишь? Меня зовут Онуфрием Павловичем, я пестователь местной Славянской Родовой Общины.

Владлена осенило:

— Мы виделись в лесу. Дементий Карпович — ваш друг. Вы из Катарсиса?

Старик и бритоголовый переглянулись.

— Не так громко, — проворчал Хмель.

Владлен смутился:

— Извините.

— Всё-таки любопытно, что заставило вас рискнуть.

— Вы о чём? А-а... не думал, что в таком маленьком населённом пункте обоснуется настоящая целительница, да ещё обладающая даром чёрной магии.

— Ну, целительница она никакая, — улыбнулся Онуфрий. — А вот с чёрной магией каким-то образом связана. Либо она действительно обладает гипнотическим даром, либо...

— Имеет суггестор «Анаконда», — закончил Хмель. — Вы ничего не почувствовали в её кабинете... необычного?

Владлен вспомнил свои ощущения.

— Голова закружилась... потянуло ко сну... я даже захотел заплатить за консультацию.

Хмель посмотрел на старика:

— Надо бы проверить, что это за вертеп. Вдруг как-то связан с господином Вараввой?

— Едва ли, слишком открыт, но попробуйте проверить.

— Хорошо. — Хмель кивнул и сел в вишнёвого цвета «Ауди», стоявшую на улице в тени старых берёз парка.

Машина почти беззвучно покатила прочь.

— Не хочешь ко мне в гости заглянуть? — спросил Онуфрий. — Время есть?

— Если честно, я побродить вышел, пообедать в ресторанчике...

— Вот я тебя и попотчую.

— Вы в Жуковке живёте?

— В Велее.

— Если это недалеко...

— Минут за десять доберёмся.

Словно по мановению волшебной палочки рядом вдруг возник ещё один автомобиль — стального цвета джип «Ирокез». Водитель приветственно помахал рукой беседующим. У него было открытое скуластое симпатичное русское лицо и шапка густых тёмно-русых волос.

— Садись, — пригласил Онуфрий.

Они забрались в джип.

— Знакомьтесь: Дмитрий Булавин — Владлен Тихомиров.

Владлен пожал протянутую сильную руку.

— Наслышан, — сказал Дмитрий, — да всё не было случая представиться. Как вам Жуковка?

— Нормально, — ответил Владлен. — Судя по всему, цивилизация уже пустила здесь корни.

— Это по каким же параметрам вы судите?

— По дорогам, — улыбнулся Владлен. — Я приехал сюда месяц назад, и за это время в Жуковке заасфальтировали две улицы.

— Разве что. Хотя это не главное. — Машина вырвалась на окраину городка, справа появилось кладбище; Булавин кивнул на него. — Вот более весомое свидетельство рухнувшей на Жуковку цивилизации: хоронят теперь каждый день по десятку человек. Кладбище стремительно разрастается.

— Не пугай писателя, — проворчал Онуфрий. — Не всё так плохо, как кажется. Нутро народа живёт по своим законам, сопротивляется навязываемому укладу.

— Ни один наш закон не работает в полную силу, особенно закон воздаяния по справедливости. Права вроде бы есть, только доказать это почти невозможно. Народ не процветает, а бедствует.

— Ну, милый мой, процветание, богатство, обладание отлаженным правовым механизмом — суть символы конца света!

— Америка и Европа так не считают. Создали такую систему защиты человека, что можно ни о чём не думать.

— Вот это верно, можно не думать. Они и не думают. Америка — этносоциальная система закатного времени, ни по каким параметрам будущего она не имеет.

— Однако всё равно навязывает свой образ жизни всему миру.

— Потому что Синклит её уже подмял под себя, как и Европу, впрочем. Однако, как говорится, чёрт монаху не попутчик. Россия Америке не спутник. Нам своё надо строить.

— Не спорю.

Владлен с любопытством глянул на суровый профиль волхва:

— Вы, случайно, не социолог?

Онуфрий усмехнулся:

— Я слушал голос древних Посвящённых, что пили солнце, как мы пьём вино. Это сказал Бальмонт. Но это — про меня.

Машина выехала на окраину Велеи. Асфальт кончился, началась просёлочная дорога. За джипом вырос хвост пыли. Но

длилось это недолго, «Ирокез» свернул к одиноко стоящему на берегу пруда домику за редким деревянным забором, покрашенным в зелёный цвет, и остановился у ворот.

— Зайдёшь? — посмотрел на водителя Онуфрий.

— Времени нет, в следующий раз, — отрицательно мотнул головой Булавин, оглянулся на пассажира. — Общественные точки Жуковки — не место для отдыха человека вашего уровня. Вы явно выделяетесь из местного фона, это заметно.

— Не пугай писателя, Дмитрий, — повторил старик, вылезая из джипа.

— Я не пугаю, — не согласился с оценкой Булавин. — Но он начинает притягивать негативные потоки.

— Почему это? — возразил Владлен.

— Потому что на Жуковку накинута чёрная сеть внимания конунгов. Любое явление, выбивающееся из русла обыденности, сразу приводит её в состояние тревоги.

— Вы думаете...

— Пестователь расскажет вам об этом подробнее, даст телефоны для связи. Увидите что-нибудь странное — сразу позвоните.

Владлен вылез.

«Ирокез» развернулся, уехал.

— Проходи, гость дорогой, — сказал Онуфрий. — Дима прав в одном: беспокойно в наших краях. Но мы об этом ещё поговорим.

Они зашли за калитку, открывшуюся, по впечатлению Тихомирова, сама собой, и он сразу отметил печать необычности, лежащую на старой с виду бревенчатой избе и на всей территории усадьбы.

Во-первых, окружали избу огромные — в два обхвата — сосны, возраст которых явно перевалил за сто лет.

Во-вторых, сам дом создавал впечатление огромного добродушного живого существа.

И в-третьих, что окончательно утвердило Владлена в своих ощущениях: все небольшие строения за домом, в том числе беседка, были выращены, а не построены! Во всяком случае беседка, к которой хозяин подвёл гостя, также казалась живым существом и представляла собой одно причудливое дерево!

— Это всего лишь клён, — заметил Онуфрий удивление

Владлена. — Его ещё мой дед растил. Присаживайся и не бойся, он не кусается. Отведаетшь моей стряпни? Живу я один, без хозяйки, поэтому готовлю сам.

— Я не боюсь, — пробормотал порядком впечатлённый Тихомиров. — Ваш дед тоже был... э-э...

— Колдуном? — хитро прищурился старик. — Нет, он был обычным экстрасенсом и умер в возрасте восьмидесяти восьми лет. Но хата и всё, что стоит на этой земле, созданы его трудом. Устраивайся, я сейчас. Захочешь помыть руки — рукомойник во дворе.

Онуфрий скрылся в доме.

Владлен отыскал рукомойник, вода из которого лилась не переставая, словно ручеек из родника, попробовал на вкус: язык защипало. Вода была исключительно чистой, свежей и вкусной.

Он вытер руки висевшим на гвозде рушником, вернулся к беседке, осторожно присел на скамеечку.

Беседка имела ещё четыре таких же скамеечки и не очень ровный круглый стол посередине. Было заметно, что клён, создавший это творение магического искусства, не идеально выполнил заказ человека, поскольку скамейки, стенки, пять ходовых столбиков, поддерживающих крышу беседки и представлявших собой ветви дерева, имели наплывы, утоньшения и негеометрические изгибы. Но всё же беседка была спланирована правильно, клён «постарался» придать своему телу нужные формы, и сидеть внутри него было приятно. Хотя и трепетно.

Онуфрий вернулся, толкая впереди себя летящий по воздуху без видимых опор большой деревянный поднос, на котором стояли чугунок, большая миска под крышкой, тарелки и весь кухонный набор для еды. Запахло жареными грибами.

— Это овощной суп с грибами, — сказал Онуфрий, снимая крышку чугунка и не обращая внимания на заинтересованного подносом Тихомирова. — А это «тёщин язык» на второе.

— Что? — не понял Владлен.

— Баклажаны спецприготовления. Здесь и грецкие орехи, и зелень кинзы, и чеснок, и лук. Плюс майонез, естественно. Или ты не любишь баклажаны?

— Почему же, люблю. Просто название смешное.

— Не я придумал, но вкусная вещь, однако. На старости лет

перешёл на овощные блюда, хотя изредка балую себя постным мясом. Ну-с, приступим?

Старик налил в тарелки супа.

Поднос сам собой опустился на траву у беседки.

Владлен покосился на него, с внутренней дрожью взялся за ложку.

— Что, непривычно? — улыбнулся Онуфрий. — Одно дело — писать о волшбе, другое — видеть её результаты?

— Такое редко увидишь.

— Очень редко, дружок. Это я просто хочу поразить твоё воображение. Владеют же волшбой немногие, шарлатанов гораздо больше. Между тем в основе волшбы лежит совсем простая вещь — средоточие веры в её возможность. Хотя, конечно, порог магического оперирования в нашем мире стал недопустимо низок. Многие чёрные научились его преодолевать. Что нехорошо. Да ты и сам писал об этом.

Принялись за суп.

Владлен не заметил, как тарелка опустела. Поднял глаза.

— Ещё подлить? — поинтересовался Онуфрий безразличным тоном.

— Ага... — смущённо заулыбался писатель. — Вкусно!

Добавку он съел так же быстро.

Приступили ко второму.

«Тёщин язык» тоже оказался отменного вкуса, и Владлен едва удержался от просьбы подложить ещё пару ложек. В принципе он был уже сыт.

Потом пили чай с мёдом, который заставил гостя вспомнить о туалете.

— В доме, за дверью, направо, — понял его озабоченность старик.

Владлен, не чувствуя раскаяния, нашёл в сенях туалет, оборудованный по последнему слову данной техники, подивился этому: фантазия рисовала ему совсем уж чудесные вещи «с колдовством». Однако ничего колдовского в этой комнатке не оказалось. Сливной бачок, раковина, вешалки для полотенец и туалетной бумаги на стенах были прозаически материальны и красивы.

Чувствуя приятную тяжесть в желудке, Тихомиров вернулся в беседку.

— О чём пишешь, Владлен Денисович? — спросил Онуфрий, успевший убрать со стола. У Владлена даже мелькнула мысль, не обошлось ли тут без волшбы?

— О будущем, — стеснённо пробормотал он. — Хочу возродить Святую Русь.

— Это хорошо, хотя и невозможно, скорее всего. Такой Руси, какая существовала тысячи лет назад, уже не возродить. Но желать этого нужно, даже если цель недостижима. А уж писать о таком явлении — вообще подвиг.

— Да какой там подвиг...

— Не спорь, мне лучше знать. Благие деяния наподобие твоего вообще требуют гораздо большего мужества, чем злые дела, и слава тем, кто живёт на земле ради блага других. Правда, таких совсем мало теперь, всё больше равнодушных, закоснелых либо увлечённых заразой бизнеса. Одно слово — интернетализм.

Владлен вскинул глаза на собеседника:

— Как вы сказали? Интер...

— Моя придумка — интернетализм. Сам Интернет не имеет никакой окраски, ни белой, ни чёрной. Таким его делают те, кто использует его ради собственных корыстных целей. А вообще повальное увлечение интернет-сферой всего лишь отражает нашу человеческую сущность.

— Каким образом?

— Что такое компьютерный вирус?

— Ну... это вредоносная программа... — начал сбитый с толку Владлен.

— Суть вируса глубже, мой друг. Компьютерный вирус, рождённый человеческой изобретательностью, уходит корнями в привлекательность для нас Зла.

— Никогда об этом не думал, — признался Владлен.

— Подумай, есть над чем, — кивнул волхв. — Одно время я считал, что человечеству полезны драматические коллизии, войны, терроризм, голод и холод, так как они приводят нас от диффузного состояния в состояние разумной системы.

— А разве нет?

— Да, приводят, но при этом гибнут самые талантливые, самые умные и добрые, а человечество всё больше рождает людей интеллектуально развитых, но не совестливых, не добрых, не

праведных. Рождается разумная система иного порядка, которой чужда этика справедливости и познания любви.

— Понимаю, я об этом тоже писал в своё время, — кивнул Владлен. — Станислав Лем как-то сказал: «Мне кажется, было бы лучше, если бы мы существовали в космосе одни. Потому что худшее состояние, чем человеческое поведение, уже недостижимо».

Онуфрий сделался печальным.

— Польский мыслитель был прав. Я читал его «Сумму технологии» и «Этику технологии», весьма примечательные вещи. И герои его фантастических романов были сильными людьми. Кстати, кто у тебя герой в твоём романе?

Владлен смутился.

— Главных героев трое. Один — глава РИЦ, Русского исследовательского центра, второй — майор контрразведки и военный историк, третий, точнее, третья — врач-психиатр.

— Ты описываешь деятельность Русского центра?

— Я взял за основу существующий Русский исследовательский центр в Москве. Он оказывает юридическую и политическую поддержку русским за рубежом.

— Да, такой центр необходим. Кто ещё способен дать достойный отпор любым попыткам дискредитации русского человека, нации в целом? Русской культуры и истории? В мире, кстати, полно международных организаций, занимающихся защитой, к примеру, албанцев, армян, евреев, чеченцев. Почему бы не быть и организации для русских? Беда только в том, что в руководстве центра окопались агенты Синклита. Но это проблема особого уровня. Над чем думают твои герои?

— Проблем много, от искажения русской истории до сатанинских программ уничтожения грамотности и национализма.

— Не зря на тебя ополчились конунги, — улыбнулся Онуфрий. — Слишком много ты даёшь читателям пищи для размышлений. Что касается национализма, то он бывает двух видов: ложный, агрессивный, экстремистский и оборонительный, внутренне присущий каждой нации, проявляющийся как естественная забота нации о самой себе на физическом, нравственном и духовном плане. Все, кто пытается бороться с национализмом, прежде всего борются с природой человека. Но даже экстремистский русский национализм — всего лишь

крайность, потому что, с другой стороны, это реакция самого русского пространства на захват власти чуждыми этносу элементами, уничтожающими Род русский с помощью всех имеющихся средств — от методологических до военных.

— Я знаю, — пробормотал Владлен.

— Я знаю, что ты знаешь, — снова улыбнулся Онуфрий. — А к «целительнице Агриппине» больше не ходи. И вообще предупреждай, коли захочешь острых ощущений.

Владлен встретил взгляд волхва и понял, что тот знает о его поездке в Москву. В сердце ворохнулась неприязнь, но он задал ей мыслью, что слезка за ним входит в заботу о его же благополучии.

— Хорошо, предупрежу.

— Вот и славно, — кивнул Онуфрий.

Глава 17

КОМАНДА

Брянская губерния

Глеб Евдокимович поднялся как обычно — без пятнадцати минут семь, помахал руками, имитируя зарядку, сделал отжимания, наклоны, поплёлся в туалетную комнату и вдруг увидел полоску света под дверью в спальню Сергея. Поднял брови, тихонько открыл дверь, чтобы не разбудить ведича раньше времени: детей он будил на полчаса позже, — и увидел сидящего за компьютером мальчика.

— Светлый? Ты почему так рано встал?

Мальчишка оглянулся, лицо его приняло виноватый вид, и Тарасов понял, что тот не ложился.

— В чем дело?

— Прости, дядя Глеб, — пробормотал Сергей, выключая компьютер: Тарасов успел заметить на экране монитора какие-то конструкции, — замечтался.

— Чем это ты занимался?

— Да так... — Мальчик отвёл глаза. — Решал геометрические задачи.

Тарасов осуждающе покачал головой, задержал мальчика, пытавшегося прошмыгнуть мимо, заглянул ему в глаза:

— Ругать не буду, но чтобы этого больше не повторялось. Договорились? Люди, сформированные компьютерными играми под решение частных задач, после их выполнения становятся никому не нужным отработанным шлаком. Они уже не способны на решение общих глобальных задач. Это доказано медиками. Понимаешь?

— Понимаю. Но я не увлекаюсь играми.

— Тем не менее почаще включай голову, а не компьютер. Помнишь, ты мне как-то говорил, что можешь запеленговать связь *глядуна* с оператором.

Глаза мальчишки заблестели. Он обрадовался смене темы.

— Наверно, могу. Но ведь *глядунов* давно не было.

— Появятся, чуёт моё сердце.

Тарасов потрепал мальчишку за вихры.

— Ты всё понимаешь. Серёжу Валова уже выписали из больницы, больше никто на него не покушался, а это означает: конунги разобрались, что их киллеры ошиблись. Они станут искать тебя снова. Иди умывайся, одевайся и завтракай. Хотя, может быть, лучше остаться дома? Ты не спал.

— Через пять минут я буду свежий как огурчик.

— Ладно, беги, огурчик.

Завтрак прошёл в обычном весёлом щебетании девочек. Софья пожелала всем не опоздать к ужину. Тарасов пошутил, что тех, кто опаздывает, наказывает жизнь. И компания поехала в Фошню.

Выгрузив свой драгоценный груз во дворе Школы, Глеб Евдокимович побеседовал с охранниками: теперь Школу охраняли парни из Жуковского ЧОПа, — затем с директором и заехал к Булавину.

Дмитрий занимался общественно полезным делом: чинил дверь в сарае. Заметив гостя, вышел ему навстречу, вытирая руки ветошью.

— Вот, помогаю тут, — смущённо погладил он отпущенную бородку. — Завтракать будешь?

— Нет, уже позавтракал.

— А я хочу есть. Пойдём посидим, расскажешь, что нового.

Булавин провёл гостя в избу, мало чем отличавшуюся от других деревенских домов Фошни. Хозяин дома давно жил в райцентре, но своё родовое жилище продавать не спешил.

Булавин быстро сварил два яйца, сделал салат, заварил чай, накрыл стол на веранде, отгороженной от улицы разросшейся сиренью.

— Может, хотя бы чаю?

— Давай, — согласился Тарасов.

Дмитрий достал ему чашку, купленный по случаю в Жуковке слоёный тортик.

— Говорил с Шерстневым?

— Он мне рассказал о твоей впечатляющей дипломатии, — усмехнулся Глеб Евдокимович. — Отыскал казаков?

— А мы разве не казаки? — ответно усмехнулся Булавин. — Мой дед уж точно был казаком, иначе у кого бы я учился спасу?

— Ситуация не слишком внятная, — покачал головой Тарасов. — С одной стороны, Ощипков явно нарывается на скандал, с другой — шупает почву — как будет реагировать предполагаемая охрана Школы и Серебряного мальчика, если он тут учится.

— Я же ничего предосудительного не сделал, только припугнул наглецов. Он ведь не знает, сколько нас здесь.

— Это хорошо, что не знает. Но ты уже засветился, «казак», теперь и дальше светись и подставляйся, а мы посмотрим, что предпримет конунг.

— Варавва?

— Вряд ли Варавва Елин является конунгом. Нам бы об этом уже сообщили. Хотя он, судя по всему, обладает недурными магическими способностями. Никифор никак не может за него зацепиться. Все наши методы наблюдения не годятся, он чувствует потоки внимания.

— Ну и чёрт с ним, пусть чувствует, — пожал плечами Булавин. — Это даже хорошо. Пусть управляющий им конунг знает, что Катарсис сел ему на хвост.

Тарасов задумался, прихлебывая чай.

— Вообще-то неплохая мысль. Действительно, чем мы рискуем? Пусть Синклит знает, что мы везде, по всей России. Не будет им покоя! Сегодня же поговорю с Крутовым. Надо только вести Варавву так аккуратно, чтобы он знал о наблюдении, чуял, но не смог никого вычислить.

— Специалистов такого класса мало.

— Я уже беседовал со своими.

— Что ж молчишь? — укоризненно посмотрел на гостя Булавин. — Удалось кого-нибудь уговорить?

— Приедут Терминатор и Черкес.

— Здорово! Хотя для полноценной команды двоих маловато. А где Хохол, Ром, Саша Ухо?

— Хохол сейчас живёт в Харькове, солидный коммерсант, отец троих детей. Я его не трогал. Ром погиб где-то в Сомали.

— Жаль парня, неплохой был опер. А Ухо? И ещё этот... как его...

— Хана? Он уже майор, служит в спецгруппе президента «Орёл». Я с ним тоже переговорил, обещает взять отпуск в октябре и приехать. Ухо пока не отыскался, и где он, не знает никто.

— Блестящий компьютерщик был.

— Почему был? Живёт где-то, работает, может быть, засекречен до умопомрачения. — Тарасов поднялся. — Благодарствую за чай. В следующий раз привезу листьев мяты, зверобоя и крутеника — запах обалденный добавляют и вкус. Бывай.

В десять часов Тарасов был дома.

В одиннадцать к нему приехал Черкес.

Хмель прекрасно освоился в Брянске, изучил все подходы и подъезды к Варавве Елину, а также к Евгению Ощипкову и мог бы следить за ними даже ночью. Если бы не звериное чутьё магистра Ордена Галактических Мастеров. Варавва мгновенно настораживался, стоило бросить на него короткий взгляд через любую оптику, и это обстоятельство не давало возможности Никифору создать сферу наблюдения. Не спасали даже полученные от снабженцев Катарсиса СЭРы — миниатюрные компьютеризированные комплексы электронной разведки. Господин Елин реагировал на любые потоки внимания, инспирируемые извне к его персоне.

Тогда Никифор вспомнил о сеансе «коррекции» организма, который провёл с ним Владыко, и решил попробовать: а) расфокусировать внимание наблюдателя по многим направлениям, для чего можно было использовать птиц, кошек, собак и даже насекомых, б) наблюдать за Вараввой с помощью методики джон-джиг, внедряя сознание в мёртвые тела, под которыми подразумевались в данном случае неживые предметы.

Для начала Никифор, посмеиваясь над собой, поупражнялся с переносом зрения на птиц. Раньше он этим не занимался, хотя знал, что процесс осуществим. И Тарасов, и Булавин умели смотреть на мир чужими глазами.

Тренинг дался нелегко, не с первой попытки и даже не с десятой. Однако Хмель был упрям, терпелив, настойчив, и перенос начал покоряться ему. Во всяком случае уже на следующий день он смог посмотреть на самого себя глазами сидящего на проводах голубя. Однако видеть мир глазами сразу десятка птиц не удалось. Мозг не успевал подстраиваться под поведение стаи голубей, да и более спокойных птиц — ворон, и перед глазами Витязя не создавалось единой объёмной картины. Мелькали только кусочки мозаики — картинки разной степени отчётливости и освещённости. По-видимому, существовал какой-то секрет интеграции разных объёмов зрения в единую панораму, который должны были знать волхвы.

«Поговорю с Онуфрием, — подумал слегка разочарованный в своих «магических» способностях Никифор. — Он не откажет помочь, посоветует, что делать».

Следующим этапом подготовки системы «магического» наблюдения стала тренировка вхождения в неживые предметы. Крутов дал только общие направления тренинга и «пошевелил» нужные структуры мозга, ответственные за джон-джиг, но Никифор понял его прекрасно, и перенос сознания в разные вещи покорился ему неожиданно легко.

Конечно, о зрении как таковом речь не шла. Столбы, стены, столы, шкафы и машины не имели органов зрения. Поэтому пришлось приспосабливаться к удивительным ощущениям, позволявшим ориентироваться на местности и узнавать знакомые объекты. Первый опыт вообще произвёл на Хмеля неизгладимое впечатление, когда его собственный автомобиль вдруг «посмотрел» на него как проснувшийся зверь.

Потом он привык к этому ощущению и быстро научился устройению повелевания, как волхвы называли процесс управления внешней ситуацией или внутренними резервами с помощью мысленного усилия. Лучше всего ему удавалось внедряться в деревья. То ли вследствие собственных пристрастий, то ли из-за того, что растения не были мёртвыми предметами и имели слабые зачатки «нервной системы» и «психики».

В пятницу, двадцать девятого сентября, Никифор встретил на вокзале в Брянске бывшего коллегу по спецгруппе «Тайфун», с которым служил ещё до знакомства с Тарасовым. Звали приятеля Алексей Свистунов, из-за чего он получил кличку Свистун. Однако человеком он был хорошим, ответственным, на шутки не обижался, а главное — был профессионалом спецподготовки и умел держать язык за зубами. В настоящее время он жил в Санкт-Петербурге, работал в частном охранным агентстве и сразу согласился приехать в Брянск, не спрашивая, что ему хочет предложить товарищ.

Они сели в привокзальном кафе за столик.

Свистунов выглядел неплохо, хотя под глазами уже легли тени, а у губ — морщинки. Да и взгляд сорокалетнего мужика таил в себе некие признаки усталости.

— Давно ушёл из отряда? — спросил Хмель, заказывая обоим по кружке пива.

— Года три назад, — ответил Алексей.

— Изменился, похудел.

— Ты тоже изменился. — Свистунов кинул взгляд на бритую голову Никифора.

Тот улыбнулся:

— Лысеть начал, вот и решил известить волосы под корень. Зато у меня не будет проблем с перхотью. Но к делу. Мы имеем к тебе деловое предложение.

— Кто это мы?

— Одна неплохая спецгруппа.

— «Альфа», «Тайфун»?

— Группа не принадлежит государственным структурам и не имеет названия.

— Валяй, предлагай.

— Работа по прежней специальности: наблюдение за объектом, оперативное передвижение, перехват разговоров по всем каналам, системная обработка данных и всё такое прочее. Не растерял квалифай?

Алексей пожал плечами:

— Я работаю охранником... но вспомню, если надо. Условия?

— Квартиру мы тебе снимем в Брянске, это не проблема.

Зарплата — семьдесят тысяч в месяц. Плюс необходимые суммы на подготовку и оперативные мероприятия.

— Надолго?

— Не знаю, — признался Хмель. — От меня это не зависит. Может, на месяц, может, на полгода. Как повезёт.

— На кого вы работаете?

— На Катарсис.

— Не слышал о такой конторе.

— Главное, что она пытается бороться с гнидами в человеческом обличье и пытается восстановить справедливость в стране, ослабить власть подонков и негодяев.

— За кем надо следить?

— А вот об этом мы поговорим в другом месте, у меня дома. Поехали?

Алексей допил пиво и молча подхватил свою сумку.

Приближалось время, когда по замыслу Крутова надо было везти Сергия на могилу Спасительницы, и Булавин взялся за изучение местности в районе высадки и прокладку маршрута.

Могила — курган и остатки дольмена на нём: его так и прозвали в народе — Дольмен Духа — располагалась в национальном Кенозерском парке, недалеко от широко известного туристам Кенозера в Архангельской губернии, в ста пятидесяти километрах от Каргополя. Само Кенозеро считалось очень древним и славилось своими источниками. Край этот был также знаменит множеством памятников старины, красивейших деревянных часовен и монастырей.

Парк был создан в тысяча девятьсот девяностом году на базе Кенозерского и Лекшмозерского заказников в целях охраны уникальных среднетаёжных ландшафтов и сохранения памятников истории и культуры на его территории. Однако о существовании кургана Спасительницы мало кто знал даже из местных жителей. Потому что к нему не существовало прямых дорог, а многочисленные ведьмины поляны заводили самодельных археологов в болота и таёжные тупики.

Булавин никогда не был в тех краях, несмотря на увлечение в юности водным туризмом, поэтому с интересом прочитал в Интернете, что Кенозеро является одним из красивейших озёр не только Архангельской губернии, но и всей России. Неда-

ром гористые окрестности Кенозера прозвали «каргопольской Швейцарией».

Красивыми были и впадающие в него реки — Ундуша и Токша, а также вытекающая из восточного плёса Кена.

Обилие памятников старины объяснялось тем, что через эти края в былые времена пролегал путь из Обонежья в Заволочье, к Северной Двине. Хотя ещё раньше, десятки тысяч лет назад, древний человек начал здесь обустраивать неолитические стоянки.

Однако больше Булавина интересовали древние менгиры и дольмены, построенные предками северных народов в местах силы, после исхода ледника. Один из них — Дольмен Духа — считался самым загадочным, сакральным, особой точкой «акупунктуры» геомагнитной сети Земли. По легенде, здесь одиннадцать тысяч лет назад похоронили Спасительницу — хранительницу славянского Рода, отчего дольмен стал источником исключительно мощной положительной энергетической струи. Правда, далеко не все желающие могли подключаться к этой струе, так как поговаривали, что несправедных она калечила, лишала ума, превращала в «тени». Зато позволяла чистым душам «расправлять крылья», реализовывать скрытые возможности и умножать способности.

Булавин поёжился, подумав, что он бы, наверно, не рискнул беседовать с духом Спасительницы, хотя по жизни старался идти, никого не обижая.

Закончив изучение местности вокруг кургана с Дольменом Духа и подъездных путей к нему, Дмитрий зашёл в Школу, побеседовал с охранниками, выяснил, что ничего подозрительного вокруг не происходило. Тогда он позвонил Тарасову:

— У меня всё нормально. Ситуация под контролем. Как у вас?

— К тебе скоро присоединится Черкес.

— А Терминатор?

— У него особое задание. Надо поселить Черкеса где-нибудь поблизости от Школы.

— Поговорю с Онуфрием, поселим.

— Никифор нашёл способ наблюдения за Вараввой Елиным. Конечно, этот фрукт почуял слежку, но пока ничего не

предпринимает. Сидит у себя в апартаментах, общается с мэром по телефону. Зато к нему зачастил господин Ошипков.

— Хорошо бы и за ним установить слежку.

— Никифор вызвал подкрепление — бывшего коллегу по отряду «Тайфун».

— Молодец лысый! Значит, у нас складывается полноценная команда?

— Черкес придет к тебе после обеда. Устраивайтесь и ждите гостей. В Жуковке уже замечена новая тачка с нижегородскими номерами.

— Опять Национальная лесная компания?

— Под этой маркой сейчас работает ФАС.

— Раньше нами занимался Реввоенсовет.

— Реввоенсовет передал свои полномочия ФАС. Теперь против нас будет работать бывший командир ЧК Гвоздецкий.

— Кирилл Наумович? Он же был с нами!

— Увы, конунгам удалось перевербовать полковника на свою сторону. Этот человек опасен, потому что знает многих наших людей, а главное — методы Катарсиса. Воевать с ним будет нелегко.

— Вот дерьмо! — выругался Булавин.

— Спокойно, Витязь, наша система учитывает и такие обстоятельства. Думаю, федералы скоро появятся возле Школы. Покумекай над трафиком: как убрать их, не возбуждая чёрной паутины конунгов.

— Хорошо.

— Проанализировал, кто может быть третьим в группе триангула?

— Только кто-то из учителей Школы. В июне туда пришла Инесса Мартовна Клименфельд, новый математик, которая, кстати, и отметила талант Романа в области математики. Возможно, это она.

— Понаблюдайте за ней.

— Уже наблюдаем.

Связь прекратилась.

Булавин в задумчивости обошёл Школу, хотел было зайти к директору, предупредить о новом векторе внимания, протянутом к Школе со стороны Синклита, но передумал. Шерстневу и так хватало проблем, а заниматься защитой учеников Школы теперь должна была команда Витязей.

Дмитрий позвонил жене, поговорил с ней о дочке, сдерживая тоску в голосе, и пообещал скоро вернуться.

На самом деле он не знал, когда закончится его служение Серебряному мальчику и закончится ли вообще. О встрече с семьёй пока можно было только мечтать.

Машина, принадлежащая Национальной лесной компании и одновременно Федеральной антитеррористической службе, представляла собой мощный джип «Порше Кайенн 2S». В Жуковке таких ещё не видели, и местные жители останавливались и провожали его глазами. Однако не только прохожих заинтересовало появление джипа. Тарасов узнал об этом практически сразу после его прогулки по улицам городка.

Джип покругил по центру Жуковки, затем по окраине в районе больницы, переехал железнодорожную линию и остановился на улице Лесной, у ворот частной компании «Фининвест», занимавшейся заготовкой древесины. Затем заехал внутрь.

Через час он выехал обратно и направился по улице Учительской в сторону деревеньки Латыши.

Тотчас же стоявшая на улочке в двух домах от двора компании старенькая «Нива» двинулась следом за джипом. За рулём «Нивы» сидел небольшого росточка, щуплый с виду мужчина в возрасте, седоватый, с коричневым сморщенным личиком и узкими глазами эскимоса. В списках исчезнувшего в нетях подразделения «Хорс» он значился под кличкой Терминатор.

В Гришиной Слободе джип «Порше Кайенн» свернул к двухэтажному кирпичному зданию спортивного Клуба. И в этот момент ему в зад и чуть в бок врезалась «Нива».

Джип остановился. Из него вылезли двое парней: водитель в джинсовой двойке и пассажир, мощного вида, с короткой стрижкой, в чёрном костюме и с галстуком в белый горошек. Оба с недоумением уставились на «Ниву», капот которой сплющило от удара, несмотря на наличие бампера, и на водителя «Нивы».

Водитель, низкорослый, худенький, одетый в синий комбинезончик, причитал над своим разбитым аппаратом, заламывая руки, касался бортов джипа, потом гладил свою машину и снова начинал причитать.

— Ты что, мужик, офигел? — хмуро поинтересовался у него

водитель джипа; из-под воротника джинсовой куртки у него поднимался к уху тонкий проводок, исчезая под волосами.

— Да я ж направо хотел, — тоненько заблеял узкоглазый водитель «Нивы», — а вы налево свернули, а я не успел, а вы уже...

— Заткнись! Отойди!

Водитель джипа оттолкнул узкоглазого, оглядел место на боку «Порше», куда пришёлся удар.

— Вмятина, блин! И царапины... вот урод, а?!

— Да я ж направо хотел, а вы...

— Заткнись, я сказал! Знаешь, во сколько тебе ремонт обойдётся? Замена крыла, покраска, работа? Две тысячи зелёных!

— Да я ж направо...

— Откуда у него такие бабки? — поморщился шкафоподобный пассажир джипа.

— Всё равно пусть платит! Вызовем ГАИ...

— Пока они приедут, пока разберутся — часа два пройдёт. У нас нет времени. Да и, — он понизил голос, — нам светиться тут не надо. Поехали.

— У-у, скотина! — замахнулся на сжавшегося мужичка в комбинезоне водитель джипа. — Понаехали тут, косоглазые! Ни пройти, ни проехать! Скажи спасибо, что у нас нет времени, не то пришлось бы хату продавать.

Парни сели в джип, и тот направился к месту своего назначения.

Худенький Терминатор проводил его глазами, достал из кармана мобильник:

— Старый? Я в Гришиной Слободе. Всё хорошо, я прицепил им «жучка».

— Не найдут? — осведомился Тарасов.

— Обижает, — осклабился Имтук Анылгин.

Сев за руль «Нивы», он развернул малый СЭР, и на экранчике прибора на фоне карты местности зажёгся алый огонёк, указывающий местоположение джипа «Порше Кайенн».

Субботнее утро тридцатого сентября выдалось дождливым. Температура воздуха упала ниже десяти градусов. Прохожих на улицах малых сёл Жуковского района стало совсем мало. Де-

ревни словно вымерли, как и дороги, асфальтированные и грунтовые.

Поэтому никто не стал свидетелем автокатастрофы, случившейся на трассе Жуковка—Жиздра в это дождливое утро.

Следовавший по дороге чёрный джип «Порше Кайенн» вынужден был притормозить, а потом и вовсе остановился на мостике через речку Березну, так как проезд перекрыл колёсный трактор «Беларусь» с прицепом, пытавшийся развернуться в узкой теснине моста.

В этот момент сзади появился самосвал, мчавшийся так, будто за ним гнались тигры. Водитель самосвала, увидев щель между перилами моста и трактором, решил проскочить, практически не снижая скорости. Но туда же свернул и джип, водитель которого не сомневался, что его пропустят.

Дальнейшие события развернулись в течение четырёх-пяти секунд.

«Порше» свернул влево.

Трактор, наоборот, двинулся назад, словно перекрывая ему дорогу.

Самосвал завизжал тормозами, но было уже поздно.

Он врезался в бок джипа и буквально впредсавал его в борт прицепа, нагруженного щебнем.

Раздался гулкий удар, скрежет раздираемого металла, и двигатель сплющенного джипа взорвался. Во все стороны полетели клочья огня и дыма, детали, обломки машины, щебень и горящие доски прицепа.

Водитель трактора выскочил из кабины, пригнулся, разглядывая костёр оценивающе и выжидательно, потом метнулся под мост и скрылся.

Загорелась и кабина самосвала. Но из неё никто не выскочил. Точнее, водитель самосвала успел катапультироваться из кабины за мгновение до столкновения и не пострадал.

Со стороны Фошни подъехала старенькая «Калина», из которой выглянул полный мужчина в летах.

Со стороны Гришиной Слободы показалась «Газель», из которой выскочил молодой парень.

— Что тут случилось?!

— А хрен его знает! — ответили ему. — Звони в милицию и в «Скорую», у меня нет телефона.

Парень схватился за мобильник.

Дождь усилился, сбивая пламя с прицепа и джипа.

Дрогнула задняя дверь «Порше», из неё вывалился на дорогу человек в дымящейся одежде.

Водитель «Калины» бросился к нему, помог отойти от костра.

— Есть там кто ещё?

— Щеглов... капитан... звони...

— Мы уже позвонили в ГАИ.

— Звони... в ФСБ... я майор Косоголо... запоминай номер...

Водитель «Калины» беспомощно оглянулся на молодого шофера «Газели»...

В этот же момент в ста метрах от места автокатастрофы встретились щупленький мужчина с раскосыми глазами и водитель трактора, смуглолицый, быстроглазый, возникающий как тень и мгновенно пропадающий. Эскимос достал сотовый телефон:

— Старый? Цель нейтрализована... к сожалению, один «груз двести»... виноват, не рассчитал... понял, буду... со мной... приедем вместе.

Терминатор спрятал телефон, и оба направились к Фошне, обходя место катастрофы порядочным крюком.

Глава 18

ПРОСТРАНСТВО КОНТРОЛЯ

Брянская губерния

Первого октября Глеб Евдокимович собрал свою команду в Латышах, где Онуфрий подыскал ему домик недалеко от авторемонтной мастерской. Машины приезжали сюда часто, и это обстоятельство позволяло группе собираться без особого риска.

Численность группы возросла до семи человек. Не приехал на совещание только Алексей Свистунов, помощник Хмеля, следивший в Брянске за передвижениями Евгения Ошипкова. Наблюдение за Вараввой Елиным решили пока снять, ожидая прибытия снабженцев Катарсиса со спецаппаратурой.

— Пока что мы опережаем конунгов на полшага, — начал встречу Тарасов. — Но вряд ли они смирятся с таким положением дел. Поэтому наша задача — перехватывать их посланцев

не в Жуковке или Фошне, а на дальних подступах к Школе — в Брянске, Дятькове, Рославле, чтобы не создавалось впечатления избранности данного района.

— Всё равно конунги догадываются, что именно в этих краях расположен особо важный объект, — пробурчал Хмель. — Мы нейтрализовали здесь уже три их команды. Надо ждать массивной атаки.

— Синклит не уверен, что Серебряный мальчик учится в фошнянской Школе, потому и засылает разведчиков, а не оперов. По данным из других мест, *глядун* замечены и в Воронежской губернии, и в Ярославской, в Нижегородской, и даже в Хабаровском крае.

— Мужики на мотоцикле были киллерами, а не разведчиками.

— Думаю, это самодеятельность Ощипкова, поверившего своему приёмному сынку, что Серёжа Валов и есть Серебряный мальчик. Но не суть. Четырнадцатого октября, на Покров, мы должны быть с Сергием на могиле Спасительницы. Дима, разработал маршрут?

— Надо выезжать десятого, чтобы спокойно добраться до Кенозера. Есть два варианта: на машине и на поезде.

— От станции до Кенозера всё равно будет нужна машина.

— Я всё учёл.

— Хорошо, обсудим это отдельно. Теперь по местным делам. Ощипков начинает активно вмешиваться в процесс охраны Светлого, надо пресечь его деятельность самым решительным образом. Никифор, есть соображения?

— План такой... — встрепенулся Хмель, пригладив голый блестящий череп.

Домой Глеб Евдокимович приехал к обеду.

Софья уже хозяйничала на кухне, готовилась кормить мужа.

— Представляешь, пришлось дать взятку, — призналась она, заметив отрешённый взгляд мужа.

— Кому? — вышел Тарасов из трансa, рождённого размышлениями о будущей операции.

— Почтовому чиновнику. Почтальонша приходит — нас никого дома нет, она и уносит газеты и журналы обратно. Я пого-

ворила с начальником, оставила у него книгу с конвертиком, зато договорилась, чтобы нам почту приносили вечером.

Тарасов осуждающе покачал головой:

— Это не дело.

— Да сама понимаю, — виновато шмыгнула носом Софья. — Нельзя их поощрять, потом не отобьёшься. Только ведь иначе ничего не получается.

— Сколько ты ему оставила?

— Пятьсот рублей. — Она перестала раскладывать ножи и вилки. — Что, много?

Тарасов улыбнулся:

— Смотря с какой стороны глянуть. Объём деловой коррупции в России превосходит доходы федерального бюджета в два раза. Да и рынок бытовой коррупции даёт немалые сборы — более трёх миллиардов долларов. Так что ты его сегодня статистически увеличила.

— Не статистически — физически.

— И физически тоже.

— Больше не буду.

— Надеюсь.

— Ты сегодня какой-то заторможенный. Ничего не случилось?

— Нет, всё нормально. Много работы. Завтра суббота, побудешь с детьми без меня. Я привезу девочек и уеду.

— Хорошо, побуду, — покорно согласилась Софья. — Только не рискуй там особенно, куда собираешься ехать.

— Я битый и опытный, — засмеялся Тарасов, — поэтому рисковать не собираюсь вовсе.

— Ваши враги молоды, — грустно улыбнулась Софья, — ваши друзья все старики. Разве нет?

— Конечно, нет, — возразил он. — Я же не старик ещё? И Никифор не старик, и Дима Булавин, и даже Владыко Полынъ — Егор Крутов. К тому же ты должна знать, что опыт и алкоголизм всегда победят молодость и энтузиазм.

Софья снова грустно улыбнулась, и Тарасов вдруг понял, что она устала. Устала жить в постоянной готовности к экстремальному изменению ритма жизни, устала ждать тревог и невзгод, устала ждать мужа, ответственного за жизнь её детей и за

неё саму. Устала ждать счастья, о котором мечтают все женщины.

Тогда он встал и обнял жену, погладил её по шелковистым волосам, пахнущим травами.

— Наша война не вечна, любимая. Обещаю тебе...

— Что? — прошептала она.

— Жизнь! — твёрдо сказал он. — Нормальную, интересную, увлекательную, добрую и спокойную жизнь.

— Это невозможно.

— Ну, совсем спокойная жизнь, может быть, и невозможна, но без некоторых волнений и ожиданий — вполне.

— Я не хочу войны... с кем бы то ни было.

— Всё изменится, вот увидишь. Будет и на нашей улице праздник.

— Утешитель, — вздохнула Софья, не отодвигаясь. — Враги не переведутся, ты же знаешь. И их много!

— Как саранчи, — кивнул он. — И всё же мы победим!

— Иди, я вижу, что ты всё равно в своём замысле. И возвращайся быстрее. Мне тоскливо без тебя.

Тарасов отодвинул её лицо, заглянул жене в глаза и нежно поцеловал...

Евгений Ощипков, прозванный в ближайшем окружении Жекой Кувалдой, любил быструю езду, поэтому его часто останавливали инспекторы ГАИ. Но этот период закончился, когда Ощипков познакомился с Вараввой Елиным, предложившим ему хорошие деньги в обмен за кое-какие услуги. Бывший боксёр и мелкий бизнесмен — Ощипков имел на Бежицком рынке две торговые палатки — согласился на предложение, и его статус резко повысился. Джип «Лексус», принадлежащий Кувалде, перестали останавливать на улицах Брянска, а охрана ресторанов, в какой бы он ни заходил, широко распахивала перед ним двери.

Это обстоятельство настолько ему понравилось, он так привык к своему положению «особо важной персоны», что поручения господина магистра Ордена Галактических Мастеров стал выполнять с большими отклонениями от планов, с задержками, привнося в реальные дела собственное понимание ситуации.

Так случилось, когда он поехал в Фошню «попугать» директора Школы, где учился его «приёмный сын», на самом деле — опер триангула Роман Колядный. Хотя Варавва советовал ему просто позвонить и вежливо пообещать директору «поставить его на уши».

Так случилось, когда он направил приехавших из Москвы работников ФАС в Гришину Слободу, хотя должен был сначала ввести их в курс дела, объяснить ситуацию с Клубом спортивного совершенствования, превращённым в Институт физкультуры, а потом и сопроводить до места назначения. Впрочем, федералы антитеррористической службы посчитали, что не нуждаются в опеке, в результате чего попали в аварию. Водитель джипа «Порше» скончался, а его спутник майор Косогло едва не сгорел.

Естественно, Варавва Елин вызвал помощника и отчитал за самодеятельность, отчего взбешённый Ощипков сделал ещё одну ошибку, последнюю в жизни. Первого октября, сразу после разноса, он, вместо того чтобы уединиться и проанализировать допущенные промахи, напился со своими охранниками в ресторане «Городище» и поехал в баню. Причём выбрал не самую известную, расположенную на Красноармейской улице, а только что открытую, очень дорогую, под названием «Седьмое небо».

Баня с тремя саунами разного уровня находилась в конце улицы Пушкина, перед мостом через ручей, недалеко от стадиона. Здесь шло строительство торгового комплекса, а территория стройки выходила прямо под здание бани. Здесь же стоял и подъёмный кран, обслуживающий стройку. Естественно, место было неблагоустроенное, и проехать к бане было непросто. Спасало положение лишь то, что баня сразу прославилась новейшим оборудованием, стильным интерьером и классным обслуживанием, в которое входила доставка VIP-клиентам «досуга» любого вида.

Ни охранники, ни водитель «Лексуса», ведущий себя на дорогах абсолютно по-хамски, ни осоловелый Ощипков не заметили, что за джипом следует тёмно-вишнёвая «Ауди». Они привыкли чувствовать себя хозяевами жизни и не следили за окружающими. Хотя инструкцию такую от хозяина получили.

Поскольку было воскресенье, строители не работали. Но

кран почему-то двигался из стороны в сторону, наклоняя длинную шею над строящимся зданием. Кто им управлял, не было видно. Крановщик из своей кабины не высовывался.

Вот кран подцепил плиту перекрытия и понёс в торец здания, примыкавший к двухэтажному строению бани. Развернул стрелу так, что она вплотную приблизилась к небольшой площадке заезда автомобилей. После этого он замер.

Впрочем, и за эволюциями крана никто не следил. Стройку охраняли молодые черноволосые парни в серо-зелёных комбинезонах, но и они куда-то подевались, потеряв интерес к своему делу. Впоследствии вызванный к месту происшествия наряд милиции обнаружил их мертвецки пьяными.

Жека-Кувалда скрылся в бане в сопровождении двух шкафоподобных телохранителей в кожаных куртках и провёл там три часа в блаженном расслаблении, в окружении вызванных девушек. Подняв таким образом настроение, он выдул четыре литра пива и вышел из бани распаренный, красный, довольный жизнью и судьбой.

События начались, когда он сел в джип.

Внезапно левое колесо «Лексуса» лопнуло с оглушительным чмоканием.

Водитель выругался матом, вылез из кабины, уставился на колесо в горестном недоумении. За ним выбрался один из парней, присел рядом на корточки.

— Вот б...ь, а?!

— Я... в душу! — заковыристо ответил водитель.

Тотчас же на стоянку перед баней выехал заляпанный грязью «УАЗ», поворочался в теснине автомобилей, столбов и стен, огораживающих стройку, и двигатель его заглох. Причём остановился он так удачно, что джип «Лексус» не смог бы ни развернуться, ни выехать.

Из кабины «УАЗа» выкарабкался сухонький мужичок в замасленной кепке, открыл капот своей колымаги.

— Эй, пидор, убирайся с дороги! — высунулся из джипа второй охранник.

— Сам обезьяна! — огрызнулся водитель «УАЗа».

— Что ты сказал?! — не поверил ушам охранник.

— Уши прочисти, — равнодушно посоветовали ему.

Охранник, округлив глаза, грузно спрыгнул на землю.

— Ну, тля, я тебе шас!..

Кран, до этого момента стоявший без движения, вдруг повернул стрелу, и висящая на крюке плита сорвалась вниз.

Раздался чей-то истошный крик:

— Полундра! Кран!

Охранники у «Лексуса» и водитель джипа глянули вверх, кинулись врассыпную.

Плита рухнула на крышу джипа, сплющивая его в плоский пакет металла. Брызнули стёкла. Гулкий удар потряс воздух. Из-под джипа вылетели струи пыли. И стало тихо.

Ошипов выбраться из кабины «Лексуса» не успел.

Через полчаса примчавшиеся по вызову сотрудники милиции с трудом вырезали крышу джипа, и врачи «Скорой помощи» констатировали смерть его владельца.

Обнаружить впоследствии крановщика и водителя «УАЗа» не удалось. Как и «случайных прохожих», ставших свидетелями трагедии.

В двух километрах от места происшествия сухонький мужичок, уже без кепки, переодетый во всё чистое, докладывал по телефону, сидя в баре «Нептун» напротив чернявого парня, потягивающего тоник:

— Всё чисто, клиент отбыл в нужном направлении.

— Мы видели, — слышался голос Алексея Свистунова в телефонной трубке. — Иногда счастье сваливается на голову так неожиданно, что человек не успевает отскочить в сторону.

Парень с тоником — Черкес — засмеялся.

— Дай Никифора, — сказал Терминатор.

— Слушаю, — отозвался Хмель.

— Что дальше?

— Сворачивайте программу и возвращайтесь в Жуковку.

— Есть, — ответил Терминатор.

Хмель и Алексей Свистунов получили заказанную спецпаратуру и приступили наконец к слежке за Вараввой Елиным.

Булавин вычислил третьего агента триангула, которым оказалась та самая учительница математики Школы Инесса Клименфельд, и начал разрабатывать план её нейтрализации.

Черкес и Терминатор «легли на дно», то есть принялись от-

сыпаться, отдыхать от трудов праведных и готовиться к новым встречам с агентами Синклита.

Тарасов провёл со всеми сеансы связи и, успокоенный, доложил Онуфрию о выполнении первого этапа своего задания.

— Хорошо сработали, — похвалил команду волхв. — Владыко будет доволен. Но расслабляться не стоит.

— Мы и не расслабляемся, — ответил Глеб Евдокимович со знанием дела. — Даже на отдыхе. Понадобится — соберёмся вместе за четверть часа. Как долго, по-твоему, стоит ждать новых гостей?

— Конунги потерпели существенную неудачу, потеряли двух агентов, раскрылись. Опыт подсказывает мне, что они станут действовать хитрее.

— Мой опыт подсказывает мне то же самое.

— Если учесть, что жизненный опыт — это когда количество ошибок переходит в качество, то мы с тобой прошли одну и ту же школу.

Тарасов улыбнулся:

— Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Но мы постараемся больше не ошибаться.

Прошло два дня с момента устранения Евгения Ошипкова.

Следствию не удалось выйти на след его недоброжелателей, и дело плавно перешло в разряд «висяков».

Взбешённый Варавва Елин попытался надавить на мэра, чтобы следователи УВД занимались расследованием интенсивнее, однако ничего не добился. Почему в тот день охранники стройки напились вдрызг, кто проник на территорию стройки и использовал подъёмный кран, кому принадлежал грязный «УАЗ», перекрывший дорогу джипу, установить так и не удалось.

Магистр Ордена Галактических Мастеров побывал на похоронах Ошипкова, встретился с его охранниками и укрылся в своих апартаментах напротив церкви Святых Мучеников.

А через день, пятого октября, Булавин заметил в Фошне чёрный лоскут *глядунa*.

— Где он сейчас? — быстро спросил Тарасов, услышав новость.

— Кружит вокруг Школы.

— Конунги снова послали пеленгатор! Жди, я сейчас приеду. Не выпускай его из поля зрения.

Глеб Евдокимович, не переодеваясь, метнулся к «Импрезе» и через десять минут был в Фошне. Нашёл Дмитрия, занявшего позицию на приусадебном участке Школы с биноклем в руках.

— Вон крутится, гад! — сквозь зубы выговорил Булавин, передавая другу бинокль.

Тарасов понаблюдал за порхающим чёрным прямоугольником, взялся за мобильник.

— Я уже предупредил Светлого, — сказал Булавин.

— Попробуем выявить, кому *глядун* передаёт информацию.

— Иду, — отозвался мальчик, выслушав Тарасова.

Через несколько минут он выбежал во двор Школы. Глеб Евдокимович махнул рукой выглянувшему охраннику: всё в порядке — и провёл ведича на участок, к Булавиному.

— Видишь?

— Вижу.

— Уверен, что справишься? Не получится ли обратный эффект: не ты запеленгуешь конунга, а он тебя?

— Я попробую, — коротко сказал Сергей.

Он закрыл глаза, сосредоточился, поворочал головой туда-сюда, застыл.

По его светлым волосам проскочила змейка розового свечения.

Гладун в тридцати метрах от них перестал кружиться, замер на месте, встал вертикально, начал поворачиваться из стороны в сторону, как будто и в самом деле был антенной.

— Может быть, он нас таки видит? — хмуро осведомился Булавин.

— *Гладун* настроен на пси-излучение определённого качества и интенсивности, — негромко сказал Тарасов, тоже ощутивший дуновение «чужого взгляда». — Мы для него неинтересны. Не сплеховал бы Светлый.

— Надо было посоветоваться с волхвами... — Булавин не договорил.

Прямоугольник *гладуна* начал корчиться, изменяться, растекаться струями кисейно-серого дыма. Снова собрался в туманно-прозрачный лист, рванул вверх, к облакам. Голубая молния пронзила его, соединяя облака и землю. В следующее мгновение он разлетелся на множество длинных огненных струек и исчез.

Сергий открыл ставшие чёрными глаза.

— Брянск...

Тарасов подскочил к нему, обнял за плечи, потряс.

— С тобой всё в порядке? Ты цел?

Глаза мальчика посветлели, он расслабился, глубоко вздохнул, смущённо улыбнулся:

— Нормально, я его засёк.

— Где?!

— Оператор находится в Брянске... но от него лучик тянется в Новгород...

— Дьявол! Значит, Варавва и есть оператор! Но за ним стоит конунг! Кто нам известен в Новгороде?

— Я знаю только двоих: Акселя Черткова и Харитона Кобягу.

— Чертков в Онеге, Кобяга вроде бы погиб ещё тогда, под Лодейным Полем.

— По России их, наверное, много.

Тарасов погладил пришедшего в себя мальчика по волосам.

— Тебя не засекли, точно?

— Не-е... я не раскрывался... хотя он пытался меня разглядеть...

— Он тебя всё-таки почувал.

Тарасов встретил мрачный взгляд Булавина. Тот кивнул:

— Конунг понял, что его пеленгуют.

— Дьявол! Я об этом не подумал. Теперь он будет уверен, что Серебряный мальчик прячется в Жуковском районе.

— А мы давай уберёмся отсюда раньше. Пусть потом ищет нас по всей России. Пока он проанализирует обстановку, пока пошлёт разведку, мы успеем сбежать. Всё равно через пять дней надо ехать на Кенозеро.

Тарасов с силой потёр лоб ладонью, поглядывая то на Сергия, то на место исчезновения *глядуна*.

— Сможешь заниматься? Или поедem домой?

— Не хочу домой, я в порядке.

— Ладно, оставайся, вечером заберу. — Он повернул голову к Булавину: — Отведи его в Школу. И займи круговую оборону. Чтобы ни одна мышь не проскочила мимо нас.

Дмитрий увёл мальчика.

Глеб Евдокимович стиснул зубы, достал мобильник и позвонил Егору Крутову.

Группа собралась в Латышах шестого октября.

Дождь прекратился, но облака ходили низко, дул противный холодный ветер, и становилось ясно, что осень окончательно заявила о своих правах.

На совещание неожиданно прибыл Онуфрий.

— Посижу тут с вами, послушаю.

Обсудили положение дел. Дошли до замысла с поездкой на Кенозеро.

— Дмитрий прав, — сказал Тарасов. — Своими активными действиями мы разворошили осиное гнездо. Надо уезжать отсюда как можно быстрее.

— Но наши дела не так уж и плохи, — сказал Хмель.

— Это затишье перед бурей. Конунги знают, что мальчик здесь.

— В чём же дело? Собираемся и едем.

— Минуточку, — вставил слово молчавший до этого момента Онуфрий. — Вы упускаете из виду одно обстоятельство.

— Какое? — наморщил лоб Тарасов.

— Сергей определил поток внимания Новгород—Брянск—Жуковка.

— Если он не ошибся, — проворчал Хмель.

— Ведичи не ошибаются и всегда говорят то, что чувствуют. Но я о другом. Как вы собираетесь ехать в Архангельскую губернию?

— До Брянска на машине, потом поездом до...

— И всё-таки Брянск вы не минуете.

— Я понял, — сказал Тарасов. — В Брянске сидит Варавва Елин, который...

— Если он вас почует, ваша миссия провалится.

— Но ведь он не конунг, — засомневался Булавин.

— Не конунг, но владеет неплохим набором магических приёмов.

— Что вы предлагаете?

— Можно поехать через Рославль—Смоленск и далее через Москву. Но я не уверен, что это направление не перекрыто.

— Надо нейтрализовать Варавву, — сказал Черкес, жующий жвачку.

Все посмотрели на него.

— Устами младенца... — усмехнулся Хмель.

— Николай прав, — кивнул Тарасов. — Только тогда мы выберемся отсюда более-менее спокойно.

— Лично я за, — сказал Хмель. — Эта чёрная сволочь свила здесь роскошное гнездо, подмяла под себя все местные властные структуры и не даст никому ни вздохнуть, ни, как говорится, п...ть.

— Не груби.

— А что я сказал?

Онуфрий поднялся:

— Думайте, родичи. Жить надо упруго, динамично, раскованно, не ждать милостей от врага, опережать его. Звоните, ежели что.

— Нам понадобится ваша помощь, — сказал Тарасов. — Я имею в виду волхвов.

— Сделаем, что можем.

Онуфрий помахал всем рукой, вышел из горницы.

— Что ж, давайте поразмыслим, как нам взять за жабры господина магистра, — сказал Тарасов.

Глава 19

КОНУНГИ

Москва

Они собирались вместе редко, владея способами ментальной связи, а также великолепной спутниковой компьютеризированной техникой, разработанной в последнее время. Но угроза пробуждения в массе российского народа духовной Памяти была столь велика, что Синклит решил созвать все свои чёрные силы и объявить их носителям о возможной Духовной Революции.

Слухи о рождении будущего лидера России, прозванного Серебряным мальчиком, наконец достигли критической массы и стали уже не слухами, не легендами, не мечтами, а информацией. Засланные в структуры Катарсиса — Русского Духовного Сопротивления разведчики докладывали о каких-то возникающих там замыслах, и, хотя точно никто ничего не знал, конунги начали массированный поиск Серебряного мальчика, возраст которого приближался — по расчётам — к возрасту овладения

мощными паранормальными способностями, сиддхами — как называли их индуисты и сами конунги.

Великая возрождающаяся Русь оставалась последним оплотом божественной Духовности на Земле. В русском языке и культуре всё ещё хранились смысловые ключи Гиперборейской Культуры Глубинного Покоя. Русские люди всё ещё способны были возродить Империю Духовного Истока, каждый человек которой, став «человеком Пути», реально развив в себе естественную природную *силу*, мог достичь уровня богочеловека.

Вот почему Синклит, владеющий тайными методиками управления людьми, претендующий на абсолютную мировую власть и добившийся на этом поприще значительных успехов, стремился уничтожить любые искры сопротивления. Катарсис с его Витязями, постепенно очищающими Россию от чёрной заразы, был у Синклита как кость в горле. Сопротивление русского Рода нарастало, и это не позволяло конунгам чувствовать себя комфортно.

В субботу, седьмого октября, в московском «Президент-отеле» собрались вызванные верховным жрецом Синклита Джейсоном Эбботом респектабельные господа, прилетевшие в Россию со всех концов света. Прибыл даже конунг из Австралии Бэш Бушмен, личность одиозная, экзотическая, поскольку он действительно являлся представителем племени австралийских аборигенов мудьяши. Небольшого роста, под метр пятьдесят «с кепкой», коричневолицый, сморщенный, похожий на обезьяну, он носил яркие красные одеяния, украшенные страусиными перьями и пучками пуха ламы, и требовал в ресторанах исключительно блюда «австралийской кухни». Угодить ему было сложно.

Естественно, на совещание были приглашены и российские конунги. Всего их набралось двенадцать человек, целый «прайд», как выразился Эббот. Четверо из них жили в Москве, двое обосновались в Санкт-Петербурге, остальные в других городах и сёлах России. Командовал российским «прайдом» жрец и неомасон Михаил Северин, проживающий в Великом Новгороде. Хотя было известно, что он имел квартиры и коттеджи практически везде, и в России, и за рубежом.

Всего в малом сессионном зале «Президент-отеля» собралось тридцать шесть человек. Начал совещание Джейсон Эб-

бот, похожий на добродушного американского пастора. Каким он, собственно говоря, и являлся по официальной версии.

Вообще же о совещании нигде не было сказано ни слова. Российские СМИ о нём ничего не знали. Встреча жрецов Синклита никак не афишировалась. Лишь администрация «Президент-отеля» была поставлена в известность о проведении на его территории закрытого заседания «специалистов в области изучения нетрадиционных методов лечения больных раком». Впрочем, руководители отеля вскоре после совещания забыли об этом мероприятии, как и те, кто его охранял.

Сначала помощник Эббота бельгиец Нитерк зачитал доклад о политических течениях в странах третьего мира, которыми управляли конунги.

Потом латышский конунг Оте Аунс затеял дискуссию о возрождении значения «магических эффекторов», которыми в древности являлись жезлы, посохи, маски, иконы, жертвенники и другие магические предметы. Но его инициатива особого энтузиазма не вызвала. Эпоха магических формул, символов и предметов ушла в прошлое, несмотря на эффективное применение магами древних методик. На смену «заряженным магией» вещам шли новые методы управления материальным миром и людьми, основанные на прямом подключении сознания к торсионным энергетическим полям. Хотя магия жертвоприношений, ритуалов и символов всё ещё практиковалась адептами чёрных месс и успешно ими применялась.

К примеру, сам Джейсон Эббот считался адептом двух магий, красной и теллуровой, и с успехом применял заклинания, древнюю руническую символику и священные предметы.

Под красной магией жрецы подразумевали жертвенные ритуалы, в которых в качестве универсального энергетического средства использовалась настоящая кровь. Это были и ритуалы Вуду, и Макумба, Чёрные мессы и африканские Магические Заговоры, практики Гоэтии и Некромантии и ритуалы вампирических Отъёмов, преследующие цель получения бессмертия.

Под теллуровой магией понималось искусство использовать энергетические возможности Земли как планеты и как огромного живого существа. Это было очень древнее искусство, восходящее к китайским гаданиям, древней кельтской традиции и шаманизму народов Севера. Оно наделяло посвящённых ог-

ромной энергией, накопленной в определённых местах *силы*, где возводились соборы, мечети, храмы, устанавливались менгиры и дольмены.

Чтобы подчеркнуть свою избранность и мощь, Эббот появился в зальчике заседаний не как нормальные люди и остальные жрецы Синклита, а плавно спустился на небольшую сцену откуда-то сверху, из-за портьеры. Он и впоследствии демонстрировал свои выдающиеся возможности: наполнял стакан на столе струёй воды из воздуха, направлял в полёт всем присутствующим листочки светящейся бумаги с текстом доклада, дважды генерировал двойников, выходявших и входивших в зал сквозь стену с невозмутимым видом.

Дошла очередь и до выступлений российской делегации.

Первым сделал сообщение Михаил Северин, поделившийся успехами российской диаспоры Синклита.

Вторым выступил Кирилл Гвоздецкий, бывший глава президентской службы безопасности, а ныне начальник Федеральной антитеррористической службы. Он рассказал о планах уничтожения Катарсиса — Вечевой службы русского Рода и развернул грандиозную картину противостояния конунгов и волхвов. Кроме того, он раскрыл всем структуру Катарсиса, который управлялся Хранителями национальной Идеи и Традиции — Предиктором, то есть Советом волхвов.

Катарсис, по его словам, представлял собой мощную систему, состоящую из отдельных служб: разведки, контрразведки, внедрения в отдельные государственные институты и службы, службу ясновидения и прогноза, разработки акций и их исполнения. Тем не менее Гвоздецкий безапелляционно заверил Синклит о намерениях в скором времени покончить с Катарсисом, для чего российским союзом конунгов был разработан особый план.

— Не могли бы вы, уважаемый коллега, поделиться с нами этим планом? — вкрадчиво поинтересовался Оте Аунс.

— Не хотелось бы озвучивать конкретные пункты... — попытался возразить Гвоздецкий.

— Отель накрыт непроглядом, так что не беспокойтесь, никто нас не подслушивает.

Михаил Северин заёрзал.

Эббот посмотрел на него с высоты подиума как на родного сына и поддержал латышского представителя:

— А вы вкратце, только основные положения.

Гвоздецкий нерешительно посмотрел на своего шефа. Тот едва заметно кивнул.

— Ну, хорошо, если вы настаиваете... — расправил плечи генерал ФАС. — План состоит из многих пунктов. Пункт первый: выявление лидера Катарсиса. Второй: формирование потока воздействия на лидера. Пункт третий: похищение лидера, предложение работать на нас, в противном случае — уничтожение...

— Прекрасно, — перебил Гвоздецкого Аунс. — Восхитительный план! До сих пор вам не удавалось определить лидера, а семь лет назад ваша команда вообще чуть не погибла в бою с волхвами. Почему вы уверены, что нынче план сработает?

— Потому что мы знаем цель Катарсиса, — поднялся Михаил Северин, высокий, моложавый, с приятным чистым лицом и прозрачными до молочного оттенка умными глазами.

— Что же это за цель? Власть над миром? Уничтожение нашей сети?

— Создание Великой Российской Империи Духа. Наша цель — борьба с этой концепцией, и по всем направлениям, методологически, политически, экономически, мы Катарсис опережаем.

— Однако, насколько мне известно, — не сдавался Аунс, — у вас воспитывается новый лидер Сопротивления, и вы ничего не можете с этим поделать.

Северин посмотрел на Гвоздецкого. Тот дёрнул щекой, потёр щёку пальцем.

— В скором времени Серебряный мальчик будет уничтожен.

Аунс картинно развёл руками, сел, ухмыляясь, подчёркивая всем своим видом, что не верит ни единому слову генерала.

— У меня больше нет вопросов.

— Его готовят к посвящению, — добавил Эббот, снова демонстрируя свою проницательность и осведомлённость. — Этого допустить нельзя. Найдите Каменную могилу Владычицы, где, возможно, планируется таинство посвящения вашего Серебряного боя, и уничтожьте.

— Слушаюсь, — склонил голову Северин.

— Ваша пресловутая «Святая Русь» — последнее звено в цепи наших замыслов, нам нельзя терять время. Нанесите упреждающий удар по Катарсису, по Предиктору, так, чтобы они больше никогда не опомнились. Синклит вам поможет. То, что ваши люди контролируют ситуацию, — это хорошо. Но не переоценивайте свои успехи, всё может перемениться. Как идут дела с реализацией проекта «Лунный свет»?

— Скоро мы проведём испытание генератора на реальных объектах с подключением эгрегорных узлов.

— Храмов БЕСа, как у вас их называют.

— Так точно. Один из них под видом спортивного клуба развёрнут в Брянской губернии. Начнём с него.

— Пожелаем вам успеха.

Конунги Синклита дружно вскинули вверх пальцы, раздвинутые в виде латинской буквы V.

После совещания, длившегося четыре часа, Эббот пригласил Северина к себе в номер.

— Выпьете что-нибудь? У меня есть хороший кубинский ром.

— Спасибо, не пью, — отказался вожак российских конунгов, разглядывая обстановку номера: глава Синклита, естественно, жил в президентском люксе.

— Я бы попросил вас обратить пристальное внимание на Школы господина Шерстнева. Кстати, почему он до сих пор жив?

— Мы... работаем, — отвёл глаза Северин, неприятно поражённый осведомлённостью американца о положении дел в России.

— Плохо работаете, — скривил губы Эббот. — Школы Шерстнева готовят не просто хороших учеников, они готовят бойцов по духу, занимающих лидирующие позиции в национальном движении. Его надо убрать.

— Он находится под защитой... наших врагов.

— Вы слабее?

— Нет, но... — Северин заторопился, заметив волчий выскерк глаз Эббота. — Хорошо, он исчезнет.

— Надеюсь, ждать долго не придётся. И последнее: по моим

сведениям, ваши магистры живут слишком вольготно, на широкую ногу, не боятся заявлять о себе во всеуслышание.

— С чего вы взяли, Джейсон? — пробормотал Северин.

— Аксель Чертков живёт как король, каждый день меняет девочек. Остальные тоже не отстают, устроили себе лёгкую жизнь, даже транспортные потоки разводят таким образом, чтобы их машины проезжали беспрепятственно.

— По-моему, это не возбраняется...

— Ошибаетесь, милейший! По этим признакам вас могут легко вычислить аналитики Катарсиса, представляете последствия?

Северин пожевал губами, раздумывая, знает ли Эббот, что он сам устроил себе такую же зону свободного проезда.

— Я займусь их... воспитанием.

Джейсон Эббот протянул руку и взял подплывший к нему стаканчик с ромом.

— Вы всё-таки присядьте, Майкл. Поговорим о другом.

— О чём?

— Ваша сфера влияния нас не устраивает. Нужен выход на президентские структуры. А для этого необходимо как можно быстрее закончить разработку «Лунного света» для прямого зомбирования любой властной группировки.

Северин сел.

О том, что проект «Лунный свет» практически завершён, не должен был знать никто. Даже верховный жрец Синклита. Но он знал!

Глава 20

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ВЕСА

Брянская губерния

После того как ему поручили опекать писателя Тихомирова, Хмель забыл о том, что такое свободное время, но всё же выкраивал минутки, чтобы потренироваться джон-джигом или просто побегать в тишине по утрам по окраине Жуковки.

Восьмого сентября он опять встал ни свет ни заря, собираясь на пробежку, и неожиданно встретил на лестнице целую толпу народа. Человек десять — шесть женщин разного возрас-

та и четверо мужчин — что-то возбуждённо обсуждали, время от времени стуча в дверь соседской квартиры. Когда Никифор вышел на лестничную площадку, мужчины замолчали, разглядывая его хмуро и подозрительно. Оглянулись и женщины.

— Что случилось? — любопытствовал он.

Женщины снова закричали.

— Тихо, козы! — цыкнул на них бородатый мужчина в шароварах и майке. — Дело такое...

Рассказ длился недолго.

Оказалось, что рядом с Никифором уже три года живут таджики и регулярно заливают две нижние квартиры.

— Они укроп раскладывают по полу, — закричала старуха в полосатом халате, — и поливают водой, чтобы не засох! А потом продают!

— Ни стыда, ни совести! — поддержала старуху женщина помоложе, с накрученными на бигуди волосами. — Мы уже и в милицию заявляли, и в прокуратуру жаловались, и в районную управу писали — ничего на них не действует!

— Их милиция прикрывает, — добавил мужик в майке. — А они еще и наркотой торгуют, мой племянш видел.

— Понятно, — сказал Хмель, не зная, чем помочь жителям затопляемых квартир. — А морду втихаря бить им не пробовали?

Женщины замолчали.

Мужчины переглянулись.

— Пробовали, а как же, — криво ухмыльнулся самый младший, спортивного вида. — Только у них защитников в милиции тьма, сам подполковник Коробко о переселенцах печётся, политический имидж зарабатывает.

— Вот они и обнаглели! — снова зашумели женщины. — Селятся со своими порядками, коз на балконах разводят, курей, гусей, орут по ночам!

— Ладно, я поговорю с ними сегодня, — пообещал Хмель.

— Так они тебя и послушают, — махнул рукой мужик в майке.

— Меня послушают! — усмехнулся Никифор, сбегая вниз по лестнице.

Заниматься физзарядкой расхотелось. Но он всё же заставил себя пробежаться по мокрому от недавнего дождя лесу и вернулся в нормальном расположении духа. Идея поговорить с таджикским кагалом, который и в самом деле жил по своим за-

конам, окрепла, появились аргументы, убедительные примеры и решимость довести дело до конца.

Однако события дня начали развиваться в стремительном темпе, и Никифор вынужден был включиться в свою основную работу, на время исключив «межнациональные разборки» из сферы деятельности.

Сначала позвонил Тарасов и сообщил, что на дорогах, ведущих к Жуковке со стороны Жиздры и Рославля, замечены роскошные джипы «Порше Кайенн» и «Инфинити Инвизибл». Судя по нижегородским номерам, они явно принадлежали Национальной лесной компании. То есть, по сути, Федеральной антитеррористической службе.

— Началось? — поинтересовался Никифор.

— Не имеет значения, — отрезал Глеб Евдокимович. — Мы решаем свои задачи. Готовься, вечером поедем в Брянск.

— Без проблем, — ответил Никифор.

Позавтракав, он подобрал череп и вызвал Черкеса, предупредил о возможном появлении федералов. Сослуживец отреагировал на это ироническим «пусть сунутся».

Свистунов, прикреплённый к ведению Вараввы Елина, доложил о своих наблюдениях коротко. По его словам, магистр Ордена Галактических Мастеров перестал принимать клиентов и явно собрался куда-то ехать, так как его «шестёрки» начали чем-то загружать «Хонду Прелюд» Елина.

— Это плохо, если он уедет, — обеспокоился Хмель. — Операция может сорваться. Звони, если магистр сядет в машину.

После этого он позвонил Тарасову.

— Похоже, мы опаздываем, — признался тот. — Они начали раньше. Фасовцы уже выехали из Рославля. Вторая машина сейчас подъезжает к Фошне.

— Забирай Сергия из Школы.

— Он сегодня дома.

— В таком случае пусть федералы занимаются своими делами, а мы своими. Не станут же они нападать на Школу.

— Не исключено, между прочим. Дмитрия придётся оставить в Фошне и кого-нибудь из наших.

— Терминатора. Его мало кто берёт в расчёт, не зная кондиций капитана.

— Хорошо, через полчаса поедem в Брянск. Вaрaвву упускать нельзя, он не даст нам покоя.

— Сoгласен.

Однако противоборствующая сторона снова опередила их.

Через несколько минут Свистунов сообщил, что Вaрaвва Елин сел в машину и едет по улицам Брянска в сторону смоленского шоссе.

— Готовность «один»! — объявил Тарасов всем по мобильнику. — Станет известно, куда едет магистр, срываемся и мы.

Ещё через четверть часа Алексей объявил, что Вaрaвва едет по шоссе в сторону Рославля.

— Вряд ли это простое совпадение, — передал известие Тарасову Хмель.

— Сoгласен, — сказал Глеб Евдокимович. — Они запланировали какую-то акцию. Где?

— В Фошне, где же ещё. Чтобы одним ударом покончить со всеми проблемами, проще всего уничтожить Школу и одновременно её учеников. И директора.

— Не верится... они не пойдут на это.

— А если пойдут?

— Тогда мы должны пресечь это самым жёстким способом!

— Предлагаю опередить эту вшивую команду. Они едут в Жуковку и не ждут нападения, будучи уверенными в своих расчётах.

— Где мы их перехватим?

— Джипы — на подступах к Фошне, если успеем, Вaрaвву — в Жуковке.

Тарасов думал недолго.

— Объявляю сбор «по трём нулям»!

Через пятнадцать минут у железнодорожного переезда на окраине Жуковки собрались все, кроме Булавина и Терминатора, оставшихся оборонять Школу от возможного нападения. Каждый был на своей машине: Тарасов — на «Импрезе», Хмель — на «Ауди», Черкес — на «Хёндэ»-купе, которую доставили в Жуковку снабженцы Катарсиса.

Планы-трафики встреч с посланцами конунгов были давно разработаны, поэтому ждали только донесений от наблюдателей о передвижении противника.

Джип «Инфинити», движущийся к Жуковке со стороны Жиздры, проехал Дятьково и остановился в Стари.

Джип «Порше Кайенн», точно такой же, что потерпел аварию на дороге от Велеи к Фошне, свернул к Жуковке с трассы Рославль—Брянск.

Тарасов позвонил Булавину:

— Примешь гостей? Или нужна наша помощь?

— У нас с Терминатором всё готово, — доложил Дмитрий. — Не беспокойтесь, справимся.

Тарасов набрал номер Черкеса:

— Коля, бери на себя «Порше». Сопровождай тихонько, но без команды ничего не предпринимай.

— Сделаем, командир, — отозвался Черкес.

Машины разделились.

«Хёндэ» Черкеса помчалась к автозаправке на выезде из Жуковки. Миновать её гости не могли.

Туда же направилась и «Ауди» Хмеля, хотя у него была другая задача — взять под контроль машину Вараввы Елина, когда та появится.

Тарасов остановил свою «Импрезу» на привокзальной площади Жуковки.

Время как бы замедлило свой бег. Пространство ощутимо сгустилось и «завибрировало», реагируя на психическое напряжение всех участников операции.

Наблюдатели, сообщавшие о перемещении подозрительных автомобилей, замолчали. Это были люди из резерва группы бесконтактного контроля Катарсиса, работающие в ГАИ, которые несли службу на дорогах губернии в данный момент. Но долго сопровождать машины ФАС и Вараввы Елина они не могли.

— Приготовились! — бросил в телефон Тарасов, получив последнее донесение. — Дима, не начинайте без нас.

— Мы их видим, — доложил Булавин. — Красивая машина, не то что мой старый «Ирокез».

— Вижу «Порш», — сообщил Хмель.

— Где Варавва?

— Едет по смоленскому шоссе, через десяток километров Летошники и поворот на Жуковку.

— Ясно, им всем поставлена какая-то конкретная задача. Не будем ждать, пока они объединятся, начинаем работать.

— Начали, командир! — отозвались все, кто был на связи.

Джип «Инфинити Инвизибл», пришедший на смену джипу «Инфинити FX 45», зализанный, хищно устремлённый к скорости, с затемнёнными стёклами, преодолел расстояние от Стари до Фошни за десять минут. На окраине Фошни он остановился у продуктового ларька, из него выбрался накачанный молодой человек в спортивной футболке камуфляжной расцветки, в таких же штанах и кроссовках, купил две банки пива и скрылся в джипе. Тихо заурчав мотором, «Инфинити» двинулся к центру села. Проехал автозаправку, универсам, приёмный грибной пункт с маленькой грибоварней, остановился у поворота. Дальше улица разветвлялась на два проулка: один уходил в лес, второй вёл к Школе Шерстнева.

В тот же момент левое переднее колесо «Инфинити» лопнуло с гулким треском.

Выстрела никто не слышал. Но дырку в колесе сделала пуля из снайперской винтовки с глушителем, которую держал в руках Терминатор в двухстах метрах от этого места.

Захлопали дверцы.

Из джипа вылезли сразу трое парней вместе с водителем, уставились на колесо и тотчас же насторожились, завертели головами. Руки потянулись к оружию в карманах и под куртками. Парни поняли, что колесо лопнуло не случайно.

Терминатор выстрелил два раза.

Пули легли в борт «Инфинити», проделав небольшие, безобидные с виду отверстия.

Парни попадали на землю, выставив перед собой стволы пистолетов «Волк» и «Глок». Один из них заметил какое-то движение в доме слева, выстрелил. Пуля со звоном разнесла стекло кирпичного, со вкусом отделанного строения.

Терминатор, сменив позицию за трансформаторной подстанцией, выстрелил ещё раз, заставляя парней вжиматься в грязный асфальт улицы.

И нервы гостей не выдержали.

Сначала они открыли пальбу по будке, изрешетив её как душлаг и угробив оборудование, а потом бросились к джипу, запрыгнули в него и попытались скрыться. Однако не успели. Дорогу им преградили две милицейские машины: «УАЗ» и микроавтобус с омоновцами. Это приехали вызванные Булавиным

оперативники, которым сообщили, что на деревню напали «вооружённые бандиты».

Приезжих уложили лицом в грязь на улице, не жалея мата и зуботычин. Омоновцы начали обшаривать деревню, возбуждённые реальной опасностью, заглянули и в Школу. Но обнаружили там лишь охрану, обеспокоенную стрельбой, и двух мирно чинивших крыльцо спортзала мужиков. Это были Булавин и Анылгин. Перестрелку они тоже слышали, но не придали ей значения.

Через полчаса Булавин доложил Тарасову о «мягком» решении проблемы с гостями из ФАС.

Хмель подал сигнал, когда джип «Порше Кайенн» миновал Гостиловку и въехал на мост через Десну. Сам он выехал из той же Гостиловки и придавил акселератор: «Порше» не боялся ехать со скоростью под сто сорок километров в час. Зато он не смог и вовремя остановиться, когда справа, из-за будочки автобусной остановки на дорогу вдруг выскочила серебристая «Хёндэ».

Джип с визгом затормозил, вильнул влево, но избежать столкновения не смог. И тотчас же ему в корму врезалась вишнёвая «Ауди».

Из «Хёндэ» вылез потрёпанного вида черноволосый мужчина, пошатываясь, протирая глаза, глянул на свой помятый автомобиль.

— Ё-моё! Ни хрена себе!

Из джипа вылезли два парня в специальных чёрных комбинезонах со множеством кармашков и «молний». Один взял черноволосого водителя «Хёндэ» за грудки:

— Ты откуда выполз, козёл?! Глаза потерял?! Так я тебе их щас вставлю!

— Он пьяный, скотина, — угрюмо прогудел второй. — Вот вяпались в дерьмо!

— А шо вы шпарите тут как угорелые? — икнув, проговорил Черкес. — Шо вам тут, гоночная трасса?

— Ты ещё права будешь качать, курва?! — взвился водитель. — Я из тебя...

Черкес вдруг превратился в тень и уложил обоих верзил в три удара: третий понадобился для добивания одного из них.

В джипе началась возня, и через несколько секунд из него вылез Хмель. Как ему удалось попасть туда за то короткое время, что понадобилось Черкесу для нейтрализации оперов ФАС, понять было трудно.

— Порядок, — буркнул Никифор. — Всего четверо, укомплектованы как на войсковую операцию.

— Докладывай командиру.

Хмель достал мобильник, коротко сообщил Тарасову об успешном завершении операции. Выслушал ответ, спрятал телефон:

— Спрячь свою машину в кустах, чтоб не было видно с дороги.

— А этих куда?

— В джип. Я отвезу их за Гостиловку, к деревушке Угость, там леса начинаются. Джип сожгу, вместе с оружием и рациями.

— Жалко, хороший аппарат. — Черкес похлопал ладонью по крылу «Порше». — И мою жалко, смотри, какую вмятину сделали, паскуды.

— Потом починим. За дело!

Под начавшим накрапывать дождиком они обыскали потерявших сознание оперативников ФАС, изъяли оружие, связали ремнями руки, уложили всех четверых в кабине джипа, на заднее сиденье.

Черкес отвёл «Хёндэ» за мост, в кусты, сел за руль «Ауди» Никифора с помятым капотом и бампером. Хмель занял место водителя «Порше», и они поехали через мост, к трассе Брянск—Рославль. Не доезжая километров двух, свернули налево, к деревушке Угость.

На всю операцию потребовалось восемь минут времени.

Ещё через десять минут, оставив фасовцев в лесу связанными, они подожгли «Порше Кайенн» со всем его содержимым и помчались назад, не встретив по причине ненастья ни одного человека. Постов ГАИ в такую погоду можно было не опасаться, стоять на улицах города и дорогах района жуковские, как, впрочем, и другие, гаишники не хотели.

Уже когда обе машины были в Жуковке, стало известно, что «Хонда Прелюд» Вараввы появилась в Гостиловке. Магистр Ордена Галактических Мастеров упорно стремился в Жуковку.

Или, может быть, в Фошню. Но поддержать его в случае необходимости было уже некому.

Несмотря на то что омововцы и фасовцы в Фошне разобрались кто есть кто, джип «Инфинити», сменив колесо, уехал. Опера ФАС поняли, что их умело подставили, и решили больше не рисковать. Найти же тех, кто напал на них, омововцам и приехавшим на место происшествия следователям Жуковского ОВД не удалось. Они обнаружили только несколько гильз от снайперской винтовки «Винторез» и больше ничего. Свидетелей короткого боя федералов с неизвестными «террористами» не нашлось. Саших же «террористов» и след простыл.

Тем не менее «Хонда» Вараввы Елина, не задерживаясь, проскочила Жуковку и помчалась дальше. За ним двинулись помятые машины Черкеса и Хмеля. Последней в этой колонне была «Импреза» Тарасова. «Нива» Алексея Свистунова, из которой он наблюдал за машиной Вараввы, осталась в Жуковке.

«Хонда» магистра остановилась в Гришиной Слободе.

Тарасов доложил об этом Онуфрию.

— Знаю, — ответил волхв. — У него на борту находится генератор пси-излучения «Лунный свет». Допустить включения генератора нельзя. Спортивный клуб может послужить усилителем импульса, там уже собрались около тридцати спортсменов, и мы потеряем Школу.

— Понял, — односложно бросил Тарасов. — Работаем!

То же самое он повторил остальным членам команды:

— План три! Работаем!

«Хонда» подкатила к спортивному Клубу, на фасаде которого уже красовалась вывеска: «Институт физкультуры».

Из машины выбрался озабоченный Варавва, одетый в чёрный блестящий плащ, огляделся и зашагал по асфальтовой дорожке к высокому, в десять ступенек, крыльцу «института». За ним двинулись двое крупногабаритных парней в чёрном. Все трое скрылись за вертящимися дверями центрального входа.

К «Хонде» вдруг подъехал на велосипеде старик в обычной сельской одежке: старый брезентовый плащик, сапоги, кепка, — постучал костяшками пальцев в дверцу:

— Откройте, хорошие люди.

— Чего тебе, дед? — высунул голову в приоткрывшееся стекло дверцы «добрый человек»-водитель.

— Выйди-ка, поговорить надо.

— Ты что, опу... — Водитель замолчал, потом покорно вылез из машины, остался стоять с опустевшими глазами.

Старик заглянул в машину, поманил кого-то пальцем:

— И ты выйди.

На асфальт грузно выбрался ещё один молодец в чёрном, безвольно замер рядом с водителем.

— Идите отсюда подальше, по улице направо, там через мостик и в лес. Через часок вернётесь.

Оба парня послушно повернулись и побрели по улице, не обращая внимания на усилившийся дождик.

Подъехала «Хёндэ», из неё выскочил Черкес, нырнул в кабину «Прелюда». Тот почти бесшумно завёлся и отъехал от Клуба.

Старик махнул рукой.

С двух сторон к Клубу приблизились «Импреза» и «Ауди». Из них вышли Хмель и Тарасов, метнулись ко входу в Клуб.

— Я закрою вас *непроглядом*, — сказал им в спины Онуфрий. — Но всё равно будьте осторожней!

Витязи скрылись за вертушкой дверей.

Подъехал «Ирокез» Булавина. На дорогу прыгнули Дмитрий и Терминатор.

— Перекройте оба выхода, — сказал им Онуфрий. — Если выйдет господин Варавва — стреляйте без предупреждения!

Волхв кивнул и исчез, оставив велосипед.

Булавин и Анылгин переглянулись.

— Партия сказала: «Есть контакт!» — пробормотал Булавин со смешком. — Значит, будем есть контакт. Я здесь, ты там.

Терминатор молча достал снайперскую винтовку и скрылся во дворе здания.

Зал для занятий восточными единоборствами был полон. Тридцать пять молодых спортсменов сидели в шахматном порядке, приняв позу лотоса, положив на колени руки и неотрывно глядя на стоящего у двери наставника, которым в настоящий момент был недавно назначенный ректором Физкультурного института Борис Пацатый. Казалось, все присутствующие занимаются медитацией, чтобы после этого заняться борьбой. Но ни один из них не переоделся в кимоно, да и наставник был одет в уличное, и становилось ясно, что собрали спортсменов,

в основном молодых местных ребят, не для спортивных занятий.

— Ни о чём не думайте, — густым тянучим басом проговорил Пацатый. — Ваши головы должны быть пустыми, как мешки из-под картошки. Освободите себя от мыслей и желаний. Станьте стеной.

— А долго ещё? — робко спросил худенький юноша в дешёвом спортивном трико.

— Ждите! — отрезал Пацатый, явно волнуясь. — Мы делаем важное дело.

Заиграл бравурную мелодию мобильник.

Пацатый дёрнулся как ужаленный, поднёс трубку к уху:

— Да, мы готовы... ждём... сейчас. — Он бросил взгляд на своё тихое воинство. — Закройте глаза, освободите свои семечки от шелухи... то есть голову от мыслей, я скоро.

Он быстро вышел.

За дверью зала к нему подошли трое гостей из Брянска.

— Сколько вам удалось собрать голов? — спросил Варавва.

— Тридцать пять, — виноватым тоном ответил Пацатый.

— Мало.

— Я позвоню, придут ещё...

— Поздно, мы уже начинаем. Где представители ФАС?

— Не знаю.

Варавва нахмурил густые чёрные брови.

— Когда они должны были приехать?

— Ещё час назад.

— Странно... на мои звонки никто не отвечает. — Магистр вынул из кармана своего необычного плаща плоский брусок смартфона, нажал кнопку. Над квадратиком экранчика встало объёмное изображение головы человека с чёрной бородкой и усиками. — Аксель Эдуардович? Где ваши люди? Нет, не приехали. Я разговаривал с ними час назад. Хорошо, подождём.

— Можно позвонить в ГАИ, — предложил Пацатый. — У нас там свои люди.

— Они ехали без сопровождения.

— Не случилось ли что?

— С операми ФАС? — усмехнулся Варавва. — Они профессионалы, всё должны были предусмотреть. Несите машинку, — глянул он на сопровождающих. — Быстрее развернём — быстрее закончим.

Качки потопали по коридору к центральному выходу.

Варавва посмотрел им вслед, склонив голову к плечу. На лице его впервые в жизни отразилось сомнение.

— Пожалуй, я проконтролирую их, — пробормотал он, направляясь за телохранителями. — Звони операм непрерывно.

Пацатый проводил его глазами, взялся за телефон.

В вестибюле Клуба они разделились.

Тарасов метнулся вправо, к залам для занятий боксом, борьбой и гимнастикой. Хмель поспешил налево, где располагались самые большие помещения института: для занятий волейболом и баскетболом, общей физподготовкой и лёгкой атлетикой.

До этого они без труда, походя, успокоили двух охранников Клуба, попытавшихся их остановить. Но остановить Витязей в состоянии драйва было всё равно что останавливать асфальтовый каток с помощью маленьких камешков. Охранники даже не успели сообразить, что происходит. Впоследствии они признаются следователю, что им на головы рухнул потолок вестибюля.

Тарасов первым наткнулся на противника, заметив идущих навстречу тяжеловесных с виду спутников Вараввы. Однако и они оказались проворными и успели выхватить оружие, прежде чем Глеб Евдокимович в темпе приблизился к ним и заставил станцевать короткую «лезгинку боя». Парни показали себя неплохими боксёрами, уклонившись от первых ударов Тарасова, но им мешали пистолеты, а стрелять они не стали. Либо не получили такого разрешения от босса, либо растерялись, не успевая следить за движениями противника. А поскольку их мышечный каркас позволял им хорошо держать удары в корпус, Глеб Евдокимович применил технику «смертельного касания» и наградил обоих «взглядом сквозь стенку» — ударами в область живота, от которых они едва не получили разрыв селезёнки, будь эти удары посильнее и побыстрее. Но убивать телохранителей Вараввы Тарасов не хотел.

Парни упали так тяжело, что содрогнулись стены коридора.

И тотчас же из-за угла коридора вышел магистр Ордена Галактических Мастеров.

Тарасов замер, спокойный и собранный, как всегда.

— Витязь, — растянул в улыбке узкие, пунцовые, будто он

их постоянно покусывал, губы Варавва Елин. — Я не ждал тебя так рано.

Тарасов ускорился, текучей струёй преодолел за доли секунды десяток метров.

Варавва остался на месте, но его фигура стала вдруг почти невидимой, из-за того что плащ сделался зыбким, стеклянно-золотым, туманно-прозрачным, а в руке возник посох с крючковой ручкой. Острый конец посоха вытянулся в сторону Глеба Евдокимовича.

— Стой, где стоишь, дружок, — проворковал Варавва гортанным голосом. — Даже Витязь не в состоянии переварить импульс этой палки. Это модифицированная «Анаконда».

Тарасов не ответил, начиная качать маятник...

Хмель обнаружил медитирующую компанию молодёжи в зале для единоборств.

Пацатый, прогуливающийся вдоль стены зала с лесенками, отнял от уха телефон, оглянулся на звук открываемой двери.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

Потом Пацатый сунул руку под мышку, и Никифор прыгнул.

В воздухе мелькнули ноги ректора института. Он пролетел несколько метров, ударился о противоположную стену помещения и кулем свалился на пол.

Головы сидящих парней стали поворачиваться к двери. Кое-кто вытянул шею, чтобы разглядеть, что происходит.

— Всем встать! — хлестнула по их ушам оплеуха отрывистого приказа. — Разойтись по домам! Через двор! Быстро!

Парни начали переглядываться, зашевелились, посматривая то на лежащего неподвижно ректора, то на мужчину в спецкомбинезоне.

— Быстро, я сказал! — рявкнул Хмель. — Через минуту здание взорвётся!

Первым бросился из зала худенький паренёк в мешковатом синем трико. За ним гурьбой повалили остальные.

Хмель, успевший выйти первым, рукой указал им направление, и толпа молодёжи устремила к выходу во двор Клуба.

Никифор проводил их глазами, прислушался к своим ощущениям и метнулся в противоположную сторону...

Это был необычный поединок.

Тарасов стремительно бросался из стороны в сторону, а Варавва стегал его извилистыми зелёно-фиолетовыми молниями, с шипением слетающими с острия посоха. В какой-то момент молния всё же задела плечо Глеба Евдокимовича, и он вдруг потерял ориентацию, стал наткаться на стены коридора, кружить на месте, тереть глаза.

Возможно, встреча на этом закончилась бы, однако подоспевший на помощь Хмель отвлёк внимание осатаневшего магистра, и Тарасову удалось перевести дух и прийти в себя.

Схватка продолжалась ещё пару минут, в течение которых Никифору удалось приблизиться к Варавве почти вплотную. Затем к нему присоединился Тарасов, и они потеснили противника, заставили отступить. Магистр понял, что ему не справиться с двумя Витязями сразу, поэтому долго не раздумывал. Выстрелив в сторону Хмеля трижды, так что тот вынужден был буквально пробежаться по стене коридора, Варавва накрыл Тарасова «сферой непрогляда» (Глеб Евдокимович воспринял хлынувшую в глаза тьму правильно, нырнул на пол) и понёсся к выходу, демонстрируя отличное знание сверхскоростного режима.

Замешкавшиеся Витязи перехватить его не успели.

И всё же бой закончился не так, как рассчитывал господин Елин.

Сначала его на ступеньках крыльца отвлёк Онуфрий, пославший навстречу полупрозрачного двойника. Варавва начал на бегу полосовать двойника молниями и потерял несколько драгоценных секунд. А когда магистр в ураганном темпе помчался к воротам, рассчитывая на спасение в джипе, Терминатор аккуратно выстрелил из «Винтореза» прямо ему в голову.

Точнее, первая пуля угодила в грудь магистра и срикошетила! Плащ, который продолжал «течь и дымиться», размытая очертания фигуры Вараввы, превращая его в призрак, обладал и свойствами бронежилета. Но Имтук Анылгин был человеком опытным и сразу же выстрелил ещё раз.

Получив пулю точнёхонько в переносицу, магистр Ордена Галактических Мастеров Варавва Елин, он же Сулухутдин Махмадшариф, пробежал ещё несколько метров и плавно завалился вперёд лицом. Упал, выронив посох и раскинув руки.

Магические знания, которыми он, несомненно, обладал, уберечь его от смерти не смогли.

— Уходите! — бросил Онуфрий, исчезая.

Появившиеся на крыльце Хмель и Тарасов переглянулись. Тарасов поднёс ко рту мобильник:

— Всем отбой!

Через несколько секунд от ворот Клуба отъехали три машины: «Ирокез» Булавина, «Ауди» Хмеля и «Импреза» Тарасова.

«Хёндэ» Черкеса решили оставить, она была слишком заметна со своей вмятиной в борту.

Варавва Елин в продолжавшем «дымиться» плаще остался лежать на дорожке, ведущей к главному входу в Клуб.

Глава 21

НАЙДИТЕ МНЕ МАЛЬЧИКА!

Новгород

Михаил Северин, глава сепарации российских конунгов, действительно имел в собственности более двух десятков квартир и коттеджей по всей территории России. Но предпочитал жить в основном в Новгороде, в большой шестикомнатной квартире, венчавшей новейший жилой комплекс «Сокол» на берегу Ильмень-озера.

Никто никогда не видел, в том числе и охрана здания, чтобы к нему приходили гости, родственники и друзья. Тем не менее кое-кто посещал жилище маршала по его приглашению, что случалось не часто.

Утром девятого сентября к нему явился один из таких приглашённых, Аксель Чертков, конунг Онеги. Хотя охранники дома остались в полном неведении относительно визита. Конунг умел отводить глаза людям.

Квартиру Михаила Северина нельзя было назвать роскошной, однако в ней было всё, что нужно магу для своих исследований и независимой от любых условий жизни. Северин был историком по образованию и много десятков лет занимался изучением древних текстов, рун и символов. Поэтому даже в гостиной висели на стенах увеличенные рунические тексты и всевозможные каббалистические знаки. Многие из них всё ещё

«работали», то-есть подключали энергетические каналы разного уровня.

Гостя провели в гостиную, но сесть не предложили.

Сам Северин, одетый в блестящий фиолетовый халат, расшитый звёздами и алым орнаментом, также не стал садиться за свой громадный стол, на котором стоял такой же огромный монитор компьютера «Федерация».

— Суть вашего провала мне известна, — сказал он холодно. — Меня интересуют подробности.

Аксель Чертков, конунг северо-западных территорий России, болезненного вида, худой и нескладный, отвёл угрюмые глазки неопределённого цвета. Усики и борода колечком его не красили, как и лысина на макушке, которую он прикрывал прядью редких пегих волос.

— Это были Витязи...

— Я же сказал — подробнее! — В голосе Северина лязгнул металл.

Чертков потемнел лицом, но сдержался. В своё время он возражал против назначения Северина маршалом российского отделения Синклита, и Северин это помнил. Цедя слова, Чертков начал рассказывать о гибели Сулухутдина Махмадшарифа и провале команды в Брянской губернии. Закончил:

— Сулухутдин ошибся, не доложив мне о наблюдении. Понадеялся на свои силы.

— Да, это были Витязи, — согласился Северин, начиная расхаживать по гостиной со сложенными за спиной руками. — Только они могли так чётко организовать трафик. Но, с другой стороны, это означает, что Серебряный мальчик всё ещё находится там, в Жуковском районе, и занимается в Школе Шерстнева.

— Совершенно верно.

— Верно-то верно, — усмехнулся Северин. — Разумеется, так оно и есть. Но вы сильно оплошали, уважаемый, и усложнили нам жизнь. Бросьте все силы на Жуковку! Мне важен результат, а не ваши умозаключения. Мальчик должен исчезнуть. Ещё до того, как его повезут к могиле Спасительницы для посвящения. Задача ясна?

— Так точно, — склонил голову конунг. — Я лично отправлюсь туда руководить операцией.

— Надеюсь, вы справитесь. В противном случае мне придётся искать вам замену. На всякий случай возьмите с собой Кобягу. Да, и последнее: вы нашли генератор?

Чертков снова отвёл глаза.

— К сожалению, пока не нашли. По-видимому, Витязи спрятали его где-то поблизости от Школы.

— Мне абсолютно не важно, где он находится! Главное, что генератор в руках Витязей!

Чертков позеленел, но промолчал.

— Чёрт бы вас подрал, Аксель! — продолжал Северин. — Вы хоть понимаете сами, что произошло?! «Лунный свет» стал достоянием волхвов! Они изучат его и найдут способы защиты!

— Не найдут...

— По моим сведениям, в их Предикторе полно учёных! Они наверняка докопаются до истины! Немедленно поезжайте в Жуковку, найдите генератор и перевезите ко мне! Или хотя бы уничтожьте! И найдите мне мальчика!

— Я постараюсь, святейший, — покорно поклонился Чертков.

Глава 22

НЕТЬ

Нижний Новгород

Бывший полковник военной контрразведки Ираклий Федотов проснулся в пять часов утра от неясного предчувствия встречи. Открыл глаза, прислушался к своим ощущениям и сразу понял, что в доме появился гость. Он встал, стараясь не разбудить жену, бесшумно вышел из спальни и увидел полосу света, падающую в коридор из кухни. Напрягся, о щ у п ы в а я пространство квартиры мысленным взглядом, и услышал тихий ментальный «шёпот»:

— Заходи.

В кухне и впрямь находился гость. Он пил чай и поднялся, увидев хозяина.

— Владыко Полюнь, — проговорил Федотов, скупно улынувшись.

— Для тебя всегда Егор.

Они обнялись.

— Не предупредил...

— Извини, дружище, хотел посмотреть на тебя без подготовки. Волосы ты себе так и не отрастил.

— Зачем? — Ираклий пригладил ладонью голый коричневый череп. — Маше я и так нравлюсь.

— Как ты с ней?

— Нормально, душа в душу. Всё понимает, принимает, помогает.

— Одним словом — берегиня.

Ираклий внимательно посмотрел в глаза Крутова, но в них не было насмешки, только сочувствие и понимание.

— Она — всё, что у меня есть.

— А сын?

— Ну, и сын, конечно.

— Где он?

— Учится в седьмом классе гимназии. Через год отдам в Школу Шерстнева. У него талант прорезался: парень в уме решает любые уравнения. Увлёкся нанотехнологиями, собирается стать спецом в этой области.

— Что ж, хорошо, когда пацаны начинают ставить себе цели ещё в младенческом возрасте. — Крутов, одетый в джинсовый костюм, сел за стол. — Из таких вырастают неслабые творческие личности. Попьёшь со мной чаю? Я тут немного похозяйничал.

— Могу быстро приготовить завтрак.

— Не надо, я на несколько минут. Дело есть.

Ираклий сел напротив гостя, разглядывая его лицо.

— Слушаю.

— Я тебя берёг до поры до времени, но теперь понадобилась твоя помощь.

— Надо кого-нибудь спасти? Человека? Группу? — Ираклий прищурился. — Целый народ? Или только падших?

Крутов усмехнулся:

— Нет времени на утопию спасения падших. Срок близится, а ведающих по-прежнему мало, не хватает для перехода критического порога пробуждения. Нам уже не успеть пробудить остальных, это очевидно. В дни катаклизма масса не шелохнётся.

Ираклий покачал головой:

— Я никогда не видел тебя таким пессимистом.

— А я не пессимист, я реалист, как принято говорить нынче. Большинство населения планеты составляют люди стадного типа, жаждущие развлечений. Кстати, самым сильным и ярким свидетельством неразвитости человеческих душ является болезненная страсть к обильной смене впечатлений. Спроси иностранного туриста, где он был и что вынес, он не ответит. Ему важен процесс, а думать — это работа. Но я не об этом. Синклит завоевал весь мир, и мы с тобой, наш Катарсис — последние, кто ещё сопротивляется сатанинской программе превращения человечества в безвольное стадо, в источник энергии для нелюдей.

— Я это понимаю.

— Тогда к делу. Под угрозой наш воспитательный процесс настоящих людей.

— Ты имеешь в виду Серебряного мальчика?

— Вообще систему Школ Шерстнева. Хотя судьба Серебряного в нынешние времена становится приоритетной.

— Что я должен делать?

— Пришёл твой черёд спасать будущего Объединителя светлых сил России.

Ираклий выдержал острый взгляд владыки, помолчал.

— Ты так в него веришь?

— Прежде всего я верю в наш Род, — ответил Крутов с улыбкой, — который только и способен вывести человечество из тупика, куда его заводит сатанинская власть. Мы — реликты, способные на великие дела! Но истинная память наша спит. Её надо разбудить.

— Если бы нам не мешали...

— Увы, об этом можно лишь мечтать. Тёмные силы ищут в нас знания, информацию, энергию. Отбор энергии идёт как во время споров и ругани, так и во время неконтролируемого секса, стрессов, вспышек гнева, ярости, ненависти, боли и горя.

— И любви... — тихо добавил Ираклий.

— И любви, — согласился Крутов, погрузнев. — Тогда мы раскрываемся и становимся лёгкой добычей для нелюдей, управляющих миром. Все известные нам системы — мировые религии, наука, эзотерические учения и тайные секты — всего

лишь попытки разбудить нашу память так, чтобы мы сами не догадались об этом. И самое плохое, что эти методики работают!

— Что ты предлагаешь?

— Идти дальше, — пожал плечами Крутов. — Кто-то ждёт самопроизвольного возвращения бывшего могущества...

— Волхвы, — проворчал Ираклий.

— Возвращения расцвета магии повелевания материей, — не отреагировал на реплику Владыко, — неважно чем, с помощью чего — символа, формулы, заклинания, слова, звукового ряда. Но прошлое уже не вернётся. Нужно строить будущее, растить детей...

— Правильных детей.

— А для этого надо быть правильными родителями.

— Которых тоже ещё предстоит вырастить.

Они посмотрели друг на друга, волхв и Витязь, идущий по Пути Духа, понимая ситуацию как никто другой.

— Мне надо ехать в Брянскую губернию?

— Знаю, что у тебя много работы здесь, знаю, что ты один на всю срединную Россию, но обойтись без тебя не могу. Во-первых, организуешь в трёх районах России походы мальчишек, которых якобы охраняют Витязи. Надо дать «утечку информации» так реалистично, чтобы слава о мальчишке достигла ушей тех, кто его ищет. Во-вторых, подстрахуешь Тарасова, Хмеля и Булавина. Им дано задание доставить Светлого на курган Спасительницы. Но у них очень мощный противник.

— Кто из конунгов занят этим делом конкретно?

— Аксель Чертков. Но к нему может присоединиться Харитон Кобяга.

— Старые знакомые. Не понимаю, как им удалось уцелеть семь лет назад.

— Оба успели сбежать.

— Я займусь ими.

— Понадобится моя помощь — позовёшь. Вся информация уже загнана тебе в компьютер. В Брянской губернии живёт волхв...

— Онуфрий Павлович Рябко.

— Он в курсе событий и неплохой помощник.

— Он стар...

— Онуфрий — наставник Катарсиса и пестователь Общины

«Родолюбие». Он понимает ситуацию не хуже нас с тобой. И старость ему не помеха.

— Мы не должны проиграть. Хорошо, сегодня вечером я разработаю Замысел для служб Катарсиса и отправлюсь в Жуковку.

Крутов встал.

— Извинись перед Машей за меня, что не показался. Но мы ещё встретимся все вместе, я с Лизой и ты с Машей.

— Надеюсь.

Крутов пожал руку Ираклию и вошёл в стену кухни как в голографическую картинку, исчез. Этот приём — прохождение сквозь твёрдые предметы — назывался *склисом*. Им владели только адепты волшбы, имеющие высшую степень посвящения. Ираклий ещё только подбирался к тайнам подобных операций с пространством, временем и веществом.

Он взялся за чай, и тотчас же в кухню заглянула сонная Мария в накинutom на голое тело халатике.

— Кто у нас был?

Ираклий молча обнял тёплую, изумительно пахнущую жену...

Информации, переданной Крутовым для осуществления замысла, было предостаточно. Тем не менее привыкший к обстоятельности Федотов связался с аналитическим отделом Катарсиса и попросил выдать ему все сведения о российском отделении Синклита вообще и о конунге Акселе Черткове в частности. Через час ему пришло сообщение по почте, и Федотов с интересом ознакомился с пристрастиями конунга, с его деловыми качествами и возможностями.

Оказалось, что Аксель очень любит фаянс и фарфор и собрал богатую коллекцию, в которой, по слухам, были и предметы искусства, продаваемые на аукционе Сотби.

Мысль использовать эту необычную для конунга страсть пришла в голову сама собой, и пока Ираклий собирался, прощался с Марией и ехал в Москву, она постепенно оформилась в замысел. В Москве он приступил к реализации этого замысла, подключив к нему почти все службы Катарсиса.

В отличие от многих своих собратьев Аксель Чертков жил в Онеге открыто и считался религиозным деятелем, объединяю-

шим местные конфессии иудаизма, христианства и ислама. Он даже лекции читал в Университете дружбы народов по теории религий мира. Поэтому внешняя его деятельность была прозрачна и не вызывала никаких нареканий со стороны властей. Но основным видом деятельности и целью жизни Черткова было служение Синклиту, о чём эти самые имущие и не подозревали. Правда, служение сопровождалось мощными — вопреки внешнему физическому облику — амбициями и стремлением к единоначалию, однако эти внутренние позывы вообще были присущи конунгам и даже поощрялись в их среде. Хотя одновременно служили и темой раздоров и междоусобных войн. Чертков мечтал занять место верховного жреца России, отчего не всегда точно и вовремя выполнял приказания Северина. Этого молодого, по сравнению с большинством конунгов, мага, выскочку из низов общества, как считалось, Аксель не любил и выслушивал его советы, размышления и задания скрепя сердце. Он надеялся когда-нибудь заменить Северина на его посту.

Впрочем, Северина не любил ни один конунг, хотя все вынуждены были ему служить.

Девятого сентября, получив нагоняй от верховного жреца за срыв замысла по уничтожению Школы Шерстнева в Жуковском районе, обозлённый Чертков развил бурную деятельность, и в Жуковку помчались оперативники ФАС, чтобы разобраться в провале «антитеррористической операции». На месте происшествия уже работала следственная бригада из работников УВД области и прокуратуры, но единственным её успехом была находка автомобиля «террористов» марки «Хёндэ»-купе две тысячи шестого года. Однако машина оказалась в угоне, и настоящий её хозяин, проживающий в Калуге, ничего существенного сообщить следователям не смог. Об угоне он заявил в милицию ещё неделю назад и терпеливо ждал возвращения своей красавицы.

Чертков приехал в Жуковку, походил по её окраинам, «причихиваясь» к геомагнитному фону, потом добрался до Гришиной Слободы и понял, что без «чертовщины» не обошлось. Жуковский район источал тонкие «пары» магического присутствия, что означало наличие в здешних местах скрытых деятелей

русской волшбы. В Жуковке или где-то совсем близко от неё жили волхвы.

Тогда Чертков, поселившись на Лесной улице в доме номер двадцать три — хозяева дома приняли его как родственника, хотя впоследствии не смогли даже описать внешность постояльца, — сосредоточился на поиске «потока внимания» к фошнянской Школе Шерстнева. К утру десятого сентября он вычислил местонахождение волхва — в Велее и отряда Витязей — в самой Жуковке и принялся разрабатывать план их уничтожения.

В Жуковку прибыл ещё один конунг — Харитон Кобяга, близкий приятель Черткова, также недовольный тем, что во главе русского Синклита стоит «человек без достоинств», и привёз с собой оперативное подразделение «Стикс», члены которого участвовали в боевых действиях по всему земному шару, причём далеко не всегда на стороне законных правительств.

Однако вечером десятого сентября Чертков получил по электронной почте известие от своего агента, контролирующего сеть Интернета, что в Брянске якобы один антиквар продаёт коллекцию старинного китайского фарфора эпохи Цинь, и конунг решил навестить антиквара, чтобы убедиться в наличии коллекции и приобрести по случаю новые экспонаты для собственного собрания редкостей.

Утром одиннадцатого сентября, вместо того, чтобы закончить разбирательство по делу разгромленной команды ФАС и смерти магистра Сулухутдина Махмадшарифа, конунг отправился в Брянск.

Конечно, владея *легкоступом*, то есть способом мгновенного преодоления пространства, называемого на Востоке *маноджаро*, Чертков мог бы добраться до Брянска и без всякого транспорта. Но он поехал на машине, предпочитая «Мерседес» последней модели, и взял с собой двух молчаливых служек, владеющих боевыми искусствами на уровне спецподразделений типа «Альфа» и «Витязь».

За день до того, десятого сентября, Иракий встретился сначала с Онуфрием в Велее, а потом с Тарасовым в Жуковке.

Глеб Евдокимович обрадовался появлению «старшего по званию», с которым был знаком уже много лет и считал своим

другом. Они проговорили целый час, вспомнили общих знакомых, соратников, погибших, жён и детей. Выпили по глотку сухого вина за встречу. Потом Ираклий приступил к изложению Замысла.

Вскоре к ним присоединился Никифор, также обрадованный встречей с давним приятелем, и они ещё раз обсудили предложенный Федотовым план.

— А Чертков точно приедет? — поинтересовался Хмель.

— Он уже здесь, — сказал Ираклий. — И не один, а с командой профи. Плюс бригада ФАС, призванная взять под контроль все дороги.

— Первый раз нам перекрывают дороги, что ли?

— Вот поэтому твоё транспортное средство придётся оставить в укромном месте и пересесть на другое.

— Я её перекрашу.

— Он переседет, — сказал Тарасов небрежно. — Я знаю, что в Жуковке стоят крутые тачки.

— Угон не всегда удобен.

— У нас есть другой выход?

— Есть, можно вызвать службу сервиса, и нам пригонят новый транспорт. Но у нас нет времени, к сожалению. Хотя, с другой стороны, новые машины всё равно понадобятся.

— Тогда придётся угонять.

— Ночью выедем. — Ираклий встал, стукнул ладонью по подставленным ладоням Витязей. — Удачи!

Булавина оставили в Жуковке для прикрытия Сергея.

Выехали в два часа ночи, дождавшись прибытия курьера из Москвы с необходимым пакетом документов. Зная, что район в настоящий момент контролируется службами ФАС, решили стать «своими», для чего всем были выданы удостоверения «офицеров секретного отдела» — подразделения «Щит и меч» Федеральной антитеррористической службы. Отдела такого не существовало в природе, но узнать об этом было сложно, тем более оперативным работникам, и удостоверения были достаточно надёжными. Какой степенью надёжности они обладали, стало известно уже через четверть часа после выезда из Жуковки.

Машины Тарасова и Черкеса (он с Никифором угнали отличный экземпляр «Крайслера» последней модели, принадле-

жащий заместителю директора Жуковского автозавода) остановили на пересечении дороги из Летошников с шоссе Брянск—Рославль.

Тарасов подал свою красную «корочку» с золотым тиснением ФАС, Черкес — он сидел за рулём «Крайслера» — свою. По этим документам Тарасов являлся подполковником спецгруппы «Щит и меч», Черкес — капитаном. В кабине с Глебом Евдокимовичем ехали Хмель и Терминатор, с Черкесом сидели Алексей Свистунов и недавно присоединившийся к группе бывший подрывник Хана, с которым когда-то служил Тарасов. Но их документы не понадобились. Остановившие команду Тарасова инспекторы ГАИ прочитали слово ФАС на удостоверениях, и этого оказалось достаточно. Козырнув, они вернули документы. В такие подробности, как названия подразделений антитеррористической службы, они вникать не хотели.

Второй раз «Импрезу» Тарасова тормознули у пункта ДПС перед въездом в Брянск. Но и здесь всё обошлось без инцидентов, хотя у домика ДПС стоял джип «Шевроле» с нижегородскими номерами, явно принадлежащий операм ФАС. Однако сотрудники службы посчитали едущих в машинах Витязей своими коллегами и пропустили без лишних вопросов.

Ираклий позвонил друзьям в четыре часа ночи, когда обе машины остановились в тихом переулочке недалеко от дома в частном секторе Брянска, где жил «антиквар, продающий коллекцию фарфора».

— Как доехали?

— Нормально, — ответил Тарасов.

— Спроси его, не зря мы сорвались? — проворчал Хмель. — Вдруг господин Чертков не клюнет на приманку?

— Никифор в чём-то сомневается? — спросил Ираклий, непостижимым образом уловив настроение Хмеля.

Тарасов покосился на друга, сидевшего на заднем сиденье.

— Он всегда сомневается, если есть причина. Он сомневается иногда и беспричинно. К тому же у нас не возбраняется говорить вслух всё, что человек думает. Демократия, сэр.

— Демократия — это нахождение приближённых решений неразрешимых задач.

Тарасов засмеялся.

— Что он сказал? — подозрительно спросил Хмель.

— Похвалил твои сомнения, — произнёс Глеб Евдокимович. — Конец связи. Начинаем работать.

— Но он гарантирует прибытие Акселя?

— Такие гарантии под силу разве что провидению. Будем надеяться, что он не ошибся. Тем более что я не помню, чтобы Ираклий когда-нибудь ошибался.

Хмель молча полез из машины.

Утро одиннадцатого сентября выдалось хмурое, холодное, но без дождя.

Владлен, запахнув плотнее куртку, обошёл рынок, присматриваясь к выставленным в палатках вещам. Тётка пожаловалась, что её старые осенние сапожки прохудились, и ему захотелось сделать ей приятное, купить в подарок сапоги.

Рынок в общем-то был небольшим, поэтому на обход его территории потребовалось всего двадцать минут времени. В конце концов Владлен купил сапожки, обменялся с обрадованной продавщицей парой шуток и направился внутрь крытой части рынка, где продавались колбасы, свежее мясо, сыр, молоко и творог. На сухолицего высокого мужчину, наблюдавшего за ним из-за спин покупателей, Владлен внимания не обратил.

Купил молоко, попробовал на вкус творог: он любил посуше, зернистый, твёрдый, — выбрал творог нужной кондиции. Можно было уходить. Но вспомнилось, что мёд кончается, и он поплёлся искать продавцов этой сладкой благодати.

С рынка Тихомиров вышел уже в начале одиннадцатого, держа в руках пакеты с покупками. Машину для походов на рынок Владлен предпочитал не брать, чтобы не переживать за её сохранность. Да и до дома тётки пешком можно было дойти за пятнадцать минут.

Он пересёк базарную площадь, миновал здание милиции, потом старый Дом культуры, выбрался в сосняк между улицами Ближней и Школьной. Сосняк считался охраняемой зоной отдыха и не застраивался, хотя со всех сторон был окружён особняками.

Мысли свернули к двенадцатой главе романа, в которой герои отдыхали в лесу, на берегу озера под Тверью. Показалось, что лес должен быть именно таким — чистым, высоким, торжественно-тихим и величавым. Вспомнилась пословица: в сосня-

ке — веселиться, в березняке — жениться, в ельнике — удаться. Владлен улыбнулся. Он и сам не слишком любил тенистые и мрачно-торжественные ельники, где избегали селиться даже грибы.

Что-то прозвенело в воздухе, будто пролетел комар.

Владлен оглянулся и увидел идущих за ним мужчин: высокого, в летах, старика с длинным костистым лицом и трёх парней мрачного вида. Рука автоматически потянулась к мобильнику.

Молчаливая группа ускорила шаг.

Владлен нажал кнопку вызова Онуфрия, помня его наставления, пошёл быстрее. И остановился как вкопанный, увидев перед собой того самого старика с лошадиным лицом. Оглянулся. Парни были уже почти рядом, а старик, шедший с ними, оказался теперь впереди.

— Тихомиров? — процедил сквозь зубы старик.

— Абрамович, — огрызнулся Владлен, лихорадочно соображая, что делать.

Он уже понял, что его обнаружили чёрные силы, о которых его предупреждали волхвы, но самостоятельно справиться с группой «чёрного спецназа» не мог. Ситуация складывалась абсолютно негативная.

— Писатель, — усмехнулся старик. — Мы тебя искали, а ты вон где оказался. Только зря из Воронежа убёг, у нас руки-то длинные.

— Пора их укоротить, — снова огрызнулся Владлен.

— Ну-ну, — качнул головой старик, окидывая его презрительно-насмешливым взглядом. — Нашему б теляти вовка б зьисты. Ну, чего стоите? — глянул он на парней. — Кончайте с ним, только тихо.

В тот же момент Владлен метнул в старика пакет с продуктами, вторым — с сапогами — наотмашь ударил ближайшего «добра молодца» в камуфляже и бросился бежать.

Его неожиданная атака произвела эффект.

Старик машинально поймал пакет, парень в камуфляже отшатнулся, и оба потеряли несколько драгоценных мгновений. А поскольку Владлен вовсе не был интеллигентным хлюпиком и спортом занимался всерьёз, догнать его мог бы только спортсмен, занимающийся спринтом.

— Олухи царя небесного! — процедил Харитон Кобяга; это был он. — За ним!

Парни из подразделения «Стикс» бросились в погоню, но их кондиции в этом виде спорта не превосходили возможности Владлена, и он в течение пяти секунд оторвался от них на десяток метров. А затем за его спиной начали происходить какие-то события, топот преследователей стих, и Владлен оглянулся.

Парней осталось уже двое. Один из них лежал на траве под сосной, обнимая ствол. Двое других пытались отбиться от какого-то вихря, обходившего их то справа, то слева, и достали оружие — пистолеты с насадками бесшумного боя. Но вихрь мешал им стрелять и вскоре выбил из рук пистолеты и уронил обоих на землю. Лишь когда он остановил вращение, Владлен разглядел человека. Это был знакомый Онуфрия Павловича по имени Дмитрий.

Сам Онуфрий в этот момент беседовал со стариком. Точнее — бился с ним насмерть, хотя и на другом физическом плане — в сфере магических воздействий и операций.

Харитон Кобяга считал себя очень сильным магом, поэтому он не сразу понял, что противник ни в чём ему не уступает. Во всяком случае седой старикан, возникший перед ним из воздуха, легко отбил «окоротки» — импульсные ментальные атаки, способные превратить любого другого человека в «соляной столб».

Отбил незнакомец — а это явно был волхв — и сугубо магический пси-удар, имеющий старорусское название *неть*, вызывающий блокировку нервных импульсов от глаз к мозгу, в результате чего человек переставал на какое-то время видеть. Мало того, старик сам нанёс ответный удар, и у Харитона перехватило дыхание — импульс дистанционной суггестии остановил его сердце!

Но со стороны нельзя было разобрать, что делают оба старика, отчего Владлен не сразу понял, что происходит.

Зато понял Дмитрий Булавин и дожидаться финала схватки магов не стал. Нырнул на землю с перекатом, подхватил пистолет и расстрелял всю обойму в зыбящийся силуэт Харитона Кобяги.

Этого оказалось достаточно, чтобы маг, обладавший обострённым чувством опасности, да ещё и трус при этом, получив

несколько попаданий, автоматически перешёл на *легкоступ* и исчез. Сбежал, серьёзно раненный и почти ослепший от последнего удара волхва.

Появившиеся на дорожке, идущей через сосняк, прохожие с удивлением обнаружили на земле трёх парней, лежащих без движения, и краем глаза отметили скольжение каких-то теней и бликов, быстро исчезающих за деревьями.

Онуфрий накрыл Владлена и Дмитрия вуалью *непрогляда*, делая их и себя невидимыми. Дмитрий подобрал пакеты Тихомирова с не пострадавшими от «неправильного» применения продуктами и сапожками, взял его под руку, и все трое поспешили скрыться с места происшествия.

Машина с гостями подъехала к дому антиквара в десять часов утра.

Облака над Брянском начали расходиться, предвещая улучшение погоды, но было ещё холодно, всего плюс шесть, и вылезать из тёплого чрева «Мерседеса» не хотелось.

Чертков поёжился, усиливая теплообмен организма, внимательно огляделся.

Показалось, над улицей висит некая невидимая паутина, раскинутая пауком для поимки добычи. Но засмеявшиеся над чьей-то шуткой прохожие на другой стороне улицы сбили локацию, и ощущение растаяло. Тем не менее Чертков жестом подозвал охранника и послал его вперёд. Он верил в свои силы, знал возможности противника, однако даже мысли не допускал, что может ошибиться.

Охранник, кореец по национальности, вернулся через минуту.

— Всё тихо?

— Нормально.

Чертков хмыкнул, зашагал к дому антиквара, продолжая «принюхиваться» к полевой обстановке местности. Следов противника его «нюх» не улавливал, но абсолютно чистым психологически это место назвать было нельзя. И тем не менее конунг не стал перестраховываться, полагаясь на свои силы и опыт. Он давно не испытывал сомнений, принимая какое-то решение, и тем более не сомневался в своём превосходстве над любыми жизненными обстоятельствами.

Дом антиквара ничем не отличался от таких же деревянных усадеб окраинной части Брянска.

Шесть соток земли, обнесённые штакетником. Небольшой сад с яблонями и вишнями, небольшой огород, цветничок перед домом. Зелёные стены, небольшие окна с наличниками, двускатная крыша из позеленевшего от времени шифера. Маленький — для мотоцикла — гаражик. Никаких подозрительных следов.

Чертков успокоился, нажал на протёртую и пожелтевшую кнопку звонка.

Дверь открылась через минуту. На конунга глянули сквозь очки глаза худенького пожилого мужчины, якута или эскимоса, судя по всему облику. И говорил этот очкарик с акцентом:

— Вам кого?

— Ты, что ль, коллекцию Цинь-фарфора продаёшь?

— Не, я только повар тут. Сейчас хозяина позову.

Мужчина повернулся спиной к гостю, собираясь скрыться в сенях, и Чертков отодвинул его в сторону.

— Я сам.

Он пересёк сени, вошёл в светлицу, озираясь по сторонам, и увидел человека с голым блестящим черепом, склонившегося над столом с лупой в руке.

Стол был заставлен десятками фарфоровых чашек, блюдец и тарелочек с золотыми ободками, и одного взгляда на них было достаточно, чтобы оценить баснословную стоимость коллекции.

У Черткова задрожали руки.

— Вы хозяин?

Человек оглянулся, опустил лупу.

Чертков онемел, вдруг узнавая его.

— Федотов...

Иракий метнул лупу, которая раскрылась необычной формы звездой и вонзилась в горло конунгу с такой силой, что пробила шею до позвонков. Ни защититься, ни уйти *легкостью* Чертков не успел. Струёй брызнула кровь.

Несколько мгновений он стоял на ногах, схватившись руками за необычной формы оружие, глядя на Иракия остановившимися глазами. Потом вытащил лупу-звезду из горла. Хлынула ещё одна струя крови, пачкая куртку и рубашку конунга. Он

хотел что-то сказать, но не смог. Глаза его стали страшными, чёрными, метнули молнии и погасли, опустели. Мягкой бескостной куклой конунг свалился на пол светлицы.

Его телохранители выхватили метательные ножи, бросились из сеней в комнату, но были безжалостно остановлены возникшими у них на пути Хмелем и Тарасовым. Витязям хватило несколько секунд, чтобы справиться с ними. Знание *живы* позволяло им противостоять и более многочисленному противнику, владеющему восточными единоборствами.

Ираклий подобрал с пола свою странную лупу, унёс во двор и тщательно отмыл от крови под струёй воды из крана. Вернулся в дом.

— Выносите их.

— Что это за сякен? — кивнул на его лупу Хмель. — Никогда такого не видел. Дашь подержаться?

— Не стоит. Это рантиклъ, оружие кельтских магов, заговоренное для поражения всякой нечисти.

— Откуда он у тебя?

— Владыко где-то отыскал и передал мне. Надо вернуть. Если бы не заклинание *темнозора*, наведённое рантиклем, господин Чертков смог бы уйти.

Тарасов покачал головой:

— Это же чёрное оружие...

— Верно, — согласился Ираклий, пряча лупу в багрового цвета футляр из кожи. — Поэтому оно давно изъято из обращения. Не стойте, у нас мало времени. Аксель не смог уйти, но наверняка послал сигнал опасности своему боссу. А с ним мы пока не в состоянии сладить.

Позвали Черкеса и Терминатора, уложили конунга и его спутников в кабине «Мерседеса».

— Здесь по дороге на Гомель есть небольшой пруд, — сказал Ираклий, — загоните «мерс» в него.

— Давай лучше я это сделаю, — проворчал Хмель. — Мне не впервой доставлять «груз 200» по назначению. А Черкес поедет следом на угнанном «Крайслере» и заберёт потом.

— Хорошо, отправляйтесь. И сегодня же забирайте Сергия и выезжайте с ним на Кенозеро. Завтра будет уже поздно.

— Выедем, — пообещал Тарасов. — Ты с нами?

— Приберу здесь и уеду по делам.

— Фарфор у тебя откуда? Здесь и в самом деле живёт антиквар?

Ираклий усмехнулся, махнул рукой в сторону стола с коллекцией фарфора, и вся она вдруг потеряла плотность и геометрическую чёткость, расплзлась искрящимся дымком, обнажая обычную керамическую посуду.

— Иллюзия, — пробормотал Черкес. — Фантомы.

— Когда ты научился делать такие фантомы? — хмыкнул Никифор. — Даже Аксель поверил.

— Нужда заставит, — серьёзно сказал Ираклий. — Это навеленная *леть*¹, Владыко научил. Я ещё слаб в волшбе. Всё, уезжайте.

Они пожали друг другу руки, и Тарасов повёл свою команду к машинам, стоящим на соседней улице.

Глава 23

НЕ ВИНИ КОНЯ, ВИНИ ДОРОГУ

Жуковка—Рославль

Собрались за час.

Все машины оставили в Жуковке, как угнанный «Крайслер», так и «Ауди» Хмеля и «Импрезу» Тарасова. Они уже наверняка торчали в базе данных ФАС как подозрительные автомобили, поэтому ехать на них через полстраны было бы рискованно.

Как оказалось, смена автомашин была предусмотрена Замыслом. Какие-то парни из службы снабжения Катарсиса подогнали к дому Тарасова новенькие «Максус» и «Стратус», и команда с комфортом устроилась в салонах автомобилей.

«Максус» принадлежал семейству микроавтобусов, а «Стратус» — седанов, и обе машины изготавливались на Горьковском автозаводе в Нижнем Новгороде, ни в чём не уступая зарубежным аналогам.

Онуфрий в сборах не участвовал, но прибыл проводить команду. Причём не один, а с писателем Тихомировым, смущённым своим двусмысленным положением.

¹ *Леть* — позволено (др.-рус.).

— Он поедет с вами, — сказал волхв, подталкивая Владлена вперёд. — Здесь ему оставаться нельзя.

— Почему? — нахмурился Хмель.

— Потому что конунги вычислили его местонахождение, — вмешался в разговор Дмитрий. — Пока вы ездили в Брянск, в Жуковке побывал Харитон Кобяга.

Тарасов и Хмель переглянулись.

— Вам удалось его?..

— Не удалось. Кобяга — хитрая скотина и трусливая, успел сбежать. К тому же он был не один, а с парнями из «Стикса».

— Как же вы с ними справились?

— У него хорошая реакция, — улыбнулся Онуфрий, кивая на Владлена. — Кобяга не ожидал от писателя такой прыти. Владлен Денисович не станет для вас обузой.

— Куда его надо доставить?

— В Москве его встретит наш человек.

— Садись, писатель, — проворчал Хмель, открывая дверцу микроавтобуса.

Софья вышла проводить мужа. Она улыбалась, но было видно, что на душе женщины скребут кошки.

— Вы там поосторожней.

— Всё будет в порядке, милая, — шепнул ей на ухо Глеб. — Мы скоро вернёмся. Поцелуй девочек.

Дочери Тарасовых были в Школе, под защитой Ханы — Алексея, и Онуфрий пообещал, что с ними ничего не случится.

В микроавтобус сели Тарасов, Тихомиров, Сергей и Булавин.

В «Стратусе» разместились Терминатор, Хмель и Черкес.

Алексея Свистунова решили с собой не брать. Он сделал своё дело и мог теперь вернуться к привычной работе.

В два часа дня с минутами выехали из Жуковки, имея на руках всё те же документы офицеров ФАС. Плюс свои собственные на всякий случай и водительские удостоверения на вождение новой техники.

По данным службы контроля было известно, что в Брянск и в Жуковку стягиваются дополнительные подразделения ФАС для поиска «террористов», напавших на работников антитеррористической службы, и, когда машины оставили за собой Жуковку, все ощутили облегчение, как при удачной посадке по-

вреждённого самолёта. Во всяком случае именно такое ощущение было у Тарасова, оглянувшегося на дома жуковской окраины, где он прожил не один год. Зашемило в груди: жена и дети остались там, подчинённые его воле и жизненному укладу. И всё же он надеялся вернуться и никогда больше не думать о каких-либо войнах, врагах, недоброжелателях и носителях чёрных замыслов.

Решили ехать не через Брянск или Жиздру, а через Рославль, поэтому, проследовав через Летошники, свернули направо, на шоссе Брянск—Рославль. И тут же вынуждены были остановиться, потому что дорогу перегородил патруль ГАИ.

— Спокойно, без паники, — сказал Тарасов; он сидел за рулём микроавтобуса. — Мы едем в Смоленск, и наши фотографии не висят на стендах с надписью «Их разыскивает милиция».

— Документы, — козырнул хмурый лейтенант с автоматом под мышкой.

— Что-то случилось, командир? — доброжелательно спросил Глеб Евдокимович, протягивая в окно водительское удостоверение и техпаспорт на микроавтобус.

— Автогражданку, — потребовал гаишник, бегло просмотрев документы. — Есть?

— Разумеется. — Тарасов подал свёрнутый в рулончик пакет документов автострахования. — Так что случилось? Меня уже третий раз останавливают.

— Что за люди? — глянул на салон микроавтобуса инспектор.

— Пассажиры, везу в Смоленск.

— Документы у них есть?

— А с какого это рожна я должен проверять у них документы? — удивился Тарасов. — Да и вы, кстати, тоже? У нас военное положение? Особая экономическая зона? Приграничный район?

— Мы ищем преступников, — нехотя сказал лейтенант, протягивая Тарасову его «корочки». — Не видели подозрительных транспортных средств?

— Что вы имеете в виду?

— По району разъезжают бандиты на угнанном «Крайслере» и на вишнёвого цвета «Ауди». Не встречали?

— Боже упаси! — покачал головой Глеб Евдокимович. — Неужели это серьезно?

— Езжайте, и если заметите что-либо подозрительное, позвоните в милицию.

— Непременно!

Лейтенант козырнул, отошёл к следующей задержанной машине.

Тарасов дал газ.

Через полкилометра, когда пост ГАИ скрылся за подъёмом дороги, они остановились. Через минуту подъехал «Стратус» Хмеля. К микроавтобусу подошёл Никифор.

— У нас порядок, не пришлось даже фасовскую ксиву предъявлять.

— Возможно, это к лучшему. Едем в том же темпе, не быстро и не медленно.

— Как прикажете, товарищ полковник, — подмигнул Никифор.

Булавин пересел на переднее сиденье микроавтобуса, сказал негромко:

— Ничего не чуете?

Тарасов и Хмель обменялись взглядами.

— Я глухонемой, — покачал головой Хмель. — Хотя иногда кажется, что слышу тихий комариный звон.

— Вот и я тоже слышу «комариный звон», — признался Дмитрий.

Тарасов достал мобильный телефон:

— Онуфрий, мы выехали, пока всё в порядке. Что у тебя?

— Будьте внимательнее, — посоветовал волхв. — Похоже, на Брянщину накинута сторожевая сеть конунгов — *злеч*. Стоит её задеть каким-то образом, и она сработает, обнаружит вас.

— Понял, будем предельно вежливы.

— *Злеч*? — сморщился Сергей, не выказывая, впрочем, признаков страха.

Тарасов кивнул.

— Скоро нас начнут искать на всех дорогах и прессовать.

— Я накрою машины *непроглядом*.

— Если это не насторожит *злеч*.

— Не должно.

— Тогда накрывай. Всем две минуты на туалет, и едем.

Мужчины вышли из машин, по очереди углубились в кусты лесополосы вдоль дороги.

Никифор справил малую нужду, заметил меж ветвей кустарника паучью сеть с капельками росы, хотел сбить рукой, но сеть вдруг «посмотрела» на него угрожающе, и трогать паутину расхотелось.

— Дьявольщина!

— Что там у тебя? — откликнулся Черкес.

— Паутина.

— Тут её полно.

— Поехали, — поторопил всех Глеб Евдокимович.

Хмель хотел рассказать ему о возникшем ощущении, но застеснялся и не стал. Ощущение «паучьего взгляда» было всего лишь отголоском известия о раскинутой над территорией района невидимой поисково-опознавательной «паутине» конунгов.

Через час они были в Рославле.

Пообедали в небольшом ресторанчике «Сибарит» на окраине города, пообщались с Онуфрием и выехали на московскую трассу. Посты ГАИ встречались им трижды, но никто машины Витязей не остановил для досмотра и проверки документов. Возможно, это работал *непрогляд* Сергия, возможно, так складывались обстоятельства, и всё же все повеселели. Стало казаться, что их миссия закончится благополучно.

Однако добраться до Москвы без инцидентов не удалось.

Под Десногорском небольшую колонну из двух автомашин догнал дорожный патруль на двух «Фордах» с мигалками, включил сирены, и Тарасов вынужден был остановиться.

Случилось это на вершинке одного из холмов, на который взобралось шоссе. Дорогу окружали лесные стены, ещё не потерявшие листья, и за ними ничего нельзя было разглядеть.

— Забейся в угол, — процедил Тарасов сквозь зубы Сергию.

— Они меня не увидят, — тихонько отозвался слегка побледневший мальчик.

К микроавтобусу подошли с двух сторон инспекторы ГАИ, в бронежилетах, с автоматами Калашникова, висевшими ство-

лами вниз. Один потребовал у водителя документы, второй открыл дверцу салона, заглянул внутрь.

— Попрошу всех предъявить удостоверения личности.

Тарасов глянул в зеркальце заднего вида, заметил, что к «Стратусу» Хмеля тоже подошли милиционеры, подал права.

— По-моему, я не нарушал правил дорожного движения.

— Откуда едете? — задал вопрос пожилой капитан.

— Из Рославля.

— Куда?

— В Калугу.

— Где взяли пассажиров?

Тарасов засмеялся:

— Это называется: как мёд — так и ложкой. Вы же не назвали себя, не сообщили номер подразделения? Я правил не нарушил? Так что же вы учиняете мне форменный допрос?

Капитан, не отдавая документов, придвинул ко рту усик рации:

— Леонтьев, пробил номер?

— Чисто, — ответили ему. — В базе данных ничего.

— Сколько их тут? — подошёл к своему подчинённому капитан, заглядывая в салон микроавтобуса.

— Двое.

— Документы проверил?

— Паспорта в порядке.

— Где работаете? — посмотрел на Тихомирова капитан.

— Пи... — начал Владлен и поправился: — Журналист я, работаю в газете.

— А вы? — Капитан кинул взгляд на Булавина.

— В калужском музее работаю, сторожем, — сказал Дмитрий.

— Придётся задержать вас для уточнения.

Капитан взялся за автомат, отступил на шаг.

— Выходите из машины.

— Вот собака, — повернул голову к своим Тарасов. — Опять задержимся на полчаса. Извиняйте за опоздание.

Он полез из кабины, встретил короткий взгляд Булавина, отрицательно качнул головой: мол, по обстоятельствам.

Хмель, Черкес и Терминатор уже стояли под дулами автоматов двух милиционеров в бронежилетах. На их лицах было на-

писано терпеливое ожидание. Но вряд ли инспекторы ГАИ догадывались, что если бы задержанные захотели, то уложили бы всех в течение секунд, несмотря на отсутствие оружия.

— Командир, проверяйте нас побыстрее, — проникновенно сказал Тарасов старшему патрульной группы. — Мы и в самом деле опаздываем.

— Сидорович, запроси Москву, — начал капитан.

И в этот момент из микроавтобуса выбрался никем не видимый Сергей (видели его только Тарасов, Булавин и Хмель, обладавшие экстрасенсорикой), добежал до капитана и коснулся пальцем его автомата. Розовая электрическая искорка проскочила между пальцем и стволом, разбежалась лёгкой, еле видимой сеточкой по руке, по всему телу милиционера. Капитан вздрогнул, замолчал.

Сергей кивнул Тарасову.

Тот сделал шаг вперёд:

— Отпустите нас! Мы нормальные люди, едем на работу.

Капитан облизал губы, глаза его на мгновение остекленели. Он выпрямился, вернул документы Тарасову, козырнул:

— Вы свободны. Езжайте.

Старший лейтенант, проверявший документы Хмеля, удивлённо посмотрел на него.

— Товарищ капитан... Григорий Алексеевич...

— Отпустите их, пусть едут. Нам приказано задерживать людей с пацанами. Тут никого нет.

— Но...

— Отставить разговор, Сидорович! У тех наши удостоверения. Будем искать офицеров ФАС.

— Слушаюсь. — Старший лейтенант хмуро вернул документы Хмелю, закинул автомат за спину. — Можете ехать. Да, вы с ними, что ли?

Хмель скривил губы, глянул на садившихся в микроавтобус.

— Первый раз вижу.

Тарасов занял водительское кресло, тронул «Максус» с места.

— Что ты с ним сделал? — негромко спросил Булавин у Сергея.

Тот смущённо дёрнул себя за мочку уха, переняв эту привычку, очевидно, у Тарасова.

— Это *везмошь*... наведи ясного сознания.

— Может, наоборот, тёмного? Ментальное затемнение?

— Не-е... он теперь переменится, начнёт думать.

— То же самое было с Тихончуком, — сказал Тарасов. — Майор потом разительным образом переменился, ушёл из отряда, завёл семью. Вообще это воздействие лучше пули в лоб, не правда ли?

— Это уж точно. Предпочитаю окружать себя друзьями, а не врагами. Научишь, Светлый?

— Не знаю, — смутился ведич. — Для этого нужна другая энергетика... и вера...

— Ты думаешь, что я ни во что не верю?

— Не приставай к парню, Дмитрий, — сказал Тарасов, глядя в зеркальце заднего вида; «Стратус» наконец вырвался сзади на дорогу. — Надо что-то придумать. ФАС перекрыла все дороги губернии. Нас наверняка где-нибудь остановят для более серьёзной проверки.

— Он пообещал накрыть машины *непроглядом*.

— Я накрыл, — неуверенно произнёс Сергей.

— Почему же они нас остановили?

— Не знаю.

— Может быть, среди них был конунг?

— Это работает *злеч*, — уверенно сказал Тарасов. — Сторожевая паутина конунгов реагирует на любое усиление пси-фона. Наши машины едут вместе, целенаправленно, из района, где произошли криминальные разборки с сотрудниками ФАС. К тому же мы образуем вполне конкретный эгрегор. Вот нас и решили проверить.

— Но мы же не можем разделиться.

— К сожалению, не можем.

— Пусть Никифор отстанет на километр или, наоборот, едет впереди.

Тарасов подумал, достал мобильник:

— Никифор, обгони нас и будь в полкилометре впереди.

«Стратус» увеличил скорость, обогнал микроавтобус.

— Всё равно это не решение проблемы. До Москвы четыреста километров, да от Москвы до Кенозера восемьсот.

— А если мы сядем на самолёт?

Тарасов долго не отвечал, глядя на дорогу, отмечая появляющиеся сзади машины.

— Сколько мы отъехали от Рославля?

— Километров семьдесят. А что?

— Там должен быть аэродром.

— Тогда уж лучше вернуться на дорогу к Смоленску. В Смоленске аэропорт побольше и маршруты поразнообразней. Может быть, и до Каргополя долетим.

Зазвонил мобильный телефон.

Тарасов поднёс его к уху.

— Давайте дальше махнём на вертолете, — предложил Хмель. — Николай утверждает, что под Рославлем есть военный аэродром, его приятель служил там какое-то время.

— Что он хочет? — поинтересовался Булавин.

— Предлагает зафрахтовать военный вертолёт.

Дмитрий хмыкнул.

— Военным не объяснишь, зачем нам понадобился вертолёт.

— Приятель Черкеса служил на военном аэродроме под Рославлем.

— Тогда можем рискнуть. Если только найдём аэродром.

— Едем, — коротко сказал Тарасов в мобильник. — Дорогу знаете?

— Черкес сейчас звонит приятелю, спросит дорогу.

— Ждём.

Какое-то время ехали молча. Потом снова зазвонил телефон:

— Всё в порядке, адрес известен. Поворачиваем назад. Через километров двадцать будет поворот направо.

— Едем за вами.

Вскоре появился «Стратус».

Тарасов развернул микроавтобус, и они поехали следом.

Писатель, до этого тихо сидевший в салоне рядом с Сергеем, пошевелился.

Булавин посмотрел на него:

— Извините, Владлен Денисович, что вынуждаем вас следовать за нами. Так складываются обстоятельства.

— Мы в Москву не попадаем? — спросил Владлен. — Я правильно понял?

— Скорее всего нет.

— Нам придётся где-нибудь садиться для дозаправки, — сказал Тарасов. — Посмотрим по карте, где удобнее. И вам придётся добираться до Москвы самому.

— Доберусь, — кивнул Владлен.

Через сорок минут впереди показалась развилка и стоящий перед ней «Стратус». Мигнув стоп-сигналами, он повернул направо.

Тарасов повёл микроавтобус следом.

Проехали какую-то деревеньку, попетляли по буеракам просёлочной дороги и выехали на старую бетонку с указателем: «Воинская часть 15323. Проезд запр.». Машина Хмеля свернула налево, и вскоре бетонка упёрлась в металлическую решётку ворот, прорезавших унылый забор из бетонных панелей. На воротах красовалась пятиконечная звезда с облупившейся краской и ниже табличка с почти неразличимой надписью: «В/ч 1..3..3.. Пр.. з...ён».

Здесь же стояла и будочка охраны ворот, готовая вот-вот развалиться от старости. Никто ворота не охранял.

Вышли из машин.

Тарасов потрогал цепь толщиной в руку, огромный замок по ту сторону ворот, который можно было открыть только с помощью гранатомёта, посмотрел на Хмеля.

— Что дальше, советчик?

— Это аэродром, вон самолёты стоят, — показал тот пальцем. — Мы с Черкесом тудаходим...

— Я могу открыть замок, — сказал Сергей.

Все оглянулись на него.

— Он уже заржавел, — сказал Черкес с сомнением.

— Открывай, — кивнул Глеб Евдокимович.

Ведич подошёл к воротам, коснулся рукой цепи. Розовая искорка бабочкой перепорхнула с пальца Сергея на цепь, побежала по ней к замку, и тот оделся «шубой» разноцветных электрических змеек. Затем крикнул и начал рассыпаться ржавыми детальками и струйками. Цепь, гремя звеньями, упала на землю.

— Классно! — восхитился Черкес, толкнул в плечо Терминатора. — Вот бы нам с тобой так научиться замки вскрывать?

Пошли бы в медвежатники, пошерстили бы квартиры олигархов, стали бы богатыми.

— Мои амбиции так далеко не распространяются, — с достоинством проворчал эскимос.

Хмель засмеялся.

— Амбиции Николая известны давно. Он всю жизнь мечтает пошерстить олигархов.

— Интересно, кто из них ему на мозоль наступил? — проговорил Булавин. — Или он тоже хочет купить себе яхту, как Рома Абрамович? Или, может быть, пару гектаров земли на Рублёвке?

— Амбиции вообще — как член длиной в метр: очень круто и совершенно бесполезно.

Дмитрий захохотал, Владлен тоже засмеялся. Тарасов посмотрел на часы.

— Открываем и поехали.

Они навалились на ворота, с трудом раздвинули тяжёлые металлические створки.

Одна за другой машины проследовали на территорию военного аэродрома, почему-то не охраняемую с юго-восточной стороны.

— Хорошо бы нас не заметили, — сказал Булавин.

— Я не снимал *непрогляд*, — виноватым тоном отозвался Сергей.

Тарасов промолчал. Возможности юного ведича были высоки, но против него собирались куда более могучие силы, способные останавливать даже природные стихии, и бороться с ними было трудно.

Слева появились старые самолёты, кое-где накрытые ветхими сетками. Среди них стоял и некогда могучий «Су-30 МК», у которого отсутствовало хвостовое оперение.

Справа вырастали из травы приземистые ангары. Дорога обходила их и выворачивала к вышке полётного контроля. Стали попадаться более современные самолёты и вертолёты. Возле одного из «Ми-8», неизвестно каким образом сохранившегося до нынешних времён, возились техники и грузчики, заталкивающие в брюхо вертолёта какие-то зелёные контейнеры. Решение созрело у Тарасова мгновенно.

— А что, если мы не станем договариваться с местным на-

чальством? Сядем в вертолёт, взлетим... Не собьют же они своего?

— Придётся память охрану, — с сомнением отозвался Булавин. — Я видел тут очень даже приличные доты.

— Пока они опомнятся, мы смоемся.

— Можно попробовать, конечно. — Булавин посмотрел на Серебряного мальчика. — Подсобишь, Светлый?

— Когда будем садиться в вертолёт, напрягись максимально, — сказал Тарасов. — Попробуем подойти незаметно.

— Хорошо, дядя Глеб.

— Никифор, оставляем машины за капониром справа, дальше пойдём пешком.

— Принято, — отозвался Хмель.

Свернули к холму капонира, накрытого пятнистой сеткой. Оставили машины. Собрались вместе.

— Надеюсь, они нас не видят, — сказал Тарасов. — Вариант «змея». Я впереди, Светлый и Тихомиров в центре. Всё понятно?

— Ползём «змеей», командир, — выразил общую готовность Никифор.

Отряд тронулся в путь.

Тучи по-прежнему закрывали небосвод, предвещая дождь. Дул порывистый холодный ветер, гоня жёлто-коричневые волны по траве.

Военный аэродром жил своей жизнью.

По бетонке пронёсся к окраине поля фургон с красными полосами по бортам. Возможно, охрана всё-таки обнаружила раскрытые ворота, и теперь нужно было ждать тревоги.

У вертолёта заканчивалась погрузка.

Один из небольших грузовичков с пятнистой окраской уехал. Со второго молодые солдаты сгружали длинные серо-зелёные тюки. Их было четверо, но никто из них не обратил внимания на приближающийся отряд из семи человек. «Шапка-невидимка» Сергия, накинутая на «змею» группы и представлявшая собой некое психофизическое воздействие, пока что справлялась со своей задачей.

Тарасов обошёл фургон, поднял руку.

Отряд остановился.

Из люка вертолѐта выглянул пилот в шлеме, что-то крикнул грузчикам, скрылся в чреве машины.

Солдаты забегали быстрее.

Тарасов махнул рукой вперѐд, отдавая приказ садиться.

Они приблизились к люку в грузовой отсек «Ми-8».

Первым в отсек проник Булавин, исчез на полминуты, выждал момент и дал знак остальным.

Тарасов взял Сергея за руку, дождался удобного момента, и они прошмыгнули внутрь за парой солдат, ташивших тюки.

За ними проникли в грузовой отсек вертолѐта Владлен и Черкес.

Последними просочились мимо запыхавшихся взопревших грузчиков Хмель и Терминатор.

Владлен чувствовал себя стеснённо, однако азарт и возбуждение не давали ему отвлекаться, и действовал он быстро и грамотно, как на учениях.

Внутри вертолѐта горели тусклые лампочки, освещая отсек, забитый контейнерами, ящиками и тюками. Спрятаться за ними не составило труда. Присели, замерли, ожидая окончания погрузки.

В кабине слышалась человеческая речь, музыка, смех, потом раздались щелчки: пилоты начали включать аппаратуру машины, собираясь взлетать.

Взвыли сервомоторы, раскручивая лопасти несущих винтов. Заработал основной двигатель, перекрывая все остальные звуки.

Солдаты-грузчики выскочили наружу. Вместо них в отсек влезли двое могучих парней в коричневых военных комбинезонах, с автоматами через плечо. Это были охранники, сопровождавшие груз.

Тарасов поймал взгляд Хмеля, кивнул.

Им повезло, что отряд успел проникнуть на борт отправлявшегося в рейс вертолѐта до окончания погрузки.

Люк закрылся.

Двигатель заворчал мощнее, вертолѐт оторвался от взлѣтного поля, медленно пошёл в небо.

Тарасов сделал знак Хмелю, чтобы тот взял на себя второго охранника. Никифор показал большой палец.

Они подождали несколько секунд, выскользнули из-за укрытий и одновременно возникли перед ничего не подозревающими рослыми парнями в комбинезонах. Оба их не увидели — *непрогляд* Сергея продолжал делать всех беглецов невидимыми — и от двух точных ударов в шею потеряли сознание.

Тарасов подобрал автомат одного из них, прокричал Никифору:

— Свяжи их.

Подошёл Булавин.

— Помочь?

Тарасов кивнул на Хмеля, направился к кабине пилотов, постучал в металлическую переборку. Дверца люка, соединяющего отсек и кабину, открылась.

— Чего тебе? — выглянула голова в шлеме.

Глеб Евдокимович воткнул пилоту в подбородок ствол автомата:

— Сядь на место!

Пилот дёрнулся, пытаясь дотянуться до штатного оружия, но Тарасов ударил его в лоб, и пилот отлетел в кабину, упал между креслами. Глеб Евдокимович наставил автомат на первого пилота:

— Сними шлем!

Лётчик посмотрел на своего коллегу, на автомат, перевёл взгляд на его владельца, но увидел только смутную колеблющуюся тень.

— Сними шлем!

Пилот сорвал шлем, глядя на тень круглыми от изумления глазами.

— Пистолет!

Пилот вынул из кобуры на поясе пистолет, протянул Тарасову.

— Курс?

— Чего?!

— Куда летите?

— В Ку-Ку...

— В Кубинку? На военный аэродром?

— Д-да.

— Сядешь в Волоколамске.

— Мы не долетим...

— Долетим, разница всего лишь в сотню километров. До Москвы летим как обычно, в штатном режиме, возле Москвы снижаемся и идём на бреющем.

— Я должен докладывать о любом изменении...

— Повторить?

— Н-не надо...

Сзади Тарасова возник Хмель, глянул на приходящего в себя второго пилота.

— Давай я их покараулю.

Тарасов отступил назад. Его место занял Никифор.

— Шевелитесь, орлы! Мы не террористы и не бандиты. Просто сильно торопимся. И не вздумайте подать сигнал тревоги. Тогда нам придётся отправить вас в полёт без парашютов.

Тарасов вернулся к группе.

— Как самочувствие?

— Ничего, нормально, — ответил сгорающий от любопытства Тихомиров. — Можно посмотреть на кабину?

— Можно.

Писатель направился к люку.

— Ну, а ты как? — присел рядом с Сергием Тарасов.

— Хорошо, — бледно улыбнулся ведич.

— Устал?

— Есть немного. Я раньше так долго не держал *везмощь*.

— Прилетим и отдохнём по полной программе. Надеюсь, нас не скоро вычислят.

Глаза Сергея вдруг расширились, потемнели.

Глеб Евдокимович почувствовал дуновение морозного ветра — в душном отсеке вертолёта! — поднял брови, замер.

— Странно... *злеч*?

— Ч е р н о в е с ь... ментальный удар...

— Пси-импульс? — догадался Тарасов. — Нас щупают дистанционно, на уровне пси-видения?

— Ментальный импульс... пси-излучатель...

— Неужели «Лунный свет»?!

— Командир, — высунулся из пилотской кабины Хмель. — Они тут отрубились оба, как по команде!

Вертолёт клюнул носом, начал заваливаться набок.

— Бери управление на себя! — Тарасов метнулся в кабину, хватаясь за тюки и контейнеры...

Глава 24

НЕСИММЕТРИЧНЫЙ ОТВЕТ

Ветлуга

В голове тихо прозвенел стеклянный звоночек. Крутов снял правую руку с мышки компьютера, откинулся в кресле, сосредоточил внимание на вхождении в сеть ментальной связи. Перед глазами замелькали полосы «подъёма», и он вознёсся над облаками, внезапно ощущая объём звёздного неба над головой.

Перед ним на пушистом облачном покрывале засияло туманное колечко, превратилось в зыбкое марево с очертаниями человеческой фигуры. Марево сделалось чётче, проявилась белая голова, сверкнули светящиеся голубые глаза.

— День добрый, Онуфрий.

— Здравия желаю, Владыко, — раздались в голове Крутова бестелесные и бесплотные слова мысленного «языка». — Не отвлекаю?

— Вопрос излишен.

— Прошу прощения за старческую многословность. Возраст, однако. Докладываю: они выехали. Ираклий на подстраховке. Если понадобится, вмешаясь я.

— Дополнительно подключи весь трассовый контингент Катарсиса. После гибели Акселя и бегства Кобяги Синклит взбесится.

— Это уж как пить дать, — согласился волхв. — Устранение Черткова ударит по нашим чёрным «друзьям» весьма существенно. Они кинутся искать обидчиков, а главное — Сергия, и потратят много времени. Наши должны успеть выбраться за оцепление.

— Поищи варианты отхода.

— В любом случае они должны быть на кургане Спасительницы в ночь на четырнадцатое. Медлить нельзя.

— Поэтому им понадобится помощь.

— Кроме нас, и помогать-то некому. Я тут недавно пообщался с мужиками из местного колхоза. Все рады, что кто-то борется за счастье народа, за лучшую жизнь. Но сами они луч-

ше подождут. Понимаешь? Все ждут, что за них это сделают другие.

— Масса инертна, это давно известно. И всё же эту невероятную народную глубину надо уважать. Именно она является базой и основой наших устремлений и действий.

— Я понимаю, Владыко, да всё равно грустно. Куда ни кинь взгляд на верхнее начальство, везде чужаки. Знаешь, кто хозяин Жуковского автозавода? Итальянец Джузеппе Маньяни. А директор Брянского телеканала ТВБ? Американец Фрэнк Окерман. Россию продают по кусочкам, незаметно. Скоро от неё ничего не останется.

— Останется, пестователь, — улыбнулся Крутов. — Мы занимаемся этой проблемой, меняем потихоньку их лидеров на своих. А когда оперится Светлый — вся эта нечисть утратит силу. Что у тебя ещё?

— Остальная информация по мере делания.

— Кто охраняет Школу?

— Глеб оставил парня по кличке Хана. Очень разумный человек, хотя и бывший подрывник.

— Контролируйте ситуацию, не спускайте глаз с Шерстнева и его Школы. Возможны провокации.

— Отобьёмся. Ты обещал найти их центр.

— Семьдесят процентов территории России уже проверено. Выявлены двадцать шесть «гнезд», где сидят конунги. Будем нейтрализовать их по одному. Центр... — Крутов помедлил. — Есть предположение, что центр российского Синклита находится не в Новгороде, хотя там сейчас проживает жрец-водитель Михаил Северин, возглавляющий российскую сепарацию конунгов.

— Голыми руками его не возьмёшь.

— Мы и не собираемся брать его голыми руками. Он сильный маг, сильнее всех, с кем мы сражались раньше. Но я бы не ставил главной целью Катарсиса его устранение. Есть цель по-выше.

— Устранение всего Синклита?

— Мирового! Или хотя бы на первых порах перекрытие границ России для подобного рода нечисти.

— Разве это возможно? — усомнился Онуфрий.

— Так если не ставить подобные цели, разве можно добить-

ся позитивного изменения жизни? Надо лишь не останавливаться, идти вперёд, искать соратников, окружать себя друзьями, строить Всероссийский Родовой Собор. Неужто нам это не под силу?

— У них в руках «Лунный свет»...

— А у нас в душах — солнечный.

— Не подумай, что я не верю в успех дела. Старости свойственно брюзжать по поводу и без.

— Мне не нравится, что ты слишком часто стал говорить о старости, Палыч. Ты ещё многим молодым фору дашь. Кстати, как там наш писатель поживает?

— Мы отправили его с Тарасовым. На писателя вышел каким-то образом Харитон Кобяга и чуть не пришиб. Но парень держится молодцом, не жалуется. Да и не простой он человек, судя по всему, есть у него паранормальная закваска.

— Как-как?

— Он чувствует «ветер смерти» — если оценить его действия. С ним надо позаниматься.

— Буду иметь это в виду. Всё, конец *тjаму*.

Фигура Онуфрия превратилась в облачко искр, облачко растаяло, и Крутов «спустился» с облаков в свою квартиру. Посидел немного, держа в памяти лицо волхва, покачал головой. Онуфрий чувствовал свой уход и аккуратно предупредил сородича, что он не вечен.

В кабинет тихо вошла Елизавета.

Крутов оглянулся, лицо его разгладилось, стало необычно мягким.

— Лиза... входи, я отдыхаю. Как там он?

Крутов имел в виду ребёнка: уже было известно, что у них родится девочка, но всё равно привычнее звучало «он».

— Она тихонькая, редко шевелится.

— Значит, ей там хорошо.

Елизавета опечалилась.

— Она ещё не знает, какой мир её ожидает.

— Мы тоже этого не знаем. Но будем верить, что будущее светло.

Лиза прижала голову мужа к груди.

— Иногда мне кажется, что ты инфантильный и не понима-

ешь, что происходит. Ведь к нам стучится враг, вооружённый не обычным мечом, а психотронным излучателем!

— Я инфантильный, — согласился Крутов. — Потому что и в самом деле уверен: кто с мечом к нам придёт, тот получит в орало.

— Всё шутишь, — улынулась она.

— А если не шутить — повеситься можно, — сказал он серьёзно. — Верь мне, родная, всё будет хорошо. Не для того мы рожали девочку, чтобы ей было худо.

— Ещё не рожали.

— Ну так родим, недолго ждать осталось. Свари-ка мне кофе с молоком.

— Плюс творог со сметаной?

Он засмеялся.

— Плюс розеточку мёда.

Лиза вышла.

Крутов проводил её в н у т р е н н и м взглядом, вернулся к работе.

Он уже почти закончил разработку Замысла по ликвидации главной резиденции Синклита в России, причём — руками самих же конунгов, но финал был ему еще не совсем ясен. При любом раскладе ситуаций требовалось вмешательство волхвов и Витязей, а их было мало. Как настоящих н о с и т е л е й древнерусской волшбы, так и с трудом сдерживающих натиск чёрных сил. В решающей стадии Замысла их должно было быть не менее сотни, и не всем им гарантировалась жизнь.

Белая сотня...

Крутов усмехнулся. Когда-то существовали спецотряды количеством до сотни из опытейших бойцов. Причём чаще всего — чёрные сотни. Белых ещё не было. Или светлых, «серебряных». Может, Сергей станет основателем первой? И тогда шашки наголо — держись, чёрная мерзость! Не властвовать тебе больше на нашей земле!

Лиза принесла кофе, исчезла так же тихо и незаметно, как всегда, не желая мешать мужу. Верный друг, жена, помощница, великолепная красивая женщина! Какое счастье, что ты рядом!

Он сделал глоток и приник к компьютеру, на экране которого светилась схема Замысла. Вспомнился разговор с Никифором о Емеле, овладевшем заклинаниями «щучьего веления».

Сказка и в самом деле раскрывала тайну «практик ничегонеделания», которыми владели древние Мастера *живы*. Они были настоящими мастерами измерений и с высот своего положения играючи совершали подвиги, неподвластные большинству людей. В их руках находились ключи управления полями энергий, они могли становиться невидимыми, легко изменяли форму тел, преодолевали гравитацию и невесомость. Но главное, что они знали пути и способы достижения «тридевятого царства, тридесятого государства», то есть — иных измерений, и могли найти «то, не знаю что» — духовную информацию Сверхсознания. Сам Крутов ещё только подбирался к подобному оперированию пространством и временем. Хотя умел многое.

Он сосредоточился на мысленном усилии и погрузил руку в экран монитора, не нарушив его работы. Проходить сквозь стены было легче, их структура была намного проще, а вот сквозь работающие электронные системы просачиваться было труднее: требовалось особое умение блокировать сознание, слабые токи которого нарушали работу тонких микроэлементов, основу которой составляли квантовые переходы единичных атомов и электронов.

Показалось, кто-то осуждающе покачал головой.

Крутов вынул руку из монитора, виновато оглянулся. В кабинете никого не было. Тогда он перешёл в состояние «внутренней тишины» и углубился в работу.

Ираклий сопровождал Витязей до военного аэродрома под Рославлем. Убедившись, что группа погрузилась на борт вертолёта, он оставил машину в Рославле и *легкоступом* добрался до Москвы.

Здесь он нашёл филиал службы снабжения Катарсиса и приказал подготовить к походу две машины из разряда не самых заметных, но достаточно мощных и быстрых. Такими оказались «корейцы» семейства «КИА» — седан «Церато» и минивэн «Карнивал», обе машины пятилетнего срока давности.

— Годится, — сказал Ираклий старшему службы обеспечения. — Укомплектуйте их новейшими комбезами и оружием и будьте готовы перегнать в нужное место.

— Куда? — уточнил старший, бывший полковник спецназа ГУИН.

— В принципе это будет Подмоскovie, по двум векторам, в Кубинку и Волоколамск.

— Оружие стрелковое или добавить что-нибудь покрупнее?

— Добавьте, — сказал Ираклий, подумав. — Пару ПЗРК, гранатомёты, лазеры, кое-что из акустического оружия и нелетального, плюс средства электронной разведки.

— Мы начинаем войну с незаконными бандформированиями? — прищурился старший.

— С законными, — ответил Ираклий, — но всё равно бандформированиями. ФАС, к сожалению, подчиняется сейчас одному из наших бывших профессионалов, поэтому воевать с ней будет нелегко.

— Сволочь! — безапелляционно констатировал старший. — Последняя!

— И последняя сволочь мечтает стать первой, — флегматично пошутил Ираклий. — Время комплектации — час.

— Минуту. — Старший выслушал ответ по телефону. — Можем предложить вместо «Церато» и «Карнивала» две «Сонаты». Тогда уложимся в час.

— Хорошо, — кивнул Ираклий.

В оперативной квартире, принадлежавшей командированным работникам Катарсиса в столице, он принял душ, переоделся и сел к компьютеру. Выяснил, что вертолёт «Ми-8», в который сели беглецы из Жуковки, летит по маршруту к Москве и будет возле Первопрестольной через двадцать минут. Связался со службой контроля воздушного пространства России, где работали люди Катарсиса:

— Это Второй. Проследите, где сядет «Ми-8» с бортовым номером 321, и доложите.

— Слушаюсь, Второй! — ответили ему.

Однако «Ми-8» приземлился не там, где планировали руководители полётов в Рославле.

Через пять минут Ираклию доложили, что винтокрылая машина изменила маршрут, повернула на северо-запад, снизилась и пропала с экранов радаров.

— Где она может сесть?

— Если горючки хватит, то в Можайске. В крайнем случае в Волоколамске.

— Попытайтесь уточнить место посадки. — Ираклий набрал

номер службы снабжения. — Тюрин? Гоните машины в Волоколамск.

После этого он связался с Крутовым и сообщил ему о завершении первого этапа операции «Серебряный мальчик».

Крутов закончил свои изыскания после обеда. Теперь он точно знал, где располагается центр российского отделения Синклита. Не в Москве. И не в Санкт-Петербурге, «второй столице» России. И даже не в Новгороде Великом, где жил жрец Михаил Северин, управляющий Россинклитом. Хранителем и распорядителем его тайн оказался заштатный городок Великий Устюг, расположенный в месте слияния рек Сухона и Юг. Нетрудно было догадаться, почему конунги избрали этот истинно русский город в качестве своей «вотчины». Покорив его, заставив жить по своим законам, чёрные маги надеялись распространить своё влияние и на остальные русские города и веси, хранившие Дух Рода.

Крутов до этого никогда не был в Великом Устюге, поэтому занялся поиском информации о городе и вскоре выяснил главное. История города начиналась ещё в далёком двенадцатом веке. Тогда на земли финно-угорских племён пришли колонисты из Ростово-Суздальской земли. Одну за другой заложили две крепости: Гleden — на высоком мысу у слияния Юга с Сухоной и Устюг — в излучине левого берега Сухоны, близ устья Юга.

Гleden, главная военная цитадель, постоянно подвергался осадам и нападениям и окончательно был разрушен в тысяча четырёхста тридцать восьмом году.

Устюгу была уготована иная судьба.

При разделе вотчины в тысяча двести седьмом году великий князь Всеволод Большое Гнездо передал Устюг сыну Константину, и город ожил, окреп, стал играть значительную роль в северо-восточных владениях ростовских князей. Его тоже не раз грабили и разоряли новгородцы, покоряли галицкие князья Василий Косой и Дмитрий Шемяка, опустошали город и окрестные селения казанские татары. Однако он восстанавливался из пепла и снова рос и строился.

В тринадцатом веке возле города расположились три монастыря: Троице-Гledenский (самый древний), Михайло-Архан-

гельский, Иоанно-Предтеченский. Затем был построен кафедральный Успенский собор и другие церкви.

К середине шестнадцатого века Устюг стал крупным центром торговли и ремёсел, а с конца века официально признан Устюгом Великим.

В последующие столетия жизнь в городе, хозяйственная и культурная, то замирала, то возрождалась, а устюжане то включались в борьбу с иноземными захватчиками, то активно торговали с ними же, организовывая знаменитые пушные и другие ярмарки. Развивалась в нём и промышленность, отчего Устюг к началу Октябрьской революции семнадцатого года занял второе место в крае, после Вологды, по развитию промышленных предприятий.

Разумеется, после распада могучей советской империи Великий Устюг подрастерял своё бывшее значение, как и десятки других городков российской глубинки, но уже в начале двадцать первого столетия начал преображаться, опираясь на местные традиции и присущий устюжанам особый духовный мир, и расцвёл, превратился в один из красивейших центров русской культуры.

Крутов полюбовался на церковь Сергия Радонежского в Дымковской слободе, выведенную на экран, и выключил компьютер.

— Вам здесь не место! — пробормотал он, имея в виду конунгов, сумевших свить в Великом Устюге своё гнездо. — И никакой «Лунный свет» вам не поможет.

Зазвонил телефон.

Крутов посмотрел на него подозрительно, послушал трели и включил, не касаясь руками. В ухе заговорил голос Ираклия:

— Егор, в Брянской губернии включён «Лунный свет»!

— Странное совпадение, я как раз только что подумал о «Лунном свете».

Сама собой включилась опознавательная система организма, поднимаясь «по ступенькам» от местных объектов — кабинета, дома, города — до глобального видения общей территории России. Стала «видна» прозрачно-лимонная дрожь пространства над Брянщиной, а заодно и Орловской, Тульской и Московской областями.

— Вижу! Где наши ребята?

— Летят к Москве на «Ми-8».

— Конунги поняли, что проворонили Серебряного мальчика, и включили систему бесконтактного контроля всех авиатрасс. Ты где?

— В Москве.

— Справишься?

— Пока не вижу особых забот. Вмешаюсь, если понадобится прямая физическая помощь. Но ребята и сами могут за себя постоять. Я лишь готовлю им транспорт.

— Хорошо, держи меня в курсе. А я попробую определить, где конунги расположили установку «Лунного света». Остальные вектора отвлекающего маневра задействованы?

— Катарсис в работе.

— Отлично!

Разговор прервался.

Крутов сосредоточился на вхождении в общее информационное поле Земли, называемое адептами разных эзотерических школ по-разному: астралом, менталом, эйдосом, хуу, лимбиче, дотык и так далее. Перед глазами сплелась прозрачная вуаль «невидимого лимонно-жёлтого свечения», окутывающего всю планету. Голова Крутова превратилась в необычную «антенну», воспринимающую почти все виды энергии.

Объём зрения скачком вырос.

Крутов как бы увеличился в размерах, входя во все энерго-информационные структуры верхних слоёв атмосферы Земли. Сконцентрировался на колебаниях «нижних сфер», прилегающих к земной поверхности. Скоординировался на местности, чтобы ненароком не улететь в космос или не погрузиться в земные глубины.

Стала видна вся сложная и красивая сеть излучений, взаимодействующих друг с другом, пронизывающих воздух над Среднерусскими равнинами. И тотчас же в этой вуали загорелся злой огонёк. Это и был источник пси-излучения, созданный с помощью технических устройств, имеющий название «Лунный свет».

Егор зафиксировал его положение, порыскал вокруг в поисках бесплотных линий управления объектом, отметил багровый пульсирующий пунктирчик, соединявший огонёк с россыпью тёмных пятен, и вернулся в своё тело.

С минуту отдыхал, успокаивая верчение цветных пятен перед глазами. Затем позвонил Ираклию:

— «Лунный свет» сейчас торчит в Подмоскowie, в Балашихе. Импульс слабенький, скорее всего передвижной комплекс. Что там у нас на контроле?

— Синагога, только что отстроенная мечеть, три церкви. Ни одного храма БЕСа.

— Проверь.

— Завтра.

— Где сейчас наши?

— Им удалось освободиться от поисковой системы, и теперь они спокойно едут по Новорижскому шоссе к Ржеву. Картарсис пригнал им две «Сонаты». Я встречу их в Великих Луках.

— Мне надо с тобой посоветоваться кое о чём.

— Устрою команду отдыхать и заскочу. Часов в восемь не поздно?

— Жду. — Крутов выключил телефон, подумал, что неплохо бы подкрепиться, и тотчас же в комнату вошла Лиза. Она так тонко чувствовала настроение мужа, что угадывала его любое желание.

— Чай или сок, Владыко?

— Что принесёшь, — улыбнулся он, заключая её в объятия.

Федотов прибыл в начале девятого, спокойный, собранный и сосредоточенный на своих мыслях. Расстояние между Ветлугой, где жил Крутов, и Великими Луками было не меньше пятисот километров, но Ираклий владел *легкоступом* и преодолел это расстояние меньше чем за минуту. Физику процесса перемещения *легкоступом*, по сути — физику телепортации, он понимал плохо, однако это не мешало ему пользоваться данным способом преодоления больших расстояний, а также и другими магическими — с точки зрения обычных людей — приёмами и знаниями. Правда, овладение ими требовало терпения и времени, но Ираклий не торопился, постепенно продвигаясь по пути освоения комплекса *живы* от состояния Витязя к состоянию волхва. Главное, что его понимала и поддерживала жена, сама владевшая многими магическими приёмами.

Егор встретил Ираклия во флигеле, где он оборудовал себе тренажёрный зал для занятий физическими упражнениями. Нет, он не качался, не наращивал мускулы, но предпочитал

держат себя в хорошей физической форме, для чего каждый день посещал флигель и по часу бегал по берегу Ветлуги.

— Я тоже соорудил себе такой уголок, — сказал Ираклий, оглядывая небольшой зал. — Хотя времени для занятий спортом практически не остаётся.

— Это не спорт, — махнул рукой Крутов, заканчивая подтягивания на перекладине. — Как говорил один политик: спорт — это физкультура, доведённая до абсурда. В чём-то он прав.

Ираклий бросил взгляд на мускулистый торс волхва без единой капли жира, качнул головой:

— Может быть. И всё же я считаю, что лучше заниматься спортом, чем идти грабить людей.

— Ты имеешь в виду бандитов или чиновников?

— И тех и других.

— Подожди, я окунусь в пруд.

Крутов вышел из флигеля, нырнул в вырытый им бассейн в огороде размерами три на шесть метров, выбрался на обложенную кафелем кромку бассейна, встряхнулся, сея веер брызг, направился к дому, на ходу вытираясь махровым полотенцем. Ираклий с некоторой завистью посмотрел на бассейн, поспешил за хозяином.

— Хорошая идея — сделать такую ванночку. Я не додумался.

— У тебя всё впереди.

— На зиму воду спускаешь?

— Зачем? Она у меня не замерзает.

— Понятно.

Лиза встретила гостя в прихожей, обняла.

— Есть будешь?

— Вообще-то я не голоден, да и поздно уже. Предпочитаю после семи ничего не есть, кроме продуктов. Свари кофеёчку.

— Мне тоже, — попросил Крутов из спальни.

Через минуту он вышел, переодетый в домашний халат.

— Пойдём в кабинет.

Ираклий проследовал за ним в святая святых волхва, потрогал рукой спинку высокого деревянного кресла, висящую на стене капию.

— Не боишься за сохранность? Короне цены нет.

— Этот дом недоступен для конунгов, — равнодушно ответил Крутов, включая компьютер. — Почитай-ка.

Ираклий подсел к экрану, изучил текст Замысла, оглянулся на волхва:

— Ты хочешь отвлечь внимание конунгов, как в прошлый раз?

— Нет, как в прошлый раз не получится. Тогда они клюнули на приманку и устремились за вами, но этот приём работает лишь однажды. Да и не хочется вновь подвергать риску вашего сына или кого бы то ни было из других детей. Я хочу договориться с кем-нибудь из серых.

Ираклий с сомнением почесал затылок.

— Грэй никогда ни с кем не сотрудничали.

— В прошлый раз грэй Тимергалин всё-таки согласился пропустить нашу команду.

— Не знаю... не факт, что в следующий раз кто-то из них выступит на нашей стороне. А если предпочтёт другую? И сдаст нас конунгам?

— Всё равно стоит рискнуть. В Великом Устюге располагается центр российского Синклита, но там же обосновался и один из серых.

— Кто?

— Левон Тигран, бывший президент Центра нетрадиционной медицины.

— Я его практически не знаю.

— Мы встречались пару раз, последний — года три назад.

— Ну и?..

— Он человек со странностями, но что-то в нём есть тёплое.

— В первую очередь он, как и каждый грэй, жёсткий индивидуалист и вряд ли захочет вмешиваться в чужие дела. Хотя было бы здорово уговорить его примкнуть к нам. Если хочешь, можем пойти к нему вместе.

— О тебе не должен знать никто. — Крутов едва заметно улыбнулся. — Ты — резерв Ставки главного командования. Кстати, у нас в руках есть одна из передвижных установок «Лунного света». Дурак Сулухутдин-Варавва повёз её в Фошню, надеясь ликвидировать Школу Шерстнева, наши парни перехватили. Надо использовать её при возможности.

— Хорошая идея, — согласился Ираклий. — Где вы её спрятали?

— Она у Онуфрия.

— Сейчас же свяжусь с ним и заберу установку. Пусть побу-

дет где-нибудь поближе к Каргополю. Но вся наша возня с «шестёрками» конунгов не решает общей проблемы. Нужно раз и навсегда покончить с Синклитом и убрать его помощников, таких как Сосновский, Валягин и Гвоздецкий. Тогда и Светлому будет легче исполнять его миссию Держателя Рода, Пестователя России.

— Да, — кивнул Крутов, мягчея лицом. — Он наша надежда на возрождение Закона Справедливости. Конунги жаждут абсолютной власти, создавая институты «Великой Революции», разрушая традиционные институты морали и религии, утверждая через СМИ диктат сатанизма, и у них на пути только мы с тобой.

— Катарсис, — мрачно сказал Ираклий.

— Надежда на Катарсис, — усмехнулся Крутов. — На систему и на процесс.

Вошла Елизавета, держа поднос с кофейным сервизом.

— Прошу, мальчики.

Мужчины прервали разговор.

Всё было понятно и без слов.

Глава 25

УМНЫЙ В ГОРУ НЕ ПОЙДЁТ

Воздух — земля

Лётчики не подавали признаков жизни, и Никифору с трудом удалось вытащить из кресла одного из пилотов. К счастью, «Ми-8» не успел свалиться в штопор. Через минуту вертолёт выровнялся и затарахтел винтами над вершинами сосен, продолжая держать курс на Москву.

Пилотами занялись Булавин и Тарасов, пытаясь привести их в чувство.

— Что с ними? — посмотрел на друзей Хмель.

— Без сознания, — ответил Дмитрий, колдуя над сидящим в кресле вторым пилотом.

— Что случилось?

— «Лунный свет», — сквозь зубы процедил Тарасов. — Не знаю как, но им была передана некая команда, и оба отключились.

— Почему же излучение «Лунного света» не подействовало на нас?

— Во-первых, «Лунный свет» бьёт по площади, и мощность излучения мала. Во-вторых, у нас есть защита.

— Комбезы, что ли?

— Сергей.

Хмель невольно оглянулся на люк в грузовой отсек.

— Парень растёт. Но если против нас включили «Лунный свет», то наши преследователи уже знают, что мы сели в вертолёт.

— Скорее всего они нашли машины на аэродроме.

— Тогда надо срочно садиться, иначе собьют к чёртовой матери!

— Держи ниже, чтобы локаторы не зацепили, тогда проскочим.

— Где предполагаешь приземлиться?

— До Москвы всего минут двадцать лёта. Сядем, где и рассчитывали, под Волоколамском. Ираклий обещал предоставить транспорт.

— Разреши, дядя Глеб? — Сергей дёрнул Тарасова за рукав. — Я их посмотрю.

Глеб Евдокимович отодвинулся в сторону.

Сергей склонился над пилотом, лежащим между креслами, провёл надо лбом ладошкой несколько раз.

Пилот открыл мутные глаза, полежал немного, глядя в потолок кабины, потом глаза его наполнились жизнью, и он приподнялся на локтях.

— Что происходит? Где я?!

— Спокойно! — сказал Тарасов. — Садись за джойстик. Поведёшь вертолёт, куда мы скажем. Что там со вторым?

— Дышит, но просыпаться не спешит, — проворчал озабоченный Дмитрий. — Серёжа, полечи его.

Сергей пробрался в кабину, поводил ладошкой над головой второго пилота. Тот зашевелился.

— Отлично! — Никифор уступил место ошеломлённому, ничего не понимающему лётчику. — Сообщите своему начальству, что у вас всё в порядке, следуете своим курсом.

— Да кто вы, чёрт возьми?!

— Мы из Федеральной антитеррористической службы, — веско заявил Хмель, показывая удостоверение офицера ФАС. —

У нас секретное задание. Так что выполняйте приказ и ни в чём не сомневайтесь!

— Слушаюсь, — сказал вконец обескураженный пилот.

Его коллега вообще ничего не сказал.

Было видно, что он плохо соображает и не понимает, где находится.

Тем не менее полёт продолжался, и через двадцать минут им удалось посадить вертолёт на окраине Волоколамска, недалеко от шоссе.

— Куда вы должны были лететь? — спросил Тарасов у пилота.

— В Кубинку.

— Возвращайтесь к месту назначения.

— Горючки в обрез...

— Попытайтесь дотянуть. О нашем присутствии на борту никому ни слова!

— Полковник всё равно узнает, — заикнулся пилот.

— Когда узнает, тогда и доложите. Поднимайтесь!

— Есть!

Беглецы выгрузились, предварительно освободив пришедших в себя охранников груза.

Вертолёт улетел.

Тарасов позвонил кому-то, выслушал ответ.

— Через полчаса мы должны быть возле авторемонтной мастерской на Октябрьской.

— Хорошо бы перекусить, — проворчал Хмель.

Тарасов оглядел затянутый тучами небосвод, окрестности, махнул рукой:

— За мной.

Отряд пересёк поле, где приземлялся вертолёт, вышел к просёлочной дороге и направился к окраинным домам Волоколамска.

С писателем попрощались возле автосервиса, где группу ждали две одинаковые «Сонаты» корейского концерна «Хёндэ». Машины были не новые, но вместительные, удобные и достаточно мощные. В их багажниках нашлось оружие и новенькие комбинезоны «Призрак», покрытые слоем наночастиц из золота. Этот слой делал комбинезон и человека в нём почти невидимыми, отчего тот превращался в зыбкий прозрачный силуэт, в бесплотное «привидение». Неподвижные объекты, накрытые плёнкой с «нанозолотом», вообще исчезали из поля зрения,

подвижные становились «жидкими» и тоже практически пропадали на фоне природы.

Надевать комбинезоны пока не стали. Для этого требовалась иная ситуация.

— Спасибо вам за всё, — сказал Владлен, расстроенный, что приходится расставаться с друзьями. — Как мне вас потом найти?

— Не беспокойся, мы сами тебя отыщем, — сказал Булавин, пожимая писателю руку. — Будь осторожен. Если уж конунги начали за тобой охоту, то не остановятся. Ты для них представляешь реальную угрозу.

— Я позвоню Онуфрию, — добавил Тарасов. — Он обещал найти для тебя защиту.

— Я сам могу... — заикнулся Владлен.

— Не царское это дело, — усмехнулся Хмель, — охрана.

— Тебе ещё учиться и учиться, — слабо улыбнулся Тарасов. — Спрячься где-нибудь, пока мы не вернёмся. Но в Воронеж не возвращайся. В Москве у тебя есть кто-нибудь?

Владлен кивнул, подумав в первую очередь о Маргарите.

— Тогда до встречи.

Владлен вскинул вверх кулак и зашагал к остановке автобуса на площади, держа в руке сумку с вещами. Уже было известно, что автобусы на Москву отправляются именно отсюда.

Мужчины проводили его глазами.

— На нём лежит печать *злец*, — тихо сказал Сергей.

— Что это означает? — повернулся к нему Тарасов.

— Он «светится»... его легко увидеть...

— Что ещё за печать? — нахмурился Хмель. — Раньше такого не было?

— Наверное, это воздействие Кобяги, — предположил Булавин. — Конунг поставил на нём «чёрную метку».

— Тогда он обречён, — пожал плечами Никифор.

Владлен скрылся в автобусе. Дверцы автобуса закрылись, он развернулся на площади и покатил по улице к окраине города.

— За ним! — принял решение Тарасов. — Остановим автобус и пересадим писателя к себе.

— Зачем?

— Его могут перехватить хлопцы из «Стикса» по заданию того же Кобяги и допросить с помощью «глушака». А он знает, куда мы направляемся.

— Но он может выдать всю группу своим «свечением»!

— Я его нейтрализую, — сказал Сергей.

— По машинам! — бросил Тарасов.

На то, чтобы догнать автобус и загородить ему путь, понадобилось пять минут.

Булавин выскочил из «Сонаты», постучал в дверцу автобуса, та открылась.

— Влад, выйди, — позвал Дмитрий.

Недоумевающий Тихомиров встал с кресла.

— Что случилось?

— Потом объясним. — Дмитрий посмотрел на немолодого водителя. — Извините, он сел не в тот автобус.

Писателя усадили в «Сонату», за рулём которой сидел Тарасов.

— Я не понимаю... — начал Владлен.

Глеб Евдокимович коротко объяснил ему суть происходящего.

— Что же мне делать? — растерялся Владлен.

— К сожалению, вариантов мало. Самый простой — продолжить путь с нами. Второй — ждать помощи от Онуфрия здесь же, в Волоколамске.

Владлен подумал, мысленно попрощался с Марго, вскинул голову:

— Тогда я с вами. — Он заметил косой взгляд Булавина, сидевшего на переднем пассажирском сиденье, торопливо добавил: — Я не помешаю, честное слово!

Тарасов глянул на Дмитрия, на Сергея:

— Берём?

— Берём, — серьёзно кивнул мальчик.

— Хорошо. Едем с нами. Но с одним условием: ни во что не вмешиваться, что бы ни происходило! Выполнять все команды! Слушаться беспрекословно, как в армии. Идёт?

Владлен проглотил ком в горле, расправил плечи, сдерживая внутреннюю дрожь:

— Принято!

Булавин засмеялся.

— Наш парень.

Тарасов тронул «Сонату» с места.

Через сорок минут, когда окончательно стемнело, они были

уже в сотне километров от Волоколамска. Проехали Ржев, не останавливаясь. А в Великих Луках их встретил Ираклий Федотов на «Бугатти Вейроне», предварительно назначив встречу по телефону.

Утро тринадцатого октября застало отряд в дороге.

Выехали рано, в пять часов, и уже в девять были возле Каргополя. Однако въезжать в город не стали, свернули с трассы в селе Жуковская (вспомнили брянскую Жуковку) налево и через Лисицыно выехали на шоссе Каргополь—Пудож.

Посты ГАИ встречались довольно часто, но ни один из них машины небольшого кортежа не остановил. То ли местная милиция ещё не получила ориентировку на поиск Серебряного мальчика, то ли Сергей смог отрегулировать свой *непрогляд* таким образом, что машину никто не видел.

Существовал и третий вариант: отряд где-то на подступах к Кенозеру ждала засада, — и Тарасов исподволь начал готовиться к такому повороту событий.

Впрочем, остальные тоже понимали толк в подобных мероприятиях и относились к предлагаемому сценарию движения с философским спокойствием воинов.

Тарасов кинул взгляд на зеркальце заднего вида.

Писатель о чём-то оживлённо разговаривал с Сергием и явно был увлечён беседой: глаза его блестели, в них горел интерес.

Булавин поймал взгляд друга, усмехнулся, подмигнул:

— Из него вполне может вылупиться пестователь.

— Или Витязь.

— Я же сказал — наш человек.

Позвонил Хмель:

— Мы успеваем?

— Если нас не перехватят по дороге — успеем, — ответил Тарасов. — Езжайте вперёд, проверьте трассу. Остановимся на берегу Лекшмозера.

«Соната» Никифора обогнала машину Тарасова.

Мимо проскочили какие-то джипы, шедшие на весьма приличной — под сто семьдесят километров в час — скорости. И тотчас же Сергей дотронулся до плеча Тарасова:

— Впереди...

Глеб Евдокимович притормозил, оглянулся:

— Что? Снова *злеч*?

— Нет, я чувую т ё м н о е...

— Далеко?

— Это как купол парашюта над нами... тёмное облако. Не знаю, как назвать.

— Может быть, конунги снова включили «Лунный свет»?

— Не похоже, его излучение немного отличается от этого.

Тарасов посмотрел на Дмитрия.

— Нас ждут, это очевидно, — кивнул тот. — Причём везде в данном районе. Отсюда ощущение купола. Район накрыли своим вниманием сами конунги.

Тарасов подумал, взялся за телефон:

— Онуфрий, район Кенозера находится под контролем конунгов. Сможете их отвлечь?

— Понял, посоветуюсь кое с кем, ждите.

— Никифор, — переключил телефон Глеб Евдокимович, — ты где?

— Стою на берегу озера в паре километров от вас. Вода такая прозрачная, что даже не верится. И вкусная.

— Лекшмозеро славится своей чистотой. Наберите воды в бутылку...

— Минуту, кажется, нами кто-то заинтересовался.

— Кто?

— Два джипа остановились, заперли машину спереди и сзади. Они нас сначала обогнали, потом вернулись.

— Не ввязывайтесь в драку, тяните время, мы сейчас подъедем.

— Хорошо.

— Сергей, ты снял *непрогляд*?

— Я не могу держать его долго, — покраснел мальчик.

— Закрой нашу машину.

Тарасов дал газ. «Соната» рванула вперёд, набирая скорость.

Через минуту впереди за редющей полосой деревьев показалась синяя гладь озера. Дорога шла по его берегу, обходила озеро справа и исчезала в лесу.

Озеро и вправду оказалось чистым, красивым, опрятным, окружённым сосновым лесом и обрывистыми берегами. Если бы не ситуация, им можно было бы полюбоваться и пройтись по окрестным холмам. Но в данный момент всех занимали другие мысли.

«Соната» Хмеля действительно стояла на обочине дороги, у песчаного спуска к озеру, и путь ей перекрывал джип «Вольво». Второй точно такой же джип не позволял машине сдать назад.

Дверцы джипов были открыты. Их пассажиры в пятнистых спецкостюмах количеством в шесть человек окружили стоящих у воды Черкеса и Хмеля. Терминатор, судя по всему, находился в кабине «Сонаты». С двух сторон возле неё стояли парни в камуфляже, бдительно следя за пассажиром. Они одновременно оглянулись, услышав звук мотора тарасовской машины.

— Я могу отвести им глаза, — сказал Сергей.

— Не надо, мы должны видеть друг друга, — отозвался Глеб Евдокимович. — Сними *непрогляд* с машины. Ни во что не вмешивайся, сиди в кабине. Владлен Денисович, ты тоже. Серёжа, сделай так, чтобы вас обоих не было видно.

— Что вы намереваетесь делать? — с жадным интересом спросил писатель.

— Разберёмся, — неопределённо ответил Тарасов.

«Соната» снизила скорость, затем и вовсе остановилась напротив точно такой же машины с Терминатором в салоне.

Тарасов приспустил стекло справа.

— Что тут у вас происходит? Учения, да?

— Проезжай, — грубо сказал один из камуфляжей; под мышкой у него торчал ствол пистолета-пулемёта «Каштан».

— Бандитов ловите? — продолжал интересоваться Тарасов, краем глаза наблюдая за берегом.

Там импровизировал Хмель, делая вид, что он возмущён произволом неизвестно кому принадлежащего спецназа.

Парень в камуфляже придвинул к губам усик рации, наставил на Тарасова ствол «Каштана»:

— Первый, я восьмой, тут ещё одна такая тачка... двое... понял. — Он сделал жест рукой. — Выходи! — Глянул на Булавина. — Ты тоже.

— Мы же ничего не сделали, — удивился Тарасов. — Видим — люди военные, может, помочь надо...

— Выходи, я сказал! Руки на затылок!

— Да пожалуйста, пожалуйста, — засуетились Тарасов и Булавин, вполне натурально играя испуганных людей. — Мы всегда готовы, если надо, тут и мы...

Скандал на берегу достиг апогея.

Хмелю начали заламывать руки.

Тарасов перехватил взгляд Дмитрия, кивнул:

— Пора.

В то же мгновение Булавин, усыпивший внимание второго спецназовца, ловко скрутил его, отобрал пистолет-пулемёт и впечатал лицом в землю.

Точно таким же манером справился со своим противником и Глеб Евдокимович. Рубящим ударом по шее привёл его в бесчувственное состояние.

Из «Сонаты» вылез Терминатор. За поясом у него торчала рукоять пистолета «Волк», что означало: он мог перестрелять окруживших машину парней в доли секунды.

На берегу началась суматоха.

Никифор уловил д в и ж е н и е коллег и привёл себя в состояние н е м ы с л и. В три мгновенных и точных удара уложил троих спецназовцев, успел перехватить руку четвёртого и, крутанув его спиралью, подставил под выстрел пятого.

Черкес в этот момент освободился от своего опекуна, врезав ему ногой в живот, добил ударом по виску и, вывернув руку с пистолетом-пулемётом, выстрелил в пятого стрелка, не дав ему возможности продолжать стрельбу.

Моторы джипов взревели.

Водители за тёмными стёклами наконец сообразили, что ситуация в корне изменилась, и начали реагировать. Однако Терминатор не дал им времени на отступление.

Раздались два выстрела.

В лобовом стекле заднего джипа и в боковом переднего расцвели звёздочки пулевых попаданий, и оба водителя упали на рули своих чудо-машин. Моторы джипов заглохли. Стало тихо.

— Твою мать! — сказал Булавин хладнокровно. — Прошумели!

На дороге показался самосвал.

Терминатор вышел на середину, жестами показал шофёру, чтобы тот не останавливался. Самосвал проследовал мимо.

— Если у водилы есть мобила — через две минуты милиция будет знать о нашем контакте.

— Быстро их в машины! — приказал Тарасов. — Машины загнать в лес!

Отряд повиновался.

Когда на шоссе появились ещё машины, фургон и легковушки отечественного производства, джипы уже съезжали с

дороги на берег озера. Сидевшие за рулём «Вольво» Черкес и Терминатор загнали их за кусты, вернулись.

— «Стикс», — подал Хмель Тарасову две малиново-чёрные книжечки с тиснением. — Спецгруппа ФАС по обезвреживанию особо опасных террористов. Задание — останавливать все подозрительные тачки и задерживать мужчин с мальчиком четырнадцати лет.

— «Стикс» — это спецкоманда Гвоздецкого, — пробормотал Булавин. — Они просто не ожидали, что мы...

— Тоже профессионалы, — усмехнулся Хмель. — Будь здесь сам Кирилл Наумович, нам пришлось бы туго. Что будем делать, командир? Может, загоним машины в озеро и дальше пойдём пешком? По дорогам особо не разъездишься, всё равно где-нибудь остановят.

Тарасов раздумывал недолго.

— Коля, Имтук, садитесь в «Сонаты» и езжайте до поворота на Морщихинскую. Как только вас попытаются задержать — устройте показательные гонки. Потом спрячьте машины, если удастся, и уходите. Мы пойдём к Кенозеру по лесам. Встретимся, — он достал арминг, вывел на экранчик карту местности, — вот здесь, на окраине Ряпусовского Погоста. У вас часа три времени, не больше. Успеете?

— Не сомневайся, Старый, — растянул губы в улыбке Черкес. — Будем вовремя.

— Переодеваемся, экипируемся и вперёд!

Заехали в лес, натянули комбинезоны, превратившие всех в туманно-прозрачные «привидения», разобрали оружие и спецснаряжение.

Владлену тоже достался «призрак», и он с удовольствием облачился в новый костюм, носить который даже не мечтал.

Только Сергей отказался надевать комбинезон. Он мог становиться невидимым и без него. К тому же и размера такого в комплектровке спецгруза не оказалось.

Через минуту после переодевания машины уехали, и «змея» отряда углубилась в распадок, обходящий Лекшмозеро справа.

К обеду они преодолели около десяти километров и остановились отдыхать на берегу ручья, пересекающего путь.

— Без проводника мы далеко не уйдём, — проворчал Хмель, поглядывая на приотставших Сергея и Владлена. — Пару лошадей бы достать.

— Я не устал, — запротестовал мальчик. — А ещё я могу добраться до Кенозера *легкоступом*.

— Ты — можешь, — улыбнулся Булавин. — Мы — нет.

— Сколько нам ещё топать пёхом до Русопятого Погоста? — осведомился Хмель.

— Ты имеешь в виду Ряпусовский Погост? — уточнил Дмитрий.

— Один хрен.

— Километров двадцать по прямой, — рассеянно сказал Тарасов.

— Часов шесть ходу. Действительно, лошади не помешали бы.

— Где ты их сейчас найдёшь?

— Есть у нас по пути какая-никакая деревенька?

Тарасов достал арминг, взгляделся в экран.

— Если пойдём чуть правее, выберемся к Малому Халую.

Мужчины переглянулись.

— А что, есть ещё и Большой? — усмехнулся Хмель.

— Есть, но нам туда не надо.

— Тогда идём в этот Малый... э-э, Халуй. Интересно, кто дал деревне такое название?

— Наверное, большой халуй, — серьёзно сказал Булавин.

Владен засмеялся. По губам остальных тоже промелькнули улыбки. Хмель посмотрел на часы.

— Что-то наши не звонят.

Тарасов включил телефон.

Черкес отозвался через минуту:

— Мы тут немножко посоревновались с джипами.

— «Гонщики» те же?

— Из «Стикса», знамо дело.

— Бросайте машины и в лес!

— Да бросать нечего, — хихикнул Черкес. — Мы их разбили. Да так удачно, что и джипы восстановлению не подлежат. Уже движемся в нужном направлении. Болото обойдём только, а там километров семь до деревни. Кстати, над лесом беспилотки летают, так что поглядывайте в небо.

Тарасов спрятал телефон, глянул на облака, нависшие над лесом.

— Всё в порядке, они увели погоню за собой, идут к Погосту. Черкес видел беспилотку.

Мужчины обменялись понимающими взглядами.

Беспилотками назывались самолёты-разведчики сверхмалого класса, имевшие отличную аппаратуру визуального наблюдения за поверхностью земли. Такими самолётами обладали все уважающие себя спецслужбы, и то, что ФАС бросила их на разведку в район Кенозера, говорило о серьёзности намерений его начальства.

— Гвоздецкий! — стиснул зубы Никифор. — Пора мочить ублюдка!

— Беспилотки всего лишь спецтехника, — качнул головой Булавин. — Почему нами не занимаются колдуны-конунги? Недооценили? Или ждут-таки где-нибудь в засаде?

— Они не должны знать о наших планах, — сказал Тарасов рассеянно. — Это означало бы серьёзную утечку информации из Катарсиса.

— Почему же ФАС так рьяно принялась нас искать?

— Узнаем. Отдохнули? Вперёд.

Отряд снова углубился в лес, обходя самые чащобные места и низменные заболоченные участки.

Через час вышли к деревне и остановились, разглядывая несколько тихих, полуразвалившихся изб, крытых сгнившей дранкой или досками. Деревня явно пустовала. Нигде не было видно её жителей, не кричали петухи, не мычали коровы и не лаяли собаки. Прикинувшие к земле домики со слепыми окнами, кое-где заколоченными досками крест-накрест, тоскливо ждали конца света.

— Вот тебе и лошади, — пробурчал Хмель. — Никого. Мёртвая деревня.

— Ничего удивительного, — сказал Булавин. — Я читал отчёт недавней сельскохозяйственной переписи России. Если до девяностого года прошлого века у нас было двадцать пять миллионов хозяйств, в том числе деревень и сёл, то к прошлому году осталось меньше пятнадцати миллионов. Деревня умирает, люди подаются в города, и остановить этот процесс никто не спешит.

— Зато богачи строят свои коттеджи всё больше и больше.

— О богачах разговор особый. Не все они сволочи. Но лошадей теперь в деревнях днём с огнём не сыщешь.

— Лошади ладно, без них в наш нанотехнический век прожить можно, а вот корову жалко. Знаешь, сколько стоит породистая тёлка? От двадцати до сорока пяти тысяч рублей. И со-

держат коров почти никому не выгодно. Так что коровы тоже исчезнут вместе с деревьями.

— А хорошо бы сейчас молочка парного хлебнуть, — проговорил Дмитрий мечтательно. — Ты как, Владлен Денисович, не против молочка?

— С удовольствием попил бы, — признался порядком уставший Тихомиров. — Только я больше холодное люблю.

Сергий вдруг замер, прислушиваясь к своим ощущениям, посмотрел на Тарасова.

— *Злеч?* — отреагировал тот.

— Нет, сверху... летит...

— Беспилотник! Все под деревья!

Отряд укрылся под громадными елями.

И тотчас же над деревьями, над заросшей травой дорогой и деревней почти бесшумно пролетел небольшой крестообразный аппарат длиной всего в полтора метра, с двухметровым размахом крыла. Покружил над мёртвой деревней, улетел.

С минуту Витязи вслушивались в тишину леса, всматривались в небо, ожидая возвращения беспилотного разведчика, потом выбрались из-под разлапистых елей.

— Интересно, электроника увидит нас под *непроглядом* или нет? — любопытствовал Никифор. — Или ваша магия действует только на сознание людей?

— *Непрогляд* отводит людям глаза, — сказал Тарасов. — На электронику и телеаппаратуру он не действует. Но есть особые приёмы...

— Какие?

— *Невирь... наведа* физической невидимости, — сказал Сергей. — Она создаёт слой вибраций воздуха, поглощающий световые лучи. Но я ещё не могу делать *невирь*.

— Жаль, тогда бы мы не тратили время на прятки.

— Выступаем, — сказал Тарасов. — Светлый, почувешь приближение беспилотки, сразу дай знать. Через два часа мы должны дойти до Ряпусовского Погоста и встретиться со своими.

— А потом? — спросил Хмель.

— Потом будет суп с котом. К ночи нам необходимо добраться до кургана Спасительницы.

— Успеем ли? — засомневался Дмитрий. — Если я правильно ориентируюсь, до Ряпусовского Погоста нам ещё топать и топать, не меньше десяти километров. Курган находится в тре-

угольнике между Погостом, деревнями Самково и Преслениха. От Погоста ещё километров пятнадцать.

— У тебя есть конкретные предложения?

— Давай позвоним Федотову. Светлый умеет ходить *легко-ступом*, Ираклий тоже, вдвоём они доберутся до кургана за секунды.

— Это не предусмотрено Замыслом, — обронил Тарасов скупно. — Надо идти.

Все почему-то посмотрели на писателя.

Владлен с трудом поднялся.

— Надо, значит, надо. Я готов.

Хмель потрепал его по плечу и первым направился в обход деревни.

Глава 26

СТРОИТЕЛЬ ВЕЧНОГО

Великий Устюг

Мысль посоветоваться с волхвами старшего поколения тревожила Крутова с утра. Но лишь к обеду он смог закончить неотложные дела и вышел в «улёт-поле», то есть — на *тьмь*-связь с Михой, последним из волхвов-столетников, чей жизненный путь начинался ещё в девятнадцатом веке.

Миха, в миру Михаил Васильевич, жил на Севере, в Няндоме, и редко появлялся на толковищах или на советах волхвов. Но его мнением дорожили и уважительно называли *д е д у ш к о*.

Канал *тьми* образовался неожиданно легко.

— Слушаю тебя, ратай, — раздался в голове Крутова густой мыслеголос волхва. — Почто зазвал?

— Вопрос есть, дедушко, — сказал-помыслил Егор. — По Замыслу посвящение Сергия-ведича должно состояться наутро Покрова Богородицы. Почему?

Миха помолчал.

Православный праздник явления Покрова Пресвятой Богородицы чествовался четырнадцатого октября. По легенде, явление это произошло в середине десятого века в Константинополе, во Влахернской церкви, где хранились риза Приснодевы Марии, её головной покров — мафорий и часть пояса, перенесённые сюда из Палестины.

В воскресенье четырнадцатого октября во время всенощного бдения, когда церковь была полна молящимися, юродивый Андрей увидел идущую по воздуху Богородицу, озарённую небесным светом и окружённую ангелами, среди которых были Иоанн Богослов и Креститель Иоанн. Она помолилась, сняла с себя покров и распростёрла над прихожанами, как бы защищая их от врагов видимых и невидимых.

С тех пор и появилась традиция строить храмы в честь Покрова Божией Матери и праздновать это знамение.

— Ты хорошо знаешь Библию, ратай? — донеслось наконец до слуха-ощущения Крутова.

— Хорошо, дедушко.

— Что дал людям Покров Владычицы Приснодевы?

— Защиту.

— Сергию-ведичу не нужно разъяснение — что делать и как. Защита у него есть. Ему нужна Вера в себя. Покров даёт Веру. Хотя не все это понимают.

Крутов помолчал несколько мгновений.

— Веди́ч действительно сможет под н я т ь Род?

— Вы его пестовали, вам и ответ держать.

— Он близок к д е р з е н ь-уровню. Нужен один шажок.

— Этот шажок вы должны сделать вместе. Все, кто живёт и верит.

Крутов ещё помолчал.

— Я понял, дедушко. Но верящих в Дело много, а помощников — мало. Всех не призвать.

— Призови тех, кто откликнется. Слава богам нашим!

— Слава!

Тя́мь истаяла струйкой дыма. Разговор закончился.

Крутов «огляделся» в психофизическом пространстве «улёта-поля», ища потоки внимания к возникшей «облачной опухолью» в месте образования ментального канала, ничего подозрительного не увидел и поднялся «выше» — над Москвой, затем над областью и над всей территорией Русских равнин.

Бросились в глаза серые и чёрные кляксы — районы неблагополучной психоэнергетической обстановки в местах обитания конунгов. Больше их не стало, но все они объединялись в геометрически правильные сети, почти перекрывающие «об-

ласти света», где жили волхвы. Сеть являла собой с и л у, и с ней надо было считаться.

Крутов поискал глазами холмик Великого Устюга, спустился к нему, отыскивая в чёрных и серых «нервных» сплетениях психофизического фона узелок другого цвета — «ультрасинего», с искорками бирюзы. Это был цвет Левона Тиграна, академика, грэя, идущего Путём Мимохода, путём отстранения от привязанности к конкретным людям в частности и к человечеству вообще.

Внутри узелка мигнула и заморгала жёлтая звёздочка, испустившая тоненькие лучики любопытства и настороженности. Грэй почуял «пеленгатор» Крутова и пытался определить, кому он понадобился.

Егор просунул в звёздочку паутинку личной идентификации.

По всему узелку «ультрасинего света» пробежала волна свечения, напоминавшая волну на воде от брошенного камня. Возникла чёрная точка, превратилась в подобие слоновьего уха.

«Я Владыко Егор, — сообщил Крутов. — Мы встречались. Появилась нужда в прямом контакте. Разрешите напроситься в гости».

«Ухо» превратилось в подобие губ. Раздался тихий шуршащий мыслеголос:

«Я не принимаю гостей, даже такого уровня».

«Разговор идёт о жизни и смерти».

«Жизнь — конкурентная экспансия, поддерживаемая процессами агрессивных установок. Смерть лишь переход на другой уровень бытия».

«Возможно, вы правы, не буду спорить. Но речь идёт о жизни мальчишки. Ему ещё рано переходить на другой уровень бытия. К тому же Равновесие сил в мире нарушено, и вы это знаете. Болезнь социума запущена настолько, что в любом случае это коснётся и вас лично».

Звёздочка притушила свой острый блеск. Грэй размышлял.

«У меня мало времени на прямые контакты».

«Я вас не задержу».

«Где вы находитесь?»

Крутов улыбнулся, не показывая тем не менее своих чувств: грэй не смог увидеть, где обитает его собеседник.

«В Ветлуге».

«Сколько времени вам понадобится на дорогу?»

«Несколько секунд».

Молчание в ответ. В излучении «звезды ультрасинего света» проявились лучики недоверия, сомнения и удивления. Погасли.

«Я открою дверь».

«Ультрасиняя» звезда стала оранжевой.

Крутов сконцентрировал внимание на повелевании и через несколько мгновений вышел из *легкоступа* перед высокой оградой из чугунных решёток, за которой стоял в окружении сосен и елей двухэтажный особняк с четырьмя колоннами по фасаду. Это был дом Левона Тиграна в Великом Устюге, расположенный на улице Питирима Сорокина. Крутов знал, что дому этому уже больше двухсот лет и он чудом уцелел при пожаре в начале двадцатого столетия. Каким образом Тиграну удалось поселиться здесь, доказать своё право на владение ценным архитектурным и культурным сооружением, можно было только догадываться. Но бывший директор Института нетрадиционной медицины перебрался сюда из Москвы, отстроил усадьбу, восстановил стоявший в руинах дом и теперь жил в Великом Устюге, занимаясь своими «серыми» делами и не вмешиваясь в политическую, культурную и магическую жизнь страны.

Крутов кинул ещё один взгляд на особняк. Дом выглядел старым и одновременно основательным, крепким, внушительным, способным простоять не один век. Однако это была иллюзия. В тысяча шестьсот девяносто девятом году Великий Устюг пережил трагедию: в пожаре, прозванном в народе «воздвиженским», сгорело семь церквей и шестьсот девяносто два дома. Город восстанавливался двести с лишним лет, но от сгоревших строений не осталось ничего. Только память о том, что они были.

Сама собой открылась калитка в ограде.

Крутов проследовал по дорожке из керамических плит к центральному входу в дом с колоннами.

Медленно разошлись створки большой двери, украшенной золочёной резьбой с изображением летящих ангелов.

Крутов поднялся по ступенькам невысокого крыльца, вошёл в небольшой вестибюль с гладким мраморным полом. Ему навстречу из-за резной колонны выступил кряжистый плотный мужчина в необычного покроя рубаше до пола, напоминающей римский хитон. У него были чёрные, с проседью, волосы, будто приклеенные к массивной круглой голове, чёрная борода, кольцом охватывающая подбородок и соединявшаяся с усами, и чёрные глаза навывкате.

Несколько секунд гость и хозяин смотрели друг на друга. Потом серый проговорил рокоchущим басом:

— Вы не изменились, коллега.

— Вы тоже, Левон Хачатурович.

— Не бойтесь, что я сдам вас Майклу Северину и его своре?

В Ветлуге у них свой притон.

— Я в курсе. А вы не боитесь жить здесь, зная об амбициях владельцев притона? — Крутов усмехнулся. — Они не любят тех, кто им не подчиняется.

По губам Тиграна скользнула презрительная усмешка.

— Переживут. Я не боюсь их. Они не строители Вечного, хотя и пытаются повелевать миром.

Глаза грзя сверкнули, по вестибюлю прошла тугая волна воздуха, способная опрокинуть стену. Но Крутов словно не почувствовал воздушного удара.

— Поговорим?

Хозяин повёл рукой, приглашая гостя следовать за ним.

В стене напротив сама собой возникла дверь.

Крутов сделал шаг, другой, и пол под ним внезапно провалился, образуя глубокий колодец. Однако Егор как ни в чём не бывало продолжал идти, словно под ним был слой твёрдого невидимого стекла, и преодолел препятствие без колебаний.

В глазах Тиграна мелькнула тень уважения.

— Прощу прощения.

— Не за что, — равнодушно ответил Крутов.

Дверь перед ними открылась, массивная с виду, с выпуклыми бронзовыми печатами, щитами и мечами. В помещении загорелись невидимые светильники. Здесь стояли две очень красивые изразцовые старинные печи, изумительной работы обр — деревянная скамья с резными ножками, стенкой и подлокотниками, софа, резной столик, стулья и длинные керамические

вазы с тонкими горлышками. Судя по их отчётливо выраженной фаллической форме, хозяин понимал толк в древней эзотерической символике и намеренно украсил жилище оберегами жизненной силы.

Крутов огляделся, перевёл взгляд на Тиграна.

Наблюдавший за ним грэй усмехнулся.

— Крестов не ищите. Несмотря на то что крест является древнейшим языческим символом огня и солнца и он намного древней того креста, на котором якобы распяли Христа, это легендарное деяние, приведшее к некрофилическому культу, убило всю силу символа.

Крутов качнул головой:

— Вы не поклоняетесь Иисусу?

— Я не поклоняюсь никому. И не верю в божественное происхождение господина Христа. Бога распять нельзя. Попробуйте распять солнце, и вы поймёте, что такое истинный Бог. Но к делу. Присаживайтесь. Соки, чай?

— Благодарю, ничего не надо. У меня тоже мало времени.

Они сели на скамью, разглядывая друг друга, сравнивая свои впечатления с оставшимися в памяти от прежних встреч.

— Вы знаете, что происходит вокруг. — Егор не спрашивал, он утверждал.

— Смотря о чём речь. — Тигран небрежно махнул рукой. — Светская жизнь меня практически не интересует.

— Я имею в виду экспансию Синклита.

— Синклит мне не мешает. А иногда даже помогает.

— Каким образом?

— Его храмы Братства Единой Свободы очень хорошие испытательные полигоны. Изредка я пользуюсь ими.

— В качестве пси-усилителей?

Тигран боднул лбом воздух.

— Вас что именно интересует?

Крутов спокойно отвёл неслабый психический удар. В стены комнаты ушли десятки отразившихся от защитного одолен-поля тонюсеньких молний, невидимых глазу.

— Синклит нарушил Светое Равновесие и собирается превратить Россию в питательную среду для чёрных колдунов и жрецов. В стадо энергетических донор-баранов. Мы хотим положить этому конец.

Тигран снова небрежно отмахнулся.

— Флаг вам в руки. Но ваша идея возрождения «золотого пояса» родноверческих деревень, создание Великого Вечегого государства — утопия.

— Возможно. И тем не менее нас не устраивает развитие событий. Американский и даже европейский образ жизни ущербен в самой своей сути. Власть денег и юридических законов там полностью выхолостила смысл духовной эволюции человека. Всё социальное бытие человека Запада пронизано индивидуализмом, стадностью реакций и юридическим формализмом. Отношения между людьми в странах Запада всегда строились не на основе нравственного закона любви, а путём договорно-правового регулирования.

— Пусть так. Ну и что? Масса людей недостойна того, чтобы за них боролись люди нашего с вами круга.

— Не буду возражать, — кивнул Крутов. — Только они-то без нас проживут, а мы без них — нет. Вы тоже.

— Не уверен.

— Это лишь подчёркивает слабость вашего прогноза. Попробуйте заглянуть в будущее, хотя бы лет на пятьдесят, и вы поймёте, что человечество в тупике.

— Меня это не волнует. Проблема выбора стоит лишь перед теми, кто этот выбор ещё не сделал.

— Вы сделали, надо полагать?

— У вас всё?

— Пожалуй, да.

— Вы что-то хотели мне предложить. Или я ошибся?

— Русь достойна лучшего будущего, нежели её настоящее. Только ей присуще Движение Духа. Она является Началом Начал, доминантой метаистории человечества и его Продолжением. Помогите ей освободиться от навалившейся чёрной силы.

— Меня не волнует судьба России. Я могу жить в любом другом уголке земного шара.

Крутов встал, на мгновение заполнив собой всё помещение, сказал каменно-твёрдо:

— Не можете!

Зашагал к двери, бросил через плечо с той же неколебимой простодушной уверенностью:

— И не сможете!

И исчез.

Тигран какое-то время продолжал сидеть, склонив голову к плечу, посмотрел в окно: шёл дождь.

Повинуясь мысленной команде хозяина, в камине загорелись берёзовые и сосновые поленья. Однако успокоения огонь не принёс.

Тигран походил кругами по комнате, вспоминая твёрдое лицо волхва, его спокойную, полную внутреннего достоинства манеру поведения, речь, скупые жесты. Поморщился. Визит не должен был стать причиной странного беспокойства, охватившего душу, неудовлетворения собой. Но стал.

Он сосредоточился на *тями*, вырастил канал ментальной связи.

«Владыко Полынь».

Крутов отозвался сразу, будто ждал вызова:

«Слушаю вас, Левон».

«Хотелось бы оставить о себе добрую память».

«Ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным», — пошутил волхв.

Тигран сжал зубы, стараясь не реагировать на иронию в мыслепередаче гостя.

«Конунги расположили вокруг Кенозера установки «Лунного света».

«Это интересно. Вам известно, где именно?»

«В самом Каргополе, Пудоже, Нижнем Устье и в деревнях Конево и Карминская».

«Значит, им известен наш Замысел. Крайне любопытно, откуда».

«Я не контрразведчик, поиск утечки информации — забота вашего Катарсиса. И ещё деталь: в тех же городах и сёлах начались сборы прихожан в местные церкви, синагоги и мусульманские мечети. Плюс два храма БЕСа — в Татарской Горе и в Коневе».

«Примите мою искреннюю благодарность, Левон! Если понадобится моя помощь, можете на меня рассчитывать».

«Мне ничего не нужно. Я строю Вечное. Удачи!»

Тигран отключил *тьямь*-канал.

Впрочем, даже переданная информация о подготовке ко-

нунгов к какому-то де я н и ю не сняла смуту с души. В сердце поселились тревога и ожидание печали.

Крутов, уже подходивший в этот момент к своему дому в Ветлуге, поднял голову к небу, затянутому низкими тучами, и проговорил негромко:

— Когда же вы поймёте, строители Вечного, что никакая вечность не длится дольше человеческой жизни?

Глава 27

ПОГОНЯ

К востоку от Кенозера

Остановились на полчаса, чтобы перевести дыхание.

Хмель, имевший железное здоровье и отменные «ходовые качества», покрутился вокруг расположившегося на сухом бугорочке отряда и принёс два десятка рыжиков.

— Видали? Грибов — уйма! Жаль, что у нас нет времени на грибную охоту. Нарвали бы рыжиков, и я бы насолил вам два ведра отменной вкуснятины. Знаете, как готовят рыжики?

— Жарят, — буркнул Черкес, пряча флягу с минералкой.

Никифор посмотрел на него с сожалением:

— Сразу видно, что ты городская крыса, человек асфальта. Конечно, рыжики можно и жарить, но солёные вкусней. Запоминай рецепт, дилетант. Обдаёшь рыжики кипятком, укладываешь слоем в посудину, лучше всего в небольшой бочонок, сверху сыплешь соль, кладёшь листья смородины, укропчик...

— Отставить рецепты, — сказал, поднимаясь, Тарасов. — Имтук, вперёд на разведку. Николай — ты в арьергарде. Потопали, скоро стемнеет.

Отряд снова устремился в путь, изрядно измотанный обходом лесных чащоб и болотистых низменностей.

В пять часов начало темнеть. Но не так, как это всегда планировалось природой. Первым этот процесс заметил Сергей.

— Дядя Глеб.

Тарасов остановился, понимая, что белёсый туман, внезапно поднявшийся с земли, чем-то отличается от обычного осеннего тумана.

— Стоп, команда!

Все остановились, вслушиваясь в лесную тишину, всматриваясь в густеющий туман.

— Странно... — сказал Булавин. — К ночи туман не поднимается. Может, это снова колдовская *наветь*?

— *Злеч*? — поддержал его Никифор.

— Помолчите!

Стало тихо. Где-то на востоке простучали колёса электрички, раздался гудок, и снова наступила тишина.

Туман стал таким густым, что в нём уже ничего нельзя было разглядеть. И сыростью от него не пахло. Впечатление было такое, будто сгустился сам воздух, перестав пропускать световые лучи.

Сергий перестал водить головой из стороны в сторону.

— *Наведа* морока...

— Чего? — не понял Хмель.

— «Чёрный взгляд»... такое заклинание... ну, это поток внимания колдуна...

— Кто-то из конунгов пытается нас заморочить, — подытожил сказанное Тарасов. — Тумана в самом деле нет, он существует только в нашем сознании.

— В любом случае мы не сможем ни ориентироваться, ни идти.

— Светлый, сделай что-нибудь.

Сергий зажмурился, замер, сжимая и разжимая кулаки. С пальцев мальчика на траву стекли тоненькие струйки розового свечения.

Затем стало видно, что вокруг каждого члена отряда туман начинает редеть, рассеиваться, образовывать прозрачные сферы. Через минуту эти сферы видимости соединились в единый пузырь, и Витязи вздохнули с облегчением. Можно было двигаться дальше.

— Однако ты силён, — с уважением проговорил Черкес, глянув на мальчишку. — Без тебя нас бы уже прижали где-нибудь. Что ещё ты умеешь делать?

— Вперёд! — бросил Тарасов, успевший глянуть на экранчик арминга с картой местности. — Пойдём правее, через три километра выйдем к лесничеству, оттуда до кургана рукой подать.

Отряд вытянулся змейкой в нужном направлении.

Пересекли небольшую поляну, заросшую брусничником, снова углубились в лес.

Туман то сгушался, то редел, но на скорости движения это не сказывалось. Защитное воздействие юного ведича на сознание людей позволяло им справляться с «наведой морока», инициированной конунгами. Тем не менее «чёрный взгляд» неведомого колдуна или целого прайда колдунов продолжал ошупывать лес вокруг, и иногда его интенсивность превышала потенциал защиты, отчего членам отряда начинала мерещиться всякая всячина.

То вдруг иголки под соснами собирались в текучую фигуру лесного зверя, собиравшегося напасть на людей.

То земля впереди «проваливалась» или вставала стеной.

То начинали падать деревья, загораживая путь.

А однажды над отрядом возникла гигантская ладонь и с размаху пришлёпнула его к земле, как муху нашлёпка мухобоя, так что все упали, вжимаясь в подстилку из листьев, травы и соновых иголок, защищая головы руками.

Потом всё разом кончилось.

Туман исчез.

Головы людей прояснились. Стало легче дышать.

— Уфф! — выдохнул Черкес, красный от напряжения. — Слава богу! Неужели атака закончилась?

Ответить ему не успели.

Послышался нарастающий гул вертолётных винтов. В про светах между вершинами деревьев показались тёмные на фоне туч туши винтокрылых машин.

— Светлый! — лязгнул металлом голоса Тарасов. — *Непрогляд* на полную катушку!

— Я уже устроил *повелевание*, дядя Глеб.

— За мной, бегом!

Отряд понёсся вперёд, не обращая внимания на цеплявшиеся за одежду сучья и попадавшие под ноги корни деревьев и кочки.

Вертолёты прошли стороной, но вернулись и зависли над лесом в сотне метров от бегущих людей. Стало ясно, что они «мечут икру» десанта. Отряд на мгновение остановился.

— Нас запеленговали! — выдохнул Хмель. — Серж «высунулся» в «тумане морока», и колдуны нас запеленговали!

— Бегом! — сориентировался Тарасов. — До лесничества всего полтора километра. Там решим, что делать дальше.

Снова побежали.

— Я могу их задержать, — проговорил в три приёма Сергей, пытаясь не отстать от Тарасова.

— Как?

— Запущу «пузырь».

— Что это такое?

— Ну, это наподобие той *навети*, что мы оставили в лесу под Фошней, когда ходили за грибами.

— Давай, — согласился Глеб Евдокимович, — отвлекающий манёвр лишним не будет.

Приостановились.

Мальчик прижал к вискам ладони, зажмурился, постоял так несколько секунд и вдруг разделился на две одинаковые фигуры. Вторая зыбилась и колебалась, но всё же очень сильно походила на оригинал, то есть на самого ведича.

Сергей вытянул руку в ту сторону, откуда они бежали.

— Вейся, стелься, через древо целься, стань как человек, побеги на...

— Стойте! — быстро сказал Булавин. — Они не должны знать, что Светлый с нами!

Двойник Сергея заколебался, заструился дымком, пропал.

Мальчик растерянно посмотрел на Тарасова.

— Сделай двойника из кого-нибудь другого. Сможешь?

— Из меня, — предложил Никифор.

Сергей снова прижал ладони к вискам, но глаза не закрыл, продолжал смотреть на Никифора.

— Я ничего не... — начал тот и внезапно раздвоился.

Его двойник, текучий, бесплотный, с блестящей головой, замахал руками, смешно перебрал ногами на месте и под слова «вейся, стелься, стань как человек» канул в кусты.

— Ты им управляешь или нет? — спросил Булавин.

— Вижу, как он идёт... немножко управляю, — ответил Сергей.

— Пусть он покажется десанникам и побежит на запад.

— Хорошо.

Тарасов сосредоточился на *устроении повелевания*, нашёл

внутренним зрением ворону на дереве, заставил её взлететь и посмотрел на лес птичьими глазами.

Он увидел серо-зелёно-коричневое поле, мало напоминающее лес сверху. Больше всего картина походила на камуфляжную сеть, накинутую на пласт желе. Над сетью висели три громадных горбатых крокодила, вращая пропеллерами-крыльями. А внизу, в ячеях «желе», мелькали какие-то неяркие живые тени. Это были десантники, сброшенные вертолётами-«крокодилами».

Тарасов вернулся «в свои глаза».

— Три вертушки, десантников около двух десятков.

— Далеко?

— В пределах километра.

— Можем не успеть до твоего лесничества, да и не защита это, если подумать.

Из леса прилетел звук выстрела.

Затем выстрелы посыпались пачками.

Десантники заметили двойника Хмеля и открыли по нему огонь.

— Вперёд! — скомандовал Тарасов. — Не отставать.

Через десять минут выбрались к старой просёлочной дороге, свернули по ней налево и вскоре увидели небольшой бревенчатый домик с крышей из потемневшей дранки. Окна домика были заколочены, на дверях висел ржавый замок. В рамочке под стеклом возле двери когда-то висела табличка, вещающая, очевидно, что это неказистое строение является лесничеством, но в рамочке сохранился лишь осколок стекла, сама табличка исчезла.

— Эта развалюха нас не спасёт, — сказал Никифор, озираясь. — Наоборот, похоронит.

— Предлагаю оставить здесь засаду, — сказал Булавин. — Могу остаться вместе с Николаем. Мы их задержим.

— Нам надо полчаса, — сказал Тарасов. — Потом уходите. И не подставляйтесь под пули!

— Не психуй, Старый, — ухмыльнулся Черкес. — Первый раз, что ли? Мы вас догоним. Оружие распределять будем?

— У вас всё есть.

— Дайте нам хотя бы один ПЗРК. Страсть хочется пальнуть!

Тарасов посмотрел на Терминатора, тащившего на себе пе-

реносный зенитно-ракетный комплекс «Соловей», и тот без колебаний отдал контейнер Черкесу.

Стихшая было сзади стрельба вспыхнула с новой силой.

Все оглянулись.

— С кем это они воюют? — пробормотал Хмель.

— Не останавливаемся, — бросил Глеб Евдокимович решительно. — Вариант передвижения — «рогатина». Светлый, держись в кильватере. Владлен Денисович, следуй за нами вплотную. Вперёд!

Хмель ударил кулаком о подставленную ладонь Булавина, ткнул в плечо Черкеса, зашагал в обход заброшенного домика лесничества. Остальные устремились за ним.

Булавин и Черкес помахали им руками в сгущающихся сумерках и побежали к домику.

Минут двадцать отряд двигался «рогатиной»; Хмель и Терминатор образовывали крайние «зубья вилки», Тарасов и Сергей соединяли эти «зубья», Тихомиров стал «ручкой». Однако в наступившей темноте было трудно ориентироваться всем одновременно, писатель всё время отставал, и Тарасов сбавил темп.

Со стороны лесничества послышалась нарастающая пальба: погоня добралась до засады. Ахнули два взрыва — кто-то бросил гранаты. Затем с визгом и уханьем ширкнул по ушам более мощный удар.

Остановились.

— ПЗРК! — пробормотал Никифор.

— Не останавливаться! — бросил Тарасов.

Побежали.

В лесной стене мелькнул просвет, и отряд выбежал на край болотца, перегородившего путь.

— Надо ле... — начал Хмель.

На небольшом холмике перед болотцем, за стволом упавшего дерева проявилась тёмная фигура.

— Всё-таки я вычислил вас правильно, — раздался чей-то самодовольно-презрительный тягучий голос. — Вы гораздо более предсказуемы, чем погода, господа Витязи.

Тарасов, давно перешедший на инфракрасный диапазон зрения, узнал Кобягу. Поднял руку вверх:

— Харитон Трифонович...

— Он самый. Стойте, где стоите, не хватайтесь за оружие. На помощь вам никто не придёт, ваша засадная группа уничтожена. В принципе вы нам не нужны. Отдайте мальчишку и уходите. Мы вас пропустим.

— Он один! — почти неслышно выхрипнул Никифор.

— Крылья! — отозвался Тарасов.

— Вы о чём? — не понял Кобяга.

В то же мгновение Хмель и Терминатор метнулись вправо и влево от ядра группы, одновременно выстрелив из пистолетов.

Команда «крылья» означала императив двойной фланговой атаки, и даже конунг не мог одним мгновенным ударом предотвратить её.

Сверкнула зелёно-фиолетовая молния энергетического разряда: Кобяга «выстрелил» в Терминатора, используя собственный биоэнергетический потенциал. Молния попала в плечо почти невидимого Анылгина, комбинезон на нём загорелся, но тут же погас. Тем не менее он упал, парализованный, выронил пистолет.

Вторая молния прошла над Хмелем, успевшим нырнуть за ствол лежащей сосны.

Тарасов выстрелил из своего пистолета, выпустив всю обойму, и заставил Кобягу защищаться, уклоняться от пуль и менять позицию.

Третья молния разорвала темноту: конунг метил в Тарасова, но не попал. Зато он увидел стоящих открыто Сергея и Владлена и следующий разряд направил в их сторону.

Владлен понял, что сейчас последует выстрел, за мгновение до разряда. Прыгнул вперёд изо всех сил, не думая о последствиях, закрывая собой мальчика. И молния вонзилась ему в грудь, пробивая верхний слой комбинезона, вшитую в ткань пластину бронежилета и сердце. Упал в траву он уже мёртвым.

Часто-часто замелькали вспышки выстрелов из-за дерева: Хмель открыл огонь из пистолета-пулемёта.

Тарасов, сделав пережат, присоединился к нему, сдёрнув с плеча такой же «Каштан».

Они не промахнулись.

Кобяга метнулся вправо-влево как заяц, посылая во все стороны веера фиолетово-зелёного магического пламени, но не-

сколько пуль ужалили его в шею и в голову, и конунг выбрал самый оптимальный для себя вариант защиты — сбежал!

Наступила тишина.

Послышались рыдания.

Тарасов метнулся к Сергию, обнявшему писателя на земле.

— Ты ранен?!

— Он... он... — Слёзы душили мальчика, и Сергей не сразу справился с ними. — Ему не надо было... я мог отбить... а теперь он...

Тарасов опустился рядом на корточки, взял руку Владлена, подержал, отпустил. Сказал глухо:

— Он мёртв. Уходим.

Подошёл Хмель, мрачно пробурчал:

— Там Терминатор зубами скрипит, рука отнялась.

Сергей поднял заплаканное лицо; в темноте его слёзы были не видны обычному человеку, но Витязи обладали паранормальным зрением и видели ночью так же хорошо, как и днём.

— Извините... я могу помочь...

— Я здесь, — подковылял Имтук, держась левой рукой за правую. — Не двигается, однако.

Сергей поднялся с колен, поводил головой из стороны в сторону, «разглядывая» полевые оболочки Терминатора, провёл ладонью над плечом, над грудью, снова над плечом.

— Сейчас пройдёт.

Терминатор замер, прислушиваясь к замирающей боли в суставах. Онемевшая рука «загорелась» изнутри, по жилам побежали колющие коготочки. Пальцы парализованной руки шевельнулись.

— Ну что? — спросил Хмель.

— Нормально, — ответил Анылгин, поднимая руку. Кивнул на тело писателя: — Что с ним?

— Кирдык, — невесело вздохнул Никифор. — Кобяга достал его. Командир, надо срочно уходить. Эта колдовская сволочь может вернуться, и не одна.

— Его надо похоронить.

— Потеряем время. Прикроем пока ветками, потом вернёмся и похороним. Жаль парня, конечно, но умер он красиво.

Глаза защипало.

Тарасов поднял лицо к небу, слизнул упавшие на губы кап-

ли дождя. Природа словно почувствовала смерть одного из её друзей и решила оплакать его дождём.

— Уходим! До конца жизни... до конца жизни буду помнить тебя, Владлен Денисович! Прости, что не уберёг!

Сергей всхлипнул.

Хмель прижал его к себе.

Стрельба за их спинами прекратилась.

Глава 28

ГАШЕНИЕ «ЛУННОГО СВЕТА»

Каргопольский район

Переговоры с волхвами отняли так много времени, что Крутов дал себе передышку: включил в кабинете объёмную музыку — сочинения Скрябина, обладавшие способностью восстанавливать энергетику организма, и сорок минут «плавал» в мире света и очарования.

Встряхнулся, влез в пруд с ледяной водой, растёр тело махровым полотенцем. Выпил чашку сваренного женой кофе. Вызвал Ираклия.

Федотов прибыл через минуту, целенаправленный, налитый силой, внушающий уверенность.

— Всё идёт по плану, Владыко. Наши пересекают северо-каргопольский лесной массив. К помощи ещё не прибегали, обходятся своими силами.

— Есть хочешь?

— Нет.

— Тогда давай пройдемся по веточкам Замысла.

Ираклий кивнул. Ему уже было известно, что грэй Тигран дал Егору координаты селений, где конунги расставили установки «Лунного света». Генераторы надо было ликвидировать.

— Катарсис в «готовности один». Мне выделены две триады, они уже в Каргополе, а из Архангельска присоединится Весняр.

Крутов кивнул. Ираклий имел в виду Витязя, контролирующего работу Катарсиса на севере России.

— Возьмёте на себя «Лунный свет» в Кроминском и Нижнем Устье. Я нейтрализую храмы БЕСа.

— Один?

Крутов улыбнулся:

— Мне помогут волхвы.

— Позови, если что. Когда выступать?

— Прямо сейчас. У нас всего несколько часов на проведение всех операций. Кстати, похоже, в Катарсисе завелась крыса Синклита. Конунги знают о переходе Сергия, а главное — о месте перехода.

— Есть подозреваемые?

— Есть, но ими мы займёмся позже.

— Тогда я пошёл.

Крутов подал руку, Ираклий обменялся с ним рукопожатием и исчез. Через минуту он вышел из *легкоступа* на окраине небольшого села Кроминская, расположенного на реке Чурьеге.

Село практически ничем не отличалось от таких же сёл и деревень, через которые были проложены дороги. Кроме одной детали. В нём появились новые дома, построенные на другом берегу Чурьеге, и через реку был перекинут мост. Чудом архитектуры назвать мост было нельзя, но всё же он являл собой нынешний век и построен был из керамических плит, лёгких и прочных.

Группу поддержки Ираклий отыскал у магазинчика «Продукты», расположенного недалеко от моста. Два микроавтобуса «Баргузин» стояли за магазином, в тени деревьев, и возле них прохаживались водители в армейской форме. У всех у них имелись удостоверения служащих-контрактников Вооружённых сил России.

Ираклий сел в первый микроавтобус, пожал руки старшему группы и трём парням в форме.

— Докладывайте обстановку.

— По данным спутникового мониторинга, — начал командир группы, — установка «Лунного света» находится в фургоне, который стоит на территории новостройки по ту сторону моста. Коттедж недостроен, туда часто приезжают машины со строительными материалами, поэтому подойти скрытно к объекту будет сложно.

— Где ещё можно спрятать «Лунный свет»?

— Мы тихонько обследовали деревню, в том числе с помо-

щью малых СЭРов, нигде ничего подозрительного не обнаружили. Кроме того фургона, спрятать генератор негде.

Ираклий посмотрел на часы, достал мобильник:

— Весняр, ты где?

— В Каргополе, — отозвался Витязь Севера.

— В Кроминской я справлюсь сам. Возьми на себя «Лунный свет» в Нижнем Устье. Посылаю туда одну триаду. Через час они будут на месте.

— Жду, — лаконично ответил Весняр.

— Отправляйте машину в Нижнее Устье, — сказал Ираклий.

— Есть. — Командир группы покрутил над собой пальцем, как вертолётным винтом, и один из парней вылез из микроавтобуса, не сказав ни слова.

Второй «Баргузин» тут же уехал.

— Карту, — попросил Ираклий.

Командир группы поддержки достал арминг.

— Вот мост, вот новостройка. Подъезд только с одной стороны. Фургон стоит во дворе, под западной стеной коттеджа. Двор не освещён. Охрану можно расположить где угодно.

— Фургон можно расстрелять из гранатомёта?

— К сожалению, невозможно. Там лес вплитык, а дорога идёт с восточной стороны коттеджа, с неё фургон не виден. Полезем через забор — заметит охрана.

Ираклий помолчал, покусывая травинку, глядя на экранчик арминга.

— Сделаем так. Перекроете подъезды к деревне километрах в двух отсюда, остановите любой грузовоз и на нём подъедете к коттеджу. Важно не спугнуть охрану раньше времени. «Лунный свет» надо ликвидировать быстро, чтобы его операторы и охранники не успели доложить начальству о нападении.

— Ясно. Где будете вы?

— Я появлюсь у объекта в момент атаки. Никакой стрельбы на поражение! Только холодное оружие!

— Ясно, — кивнул старший. — Спецуху использовать можно?

— Можно, — кивнул Ираклий.

Командир группы имел в виду средства нелетального поражения, которыми вооружили группу снабженцы Катарсиса. В их арсенал входили как физико-технические устройства: све-

тозвуковые и газовые гранаты, ослепляющие лазерные излучатели, электрошокеры и акустические разрядники, генерирующие узконаправленные звуковые пучки, — так и пси-излучатели «Удав», называемые специалистами «глушаками».

— Начинаем.

Ираклий выбрался из салона микроавтобуса.

Машина уехала.

Темнота сгустилась, подчёркиваемая нависшими над селом тучами и фонарём у магазина.

Ираклий сгорбился, старческой походкой побрёл по дороге к мосту, фиксируя сферой паранормального видения всё, что происходило вокруг. Через несколько минут он сделал вывод, что магией в окрестностях деревни «не пахнет». Конунги понадеялись на скрытность своих манёвров и установку «Лунного света» колдовской *наветью* не прикрыли.

В начале девятого через мост проехала фура, гружённая красным кирпичом. За рулём фуры сидел один из бойцов группы поддержки.

Ираклий проводил его глазами, убедился, что никто за ним не следит, и перешёл на *легкоступ*.

Коттедж, возводимый на другом берегу Чурьегги каргопольской строительной фирмой «Домодар», явно предназначался для какого-то чиновника, если судить по масштабности и помпезности проекта. Он был трёхэтажный, со множеством башенок, зубцов и колонн, и занимал площадь около четырёхсот квадратных метров.

Территория усадьбы была уже огорожена высоким трёхметровым кирпичным забором, ошетиनिвшимся сверху частоколом острых копий. В стене со стороны подъезда имелись глухие ворота, без отверстий и окошек, но с выпуклыми щитами, а также высокая боковая дверь с устройством сигнализации. Снаружи коттедж не охранялся, однако можно было представить, какая охрана пряталась за забором. С ходу преодолеть этот форпост было проблематично.

Но Ираклий и не собирался штурмовать здание. *Легкоступ* и *склис* — умение проникать сквозь твёрдые предметы — позволяли ему без особых усилий преодолевать такого рода препятствия. Исчезнув на мосту, он появился уже за кирпичным

забором в тот момент, когда к воротам подкатила фура с кирпичом.

Охрана усадьбы присутствовала.

Ираклий заметил двух парней в чёрном, освещённых фонарями у коттеджа, ещё двух в самом коттедже и собаку, скучающую на цепи.

Кроме охранников на территории стройки находились и строители в количестве пяти человек в оранжевых робах — они занимались обычным строительным делом: поднимали и опускали плиты с помощью крана, раствор и кирпичи, что-то сваривали и резали.

Но никто из них проникшего на территорию Витязя не заметил. Ираклий «завязал» на себе «кольчугу» *непрогляда*. Лишь собака, погуливающая возле будки, подняла голову и оскалила зубы, почуяв слабый ментальный «запах» чужого.

Ираклий бесшумно поднял обломок кирпича, кинул под забор подальше от себя.

Собака насторожилась, натянула цепь, зарычала, глядя туда, откуда прилетел подозрительный звук.

Охранники бросили курить, взяли собаку на поводок и пошли к забору, включив фонари.

Ираклий переместился к штабелям досок за сторожкой, где было совсем темно. Оглянулся.

Створки ворот начали раздвигаться, управляемые дистанционно.

Фура с грузом кирпича медленно проехала ворота.

— Начали! — сам себе скомандовал Ираклий и метнулся за угол здания, взвинчивая темп, начиная жить в ином скоростном режиме.

Фургон, в котором, по предположениям разведки Катарсиса, пряталась установка «Лунного света», стоял под стеной коттеджа недвижимый, тихий и на первый взгляд неохраняемый. Однако экстрасенсорная система Витязя, не хуже компьютера обрабатывающая в десятые доли секунды множество параметров среды, сразу выявила живые объекты вокруг фургона.

Всего объектов насчитывалось пять.

Три человека прятались в самом здании и за штабелями стройматериалов, двое — со стороны забора.

Они были экипированы спецкомбинезонами, делающими

их практически невидимыми, и вооружены новыми малогабаритными автоматами «9А-06», пули которых могли свободно пробивать тридцатисантиметровые брёвна и стенки толщиной в три кирпича.

Все эти характеристики Ираклий оценил в течение полусекунды и начал действовать в соответствии с полученными «вводными», не снижая темпа.

Первым получил шоковый удар в голову (ультразвучие позволяло Ираклию видеть светящиеся руки и лица охранников) «призрак», спокойно куривший за штабелем труб.

Вторым «уплыл» в «океан сна» охранник за пластиковым контейнером, слушающий музыку по «эмпетришнику».

Третий услышал подозрительные шорохи, вытянул шею, прислушиваясь к звукам стройки, и получил точный рубящий «хрюк» в переносицу, отключивший сознание не хуже укола анестетика.

Сложнее было обработать охранника, который сидел на балкончике второго этажа с биноклем в руке и пил пиво из банки. Время от времени он подносил к глазам окуляры многодиапазонного бинокля и осматривал забор в полусотне метров от коттеджа. Ираклию пришлось демонстрировать джекичан-технику стенолазания, то есть взбираться вверх по стене, цепляясь за неровности и выступы, и тратить драгоценные мгновения на схватку с охранником, успевшим схватиться за автомат.

Победили боевые навыки и скорость.

Из-за коттеджа слышались звуки какой-то возни, грохот — упал штабель кирпичей, железные скрипы и стоны.

Охранники, прогуливающиеся вдоль забора, за громадой экскаватора, насторожились, пошли к зданию.

Шум стих. Группа поддержки завершила захват стройплощадки перед коттеджем. Командир запросил инструкции.

Ираклий не ответил, прыгая вниз со второго этажа. Метнулся к охранникам, взявшимся за рации.

На их нейтрализацию понадобилось несколько секунд.

Парни сообразили, что происходит нечто непонятное, не предусмотренное планом руководства, надели инфраочки и взялись за оружие. Но встретить противника,двигающегося намного быстрее, чем они, знающего технику адекватного реагирования на любое изменение боевой обстановки, не ожида-

ли. И, не успев открыть огонь из автоматов, были скручены и обездвижены.

Ираклий вышел из темпа, поднял выпавший из рук охранника автомат, коротко бросил в усик рации:

— Ко мне!

Из-за коттеджа выбежали бойцы группы поддержки, также одетые в спецкомбинезоны с отражателями «свой — чужой», — чтобы в ходе операции их нельзя было спутать с противником.

Собрались возле фургона, ворочая головами.

Внутри разговаривали и, судя по неторопливости речи, не знали о существенном изменении ситуации.

Командир группы сделал жест, означающий взрыв.

Ираклий пошлёпал себя по губам. Его ответный жест означал, что сидящие внутри операторы «Лунного света» не должны были сообщить своему начальству о нападении.

Командир кивнул, показал на пистолет-пулемёт в руке.

Ираклий жестом показал ему, где надо стать, постучал в заднюю дверцу фургона.

Внутри замолчали. Потом кто-то спросил приглушенно:

— Чего надо? Макс, это ты?

— Я, — ответил командир группы. — Пиво кончилось.

— У нас тут не киоск.

— Дайте баночку.

Стало совсем тихо.

Ираклий приготовился дать очередь из автомата по замку, а если дверь не откроется — по фургону. Однако уловка сработала.

Звякнули запоры, дверца приоткрылась, высунулась чья-то голова в шлеме, потом рука с банкой пива.

— Держи.

Ираклий вошёл в темп, дёрнул оператора за руку и, пока тот летел по воздуху, вытаращив глаза, вскочил в фургон.

Одного взгляда было достаточно, чтобы определить назначение устройства, занимающего всё внутреннее пространство машины. Это был психотронный генератор «Лунный свет», способный загипнотизировать, лишить воли, отключить сознание у сотен и тысяч людей одновременно. Точно такой же генератор группе Тарасова удалось перехватить в Брянской губернии, где планировалось уничтожение Школы Шерстнева.

Второй оператор, лежащий на узеньком топчанчике с науш-

никами на голове, подхватился на ноги, но сообразить ничего не успел. Ираклий ловко щёлкнул ему в кадык пальцем, и мужчина в камуфляже потерял дыхание.

— Она, — сказал Ираклий просунувшему голову в дверь командиру группы. — Я уничтожаю установку, вы собираете всю охрану в одно место, мобилы и рации отнимаете и уходите.

— А вы?

— Я доберусь своим ходом. Будьте на связи, может, понадобится ваша помощь.

Командир со своими бойцами метнулись выполнять приказ.

Ираклий вынес обеспамятевшего оператора из фургона, передал в руки бойцам группы. Потом достал из кармана плоский пенальчик, похожий на мобильный телефон конца прошлого века, набрал на сенсорной клавиатуре комбинацию цифр. Положил пенальчик на кожух «Лунного света», выбрался из фургона.

Пенальчик начал парить, выбросил во все стороны струйки зеленоватого дыма, и эти струйки начали с шипением разъедать корпус установки. Материал корпуса, булькая, потёк, установка начала разваливаться на части.

— Никакой тебе магии, — пробормотал Ираклий. Захлопнул дверь фургона, достал мобильник. — Весняр, что у тебя?

— Порядок, — отозвался Витязь Севера. — «Лунный свет» ёк. «Минусов» нет.

Он имел в виду, что не потерял во время операции ни одного человека.

— У меня тоже. Есть ещё один объект такого же характера.

— Где?

— В Коневе. Группы поддержки не успеют, нам придётся действовать без них.

— Буду там через три минуты.

— Жди.

Ираклий выключил мобильник, посмотрел на струи пара, выбивающиеся изо всех щелей фургона, и поспешил на помощь к бойцам группы.

Село Татарская Гора располагалось практически посредине между сёлами Рыжково и Усть-Река, которые соединяла обыкновенная просёлочная дорога. Её подравнивали с помощью

щебня и песка, но асфальт не укладывали, и развить на ней скорость свыше восьмидесяти километров в час не представлялось возможным.

Впрочем, Крутова это не беспокоило. Транспортными средствами, в том числе самолётами, он последние семь лет не пользовался.

Храм БЕСа вырос не в самом селе, а в полукилометре от него, на берегу небольшой речушки с неизвестным Крутову названием. Строение прямоугольной формы, с пирамидальным куполом и крестом на нём, не выглядело большим и красивым, но вполне могло вместить до трёхсот прихожан. Естественно, воспитанная православной церковью паства храм БЕСа не посещала, однако владельцы храма сумели поднять интерес к нему с помощью мощнейшего интернет-пиара, и со всей округи к нему шли и ехали молодые люди в возрасте от шестнадцати и до двадцати пяти лет. Они искали развлечения и находили их: татарскогорский храм имел игорный зал, танцевальный зал и интернет-кафе, не говоря уже о молельне, где молодёжи пудрили мозги идеологи Синклита.

Об этом знали все, в том числе местные власти и правоохранительные органы. Но конунги денег на подкуп должностных лиц не жалели, и храм Братства Единой Свободы работал без выходных дней.

В этот вечер он был заполнен притихшими молодыми людьми, съехавшимися сюда из многих деревень и городков Каргопольского района по команде лидеров, которых давно обрабатывали «глушаками» хозяева храма. Тишина в храме тоже объяснялась соответствующей обработкой мозгов, хотя об этом никто из присутствующих не догадывался. Все они собрались в молельне — двести с лишним человек — и уже больше часа сидели на полу зала в позе лотоса, обратив лица к «отцу Несису», главному психологу храма. Конунгом он не был, однако прекрасно разбирался в тонкостях нелинейного программирования и «молитву» читал со знанием дела, поддерживая в пастве дух необходимого «творения высшей свободы».

Крутов вышел из *легкоступа* сначала в самой Татарской Горе. Огляделся.

Татарами здесь не пахло. Село ничем не отличалось от других небольших сёл русской глубинки. Не было даже мечети, что ожидал увидеть гость села, услышав его название. Лишь в

центре, на небольшой площади, разрезаемой дорогой, стоял продуктовый магазинчик, освещённый двумя фонарями на столбах. Скорее всего название селу дал высокий холм на северной окраине, голый, как баскетбольный мяч; ничего, кроме травы, на нём не росло.

Крутов просеял «антенной пси-восприятия» всю атмосферу села и уверенно направился к единственной заасфальтированной улочке, ведущей к храму БЕСа. Редкие прохожие, заглянувшие в магазинчик и спешащие по домам, Егора не замечали. Трёхмерная индивидуальная пси-защита волхва надёжно «отводила им глаза».

Несколько минут он изучал автостоянку у храма, отмечая наличие вполне достойных иномарок, что говорило об интересе, проявленном к храму местными бизнесменами. Затем проник взглядом внутрь здания, оценил его охрану (семь человек с помповыми ружьями), внутренний интерьер, особенности входа и выхода. Прикинул варианты предстоящей операции.

Сначала надо было нейтрализовать «пастуха» в молебном зале, то есть отца Несиса, ещё довольно молодого (нет сорока лет) и сильного. Поэтому Крутов начал с него. Звать на помощь волхвов, многие из которых в настоящий момент отвлекали силы Синклита на себя, он не стал. С татарскогорским БЕСом можно было справиться без поддержки Катарсиса.

Стены здания Егора не остановили.

Никем не видимый, он проник в храм со стороны бара, где в этот момент сидели двое бородатых мужчин и пили коньяк. Кем они являлись для заведения, Егора не интересовало. Их потенциал не превышал возможности среднестатистического человека. Тем не менее их присутствием можно было воспользоваться, и Крутов не стал колебаться.

Усыпил бармена, листающего какой-то глянцевого журнала, затем одного из мужчин, коснувшись сонной артерии.

Собеседник мужчины с изумлением посмотрел на коллегу, уронившего голову на стол, и замер, почувствовав, как шею сдавливали невидимые железные пальцы.

— Тихо! — сказал Егор ему на ухо. — Вставай, иди!

Бородач попытался разжать пальцы на горле, но не смог, с трудом встал.

— В молебню!

Вышли из бара, пересекли коридор, у двери в зал молельни остановились.

— Стучи и заходи! Махнёшь рукой дьякону, читающему молитву, или кто он там у вас.

Бородач повиновался.

Отец Несис, оглянувшийся на стук, увидел явно взволнованного бородача, которого, очевидно, знал, вопросительно мотнул головой:

— Чего тебе?

Бородач жестом позвал его и вышел.

— Сидеть, медитировать! — приказал отец Несис. — Я скоро приду.

Он вышел и тут же получил удар в лоб, от которого надолго потерял дар речи и сознание вообще. Убивать его Крутов не хотел, хотя мог.

Та же участь постигла и бородача.

Егор отнёс обоих в бар, уложил за стойкой, выключил в баре свет и вернулся к молельне.

Вариантов дальнейших действий было много, но он выбрал самый оптимальный.

Зашёл, всё так же никем не видимый, в зал, приблизился к одному из молодых парней в дорогом костюме, шепнул ему на ухо:

— Сейчас здесь будет ментовский шмон! Уходи!

Молодой человек вздрогнул, нервно завертел головой, не понимая, кто говорит, и Крутов добавил в голосе угрозы:

— Всех перестреляют!

Парень в дорогом костюме вскочил, направился к двери.

— Мотя, ты куда? — оглянулся на него сосед в таком же дорогом костюме.

Мотя, не говоря ни слова, исчез за дверью.

— Уходи! — чуть громче бросил Крутов его соседу.

Тот шарахнулся в сторону, шире открывая глаза.

Зашевелились и другие парни и девушки, ища глазами источник шума, переглядываясь и перешёптываясь.

И тогда Крутов проговорил гулким басом, от которого завибрировали стены и лопнули две лампочки в светильниках на стенах:

— Здание сейчас рухнет! Разбегайтесь!

Девушки завизжали.

Все вскочили на ноги, бросились толпой к двери.

— Быстрее по домам! — подстегнул их новый вопль.

Началась паника и давка.

Длинноволосые адепты «Единой Свободы» забыли о порядочности и вежливости (впрочем, многие этим и не отличались никогда), начали ломиться в дверь, топча упавших, вынесли окна. Через две минуты зал опустел. Толпа понеслась дальше, сметая ошалевших охранников. Раздался рёв моторов. Испуганные владельцы иномарок вспомнили о своих машинах и теперь уносились прочь.

Тогда Крутов, «третьим глазом» проводив толпу молодёжи, призванную сыграть роль массового усилителя для излучения «Лунного света», достал из кармана плоский футлярчик, прилепил его к стене зала и через эту же стену вышел наружу.

Отойдя метров на двадцать, оглянулся.

В окнах здания загорелось пламя. Ахнул взрыв. Полетели во все стороны осколки стёкол, рам, стен. Со стоном и скрипом храм осел набок, потом и вовсе рухнул. Уцелел только блок, в котором размещался бар.

Крутов кивнул сам себе.

Он всё рассчитал правильно. Одним БЕСом в России стало меньше.

Он позвонил Онуфрию:

— Палыч, тебе не пора подключаться?

— Я готов, — ответил старый волхв. — Жуковка под контролем, всё тихо. Ты где?

— В Татарской Горе. БЕС умер. Но их вокруг Кенозера много понатыкано. Я займусь следующим, в Коневе.

— Ираклий с тобой?

— Ираклий гасит «Лунный свет». Как только погасит, присоединится к Тарасову.

— Буду в Коневе через пять минут.

Крутов бросил взгляд на языки пламени, танцующие над горой обломков на месте храма, на бегающих вокруг охранников и повернулся к ним спиной.

Конунг Нордост прибыл к храму через четверть часа, когда уже ничего нельзя было сделать. Храм БЕСа перестал существовать.

Глава 29

ВСЕ ЗА ОДНОГО

Кенозеро

Трое против двадцати.

Два Витязя плюс Терминатор — против двадцати профессионалов боя, которыми по праву называли себя бойцы спецгруппы «Стикс». Хорошо обученные и вооружённые бойцы, владеющие тактикой и стратегией ведения боя с террористами.

Однако они не представляли себе, с кем предстояло им столкнуться. С Витязями Вечевой службы коренного Рода Руси они ещё не встречались.

Бой начался, когда беглецы после встречи с Харитоном Кобягой упёрлись в очередное болото.

Идти через болото не рискнули, для этого нужен был проводник из местных жителей, и Тарасов повёл отряд в обход. Тутто и началась пальба: подразделение «Стикса» вышло прямо на Терминатора, прикрывавшего левый фланг.

Он ответил. Завязалась перестрелка. Спецназовцы перестроились, начали обходить Анылгина с двух сторон. И в этот момент в бой вступили Тарасов и Хмель.

Конечно, если бы столкновение произошло днём, оно подчинялось бы другим законам. Ночью эффект от сражения Витязей с бойцами спецгруппы, одетыми в спецкостюмы и шлемы с инфраоптикой, вряд ли был бы замечен обычными людьми. Но Сергей-ведич, спрятавшийся за кочкой, обладал многодиапазонным зрением, а также ментальным в и д е н и е м, и ночная темнота ему помехой не была. Поэтому он впервые в жизни стал свидетелем экстрасенсорного боя, напоминающего компьютерную игру и захватывающего воображение.

Витязи перешли в иное состояние, состояние сверхскоростного реагирования на любое изменение обстановки. В принципе они как бы исчезли, превратились в «струи виртуального движения», растворившиеся в лесной чаще. Бойцы «Стикса», тренированные для обезвреживания «обыкновенных» террористов, пусть и в любой жизненной ситуации, днём и ночью, вдруг перестали видеть противника. А затем начали один за другим

застывать, прекращать стрельбу, замолкать и не отзываться на вызовы командира группы.

Да, парни вряд ли знали истинное положение вещей. Им наверняка поставили задачу уничтожить «отряд террористов», и они приступили к выполнению, не сомневаясь в правильности оценки ситуации командованием. Но у беглецов не было выбора. Они могли или умереть, или попытаться скрыться, выполняя свою задачу — спасти Серебряного мальчика, и Витязям пришлось драться насмерть, стрелять на поражение.

По лесу прошумели «сквозняки».

Двое спецназовцев уткнулись головами в землю.

Третьего выцелил Терминатор, имевший примерно такое же устройство для ночного ориентирования, что и противник.

«Сквозняки» взвихрили воздух в другом месте, и ещё двое бойцов «Стикса» легли на землю, чтобы уже не встать.

Терминатора заметили, к нему начали с трёх сторон стягиваться «призраки», поливая лес огнём из автоматов «9А-06».

Однако позади одного из «призраков» возник зыбкий светящийся вихрик, и спецназовец сунулся головой в муравьиную кучу, прекращая стрельбу.

Сергий узнал «вихрик» — это был Дмитрий Булавин, оказавшийся в тылу десантного взвода.

— Живой! — радостно прошептал мальчишка.

Булавин исчез и появился за спиной второго «призрака», заставив его прекратить огонь.

Десантники дрогнули.

— Назад! — приглушенно заорал в усик рации командир взвода десанта. — Оттяжка на полсотни! Все ко мне!

«Призраки» начали отходить, продолжая терять соратников. Из двух десятков бойцов отряда их осталось вдвое меньше.

«Сквозняки» Витязей перестали летать по лесу, объявились у кочки, за которой сидел на корточках Сергей. *Непрогляд* он снял на секунду, чтобы его заметили.

— Не зацепило? — отрывисто спросил Глеб Евдокимович, переставая плыть и зыбиться.

— Не, — ответил мальчик. — На мне «железная рубашка», пули останавливает.

— Уходим, пока они не опомнились. Укутай нас *непроглядом*.

— Накрываю.

Тарасов повернулся к Булавину:

— Где Черкес?

— Убит, — глухо ответил Дмитрий. — Накрыли из гранатомёта.

Тарасов сцепил зубы.

— Коля, дружище, прости... Имтык, ты не ранен?

— Бог миловал.

— За мной!

Отряд устремился вдоль болотца к северу, перебрался через топкое место, оставляя позади постреливающих дезорганизованных десантников. Вновь послышался гул низко летящих над лесом вертолётов.

— Ещё одни охотнички явились по нашу душу, — бросил на бегу Хмель, оскалась. — Как волков хотят загнать. Далеко ещё?

— Уже, по сути, пришли.

Впереди, в просветах между деревьями проявилась тёмная масса, закрывая половину небосвода. Это был высокий холм, точнее, курган, у подножия которого обнаружился глубокий ров с обрывистыми склонами. По дну рва извивался ручей, но препятствием для бегущих Витязей он не стал.

Взбежали на склон холма, остановились, глядя на лес позади.

Гул вертолётных двигателей то приближался, то удалялся, но и так было понятно, что операция по поимке отряда продолжается и в лес высаживается новое подразделение «Стикса».

— Что дальше? — спросил Хмель хриплым голосом. — Если мы уже на кургане...

Чуть выше того места, где находился отряд, возникло белёсое облачко.

— Здравы будьте, путешественники, — раздался чей-то знакомый густой голос.

Хмель стремительно поднял пистолет.

— Онуфрий? — удержал его за локоть Тарасов.

— Ведите Сергия.

Глеб Евдокимович подтолкнул мальчика вперёд:

— Давай иди.

Мальчик птицей взлетел по откосу холма к волхву. Онуфрий перестал светиться, будто растворился в воздухе. Был слышен только его басовитый голос:

— Займите оборону вокруг кургана. Продержаться надо не меньше часа. Сможете?

Витязи переглянулись.

— У нас есть выбор? — проворчал Никифор.

— Продержимся, — сказал Тарасов. — Где вы будете конкретно? На вершине? Или здесь есть потайной ход?

— Ход к дольмену Спасительницы прямо над вами. Держитесь, вои, вам помогут.

— Кто?

— Увидите. — Голос стих.

Исчез и мальчик.

— Хотел бы я посмотреть на могилу, — пробормотал Булавин с сожалением. — Я читал...

— Давайте встретим их у рва, — перебил его Тарасов. — Минут через десять «Стикс» будет здесь. Имтык, останешься на холме. Выбери позицию, приготовь снайперку и ПЗРК. В бой вступишь только в случае крайней необходимости.

— Слушаюсь, командир.

Терминатор исчез.

Тарасов протянул руку ладонью вверх. Хмель и Булавин подали свои, замкнув «мушкетёрское» рукопожатие, постояли так несколько мгновений.

— Меня всё же беспокоит, что нас не атакуют конунги, — сказал Хмель. — Чего они ждут?

— Ещё вмешаются, — усмехнулся Тарасов. — Другие вопросы?

— Нет, — качнул головой Дмитрий.

— Тогда вперёд, родичи! Слава богам!

— Слава! — дружно отозвались Витязи.

Через минуту они заняли позиции вокруг холма и приготовились отразить атаку десантников.

Ждать пришлось недолго. «Стикс» прибыл к холму в увеличенном составе — Тарасов только со своей стороны насчитал восемнадцать «призраков» — и действовал иначе. Чувствовалось, что его усилия координирует человек, неплохо знающий возможности Витязей. Не заметив противника, спецназовцы не полезли на рожон, а тройками двинулись к холму перебежками, прикрывая друг друга. Пока один бежал вперёд, двое других держали под прицелом вектор движения. Остальные же,

расположившись позади атакующих, открывали огонь из автоматов по любому подозрительному предмету на склонах холма и даже по звуку.

И всё же возможности спецназа, вооружённого новейшими военными технологиями, уступали возможностям Витязей, прошедших более серьёзную боевую школу, владевших к тому же приёмами древнего боевого искусства — *живы*. Бойцы «Стикса» не умели передвигаться *легкоступом*, не владели способностью уменьшать вес тела почти до нуля и отводить глаза противнику. Витязи, посвящённые в тайны магических практик, пользовались и другими приёмами.

Поэтому дальше рва подразделения «Стикса» не прошли.

То в одном, то в другом месте десантники вдруг снова начали останавливаться, прекращать движение и не отвечать на вызовы. Пока взвод достиг подножия холма, он недосчитался восьмерых бойцов.

Лишь одна удача стала достоянием нападавших.

Терминатор не выдержал тихого сидения в засаде, а может быть, посчитал своё вмешательство необходимым и открыл огонь. Сначала из снайперской винтовки, затем, увидев скопление десантников над оврагом, выстрелил из ПЗРК. Он остановил пятерых, но остальные открыли по нему ураганный огонь, и бывший старлей, прошедший с Тарасовым огни и воды множества спецопераций, погиб, выполняя последнее задание командира.

Эта смерть привела Тарасова в такую ярость, что он буквально смёл со склона холма отделение «Стикса» в количестве пяти человек. А когда десант потерял ещё четверых на других направлениях атаки, командир взвода отдал приказ отступать.

Десантники поползли назад, продолжая терять товарищей. Душами их овладел страх. Они ещё никогда не встречали столь грозного и неуловимого противника, использующего какие-то колдовские приёмы.

Тарасов постучал по усилку рации.

— Живой, — отозвался Хмель.

— Дышу, — прилетел тихий ответ Булавина.

— Надо найти того, кто ими управляет. Сейчас он догадается, что нас мало, и пойдёт «плугом».

— Терминатор погиб, — сказал Дмитрий.

- Знаю. Соображения?
- Весь курган мы контролировать не сможем.
- Ползите ко мне.

Через две минуты Витязи собрались во рву, под защитой вывороченного из земли комля упавшего дерева.

— Они перестраивают порядки, — шепнул Булавин; щеку ему пересекала царапина, пропаханная пулей. — Сейчас ползут.

— Попытайтесь отвлечь их на какое-то время, а я попробую обезвредить оператора.

- Кто это может быть?
- Не знаю, может, сам Гвоздецкий.
- Скажи ему всё, что мы о нём думаем.
- Скажу.

Послышалась нарастающая стрельба. «Стикс» пошёл в очередную атаку.

Тарасов оказался прав.

Командир десанта понял бесперспективность распыления сил и собрал группу в один кулак. Десант шёл «плугом». Мало того, он избрал именно то направление для штурма, которое вело к подземным пустотам внутри кургана, к усыпальнице Спасительницы. Возможно, ему было известно о могиле.

Хмель и Булавин исчезли, растворились в лесу по обе стороны «плуга» атаки.

Глеб поднялся на склон холма и подключил сознание к лесным великанам — соснам и елям, обозревающим окрестности с вечным философским терпением.

Он увидел зыбкие зеленоватые пятна — десантников — в тёмно-коричневой «медвежьей шкуре» леса, заметил летящих вдаль «крокодилов» — это были вертолёты — и даже засёк стремительно тающие голубоватые «сквозняки», обозначающие движущихся Витязей. Затем картина всего движения сложилась в определённую геометрическую сеть, и Тарасов понял, где находится командир десанта.

Времени на оценку местности и вариантов схватки не было, поэтому он просто перелетел в определённую точку пространства в режиме *легкости*.

Командира десантгруппы, расположившегося на вершине лысого бугра, за грудой валунов, оставшихся со времён ледника, охраняли двое спецназовцев. Сам он сидел на камне и сле-

дил за экраном арминга, по которому на фоне карты местности передвигались зелёные светлячки подчинённых. Рядом стояла тренога лазерного излучателя, направленного в сторону холма с могилой Спасительницы. Излучатель освещал поле боя, а компьютер подсказывал путь и способы достижения цели.

Тарасов вышел из *легкоступа* в двух метрах от динамического «штаба», руководящего десантом. Выстрелил в лазерную трубу, в арминг, уложил бойца слева — пулей в голову, второго достал ударом в плечо, сломав десантнику руку.

Командир группы вскочил.

Тарасов узнал его: это и в самом деле был Кирилл Наумович Гвоздецкий, бывший командир ЧК — Чрезвычайной Комиссии, перешедший на службу дьяволу. То есть — Синклиту чёрных магов. Официально же он командовал антитеррористическим подразделением ФСБ «Стикс», что давало его хозяевам неоспоримые преимущества при решении множества задач специфического свойства.

Секунда тишины истекла.

Гвоздецкий не узнал бывшего подчинённого, да и не стал бы разбираться в его политической ориентации. Он сразу открыл огонь из автомата, увидев перед собой зыбкое, слабо светящееся в инфракрасном диапазоне «привидение».

Тарасов не двинулся с места, усилием воли приобретая состояние *в е р ы* — в свои силы, в мудрость Природы, в справедливость Законов Творца. И пули из автомата прошли сквозь тело как сквозь пустое пространство, сквозь воздух, не причинив ему никакого вреда. Последние две пули он просто поймал рукой — как мух на лету, небрежно бросил в траву.

Затвор автомата клацнул: кончились патроны.

Гвоздецкий мгновенным движением вынул пустой магазин, вставил новый. Поднял ствол автомата.

Но Тарасова перед ним уже не было.

Гвоздецкий вдруг почувствовал, что взлетает в воздух!

Ощущение рывка пришло позже. Хрустнула шея. И он перестал что-либо чувствовать вообще. На землю бывший полковник спецназа упал уже мёртвым.

Тарасов остановился — живой смерч, движущийся в ином временном потоке, прислушался к стрельбе у холма и метнулся туда, исчезая, как настоящий призрак.

Только после этого оставшийся в живых телохранитель Гвоздецкого сообразил, что охранять ему больше некого.

Стрельба у холма начала стихать. «Плуг» атакующего десантного взвода остановился, не получая целеуказаний от командира.

Воспользовавшись этим, Хмель и Булавин атаковали отряд в центре, с двух сторон, уложили трёх спецназовцев и заставили остальных обратиться в бегство. Впервые в жизни неустрашимые профессионалы почувствовали животный ужас, столкнувшись с непреодолимой, с виду неуязвимой и невидимой силой.

Тарасов на ходу отключил одного такого профессионала, поднялся на холм.

— Дима, Никифор!

— Мы здесь, — отозвались Витязи, выпадая из темпа и возникая слева и справа от тропинки, ведущей к дольмену Спасительницы.

— Расслабьтесь на пару минут. Волну мы отбили, но за нас ещё и не брались всерьёз.

— Конунги? — пропыхтел Хмель, падая в траву как подкошенный.

— Странно всё это, — заметил Булавин, поколебался, опустился рядом.

Оба они были измучены до предела, но не показывали виду.

— Где Ираклий? — продолжал невнятно Никифор. — Какого хрена он сачкует?

— Ничего странного. — Глеб Евдокимович подумал и присел на бугорок. — Замысел учитывал вовлечение конунгов в эту игру на всей территории России. Вы просто не в курсе. Они сейчас ищут Светлого ещё в трех местах одновременно, кроме нашего.

— Почему нам об этом никто не сказал?

— Потому что в нашем стане завёлся шпион Синклита. Владыко решил навязать конунгам свою игру.

— Тогда понятно. В нас они не поверили. Уж больно грубо мы работали. Так?

Тарасов подумал ещё и лёг, раскинув руки, глядя в тёмное беспросветное небо.

— Долго нам ждать возвращения Светлого? — не унимался Хмель.

— Сколько нужно, — пробормотал Булавин. — Помолчи.

Стало совсем тихо. Лишь по лесу ползли шорохи и тихие потрескивания да в вершинах деревьев посвистывал ветер.

Природа словно затаилась, ожидая проявления иных сил и стихий.

— Интересно, Бог есть или нет? — невнятно проговорил Хмель, пытаясь медитировать.

— А что? — удивился вопросу Дмитрий.

— Поговорил бы со мной...

— Сам с ним поговори.

— Я молюсь. Но он меня не слышит.

— Когда ты говоришь с Богом — это молитва, — сказал Тарасов. — Когда он с тобой — это шизофрения.

Хмель затрясся, сдерживая смех.

— Тихо! — приподнялся Тарасов.

И тотчас же чуть ниже их места отдыха появились из воздуха светло-шафрановые т е н и. Это шли к кургану Спасительницы конунги.

Глава 30

ОДИН ЗА ВСЕХ

Курган Спасительницы

Ираклий и Весняр прибыли к Кенозеру в начале десятого.

Три установки «Лунного света» были уничтожены, и опасаться пси-атаки с использованием храмов БЕСа теперь не стоило. Но положение отряда, охранявшего подступы к кургану Спасительницы, оставалось незавидным. Каким бы мастерством ни обладали Витязи, против чёрной магии они были почти бессильны. Но они сражались!

Конунгов было уже четверо, среди них — Харитон Кобяга собственной персоной. Огнестрельного оружия они не имели, зато были вооружены помощней и экзотичней — дистанционным психофизическим воздействием на людей — и могли посылать мысленно генерируемые убийственные энергетические разряды — *мистери*, от которых не существовало защиты, кроме разве что магических генераций «железной рубашки». Поэтому Витязей спасала лишь сверхскорость — т е м п и умение

нырять в пустоту немисли, дающую возможность телу подчиняться импульсам более совершенным, чем мысль.

И тем не менее они проигрывали, маневрируя, уходя от *мистери*, качая «маятник» динамических вариаций движения, стреляя из пистолетов, прикрывая друг друга, заставляя конунгов злиться и совершать ошибки.

Хмелю дважды пригодилось умение джон-джига — вхождение в мёртвое тело, когда пси-импульсы конунгов выбивали сознание из головы, и ему пришлось «прятаться» в телах убитых бойцов «Стикса». Индийские маги называли этот процесс пхова-йога, но им едва ли приходилось пользоваться этим видом магического оперирования в столь экстремальных ситуациях.

Булавину тоже пришлось демонстрировать технику ухода от пси-удара, представляя себя птицей, взлетающей над холмом, где шло сражение.

Лишь Тарасов, достигший высшей ступени самореализации касты Витязей, смог какое-то время драться с чёрными на равных и даже добрался до одного из них и нанёс удар, называемый специалистами воинских искусств «взглядом сквозь стенку». Удар пришёлся в область печени конунга (это был Нордост), не ожидавшего такой прыти от «быдла» (коим он считал всех остальных), и привёл к разрыву печени. Конунг не умер, благодаря защитной энергетике организма, но выбыл из боя. Правда, его тут же заменил сам Михаил Северин, примчавшийся на вызов кого-то из своих подчинённых, чтобы убедиться в выявлении отряда Витязей. И крутоверть схватки завершилась с новой силой.

— Прикрой спину! — сказал Ираклий Весняру, за доли секунды оценив обстановку.

— Пошли! — сказал Витязь Севера, уже немолодой, но не потерявший боевых кондиций.

Они вышли из *легкоступа* на холме и обрушились на группу чёрных колдунов сверху — как коршуны на пернатую добычу.

Нападение не оказалось для конунгов чересчур неожиданным. Тем не менее в первые же мгновения атаки Ираклию удалось отправить в глубокий *пеклосуй* одного колдуна, увлечённого охотой за Витязями, отбросить в *mano-джара* второго и потеснить третьего.

Михаил Северин тотчас же накинул на него «тёмную ву-

аль» — сферу тьмы, то есть заблокировал передачу визуального сигнала глазными нервами от глаз к мозгу, но Весняр не сплывал, стремительно налетел на верховного жреца российского Синклита и заставил его отступить.

Ираклий снова обрёл способность видеть в темноте.

Фиолетовые молнии продолжали полосовать поле сражения вокруг холма, и температура воздуха упала ниже нуля. Внезапно пошёл снег.

Тям — пси-пространство вокруг холма — гудел колоколом, заставляя людей бороться со своей психикой, отзывающейся на внешнее воздействие галлюцинациями и странными звуками. Гипноатака конунгов набирала силу, противостоять ей становилось всё трудней и трудней.

Это напомнило Ираклию эпизод боя с конунгами семилетней давности на Валдае. Но там Витязям помогали не только насекомые и звери, но и люди-оборотни и нежитики. Здесь же ничего этого не было видно. Словно бой с чёрными колдунами происходил на другой планете!

Ираклий вызвал Крутова через «улёт-поле»:

«Егор, мы продержимся не больше пяти-шести минут!»

«Держитесь, помощь близка!» — прилетел мысленный ответ волхва.

Конунгов стало больше. Их блескучие разряды начали концентрироваться на Витязях, ограничивая их перемещение.

Ираклий достал одного из них на пределе сил, буквально «расплескал» на кровавые брызги. Остальные отступили, озираясь, ища более искусного противника.

Ираклий на бегу достал мобильник:

— Второй, я Первый, залп!

— Включаем, — отозвался командир группы поддержки.

Его микроавтобус остановился в Ряпусовском Погосте и уже успел нацелить генератор «Лунного света» на курган Спасительницы. Мало того, Ираклий снабдил его файлом личных биопараметров Харитона Кобыаги, и «Лунный свет» был настроен на подавление воли и программирование именно этого конунга.

Странный призрачный луч невидимого света прошёлся по холму, оставляя тающее облачко искр.

И тотчас же Харитон Кобыага, с ненавистью кромсавший ночную тьму клинками *мистери*, застыл на месте, постоял немного, полупарализованный, и вдруг... начал стрелять по своим!

Он успел поразить одного конунга, оглушить другого, и только спустя несколько секунд паники и неразберихи Михаил Северин и его телохранитель-маг Меркель разрядили в Кобягу свои «жезлы силы» — особой формы посохи.

Кобяга, пронзённый ручьями фиолетово-зелёного пламени, превратился в факел и рассыпался на мелкие фрагменты, словно скульптура из песка. Заклятие «чёрного распада» мгновенно высушило его, превратило в то, чем он был по сути, — в пыль!

Рядом с Ираклием объявился Онуфрий.

«Хороший ход, ратай! Отвлеки Северина на себя».

«Где Сергей?»

«Появится, когда придёт время».

«Весня — берём верховного жреца!»

Витязи метнулись к группе конунгов, заслонивших своего «поводыря».

И тут им на помощь пришла неожиданная сила!

Сначала на склоне холма выросла гигантская светящаяся фигура старика с котомкой за плечами. Он раззявил чёрный беззубый рот, беззвучно захохотал, снял котомку и ловко набросил на ближайшего конунга. Мало того, он попал! Котомка развернулась в широкий мешок, накрыла колдуна с головой.

Остальные конунги, замешкавшись, начали стегать старика молниями, и тот исчез, на прощание показав им огромный кулак.

Встреча со стариком — это был Бабай, злой ночной дух, которым издревле пугали непослушных детей, — позволила Ираклию вплотную приблизиться к отвлёкшимся чёрным магам. Да и остальные Витязи получили секундную передышку, что было как нельзя кстати: силы их были на исходе. Уже и Хмель, и Булавин поймали по паре молний, способных парализовать буйвола, и лишь «железные рубашки» психозащиты помогли им остаться в строю.

Вслед за стариком Бабаем (вряд ли кому-либо стало бы смешно при встрече с ним) на холме проявился ещё один дух леса, известный под названием Боли-бошка. Огромный, головастый, рукастый, в немыслимом рванье, он тоже пошёл на сдвинувшихся теснее конунгов, заставляя их напрягать свои магические способности, и дал Витязям ещё несколько драгоценных секунд для отдыха.

И, наконец, последним в этой череде лесной нежити, при-

званной волхвами помочь доброму делу, оказался громадный бесхвостый медведь, ринувшийся на спутников Северина как танк на пехотинцев. Обычные заклинания на него не действовали, и он исчез только после колдовской *навети* — манипуляции Северина, изрядно попугав конунгов.

Пока они отбивались от лесных духов, способных принимать любые облики, к холму подтянулись Витязи. Им помог Онуфрий, потом к группе присоединился волхв Дементий, создавший несколько неплохих двойников, и в бою магов наметилось некое равновесие.

Впрочем, длилось оно недолго.

Северин применил сильнейшее заклятие «тройного умертвления», и на ногах смогли удержаться только волхвы и Ираклий, знавший способы защиты от «мракотворного» волшебства.

— Добейте их! — каркнул верховный жрец, торжествуя. — Включайте «Лунный свет»!

— Они... не отвечают, — пролепетал худосочный с виду конунг, прибывший из Санкт-Петербурга; он отвечал за инициацию сети генераторов «Лунного света» и храмов БЕСа. — Операторы не отвечают!

— Германарех, найдите змеёныша! — приказал Северин, ещё не осознавая провала. — Он здесь, в усыпальнице! Надо было поверить Харитону, он был прав. Возьми двоих...

На холм обрушилась туча насекомых! Волхвы призвали свои резервы.

Бросились в атаку ожившие Витязи.

Ираклий добрался до конунга по имени Германарех и вбил ему в шею десантный нож. Конунг с воплем исчез.

Разъярённый атакой Северин сотворил ещё одно «мракотворное» заклятие, поддержанное конунгами, и на холм обрушился «океан» наведённой галлюцинации, заставляя всех участников сражения «тонуть» в мощной массе воды и льда. Даже волхвам понадобилось всё их умение, чтобы отстроиться от иллюзорного цунами. Витязи же и в особенности бойцы «Стикса», — заклятие не разбирало, где свои, где чужие, — начали «захлёбываться» в ледяной волне, словно она и взаправду существовала на физическом плане.

Засверкали знакомые фиолетовые молнии: конунги начали по одному выцеливать противника.

Упал задымившийся Хмель. Загорелся комбинезон на Тара-

сове. Ираклий с трудом отвёл пси-удар и нырнул в ручей на дне рва, спасаясь от ливня энергоразрядов.

— Не давайте им поднять головы! — прогремел гулкий скрежещущий голос Северина. — Вавра, Голем, Мовчан — к долмену! Замуруйте вход! Навеки!

Конунги, которых назвал верховный жрец, метнулись по склону холма наверх... и остановились, наткнувшись на возникшего на пути человека.

— Подождите немного, — спокойно сказал он.

— Левон? — проговорил Мовчан неуверенно. — Тигран, ты?

— Уберите его! — процедил сквозь зубы Северин.

Конунги переглянулись. Как и все участники сражения, они хорошо видели в темноте.

— Левон, что тебе надо? — спросил сухолицый сгорбленный Вавра.

— Вопрос на вопрос: а вам что здесь надо?

— Да уберите же его! — рявкнул Северин. — Считаю до...

— Трёх, — подсказал Тигран (это был он, «серый» маг) тем же равнодушно-спокойным тоном. — С каких это пор великие маги начали охотиться на детишек?

— Не твоё дело! — бросил конунг с грушевидной головой.

— Почему же не моё? Существует закон: ни под каким предлогом детей в своих играх мы использовать не имеем права. Тем более — убивать!

— Не мешай нам!

— Да и я не мешаю. Просто хочу разобраться.

— Он тянет время! — взвизгнул конунг со старушечьим лицом.

— Я его... — начал Вавра и получил две пули в голову от Ираклия, воспользовавшегося моментом.

Конунг заорал, схватился за голову, завертелся юлой.

— Убейте их всех! — заорал Северин.

Конунги открыли *мистери*-огонь.

Холм накрыла сеть фиолетовых, розовых и зелёных молний.

Тигран, преградивший путь охотникам за Серебряным мальчиком, исчез. Появился в десяти шагах от того места, где стоял. Но и там его нашли молнии разрядов, и он снова исчез.

Ираклию достался один такой *мистери*-импульс. Он отбил его, но второй заставил Витязя пошатнуться, третий поверг на землю.

Добить его однако не дал Весняр. Метнулся к вошедшим в азарт конунгам, танцую смертельный танец-маятник уклонения от молний, напугал двух конунгов, прекративших стрельбу.

Его поддержали Витязи, успевшие прийти в себя за время схватки грэя и чёрных колдунов.

Холм с могилой Спасительницы превратился в своеобразный вулкан. По всему лесу на десятки километров вокруг раскатились гулкие отголоски и свистящие трески, пугая зверей и уснувших жителей в деревнях.

— Круг! — повысил голос Северин. — Не мельчите! Мы их уничтожим! Заклятьем «молота ведьм»! Напрягитесь! Я вызываю Господина нашего, пусть даст нам силу Чёрного Совершенного, да придет Царствие Его, да сбудутся наши...

— Не сбудутся! — перебил речь Северина чей-то звучный, глубокий, бархатно-величавый голос, перекрывший все остальные звуки.

Над глыбой камня, обозначающего вход в усыпальницу Спасительницы, появилась сияющая фигура в белом. Высокий седой мужчина с яркими жёлтыми «тигриными» глазами. Егор Крутов. В л а д ы к о Полюнь.

— Не сбудутся! — повторил он твёрдо.

Гул рукотворных стихий пошёл на убыль.

Конунги отвлеклись от охоты за противником, оглянулись на фигуру волхва.

Северин разрядил в него *мистери*, но молнии обтекли тело Крутова и погасли, не причинив ему никакого вреда.

Северин попытался набросить волхву на голову «сферу темноты», но безуспешно.

— Убейте его! — проскрипел он, поспешно отступая.

Засверкали молнии, новая волна звонких тресков накрыла холм, порождая серию свистящих отголосков.

Крутов устоял. Его в е р а была неколебима.

— У... бей... те... — выговорил верховный жрец, внезапно ощущая страх.

Егор с жалостью и печалью окинул взглядом воинство Синклита.

— Вы снова и снова повторяете свои ошибки, господа пастухи народа моего. Семь лет назад российский Синклит был почти полностью отправлен на тот свет. Но вы всё равно лезете

и лезете в Россию. Когда поумнеете? Когда поймёте, что эта земля — не для вас?

— А что ты нам сделаешь? — надменно и презрительно улыбнулся Северин. — Нас — легион, ты — один! Твои Витязи не в счёт, они нам не помеха.

Крутов покачал головой:

— Не я.

— А кто? Старики-волхвы, что ли? Им давно пора в могилу!

— Он! — Крутов отступил в сторону.

Рядом с ним просияло золотом лучистое ожерелье. Внутри этого ожерелья появился светящийся мальчик.

Тотчас же весь холм озарился светом, будто взошло солнце.

Конунги попятились, переглядываясь, кидая взгляды на верховного жреца.

Вокруг холма стали появляться мужчины в белом, старые и помоложе, седые и светловолосые, с бородами и без. Волхвы Руси.

— А ты говоришь — я один, — усмехнулся Крутов. — Я всего лишь один из них. Да и он тоже. — Егор кивнул на Сергия, глаза которого сияли, наполненные странной недетской печалью. — Но вместе мы — *везмошь*! Володари! Не маги — но радетели Рода. И нам покоряются такие стихии, какие вам и не снились!

Конунг с дряблым бабьим лицом исчез... и возник вновь на том же месте, ошеломлённый обратным переходом. Он не смог уйти с места сражения *легкоступом*.

— У... бей... те... — выговорил Северин заледеневшими губами.

— Прощайте, нелюди, — брезгливо сказал Крутов. — Замысел и с п о л н е н! Вам нет места ни здесь, на нашей земле, ни где-либо в космосе! С этого момента вы — нежить!

Северин сжал руку в кулак, с костяшек пальцев сорвалась трескучая зелёная молния, достигла Сергия.

Мальчик подставил ладонь, молния собралась в шар, и тот лопнул, метнув ручей другого огня — рыжего, с ослепительным просверком. Клинок этого огня вонзился в грудь Северина. Тот широко раскрыл глаза, наполненные чернотой, глянул на свою грудь, в которой образовалась дымящаяся дыра.

И вдруг дыра засветилась! В ней тугой спиралью загудело оранжевое пламя. Тело верховного жреца загорелось изнутри!

Он сделал два неверных шага, хотел что-то сказать, но только открыл рот, из которого вырвался огненный язык. В следующее мгновение тело конунга разлетелось огненными клочьями!

— Ловушка! — заверещал сухолицый конунг. — Бежим!

Он исчез... и появился на том же месте, удерживаемый какой-то силой. Начал светиться. Взорвался!

За ним цепная реакция уничтожения перекинулась на остальных конунгов, бросившихся врассыпную, и всё закончилось цепочкой ярких вспышек.

Холм, освещённый появлением Серебряного мальчика, чистый, словно омытый дождём, повис в темноте ночи глыбой хрустала. Но свет этот не пугал — манил, притягивал, порождая в душах людей радость и надежду.

На холм взошли волхвы, к нему начали стягиваться Витязи.

Искромсанный лучами *мистери*, но живой Булавин, обгоревшие Хмель и Весняр, хладнокровный Ираклий, хмурый Тарасов. В руке Хмель держал автомат, и Тарасов буркнул:

— Где ты взял это украшение? Брось.

Никифор посмотрел на автомат, глубокомысленно изрёк:

— Автомат не украшение, а средство общения.

Булавин засмеялся, но тут же закашлялся, схватился за грудь.

— Вот дьявол, дышать не могу! И зуб выбили...

— Без зубов ты симпатичней, — проворчал Весняр, устало опускаясь на траву.

— Мы их прогнали? — оскалился Никифор. — Или они прибегают снова?

— Не они, так другие, — пожал плечами Весняр. — Я бы чего-нибудь выпил.

— Надоело всю жизнь драться.

— У нас ещё есть шанс пожить мирно, — сказал Ираклий.

— Какой шанс? — не понял Хмель.

Ираклий улыбнулся, глянул на Сергия:

— Дети наши.

Все одновременно посмотрели на Серебряного мальчика, вдруг осознавая, что Витязь прав.

Наша надежда, наша вера и любовь — дети!

В их руках судьбы мира...

**ПОСТОРОННИМ
ВХОД
ВОСПРЕЩЕН**

Роман

Глава 1

ОСЬ ЗЛА

Его всегда завораживала красота космоса. Именно поэтому он, наверное, и стал астрономом. Не космологом, не астрофизиком, хотя, естественно, изучал космические теории и знал все гипотезы о происхождении звёзд, галактик, их скоплений и Вселенной вообще. Нет, Артур Крестовский, молчальник и заговорник, любитель тишины, яблочного пирога и простоты во всём, закончил Симеизский институт Космоса и много лет работал там же, в Симеизе, рядовым астрономом, наблюдателем за звёздами, солнцем и необозримыми космическими просторами. Многие приятели (друзей у него практически не было) Артура качали головами, советовали найти работу поперспективней и покреативней. Однако никакие особые перспективы его не прельщали, и даже когда ему предложили возглавить Симеизскую обсерваторию, он отказался. Это наверняка помешало бы ему изучать небо. И любоваться им.

Да и можно ли не любоваться звёздными панорамами Галактики, где существуют такие великолепные узоры и картины, как взрыв сверхновой звезды Эты Киля, выбросивший в космос перья огня и светящейся пыли, которые сложились в удивительном образовании, напоминающем бабочку с жемчужными крыльями? Или геометрически выверенной «колоннадой» в самом сердце туманности Орла, расположившейся всего лишь в семи тысячах световых лет от Земли? Грандиозные тёмные столбы из газа и пыли напоминали коллекцию сталагмитов, «тающих» под интенсивным ультрафиолетовым излучением массивных горячих звёзд. Процесс этот называется фотопариванием, но Артур Крестовский забывал термины, восхищаясь звёздными пейзажами, потому что его в первую очередь захватывала эстетика подобных образований, их формы, и лишь в последнюю — физический смысл процесса.

Нравилось ему наблюдать и за игрой света в кольцевых туманностях — памятниках умирающим звёздам. То есть таким, что уже пережили колоссальные взрывы, сбросившие в пространство их оболочки. Завораживали формы этих туманностей.

Улитка — красно-фиолетовый спиральный завиток из светящегося газа вокруг центральной звезды, до которой луч света бежал всего лишь четыреста пятьдесят лет.

Скат — несколько волнистых кругов жемчужного цвета, образованных турбулентным поведением газовых сфер.

Или Кошачий Глаз, где обнаружилась вторая звезда, также сбросившая газовую оболочку, которая и сформировала туманность в форме красивого звёздного «глаза».

Туманности Пузырь (которую раздувал мощный «ветер» излучения), Вуаль, Сатурн, Крабовидная — тоже были очень эффектными, волшебными по силе воздействия на поэтические натуры людей. Но Крестовский, хотя и был навсегда очарован ими, всё же больше времени тратил на квазары и галактики. Вот за ними он мог наблюдать не часами, а сутками, не обращая внимания на такие житейские мелочи, как еда и сон. Именно благодаря своей увлечённости, а также усидчивости и терпению он и сделал несколько открытий, несмотря на то что сканирование неба давно уже было передано инкам¹ — и в окуляры телескопов можно было не смотреть. Правда, астрономы всё же наблюдали за небом, но делалось это посредством мониторов, через объёмные видеосистемы, и учёные в большинстве своём просто сидели перед экранами и виомами.

Артур Крестовский жаждал видеть звёзды «напрямую», не через виомы, для чего использовал эмскан — шлем прямого визуального контроля, передающий видеоинформацию напрямую в мозг человека. Во всём мире пользовались такими приборами считанные единицы, специалисты, для которых не нужен был «перевод» с «языка телескопа» на «язык человеческих чувств».

Определить ощущение, возникающее у Артура во время сеансов слежения за пространством, одним словом было трудно. В нём смешивались и восторг, и радость, и сожаление. Сожале-

¹ И н к — интеллект-компьютер, имеющий возможность поддерживать диалог с человеком.

ние — от того, что смотреть на звёзды нельзя было все двадцать четыре часа в сутки. Душа жаждала новых эстетических потрясений, красота космических панорам увлекала до безумия, и лишь обязанности члена общества не позволяли Крестовскому превращаться в геймера, увлечённого очередной игрой и полностью зависящего от автоматического поддержания жизнедеятельности организма.

Первого апреля две тысячи триста третьего года он заступил на очередное дежурство в центре управления «Сферой»: так называлась система телескопов, расположенных возле многих планет Солнечной системы и в космическом пространстве, объединённая в единый визуально-наблюдательный комплекс. Это позволяло не просто расширить апертуру наблюдательной техники, но и на три порядка увеличить глубину проникновения во Вселенную человеческого взора. Достаточно сказать, что после введения «Сферы» в строй астрономы открыли тысячи новых квазаров на дальностях до тринадцати миллиардов световых лет, уточнили волокнисто-сетчатую структуру Вселенной и обнаружили десятки экзотических объектов, заставивших специалистов пересматривать физические теории. Среди них были и «кварковые капли», и «голые» космологические струны, оставшиеся со времён Большого Взрыва, и области «кристаллического вакуума», не доступные для прямого зондирования.

Почаствовал в процессе открытия экзотов и Артур Крестовский. Ему удалось обнаружить десяток гравитационных линз из «тёмной материи», состоящей из недавно открытых частиц — аксионов и нейтралино, шесть «запредельных» квазаров с необычными характеристиками и «стенку домена» — странное образование, напоминающее зеркальную пластину площадью в двадцать восемь миллионов парсеков, отталкивающее звёздное излучение.

Эту «стенку», получившую название Аттрактор Крестовского, он изучал до сих пор, используя всё свободное от других занятий время.

Центр управления «Сферой» располагался на другой стороне Луны, под поверхностью лунного цирка Королёва, и имел собственную станцию мгновенного транспорта, сокращённо — метро. Артур, три года уже живший в Варшаве, вошёл в кабину

метро польской столицы и вышел из кабины уже на Луне. Поздоровался с дежурным оператором, которого должен был заменить. Попил с ним горячего шоколада и устроился за вириалом управления комплексом.

Вириал представлял собой полусферу с полусотней кокон-кресел, на которые сводились все информационные каналы системы телескопов, а её внутренняя поверхность могла превращаться в сотню экранов или в единый виом, отражающий ту или иную панораму космоса. Разумеется, Артур был не единственным оператором «Сферы». Вместе с ним с телескопами комплекса работали ещё сорок с лишним астрономов и астрофизиков из разных уголков Земли и Солнечной системы. Тем не менее каждый из них, погрузившись в кокон-кресло, мог считать себя полновластным хозяином «Сферы» (не считая управляющего инка по имени Аргус) и работать в соответствии со своими задачами, не обращая внимания на других операторов.

По привычке Артур уделил внимание созерцанию наиболее красочных космических пейзажей, главным действующим лицом которых были далёкие галактики. Среди них была великолепная галактика М100 в созвездии Девы, удалённая от Солнца на десять миллионов лет, а также изумительной красоты галактика NGC891, видимая с ребра, разделённая надвое слоем тёмного, непрозрачного газа и пыли. Впрочем, ещё как минимум две сотни галактик имели необычные формы и могли претендовать на звание «мисс Вселенная», если бы устраивались такие конкурсы. Артур же с наслаждением созерцал их наряду с наиболее известными. Ему нравились и небольшие галактики типа Тележного Колеса — эта звёздная система действительно напоминала старинное колесо со ступицей и спицами из молодых звёзд, — и древние типа NGC4314, потерпевшие катастрофические столкновения с другими галактиками. Хотя больше всего он любил разглядывать гигантские скопления вроде Туманности Андромеды, воспетой поэтами и писателями ещё в двадцатом веке. Эта галактика считалась одной из самых близких к Млечному Пути (до неё было «всего» около двух миллионов световых лет), имела двойное ядро и была почти вдвое больше родной Галактики человечества.

Бросил взгляд Артур и на открытый им экзот — Аттрактор Крестовского, видимый только посредством технических ухищ-

рений «Сферы»: его изображение создавалось с помощью компьютерного синтеза. С расстояния в три миллиарда световых лет Аттрактор — «стенка реликтового домена», по мысли учёных, — выглядел неприметным лоскутиком мыльной плёнки. На самом же деле его размеры — четыре на семь миллиардов световых лет — поражали воображение, а физические свойства — он отталкивал звёзды и галактики — послужили предметом спора не одного десятка астрофизиков.

Крестовский довольно ухмыльнулся. Гипотез он не строил, споры не любил, довольствовался достигнутым и лишь в глубине души горделиво грозил всем пальцем: мол, мы тоже не лыком шиты.

Несколько часов Крестовский провёл в обычном рабочем состоянии: раскладывал по полочкам полученную информацию, сравнивал спектры излучений звёзд и объектов типа шаровых скоплений с данными за прошлый месяц, скрупулёзно отчитывался по каждой строчке плана — где, что, с каким объектом случилось. Рутинная работа наблюдателя. Потом начал поиск в тех квадрантах неба, где можно было ждать каких-то открытий — от астероидов и плутино¹ в Солнечной системе до сверхдалёких квазаров и чёрных дыр.

Однако этот день, отмеченный юмористами всех мастей по всем видеопрограммам мира, не принёс ожидаемых событий. Звёзды в избранных участках космоса не желали взрываться, квазары не светили, астероиды не пролетали мимо векторных полей телескопов, новые экзоты не появлялись. Несмотря на это, Артур остался доволен своим дежурством и напоследок сосредоточил внимание на одном из самых красивых шаровых звёздных скоплений — Омеге Кентавра, расположенном на краю Млечного Пути. Состоящее из десяти миллионов звёзд, оно образовалось очень давно, ещё до формирования галактического диска, и звёзды в нём вырабатывали не гелий из водорода, а углерод из гелия. От таких звёзд остаётся «углеродная зола» — белые и красные карлики, и скопление претендовало на первую «кучку» такой «золы».

Бросив последний взгляд на великолепный звёздный шар,

¹ Плутино — космические объекты наподобие Плутона, находящиеся за его орбитой, в облаке Оорта.

Артур вдруг ощутил беспокойство. Чувство «забытой вещи» возникало у него редко, так как он почти никогда ничего не забывал, но в данном случае сработала интуиция, а ей он доверял.

Артур снова включил аппаратуру контроля, вывел перед собой изображение шарового скопления.

Звёздная сфера Омега Кентавра, или, по каталогу, NGC5139, была известна людям ещё с девятнадцатого века. До скопления было пять тысяч парсеков, или чуть больше шестнадцати тысяч световых лет, и населяли его преимущественно старые красные и оранжевые звёзды классов от М и К до G. Оно приближалось к Солнцу со скоростью двести двадцать девять километров в секунду (можно было утверждать, что это Солнечная система приближается к скоплению) и, в общем-то, не представляло большого интереса для астрономов. В нём не вспыхивали новые и сверхновые звёзды, не рождались пульсары, чёрная дыра в центре скопления была стандартной, и лишь его удивительно ровная — идеально сферическая — форма да цвет создавали у наблюдателя чувство эстетического удовлетворения. И всё же что-то в нём было не так.

Крестовский принялся «листать» память, стараясь понять, что же вызвало беспокойство.

Пришёл сменщик, вернее, сменщица, астроном из Ливерпульской обсерватории Норма Беккер, с которой Артур поддерживал дружеские отношения. Но он попросил её подождать и снова занялся созерцанием звёздного шара, загадочно мерцающего в пространстве на фоне галактического гало. Запросил информаций, начал просматривать видеозаписи скопления, сначала месячной давности, потом годичной и дальше, с шагом в пять и десять лет. То, что он искал, обнаружилось в записи столетней давности.

Естественно, со временем вид созвездий изменяется. Солнце движется по орбите вокруг ядра Галактики. Перемещаются другие звёзды и скопления, движутся звёзды внутри них, а те, что видел человек, исчезают в массе других звёзд или прячутся за облаками непрозрачной пыли. Движение это кажется медленным, проходят десятки и сотни лет, прежде чем становятся видимыми изменения в картине неба, и тем не менее их можно отмечать и даже прогнозировать. Хотя никто этим специально

не занимается. Лишь великолепная образная память Крестовского позволила ему зацепиться за некое несоответствие в распределении звёзд внутри скопления по сравнению с тем, что он видел однажды в архивах.

Артур снял эмскан, виновато посмотрел на смуглолицую, подстриженную под мальчишку сменщицу.

— Извини, Норма, можно, я ещё поработаю полчасика? Не успел закончить кое-какие расчёты по Кентавру.

— Да без проблем, — отозвалась женщина, давно пытавшаяся склонить коллегу к совместной жизни; изредка это ей удавалось. — Кофе хочешь? Или горячего селенчая?

— Кофе, — согласился Артур, — со сливками.

Селенчай — шоколад из лунных ягод коки — он не любил.

Руки задрожали в предчувствии открытия.

Он вывел на купол вириала изображение Омеги Кентавра, а рядом поместил такое же, но снятое ещё сто лет назад космическим комплексом «Кольцо», в который входили новейшие радио- и гамма-телескопы типа «Хаббл-2200». Изображения на первый взгляд казались одинаковыми. За сто лет собственные движения звёзд в скоплении были едва заметны. И всё же отличия были. Там, где в настоящий момент находилась красная звезда-гигант, имеющая название Кентавр-2007, сто лет назад было две звезды: одна пряталась за другой, такого же класса, что и «две тысячи седьмая».

— Максимальное приближение, — попросил Артур Аргуса, выделив нужный участок скопления.

Инк центра управления повиновался.

В растворе виома возникли два квадрата, густо усеянные звёздами. Но в левом, отражавшем нынешнее состояние космоса, по-прежнему сияла лишь одна звезда Кентавр-2007, а справа из-за её «спины» выглядывала ещё одна. Точнее, две!

— Максимум! — бросил Крестовский.

— Необходим архивный поиск реперного изображения, — густым баритоном откликнулся Аргус.

— Ищи.

— Слушаюсь.

Потекли секунды ожидания, складываясь в минуты.

Поиск реперного, то есть базового, изображения скопления столетней давности потребовал четверти часа.

За это время Артур выпил чашку кофе, перекинулся с Нормой парой ничего не значащих фраз, пребывая в состоянии лихорадочного возбуждения, и снова нырнул в кокон-кресло.

Аргус вывел на эмскан ещё одно изображение Омеги Кентавра.

— Мать честная! — взялся за нос озадаченный Крестовский.

Звёзд, одинаковых по светимости и по размерам, выглядывающих друг из-за друга и находящихся на одной прямой, было не две и не три — десять! Мало того, судя по колебаниям яркости всего «куста», их могло быть и больше.

— Надо проснуться, — пробормотал астроном, не отвечая на вопросы Нормы, что это он там увидел. — Аргус, полистай архивы ещё на пару сотен лет назад. И дай полный интенционал по Кентавру-2007 и его окружению.

— Выполняю, — принял команду инк.

Ждать пришлось двадцать минут, за которые Артур успел связаться с ведущими астрономическими институтами Земли и просмотреть их архивы. Но лишь один источник — архив Арезибо — дал ему кое-какие сведения по интересующему вопросу. Как оказалось, только этот телескоп изредка посматривал на окрестности Галактики, в том числе и на шаровое скопление в Кентавре, с целью изучения спектрального распределения звёзд и их характеристик. Остальные телескопы мира в течение последних трёхсот лет занимались изучением других участков неба и статистику по положению звёзд в скоплениях не набирали.

Перед глазами возникло изображение Омеги Кентавра, сделанное ещё в двухтысячном году на основе наблюдений за скоплением с помощью второго «Хаббла». И хотя оно было малоинформативным, синтезированным из двух десятков видеок картинок через разные фильтры, всё же Аргус нашёл в нём звезду Кентавр-2007, а также двух соседей звезды примерно такого же класса. В данном ракурсе они выглядели как шарики на спице старинных счётов, и их конфигурация мало отличалась от конфигурации столетие спустя. Разве что видел их телескоп под другим углом зрения.

— Одиннадцать... — проговорил ошеломлённый Артур, подсчитав количество звёзд на невидимой «спице». — Они движут-

ся с одинаковой скоростью... не разбегаются в разные стороны... ещё чуть-чуть, и будет видна только одна звезда...

— Да о чём ты? — подняла брови Норма, прерывая длинное рассуждение о мужчинах, высказанное ею по личному видео какой-то приятельнице. — Что ты там обнаружил?

— Кентавр...

— В Кентавре пятнадцать тысяч звёзд плюс шаровое скопление и несколько туманов¹.

— Ты давно смотрела на Омегу?

— Зачем? Этот шарик не в моём вкусе. Я занимаюсь гроздьё в Печи². А что случилось в Омеге?

— Появилась Ось Зла.

— Что? — удивилась Норма. — Какая ось?

— Это я так её назвал. Там за «спиной» Кентавра-2007 прячется ещё с десяток звёзд, а то и больше, и все они чётко укладываются на одну прямую, представляешь?

— Нет.

— Садись, Аргус тебе покажет.

Заинтересованная женщина устроилась в операционном кресле, инк выдал ей на шлем выкладки Крестовского, и она несколько минут сосредоточенно их изучала. Затем сбросила эмскан:

— Похоже, ты и в самом деле открыл необычную линейную структуру в Омеге. Если подтвердится, что звёзды лежат на одной прямой...

— Ты же видела — лежат! За триста лет с начала наблюдений ни одна из них не сошла с прямой! Будто их скрепляет какая-то невидимая ось.

— Ладно, давай понаблюдаем, покопаемся в архивах...

— Я сам, делай своё дело. Полечу в Штернфельдовский Институт, посмотрю их материалы. Вылези на секунду.

Норма освободила кресло, непривычно задумчивая.

Крестовский попросил Аргуса сделать две копии интенционала по Кентавру, одну послал к себе домой по Интерсети, вто-

¹ Имеются в виду туманности (*сленг астрономов*).

² Печ ь — созвездие Южного небесного полушария. В «гроздь» — скопление галактик — Печи входит 18 объектов, в том числе одна из самых ярких галактик NGC1365.

рую — другу Зденеку Гайдну из Щецина, с которым вёл переписку уже лет двадцать. Третью копию он записал на личный информ, освободил кресло.

— Всё, я поскакал.

— Может, встретимся после дежурства?

— Обязательно, — кивнул Артур, пропуская вопрос мимо ушей; думал он совсем о другом. — Пока...

Астроном покинул вириал управления «Сферой».

Соседний кокон раскрылся, на задумчивую Норму глянул коллега из Китая, с которым она была хорошо знакома. Китайского астронома звали Сю Синьцзы, он был молод и не по-китайски эмоционален.

— Что вы открыли? — По-английски Сю Синьцзы говорил с заметным акцентом. — Твой напарник прямо светится весь, давно я его таким не видел.

— Да ничего особенного, — пожала плечами женщина, уstraиваясь в своём коконе. — Звёзды в Кентавре выстроились по ниточке. Думаю, это совершенно случайное совпадение.

Китаец расплылся в улыбке.

— А выглядит твой Артур вполне счастливым. Он зарегистрировал своё открытие?

— Не знаю, спроси у него. — Норма зарастила кокон и ушла в космические дали, начиная свою работу.

Сю Синьцзы погасил улыбку, некоторое время смотрел на соседку с какой-то странной подозрительностью, потом укрывшись в коконе и включил канал связи с кем-то из приятелей на Земле.

Артур в этот момент, пребывая всё в том же состоянии сладостной эйфории, торопливо позавтракал в кафе центра, где поддерживалась комфортная сила тяжести — десять процентов ниже земной¹, спустился в отсек метро и переместился в Варшаву.

Он жил в стандартном жилом модуле типа «камон», из которых в Варшаве были построены сотни высоких — двухсотметровых — башен, но всего лишь на втором уровне. Чем выше располагались модули в башне, тем комфортнее становились и стоили, конечно, дороже. Как правило, венчали башни пента-и октохаусы — апартаменты для богатых владельцев, среди ко-

¹ Сила тяжести на Луне в 6 раз меньше земной.

торых были и бизнесмены, и спортивные менеджеры, и чиновники Правительства. Приобрести такой модуль Артуру не помогли бы ни дружеские связи, ни его статус ценного работника. Впрочем, имеющих двух комнат ему вполне хватало, более того, окна модуля в любой момент можно было превратить в панорамные виомы с подачей любого изображения. Он так и делал — превращал модуль в «пентхаус» с видом на незаселённый тропический остров.

Такие острова, не имеющие инфраструктуры, пока ещё существовали и находились во владении сверхбогачей, хотя Земля была перенаселена и люди всё больше устремлялись в космос, на другие планеты Солнечной системы, находя там относительное уединение и тишину.

Артур принял «половинный» — водо-воздушный — душ (чистая вода была в дефиците и стоила дорого) и подсел к виралу личного инка по имени Войтек. Захотелось ещё раз полюбоваться на шаровое звёздное скопление и оценить своё открытие, не укладывающееся в рамки современных физических законов, определяющих динамику движения звёзд в скоплениях такого рода.

Однако прочувствовать всю полноту счастья, свалившегося на голову в результате поиска звёзд в глубинах Омеги Кентавра, ему не дали.

Сначала позвонила Норма и спросила, зарегистрировал ли он своё открытие в Секретариате астрономического Союза или нет. Он ответил: нет.

Затем через какое-то время раздался звонок в дверь.

Крестовский отреагировал на него не сразу, к нему редко приходили гости, к тому же если и приходили, то предупреждали заранее. Удивлённый, он отозвался лишь на четвёртую трель звонка:

— Кто там?

Домовый инк показал видеокартинку: перед дверью модуля стояла красивая девушка с волной огненно-рыжих волос. В руках она держала букет цветов и необычной формы полупрозрачную коробку.

— Чего надо? — грубо спросил Крестовский.

Девушка показала ослепительную профессиональную улыбку.

— Я представляю транспортно-статистическое агентство

«Син». Вы выиграли приз года как стомиллионный пассажир Варшавского метро. Разрешите вручить его вам.

Крестовский озадаченно почесал затылок, но подвоха не учуял. По видео постоянно кому-то что-то вручали разные рекламные агентства, и это было в порядке вещей.

— Что за приз?

— Фламмер «Мачо».

Крестовский поколебался, но решил приз взять. Фламмерами — мужскими наборами для сексуальных удовольствий — он всё-таки пользовался.

— Войтек, открой.

Инк открыл дверь. Девушка вошла в холостяцкую обитель астронома. Крестовский, впопыхах накинув халат, вышел ей навстречу.

— Извините, что у меня не прибра... — он не договорил.

Девушка протянула ему цветы, и разряд гипноиндуктора «МГ» («Медуза Горгона») превратил Артура в изваяние. Мысли отшибло, волю тоже. Он перестал что-либо анализировать, соображать и говорить.

— Готово, — доложила девушка в бусинку рации в уголке губ.

В квартиру вошли ещё две такие же красавицы с великолепными фигурами служащих модельного агентства. Ни слова не говоря, они обыскали квартиру Крестовского, умело вскрыли все программы инка и выяснили, что хозяин после появления дома не звонил никому.

— Скан? — посмотрела на стоявшего столбом Артура первая гостья.

— Зачем? — отозвалась вторая. — Он и так всё скажет. Кому ты говорил об открытии Оси Зла в Кентавре?

— Норме... — тусклым голосом сказал Крестовский. — Беккер...

— Это его приятельница, — кивнула первая красавица. — Ею тоже займётся сотый. Кому ещё?

— Зденеку...

— Координаты? — спросила первая девица, с букетом, в котором был спрятан гипноиндуктор.

— Войтек, координаты, — проговорила вторая голосом, не отличимым от голоса Крестовского.

Инк послушно вывел на виом данные о Зденеке Гайдне.

— Сотый, — сказала третья красавица; между собой они разговаривали на английском языке. — Проверьте Щецин, даю адрес. — Она продиктовала адрес Гайдна. — Кому ещё? — обратилась она к Крестовскому.

— Никому...

— Говори правду!

— Я говорю правду...

— Всё правильно, он послал копию интенционала Гайдну и себе, в регистрационной палате никто ничего не получал. Обрадовался, идиот.

— Все файлы стёрли?

— Связанные с Кентавром? Все.

— Тогда кончаем с ним.

Вторая «супермодель» направила на Крестовского палец. С ногтя сорвалась слабая искорка, вонзилась в шею астронома.

Он остался безучастным к этой процедуре.

— Уходим.

Девушки посмотрели на хозяина, и первая красотка бросила на пол небольшой шарик синего цвета. Затем троица покинула квартиру. Шарик вспенился, превратился в стремительно расширяющееся облачко голубого тумана, это облачко разросло, заняло всю квартиру и растаяло, уничтожив все следы пребывания гостей в модуле.

Какое-то время Крестовский стоял в той же безвольной позе, глядя перед собой остановившимися пустыми глазами. Затем вздрогнул, будто его ударили по голове, шире раскрыл глаза... и мягко опустился на пол. Перестал дышать.

Кто-то позвонил по видео: раз, другой, третий.

Но ответить Артур не смог. Он был мёртв.

Глава 2

СЛЕДЫ ОСТАЮТСЯ ВСЕГДА

Степан Воеводин не только числился советником Федеральной Службы безопасности Солнечной системы, он являлся ещё и командиром секретного подразделения контрразведки «Сокол», созданного на случай прямых и не слишком позитив-

ных контактов с другими жителями Млечного Пути. Правда, подразделение использовалось редко. На памяти Воеводина такое случалось всего дважды: когда китайцы едва не развязали войну с остальным человечеством, объявив Луну своей территорией, и когда земные разведкорабли не смогли приблизиться к ядру Галактики: их туда просто не пустила какая-то развитая балдж-цивилизация¹. Кстати, остающаяся и поныне загадочной. Узнать, кто её носитель, какие цели она преследует, отказываясь от контактов с человечеством, не удавалось до сих пор.

Однако в остальное время отряд «Сокол» не принимал участия в мелких пограничных и социальных конфликтах, часто будоражащих Солнечную систему. Зато усиленно тренировался. А Воеводин продолжал им руководить вот уже без малого тридцать лет.

Десятого апреля, вечером — по времени Вязьмы, где проживал советник, ему позвонил директор Службы безопасности Джон Байрон Ву:

— Гостя примете?

Удивлённый, но не показавший своего удивления Воеводин пошутил:

— Незванный гость лучше татарина. Или вы не знаете русских поговорок?

Ву, полный, валяжный, с длинными не по моде седыми бакенбардами, улыбнулся:

— Насколько мне известно, ваша пословица звучит иначе: незванный гость хуже татарина. Кстати, а кто такой этот татарин?

Воеводин не сдержал смешка:

— В давние времена все татары были по сути пришельцами.

Брови Джона Ву изогнулись, он с сомнением взгляделся в лицо советника.

— Я об этом ничего не слышал. Впрочем, на эту тему мы поговорим, если не возражаете.

— Жду. — Воеводин перестал улыбаться, выключил консорт-линию связи, обеспечивающую полную конфиденциальность переговоров.

Джон Ву, одетый вполне по-американски, то есть консерва-

¹ Балдж — ядро любой галактики (*астроном. термин*).

тивно, в потёртые джинсы и клетчатую рубашку «а-ля президент», появился в Вязьме через десять минут. Его сопровождал лишь один личный телохранитель-витс¹, которого он оставил во дворе старинной усадьбы Воеводиных. По утверждению деда последнего, усадьбе исполнилось как минимум четыреста лет. Такие усадьбы ещё сохранились на Земле, в частности — в России, особенно уважаемые в среде крупных бизнес-владельцев, несмотря на угрожающее демографическое давление цивилизации, покрывшей всю планету практически сплошным урбанистическим ковром мегаполиса. Но Воеводин не был бизнес-владельцем, просто унаследовал усадьбу от предков. Ему не раз предлагали продать «малую родину» площадью чуть больше полутектара, однако он не соглашался.

Советник встретил гостя на лужайке, где тот посадил флайт-такси, повёл в беседку.

Джон Ву бегло оглядел нависающие со всех сторон жилые башни Вязьмы, сел напротив хозяина за круглый столик посреди беседки.

Солнце ушло за громады зданий. Было тепло. Весна в этом году получилась мягкая, поэтому регулировщикам погоды не пришлось включать свои метеоустановки. Над городом мерцали цветные полотнища реклам, пронизанные «трассирующими» очередями транспортных линий, но шум сюда не достигал: усадьба была защищена звуковыми завесами.

— Минералка, синкола, алкоголь? — предложил Воеводин. — Или, может быть, горячего вязьмока?

— Что такое вязьмок?

— Вязьмоко. Напиток наподобие коровьего молока, делается только у нас в Вязьме, но уже широко популярно в Европе.

— Можно попробовать.

Воеводин проговорил в пространство:

— Две чашки вязьмока.

Никто ему не ответил, но через минуту из красивого двухэтажного дома выскочил юркий киб и принёс поднос с двумя широкими, как пиалы, чашками, в которых исходила паром белая жидкость с голубоватым оттенком.

¹ В и т с — высокоинтеллектуальная техническая система.

— Один живёте? — взял чашку Джон Ву. — Извините за вопрос.

— Ничего, всё нормально. Жена отдыхает с внуками в деревне.

— Не знал, что у вас ещё есть деревни.

— Условные в большинстве случаев, но есть. — Воеводин отпил из своей чашки.

Джон Ву после недолгих колебаний присоединился к нему, прислушался к своим ощущениям.

— Интересно... оно газировано?

— Нет.

— Впечатление такое, будто во рту лопаются шарики... необычно... но вкусно.

— Могу договориться с приятелем, и вязьмоко будут доставлять в вашу контору.

— Да, пожалуй, это было бы неплохо. Но к делу. Может быть, уединимся в доме?

— Нас и так никто не сможет подслушать. Я включил консорт-зону.

Словно демонстрируя наличие защиты, над беседкой просияла звёздчатая вуаль, погасла. Это означало, что территория дома и в самом деле была накрыта особым «полем воздушных осцилляций», контролируемым наносистемой датчиков и силовых паутин, которое отсекало всякую возможность подслушивания.

— Хорошо, — согласился Джон Ву, допивая вязьмоко; киб уволок поднос с пустыми чашками. — Что вы знаете о деле Крестовского?

Воеводин помолчал.

— Разве контора занимается этим делом? Оно же находится на контроле в Европейской кримполиции. Или я не всё знаю?

— Мы подключились к нему после двух других странных смертей коллег Крестовского. И вот что нам теперь известно. Его смерть назвать случайной нельзя. Астронома убили. Причём с применением высоких технологий.

— Нано, осмо, пси?

— Наши эксперты утверждают, что его сначала обездвигили, а потом ввели ему в кровь нанокиллера.

Воеводин хмыкнул.

Нанокиллером называли «диверсионный» впрыск нанороботов с определёнными заданными функциями. Нанороботы могли быть как лечебными, так и по-настоящему агрессивными, способными почти мгновенно выводить из строя те или иные органы человека.

— Медики нашли следы?

— Следы в таких случаях остаются всегда. Не важно какие: физические, химические, то есть материального плана, или психофизические и психосоциальные. Крестовский никогда прежде не жаловался на сердечно-сосудистую систему, но у него оказалось поражено именно сердце. Произошёл разрыв аорты. Он умер за доли секунды. Но главное не это. Точно с такими же диагнозами поступили в реанимационные клиники Норм Беккер и Зденек Гайдн. И та, и другой — астрономы, близкие знакомые Крестовского.

Воеводин потёр ладонью выпуклый лоб.

— Система?

— Система, но в другом смысле. Все трое не занимались никаким бизнесом и не были вовлечены в криминальные группировки. Вся их беда лишь в том, что Артур Крестовский сделал открытие.

— И за это их... убили?

Джон Ву кивнул.

— Вот почему я не стал вызывать вас в офис. Боюсь, мы встретились с явным сопротивлением неких сил, скрывающих своё присутствие в Солнечной системе и противодействующих нам в области астрономии.

Воеводин встал.

— Пойдёмте в дом.

Они покинули беседку, поднялись по ступенькам старинного крыльца с деревянными на вид резными балясинами, вошли в холл коттеджа с плиточным полом. Хозяин провёл гостя в свой кабинет, представлявший по сути большую книжную — редкость в наше время! — библиотеку, усадил в мягкое кожаное кресло. Сам сел за стол, тоже большой и деревянный.

— Здесь нам будет поспокойней. Итак, ваша гипотеза...

— Это уже не гипотеза, советник. Крестовский умница, он отправил файл со своими умозаключениями не только друзьям, но и своему инку, который тут же заархивировал посылку и

сделал флэш-копию на резервном сервере. Её убийцы Крестовского не нашли. Зато обнаружили наши специалисты.

— Что же такого он открыл, из-за чего его посчитали нужным ликвидировать?

— Видите ли, Крестовский — весьма значительная фигура в своей области, уникальный специалист, а кроме того эстет, любитель звёздных пейзажей, отшельник.

— В каком смысле?

— Немного не от мира сего. Друзей не имел, жил один. В свои шестьдесят он так ни разу и не женился. Но не в этом суть. А открыл он Ось Зла.

Воеводин хмыкнул, глянул на гостя исподлобья. Тот улыбнулся.

— Вы сильны в астрономии?

— Я профессионал контрразведки.

— Тем не менее ваша сфера деятельности — внешние контакты цивилизации. А это означает, что вы должны быть в курсе последних астрономических и астрофизических открытий.

— Насколько мне известно, космологический феномен под названием Ось Зла был открыт ещё в начале двадцать первого века американским зондом WMAP.

Джон Ву с уважением посмотрел на собеседника.

— Вы знаете об этом больше, чем я. Действительно, в начале двадцать первого века зонд WMAP, созданный для наблюдений за микроволновым фоном Вселенной, позволил обнаружить на небесной сфере более тёплые области, расположенные отнюдь не случайным образом.

— В виде цепочки, которую и называли Осью.

— Верно. Потом учёные нашли объяснение феномену, и о нём забыли. Но Крестовский реанимировал название, привязав его совсем к другой структуре. Он вдруг обратил внимание на шаровое звёздное скопление в Кентавре.

— Омега?

— Короче, он обнаружил цепочку звёзд, практически одинаковых по светимости и по размерам, которые располагаются строго по линейке. Таких звёзд он насчитал одиннадцать.

Воеводин прищурился, ожидая продолжения.

— Мы же насчитали... — Джон Ву помолчал, — девяносто девять!

По кабинету разлилось молчание. Руководители двух спецслужб Солнечной системы, отвечающих за безопасность, смотрели друг на друга.

— Цивилизация? — понизил голос Воеводин.

— Погодите. Звёзды эти не разбегаются в разные стороны, как остальные. Они вращаются вокруг центра скопления как единое целое, будто закреплены на какой-то чудовишной спице. Понимаете?

— Цивилизация, — сказал Воеводин утверждающим тоном.

— В настоящее время все они повернуты к нам таким образом, что видна только одна звезда — Кентавр-2007. Остальные девяносто восемь прячутся за ней.

— Как же Крестовскому удалось обнаружить Ось?

— Он заметил ничтожное отклонение в спектрах скопления столетней давности, сделал запрос в архив Астрономического союза. На снимках скопления, сделанных триста лет назад, виден ещё десяток звёзд. И Крестовский начал анализировать их положение, хотя должен был заниматься совсем другими проблемами.

— И его убили.

Джон Ву погрузился, вздохнул.

— Вот почему я решил передать это дело вашему сектору. Мало того, у нас появились другие, не менее интересные данные, которые я тоже передам вам. Боюсь, самой конторе в ближайшее время запретят заниматься расследованием дела Крестовского. Мы испытываем очень большое давление... со стороны Федерального Совбеза.

— Там сидят агенты влияния этой самой... Оси?

— Вы всё понимаете, советник. Может быть, я немного поспешил с привлечением вашего отряда, но дальше медлить нельзя. Так вот, дополнительные данные. Вы, естественно, знаете о строительстве в Системе суперструнного преобразователя вакуума.

— Его чаще называют Суперклизмой, — усмехнулся Воеводин.

— Этого юмора я не понимаю, — пожал плечами директор Службы безопасности. — Мы строим в Системе самый большой ускоритель, какой только может создать человечество. И называть его Супер... гм, гм, клизмой не совсем правильно.

— Это вовсе не ускоритель.

— Абсолютно не ускоритель, я понимаю, но он позволит физикам продолжить исследования квантовой гравитации и элементарных частиц, чем занимались учёные на последних суперколлайдерах, поэтому в каком-то смысле Суперкл...

— Суперструнный. Вы правы, в этом смысле его можно назвать преемником ускорителей. Но какое отношение он имеет к шаровому скоплению в Кентавре?

Джон Ву помолчал, поглядывая на панорамное — во всю стену — окно кабинета, в котором виднелась стоэтажная жилая башня города.

Воеводин мысленно скомандовал домовому изменить поляризационную ось окна.

Прозрачный лист углепластика, практически не видимый глазом, превратился в слой золотистой пыли.

Директор СБ отвернулся от окна.

— Суперкл... э-э, струнный в материале представляет собой двадцатитысячекилометровую ферму диаметром около ста метров. Абсолютно прямую и ровную, как... э-э, как столб, собственно говоря. Так вот, она ориентирована точно на Омегу Кентавра, мы проверили. Мало того, эта струна направлена именно на звезду Кентавр-2007. Вам это о чём-нибудь говорит?

Воеводин потёр лоб.

— Совпадение?

— Не знаю, — обозначил улыбку Джон Ву. — Меня лично сие обстоятельство просто удивило. Потом заставило думать. Вам же придётся разбираться, совпадение это или нет. Как-то странно, что Ось Зла расположилась в пространстве таким образом, что ориентация Суперструнного совпала с ней до тысячных долей градуса. Точнее — будет совпадать идеально к моменту запуска Суперструнного. Понимаете?

— Интересно, — тихо сказал Воеводин.

— Вы так полагаете?

— Вопрос можно?

— Конечно.

— Кто в Управлении СБ знает о расследовании дела Крестовского?

— Пять человек: следственная бригада особого назначения и я.

— Спецслужбы Федерального Правительства?

— Только то, что им положено знать.

— Значит, председатель Правительства наверняка в курсе.

— Что вы хотите сказать?

— Если Крестовского убили и не пожалели даже его приятелей, то вся следственная бригада под угрозой. Вы тоже.

Джон Ву махнул рукой.

— Мне не привыкать.

— Позаботьтесь о собственной охране. Одного витса мало, нужен «эшелон» прикрытия.

— Хорошо, я приму меры.

— Что вы намерены предпринять?

— Сделаем вид, что нам дело Крестовского неинтересно.

— Это правильно.

— Кроме того, у нас есть возможность послать к Кентавру экспедицию. Тихо и скрытно.

— «Ра»? — понимающе прищурился Воеводин.

Джон Ву ответил таким же понимающим кивком.

«Ра» был новейшим «струнным» космолётом, имеющимся в резерве Службы безопасности. О его существовании знали буквально единицы в руководстве СБ плюс экипаж. Базировался он на спутнике Урана Умбриэле, причём был замаскирован под сброшенную давным-давно на спутник автоматическую станцию, поэтому даже Погранслужба Солнечной системы не интересовалась им как транспортным средством.

Практика создания резерва на случай возникновения критических ситуаций возникла всего семьдесят лет назад, после Второго Террористического Кризиса, когда впервые в истории человечества образовалась Анархическая Лига. Правительство Земли было уничтожено, и понадобились сверхусилия наиболее развитых государств мира — России, Китая, Индии, Объединённой Кореи и ещё десятка других стран, — чтобы справиться с разгулом терроризма. Лига долгое время диктовала условия человечеству, а её агенты проникли чуть ли не во все властные институты Земли, в том числе в спецслужбы.

«Ра» был не первым и не единственным крейсером космического флота цивилизации, принадлежащим секретному подразделению для отражения возможных атак врагов, как внутренних, так и внешних. В своё время в экспедиции к центру

Галактики участвовал спейсер «Индра», а в ликвидации последнего оплота Лиги на Марсе отличился фрегат «Либеро», также входящий в резерв Службы безопасности.

— До шарика в Кентавре пятнадцать тысяч светолет, — сказал Воеводин.

— Семнадцать, — уточнил Джон Ву флегматично. — Даль-разведчики летали дальше. «Ра» справится. На «струне» ему понадобится всего несколько дней, чтобы достичь Омеги Кентавра. Плюс пара недель на изучение Оси Зла. К моменту запуска Суперструнника он должен вернуться.

— Кто возглавит поход?

— Рудольф Маккена. Надеюсь, вы о нём хорошего мнения?

— Я его мало знаю.

— Он бывший заместитель командора Погранслужбы. Его хорошо знает Барранга.

Воеводин кивнул.

Эль Мата Барранга, афробразилец, возглавлял Службу безопасности до Джона Ву, и его суждения о людях всегда были точны.

— Материалы?

Джон Ву протянул хозяину просиявшую алмазом «чешуйку» флэшки.

— Будьте осторожны, Степан. Если права моя интуиция, мы на пороге контакта, причём не позитивного. Только вы, русские, ещё сохранили драйв и кипение крови, поэтому только вам под силу справиться с нависшей опасностью. Остальные — европейцы, американцы, австралийцы — практически атрофировались как люди действия, они не склонны рисковать, живут как трава на ветру. Но и вам понадобятся независимые оперативники экстра-класса.

— Найдём, — остался спокоен Воеводин.

— Выпить бы чего-нибудь, — вдруг проговорил директор СБ. Виногато сморщился. — Глоточек виски за удачу.

— Тогда лучше водки. У меня есть «Русский размер».

— Вы, русские, по-прежнему предпочитаете свои напитки.

— Так ведь в них нет никаких вредных примесей в отличие от ваших, чистый алкоголь на природных компонентах плюс особые технологии. Если от ваших текил и виски потом болит

голова — жить не хочется, то от наших медовух и водки всё на-оборот.

На лице Джона Ву отразилось сомнение.

— Вы случайно не владеете пакетом акций ваших алкогольных компаний? Уж очень активно и со знанием дела рекламируете товар.

Воеводин засмеялся.

— Нет, не владею, к сожалению, просто знаю качество напитка. По глотку?

— Наливайте.

Воеводин открыл в стене дверцу бара, достал вычурной формы бутылку с голографическим высверком названия и марки производителя. Булькнула прозрачная жидкость, заполняя небольшие прямоугольные стаканчики.

Воеводин поднял свой.

— За успех безнадёжного дела?

— Как? — удивился директор СБ.

— Это древняя присказка, передаваемая из поколения в поколение моими предками.

— Тогда за успех.

Они чокнулись. Воеводин опрокинул стаканчик в рот, захрустел орешками.

Джон Ву с колебанием выцедил треть налитого, прислушался к своим ощущениям, одним глотком осушил стаканчик. Помахал рукой у рта. Взял орешки.

— Выстрел в рот!

— Не нравится?

— Почему же, нравится... шариком катится... тепло...

— Потому что никакой химии. Может, ещё?

— Нет, в другой раз. У меня ещё рабочий день только начинается, надо быть в форме. До связи, советник. — Директор подал руку хозяину. — Как там вы говорите? Ни пуха, ни шерсти?

— Ни пуха ни пера.

Джон Ву кивнул и пошёл к двери, явно слегка осоловевший. Русская водка подействовала на него расслабляюще.

Воеводин проводил гостя до ожидавшего у беседки такси, помахал рукой. Жёлтый, сверкающий огнями флайт «Калина» улетел. Воеводин потёр лоб рукой, проговорил задумчиво:

— К чёрту, сэр Джон! Я имею в виду противника.

Флайт влился в световую метель в небе над городом.

Воеводин вернулся в дом, принялся изучать полученные материалы. Неожиданность выхода службы на «структуру контроля», как именовалась ситуация такого рода в давно разработанных инструкциях внешней контрразведки, не пугала. «Соккол» и создавался на случай столкновения человечества с агрессивными видами разума в Галактике. Но масштаб явления всё ещё был скрыт от понимания, и только интуиция нашёптывала, что поступательное движение цивилизации заканчивается. Человечество начало наткаться на владения других разумных существ, не желающих сдавать свои позиции.

Итак, кто вы, господа, оставившие такие страшные и недвусмысленные следы?

Глава 3

РАЗВЕДКА

Старт «Ра» с поверхности Умбриэля не был замечен ни одной службой контроля пространства Солнечной системы.

В принципе, за семейством спутников Урана и не было нужды устанавливать постоянное наблюдение, поскольку пять его главных спутников — Ариэль, Умбриэль, Титания, Оберон и Миранда — не представляли особого интереса для астрономов и планетологов, да и изучены были достаточно хорошо. На двух из них — на Ариэле и Титании даже были запущены рудничные комплексы для добычи редкоземельных элементов. Умбриэль же, диаметр которого достигал всего лишь тысячи с небольшим¹ километров, не считался перспективным объектом ни в плане освоения, ни в плане разработки полезных ископаемых. Исследовали его в основном автоматы, да на экваторе в районе Расщелины Красной Ящерицы располагался центр управления всей имеющейся на спутнике исследовательской техникой.

«Ра» тихо исчез с поверхности Умбриэля, оставив на своём месте голографический «мыльный пузырь», изображавший автоматическую станцию, и перешёл в режим «инкогнито», по-

¹ 1169 км.

зволявший ему становиться полностью невидимым. Миновав орбиту пятнадцатого спутника Урана — Пака, открытого ещё в конце двадцатого века¹, корабль остановился, ожидая прибытия на борт экспертов Службы безопасности, специалистов по физике звёзд. Их помощь была необходима для оценки феномена, получившего название Ось Зла, но они этого ещё не знали: экспедиция к Кентавру готовилась в условиях строжайшей секретности.

Эксперты появились точно в назначенное время, мужчина и женщина. Их сопровождал помощник директора Службы безопасности Солнечной системы, непосредственно отвечавший за подготовку похода. Он передал командиру спейсера запечатанный пакет с инструкциями на случай возникновения чрезвычайных ситуаций, ввёл в курс дела экспертов и дал им время на обдумывание своего решения.

Обдумывание длилось всего несколько минут. Эксперты поговорили друг с другом и согласились войти в состав экипажа «Ра», попросив сообщить о своей непредвиденной командировке родственникам. После этого помощник директора СБ по фамилии Фурсенко попрощался с экипажем и отбыл обратно.

Рудольф Маккена, немногословный и суровый, провёл предполётный контроль функционирования систем корабля, выслушал обыденные ответы членов экипажа «к полёту готов» и мысленно скомандовал инку спейсера по имени Тихий следовать программе.

«Ра» начал разгон шпугом, то есть перешёл в режим двойного ускорения.

Пользоваться «струной» рекомендовалось не ближе орбиты Нептуна, где ещё не были установлены антенны следящих систем, способных фиксировать изменения гравитационных полей. «Струнный» старт порождал деформацию вакуума и как следствие — гравитационные волны, улавливаемые системами контроля пространства в радиусе орбиты Сатурна.

Голубоватый шар Урана с узкими, но отчётливо видимыми пылевыми кольцами отнесло назад. Мелькнули и исчезли цветные шарики регулярных спутников. Последними пронеслись

¹ В 1985 году.

мимо внешние спутники планеты — Просперо и Сетебос, размеры которых не превышали тридцати километров. По сути это были каменные глыбы, усеянные кратерами и трещинами, пойманные Ураном при пролёте через скопления астероидов.

Вдали мелькнула искра Большого Уха, как называли астрономы один из телескопов «Сферы». Дальше за орбитой Урана начиналось безбрежное чёрное поле космоса, расцвеченное звёздами, недостижимыми на первый взгляд и далёкими. На самом деле достичь почти любой из них в настоящее время, после того как люди овладели энергией вакуума и «суперструнными» технологиями, не составляло труда. Однако большинство звёзд хотя и имело планеты, интереса для человечества не представляло. Лишь восемь систем в пределах двух сотен парсеков от Солнца имели жизнь, да и то не разумную. Остальные, как выяснилось, стерильно чисты и безжизненны. Хотя на планетах некоторых из них сохранились странные следы пребывания то ли гостей, то ли давно исчезнувших цивилизаций. Этими планетами с энтузиазмом занимались космоархеологи, хотя похвастаться значимыми успехами не могли.

Жизнь — разумная жизнь — была обнаружена даль-разведчиками Земли всего в трёх местах обследованной части Галактики: возле её ядра, в системе Орилоуха и в Малом Магеллановом Облаке. Но людей туда не пускали. Ясного и чёткого ответа на вопрос «почему?» не знал никто. Возможно, были правы те экзопсихологи, которые утверждали, что человечество являет собой хищнически-агрессивный тип разума, с которым нельзя устанавливать контакты. С другой стороны, было известно, что цивилизации в Магеллане и на планетах Орилоуха являются негуманоидными, а психика негуманоидов, то есть существ, разительно отличающихся от людей, в корне должна была отличаться от психики хомо сапиенс. Они могли просто не признавать в людях носителей разума, равного им.

«Ра» достиг скорости, определяемой приборами почти как скорость света¹, за две с половиной минуты. В таком состоянии ему предстояло мчаться почти полтора часа, чтобы достичь условной границы — орбиты Нептуна, за которой начиналась «ничья пустота». Экипажу это не нравилось, так как пересечь

¹ 300 000 км/с.

Солнечную систему из конца в конец можно было буквально за пару секунд. Но приходилось терпеть. Условия похода запрещали пользоваться «струнным» режимом до момента выхода за пределы Системы.

Впрочем, никто из пяти членов экипажа и двух экспертов не высказался по этому поводу. Все они были уравновешенными, спокойными, сильными и уверенными в себе людьми, успевшими побывать во многих переделках, и умели терпеть и работать в любых предлагаемых условиях.

В два часа двенадцать минут по среднесолнечному времени наступил долгожданный «момент истины». Объяснять суть похода никому не требовалось, и Рудольф Маккена произнёс всего лишь одно слово:

— Поехали!

— Есть! — отозвался Тихий, включая системы «струнного» преобразования вакуума, а вместе с ним — и самого спейсера.

Глаза членов экипажа перестали что-либо видеть. Вместе с атомами и элементарными частицами, из которых состояли их тела, люди превратились в «пакет суперструн», пронзивший космос от Солнечной системы до точки первого калибровочного выхода в «нормальное» пространство.

Прыжок длился не больше одной сотой секунды, но люди приходили в себя несколько минут, опекаемые автоматикой быстрого реколлапса.

— Сто семьдесят парсеков, — мягким баритоном проговорил Тихий. — Прошли Хадар¹. Системы корабля в норме. Внешний фон в пределах допустимых отклонений.

— Экипаж? — поинтересовался Маккена, больше обращаясь к пассажирам, нежели к своим подчинённым.

Все дружно ответили:

— В норме!

— Всё хорошо, — добавила эксперт Роза Линдсей.

Второй эксперт Марч Кремень промолчал.

Оба эксперта находились в пассажирском кокон-отсеке, способном при необходимости вместить двадцать с лишним человек. Пока спейсер двигался в штатном режиме, за них можно было не беспокоиться.

¹ Хадар — Бэта Кентавра, переменная звезда.

- Поворот на цель, — скомандовал Маккена.
- Готов, — доложил Тихий.
- Штрихпунктир с шагом пятьсот.
- Принял.

Это означало, что корабль должен был двигаться прыжками длиной в пятьсот парсеков. Такой режим нельзя было назвать приятным, переход на «струну» и обратно требовал от экипажа хорошей физической и психической закалки, но Маккена просто соблюдал пункт полётной инструкции под названием СРАМ — сведение риска к абсолютному минимуму. Полученное задание вполне укладывалось в этот пункт, хотя корабли даль-разведки ходили по космосу ещё более мелкими шажками. Но Маккена знал, когда можно и нужно рисковать.

Из очередного «струнного» прыжка «Ра» вышел через две секунды, приблизившись к цели похода — шаровому звёздному скоплению Омега Кентавра — на пятьсот парсеков.

Тихий провёл контроль функционирования корабля, экипаж доложил о готовности лететь дальше, и «Ра» начал следующий прыжок.

На пятом переходе Маккена объявил суточный отдых.

Спейсер углубился в пространство созвездия Кентавра на восемь с небольшим тысяч световых лет, а это был уже серьёзный отрезок пути до цели, и СРАМ-инструкция требовала основательной проверки жизнедеятельности корабля и изучения внешних параметров среды.

Два часа люди спали, отдыхая от встрясок «струнного штриххода». Каждый прыжок гасил сознание, и приходиться в себя становилось всё труднее.

Однако никто не жаловался на плохое самочувствие, современные технологии позволяли не обращать внимания на такие мелочи. В прошлом пересекать космическую «пустоту» было во много раз тяжелее, и члены экипажа вскоре собрались в небольшой кают-компании корабля на ланч. К ним присоединились эксперты, все перезнакомились. Штатных «юмористов» в составе экипажа не случилось, но место шутке нашлось: драйвер-прима спейсера Вацлав Хржичка уснул прямо за столом. Так что разошлись члены экипажа по рабочим местам с хорошим настроением.

Сутки «Ра» слепо мчался вперёд с достигнутой в Солнечной

системе скоростью, напоминая луч света. Затем превратился в «струну» и достиг очередной калибровочной точки вблизи не-большой красной звёздочки, имеющей только порядковый номер и удалённой от Солнца на девять тысяч двести десять световых лет.

Задерживаться здесь не стали.

Все системы космолёта работали прекрасно, экипаж чувствовал себя нормально, пустота вокруг спейсера ничего интересного или опасного не обещала, и делать было нечего.

Прыгнули ещё на пятьсот парсеков, затем ещё на пятьсот.

И тут тихо сомлела в своём защитном коконе эксперт Роза Линдсей.

Тихий отреагировал оперативно: подключил к кокон-отсеку медицинский комбайн, запросил у командира инструкции, и Маккена вынужден был задержать очередной «струнный» прыжок.

К счастью, ничего серьёзного инк-медик корабля у Розы не обнаружил: открылась лёгкая сердечная недостаточность, о чём сама Роза и не подозревала. Но корабль задержался на маршруте полёта в режиме «светового луча» ещё на двенадцать часов.

За это время экипаж выспался, медицинский комбайн корабля поддержал тонус Розы, рекомендовав «покой и сон», и Рудольф Маккена отдал приказ Тихому следовать прежним курсом.

Теперь останавливались после каждого прыжка и тщательно обследовали пассажиров. Обмороков у Розы Линдсей больше не случалось, но, судя по докладам диагноста, нагрузка полёта ей была противопоказана. Однако «Ра» преодолел уже больше половины пути до Омеги Кентавра, и Маккена принял решение достичь цели одним длинным прыжком длиной в полторы тысячи парсеков.

Экипаж ему не возражал.

Всем тоже порядком надоело получать «удары дубиной струны по голове», несмотря на все ухищрения защитной автоматики.

Спустя неделю после старта с Земли «Ра» начал свой последний прыжок и достиг окраины шарового звёздного скопления на двое суток раньше намеченного срока.

Когда члены экипажа и эксперты пришли в себя, они увидели впереди великолепнейшее зрелище: миллионы звёзд, в основном оранжевых и красных, заполняли всю переднюю полусферу виома, образуя колоссальной величины — и безумной красоты — шар!

* * *

Двое с половиной суток корабль мчался к скоплению в режиме «светового луча».

Эксперты, вооружённые современными комплексами для наблюдения за космосом, изучали скопление и выверяли полученные на Земле данные. Экипаж, привыкший к иным нагрузкам и ритму жизни, скучал, не зная, чем себя занять. Рудольф Маккена сообразил, что расслабленность экипажа может сыграть с ним плохую шутку, и приказал провести учение «с нападением инопланетян на спейсер».

Учение прошло блестяще. «Пришельцы» были взяты в плен, и повеселевший экипаж устроил вечеринку, где позволил себе небольшой концерт: пели все, даже не имевший голоса драйвер-прима Вацлав Хржичка.

Наконец эксперты закончили расчёты, и Тихий с их помощью воспроизвёл в виоме панораму части скопления, где располагалась красная звезда-гигант класса М3 Кентавр-2007.

«Ра» подошёл к скоплению таким образом, что виднелись, хотя и под острым углом, и другие звёзды Оси Зла. Однако, по расчётам, их оказалось не девяносто девять, а меньше. Правда, точность инструментальной базы корабля была всё-таки ниже разрешающей способности «Сферы», поэтому полагались на то, что остальные звёзды просто не видны. Тем не менее гипотеза Крестовского подтвердилась. Шокированный этим экипаж «Ра» долго любовался Осью Зла, а Рудольф Маккена даже поучаствовал в дискуссии с экспертами, утверждавшими, что вероятность подобной группировки звёзд — на идеальной прямой — не равна нулю. По мнению командира корабля, да и всего экипажа в целом, без малого сотня звёзд не могла улечься на одной линии без помощи каких-то могучих сил. Естественно, разумных.

— Мы ещё далеко от Оси, — сказал драйвер-секунда спейсера Вячеслав Терёшин. — Надо подойти ближе.

— Это ещё как минимум пять-шесть мелких прыжков, — заметил инконик «Ра» Митрофан Успенский. — Эксперты выдержат?

Все посмотрели на командира; совещание проходило в уют-компании, без пассажиров, которые были увлечены своей работой в кокон-отсеке.

— Через час — старт, — поднялся Маккена. — Митя, посчитайте с Тихим курс таким образом, чтобы мы вышли над Осью в пяти парсеках, не дальше.

— Без проблем, капитан, — сказал красноволосый по последней моде Успенский; он был молод, подвижен, динамичен, амбициозен и любил тусоваться на Земле в молодёжных компаниях. Что не мешало ему быть одновременно и классным специалистом в области нанокomпьютерных технологий.

Члены экипажа разбежались по кокон-креслам.

Маккена запросил отсек пассажиров:

— Роза, ваше самочувствие оставляет желать лучшего. Но нам необходимо подойти к Оси поближе. Выдержите?

— Делайте своё дело, капитан, — рассеянно отозвалась Роза Линдсей. — Вы прекрасно знаете, что задание должно быть выполнено при любых обстоятельствах.

— Тихий, — перешёл на личную связь Маккена, — поддержи женщину, чем можешь. Она права, у нас нет выбора.

— Я контролирую её состояние, — ответил инк, — но не гарантирую благополучного исхода. Каждый переход на «струну» вызывает у неё анафилактический шок, из которого всё труднее выходить. Я бы вообще посоветовал вернуться.

— Возвращаться надо было раньше. Сколько она сможет продержаться?

— Трудно сказать. С вероятностью пятьдесят — четыре-пять переходов.

— А потом? Летальный исход, что ли?

— Нет, скорее всего кома. Возможно, придётся прибегнуть к глубокой гибернации.

— Понял. Митя, идём к Оси не мелкими шажками, а крупными. Нам нужен один-два перехода.

— Принято, рассчитываю, — доложил Успенский.

Через час «Ра» прыгнул вперёд, углубляясь в сверкающий звёздами «мешок» Омеги Кентавра.

* * *

Их со всех сторон окружали звёзды.

Звёзд было так много, что смотреть на них без светофильтров не представлялось возможным. Лишь благодаря видеосистемам спейсера экипаж мог любоваться необозримым сверкающим звёздным полем без ущерба для зрения. Однако больше всего космолётчиков интересовала странная конструкция под названием Ось Зла, полное количество звёзд в которой достигло ста одиннадцати.

— Бог ты мой! — выдохнул с некоторым страхом драйвер-секунда Терёшин. — Сто одиннадцать! На чём они держатся?! Кто их привязал друг к другу?!

На этот вопрос не могли дать ответ даже эксперты. Однако факт оставался фактом: сто одиннадцать красных гигантских звёзд, чей диаметр достигал орбиты Венеры в Солнечной системе, расположись они на месте Солнца, держались одна возле другой как прибитые гвоздями на расстоянии всего в пять астрономических единиц. То есть — недопустимо близко! Но главное — они действительно располагались на одной прямой, будто связанные в одну цепь или нанизанные на какую-то невидимую спицу. Точнее, с расстояния в пять парсеков «спица» была не видна. Возможно, её не существовало вовсе.

— Менто на Землю, — сказал Маккена, имея в виду канал «струнной» связи с базой СБ на Земле.

— Буду готов через пару минут, — откликнулся Тихий. — Что доложить?

— Мы обнаружили Ось Зла, количество звёзд — сто одиннадцать. Начинаем программу.

— Мы идём туда?

— Станный вопрос.

— Я к тому, что процент риска при полёте к скоплению возрастает до двадцати семи.

Маккена озадаченно почесал бровь.

— Почему так много?

— Динамика звёзд в скоплении не подчиняется распределению Вольфа-Райе, отмечаю вихревые «струи» гравитационных полей.

— Что это означает?

— В скоплении идёт перестройка внешних слоёв с какой-то целевой направленностью.

— Чушь! Целевая направленность предполагает наличие разработчика.

— Значит, этот разработчик существует. Тенденция движения звёзд именно такова, и процесс этот длится уже не одну тысячу лет.

— В таком случае почему Ось Зла не подчиняется этому процессу?

— Я оперирую фактами.

— Понятно. Похоже, мы имеем возможность получить от ворот поворот.

— Извините, не понял.

— Первые экспедиции к ядру нашей Галактики были развёрнуты и не пропущены в радиусе ста пятидесяти парсеков.

— Комментарии — бремя человека, — с неожиданной иронией сказал Тихий. — Я всего лишь инк.

— Ладно, посмотрим. — Маккена включил интерком. — Господа космолётчики, прогноз местной погоды не слишком благоприятен, возможны сюрпризы, поэтому всем глядеть в оба и быть готовыми.

— К чему? — осведомился Успенский.

— Ко всему! — отрезал Маккена. — Тихий, вперёд!

«Ра» послушно нырнул в «узкое горло струны».

Пять парсеков, или шестнадцать и три десятых световых года, препятствием для спейсера такого класса не являлись. Уже через секунду корабль вышел к Оси Зла, и люди смогли увидеть ее звёзды «с высоты» трёх астрономических единиц.

Сначала ничего интересного никто не отметил.

Огромные багровые звёзды классов К и М слева и справа, принадлежащие Оси, расположенные точно в полутора миллиардах километров друг от друга, казались ничем не отличимыми от соседей, принадлежащих общему шару скопления. Затем Тихий, вооружённый системами наблюдения и обладавший великолепной реакцией, обнаружил некий объект и выдал его изображение на переднюю полусферу обзорного виома. И тогда космолётчики увидели «с п и ц у», соединявшую звёзды Оси.

Выглядела она как ажурная ферма, имеющая в сечении фи-

гуру, напоминавшую снежинку, а диаметр этой «снежинки» достигал двенадцати тысяч километров. То есть был почти равен диаметру Земли.

— Мать честная! — ахнул кто-то из членов экипажа. — Ферма! Не сгорает! Она же их... соединяет!

— Тихий, экспресс-анализ, — бросил Маккена, ошеломлённый увиденным не меньше остальных, но не забывший о своих командирских обязанностях.

— Минутку, — сказал инк. — Подождите... не понимаю...

— В чём дело?

— Не могу определить материал объекта... ни одной знакомой конфигурации... Во всяком случае, спектр этой фермы не поддаётся никакому объяснению. Что-то похожее на мезонное излучение.

— Силовое поле? — предположил Успенский. — Иначе трудно объяснить, почему ферма не сгорает, входя в звёзды.

— Эксперты, ваше мнение?

— Выводы пока делать рано, — отозвался коллега Розы, который держался так тихо и неприметно, что его как бы и не было на борту спейсера.

— Может быть, это какой-то экзотический вид материи? — хмыкнул Вацлав Хржичка. — Конгломераты частиц типа тех же мезонов или вообще монополей.

— Не говорите глупостей! — отрезала Роза Линдсей. — Рудольф, надо подойти ближе к ферме, будем изучать феномен по полной программе.

— Тихий, — окликнул Маккена, — курс на ферму. Менто на базу: обнаружили Ось.

«Ра» двинулся к соединявшей звёзды «спице» в режиме «светового луча».

Ему понадобилось всего сорок минут, чтобы приблизиться к «спице» на расстояние в десять тысяч километров. Сработал преобразователь инерции хода. Корабль остановился. Если бы не сияние звёзд скопления, «спица» была бы видна невооружённым глазом, но лишь с помощью особых настроек систем обзора люди увидели её «вблизи»: длинная ажурная «штанга» уходила влево и вправо, исчезая в недрах двух ближайших звёзд. Протуберанцы, обвивающие концы «штанги», никак на

неё не влияли. На их фоне она так и оставалась чёрной, будто обладала нулевой теплопроводностью.

Тихий дал увеличение. Стал виден ближайший участок фермы: сложная вязь правильных геометрических фигур, вдоль которых то и дело проскальзывали, завиваясь, голубые змейки молний.

Космолётчики некоторое время молча разглядывали гигантскую ферму, понимая, что это искусственное сооружение, созданное с помощью недоступных землянам технологий.

Глава 4

НЕ БЫЛО ПЕЧАЛИ

Округлая гора Юпитера, нависающая, казалось, над головой, мешала заниматься делом. Но Руслан, относившийся к своим обязанностям спасателя с предельной ответственностью, не обращал на эту гору никакого внимания. Он работал.

Сигнал бедствия поступил в Центр управления АЧС¹ в шесть часов по среднесолнечному времени, а уже через две минуты модуль спасателей мчался к спутнику Юпитера Европе, где под лёд провалилась экспедиция самодеятельных «контактёров», любителей острых ощущений, получивших разрешение на короткое посещение спутника.

Руслан Горюнов — тридцать лет, светло-русые волосы по плечи, светло-серые глаза, упрямый подбородок — был в экипаже модуля самым опытным спасателем. На его счету имелось более двухсот вылетов по вызовам СОС-сети и около полусотни спасённых жизней. Кроме него в состав отряда входили ещё пять спасателей, в основном молодые парни и одна девушка, не уступавшая им по физическим кондициям. Они тоже были опытными космонавтами, участвовали в СОС-экспедициях и легко ориентировались в любой обстановке.

Европа, один из галилеевых спутников Юпитера, давно привлекала исследователей и будоражила умы учёных своими характеристиками. Вся она была покрыта слоем водяного льда толщиной от десяти до пятнадцати километров, имела «печ-

¹ АЧС — Агентство по чрезвычайным ситуациям.

ку» — горячее ядро, и потому температура воды подо льдом достигала плюс двенадцати — двадцати пяти градусов Цельсия. Мало того, на её поверхности были обнаружены остатки «трубопроводной сети» — странные системы из ледяных же «гофрированных труб» диаметром до сотен метров, которые сразу позволили психокосмологам заявить об открытии «следов разумной цивилизации».

Однако, кроме «трубопроводного» рельефа, обнаружить другие следы разумной деятельности на поверхности Европы не удалось, и тогда исследователи полезли вниз, в океан планеты, надеясь встретить там «братьев по разуму».

Длилась эта исследовательская экспансия почти двести лет.

Планетологи бурили скважины, работники Института внеземных коммуникаций рыли котлованы и прокладывали шахты. Всего было пробито около сотни шахт, не считая скважин, и человек наконец проник в тёплый океан Европы, вооружённый современными технологиями контакта с внеземным разумом. Но его ждало жестокое разочарование. Несмотря на открытие ряда необычных регулярных структур на дне океана в его толще, разумными их строители не были. Скорее они напоминали коллективных существ типа земных насекомых: муравьёв, ос и пчёл, — только морских.

Конечно, это всё равно было великое открытие: впервые человек кроме бактерий — как на Марсе и в облаках Венеры — обнаружил биологическую жизнь сродни земной. Однако коммуникаторы жаждали встретить «настоящих» братьев по разуму и вот уже на протяжении десятков лет пытались найти на Европе пусть не современников, то хотя бы следы «древних разумников», продолжая бороздить океан Европы, изучать «трубопроводы» и «регулярные фракталоподобные структуры».

Естественно, энтузиастов «контактов с иноразумом» хватало. Не всегда они приносили пользу, чаще возвращались домой разочарованные и больше не помышляли об экспедициях на Европу. Но попадались и упорные люди, не обращавшие внимания на реальную опасность прокладки маршрутов в суровых космических условиях. Одна из групп таких любителей-космоархеологов и попала в западню на плато Зелёного Змия, когда рядом вдруг заработал водяной вулкан. Группу в составе че-

тырёх человек — двое мужчин, две женщины — увлекло в трещину, откуда они не смогли выбраться самостоятельно.

Пока модуль мчался от юпитерианского портала метро к Европе, Руслан выслушал всю доступную информацию по вызову, в том числе — данные по самой Европе.

Открыл Европу ещё Галилео Галилей, наравне с тремя другими спутниками: Ио, Ганимедом и Каллисто. Её диаметр равнялся трём тысячам ста тридцати километрам, то есть по сути она была чуть меньше земной Луны. Из-за того что поверхность Европы представляла собой сплошное ледяное поле, покрытое глобальной сетью трещин, её альbedo превышало альbedo других галилеевых спутников и — намного — спутников других планет Солнечной системы. Сила тяжести на поверхности Европы была в семь раз меньше земной. Атмосферы она практически не имела. Те слабые следы газов от водорода до кислорода и пары воды назвать атмосферой было трудно.

Модуль, идущий в режиме двойного ускорения, миновал газопылевое кольцо Юпитера, спикировал к Европе и резко затормозил над районом, из которого был получен сигнал бедствия.

Руслан мельком взглянул на гору Юпитера (пейзаж был великолепен!) и сказал только одно слово:

— Начали!

Плато Зелёного Змия было похоже на след упавшего миллионы лет назад на Европу астероида. В его центре располагалась пологая ледяная гора, окружённая кольцом трещин, а чуть дальше, в радиусе полусотни километров, плато охватывало второе кольцо зеленоватого цвета — гофрированный «трубопровод», наполовину утонувший во льду и проломленный во многих местах упавшими когда-то метеоритами помельче.

Группа «космоархеологов» изучала самую сохранившуюся часть ледяной «трубы» длиной около пятнадцати километров. С высоты она действительно напоминала змея или, скорее, червя диаметром около сотни метров, кому что воображалось, но спасателям этот «змей» больше напоминал гофрированный шланг, покрытый льдом, инеем и тысячетлетней пылью. Глядя на этот «шланг» с высоты, легко можно было поверить, что он является делом рук (или лап) существ, некогда населявших Европу.

Однако добровольным исследователям «змея» не повезло.

Совсем рядом с лагерем экспедиции неожиданно проснулся водяной подлёдный вулкан и накрыл палатки лагеря, флайт и модуль с научным оборудованием струёй горячей — по сравнению с температурой поверхности (минус двести пятьдесят шесть градусов по Цельсию) — воды и пара.

В принципе, всё бы обошлось, если бы при извержении не произошла подвижка льда.

«Трубу» разорвала трещина, поток воды увлёк за собой палатку со спящими в этот момент людьми и вклинил в трещину на глубину полутора километров. А поскольку вода тут же замёрзла, палатка с людьми оказалась вмороженной в лёд, как муравей — в каплю янтаря. Выбраться самостоятельно туристы не смогли. Хорошо ещё, что смогли послать сигнал СОС. Однако подвижка льда продолжалась, трещина закрылась и сжала палатку с горе-исследователями так сильно, что не выдержала силовая защита. Палатку — модуль класса «Тур-44» — сплющило, и теперь лишь второй защитный контур — аварийного обеспечения, «стакан», как называли его космены, — ещё кое-как сдерживал нарастающее давление льда.

Группа Горюнова начала действовать без промедления. «Космоархеологи», или «экзологи», как они себя гордо называли, уже не подавали признаков жизни. Ни на один вызов никто из них не ответил. Но Руслан почему-то был уверен, что ещё не всё потеряно.

Спасательный модуль завис над свежей трещиной в молочном-белом поле, казавшейся заполненной непрозрачным материалом, а не водой. Свет прожектора, осветившего край трещины с пластинчатыми — в виде блинов — наплывами льда, там, где вырвалась на поверхность струя воды, пронзил трещину, и стало видно, что это тоже лёд, но чистый, не успевший «засахариться», то есть покрыться изморозью и пылью.

Инк модуля проанализировал поступившую от бортовых датчиков информацию, дал рекомендации по бурению: был виден жёлтый бок палатки на глубине полутора километров и ещё две детали, отличавшиеся цветом. Это виднелись две другие палатки — исследовательский модуль и хозблок.

— Шахта, диаметр — полметра, тубинг-крепёж, — бросил Руслан. — Реаниматор, киб, зонды.

Никто ему не ответил, все и так знали свои обязанности.

Но уже через две минуты стало понятно, что своими силами спасателям не справиться. Мощности плазменных излучателей не хватало для выплавления во льду шахты глубиной полтора километра. Мало того, не хватило бы и скоб для крепления ствола шахты, которые не дали бы её ледяным стенкам сомкнуться.

Наметив точку установки плазмогенератора и выгрузив всё необходимое обрудование на лёд, спасатели в прозрачных «кокосах»¹ посмотрели на командира.

— Нужен грузолёт с тюбингами!

— Неизвестно, сколько у нас времени. Они молчат. К тому же грузолёт вряд ли прибудет раньше чем через час.

— Может быть, лёд выдержит?

— Прогноз — один к двадцати. Гейзер до сих пор «дышит».

Словно в ответ на слова Горюнова в сотне метров от спасателей из-под льда вырвалась вверх струя пара. Лёд задрожал. Все посмотрели на гейзер, потом на командира.

— Давайте прокладывать шахту, — проворчал помощник-прима Горюнова Виссарион. — Всё равно у нас нет другого выхода.

— Есть.

Спасатели замолчали.

— Командир, — начал Виссарион с сомнением в голосе. — Мы теряем...

— «Шпудька».

Спасатели переглянулись.

«Шпудькой» космены называли генератор преобразования вакуума, создающий «струну» в пространстве.

— Но у нас нет «голой шпудьки»... — с тем же сомнением проговорил Виссарион.

— В модуле! Игорёк рассчитает внешний импульс, и мы пробьём дырку до самой палатки.

— «Шпудька» пробьёт насквозь всю Европу. Если только Игорёк не сможет изменить её параметры.

— Игорёк, нужен расчёт внешней «струны». Сколько тебе понадобится времени?

¹ «Кокос» — компенсационный костюм спасателя.

— Я уже начал, — сообщил инк. — Расчёт не сложен, подождите немного.

— И всё же я бы не рискнул, — пробормотал Виссарион. — А если мы заденем палатку?

— У тебя есть другое предложение?

— Ждать грузолёт...

— Потеряем время... и людей, может быть.

Виссарион отвернулся.

Выбора у них действительно не было.

Игорёк закончил расчёт параметров внешнего импульса за три минуты.

Модуль подвели к расщелине, заполненной прозрачным до невидимости льдом, тщательно сориентировали.

— Я пойду один, — сказал Руслан. — Возьму только санитарный киб. Отставить возражения! Как только «струна» проделает во льду канал, уводите модуль. И ждите, пока я не вернусь. Вопросы?

— Это неправильно, — тихо проговорила Маша Резник, единственная девушка в спасотряде, бывшая гимнастка, черноглазая, невысокая, гибкая, как змейка. — Один ты не справишься.

— Нет смысла рисковать всем, — отрезал Руслан. — Если шахта не схлопнется, я их вытащу.

— Может быть, посоветуемся всё-таки с базой? — нерешительно предложил Виссарион.

Руслан усмехнулся.

— Ты сегодня удивительно дипломатичен. По местам!

Он встал рядом с кибом — двухметровой «черепахой» с медицинским оборудованием, махнул рукой:

— Эндрю, давай!

— Игорёк, импульс! — скомандовал пилот модуля.

Инк включил «шпульку», и под носом вертикально зависшего надо льдом модуля возник тусклый серый луч диаметром около трёх метров, тут же сжавшийся в невидимую нить. И в свежем льду трещины образовалась дыра неведомой глубины. Все материальные образования, что находились на трассе разряда: молекулы льда, атомы и даже элементарные частицы, — «свернулись» в тончайшие полевые «нити», которые мгновенно растворились в вакууме. А в ледяном плато Европы образо-

валась идеальной формы круглая шахта, пробившая слой льда, океан планеты, её мантию и ядро. Правда, этого люди не увидели. Лишь позже стало известно, что канал, пробитый «шпульткой» модуля, действительно едва не проткнул всю Европу.

Никакой радиации в «струнной шахте» не обнаружилось, и Руслан нырнул в неё как в воду, крикнув инку кибя:

— За мной!

Киб послушно последовал за командиром группы.

Возможно, ему повезло. Возможно, стены трещины временно перестали сближаться. Но Горюнов прорвался к палатке с «экзологами», опустившись на полуторакилометровую глубину всего за сорок секунд.

Игорёк не подкачал. Его расчёт канала был исключительно точен, как и выстрел из «шпультки». Руслану пришлось пробивать лёд до палатки всего лишь двадцатисантиметровой толщины.

Ручной плазмер справился с этим без проблем, проплавив нишу, в которую легко проникли человек и киб. Остальное было делом техники, если не считать психологическое состояние попавших в бедственное положение людей и дикую спешку: стены созданной во льду шахты начали трещать, поддаваясь давлению огромных ледяных масс.

Но всё обошлось.

В ледяном плену «экзологи» находились чуть больше двух часов и не успели ощутить всю прелесть клаустрофобии¹, хотя и пережили опустошающее чувство бессилия и страха.

Руслан разрезал стенку палатки с помощью неймса², вытащил первого неудачливого исследователя, второго. Женщины вылезли сами. Киб подхватил всех четверых, мало соображающих, что происходит, прижал манипуляторами к платформе и поспешил наверх, к почти невидимому кружочку устья шахты. Руслан последовал за ним, отмечая боковым зрением появляющиеся сколы на стенках шахты и трещины.

Подъём занял две минуты.

Киб с грузом поплавок выскочил из шахты, за ним в клубе морозной пыли вылетел Горюнов. В следующее мгновение

¹ Клаустрофобия — боязнь замкнутого пространства.

² Неймс — нейтритизатор межмолекулярных связей.

шахта сжалась в плоскость, исторгнув струю ледяного крошева и пара. По прозрачному слою трещины прошло колебание, породив во льду множество мелких разломов. Лёд стал выглядеть как сахарная масса. В ста метрах от этого места снова заработал гейзер, едва не окатив струёй воды спасательный модуль. Но дело было уже сделано. Спасённым ничего больше не грозило.

— Ну ты даёшь, командир! — проворчал Виссарион, поёжившись. — Ещё чуть-чуть — и вас бы раскатало в ноль!

— Чуть-чуть не считается, — беспечно махнул рукой довольный Руслан. — В медотсек их. Маша, займись реабилитацией.

Пострадавших перегрузили в модуль, спасатели заняли свои места, Руслан дал команду возвращаться. И только заняв своё командирское кокон-кресло, он вдруг почувствовал дрожь в коленях и облился холодным потом. Он и в самом деле был на волосок от гибели! Ему просто повезло, что шахта сжалась после выхода группы. Их могло зажать всех, и тогда никто не успел бы прийти на помощь.

«Впрочем, как известно, победителей не судят!» — слабо попытался оправдаться Руслан перед самим собой.

«Ага, как же», — ответил он этому робкому голоску.

Модуль вонзился в чёрное небо Европы, наполовину загороженное пухлой голубовато-жемчужной горой Юпитера.

Внутренний голос оказался прав.

«Разбор полётов», то есть оценка спасательного рейда, прошёл совсем не так, как рассчитывал Горюнов.

Да, его признали героем, отметили нестандартный подход к решению проблемы... и забраковали исполнение, сославшись на игнорирование пункта СРАМ-инструкции службы: «Сведение риска к абсолютному минимуму». Вывод комиссии был однозначен: Горюнов должен был вызвать грузолёт и только после этого начинать операцию по спасению попавших в беду людей. Рисковать ими — не собой! — он не имел права.

— Месяц отдыха, — сказал ему начальник Централы АЧС внешних планет. — И хорошенько подумай, стоит ли потом возвращаться в агентство. Может, поискать другую работу?

— Я не считаю себя виноватым, — сжал зубы расстроенный таким поворотом дела Руслан.

— Вот поэтому тебе и даётся возможность оценить свои дей-

ствия и разобраться в принципах службы. Риск риску рознь. Понял?

— Нет.

— Иди, Горюнов. Надеюсь, ты доверишься нашим психологам. Они вообще рекомендовали тебя уволить. Я посчитал возможным с окончательным решением подождать.

— Благодарю.

— Не за что. Будь здоров.

Руслан пожал протянутую руку и вышел из кабинета начальника, размышляя, что же делать дальше.

Однако долго находиться наедине со своими мыслями ему не дали.

В отсеке метро, расположенного на спутнике Марса Деймосе, к нему подошёл крижистый, крупнотелый, с седыми висками мужчина в тёмно-синем униформе космонавта, без знаков различия.

— Добрый день, господин Горюнов. Моя фамилия Воеводин. Есть разговор. Предлагаю найти тихое местечко и выпить по чашечке горячего шоколада. Не возражаете?

— Я вас не знаю, — озадаченно сказал Руслан.

— Это не важно. Зато я вас знаю. И у меня к вам деловое предложение.

— Хорошо, идёмте, — согласился Руслан, поддаваясь уверенности и тону незнакомца. — Можно посидеть здесь, в кафе...

— Лучше там, где нас мало кто знает.

Воеводин подошёл к кабине метро, сделал приглашающий жест.

Руслан вошёл.

Воеводин набрал на панели задатчика маршрут, и дверь закрылась.

Мигнули светильники. Ударило в ноги. Перехватило дыхание. Сознание померкло и тут же восстановилось.

Воеводин вышел первым.

Руслан шагнул за ним и с интересом вгляделся в пейзаж за прозрачными стенами полусферы, венчавшей пирамидальную гору в ряду таких же остроконечных скал и гор.

Чёрное небо с крупными немигающими звёздами. Одна из них крупнее остальных. Слабое сияние по горизонту. А точно в

зените — серая, с голубоватыми и белыми вихриками, круглая т е н ь. Вроде бы планета, а вроде бы и нет.

Пейзаж был явно неземным, хотя сила тяжести под куполом практически от земной не отличалась. Лишь понасиловав память, Руслан сообразил, что неизвестный наблюдательный пункт находится на спутнике Нептуна Нереиде.

— Здесь у нас база, — сказал посматривающий на него Воеводин.

— У кого — у нас? — пробормотал Руслан.

— Я — командир особого отряда «Сокол» Управления внешней контрразведки Службы безопасности.

Руслан изумлённо вскинул брови.

Собеседник приглашающе повёл рукой:

— Давайте спустимся в мои апартаменты. Там никто нам не помешает.

Круглая площадочка безынерционного лифта унесла их в глубины станции.

Апартаменты командира неведомого Руслану «Сокола» оказались ничем не примечательными. Обычный рабочий модуль, называемый по старинке кабинетом, каких полно в любом учреждении. Обычный интерьер, встроенная в стены аппаратура сопровождения и доставки. Единственное, чем он отличался от таких же кабинетов, было мозаичное панно ручной работы из кусочков голографического стекла на стене помещения, под разными углами зрения смотревшееся по-разному. То это был портрет какого-то старца, то природный пейзаж, то урбанистическая панорама с жилыми башнями.

— Моя племянница делает, — заметил взгляд гостя Воеводин. — Закончила архитектурный, работает дизайнером в одной фирме, но для себя занимается фрисмайлом. Эту композицию она подарила мне.

— Необычная вещь... первый раз вижу такое... разнообразие.

— Присаживайся, разговор предстоит долгий. Горячий шоколад? Или предпочитаешь современные напитки? Глинт? Энио? Лунный мёд? Синкола?

Переход на «ты» Руслана несколько не покоробил, так естественно это у Воеводина получилось.

— Благодарю, я буду то же, что и вы.

— Тогда японский чай.

Воеводин кивнул, и в кабинете появился парящий в воздухе поднос, на котором дымились чашки с горячим зеленоватым напитком.

Руслан сел в предложенное кресло, взял чашку.

Стены кабинета превратились в панорамный виом с видом на огненное горнило Солнца, наблюдаемого с поверхности Меркурия. Но Воеводин убрал меркурианский пейзаж, и хозяина с гостем окружил вполне земной лес средних широт, начинавшийся на берегу ручья.

— Я знаю, что тебя отстранили от работы, причём справедливо.

Руслан сделал глоток, отвёл глаза.

— СРАМ-инструкция в таких условиях неприменима. Ожидание было не менее рискованным мероприятием. Любая подвижка льда могла окончательно раздавить палатку.

— Согласен. Хотя доказать это невозможно. СРАМ же доказал свою обоснованность в тысячах случаев. Но я не об этом. Несмотря на очевидные выводы комиссии, я хочу предложить тебе другую работу.

Руслан с недоверием посмотрел на Воеводина:

— Вы серьёзно?

— Нам нужен человек, о связи которого со спецслужбами ничего не знает ни статистическое управление, ни соинституты, ни даже Служба безопасности.

— Вы предлагаете мне работать... в контрразведке?!

— Учись не задавать лишних вопросов. Если ты согласен, я введу тебя в курс дела.

— Прямо сейчас? Сразу?! — Ошеломлённый Руслан залпом допил чай, не ощущая его вкуса. — Но я ведь только спасатель.

— У тебя неплохая подготовка, — небрежно отмахнулся Воеводин. — Я ознакомился с твоим досье. Остальное получишь по мере необходимости. Поскольку у меня мало времени, лучше, если мы начнём работать, не откладывая в долгий ящик.

— Х-хорошо, я готов... только что я скажу начальству?

— С твоим начальством разберутся другие люди. Положишь на стол Теренсу заявление об уходе, этого будет достаточно. У нас дисциплина военная, предупреждаю сразу, хотя работа творческая. Но ты быстро привыкнешь. Спасатели тоже дисциплинированные люди... в большинстве случаев. О звании и

должности поговорим отдельно. Не обидим. Единственная неприятная процедура — имплант пси-защиты. Он поможет отбить любую гипноатаку.

— Меня будут... атаковать? Кто?

— Все, кто будет в этом заинтересован, — усмехнулся Воеводин. — А такие найдутся. Теперь непосредственно о деле. Что ты знаешь о Суперструннике?

Руслан удивился вопросу, но постарался выглядеть достойно.

— О Суперклиз... э-э... ну, я особенно не интересовался... это суперструнный генератор для исследования квантовой гравитации... Строится между орбитами Земли и Марса...

— Всё?

— Он является самым большим из всех генераторов пробоя вакуума. Его длина, кажется, около двадцати тысяч километров.

— Цель постройки?

— Ну, я же сказал — исследование свойств гравитации...

— Позволю себе уточнить. Все ускорители элементарных частиц, которые были построены до нынешнего времени, принципиально не могли перешагнуть порог энергий до десяти в шестнадцатой степени тераэлектронвольт. А это именно тот порог, который может открыть нашим учёным тайны сингулярности, если тебе это о чём-то говорит. Ну, или тайны рождения Вселенной.

— Я как-то не...

— Вот почему был рассчитан абсолютно иной способ достижения цели — «суперструнный». Созданная Суперклизмой «струна» создаст цепочку микроскопических чёрных дыр, которые при схлопывании дадут нам искомый результат, позволят заглянуть в прошлое на десяток с лишним миллиардов лет, вплоть до начала Большого Взрыва.

— Интересно, — сказал Руслан, чтобы хоть что-то сказать.

— Ты полагаешь? — посмотрел на него командир «Сокола», подняв бровь. — Впрочем, это и в самом деле весьма интересно. Учёные вознамерились уточнить космологическую структуру Вселенной, флаг им в руки. Теперь поговорим о другом. Что ты знаешь о шаровом звёздном скоплении Омега Кентавра?

— Ничего, — честно ответил Руслан, перестав искать в вопросах Воеводина тайный смысл.

— Не буду утомлять тебя цифрами и фактами, не относящимися к проблеме. В скоплении недавно открыт загадочный объект, получивший название Ось Зла. Вот его конфигурация.

Лес вокруг собеседников исчез. Вместо него появилось угольно-чёрное небо и великолепный звёздный шар, сверкающий всеми оттенками красного и оранжевого цветов.

Шар поплыл навстречу, заполнил собой всё пространство обзора. В нём обозначилась цепочка звёзд, оконтуренных жёлтыми колечками. Все они держались близко друг к другу и укладывались на одной прямой линии. Их было не меньше нескольких десятков, и Руслан невольно сравнил образованную ими фигуру с тростью, унизированной рубинами.

— Хороша тросточка.

— Это реально существующий объект. В нём сто одиннадцать звёзд. Все они находятся строго в пяти астрономических единицах друг от друга и соединяются фермой из какого-то необычного материала, не сгорающего в ядерном пламени звёзд.

— Откуда вы знаете?

— Там сейчас работает группа наших специалистов.

— Вы хотите сказать, что они... контактируют со строителями Оси?!

— Строители не отзываются. Может быть, их давно нет. Строилась Ось тысячи лет назад. Но суть не в этом. В настоящий момент Ось занимает такое положение, что наша Суперклизма и Ось находятся строго на одной прямой. Идеально! Ну, или почти идеально. Понимаешь?

— Нет...

— Случайно или не случайно их ориентация такова, что они укладываются на одну прямую, составляют, так сказать, своеобразную «суперструну».

— Ну и что? Теория вероятности допускает и не такие конфигурации звёзд в скоплениях.

Воеводин пригладил пальцем бровь.

— Первооткрывателя Оси убили. Его приятелей тоже. Запись об открытии исчезла. К счастью, убийцы не смогли уничтожить все следы, и нам удалось зацепиться за странности проблемы. Если прямолинейная ориентация Оси Зла и Суперклизмы — случайное совпадение, то ликвидацию астрономов случайной назвать трудно. Вот почему нам нужен независимый опер, которого никто не заподозрит в связях с контрразведкой.

Возьмёшься? Риск максимален. Мы пока не знаем, с чем или с кем столкнулись. Надо будет влиться в коллектив строителей Суперструнника и выяснить всё, что можно.

— Я не строитель...

— Квалификация строителя тебе не понадобится, хотя придётся вживить в память интенционал по конструкции Суперструнника. Строительство курирует ФАК¹, их специалист временно выбыл из процесса.

— Как это — временно выбыл?

— Специалист — девушка, — усмехнулся Воеводин. — Точнее — молодая женщина, собралась рожать. Нужна замена. Мы можем послать тебя как представителя агентства.

— Я не разбираюсь в специфике его работы.

— Скушаешь ещё один интенционал.

Руслан помолчал, не желая выглядеть торопыгой.

— Вы всё продумали.

Воеводин отвернулся, разговаривая, очевидно, с кем-то по мыслесвязи.

Руслан посмотрел на сияющую Ось Зла.

— Какая может быть связь Оси с... — Он заметил нетерпеливое движение пальца собеседника и выпрямился. — Я согласен.

— Ну и славно. — Воеводин отставил пустую чашку из-под чая, встал. — С деталями тебя познакомит мой помощник. Сутки на подготовку. Завтра в это же время ты должен быть на стройке. Вопросы есть?

Руслан ощутил внезапный холодок в желудке, подтянулся.

— Связь?

— Информационная — через сеть нашего «спрута», экстренная — по консорт-линии, коды и форму тебе предоставят. Всё?

— Пока всё.

— С богом! — Воеводин повернул голову к двери. — Ваня.

Вошёл белобрысый парень с неприметной наружностью, но с приятным лицом. Бросил взгляд на гостя, кивнул:

— Добрый день. Слушаю, командир.

— Твой подопечный, знакомьтесь.

Белобрысый протянул руку:

¹ ФАК — Федеральное агентство по контролю за опасными исследованиями.

— Иван Грымов.

— Руслан Горюнов, — пожал протянутую руку спасатель.

— Задача — за сутки сделать из него нашего человека, — добавил Воеводин.

— Сделаем, генерал. — Белобрысый со смешной фамилией Грымов сделал приглашающий жест. — Идёмте.

Руслан шагнул к выходу и вдруг понял, что не спит.

Глава 5

УДАР В СПИНУ

Первая неприятность обнаружилась неожиданно: бортовой комплекс «струнной» связи внезапно перестал принимать сообщения с базы.

Тихий долго пытался разобраться в причинах этого явления, что-то менял, тестировал, программировал. Потом признался, что неисправность кроется в структурах бортовой рации и что устранить её можно только на Земле.

— Пробовал заменить блоки? — поинтересовался Рудольф Маккена.

— Не работают ни основной, ни резервный, — буркнул инк.

— Причина?

— Никаких предположений. Настроиться невозможно. Происходит самопроизвольный дрейф частот хайевой денситины. Такое случается лишь при заводском браке. Но ведь не могли же нам дать блоки с одинаковой неисправностью? К тому же связь до этого момента работала нормально.

— Попробуй настроить контур ещё раз.

— Делаю всё, что могу, — сухо отрезал инк. — Но я не ремонтный витс, мои возможности ограничены.

— Экипаж? — обратился Маккена к подчинённым.

Вопрос повис в воздухе. Причин отказа техники никто не понимал, даже Успенский, попытавшийся проанализировать состояние бортовых систем связи. Поэтому все молчали, не представляя, чем выявленная неисправность может грозить спейсеру.

«Ра» продолжил дрейф вокруг звёзд Оси Зла.

Эксперты были заняты своими расчётами и исследованиями феномена. Экипаж занимался текущими проблемами рей-

са, также участвуя в изучении Оси, накапливая багаж фактов, которые впоследствии могли бы помочь учёным на Земле.

На пятый день пребывания в скоплении спейсер приблизился к ферме, соединявшей звёзды Оси, и люди впервые вышли в открытый космос, чтобы «пощупать странную конструкцию руками» и убедиться в том, что она им не грезится.

Ферма оказалась вполне материальной, хотя прикоснуться к ней руками не удалось. По узлам и секциям фермы гуляли миллионвольтные электрические разряды, защиты от которых земные «кокосы» не имели. Даже экспедиционные кибы не смогли подобраться к ферме и дотронуться до неё манипуляторами. И только «големы» — модули высшей защиты приблизились к ферме вплотную и какое-то время изучали её геометрию и материальный состав, хотя пляска молний скверно отражалась и на их управляющих инках.

Однако ни эксперты, ни исследовательская аппаратура «Ра» так и не смогли определить материал, из которого она состояла. Ни о каких известных элементарных частицах речь не шла. Ферма-спица могла равным образом состоять из экзотических нейтрально либо из «зеркальных» отражений обычных частиц. Без приставки «анти». То есть, естественно, материал фермы не мог быть антивеществом, так как давно прореагировал бы с ядерной плазмой звёзд.

И всё же Маккена нашёл способ «потрогать ферму руками».

Один из двух имеющихся на борту «големов» усовершенствовали, снабдили дополнительным контуром полевой защиты, и к ферме направился отряд в составе двух человек: Розы Линдсей и драйвера-примы Вацлава Хржички.

«Голем» достиг крайней «веточки» фермы, имевшей в сечении форму ажурной снежинки диаметром с планету, но пристыковаться не смог. Манипуляторы соскальзывали, и даже вакуумные присоски не держали, настолько материал «снежинки» оказался даже не скользким — ажурным! Это и в самом деле был чистейшей воды фрактал наподобие губки Серпинского¹.

— Я поняла, Марч, — заговорила Роза Линдсей, обращаясь,

¹ Губка Серпинского — яркий образчик фракталоподобных геометрий.

очевидно, к своему напарнику, оставшемуся на борту спейсера. — Это кристалл!

— Что? — не понял пилот. — Какой кристалл? Вы о чём?

— Вакуумный. Ось не смонтирована из отдельных секций, она выращена из вакуума как кристалл.

— Только так и можно создать такую конструкцию, — прилетел тихий голос второго эксперта. — Посмотри там внимательно, какова симметрия губки.

— А симметрия здесь при чём? — спросил Вацлав. — Что нам она даст?

— Интересно, как закручены оси кристалла, — ответил Марч Кремень. — Направо или налево. Если налево — существа, спроектировавшие Ось, близки к нам по хиральности, а может быть, и по психологии. Если направо...

— Они негуманы?

— Закономерности тут сложнее, — сказала Роза. — И так ясно, что скорее всего Ось строили негуманоиды.

— Пауки, — фыркнул драйвер-прима «Ра».

— Может быть, и пауки.

Разговор прервался.

«Голем» медленно двинулся вдоль туманно-прозрачной «губки», пронизанной порами разного размера. Попробовал отломить кусочек «снежинки», но манипуляторы всё так же соскальзывали, и захватить «веточку фрактала» не удалось.

— Командир, может быть, попробуем отрезать кусочек с помощью неймса? — предложил Вацлав.

— Попробуйте, — дал разрешение Маккена.

Инк «голема» прицелился, выстрелил из нейтрализатора молекулярных связей.

Однако на материал ближайшей ветви «снежинки» это не произвело никакого впечатления. Луч неймса, в котором распаались все виды вещества, не оставил на сияющей под лучами близких звёзд веточке никакого следа.

Длинная голубоватая молния проскользнула по «снежинке», обвилась вокруг «голема», умчалась по ферме дальше. «Голем» содрогнулся, однако его защита выдержала.

— Сидим как на электрическом стуле, — со смешком заметил пилот.

Роза не ответила, колдуя над программами аналитического

комплекса «голема». Для неё в настоящий момент не существовало ничего, кроме объекта исследований.

— Неймс не действует, — сказал Вацлав. — Командир, у нас есть ещё лазер и аник.

— Давай, — согласился Маккена. — Только поосторожней, пожалуйста.

«Голем» нырнул в глубь «снежинки», пристроился к очередной «веточке фрактала» величиной с гору. Пилот поймал в перекрестье визирных меток маленький ажурный «можжевельник» и попробовал отрезать его «ножом» лазера.

Тонкий луч сиреневого цвета отразился от «можжевельника», заметался по соседним «веточкам», образуя своим губчатый мох, погас.

— Не берёт, зараза!

Ещё один высверк луча. С тем же результатом.

— Ладно, попробуем аник.

Но и невидимый «скальпель» аннигилятора — луч антипротонов — ничего не мог поделаться с веществом «мха». Он также отразился от «веточки можжевельника» и бесследно затерялся в кавернах «снежинки».

— Этого следовало ожидать, — заметила Роза.

— Можно ещё попробовать плазменный выхлоп...

— Получим то же самое. Это экзоматерия. Возможно — «зеркальная», как мы и предполагали. Возможно, она состоит из вимпов или аксионов.

— Насколько я знаю, — подал голос Успенский, — все эти частицы формируют гравитационное поле. У нас же — ноль на счётчиках! Ферма не имеет массы!

— Нужны дополнительные измерения, — сухо заметила Роза. — Мы здесь всего пять дней, выводы делать рано.

— Да я не возражаю, — сказал инконик спейсера флегматично.

— Возвращайтесь, — сказал Маккена.

— Командир, я попробую пройти внутрь фермы, — произнёс Вацлав. — Вдруг обнаружим что-нибудь интересное?

— Фрактал везде одинаковый, — скептически хмыкнул Успенский. — Потому он и фрактал.

— Возвращайтесь, — повторил Маккена.

— Я бы тоже хотела углубиться в структуру, — поддержала

пилота Роза Линдсей. — Датчики регистрируют усиление вакуумных осцилляций. Здесь рождаются античастицы.

— Хорошо, опуститесь пониже, насколько можно, но не дальше чем на сто километров.

«Голем» скользнул к соседней «ветви снежинки», нырнул в «долину» между ветвями, затем ещё ниже, в недра «мшистой» «губки Серпинского».

Видимость ухудшилась. Левая и правая звёзды Оси скрылись за ажурными сплетениями «мха» и «можжевельника» фермы.

Аппарат включил прожектор. Луч света буквально разбрызгался от засиявших белым накалом «ветвей снежинки». Раньше они казались красными в лучах багровых звёзд, теперь же стало ясно, что вещество фермы отражает свет как абсолютное зеркало.

«Голем» продолжил спуск в глубины сложнейшего фрактала, образовавшего непревзойдённой красоты «губку».

Радиосвязь тоже ухудшилась. Сигнал тонул в странных пометах. Возможно, причиной тому было дифференциальное рассеивание радиоволн на изломах конструкции либо аномально высокое содержание антипротонов, рождающихся вблизи «мха».

— Ещё немного, и возвращаемся, — сказал заскучавший пилот.

Роза не отозвалась. Она лихорадочно работала: снимала показания датчиков и всевозможных измерителей полевой обстановки, анализировала фон излучений вокруг аппарата, записывала свои мысли.

Опустились на сорок километров внутрь гигантских каверн, образованных всё тем же законом фрактальных расхождений.

Ничего особенного не происходило. Радиоактивный фон и количество змеящихся вдоль волокон «мха» молний достигли определённой величины и держались на одном и том же уровне.

Связь прекратилась совсем.

Вацлав Хржичка хотел предупредить эксперта, что они поворачивают назад, и вдруг заметил слева по ходу движения какой-то необычный выступ на крайней «веточке можжевельника».

— Роза, слева, видите?

Эксперт с трудом оторвалась от своих занятий, нашла выступ.

— Да, вижу... странно... подойдите поближе.

Вацлав сориентировал аппарат, снизил скорость.

Нарост на остром зубце «можжевельника» стал виден лучше. Он отличался от самого «можжевельника» и цветом, и формой, но определить его происхождение было трудно. Он был явно лишним в этом мире фрактальной геометрии.

Моллюск, пришло на ум пилоту сравнение, рыба-прилипла на шкуре кита.

Однако это был не моллюск.

«Голем» достиг «куста можжевельника», остановился в двух сотнях метров от него.

Стало видно, что нарост, действительно напоминавший по форме спиралевидный панцирь улитки, буквально пронизан стрелкой «можжевельника», пришиплен к кусту фрактала.

— Что это? — с удивлением проговорила Роза.

— Ё моё! — выдохнул Вацлав, внезапно догадываясь. — Да это же... космолёт!

— Космолёт?!

— Посмотрите внимательно! Это неземной космолёт! У нас никогда не было машин таких форм. А больше здесь некому появляться. Они, как и мы, пришли посмотреть на Ось и накнулись на острый шип «можжевельника»!

— Почему?

— Откуда я знаю? Может, не снизили вовремя скорость, может, их сбила пляска молний. А возможно, корабль вели автоматы.

— Автоматы, как правило, реагируют быстрее людей.

— Я просто перечисляю варианты.

— Надо срочно вызвать сюда остальных!

— Связи нет, нас не слышат.

— Но им, возможно, нужна помощь!

— Кому?

— Экипажу этого «моллюска».

— Корабль пробит от носа до кормы! Наверняка все погибли. К тому же он мог просидеть здесь «на игле» сотни лет.

— Всё равно надо проверить.

Пилот помедлил, продолжая вызывать спейсер, но ответа не получил.

— Хорошо, попробуем подойти вплотную.

«Голем» двинулся к «ракушке моллюска», ощупывая её лучом прожектора. Стало видно, что чужой корабль примерно такой же величины, что и земной спейсер. Вблизи в его грязно-зелёно-коричневом корпусе открылись какие-то ниши, выбоины и вмятины, что позволяло точнее определить возраст корабля. Ему и в самом деле было много лет.

— Я же говорил... — начал пилот.

— Там дыра пониже, у кормы, — перебила его Роза. — Попробуй пройти внутрь.

Вацлав хотел возразить, но прикусил язык: эксперта могла неправильно его понять, обвинить в трусости. Он же всего-навсего выполнял пункт СРАМ-инструкции.

«Голем» подошёл вплотную к спиралевидной горе «моллюска», осторожно проник в десятиметровый пролом в нижней трубе «раковины». Прожектор высветил какие-то сложные геометрические изгибы внутренних переборок, пятна изморози на стенах помещения, ноздреватые глыбы льда. Открылся проход внутрь корабля, похожий на глотку кита.

— Запроси их.

Пилот послушно включил рацию:

— Есть тут кто живой? Проснитесь! Ответьте! Или хотя бы покажитесь.

Ответом ему была мёртвая тишина.

Вацлав помигал прожекторами, постучал лапой манипулятора в стену помещения, вызвал хозяев ещё раз. Но корабль чужаков был заполнен вакуумом, воздух из него весь вышел, и отвечать землянам никто не спешил.

— Корабль мёртв, — пробормотал Вацлав. — Никого мы здесь не найдём.

— Может быть, пройдем дальше в «кокосах»? — предложила Роза.

— Не вижу смысла! — отрезал Вацлав. — Доложим командиру, пусть решает.

— Хорошо, — согласилась женщина, добавила после короткой паузы: — Скорее всего они были жителями океана.

— Почему?

— Пятна изморози на стенах — это лёд. Вон те наросты внизу и вверху — тоже лёд. Корабль был заполнен водой. Да и форма его уж больно специфична.

— Может быть, — осторожно сказал Вацлав. — Хотя это уже не имеет никакого значения. Космолёт торчит здесь давно. Все эти дырки в его корпусе проела аннигиляция.

Пилот выключил прожектор, и стало видно слабое звёздчатое мерцание краёв пролома — в большей части и стенок помещения. Возникающие в вакууме вблизи «можжевельника» антипротоны аннигилировали с веществом корабля, вспыхивали звёздочками и продолжали разъедать корпус корабля, потерявший защиту.

— Уходим. Командир может послать за нами второй «голем».

— Хорошо, возвращаемся, — согласилась разочарованная женщина.

Аппарат выбрался из отсека разбитого корабля, развернулся, ощупывая лучом прожектора нависающие со всех сторон «ветви можжевельника», будто надеясь увидеть живых обитателей космолёта, потом двинулся обратно, в точности повторяя все эволюции прежнего курса.

Через час они всплыли над верхней «лопастью снежинки» и сразу услышали голос второго пилота «Ра», вызывающего разведчиков.

— Здесь мы, всё в порядке, — отозвался пилот. — Связи не было, как в могиле. Мы обнаружили корабль.

Стало тихо.

Потом Маккена сказал:

— Наш?

— Нет, чужой. У него моллюскообразная форма, как у домика улитки, разве что чуть посложней. Внутри пусто. Экипаж скорее всего давным-давно мёртв. Хотя времени на детальное обследование у нас не было.

— Возвращайтесь.

— Интересно, чего они такие недовольные? — вполголоса проговорил Вацлав, обращаясь к Розе.

Та не ответила.

На борту стало известно, что «струнная» рация космолёта вышла из строя окончательно. Ни основной, ни резервный блоки комплекса не работали. Теперь «Ра» не мог ни посоветоваться с базой, ни даже просто сообщить руководству Управления контрразведки о своих открытиях.

* * *

Сутки Успенский, бортинженер корабля Иванов и Тихий пытались разобраться в причинах отказа связь-комплекса. Потом инконик жестом вызвал Маккенау в кают-компанию.

— Не поверите, командир...

— Говори, — сдвинул брови к переносице Маккена.

— Я думаю, аппаратуру поразил вирус.

Лицо Маккены не дрогнуло, лишь в глазах протаяло сомнение.

— Нановирус, — добавил Успенский с кривой усмешкой. — Нам надо как можно быстрее убираться отсюда. Возможно, у него в программе заложено и повреждение Тихого. Тогда нам вообще кранты.

— Этого не может быть!

Успенский развёл руками.

— Я проанализировал все данные, учёл поведение систем, сделал на личинке¹ прогноз... Иного объяснения просто не существует. Тихий реагировал правильно, пытался отремонтировать рацию своими силами, но вирус действовал хитрее, очень медленно, избирательно, а потом, очевидно, самоликвидировался. Мы не найдём никаких следов.

— Следы остаются всегда, надо лишь знать, где их искать. Но мне в таком случае непонятно, как нанофоб попал на корабль.

— Эксперты.

— Что?!

— Они, может быть, даже не догадываются, что являются носителями вируса. Мы же их не проверяли? Ни их самих, ни багаж. Либо нанофоб запустил тот, кто их сопровождал.

— Не гони пургу! — фыркнул Маккена. — Это зам Джона Ву Кингсли Фурсенко.

— Ну и что, что зам? Нынче ни в ком нельзя быть уверенным на сто процентов.

Маккена покачал головой, задумался.

— Хорошо, иди на место. Никому ни слова! Поработай с Тихим напрямую, проверь его адекватность, но так, чтобы ви-

¹ Л и ч и н к а — персональный нанокomпьютер (от слов «личный» и «инк»).

рус, если он уже внедрён в систему, не догадался о тестировании и не начал атаку.

— Понял.

Успенский удалился, озабоченный.

Маккена прошёлся по кают-компании, защита которой включалась автономно и не зависела от услуг инка, потом вскрыл пакет инструкций, полученный ещё перед походом на случай непредвиденной ситуации. Прочитал текст на двух страничках: инструкции были напечатаны на специальной бумаге и дублировались на играющей перламутровыми переливами чешуйке флэшки. Люди, разработавшие инструкции, предусмотрели множество вариантов развития событий, однако далеко не все. Выход из строя комплекса связи по вине нанофоба они не предвидели.

Маккена вложил листочки и флэш в конверт, стукнул по нему пальцем. Конверт вспыхнул ярким пламенем и сгорел за секунду, не оставив даже пепла.

— Командир, надо ещё раз посетить чужой корабль, — раздался в наушнике голос Розы Линдсей.

Маккена хотел ответить отказом, но вдруг подумал, что нановирус может активизироваться от любого неосторожного слова, и коротко ответил:

— Я решу это сам.

Через час, посоветовавшись с Успенским, он дал команду Тихому двигаться внутрь фермы тем же курсом, что шёл недавно «голем» с разведчиками. Тихий повиновался безоговорочно. И тем не менее у Маккены сложилось впечатление, что инк «злорадно захихикал», получив приказ. Конечно, это было чисто психологическое впечатление, навеянное разговором с инкоником, однако отстроиться от него Маккена уже не мог. Он ломал голову, как скрытно рассчитать курс на Солнце и преодолеть семнадцать тысяч световых лет одним прыжком.

«Ра» опустил на глубину в сорок километров внутрь тела фермы вдвое быстрее, чем это сделал «голем».

Показался «нарост» на кусте «можжевельника», проткнутый острым шипом. Чужой корабль был всё так же неподвижен, печален и нем. Ни на один сигнал землян он не ответил.

Тем не менее Маккена выслал «голем» с отрядом спасателей, возглавляемый драйвер-секундой корабля, и в течение пя-

ти часов люди изучали моллюскообразный космолёт, проеденный аннигиляцией до дыр, превратившийся почти в решето. От любого толчка, любого прикосновения его материал начинал ползти, трещать, съёживаться, корабль скрипел и качался, грозя развалиться на куски, и стало окончательно ясно, что его возраст намного превышает все возможные сроки жизни любых разумных существ. По оценке экспертов, ему исполнилось не меньше двух тысяч лет. Искать живых членов экипажа не имело смысла.

Однако уже одна эта находка — след иного разума! — открывала большие перспективы для земной науки. В скоплении жили разумные существа, изучающие звёзды и обратившие внимание на Ось Зла. Их экспедиция погибла, но поиск их родины уже не казался безнадёжным делом для земных коммуникаторов, и весть о корабле наверняка послужила бы оптимистическим прецедентом, связанным с надеждой на прямой позитивный контакт.

Пока шло изучение чужака, Маккена провёл консультации с Вацлавом Хржичкой и Успенским, втайне от Тихого, на личинке сделал приблизительный расчёт «струны» до Солнца и приготовился осуществить прыжок внезапно, без объявления и подготовки. Он понимал, чем может закончиться оживлённая дискуссия между членами экипажа и экспертами по этому поводу. Неподготовленный переход на «струну» был рискованным. Почти смертельно опасным! Но активизация нановируса вообще могла сорвать старт, что означало бы безусловную гибель экипажа.

«Ра» отодвинулся от мёртвого «моллюска», принадлежавшего иной цивилизации. Пора было решать, что делать дальше.

— Отдыхаем, — сообщил Маккена по внутренней связи. — Есть тема для разговора.

— Может, махнём ещё глубже? — предложил загоревшийся второй пилот. — Вдруг наткнёмся на какой-нибудь другой корабль?

— Вероятность такой встречи... — скептически начал Успенский.

— Всем собраться в кают-компанию! — отрезал Маккена. — Кроме экспертов. Пусть занимаются своим делом.

Поворчав, члены экипажа повиновались.

Через несколько минут Маккена оглядел ждущих его объяснений подчинённых и сказал:

— У вас ровно две минуты на подготовку к прыжку!

Глаза присутствующих с изумлением и недоверием обратились к нему.

— Отсчёт пошёл! — остановил Маккена попытку второго пилота заговорить.

— Линия готова, — доложил Успенский, подготовивший канал ввода информации инку корабля из кают-компаний.

— Уходите!

Вацлав Хржичка, знавший о замысле командира, метнулся к выходу.

— Может быть, лучше я оста... — неуверенно начал Успенский.

— Время!

Инконик, изменившись в лице, выскочил из кают-компаний. За ним бросились товарищи, сообразившие, что это не розыгрыш.

Маккена вставил флэш-задатчик в гнездо установленного Успенским вириала управления.

— Тихий, режим ЧС! Старт по указанным координатам!

Поскольку он не успевал к своему командирскому кокону, Маккена и не думал спешить. Переход на «струну» он собирался перенести без защитных систем кокон-кресла.

— Вводную принял! — отозвался Тихий голосом озабоченного человека. — Однако хочу заметить...

Пауза.

— Это странно... — Еще одна короткая пауза, голос инка изменился: — Не понимаю... Внимание! Отмечаю несанкционированное проникновение инородных структур в...

Голос компьютера снова изменился, стал хриплым, булькающим, невнятным:

— Трево... вирусн... атака... резервные системы...

— Старт! — рывкнул Маккена.

— Резерв... систем... поврежд... — Речь инка перешла в неразборчивое бормотание.

— Командир, отбой всей инконике! — крикнул Успенский. — Переходи на аварийный ручник!

Маккена почувствовал ледяной озноб. Переход на ручное

управление означал высший уровень компьютерной неадекватности, когда инк буквально «сходил с ума» и мог решиться на любые действия вопреки вложенной в него программе «трёх законов роботехники».

— Вынужд... примен... — прорвался в наушниках голос Тихого.

Маккена с размаху ударил рукой по красному грибку полной отсечки автоматики на подлокотнике кресла.

Глава 6

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ВСТРЕЧИ

С высоты в сто километров ферма «суперструнного» генератора виднелась блестящей линейкой с мелкой насечкой, теряющейся во мраке космоса. Ничто не говорило о мощности и возможностях этого сооружения, протянувшегося на двадцать тысяч километров, то есть на расстояние, почти вдвое превышающее диаметр Земли. Оно воспринималось лёгкой тростинкой, плавающей в пустоте, и не могло претендовать на роль серьёзной машины, способной пробивать вакуум и рождать чёрные дыры.

Руслан пожал плечами, одним словом «посмотрим» отвечая самому себе, устроился поудобнее и стал ждать. Ему было тепло и комфортно, мысли плавали из края в край сознания, не задевая сферу чувств, но он чётко знал, что сегодня состоится запуск Суперструнника, и ждал его с нетерпением.

Справа показалось Солнце, но не ослепительно яркое, а словно присыпанное пеплом.

Слева всплыл горб Марса.

Руслан вяло удивился: Суперструнник располагался далеко за орбитой Марса, и красная планета должна была казаться звёздочкой на фоне звёзд Млечного Пути. Но в это время Суперструнник включился, и думать о каких-то несоответствиях в пейзаже стало недосуг.

Линейка генератора пробоя пространства вспыхнула фиолетово-сиреневым светом, образуя странный медленный луч, точнее — ручей пламени, который прыгнул в обе стороны вдоль линейки. Этот ручей вдруг повернул и вонзился одним концом сначала в Марс, потом другим в Солнце.

Руслан с ужасом увидел, как Марс взорвался! Во все стороны полетели каменные и ледяные обломки планеты, таща за собой кометные хвосты сияющей пыли и газа.

Солнце покрылось темными пятнами, которые начали превращаться в чёрные шары с вихрящейся короной.

«Чёрные дыры! — похолодел Руслан. — Сейчас они разнесут всю Систему!»

Шар повернул к нему, стремительно увеличиваясь в размерах, и... Руслан проснулся, судорожно подскочив на кровати.

Панорамное окно спальни оставалось непроницаемо тёмным, но, судя по вспархивающим мотыльками в толще потолка цифрам времени, над городом занимался рассвет. Пора было вставать.

— Окно, — сказал Руслан, с облегчением расслабляясь.

Стена стала прозрачной.

Действительно, лучи встающего весеннего солнца осветили дальние жилые башни Зарайска, и безоблачное небо обещало хороший день.

«Хорошо, что это был всего лишь сон!» — подумал он.

Сон был навеян беседами с инструктором Воеводина и тем материалом, который Горюнов получил для полного освоения специальности инспектора ФАК. Теперь он был специалистом не только в области социопсихологии и когнитивной экологии, но и в области астрофизики, космологии и физики высоких энергий. Во всяком случае, поддержать беседу о принципах работы Суперструнника он мог легко. Хотя до сих пор не мог преодолеть странного дискомфорта: построенный землянами колоссальный ускоритель, точнее, «дробитель» элементарных частиц, был способен разорвать ткань пространства таким образом, что энергия вакуума порождала самые экзотические объекты Вселенной — чёрные дыры. Суперструнник... или Суперклизма... м-да!

Руслан улыбнулся.

Интересно, чья фантазия породила этот словесный шедевр, назвав генератор деформации вакуума Суперклизмой? Недобрый, наверное, человек.

Нет, хорошо всё-таки, что это был всего лишь сон!

Он подошёл к окну, глядя на город с высоты сорок седьмого этажа шестой жилой «стрелы» центрального района.

Зарайску исполнилось тысяча сто шестьдесят лет, если верить официальным летописям. Первое упоминание о городе-крепости появилось в них ещё в начале двенадцатого века. Но отец Руслана, археолог-лингвист, утверждал, что по окрестным равнинам ещё бродили мамонты и шерстистые носороги, а на прибрежном холме уже селились предки зарайчан. И случилось это не менее двадцати тысяч лет назад.

Много воды утекло с тех пор.

Крепость неоднократно разрушалась и восстанавливалась. Город рос, разорялся и чах, снова отстраивался. Ходили легенды, будто Николай Чудотворец делал его невидимым для завоевателей, оттого он и сохранился в те лихие времена. Лишь название изменилось: начинался он как Осётр, Посад Николы и Заразск, а стал Зарайском. Таким его знали и в начале двадцать четвёртого столетия. Разве что он раздался вширь, перешагнул реку Осётр и превратился в одно из современных экопоселений, где наравне с новейшими жилыми башнями сохранились и старинные усадьбы четырнадцатого века, и памятники архитектуры, такие как Никольский собор, собор Иоанна Предтечи и белокаменный кремль.

Руслан бросил взгляд на хорошо видимые с высоты башни кремля, — главная — парадная башня, носящая имя Николая-угодника, была повёрнута к его дому «лицом», — и побежал умываться.

С тех пор как ушла жена, в своей небольшой трёхкомнатной квартирке он жил один.

Родители обитали в Корсуни, по нынешним меркам — совсем рядом. На такси-флайте можно было добраться до их дома за десять минут.

Родная сестра Руслана Саша жила с мужем и тремя детьми в Хабаровске.

Друзья расположились кто где: Шурик Гришевич — в Москве, Павел Дружинин — в Калуге, братья Грайсы — в Стокгольме. Однако ничего не стоило встретиться с ними при желании, используя сеть метро. Хотя вместе они собирались редко, не хватало времени. Тем не менее собирались, вспоминая былое, в основном — на Новый год или на празднование Восьмого марта. Правда, уже дважды Руслан отмечал этот праздник без жены.

Он вышел из душевой кабины, вытираясь роскошным старинным полотенцем, подаренным бабушкой, подошёл к нише в стене, где, искусно подсвеченный, висел в воздухе витейр — объёмный портрет жены. Сердце защемило. Ярослава улыббалась. Когда её фотографировали на берегу моря, она ещё не знала, что станет женой Горюнова... а потом уйдёт от него по странной причине, которую можно было назвать одним словом: гордость.

Руслан поморщился, вздохнул, стал одеваться. Он до сих пор был уверен, что не обижал жену, но она ушла, посчитав, что он ограничивает её свободу. Впрочем, настоящей причиной её ухода могло быть и полное отсутствие у Руслана честолюбия. В те времена ему было всё равно, поступит ли он в университет, добьётся чего-нибудь или нет, раздражает ли кого-нибудь его расхлябанность или нет. Хотя при этом ему нравилось казаться целеустремлённым и решительным, часто давая понять, что в семье он главный.

Руслан ещё раз вздохнул.

Ярослава ушла. Вернуть ничего было нельзя. Три года он жил без неё, мечтая когда-нибудь встретить и объясниться. Но случай так и не подвернулся, хотя многое изменилось с тех пор. Во всяком случае, он действительно обрёл некую внутреннюю силу и твёрдость, иначе не стал бы спасателем экстра-класса, которому доверялись сложнейшие операции. И всё же Ярославы не хватало. Яры — если она сердилась, Славы — если пребывала в хорошем настроении.

Руслан позавтракал: рис в малиновом соусе, перепелиные яйца в майонезе, кофе со сливками (всё это, естественно, готовил его кухонный автомат), — махнул рукой витейру жены и аккуратно закрыл за собой дверь квартиры.

Его ждала другая жизнь, жизнь секретного агента контрразведки, работающего под личиной инспектора Федерального агентства по контролю за опасными исследованиями, ответственного за экологическую безопасность Суперструнника. Никто из друзей и подруг Горюнова не знал о его новом назначении. Даже отцу он ничего не сказал, справедливо полагая, что не смог бы ответить на все его вопросы. А врать не хотелось.

В принципе, он мог бы жить и дома, поскольку добираться до стройки в космосе не составляло труда. Пять минут от дома

до метро, три минуты с переходом и выходом на метро, две минуты по коридорам Суперструнника — вот и всё время в пути. Но Руслан решил поселиться на месте своего предшественника, чтобы «проникнуться духом» грандиозной стройки, поэтому захватил с собой всё, что могло понадобиться ему на первое время. Сумка получилась солидная, а самой ценною вещью в ней был портрет Ярославы. Хотя зачем он взял его с собой, Руслан и сам не знал.

Суперструнник имел свою службу охраны. Извне его охраняли фрегаты Службы безопасности, внутри, там, где располагались закрытые объекты — центр управления, служебные помещения, тоннели и научно-исследовательские терминалы, — службу несли охранники-люди и витсы.

На выходе из отсека метро Руслана проверили: сканер снял с него все показания, в том числе — биометрические параметры личности. Но так как выходил он на работу легально и все данные соответствовали действительности, пропустили его в небольшой приёмный холл деловой зоны стройки беспрепятственно.

В зоне располагались все нужные Руслану офисы руководителей стройки.

Первым делом Горюнов предстал пред светлыми очами начальника охраны Суперструнника господина Кляйстерса, неторопливого бельгийца, который прочитал ему лекцию о соблюдении правил общежития на объектах стройки и предупредил о зонах повышенной опасности, куда даже инспектору ФАК нельзя было проходить без сопровождения. Таких зон было пять. А кроме того, сообщил, где Горюнову предстоит обитать и как туда добраться.

Руслан вошёл в свой жилой модуль, где до него жил предшественник, вернее, предшественница, со смешанным чувством ожидания и стеснения. Но все его страхи оказались напрасными. Никаких следов пребывания женщины модуль не сохранил. Кроме разве что тонкого запаха духов. В остальном это был стандартный жилой «барабан» длиной в пять и шириной в три метра, имеющий кровать, столик, стул и видеосистему. Точно в таких же обитали все строители Суперструнника, учёные, эксперты и другие официальные лица, причастные к стройке.

Бросив сумку в нишу гардероба, Руслан осмотрелся, опробовал видеосистему — шли новости, заглянул в крохотный бар: безалкогольные напитки в ассортименте, затем в не менее крохотный туалет и вышел из отсека, закрыв дверь на кодовый биопараметрический замок. Теперь открыть дверь модуля мог только он.

Захотелось пройтись по всем интересным узлам строительства и даже облететь его кругом на вакуумплотном флайте. Однако Руслан преодолел желание. Сначала надо было доложить научному руководителю строящегося комплекса, профессору Фердинанду Херцигу, разработчику Суперструнника, а потом и руководителю строительной компании «Асур», которая осуществляла монтаж конструкций. Директором компании и координатором стройки была женщина по фамилии Тихонова, и Руслан готовился увидеть мужеподобную фигуру, держащую в пальцах сигарету и отдающую отрывистые приказы суетящимся прорабам.

Что касается первого деятеля, Фердинанда Херцига, то впечатление от встречи с ним у Руслана не сильно разнилось с его ожиданиями.

Херциг оказался молодым (ему недавно исполнилось сорок два года), энергичным, спортивного вида, хорошо сложенным брюнетом с пронзительными чёрными глазами. По данным Горюнова, Херциг слыл любителем женщин, не пропускал ни одной юбки, но при этом оставался мощнейшим математиком, физиком-теоретиком и космологом, разработавшим теорию «упруго-кристаллического вакуума». Ему прочили большое будущее в сфере разработки базовых физических теорий, и он вполне оправдывал надежды политиков Германии, желающих видеть его во главе Научного Совета мира.

Руслан знал также, что Херциг владеет всеми четырьмя уровнями интегрального мышления и считается одним из представителей хомо футурис — человека будущего, которому подвластны любые математические расчёты без помощи компьютерных систем.

Руслан вошёл в кабинет учёного рядом с центром управления Суперструнником, задержал взгляд на панорамном виоме. Виом показывал Суперструнник в натуре — как бы сверху, под небольшим углом, и его схему с мигающими красным светом

недостроенными участками генератора, потом заметил стоящего в задумчивой позе хозяина кабинета и сказал:

— Разрешите побеспокоить?

Херциг оторвался от созерцания медленно вращавшейся конструкции (голографического её изображения), глянул на гостя.

— Слушаю.

— Я Руслан Горюнов, инспектор Федерального агентства контроля. Буду работать с вами.

— Да, я в курсе, — кивнул Херциг, оглядывая фигуру гостя непроницаемыми глазами, и Руслану показалось, что его просвечивает насквозь самый настоящий рентгеновский луч.

В памяти всплыли наставления Воеводина.

Херциг явно был незаурядным человеком и вполне мог читать мысли собеседника. Пси-защитник, именуемый в просторечии «вшиником», спрятанный под волосами, явно был не лишним при контактах с ним. Хотя Руслан был уверен, что справится с любой гипноатакой самостоятельно. И всё же беседа с Фердинандом Херцигом требовала внимания и тщательного контроля поведения.

Руслан мимолётно подумал об «интегральном мышлении», доступном только паранормам. Сам он владел только тремя уровнями «интегралбрейнинга»: тактическим, то есть мышлением комбинациями ходов, стратегическим — мышлением позициями фигур, если использовать терминологию теории игр, и гиперстратегическим — то есть мышлением комбинациями позиций фигур. Но Херцигу, по данным контрразведки, удавалось манипулировать и четвёртым уровнем «интегралбрейнинга» — мышлением к о м п л е к с а м и комбинаций позиций фигур, что намного увеличивало его интеллектуальный потенциал.

— Разрешите обследовать ворп-генератор? — встал по стойке «смирно» Руслан. — На предмет соответствия?

Ворп-генератором называл Суперструнник сам Херциг, и означало это «генератор искривления пространства», от английского слова warp — искривлять. Англичане, работающие на стройке, привыкли называть генератор Дженворпом.

В глазах руководителя проекта мелькнула искра иронии. Он невысоко оценил умственные способности нового инспектора ФАК.

— Приступайте, это ваша обязанность. Помощь нужна?

— Никак нет.

— Тогда всего хорошего.

Руслан выдержал ещё один иронический взгляд главного конструктора, вскинул подбородок, чётко повернулся и вышел. Он уже понял, что рассматривал Херциг: собственно «сердце» Суперструнника, генератор пробоя вакуума.

В коридоре, за пределами резиденции учёного, инспектора встретил вежливый молодой человек субтильной наружности в форме пограничника.

— Прошу прощения, вы инспектор агентства контроля Горюнов?

— Он, — кивнул Руслан, гадая, кто перед ним, витс или «настоящий» человек.

— Лейтенант Мешем, управление Погранслужбы на Суперструннике. Меня направили вам в помощь.

— Кто послал? — удивился Руслан. — Я не просил.

— Моё руководство посчитало, что вам первое время будет трудно ориентироваться в здешних лабиринтах.

Руслан хотел послать неожиданного помощника подальше, потом подумал, что пограничник прав, ему действительно нужен проводник, а отослать его он сможет в любой момент.

— Как вас зовут, лейтенант?

— Джон.

— Очень приятно. Меня Руслан. Что ж, ваше руководство зрит в корень. Придётся вам взять на себя роль проводника. Вы давно здесь?

— Четыре года.

Руслан с интересом посмотрел на внешне невозмутимое лицо молодого человека. Суперструнник строился уже пять лет, и этот молодой парень по сути находился на стройке с момента монтажа первых секций фермы.

— С виду вам лет двадцать пять максимум.

— Мне двадцать девять. Я начинал работать на стройке как монтажник, потом перешёл в Погранслужбу.

— Понятно. Проводите меня к руководителю стройки. Надо познакомиться.

— Госпожа Ярослава Тихонова в настоящее время находится на Земле. Будет к четырём по среднесолнечному.

— Хорошо, подожду, — сказал Руслан, решая в уме задачу: случайно или нет координатор стройки носит имя жены? — Тогда покажите мне наиболее важные участки стройки.

— Готовые или недостроенные?

— И те, и другие.

Пограничник повернулся и встал на ленту коридорного транспортёра, бегущую слева. Руслан присоединился к нему, без усилий включаясь в ритм жизни гигантского сооружения, внутри которого никто не слонялся без дела.

Путешествие по Суперструннику произвело на Руслана большое впечатление. Всё же созерцание изображения ворп-генератора в виоме достаточно сильно отличалось от разглядывания натуры.

Сначала Горюнов и его проводник полюбовались на ажурную «линейку» фермы Суперструнника сверху, то есть из прозрачной кабины флайта «Ауди».

С расстояния в тысячу километров сооружение и впрямь напоминало линейку с нанесёнными на неё делениями, концы которой терялись в тёмной пустоте космоса. Но уже вблизи, с расстояния в два километра, «линейка» Суперструнника превратилась в красивую ажурную консоль, пронизанную по центру блестящей гофрированной трубой. По ней кое-где ползали мигающие огоньки, вспыхивали и гасли облачка и струйки дыма, и было видно, что это огромная серьёзная конструкция, созданная для великой цели.

Руслан проникся. Даже сравнил Суперструнник с первыми ускорителями элементарных частиц на Земле, казавшимися грандиозными инженерными артефактами. Но все они, конечно, уступали Суперклизме по сложности, мощности и размерам. Люди ещё никогда прежде не строили сооружений длиной в двадцать тысяч километров.

Показали Руслану и зоны повышенной опасности. Их на самом деле было пять. Две — на концах фермы, так называемые вакуумные коллиматоры, две — также на противоположных участках фермы ближе к середине, это были фазовые резонаторы (каждый — длиной в сто сорок километров), и одна в центре консоли — собственно ворп-генератор, создающий условия для рождения «суперструны».

В принципе, все эти участки стройки не представляли особой опасности для монтажников, поскольку становились таковыми только во время запуска генератора. Впрочем, как и остальные узлы Суперструнника. Но их установка, налаживание и тестирование требовали ювелирной точности, терпения и осторожности, поэтому допускались к монтажу этих сверхважных узлов только специалисты. Никому, кроме них, делать в особо охраняемых зонах было нечего.

Тем не менее инспектора ФАК в сопровождении пограничника пропустили в одну из таких зон, по настоянию Руслана, и он с интересом прогулялся, точнее, поплавал в невесомости вдоль длинных километровых решёток, образующих вакуумный коллиматор. Монтаж коллиматора был закончен, поэтому люди на этом участке фермы Суперструнника почти не появлялись. Лишь однажды мимо пролетел на флайте человек в прозрачных доспехах сборщика, таща на буксире ажурную трубу. Да над головой изредка вспыхивали огоньки прожекторов, лучи которых, невидимые из-за отсутствия воздуха, освещали пакеты решёток или же отражались от каких-то зеркальных конструкций.

Охрана зоны в сфере обзора не появлялась. Но Руслан знал, что за пространством вокруг фермы ведёт наблюдение специальный инк по имени Октопус, имеющий тысячи видеокамер, и ни одно движение или появление каких-либо непрошенных гостей и объектов не оставалось незамеченным. При необходимости к нарушителю невидимых границ зоны тут же «спускался с небес» флайт охраны и помогал ему быстренько убраться подальше, за пределы охраняемого участка.

Удовлетворившись осмотром колоссальной сложности сооружения, монтаж которого уже заканчивался, Руслан вернулся в жилую зону стройки и пообедал в местной столовой. Лейтенант Мешем есть отказался, сославшись на давно запланированную встречу с руководством. Руслан, предоставленный наконец самому себе, с удовольствием заказал пти пате с грибами, стерляжью уху и жареный фригорэ. Огляделся: показалось, что кто-то исподтишка наблюдает за ним.

В столовой было немногочисленно. Две компании в костюмах монтажников спецстроя занимали два столика у длинного панорамного окна с видом на искрящуюся реку Млечного Пути.

Кроме того, в разных концах большого зала сидели поодиночке и парами разного рода служители других видов деятельности в космосе: пограничники, охранники, инконики, связисты и люди без определённого (с виду) рода занятий. Один из них, в бело-жёлтом унике с тремя звёздочками на рукаве, поймал взгляд Руслана, заулыбался и подсел к инспектору. Это был китаец.

— Извините, не помешаю? — Говорил он по-английски чисто, но не без акцента. — Сю Синьцзы, астроном.

— Руслан Горюнов, — без энтузиазма назвался Руслан. — Инспектор ФАК.

— О, крутая контора, мой друг там работал. Вы можете остановить стройку, да? Я тут недавно, предложили поработать консультантом, я согласился, но такая грандиозность — даже страшно! Вдруг бабахнет, и по планетам гравитация волной? Вам так не кажется?

— Не кажется, — улыбнулся Руслан. — Характеристики Суперклиз... э-э, Суперструнника хорошо просчитаны, никаких гравитационных волн не будет.

— Почему вы так уверены? А если учёные неправильно рассчитали? Практика не всегда подтверждает теорию. Вы верите этому человеку, Херцигу? Я — нет.

Руслан пожал плечами. Херциг ему самому не понравился, но делиться своими впечатлениями с незнакомым человеком не хотелось.

— Это ваши проблемы.

— Но Суперклизма (это слово китаец выговорил безошибочно) создаст множество чёрных дыр! — не отставал Сю Синьцзы. — Вы представляете, что такое чёрная дыра?

— Немножко представляю, — скромно сказал Руслан.

— Немножко! — фыркнул китаец. — Гравитационное поле чёрной дыры столь велико, что не позволяет даже фотонам покидать пределы горизонта событий, практически равного радиусу дыры. Любое физическое тело, будучи захваченным чёрной дырой, будет разорвано приливными силами.

— Но ведь речь идёт о микроскопических чёрных дырах, масса которых невелика. Суперструнник создаст развёрнутую «струну», которая породит ливень экзотических частиц и цепочку маленьких чёрных дыр, которые тут же испарятся.

— Вы уверены? Откуда вам это известно? Вдруг расчёты

господина Херцига неверны и чёрные дыры не рассосутся, а наоборот, начнут расти и засасывать в себя окружающее их вещество?

— Расчёты проверены сотней независимых экспертов, — неуверенно сказал Руслан.

— Они тоже могут ошибаться, особенно если неверна теория. Вы хорошо знаете теорию Херцига?

— Упруго-кристаллического вакуума?

— Её называют ещё теорией глобального скалярного поля. — Китаец хихикнул. — А мы ещё короче — «теорией ТПЧ».

— Что такое ТПЧ?

— Темнота под черепом. — Сю Синьцзы снова хихикнул.

Руслан вежливо улыбнулся.

Китаец перестал улыбаться, поднял руки.

— Всё, не буду больше мешать. Извините. — Он мелко покивал и быстро удалился, заговорив на китайском: ему кто-то позвонил.

Руслан озабоченно посмотрел ему вслед, не понимая, чего на самом деле хотел от него астроном. Впечатление складывалось такое, будто Горюнова проверили каким-то образом на профпригодность, умело выпытали его взгляды на стройку, но понял он это запоздало.

Сю Синьцзы... астроном... интересно, что нужно астроному на территории жилого сектора Суперструнника? Телескопов здесь нет, наблюдение за звёздами не предусмотрено, за пространством следит техника. Кто он такой, этот странный китаец?

«Шустрый, — мысленно позвал Руслан терафима, — выясни, где работает астроном Сю Синьцзы и что он делает на Суперклизме».

«Слушаюсь, хозяин», — так же мысленно ответил личный инк-помощник, рецепторы которого были вшиты под кожу на висках Руслана.

Личными инками пользовались почти все работники умственного труда, как и агенты спецслужб, но лишь последние для оперативной работы вшивали себе терафимы под кожу, расширяя информационные и оперативно-тактические возможности.

Пока Руслан обедал, Шустрый связался с Иваном Грыммовым, инструктировавшим Руслана, и выяснил через него, что

астроном Сю Синьцзы не числится в бригаде обслуживания Суперструнника, зато является одним из ведущих специалистов Сферы, комплекса телескопов, где работал и погибший Артур Крестовский. Что он делает на территории жилой зоны Суперструнника, выяснить не удалось. Возможно, китаец просто наведалься к кому-то в гости. А его неожиданное знакомство с Горюновым и вовсе казалось абсолютно спонтанным, случайным. Но именно это и настораживало. Знать о новом назначении Руслана он не мог. Но и просто так астрономы к незнакомым людям не пристают и странные вопросы не задают. Что-то крылось за этой встречей, с чем надо было разобраться в самое ближайшее время.

Ладно, посмотрим, что ты за птица, сыйшен Сю, пообещал сам себе Руслан. Не нравишься ты мне.

Пора было идти на встречу с координатором стройки госпожой Ярославой Тихоновой.

Он унял поднявшееся в душе волнение, добрался до офиса компании «Асур» и назвал своё имя.

Дверь разошлась лепестками диафрагмы.

Руслан вошёл.

В маленькой приёмной его встретила миловидная девушка-витс, играющая, очевидно, роль телохранителя мадам Тихоновой и её секретарши.

— Проходите, вас ждут.

Руслан шагнул в открывшуюся тем же манером дверь в кабинет координатора, открыл рот, чтобы бодро доложить о своём назначении, и слова застряли у него в горле.

На него смотрела, изогнув бровь, Ярослава, его бывшая жена...

Глава 7

ПРОФИЛАКТИКА

Джон Байрон Ву родился в Гонконге, долгое время жил с родителями на Аляске, потом переехал в Нью-Йорк и остался там, закончив университет и получив степень доктора права. Директором Федеральной Службы безопасности его назначили в две тысячи триста втором году, когда ему исполнилось уже шестьдесят шесть лет.

В настоящее время Джон Ву жил один в четырёхкомнатном модуле, занимавшем эркер на двести втором этаже жилого комплекса «Либерти», возведённого на берегу Нью-Йоркской гавани, как раз напротив знаменитой статуи Свободы. Когда-то статуя высотой сорок шесть метров (плюс пьедестал высотой сорок семь метров) казалась гигантской и была видна практически из любой точки города. Но большие гигантизмом американцы начали строить небоскрёбы, и уже к началу двадцать первого века статую можно было разглядеть только с берегов гавани, не считая крыш небоскрёбов. К концу двадцать третьего века она и вовсе потерялась на фоне километровой высоты жилых башен, окруживших остров Свободы — бывший остров Бэдлоу — и освоивших даже саму гавань.

Впрочем, с высоты шестисот двадцати метров статуя Свободы вообще казалась игрушечной, и Джон Ву так и не научился смотреть на неё с гордостью, как на символ Америки. Да и воспринималась она неким символом с трудом. Та свобода, которую декларировали правители Соединённых Штатов, умерла практически с теми, кто устанавливал памятник на постаменте. Дальнейшие события показали, что символом Америки стал доллар — как высшее достижение нации. Таковым он оставался и по сей день. Разве что США уже не играли роль всемирного жандарма и давно никому не диктовали никаких условий. На арену истории вышли другие государства, взявшие на себя обязанности локомотива развития цивилизации: Россия, Китай, Индия, Бразилия, Австралия.

Джон Ву отвлёкся от созерцания гавани с голубой нашлёпкой статуи Свободы, включил линию связи: раздался звонок.

В воздухе напротив развернулся виом консорт-линии.

— Джон, вы должны мне кое-что объяснить, — сказала голова появившегося в объёме передачи Кшиштофа Боруны, главы Союза Объединённых Наций.

— Рад буду помочь, — флегматично ответил Джон Ву.

— В таком случае жду вас у себя через час.

Виом собрался в световую нить, погас.

Джон Ву некоторое время смотрел в пространство прямо перед собой, словно только что проснувшийся и потому заторможенный человек. Потом вызвал Воеводина:

— Степан, доброе утро.

— У нас вечер, комиссар.

— Ах, да... ну, не важно. Меня вызвал к себе Борунь. Есть у вас что-нибудь по нашей... э-э, проблеме?

— Наш сотрудник приступил к выполнению задания. Появились очень интересные наблюдения.

— То есть пока ничего. Маккена тоже молчит?

Воеводин пожевал губами, не теряя хладнокровия.

— Последняя их передача была странной. По-видимому, что-то случилось с приёмным контуром рации спейсера. Они обнаружили внутри Оси чужой корабль, судя по всему, мёртвый, и... после этого замолчали.

— Спейсер защищён от любых катаклизмов, даже от взрывов сверхновых. Что могло случиться?

— Он был защищён от внешних катаклизмов.

— Что вы хотите сказать?

— Боюсь, наш противник знает о миссии «Ра» и предпринял контрмеры.

— Экипаж «Ра» проверен неоднократно...

— Экипаж — да, эксперты — нет. — Воеводин помолчал. —

В поле подозрения попадает ещё один человек.

— Кто? Надеюсь, не я?

— Ваш заместитель.

Джон Ву поднял брови:

— Кингсли Фурсенко?

Воеводин кивнул:

— Он провожал наших разведчиков, и он же подбирал экспертов.

— Я его знаю шесть лет... — Джон Ву замолчал.

Воеводин кивнул ещё раз.

— Вот именно. Я тоже знаю его достаточно давно. Но это ровным счётом ничего не значит. Вирус мог запрограммировать его недавно, возможностей для этого хоть отбавляй. Но мы проверим все варианты.

— О каком вирусе вы говорите?

— Надо же как-то называть нашего противника? Вот мы и решили — Система Вирус.

Джон Ву поморщился, закрыл глаза, потряс головой.

— Дьявол! Что мне сказать Боруню?

— Придумайте что-нибудь. Ситуация такова, что любой человек может оказаться пособником Вируса.

— Хорошо, попробую. Неужели Кингсли — агент Вируса? Он никогда не давал повода...

Воеводин промолчал, и глава Службы безопасности отключил консорт-связь.

Пришло ощущение скрытого наблюдения.

Джон Ву склонил голову к плечу, но опомнился, виновато пригладил волосы на затылке, подумал: так начнёшь шарахаться от собственной тени.

Тщательно привёл себя в порядок, оделся в уник официала: белое с золотым, эмблема СБ на рукаве, звёздочки генерал-комиссара на плече. Оглядел себя в зеркале, остался доволен.

Через сорок минут после разговора с главой контрразведки он уже входил в кабинет председателя СОН — Союза Объединённых Наций, расположенный на вершине Башни Правительства в Таиланде. Высота Башни достигала тысячи трёхсот метров, и, построенная в рекордно короткие сроки — всего за полтора года, она являлась верхом инженерного искусства и дизайна. Правительство Земли переехало в Башню полгода назад, до этого оно располагалось в Индии, в комплексе сооружений Баба Тадж.

Кшиштоф Борунь, седовласый, сухопарый, высокий, кареглазый, поднялся из-за стола.

Они пожали друг другу руки.

Председатель СОН кивнул на кресло.

Джон Ву сел, бросив взгляд на водопад, занимавший всю северную стену кабинета; это, конечно, был видеопласт, голографический мираж, но очень натуральный.

Борунь шевельнул пальцем из стороны в сторону, и пейзаж с горами и водопадом исчез. Кабинет обрёл стены с тёплым медовым оттенком, с бродящими в толще искрами.

— До меня дошли слухи... — начал хозяин кабинета, устроившись в кресле напротив; он тоже был в белом костюме официала, но — с красными и золотыми вставками и нашивками.

— Извините? — сделал вид, что не понимает, Джон Ву.

— Бросьте, Джон, — махнул рукой Борунь. — Я вас знаю всего один год, но уже убедился, что непонятливостью вы не отли-

чаетесь. Как вы предпочитаете разговаривать, официально или дружески?

— А вы?

— Я предпочёл бы неофициально.

— Без использования записывающей аппаратуры? — прищурился Джон Ву.

— У вас наверняка в костюме вшита система подавления контроля.

Джон Ву улыбнулся.

Борунь улыбнулся тоже.

— Во-первых, мой кабинет недоступен для любых видов подслушивания и подглядывания. Во-вторых, я действительно заинтересован в получении правдивой информации и готов отключить всю регистрирующую технику.

— Валяйте.

— Ласло, отключи «гидру».

— Сделано, добже пан, — мягким хрипловатым баритоном откликнулся инк кабинета.

— До меня дошли слухи, — продолжил глава СОН, — что ваше ведомство, без разрешения Совета безопасности Федерации и не согласовывая свои действия с ФАК, отправило в некую разведэкспедицию резервный спейсер.

— Это не слухи, — коротко обронил Джон Ву, обдумывая, от кого всё-таки председатель СОН мог узнать о походе «Ра».

— Что вы затеяли, комиссар?

— От кого вы узнали о разведрейде?

— Какая разница? Мне поступил сигнал, я решил проверить. Вам есть что сказать по данному поводу? Прямо и открыто?

— На духовника вы похожи мало, Кшиштоф, — скупно улыбнулся Джон Ву. — К тому же прямо и открыто сейчас никто ни с кем не общается. Могу сказать одно: у Службы есть весомые причины подозревать наличие внешнего вмешательства в земные дела, и мы занимаемся проверкой данных подозрений. Как только появятся результаты, я вам доложу первому, даю слово.

— И всё-таки ваше решение... — Борунь поискал слово, — ненормативно. Ваша Служба — не частная коммерческая компания, все свои решения и действия вы должны согласовывать

с компетентными органами, отвечающими за своевременность и правильность принятых решений. Иначе это выглядит... э-э, бунтом, ну, или вызовом обществу, если хотите.

— Мы печёмся о благе и безопасности этого общества, — флегматично пожал плечами Джон Ву.

— Да, но — с разрешения коллектива, а не за его спиной. Но оставим споры. Мне вы можете сказать, что ваш спейсер делает в шаровом звёздном скоплении Омега Кентавра?

Джон Ву выдержал прямой взгляд главы СОН.

— Кшиштоф, я похож на человека, принимающего решения под влиянием эмоций или в угоду политике?

Борунь качнул головой.

— Нет. Во всяком случае, раньше такого за вами не водилось.

— Уверяю вас, причина есть. Но она настолько... м-м, необычна, нетривиальна, транзитивна, что лучше о ней вслух не говорить. Речь идёт о судьбах цивилизации.

— Вот как, — усмехнулся Борунь. — Ни много ни мало.

— Ни много ни мало, — подтвердил Джон Ву. — И дай бог, чтобы я ошибся, принимая упомянутое вами решение послать к Кентавру разведкрейсер.

— Но если угроза так велика, не лучше ли собрать Совбез и принять превентивные меры?

— Поздно собирать Совет безопасности, Кшиштоф. Вы знаете, я человек старой закалки и никогда ничего не делаю, не взвесив все «за» и «против». Если я так решил, значит, имел все основания. Возможно, конечно, что я ошибся, но вероятность ошибки ничтожно мала. К сожалению. Кстати, вы носите ППК?

Борунь озабоченно коснулся темени:

— Зачем?

Джон Ву нахмурился: речь зашла о защитнике от гипноизлучения.

— Немедленно нацепите! И заставьте сделать то же самое ваших ближайших помощников и заместителей! Если, конечно, ещё не поздно.

Председатель СОН посмотрел на собеседника с сомнением:

— Вы полагаете...

— Усильте охрану на всех уровнях. Тщательно проверяйте всех, кто будет добиваться аудиенции. И последнее... — Джон Ву помолчал. — Проанализируйте ситуацию в Правительстве,

но очень тихо, аккуратно, незаметно: кто лоббировал строительство Суперструнника, какие суммы ушли на принятие решения, кто больше всех был заинтересован в создании столь мощной «вакуумной пушки». Желательно также проверить, кто собирается провести какие-нибудь законы в обход ФАК по экологии внутрисолнечного пространства. Или кто, наоборот, собирается действовать по секретной резолюции ФАК. Понимаете?

— Нет. При чём тут Суперструнник?

— Сделайте эту работу, Кшиштоф. У вас наверняка появятся вопросы, о которых мы поговорим позже. Попробуйте также найти нечто странное в работе чиновников, это тоже в ваших интересах. И если заметите какую-нибудь особенность, дайте мне знать.

Кшиштоф Борунь перестал сверлить комиссара взглядом, задумался.

— Вы меня озадачили, Джон. Хорошо, я пойду вам навстречу, не стану собирать комиссию по правам и этике, хотя это формально... э-э, то есть юридически, неправильно.

Джон Ву добродушно засмеялся.

— У русских есть поговорка: если судишь по совести, забудь про закон.

— Вы предлагаете мне забыть о законе?

— Нет, я предлагаю судить происходящее по совести. Законы разработаны для стандартных ситуаций, ими не всегда можно прикрыться. Вы мне скажете, кто вам «просигналил» о посылке спейсера к Омеге Кентавра?

Борунь встал.

Джон Ву тоже поднялся, не теряя своего образа «доброго дядюшки». Поклонился:

— Всего хорошего, господин председатель.

— Его зовут Кингсли Фурсенко, — сказал Борунь. — И вам всего хорошего, комиссар.

Джон Ву меланхолически кивнул, направился к двери, на пороге оглянулся:

— Спасибо, Кшиштоф. Не забудьте про «защитника».

Створки двери бесшумно сошлись за его спиной.

Витс-телохранитель вопросительно посмотрел на главу СБ.

— В Управление, — сказал Джон Ву.

Полдня он проработал в обычном режиме, постепенно приближаясь к решению возникшей проблемы. Потом вызвал в кабинет помощника по особо важным делам.

Кингсли Фурсенко был, несомненно, красив.

Высокая, статная фигура, развёрнутые плечи, тонкая талия, горделивая осанка.

Проседь в пышных волнистых волосах, мужественный подбородок, прямые чёрные брови, прямой «эллинский» нос, чувственные губы, зеленовато-серые глаза.

Значительная, подчёркнуто спокойная, внушающая уважение манера поведения.

Плавные, неторопливые жесты, скупая речь, скупая улыбка.

Сразу было видно, что этому человеку можно доверять, что он всегда прав и доводит дело до конца. На него можно было положиться во всём. Он не подведёт.

И на веку Джона Ву так и было: Кингсли его ни разу не подвёл. Тем не менее именно он, по словам Кшиштофа Боруны, сообщил тому о походе «Ра» в Кентавр.

— Садись, — кивнул Джон Ву на простой формы стул напротив его рабочего стола.

Фурсенко сел, ничем не выражая какой-либо обеспокоенности. Глаза его были непроницаемы.

— Кто ещё знает о нашей возне с Вирусом? — безразличным тоном спросил Джон Ву.

— Никто, — спокойно ответил Фурсенко.

— Кшиштоф Боруна признался, что он знает о Вирусе от тебя.

Фурсенко качнул головой, собранный и независимый, твёрдый, как скала:

— Он врёт.

— Председатель СОН врёт? — уточнил Джон Ву.

— Я не давал ему никакой информации.

— Откуда же он узнал о походе «Ра»?

— Не знаю.

Джон Ву надул губы, словно собрался свистнуть. Показалось, что «защитник» под волосами на виске на мгновение стал горячим. Однако на пси-атаку это не было похоже.

— Странно, — сказал Джон Ву. — У меня раньше не было причин не верить... ни ему, ни тебе.

— Джон, ты обвиняешь меня в... — начал удивлённо Фурсенко.

— Не обвиняю, Кинг. Пока. Но я действительно поставлен в затруднительное положение, потому что не знаю, кому верить. На том уровне, какой занимает председатель Союза, не врут.

— Я могу сдать тест на детекторе. Это снимет твои подозрения?

— Не уверен.

— В таком случае я сейчас же напишу прошение об отставке. — Фурсенко резко встал.

Джон Ву печально посмотрел на него снизу вверх.

— Кинг, ты только что не прошёл тест. Понимаешь, что это означает?

Фурсенко бросил быстрый хищный взгляд на пол кабинета, на потолок, взгляд его стал острым, прицеливающимся, губы искривились.

— Вон оно в чём дело... я думал, мне показалось... тонко сработано! Вы установили в кабинете ксен-томограф?

— Всего лишь контур диагноста.

— И что теперь?

— Предлагай.

— Я могу убить тебя... и скрыться.

— Не сможешь, Кинг, — покачал головой Джон Ву, делаясь ещё более печальным. — Сожалею. Система защиты настроена таким образом, что любое твоё агрессивное движение будет расценено как попытка нападения... со всеми вытекающими.

— Ты хорошо подготовился, Джон.

— Да, я подготовился неплохо, хотя до конца не верил в твою... в твоё предательство. Но нам нельзя идти на поводу у эмоций. Один вопрос: как давно ты работаешь на Вирус?

— Год.

— Я примерно так и предполагал. Мотивы? Впрочем, на этот вопрос можешь не отвечать. Тебя запрограммировали скорее всего без твоего согласия.

— Это уже не имеет значения. Ты попытаешься меня... задержать?

— Не я. Мне передают, что ты пытаешься установить с кем-то МС¹. Не надо, Кинг, здание накрыто колпаком «глухоты».

¹ МС — мыслесвязь.

Твои хозяева не узнают о твоём провале. Будешь работать с нами в режиме двойного агента?

В глазах Фурсенко мелькнула тень тоски.

— Поздно, Джон, — глухо сказал он. — Я не могу... сейчас сработает... программа «ликвид»... берегись...

Лицо помощника побелело. Он широко раскрыл глаза, вздрогнул и упал на пол прямой, как палка.

В кабинет ворвались трое оперативников в спецкостюмах, со шлемами на головах. Один приставил к голове Фурсенко аппарат в форме полусферы, с мигающими окошечками и цветными индикаторами, второй такую же полусферу опустил на спину лежащего без движения помощника.

Джон Ву остался сидеть, с виду меланхоличный и равнодушный ко всему происходящему.

— Мёртв, — разогнулся второй оперативник, откинул шлем.

На комиссара виновато смотрело лицо молодого медика Управления.

— «Червь», — сказал первый, глядя на мигающие огоньки полусферы. — Пусто. Мозг полностью «сгорел». Читать нечего. Надо было атаковать его на запороговом сигнале, «червь» не успел бы сработать.

— Вряд ли, это был очень мощный «червь», — проворчал медик, — контролирующий все его реакции. Он бы сработал всё равно.

Джон Ву кивнул. Речь шла о «наночерве». В мозг Фурсенко была внедрена «инфекционная нановирусная программа», которая включилась после его признания. Нановирус не только стёр всю информацию в глубинах памяти помощника, он разрушил все структуры мозга, уничтожил память и личность Фурсенко.

— Забирайте его. Попробуйте хоть что-нибудь выловить.

Оперативник вызвал киб. Тело Фурсенко уложили на плоское ложе киб, унесли.

— Плохи дела, Джон, — сказал Джон Ву самому себе. — Жди неприятностей.

Во рту появился странный металлический привкус.

Комиссар сглотнул слюну, прислушался к своим ощущениям.

Привкус исчез.

Дьявол! Неужели он стал таким мнительным?! Может, посо-

ветоваться с врачом? Или «змея» интуиции не зря подняла голову и начала осматриваться?

Вернулся один из оперативников, Николай Санжа, уже переодетый в обычный рабочий уник.

— Он позвонил по двум номерам. Первый принадлежит Шевчуку, второй — астроному Синьцзы.

Джон Ву озабоченно почесал нос, чихнул.

— Шевчук — это же...

— Будьте здоровы. Имеется в виду Дмитрий Шевчук, директор Погранслужбы.

Они посмотрели друг на друга, прекрасно понимая, что это значит.

— Дима Шевчук — эмиссар Вируса... Не верю! Ошибка исключена?

— Джон, инк-анализаторы не ошибаются. Возможно, Кинг звонил Шевчуку по каким-то другим причинам, и директор Погранслужбы не имеет отношения к Вирусу, однако надежда на это слабая. Взять обоих в разработку, установить наблюдение?

Джон Ву покачал головой.

— Нет, ими будут заниматься другие люди. Подержите Фурсенко у себя пару дней, я подумаю, как нам выигрышно подать его самоликвид в Совете.

Санжа кивнул, вышел.

Джон Ву походил по кабинету, поглядывая на журчащий в лесу, среди громадных сосен, ручей: так был настроен видеопласт кабинета, затем включил консорт-линию.

— Слушаю, Джон. — В виоме появилось обесцвеченное защитной системой изображение Воеводина.

Комиссар коротко рассказал ему о случившемся.

Начальник контрразведки остался невозмутим.

— Наш человек странным образом пересёкся с китайским астрономом Сю Синьцзы на Суперструннике. Не исключено, что китаец является агентом Вируса, мы его уже взяли под контроль. Что касается Димы Шевчука... — Воеводин поморщился, помолчал. — Я не верю в его переход на ту сторону. Но исключать подобный вариант развития событий нельзя. Будем работать.

— Представляете масштаб вмешательства, если Вирус вышел на таких людей?

Воеводин дёрнул уголком губ.

— Это следствие кризиса, Джон. Цивилизация погрязла в переживании удовольствий, никто ничего не хочет делать. Мы даже к звёздам стали летать неохотно и всё реже и реже. А как происходит сброс кризиса?

— Как? — заинтересовался комиссар.

— Первый вариант — голод, эпидемии. Это уже было в истории человечества. Второй вариант — экспансия, войны. Воевать теперь никто ни с кем не собирается, разве что за власть, да и то лишь внутри отдельно взятого государства. Третий вариант — революции. Но кто в наше время способен поднять народы на революцию?

— В таком случае ни о каком сбросе кризиса речь не идёт.

— Есть ещё один вариант. — Воеводин привычно помолчал. — Внешняя агрессия. Возможно, этот процесс становится реальной угрозой для всего расслабившегося человечества, увлёкшегося виртуальными инет-мирами и передоверившего все свои заботы машинам.

— Я не вижу причин... э-э... то есть, кому мы мешаем? Если нас не трогать, мы благополучно выйдем сами.

— Фактор времени, — сказал Воеводин уверенно. — Для чего-то Вирусу очень важно запустить Суперструнник в определённый момент, чтобы его ориентация совпала...

— С Осью Зла. Но ведь Ось Зла находится в тридевятom царстве, тридесятом государстве, как говорят у вас. До Кентавра — семнадцать тысяч светолет!

— Мы подключились к проблеме поздно и мало знаем. Знаем только, что Ось Зла — искусственное сооружение. Будем наращивать темпы расследования. Прошу вас, Джон, будьте осторожнее. Я бы вообще посоветовал вам переложить проблему на наши плечи и намекнуть где-нибудь, что вы Вирусом не занимаетесь.

Джон Ву снова почувствовал во рту металлический привкус. Воеводин замолчал, глядя в его лицо.

— Джон, вы плохо себя чувствуете?

— Нет, просто переволновался, — пробормотал комиссар.

— Не хотите обратиться к врачам, на всякий случай? Вы ни с кем не контактировали?

— Только с Кингом... с Фурсенко... и с моими парнями. Не беспокойтесь, Степан, я отзвонюсь вам позже.

Джон Ву отключил консорт-связь, мысленно позвал терафима:

«Зяма, проанализируй поведение Кингсли Фурсенко во время последнего разговора. Что-то меня тревожит».

«Хорошо, босс, — ответил терафим. — Подождите несколько минут».

Джон Ву сидел в ступоре за столом, не отвечая на вызовы, переключил оперативную работу на заместителя, спустился в пилон метро Управления СБ и вышел из центрального метро Нью-Йорка.

Флайт «Форд» службы, дежуривший у метро постоянно, доставил его к жилой башне. Чувствуя какое-то жжение в желудке, Ву поднялся на двести второй уровень башни, отпустил аппарат. Вспомнился совет Воеводина вызвать врачей.

— Сейчас, сейчас, — прошептал он, ошущая лёгкое эйфорическое головокружение, быстро проскользнул в открывшуюся дверь квартиры.

— Миззи, вызови медиков!

— Вызываю, — отозвался домовый инк.

«Босс, есть одна сцена, — сказал терафим Зяма, — внушающая подозрения. Кингсли Фурсенко коснулся белого значка на воротах уника, когда вы отвернулись...»

«Ну, и что?»

«Это было быстрое в о р о в а т о е движение. Кингсли Фурсенко никогда прежде такого не делал».

«Ты хочешь сказать... — Джон Ву почувствовал ледяной озноб, по спине пробежал ручеек пота, голова закружилась сильнее. — Он меня...»

Дьявол!

Джон Ву с трудом удержал равновесие, сел, вернее, буквально рухнул на диван в прихожей.

— Что с вами, босс?

Вопрос домового донёсся как сквозь слой ваты.

— Ничего... слабость...

— К нам уже летит скорая.

Джон Ву расслабленно откинулся на спинку дивана. Ему внезапно стало так хорошо, что он улыбнулся.

— Миззи...

— Да, босс?

— Виски... со льдом... принеси...

— Сейчас.

Перед глазами распахнулась туманная даль с тающими белыми фигурами. В тумане зазвучала медленная торжественная музыка.

Домовой киб притащил поднос со стаканчиком виски, но Джон Ву не обратил на это внимания.

Когда в дом ворвались медики Управления и оперативники спецхраны, он всё ещё улыбался, глядя перед собой ничего не видящими глазами.

Глава 8

ЧТО ВЫ ИЩЕТЕ, УВАЖАЕМЫЙ?

Сон был сумбурный и лёгкий. Он где-то летал, погружался в текучее море пустоты и мрака, выныривал к солнцу и свету, разгонял печальные тучи и снова окунался в густую темноту неведомых пространств...

Руслан проснулся.

Полежал, глядя в потолок, казавшийся янтарной толщей с искрами внутри. Вызвал отсчёт времени: пять сорок три. Можно ещё поспать.

Он закрыл глаза и ярко увидел лицо жены. Так ярко и отчётливо, что даже открыл глаза и приподнялся на локтях. Неужели она подумала о нём? Или он по-прежнему принимает желаемое за действительное?

Руслан лёг, закрыл глаза, вспомнил их встречу.

Шок прошёл не сразу. Девичья фамилия Ярославы была Ермолаева, а это означало, что Тихонова она по мужу. Разумеется, Руслан понимал, что рано или поздно Ярослава выйдет замуж, но случилось это неожиданно. По первому впечатлению.

— Здравствуй... те, — сказал он.

— Здравствуй, Руслан, — сказала она просто, не сразу воз-

вращая бровь на место. — Я всё гадала — ты это или не ты? Мне сказали, что у нового инспектора ФАК фамилия Горюнов.

— Я.

— Поздравляю. Хотя не понимаю, как ты решился сменить профессию спасателя на профессию инспектора.

— Так получилось. Но ведь ты тоже кое-что... сменила.

Она посмотрела на него вопросительно, поняла.

— Да, я была замужем.

— Была?

— Мы разошлись.

— Интересно почему?

— Это не имеет значения. — Ярослава сделала движение рукой над столом, пальцем касаясь рабочих сенсоров; вспыхнули и погасли какие-то световые символы, фигуры, стрелки. — Если у тебя больше нет вопросов...

— Кем он был?

— И это не имеет значения. Я ведь не спрашиваю, с кем был ты всё это время, кто она...

— Я один.

По губам женщины, полным, чувственным, красивого рисунка, проскользнула ироническая усмешка.

— Надо же. Но давай о деле. Ты... вы в курсе происходящего на стройке, инспектор?

— Разумеется, — кивнул Руслан. — У меня уже появились кое-какие вопросы, связанные с формальной стороной дела, но задам я их чуть позже.

— Тогда прошу не мешать мне работать. Извините за резкость.

Руслан встал, поклонился, пошёл к выходу, провожаемый оценивающим взглядом главного координатора стройки. У двери обернулся.

— И всё-таки ты не ответила на вопрос.

— Он, как и ты, работает в ФАК.

— Да? — удивился Руслан, хотел задать вопрос: кем же? — но в этот момент в открывшуюся дверь стремительно вошёл мужчина в униформе космонавта, с красным шевроном компании «Асур» на рукаве, едва не сбил Руслана с ног, обошёл, бросив на него безразличный взгляд.

— Извините... Яра, тут привезли...

На щеках Ярославы выступил румянец, она поднялась.

— Серджо, знакомьтесь, это инспектор ФАК Руслан Горюнов. Господин Горюнов, это Серджо Веласкес, главный прораб «Асура».

Веласкес окинул фигуру инспектора тем же безразличным взглядом.

— Очень приятно. — Он снова повернулся к Ярославе. — Нам надо срочно решать вопрос о замене...

Ярослава сдвинула брови. Веласкес замолчал.

Руслан улыбнулся, ещё раз поклонился и вышел, размышляя о реакции женщины. Она была явно смущена. И за этим крылась не официальная её позиция, а нечто другое. Может быть, Веласкес был не только её партнёром по работе, но и другом?..

Руслан прервал воспоминания, сел на кровати, пошевелил пальцами ног. Вдохнул. Чего уж там лукавить, ему было неприятно, что у жены кто-то есть, кто обнимает её и целует в свободное от работы время. Тем более что Веласкес был на самом деле красив, строен, силен и уверен в себе. То есть таким, каким и должен был быть её мужчина. Почему же от этой мысли портится настроение?

— Пантелей, одежду.

Домовой принёс майку и шорты.

Руслан установил в модуле силу тяжести чуть выше земной (нормой здесь считалась гравитация на одну сотую ниже земной), сделал зарядку, продолжая размышлять о своих впечатлениях от стройки вообще и от первой встречи с женой в частности. Связался с куратором «Сокола»:

— Барни, что нового?

— Давайте раскладку на день, — сказал вечно сонный дежурный.

Это означало, что новостей нет, ни плохих, ни хороших. Равно как нет и распоряжений начальства относительно дополнительных функций.

— Посылаю, — сказал Руслан.

В объёме передачи сооткнулся из белых струек тумана реестр задач на универсальный рабочий день. Всего задач было три: обследовать экологически опасные транспортные коридоры стройки, выяснить причины изменений в конструкции Супер-

струнника и проверить расчёты экспертов по результатам тестирования отдельных агрегатов ворп-генератора.

— План принят, — сказал Барни. — У вас новый начальник отдела.

— Кто? — удивился Руслан. — Я же спрашивал новости...

— Господин Влас Тихонов. Он раньше работал в юридическом отделе ФАК. Вильям занял его место, а он перешёл на место Вильяма.

— Тихонов?

Барни посмотрел на собеседника терпеливыми коровьими глазами, опушёнными длинными белёсыми ресницами.

— У тебя к нему предубеждения?

Руслан хотел сказать, что Влас Тихонов является бывшим мужем координатора стройки, но вовремя прикусил язык.

— Н-нет, никаких. Просто интересно, кому понадобилась эта рокировка. Вопросы у нового начальника ко мне есть?

— Насколько я его понял, он в скором времени собирается сам на Суперклизму. Так что будьте готовы. И включите в план проверку персонала стройки. По нашим данным, в зоне стройки шатается много постороннего народу.

— Хорошо, проверю.

Виом связи сжался в точку, исчез.

Руслан умылся, натянул свой официальный уник, снабжённый дополнительным контуром защиты, и отправился выполнять объявленный план работы.

Коридор жилой зоны был пуст. Зона просматривалась видеокамерами и охранялась целой дюжиной различных технических систем, включая витсов. Живые люди лишь контролировали этот процесс, дежуря в центре жизнеобеспечения стройки у мониторов наблюдения.

По коридорам служебной зоны мела человеческая «метель», и Руслан мимолётно подумал, что здесь и в самом деле стало многолюдно, несмотря на финальное снижение интенсивности строительства.

— Охрана, — запросил он центр, — кто следит за прибывающими на стройку специалистами?

— Гений, — ответили ему; Руслан был уже включён в систему опознавания «свой-чужой» на Суперструннике и имел высший приоритетный допуск наравне с руководителями стройки;

то есть Руслан Горюнов имел право проверять любой объект стройки, даже зоны спецдопуска, куда его по первости не пустили.

Гением звали инка, координирующего всю работу персонала стройки, но он был Руслану не нужен.

— Я имею в виду официальное лицо.

— Жозеф Поллак, — доложили с поста охраны.

Руслан невольно замедлил шаг.

Жозеф Поллак являлся заместителем Фердинанда Херцига и не должен был заниматься кадровыми вопросами.

— Кто ещё?

— Начальник сектора Погранслужбы Цвиркун.

— Спасибо.

В принципе пограничники тоже не должны были контролировать перемещение рабочих по стройке, но в данном случае это было оправданно. Зона Суперструнника представляла собой межгосударственное объединение в космосе и вполне официально имела трёхмерную границу, пересекать которую могли только люди с пропусками. И всё же их было слишком много.

Руслан свернул в галерею, ведущую к отсеку метро, и резко остановился.

Из параллельного коридора вышла Ярослава в сопровождении черноволосого, с пронзительными чёрными глазами, энергично размахивающего руками Серджо Веласкеса, прошагала мимо, не повернув головы.

Сердце ухнуло вниз, и опомнился Руслан, лишь когда координатор стройки и прораб, охраняемые двумя витсами, прошествовали к прозрачным дверям служебной зоны.

Кто-то хлопнул его по плечу:

— Как жизнь, инспектор?

Руслан обернулся.

Китаец Сю Синьцзы осклабился.

— Расстроены, инспектор? Могу я чем-нибудь помочь?

— Что вы здесь делаете? — нахмурился Руслан. — Вас нет в списке допущенных к стройке специа...

Синьцзы мелко засмеялся, сузив и без того узкие глазки.

— Вы уже работаете, уважаемый инспектор, это правильно. Однако у меня есть приглашение, я консультант компании «Асур» по проблемам ориентации Дженворпа в пространстве.

— А зачем его ориентировать?

— О, вы шутите, — погрозил пальчиком китаец, продолжая широко улыбаться, но Руслан внезапно почувствовал порыв холодного ветра: так его экстрасенсорика отреагировала на «высверк» отрицательных эмоций собеседника, скрытых под маской его доброжелательности.

— Вы обязаны знать, инспектор, что Дженворп должен быть установлен в определённом порядке, чтобы вектор его воздействия на вакуум не задел ни одной планеты Солнечной системы, ни само Солнце, ни...

— Знаю, — перебил Руслан говорливого астронома. — Извините, я опаздываю.

— Понимаю и не задерживаю. Давайте встретимся вечером, поговорим? У меня для вас есть интересная информация, как для инспектора по экологии.

— Хорошо. Где вас найти?

— Я буду после восьми в баре «Майн либер».

Руслан кивком распрощался с китайцем, заторопился к отсеку транспортных операций. Думал он в этот момент не о предполагаемой встрече, а о жене, подчёркнуто не обратившей на него внимания.

Первая часть плана: обследовать транспортные коридоры, снабжающие стройку необходимыми деталями и материалами, — потребовала, к его удивлению, значительных усилий и временных затрат. Чиновники от снабжения неохотно давали сведения, даже когда Руслан предъявлял свой карт-бланш, и ему пришлось пару раз повысить голос, чтобы добиться желаемого результата. В конце концов выяснилось, что Суперструник снабжается через два метро-терминала, расположенных у торцов фермы, а уж потом грузы доставляются по назначению к тем узлам стройки, которые в данный момент монтируются.

Грузы для жизнеобеспечения строителей доставлялись тем же путём. В них входили жилые блоки, рабочие модули, продукты, вода, средства для личной гигиены, игровые комплексы и даже компоненты систем развлечения. Народонаселение стройки превышало три тысячи человек, и по сути их компактное размещение в жилой зоне ничем не отличалось от города на Земле. Если не считать того, что «город» этот располагался в космической пустоте между орбитами Марса и Юпитера.

Первое время организаторы «стройки века» опасались, что не контролируемые службой пространства мелкие камни из пояса астероидов будут обстреливать Суперструнник и создадут реальную угрозу для жизни строителей. Но выбор точки установки генератора оказался верен, в эту область Солнечной системы астероиды и обломки их залетали редко, а потом, после развёртывания систем раннего обнаружения и заградительного комплекса, опасность и вовсе упала почти до нуля.

Тем не менее ФАК постоянно заботилось о безопасности строителей, поэтому инспектору агентства приходилось проверять готовность защитных систем каждые сутки.

Впрочем, для Руслана эта обязанность не казалась лишней. Она позволяла ему обследовать все зоны стройки и в случае необходимости ссылаться на пункт СРАМ-инструкции: он был обязан предотвратить несчастные случаи любыми средствами.

Входные транспортные линии работали безукоризненно.

Строительство Суперструнника завершилось, и грузов поступало всё меньше и меньше. Контролировать их прохождение было легко.

Проверил Руслан и линии жилищно-коммунальных отходов, также работающие без сбоев, в непрерывном режиме. Строители, специалисты других отраслей науки, инженеры и обслуживающий персонал ели, пили, развлекались (кроме тех, кто предпочитал жить на Земле), и продукты их жизнедеятельности надо было либо перерабатывать на месте, либо отправлять по спецканалам метро в места ликвидации и переработки.

Здесь Руслану повезло. Он обнаружил район несанкционированного сброса мелкого мусора в космос (канал соорудило казино «Бай-Бай») и сурово потребовал от работников казино ликвидировать утечку. Ему пообещали немедленно устранить замеченные недостатки, и Руслан почувствовал лёгкое моральное удовлетворение от проделанной работы.

После обеда в столовой строителей в жилой зоне он снова принялся реализовывать свой план.

Сначала дал задание персональному рабочему инку по имени Фотьян проверить расчёты экспертов, которые по мере готовности отдельных узлов и агрегатов Суперструнника тестировали их по особым программам. А поскольку для этого требовалось время, — инк мог самостоятельно общаться с другими

сетевыми инками, в том числе с главным инком стройки Гением, — Руслан сел в параллель с Шустрым за изучение конструкции Суперструнника. Воеводин просил его обратить внимание на возможные изменения в конструкции генератора, которые могли пролить свет на главные вопросы следствия. Но для этого надо было их найти и проанализировать, для чего они нужны.

Его усилия не пропали даром.

Компьютерный поиск показал, что на теле фермы Суперструнника появились наросты, похожие на «опухоли», которых первоначальный замысел не предусматривал. Всего же их насчитывалось пять: три совсем крохотные — как ажурные рога на консолях, один шаровидный — внутри фермы на расстоянии тысячи двухсот километров от её торца, и один, полусферический — на торце. Ответить, для чего они нужны, эти «опухоли», инк не смог.

Ладно, решил Руслан, посмотрим поближе, что это такое.

Помощь пограничника Мешема ему была уже не нужна, однако он позвонил ему и предложил прогуляться. Лейтенант согласился, даже не спросив, какая прогулка ему предлагается.

Они встретились в транспортном отсеке жилой зоны, сели в четырёхместный пинас и вылетели через стартовый створ в космос. Освещённая лучами неблизкого Солнца ферма Суперструнника со всеми её пристыкованными конструкциями ушла вниз. Хорошо ориентирующийся в космосе Руслан мгновенно отыскал в чёрной пустоте оранжевую звезду Марса, затем более крупную голубую — Юпитер. Река Млечного Пути здесь была видна гораздо лучше, чем на Земле, и ею можно было любоваться долго, но Горюнов лишь поглядел на неё отстранённо, ища в небе светлое пятнышко шарового звёздного скопления Омега Кентавра, хотя, конечно, разглядеть его невооружённым глазом не мог. Посмотрел на блестящую ажурную полосу под ногами. Отсюда нельзя было увидеть связь фермы Дженворпа со скоплением, но она существовала. Как данность. Вопрос: кому понадобилось добиваться ориентации Суперструнника на Омегу Кентавра с её Осью Зла? — оставался открытым.

Руслан пошевелил лопатками под тканью уника. Связь генератора «суперструны» с таинственной Осью Зла была ему непонятна. Это заставляло работать фантазию и прикидывать

масштабы чьего-то замысла, убивающего тех, кто начинал догадываться о связи, и даже тех, кто знал о существовании Оси. Кто они, эти люди, решающие судьбы других людей и с лёгкостью убивавшие свидетелей?

Руслан искоса посмотрел на спутника.

Или не люди?..

Лейтенант Мешем никак не прореагировал на его взгляд.

Флайт «БМВ» влился в реденький поток летающей строительной техники, вознёсся над фермой, достиг первого узла, где появилась шаровидная «опухоль», не предусмотренная чертежами Суперструнника. Руслан остановил аппарат.

— Джон, вы знаете, что это такое?

— Вообще-то мне допустимо не знать, — ответил пограничник, — но я знаю. Это дополнительный ВФ-резонатор.

— Да? — удивился Руслан. — Вы действительно в курсе? Почему же об изменениях в конструкции никто не докладывает в ФАК?

— Это не моя проблема.

— Извините, вы правы. Для чего нужен дополнительный... э-э, ВФ-резонатор?

Мешем неожиданно оживился.

— Я заканчивал МИСИ, но всегда интересовался астрофизикой и космологией. Суперструнник вообще удивительный генератор, можно даже сказать, феноменальный.

— Я спрашиваю о дополнительном резонаторе...

Загоревшийся Мешем не обратил внимания на тон сказанного:

— Вакуум может иметь несколько разных, отличающихся по энергетическому потенциалу состояний, или фаз. При переходе из одной фазы в другую он может «сбросить» огромную энергию. Что, собственно, и произошло при Большом Взрыве, когда родилась наша Мета вселенная. Энергии выделилось столько, что начался инфляционный процесс расширения нашей Мета вселенной, и она раздулась до гигантских размеров.

— Я знаю... — попытался вставить слово Руслан.

— Так вот Дженворп способен создавать разные фазы вакуума, а дополнительный фазовый контур как раз и помогает ему это сделать, — закончил пограничник на одном дыхании.

— Зачем?

— Ну, как же, — смешался Мешем, — для науки нужны доказательства непротиворечивости теории... разные состояния «струн» дают разные результаты.

— А если начнётся новое инфляционное раздувание Вселенной?

Мешем недоверчиво улыбнулся.

— Все параметры Дженворпа рассчитаны.

— А вдруг?

— Не может быть, учёные просчитали все варианты развития событий, никакой инфляционной фазы не предвидится. Произойдёт локальная деформация вакуума в очень узкой щели, так сказать, «в трубочке» диаметром в атом, которая приведёт к образованию микроскопических чёрных дыр.

— Допустим, расчёты неверны. Теория есть теория, на практике иногда возникают необычные эффекты. Не произойдёт ли чего-нибудь такого, что потом не исправишь никакими другими экспериментами?

— Что? — озадаченно спросил Мешем.

— К примеру, увеличится темп расширения Вселенной?

Мешем снова показал слабую улыбку, качнул головой:

— У вас, русских, есть поговорка: неожиданное случается чаще, чем ожидаемое. Расчёты Суперклизмы проверяли и эксперты ФАК. И ничего опасного не нашли.

То-то и оно, подумал Руслан, переводя разговор на другую тему:

— Вы правы, у нас много поговорок, и мудрых, и смешных. Мне нравится такая: если тебе суждено погибнуть в космокатастрофе, а ты никуда не летаешь, на твой дом упадёт звездолёт.

Мешем хмыкнул.

— Вы пессимист, инспектор.

— Я просто хорошо информированный оптимист. — Руслан скомандовал инку флайта лететь дальше. Подумал: надо проконсультироваться со специалистом по проблеме разных фазовых состояний вакуума. Но не с Херцигом.

Пинас, как пришпоренный, помчался вдоль серебристой полосы Суперструнника, чем-то напоминающей старинную железную дорогу с рельсами и шпалами.

«Рога» на консолях Руслан решил не обследовать. Шустрому удалось пообщаться с Гением, и главный инк стройки объ-

яснил ему, что «рога» являются всего лишь дополнительными антеннами системы настройки генератора. Ничем иным, в принципе, они быть и не могли. А вот «опухоль» на торце Суперструнника, обращённом к Омеге Кентавра, настораживала. В коротком докладе Гения говорилось, что это «сфинктер коллиматора», предназначенный для «порогового ограничения импульса». Каким образом сфинктер должен был ограничить «струну», в докладе не объяснялось.

С расстояния в полкилометра «опухоль» сфинктера выглядела драгоценным камнем в золотой оправе. Диаметр её достигал ста двадцати метров, высота купола — сорока пяти.

— Красиво смотрится, — заметил Мешем после минутного созерцания «опухоли».

Интереса инспектора к этому новому узлу конструкции он не понимал, но из лояльности не задавал ему никаких вопросов.

— Посмотрим изнутри? — предложил Руслан.

— Как скажете, — согласился пограничник.

Однако стоило флайту двинуться к торцу фермы, как перед ним возникло красное световое кольцо, а в наушниках защитных костюмов раздался вежливый голос:

— Внимание! Запретная зона! Пожалуйста, остановитесь!

— Я Руслан Горюнов, инспектор ФАК, — небрежно бросил Руслан, и не думая останавливаться.

— Внимание, — послышался тот же голос, принадлежавший, очевидно, инку охраны, — зона закрыта для полётов любых транспортных средств! Остановитесь, иначе буду вынужден применить защитные меры!

— Я Горюнов! — возмутился Руслан. — Код допуска: «сто три — золотой»!

Мешем искоса посмотрел на него, но промолчал.

Флайт, чуть снизив скорость, продолжал опускаться к «опухоли» сфинктера. Когда до блестящего купола осталось метров двести, перед аппаратом соткалась из красных световых искр переливчатая вуаль, и флайт резко затормозил.

Вуаль погасла.

Руслан выругался.

Охрана фермы применила «красную завесу» — силовое по-

ле, способное остановить и отбросить даже небольшой астероид, летящий с приличной скоростью.

— Немедленно пропустите... — начал Руслан.

В наушниках раздался другой голос, угрюмый и жёсткий:

— Инспектор, в этой зоне идут прецизионные подгоночные работы, поэтому ваше присутствие нежелательно. Будьте добры покинуть зону.

Руслан открыл рот, чтобы выразить своё отношение к происходящему: никаких следов «прецизионных подгоночных работ» он не видел, — однако сумел побороть свои чувства и передумал.

— Кто говорит?

— Жозеф Поллак.

Руслан встретил красноречивый взгляд Мешема, криво улыбнулся.

— Господин Поллак, вы знаете о моих полномочиях?

— Знаю, господин Горюнов, и тем не менее прошу не мешать. Закончится монтаж оборудования, можете посмотреть на сфинктер и снаружи, и изнутри.

В голосе помощника Херцига на слове «посмотреть» проскользнула ироническая нотка.

Руслан проглотил вертевшиеся на языке возражения, молча двинул флайт вокруг «опухоли» сфинктера. Удовлетворившись облётом, повернул назад, к жилой зоне Суперструнника.

— Вам действительно необходимо попасть внутрь сфинктера? — спросил Мешем безразличным тоном.

Руслан помолчал.

— Странно, что доработки наподобие этого сфинктера возникают уже после утверждённого плана работ. Что они там прячут?

— Доработки возникают всегда, это я вам как бывший инженер-строитель говорю. Другое дело, что вас не пропустили, хотя у вас «золотой» допуск. По-моему, Поллак слишком много на себя берёт.

Руслан думал о том же, но поддерживать пограничника не стал.

— Ничего, иногда полезно видеть границы своего допуска. Помните пословицу? Есть два вида трагедий: первый — когда

человеку не удаётся достигнуть цели, второй — когда удаётся. Второй значительно хуже.

Мешем засмеялся.

— Я ещё не встречал инспектора ФАК, который так спокойно реагировал бы на усечение его полномочий.

— Значит, вы уже встречались с работниками агентства?

— До вас на Суперструннике была симпатичная девушка Инесса, которая, по-моему, ни во что вообще не вмешивалась.

— Вы её знали?

— Её знали... э-э, многие, в том числе мой приятель. Я вам ещё нужен?

— Нет, благодарю за сопровождение.

Пинас проскользнул в финиш-створ транспортного отсека, опустился на площадку малых аппаратов.

Мешем пожал руку Горюнову, они расстались.

Размышляя, идти на встречу с китайцем или нет, Руслан сел в лифт и опустился в недра жилого комплекса Суперструнника, представлявшего собой три зеркально-прозрачные пирамиды, соединённые прозрачными же рукавами эскалаторов и лифтов.

По времени стройки шёл уже восьмой час вечера, что соответствовало восемнадцати часам по среднесолнечному времени. Народу в коридорах жилой зоны было мало. Пробежала стайка девушек в цветных униках, с эмблемами Монтажспецстроя. Прошагали, переговариваясь, молодые рослые парни из научно-инженерного состава. Руслан заметил сотрудников Службы безопасности, посмотрел им вслед.

И тотчас же кто-то возник за спиной, хлопнул его по плечу:

— На девушек заглядываетесь, инспектор?

Руслан внутренне поморщился: это был астроном Сю Синьцзы. Следит он за ним, что ли?

— На кого же ещё заглядываться, как не на девушек? — сказал Руслан, изображая улыбку. — Я же не трикстер.

Китаец мелко засмеялся.

— Я тоже. Трикстерам всё равно, кого любить. Вы уже идёте в бар?

— Буду через полчаса. Переоденусь, приму душ, побеседую с начальством.

— Жду, — кивнул астроном и засеменил к створу отсека развлечений.

И снова Руслан ощутил ток холодного воздуха, будто недалеко открылся на миг люк в зиму, на побережье Арктики. Случайным это явление назвать было уже нельзя. Китаец явно интересовался инспектором ФАК, подозревал его в чём-то, сомневался и испытывал неприязнь, продолжая при этом дружелюбно шутить и делать вид, что рад встречам.

«Шустрый, — позвал Руслан. — Тебе не кажется, что нас прощупывают?»

«Не кажется, — ответил терафим. — Нас и в самом деле прощупывают. Усилить защиту?»

«Проанализируй полевую обстановку. Надо определить, какой аппаратурой пользуется господин астроном».

«Попытаюсь».

Руслан перепрыгнул на ленту эскалатора, ведущую в жилую зону, и едва удержался на ногах.

Мимо, в обратном направлении, проехала пара: Ярослава Тихонова — Серджо Веласкес. Ни та, ни другой не обратили на инспектора ни малейшего внимания.

Руслан соскочил на неподвижные плиты коридора, оглянулся.

Глава компании «Асур» и её спутник повернули к отсеку отдыха. Веласкес чуть опередил женщину, и она вдруг оглянулась, будто почувствовала взгляд бывшего мужа. На одно мгновение глаза их встретились. Потом Ярослава шагнула в створ входа и исчезла. А Руслан остался в коридоре с ощущением близкого удара грома, которого никто, кроме него, не слышал.

Глава 9

ПОГРАНСЛУЖБА — ДЕЛО ТОНКОЕ

С недавних пор командор Погранслужбы Дмитрий Шевчук перестал общаться с редкими друзьями и зажил на широкую ногу.

У него появились два дорогих личных флайта классов «Мерсе-DZ» и «Феррари», фазенда в джунглях Амазонки, модуль от-

дыха в Антарктиде и жилой модуль на Марсе. Кроме того, он вдруг стал обладателем пакета акций холдинга «ТВ-Медиа» и куратором Олимпийского комитета Украины. Что давало ему право участвовать в заседаниях Правительства Украины и не мешало руководить Федеральной Погранслужбой, имеющей третий ранг по приоритетности выполняемых задач после Союза Объединённых Наций и Службы безопасности.

Разумеется, о приобретениях командора почти никто не знал, лишь люди, постоянно сталкивающиеся с ним, родственники да налоговая служба Солнечной Федерации. Но у него там были свои люди, на самом верху, которые знали больше... и молчали. Потому что сами участвовали в процессе и были причастны к тому, что творилось нынче в Солнечной системе.

Пятнадцатого апреля командор в сопровождении команды телохранителей отправился на Марс, чтобы осмотреться в новоприобретённом коттедже и отдохнуть. Личную ветку метро ему провести к коттеджу пока не удалось, чего он, безусловно, хотел и добивался, поэтому пришлось добираться по сети общественного метро. Сначала до Марсопорта, расположенного на Ацидалийской равнине, а оттуда на пограншлюпе до коттеджа, построенного на берегу недавно восстановленного озера Лакшми. Озеро было окружено горами, воздуха здесь ещё не хватало для неспешных прогулок без респираторов, несмотря на полтора столетия работы атмосферных заводов, но вид с берега был замечателен. Любителю природной эстетики, каким слыл Шевчук, этот вид нравился.

Осмотрев окрестности коттеджа, выстроенного в стиле «венецианский замок», владелец оставил охрану снаружи и прошёл по трёхэтажному строению, придирчиво разглядывая интерьеры его помещений. Всего помещений было девять, включая две комнаты с душем и ваннами из китайского фарфора и кабинет с суперсовременной компьютерной системой «нюба», позволявшей человеку работать с инком в скоростном режиме «один-на-один» и погружаться в созданные компьютером виртуальные миры «с головой». То есть — ощущать все приключения так, что игра становилась стопроцентно реальной.

Однако «посидеть в игре» главному пограничнику Федерации не дали.

Включилась рация интересвязи; вызов пришёл через аппара-

туру консорт-линии, отсекающую все помехи и не допускающую ни пеленгации, ни прослушивания.

— Шевчук, — произнёс глава Погранслужбы.

Напротив соткался виом передачи, в нём проявилась необычного вида — в форме головы тигра — кристаллическая конструкция, состоящая из отдельных, меняющих размеры, не связанных друг с другом кристалликов.

Шевчук попытился, сел на возникший из пола по его мысленному приказу стул.

— Слушаю, экселенц.

«Голова тигра» обозначила улыбку.

На самом деле это был, конечно, вовсе не тигр. Таким всегда показывался перед своими слугами эmissар Знающих-Дорогу-Не-Терпящих-Возражений. Даже Шевчук, или Третий, то есть имевший после подселения третью степень посвящения в Программу, никогда не видел эmissара в натуре, таким, каким он был на самом деле.

— Мне не нравится возня Службы безопасности вокруг генератора, — заговорила «голова тигра» на чистейшем английском языке; эmissар никогда не здоровался и не прощался. — Мне не нравится активность Службы безопасности за спиной ФАК. Почему вы допустили отправку развед-спейсера к Омеге Кентавра?

— Спейсер не вернётся.

— Тем не менее Служба заинтересовалась открытием Крестовского и подключила к этому делу контрразведку.

Шевчук пожал плечами.

— Этого следовало ожидать. Мы работаем не в вакууме. К тому же мы убрали комиссара...

— Поздно, командор, поздно! — оскалился «тигр». — Надо было привлечь Джона Ву на свою сторону, а не скоростно ликвидировать, когда он задействовал контрразведку! Теперь это дело получило огласку, и потушить разгорающийся пожар будет трудно. А до момента пуска Дженворпа осталось не менее трёх месяцев!

— Мы справимся. Херциг подготовил предложения по финальной стадии строительства Дженворпа, срок пуска сократится на месяц. Оставшиеся два месяца мы продержимся легко.

— Если вам никто не помешает. Всё больше ненужных людей узнаёт об окончании строительства.

— Мы будем их ликвидировать одного за другим.

— Всех не ликвидируете! Вообще прекратите акции по ликвидации! Они заставляют Службу безопасности напрягаться, а сил у неё хватает. Нам до сих пор неизвестно, какой филиал контрразведки пошёл по нашему следу.

— Узнаем. Теперь Службу возглавит наш человек.

— Работайте порасторопней, командор! Иначе придётся заменить и вас!

— Вряд ли вы найдёте специалиста такой квалификации на моё место, — ухмыльнулся Шевчук. — Интересно, если вы провалите дело, что будет с вами? Как там у вас поступают с неудачниками?

«Тигр» показал клыки.

— Напрасно вы меня дразните, командор. Я не личность — в вашем понимании, я коллективная сущность. Мы не выносим паллиативных решений. Мы уничтожаем всех, кто мешает. И уничтожим вас, не задумываясь! Так что прикусите язык, как принято говорить у вас. Немедленно установите, кто может работать на контрразведку из всех тех, кто крутится возле Дженворпа!

— Мы работаем, — нехотя ответил Шевчук.

— В обслуживающей бригаде появились новые люди. Проверьте, кто они и с кем контактируют, не могла ли их завербовать контрразведка.

— Проверка уже начата.

— Докладывайте мне о результатах каждые двенадцать часов!

— Слушаюсь, экселенц, — подтянулся Шевчук.

«Тигр» в объёме связи рассыпался на кристаллики, виом погас.

Шевчук задумчиво промокнул вспотевший лоб платком, пробормотал:

— Коллективная сучность, однако... Интересно, где он прячется? Или он такой же подселённый, как и я?

Перед командором проявилось плоское зеркало. Он внимательно оглядел своё отражение, оттянул веко, потрогал нос, пригладил волосы.

— Нормально выглядите, командор.

В голове словно хрустнул сломанный сучок, и чей-то дребезжащий, каркающий, нечеловеческий голос повторил:

«Нормально выглядите, командор. Вы, люди, ещё не создали такой аппаратуры, которая могла бы зафиксировать подселённого».

— Аппаратуры такой нет, — согласился Шевчук с тем, кто управлял им в глубинах сознания. — Но люди, владеющие экстрасенсорным резервом и способные отличить подселённого от нормального человека, есть.

«Их мало. И всех их можно ликвидировать. В вашем распоряжении вся Погранслужба, займитесь этой проблемой».

— Погранслужба — дело тонкое, да и занимается она другими проблемами.

«Надеюсь, в ваших силах переориентировать её на поиск нюхачей из контрразведки. А главное — найдите командира. Обезглавив контрразведку, мы решим все проблемы».

— Контрразведка — тоже дело тонкое, — рассеянно проговорил Шевчук. — Дилетантов там не держат.

«Вы не согласны?» Внутренний голос приобрёл угрожающие интонации.

Шевчук поморщился, слабо пошевелил пальцами, оправдываясь.

— Согласен, согласен, умник. Только не хотелось бы связываться с контрразведкой. Она наверняка насквозь русская.

«Ну и что?»

— Русская контрразведка — сильнейшая в мире на сегодняшний момент.

Подселённый хмыкнул.

«Мне-то ты скажешь правду?»

— Я говорю правду. Вы ещё не сталкивались с ней... иначе заужали бы.

«Мы сталкивались с гораздо более мощной противодействующей силой, не чета этой вашей контрразведке».

— Что это ещё за фигня?

«В переводе на земные языки она звучала бы как «Система Транзитивной Корректировки». Она сильно мешала нам в других метавселенных. Однако не до болтовни, командор. Нужна информация — запроси экселенца. Работай!»

— А пошёл бы ты спать, — ласково ответил Шевчук сам себе. — Я приехал отдыхать, а не делами заниматься. Ваш эксленц подождёт.

Он вызвал помощника:

— Булат, через полчаса давай девчонок.

— Скоро будут, — пообещал начальник личной охраны командора Булат Батырбей.

Глава 10

КАНАРЕЕЧКА ЖАЛОВНО ПОЁТ

Если бы это был обычный компьютерный вирус, Успенский легко справился бы с ним. Достаточно было стереть все испорченные программы, файлы и флэши, а потом переписать на «железо» матричные файлы, хранившиеся в НЗ. Однако инконику спейсера повредил «червь», то есть нановирус, способный просачиваться физически через все фильтры и проникать в щели размером с десятков молекул. Он и сам был размером с длинную молекулу ДНК, несущую программу разрушения определённых структур, отчего защитные сети инка «Ра» не смогли его остановить.

Сначала «червь» аккуратно уничтожил приёмное устройство «струнной» рации спейсера, отрезав корабль от базы, которая могла помочь советом. Передать руководству Службы о возникших проблемах экипаж мог, но получить ответ — нет.

Затем вышел из строя передатчик. И экипаж «Ра» окончательно потерял возможность переговариваться с базой и докладывать об открытиях. Но и это оказалось не последней бедой. Сразу после старта «голема» к найденному в недрах фермы чужому космолёту отрубилась вся инконика корабля, а инк Тихий превратился в идиота, потеряв все свои базовые интерактивные связи.

Двое суток Успенский и бортинженер спейсера Вильгельм Иванов с помощью уцелевших сервисных систем разбирали молектронную начинку центра управления и меняли блоки.

Ещё два дня ушло на поиск «червя», после того как с грехом пополам заработала аварийная защитная аппаратура «Арахна»,

имеющая собственную инконику и независимое энергопитание.

Нановирус представлял собой изумительной работы атомарную структуру, имевшую «голову с мозгами» — управляющий чип размером с две сотни молекул углерода — и собственную «пушку» — генератор антипротонов и излучатель. Достаточно было буквально трёх «выстрелов» из этой «пушки», посылающей по три-четыре антипротона, чтобы интеллектуальная аппаратура корабля начинала сбоить, глючить и выходить из строя.

«Червь» нашли и уничтожили, но своё грязное дело он сделал. И тогда у Маккены возник вопрос: почему защитная система не подняла панику и не предупредила людей о проникновении в недра инконики вирусной программы?

Задумались и остальные члены экипажа.

Успенский удалился в свою каюту, чтобы поразмышлять наедине с самим собой, а точнее, с личным инком. Но терафим ничем помочь ему не мог, не обладая кондициями больших «думающих систем» типа Стратег. Единственное, чего достиг Успенский после долгих бесед с терафимом, было предположение о хорошо подготовленной диверсии. Кто-то, знающий о резервном спейсере Службы безопасности, заранее подготовил его нейтрализацию, для чего запустил два «червя». Первый обезвредил защитную антивирусную систему, второй — всю интеллектуальную технику. Но поскольку ни проверить, ни доказать предположение было нельзя, Успенский уныло признался, что он бессилен.

— Тихого восстановить я не смогу, — проворчал он на совещании, проходящем в кают-компании корабля. — Попробую наладить систему визуально-ручного управления.

— Что это нам даст? — скривил губы бортинженер.

— Шанс добраться до Солнечной системы.

— Мы можем легко промахнуться.

— У нас есть эксперты, они помогут сориентироваться.

— Без инк-сопровождения мы стопроцентно заблудимся в Рукаве и...

— Стоп базару! — применил известное русское изречение Рудольф Маккена. — Митя, Виль — в рубку! Восстанавливайте,

что сможете! Специалисты будут подключаться к работе по мере надобности. Вопросы?

— Неохота сидеть сложа руки, — буркнул драйвер-секунда корабля Вячеслав Терёшин.

Драйвер-прима в этот момент дежурил в рубке.

— Кто сказал, что мы собираемся сидеть сложа руки? Будем исследовать Ось.

Члены экипажа оживились.

— Правильно, дело есть дело, — раздался голоса, — надо работать...

Маккена вышел из кают-компания с уверенным видом и лишь за диафрагмой двери дал себе секундное расслабление: лицо его стало упрямым, озабоченным, виноватым. Но только на секунду.

За ним разбрелись по рабочим местам и остальные.

Всё это время «Ра» дрейфовал в десяти километрах от фермы, соединявшей звёзды Оси Зла, укрытый лишь нейтральной бронёй и многослойным «пакетом» физиологической защиты. Энергополевая подпитка панциря не работала, но излучение близких звёзд он не пропускал. А для того чтобы корабль не столкнулся с острыми как бритва шипами фермы и не упал на ближайшую звезду Оси, пилотам постоянно приходилось маневрировать в ручном режиме. Этот процесс отнимал много времени и здоровья, требовал внимания, отчего пилоты менялись каждые четыре часа.

Маккена не шутил насчёт исследований Оси.

Уже через час после совещания «голем», управляемый Терёшиным, нырнул в глубины «фрактала». Место наблюдателя занял второй эксперт экспедиции Марч Кремень. Роза Линдсей чувствовала себя неважно и осталась на борту спейсера.

«Голем» уверенно прошёл сорок километров до ячейки в ферме, где на шипах висел разбитый чужой звездолёт.

Терёшин остановил аппарат. Марч какое-то время работал с аналитическим комплексом «голема», обсуждая показания счётчиков частиц и полей с инком, потом попросил пилота опуститься «ниже».

Сопровождаемый змейками молний, скользящих вдоль сплетений жил и шипов фермы, «голем» начал искать ниши и проходы, позволяющие ему двигаться в относительной безопасно-

сти. «Ракушка» чужого корабля скрылась за уступами и кружевами фермы.

Около двух часов ничего в окружающем аппарате пространстве не менялось.

Мимо проплывали гигантские, среднего размера и совсем маленькие «веточки можжевельника», узелочки «мха и лишайника», заполняя собой всё пространство. Вскоре продвижение вперёд замедлилось. Проходы становились всё уже, а шипастые конструкции всё ближе. Когда извилистый тоннель в недра фермы сузился до сотни метров, пилот остановил «голем».

— Дальше не пролезем.

— Ещё бы на пару километров, — попросил Марч.

— Что это нам даст? Здесь всё одинаковое, мох и мох. Фрактал он и в Африке фрактал.

— Растёт концентрация антипротонов. Вакуум странно «шевелится».

— Потому что тут работает другая физика.

— Физика в нашем галактическом районе везде одна и та же.

— Всё равно не понимаю, как они строили такую жуть.

— Скорее всего, это был целенаправленный процесс «кристаллизации» вакуума.

— Верю, — фыркнул Терёшин, — уже слышал не раз, но не понимаю, как это вакуум может «кристаллизоваться». Ладно, держитесь, попробуем ещё чуть-чуть протиснуться в щёлочку.

«Голем» снова двинулся вперёд по сужающемуся ходу, представлявшему собой просто одну из многочисленных пустот, разделявших «стебли можжевельника».

— Вижу металл, — вдруг доложил инк аппарата.

Перед глазами пилота появился визирный крестик, показал местоположение металлического предмета, обнаруженного инком.

— Что это?

— Не могу знать.

— Давай ближе!

«Голем» осторожно поплыл к блистающему в отражённом свете прожектора «кусту фрактала», миновал одну ажурную «ветвь», другую. Через минуту стал виден грибообразный нарост на эллиптическом вздутии фермы. Диаметр «шляпки гриба» достигал двух сотен метров, высота — около полусотни.

— Лопни мои глаза! — выдохнул Терёшин. — Да это же ещё один спейсер!

Марч промолчал. Он видел то же самое, что и пилот.

Подошли почти вплотную.

«Голем» поелозил прожектором по корпусу чужого корабля, отражавшему свет как зеркало.

Форма его и в самом деле напоминала гриб-подосиновик, у него и ножка имелаась под «шляпкой». Мало того, «шляпка» была не идеально полусферической, а с нерегулярными впадинами, так что пилот даже засомневался в своей оценке, разглядывая проекции «гриба» на пластине обзора.

— Может быть, это просто деталь фермы? Так сказать, «заклёпка»?

Эксперт снова промолчал.

Терёшин дал задний ход, повёл «голем» по суживающейся спирали к «ножке гриба».

Стали видны тонкие линии на «шляпке», образующие выпуклый рисунок наподобие растительной сигнатуры на обратной стороне листа земного дерева.

— Интересная структура. Марч, ты там не уснул?

— Это корабль, — отозвался наконец эксперт. — Его материал — сложный кремниево-углеродистый композит. Деталью фермы он быть не может.

— Кладбище звездолётов, — хмыкнул пилот. — Неужели вся ферма истыкана чужими кораблями? Этот во всяком случае совсем не похож на первый.

— Что имеем, то и видим, — философски заметил Марч.

Терёшин засмеялся.

— Не верь глазам своим, верь моему радару.

— Попробуйте посигналить.

Несколько минут инк «голема» мигал прожектором и запрашивал экипаж чужого космолёта на всех доступных диапазонах радиосвязи, микроволновой и лазерной связи. Однако никто ему не ответил. Скорее всего, и этот корабль был мёртв, как и первый, похожий на гигантскую ракушку моллюска.

Правда, корпус его выглядел не столь безнадежно проеденным аннигиляционной коррозией, да и сидел он не на шипе «можжевельника», а на достаточно ровном, покрытом «шерстью» мелких веточек вздутии фермы. Было видно, что посадка

была мягкой. Ничто не указывало на бедственное положение корабля. И тем не менее на манипуляции «голема» он не отреагировал.

— Я выйду, — решил пилот. — Надо поглядеть, что у него внутри. Видите, под «шляпкой», где сходятся пластины, есть какое-то углубление? Может быть, это люк.

— Пойду я, — отрезал эксперт. — Это моя работа.

Аргументов против этого высказывания у пилота не было, и он занялся процедурой выпуска десантника из «голема».

Ложемент под Марчем, полулежащим в серебристо-прозрачном «кокосе», опустился в «горизонтальное» положение, собрался складкой под ногами, и эта складка пропихнула тело эксперта сквозь эластичную диафрагму сфинктера в тамбур. В тамбуре — по сути это был плотный мускулистый «мешок» — на плечи и голову Марча надвинулся дополнительный прозрачный конус с аппаратурой и спец-оборудованием. Затем мускул сфинктера тем же манером выдавил десантника сквозь диафрагму люка в открытое пространство.

— Проверка, — сказал пилот.

— Всё нормально, — пропыхтел эксперт после паузы: за бортом «голема» царствовала невесомость, и к ней надо было привыкнуть.

— Будьте осторожны, Марч.

Фигура в светящемся скафандре достигла пластин нижнего обреза «шляпки гриба», задержалась. Марч был опытным космонавтом и не торопился лезть на рожон.

— Здесь углубление, — донёсся его невнятный голос. — Метра три. Отверстия не вижу.

— Возвращайтесь, — сказал пилот.

Внезапно пластины, действительно напоминавшие грибные пластинки у сыроежки, начали плавно расходиться.

— Берегись! — рявкнул Терёшин, толкая «голем» поближе к десаннику.

Но нервничал он напрасно. Пластины раздвинулись, и Марч сказал:

— Вижу щель. Двигаюсь дальше.

— К чёрту, Марч! Кто знает, что у этой автоматики на уме? А если сдохнут аккумуляторы, или что там у них, и вы не выберетесь обратно? Лучше вернуться сюда на двух машинах.

Марч заколебался. Одному в недра чужого космолёта идти не хотелось.

— Я только гляну на... — он не договорил.

Из углубления между раздвинутыми пластинами вынесся тонкий фиолетовый хлыст, обвился вокруг не успевшего среагировать эксперта и одним движением втянул его в щель.

— Назад! — запоздало крикнул пилот.

Из того же углубления выметнулся ещё один хлыст, поразительно напоминающий щупальце спрута, достиг «голема». Однако реакция у пилота была побыстрее, чем у эксперта, и он успел мысленно скомандовать инку аппарата открыть огонь.

Сверкнул лазерный луч, отсекая часть хлыста. Оставшаяся корневая часть молнией вернулась обратно. Однако через пару мгновений уже с десятков щупалец потянулись к «голему», и защитной системе аппарата пришлось работать в форсированном режиме. Кроме лазера инк применил неймс и плазмер, чтобы отбить неожиданную атаку. Обожжённые, искромсанные, обрезанные щупальца втянулись в гнездо.

— Марч! — напряг глотку Терёшин, лихорадочно соображая, что делать. — Отзовитесь!

Эксперт молчал.

— Марч!

Из углубления в корме чужого корабля набухла водянистая капля, начала вытягиваться в толстую желеобразную сосиску.

Пилот приготовился маневрировать и одновременно стрелять, но его опередили.

«Шляпка гриба» вдруг шевельнулась, как живая, и плавно скользнула к «голему», выстреливая целый ручей пенящейся белёсой субстанции...

* * *

«Голем» отсутствовал уже больше трёх часов, и у Маккены появилось дурное предчувствие.

— Виль, — позвал он, — что слышно?

— Ничего, — лаконично отозвался бортинженер.

Маккена вызвал первого пилота:

— Вацлав, подготовь на всякий случай второй шлюп.

— Он давно готов, Рудольф, — сказал Хржичка, понимая состояние командира.

— Митя, что-нибудь получается? — обратился Маккена к инконику.

— Пытаюсь понять сам, — пропыхтел Успенский из развороченных недр управляющей системы. — Переброшу связи уцелевших блоков, может, заработает система ориентации. На большее рассчитывать не приходится.

Маккена стиснул зубы, чтобы не выругаться. Посидел в командирском коконе, ломая голову над проблемой возвращения. Потом спустился в медотсек. Однако Розы Линдсей там не оказалось. Она работала в своём пассажирском боксе, аппаратура которого не подверглась атаке «червя».

— Роза, вам положено лежать, — сказал Маккена, с некоторым недоверием разглядев, что эксперт весьма привлекательна; женщина сидела у вириала инка в обтягивающем серебристом унике.

— Мне лучше, — сказала она, не отрываясь от виома, в объёме которого светилась схема Оси Зла.

— Извините, я бы всё-таки советовал вам отдохнуть, — мрачно добавил он.

Роза удивлённо оглянулась и, видимо, что-то прочитала в глазах командира корабля. Слабо улыбнулась.

— Благодарю за совет.

Он потоптался на пороге уютного бокса, невольно приняв к тонкому запаху духов. Подумал: женщина и в космосе остаётся женщиной. И вдруг неожиданно для себя самого спросил:

— Вы замужем?

Роза озадаченно поправила локон волос на виске.

— Нет. А что?

— Дети есть?

— Две девочки, учатся в колледже.

— И кем думают стать?

— Хотят учиться на интердипломатов.

— Это хорошо. — Маккена помедлил, не зная, как продолжить разговор.

— Проходите, — подвинулась женщина, указывая на второе кресло, — присаживайтесь. Что-нибудь случилось?

Маккена сел, чувствуя себя не в своей тарелке. Признался:

— Положение критическое. Я принял решение возвращаться.

— Но ведь инконика крейсера не работает.

— И не будет работать. Доберёмся в ручном режиме. Хотя ещё никто на моей памяти этого не делал.

Роза оценивающе посмотрела на командира:

— Вас ведь не это гнетёт, верно?

Маккена помолчал.

— Ось Зла для чего-то создана. Она ждёт. Чего? Или кого?

— Не нас.

— Это я понимаю. Мы здесь гости нежелательные. Впрочем, не только мы. Тот чужак погиб странно. Межзвёздные машины должны быть защищены от гораздо более опасных ситуаций, нежели столкновение с шипами фрактала.

— Меня этот факт смущает в не меньшей степени. Но ещё больше — одно необычное обстоятельство.

— Какое?

— Звёзды Оси — не простые звёзды.

Роза шевельнула рукой, и стена бокса напротив превратилась в виом, в глубине которого загорелась ближайшая звезда Оси Зла, вся в багровых и малиновых пятнах.

— Что значит — не простые? — не понял Маккена.

— Вся система из ста одиннадцати звёзд является, по сути, Большим Станным Аттрактором.

— В чем же его странность?

— Вы знакомы с теорией метастабильных переходов?

— Я не учёный. Я практик. Много лет назад, в институте, что-то читал, но...

— Понятно. Если Солнце и звёзды, подобные ему, выделяют энергию в результате термоядерных реакций, то звёзды Оси светят потому, что в месте их расположения размерность пространства выше, чем вне их. Понимаете? Разница в мерности и приводит к выделению энергии. Но такое состояние звёзд метастабильно. Достаточно одного толчка, образно говоря, и произойдёт фазовый переход.

— Чего? — недоверчиво спросил Маккена.

Роза Линдсей посмотрела на звезду с ползущими по ней пятнами.

— Сначала переход состояния. Возможно, какая-то из звёзд

превратится в сверхновую. Возможно, они все станут сверхновыми и разнесут всё скопление в пыль, в излучение. Недаром же они соединены меж собой этой фермой. А затем произойдёт и фазовый переход вакуума. Метрика пространства в скоплении не целочисленна, чуть выше тройки, но даже если пространство скатится к евклидовости, то есть станет трёхмерным, энергии «свернувшегося» остатка хватит...

Роза отвернулась, нашла в своих вещах сигарету.

— Разрешите закурить?

Курение на борту космолёта строго запрещалось, и она это знала, но Маккена кивнул:

— Курите. Хватит для чего?

— Для того, — Роза сунула сигарету в рот, затянулась, — чтобы процесс ударной инфляционной волной распространился и дальше, по нашей Галактике, по местному скоплению галактик. Может быть, вообще по всему домену.

— Вы... серьёзно?

— Разумеется, это всего лишь мои предположения, — спокойно ответила Роза, с видимым наслаждением выдыхая ароматный дым. — Но они имеют под собой почву. Ось Зла действительно ждёт возбуждающего импульса. Что это за импульс, какой природы, откуда он должен прийти — не важно. Главное, что система готова к запуску. Причём очень давно.

— За орбитой Марса строится Суперструнный, — выговорил Маккена одними губами.

Роза, прищурясь, посмотрела на него сквозь клуб дыма.

— Я тоже подумала об этом. Вот почему мы в таком бедственном положении. Чтобы никто о нашем открытии не узнал, мы не должны вернуться.

Маккена провёл рукой по волосам. Рука дрожала. Он посмотрел на неё с хмурым удивлением, перевёл взгляд на собеседницу.

— Мы вернёмся!

Роза усмехнулась.

— Надеюсь.

Он хотел что-то добавить, но в наушниках рации раздался крик первого пилота:

— Командир, полундра!

Маккена повернул голову к двери, помедлил мгновение и одним прыжком выскочил за дверь каюты.

В рубке стала известна причина волнения Хржички.

Из глубин «можжевеловых зарослей» фермы мчался зигзагами «голем», а его преследовал какой-то странный объект, похожий на шляпку гриба, на черепаху и на медузу одновременно. Каждое сокращение «купола медузы» соответствовало повороту объекта — он следовал точно за «големом», — а из-под «купола» то и дело выстреливались тонкие нити, вернее, щупальца, пытавшиеся схватить уворачивающийся земной аппарат.

Послышался задыхающийся голос Терёшина:

— Командир... эта тварь... сожрала Марча! Уходите! Лазер и плазмер её броню не пробивают!

— Виль, систему отражения к бою! — скомандовал Маккена.

— Пара секунд, командир!

— Что это?! — прошептала появившаяся в рубке Роза.

— Мне надо было самому догадаться, — процедил сквозь зубы Маккена.

— О чём?!

— Такое сооружение, как Ось, должно иметь охрану! Этот «гриб» уничтожает всех, кто приближается к Оси! Найденный нами космолёт тому пример. Виль, целеуказание на обзор!

В глубине панорамного виома, в который превратились стены рубки, появился визирный крестик. Если бы инк спейсера работал, такой крестик появился бы прямо перед глазами Маккены, и ему не пришлось бы управлять стрельбой голосом. Сработало бы мысленное указание. Но Тихий был мёртв.

— Вацлав, манёвр!

«Ра» прыгнул влево, чтобы «голем» вышел из коридора поражения.

Маккена, уже занявший своё кресло и положивший руку на сенсорную панель подлокотника, тронул красную клавишу.

Спейсер выстрелил.

Пучок антипротонов, посланный к «грибомедузе», был почти не виден, так как вокруг царил вакуум. Проаннигилировали только редкие атомы на его пути. Зато материал преследователя состоял не из экзотических частиц, а из барионов, и антипротоны пучка нашли своих «партнёров».

В пульсирующем куполе «грибомедузы» образовалась огненная дыра. Вспыхнул ярчайший свет аннигиляции. Над куполом вырос дымно-пламенный фонтан.

«Грибо-медуза» резко затормозила.

«Голем» успел увернуться от очередного броска щупалец, рванул по прямой к кораблю.

Пламя аннигиляционного процесса погасло.

«Грибо-медуза» перестала метаться из стороны в сторону, «облизала» себя щупальцами, залатав рану, косо двинулась к спейсеру. Она явно не собиралась сдаваться.

— Командир, открываю шлюз! — крикнул бортинженер.

— Забирай его, — сказал Маккена. Повернул голову, посмотрел на побледневшую, вцепившуюся в кресло второго пилота женщину. — Простите меня, Роза. У нас нет выбора. Марча не вернёшь. Уходим.

Роза Линдсей не ответила. По щеке её поползла слеза...

Глава 11

ВЫШЕЛ ЗАЙЧИК ПОГУЛЯТЬ

На четвёртый день после выхода на работу в качестве инспектора ФАК Руслан ещё раз решил навестить координатора стройки, то есть бывшую жену, для решения «важных вопросов».

Конечно, в глубине души он понимал, что все свои «важные вопросы» он мог бы обсудить и с любым из заместителей Ярославы, однако покоя не давало постоянное присутствие при жене Серджо Веласкеса. Плюс — очень хотелось объяснить самому себе, почему это его так задевает. Никаких прав на личную жизнь Ярославы он не имел.

— Тихонова, — проговорил Руслан, бреясь и глядя на себя в зеркало туалетной комнаты; он уже второй день жил на территории жилого комплекса Суперструнника. — Интересно, почему она не поменяла фамилию?

Мягко проиграл мелодию визор.

— Включись, — приказал Руслан машинально.

В объёме связи появилось волевое сильное лицо. Тёмно-фиолетовые глаза сузились, разглядывая стоящего в одних плав-

ках Руслана. Он не сразу признал в нём того самого Тихонова, бывшего мужа Ярославы, ставшего новым начальником отдела.

— Простите! — Руслан мгновенно обмотал вокруг торса полотенце.

В необычного цвета глазах начальника мелькнули иронические огоньки.

— Доброе утро, инспектор. Впрочем, у вас уже день, насколько мне известно.

Руслан понял упрёк.

— Я поздно...

— Не оправдывайтесь, это ни к чему. Звоню же я по одной причине: на вас жалуются работники компании «Асур». Вы мешаете работать.

Руслан вспомнил жёсткие действия Жозефа Поллака.

— Я выполняю свои обязанности, не более того. Это мне мешают работать! Ни один строительный чиновник не имеет права не допускать инспектора ФАК к объекту!

— Все параметры Суперструнника давно обсуждены и утверждены на самом высоком уровне. Дженворп экологически безопасен. Экспертная комиссия ФАК приняла решение утвердить проект задолго до вашего появления на стройке.

— Что же, мы не можем даже контролировать нарушения в ходе стройки? Выяснять отклонения от проекта и анализировать их влияние на работу Дженворпа в будущем?

Тихонов пожевал губами.

— Нарушений быть не должно. Но у вас есть конкретные задачи: контроль доставки грузов и материалов, удаление отходов, работа персонала. Занимайтесь ими, но умерьте свой пыл, не лезьте туда, куда не надо.

— А куда не надо? — сделал непонимающий вид Руслан.

Тихонов смерил его фигуру глазами, в которых время от времени всплывали насмешливые искорки, посчитал, видимо, что инспектор в меру туп, и веско проговорил:

— Зайдите к заместителю главного конструктора Жозефу Поллаку. Он даст вам исчерпывающие объяснения по всем темам. Надеюсь, впредь жалоб на вас не будет.

— Разрешите выполнять? — вытянулся Руслан.

Начальник отдела отключил канал связи.

Руслан расслабился, размотал полотенце, сказал задумчиво:

— Что она в нём нашла? Он же надутый индюк!

«Он красив и уверен в себе», — осторожно заметил внутренний голос.

«Индюк! — упрямо возразил Руслан. — Он уверен в своей непогрешимости, вот в чём он уверен. Если бы это было не так, они были бы с ней вместе. Она и от меня ушла, потому что я тоже был максималистом и любил покомандовать».

«Это правда», — кротко согласился внутренний голос.

Руслан усмехнулся. В последнее время внутренний голос, отражавший в какой-то мере голос совести, всё чаще брал верх, но это уже не вызывало в душе бывшего раздражения.

«Допустим, Тихонов и в самом деле так крут, как кажется. На кого он работает? На ФАК, на себя лично или на Вирус? Он может стоять в стороне и думать, что заботится о деле.

Индюк тоже думал, что купается, пока вода не закипела. Мне не нравится его тон, мне не нравится его напоминание о конкретных задачах. Но более всего мне не нравится его приказ зайти к Поллаку. Это Поллак должен зайти ко мне, а не я к нему!»

Внутренний голос промолчал. В данном вопросе он своего мнения не имел.

Руслан оделся, зашёл в столовую, почти пустую по причине давно начавшегося рабочего дня (работала столовая круглосуточно), позавтракал. Пока ел, сформировалась окончательная причина, по которой он мог встретиться с координатором стройки. В конце концов, федеральный инспектор имел право в любой момент задать вопросы любому работнику независимо от его ранга. От этого зависела безопасность будущей эксплуатации строящегося объекта. И Руслан отправился в деловую зону Суперструнника.

Однако его встреча с Ярославой продолжалась всего три минуты.

Она приняла инспектора ФАК, выслушала его пожелания и направила к заместителю, сославшись на срочное заседание в офисе компании на Земле.

Ошеломлённый Руслан почувствовал, как загорелись уши.

— Ярослава... — сказал он, с трудом унимая сердце.

Женщина, отвечавшая на мысленные передачи и вызовы, читавшая возникающие в столешнице сообщения, порхавшая пальцами по сенсорной клавиатуре инк-управления, оторвалась от стола, посмотрела на него:

— Слушаю вас, инспектор. Что вам непонятно?

Руслан протрезвел, поднялся.

— Извини, я зашёл, чтобы просто поговорить с тобой.

— О чём?

Он встретил её затуманенный взгляд, в котором вдруг сквозь озабоченность протаяло сочувствие, слабо улыбнулся.

— Да ни о чём. Я был неправ тогда...

— Неужели?

— Но понял это недавно.

— Поздравляю. Если тебе больше нечего сказать...

— Есть, но не в такой обстановке. Ты отдыхаешь когда-нибудь? Может, встретимся вне стройки, на Земле?

— Зачем?

— Поговорить... о жизни.

— Не имеет смысла. Мы относимся к жизни по-разному. Извини, мне надо работать.

— Когда-то наше отношение к жизни не мешало нам жить вместе.

— Это время ушло.

— И всё же предлагаю встретиться. Найдёшь время?

— Не знаю. Я подумаю. А теперь иди.

Руслан направился к двери, не чувствуя ног. На пороге оглянулся. Ярослава задумчиво смотрела на него.

— Поллак имеет право останавливать инспектора ФАК?

— Нет.

— Благодарю. — Он вышел.

Витс-телохранитель Ярославы проводил его цепким взглядом, оценивая, очевидно, степень опасности клиента. Но аура Руслана не отражала агрессивных и угрожающих намерений. Наверное, она в данный момент излучала свет странной надежды и веры. Во что? Этого он и сам не знал.

Посидев несколько минут в баре за чашкой тоника, разложив мысли «по полочкам», Руслан направился к заму Ярославы. Визит к Жозефу Поллаку был излишен. Руслан и так знал все отклонения от проекта, внесённые разработчиками в реестр исполнения заказа. Вряд ли Поллак мог откровенно объяснить инспектору, чем вызваны эти изменения. Для оценки всех изменений в конструкции Суперструнника нужен был независимый эксперт.

Серджо Веласкес, обнаруженный инспектором в своём ра-

бочем модуле, принял его сразу, без проволочек, хотя был до предела занят: ему звонили сразу два десятка абонентов, ждали ответа какие-то монтажники, мялись неподалёку пограничники, появлялись, что-то клали на стол, забирали со стола и исчезали непонятные кибы и витсы.

— Слушаю вас, — бросил заместитель Ярославы, ловко манипулируя органайзером: над столом светилась многослойная световая панель управления стройкой.

— Вам передали мои вопросы по персоналу?

Веласкес вскинул на посетителя глаза.

— Персоналом занимается третий зам координатора Су Чонг.

— Су Чонг не решает вопросы по должностям первого уровня.

— А что там у нас с должностями первого уровня?

— Во-первых, их слишком много. Налицо дублирование выполняемых функций. Во-вторых, обнаружили «мёртвые души».

— Как вы сказали? — собрал складку на лбу Серджо Веласкес. — «Мёртвые души»?

— Гоголя вы не читали.

— Назовите того, кто в наше время читает книги. Достаточно просмотреть видеодайджест классики. Но я не понял, о чём идёт речь.

— В вашем департаменте числятся люди, которых на самом деле не существует. Возможно, они и существуют в реальности, однако в строительстве не участвуют. Но и это ещё не всё. Вокруг вас толкуются люди, которых здесь быть не должно. Они утверждают, что назначены экспертами, помощниками и консультантами по разным вопросам, но через службу трудоустройства на Суперструнник они не проходили.

— Пример? — хмыкнул Веласкес.

— Китайский астроном Сю Синьцзы.

— Не знаю такого. Я с ним не сталкивался. Кто ещё?

— Я дам полный интенционал по этой проблеме. — Руслан протянул прорабу матрикат¹. — Разберитесь, пожалуйста.

Веласкес с сомнением взял тонкую золотистую пластинку, небрежно бросил на стол.

¹ Матрикат — информационный носитель сообщений.

— У вас всё?

— Темпы строительства внезапно ускорились. Не скажете, кому нужна такая спешка? Не скажется ли она на качестве монтажа и контроля систем?

— Не скажется, — мотнул головой Веласкес. — На нашу компанию ещё никто не жаловался. Что касается ускорения темпов строительства, то это распоряжение Херцига. Причин я не знаю, спросите у него лично.

— Благодарю, — поклонился Руслан и направился к двери, боковым зрением отмечая общее движение посетителей — их в кабинете прораба набралось больше десятка — к столу.

В коридоре он пропустил группу спорящих о чём-то парней в универсальных «кокосах», медленно двинулся к транспортному отсеку. Веласкес наверняка был в курсе всех обозначенных инспектором проблем, но решать их не спешил, подчёркивая свою занятость. Что у него было на душе, находится ли он в более тесных отношениях с Ярославой, понять было трудно. Раскрывать свои чувства он не хотел. Интересно, знает ли он, что Ярослава — бывшая жена инспектора Горюнова?

— Что? — оглянулся старик в белом унике с эмблемой компании «Асур» на рукаве.

Руслан понял, что последние слова он произнёс вслух.

— Извините, это не вам.

Ноги сами принесли его в бар. К счастью, знакомых в нём не оказалось, и Руслан с облегчением заказал горячий шоколад. Несколько минут он размышлял о своей несостоятельности как агента контрразведки. Потом зашёл к себе в жилой модуль, набрал код-номер консьорт-линии Воеводина. Однако тут же дал отбой и прислушался к своим ощущениям. Показалось, будто на него внимательно посмотрела стена комнаты.

«Зараза! — мысленно проговорил он, имея в виду неизвестного негодяя, пытавшегося подсмотреть, что делает хозяин бокса. — Где ты засел, гад?»

Руслан активировал систему поиска «наноклопов», вшитую в рабочий уник, и с удивлением обнаружил источник «глухого молчания», указывающий на наличие в комнате загадочной «неправильности». Все детали интерьера гостиничного номера «фонили», то есть светились в инфракрасном диапазоне или испускали слабое микроволновое излучение. Но одна небольшая

зона в самом углу комнаты, размером с половину ногтя, не излучала ничего. Объяснить сей феномен можно было только присутствием в данном месте микроаппарата, поглощающего все виды излучений — для защиты скрытого от глаз устройства. Не чем иным, кроме как «ухо-глазом», то есть видеокамерой, это устройство быть не могло.

«Шустрый, — мысленно позвал Руслан терафима, — запусти «муравья».

Терафим ответил обычным «слушаюсь» и запустил особую поисково-активную систему, которую контрразведчики называли «муравьём». По сути это был «наночервь», способный находить и уничтожать подобных ему «червей». В комплект защитных средств, переданных Руслану помощником Воеводина Иваном, входило два десятка таких «муравьёв».

Перед глазами Горюнова развернулся видимый только ему визирный лист целеуказаний. Он навёл зелёный крестик прицела на «точку глухого молчания» в комнате, мысленно скомандовал:

«Пуск!»

Вспыхнула алая искорка «муравья», пулей пронзила пространство комнаты и вонзилась в стену.

Самого «муравья» Руслан, естественно, не увидел, так он был мал. Но это не играло никакой роли. Процессом поиска подслушивающего устройства занималась инконика костюма, которая знала своё дело.

Пульсирующая алая искорка поелозила по стене, стала ярче, исчезла. «Муравей» выполнил задание и самоликвидировался.

«Всё чисто», — доложил терафим.

«Интересно, кто подбросил мне «клопа»?»

«Не могу знать, — сказал Шустрый. — Надо было оставить в двери «глаз».

Он имел в виду видеокамеру слежения.

«Повесим», — согласился Руслан, теперь уже без опаски включая рацию.

Воеводин не включил со своей стороны «обратку», вином остался прозрачно-пустым, но голос начальника контрразведки был слышен отчётливо:

— Что случилось?

— Я только что ликвидировал «клопа».

— Этого следовало ожидать. Выходите на связь только вне Суперструнника. Причина вызова?

— У меня возникли сомнения в необходимости переделки Суперструнника. Нужна консультация. Но эксперт должен быть высокого уровня, не ниже уровня самого Херцига.

В объёме передачи «пошёл снег»: замелькали косо вращавшиеся «снежинки». Это означало, что кто-то пытался вскрыть канал связи, используя высокоскоростные программы декодирования.

— Чёрт, нас всё равно пытаются подслушать!

— Вижу, — спокойно отозвался Воеводин. — Отбой связи. Я найду вам консультанта и позвоню.

Виом собрался в световую нить, исчез.

Руслан невольно посмотрел на потолок, будто мог увидеть за ним тайного агента или техническое устройство, караулившее каждое его движение. Погрозил потолку кулаком. Было ясно, что Вирус взял его под контроль, а он только теперь обнаружил элементы слежки.

«Кто живёт под нами? И над нами?»

«Не знаю».

«Выясни».

«Слушаюсь».

Руслан посидел немного в расслабленной позе, ловя себя на мысли: не зря ли он взялся за эту работу? Насколько проще было заниматься привычным делом в Спас-центре!

Мысль затронула самолюбие. Усилием воли Горюнов подавил рефлексию и начал действовать.

Сначала прицепил к двери номера «глаз» — микровидеокамеру размером с десяток бактерий. Вторую такую же камеру он подвесил к потолку. В случае проникновения в бокс непрошенных гостей видеокамеры должны были подать предупреждающий сигнал и зафиксировать действия гостей.

Затем Руслан сел в кабину флайта и, не предупреждая погранслужбу, вылетел за пределы жилых пирамид Суперструнника. Захотелось самому полюбоваться конструктивными доработками Дженворпа и оценить их необходимость. Или отсутствие таковой.

«Рога с ушами», представлявшие собой, по словам разра-

ботчиков проекта, дополнительные антенны системы настройки генератора, значились в маршруте Руслана первыми. Он решил начать с них для очистки совести, не ожидая от антенн никакого подвоха.

Флайт «Пассат» взлетел над сверкающей фермой Суперструнника, влился в реденький поток летательных аппаратов, выходящих вокруг фермы, как пчёлы вокруг улья.

Снова на Руслана снизошло чувство масштаба, охватывающее душу каждый раз при взгляде на бескрайнее звёздное поле космоса. Паутинка Суперструнника внизу, приходящая из ниоткуда и уходящая в никуда, не впечатляла. И всё же именно это «хлипкое» на вид сооружение, весившее бы на Земле миллионы тонн, запросто могло взбаламутить космос, изменить условия его существования таким образом, что людям в «новом континууме» не нашлось бы места.

Руслан поёжился.

Он не знал, чего добивался Вирус, иницилируя создание человеческой цивилизацией подобного сооружения, но не сомневался, что цели Вируса благими не были.

На блестящей ниточке «железной дороги» появились «рога» — те самые антенны, которых не было в изначальном варианте Суперструнника. Издали они казались лёгкими и хрупкими, как крылышки стрекозы, но вблизи закрыли собой весь обзор, создавая странное впечатление внутренней мощи. Руслан с недоумением и опаской облетел вокруг стометровых «стрекозиных крылышек», гадая, что изменилось с момента первого облёта антенн, и вдруг понял, что ажурные лопасти, прилепившиеся с четырёх сторон фермы, соединяются глыбой кристаллического стекла, близкой по форме к веретену. Диаметр глыбы составлял около десяти метров. Раньше этого узла, расположенного внутри фермы, над её центральной трубой, не было.

Руслана, а точнее «Пассат», которым он управлял, запросил инк охраны Суперструнника. Руслан назвал код допуска. Возражений против приближения аппарата к узлу антенн не последовало. Он вздохнул с облегчением. Уже надоело доказывать всем службам стройки, что он имеет право осматривать любой участок сооружения.

«Пассат» медленно опустился к сверкающим под лучом прожектора швеллерам фермы.

Кристаллическая — веретено отражало свет как друза кристаллов — глыба оказалась чем-то вроде терминала, внутри которого находилось несколько помещений. Руслан почувствовал это и без помощи радарного просвечивания веретена. Это означало, что смонтированное совсем недавно сооружение действительно служит центром управления антеннами, равно как другие терминалы, управляющие теми или иными исследовательскими комплексами Суперструнника.

Руслан помигал прожектором.

В кристаллической глыбе терминала ответно мигнула зелёная звезда, на торце глыбы появилась алая окружность, обозначающая створ транспортного причала. Автоматика терминала была готова принять аппарат.

Руслан включил систему посадки.

Флайт опустился к торцу веретена, проскользнул в протаявшую в сплошной кристаллической броне дыру, сел на пол небольшого ангара. Здесь уже стоял флайт такого же класса, четырёхместный, но никто Руслана не встретил. Возможно, на флайте прилетели специалисты по настройке терминала, которые в данный момент занимались своими делами.

Сила тяжести внутри помещений веретена отсутствовала. Пришлось вспомнить опыт передвижения в космической пустоте. Приятного в этом было мало, но Руслан быстро адаптировался к условиям невесомости.

Инк обслуживания терминала на вызовы не ответил.

Однако дверь отсека разошлась лепестками диафрагмы, как только Руслан приблизился к ней.

Он прислушался к шелестящей тишине внутри веретена, и ему показалось, что по стенам коридора пробежали какие-то невидимые насекомые. Причём опасные насекомые, которые здесь не должны были находиться.

Впрочем, насекомых в коридоре в действительности не было. Это экстрасенсорика организма отреагировала на следы чьего-то присутствия.

Руслан разгерметизировал костюм, принялся к запахам в коридоре: пахло вполне «технологично». Тогда он сконцентрировал внимание на внутренних переживаниях. И насторожился. В отличие от настоящих запахов «пси-запахи» внутри терминала носили оттенок враждебности. Специалисты по настройке

аппаратуры не могли иметь такие агрессивные, мрачные, предупреждающие биополя.

«Шустрый, готовность один!» — скомандовал Руслан.

Терафим молча высветил на внутренней пластине шлема красное колечко тревожного режима.

Оружия у Руслана с собой не было, инспекторы ФАК не имели права его носить, но кое-что из арсенала контрразведчик всё же имел. Кроме того, он был хорошо тренирован и надеялся на врождённое чувство опасности, не раз помогавшее ему в спасательных операциях.

Коридоры сооружения давили тишиной.

Руслан пересёк первый, самый нижний, отталкиваясь от стен, пола и потолка то рукой, то ногой. Нашёл лестницу, поднялся на второй этаж.

Такой же коридор, те же белые овалы дверей, закрытых наглухо, не воспринимающих ни мысленных, ни голосовых, ни радиокоманд.

Ещё один лестничный колодец, ведущий на последний этаж веретена. Никого и здесь. Странно. Отчего же внутренний голос шепчет о «флюидах угрозы», плывущих по коридорам?

Одна из дверей посреди коридора вдруг приглашающе раздвинула створки.

Руслан замер, «встопоршив» все экстрасенсорные «антенны» организма. Показалось, кто-то тихо позвал его.

— Кто здесь?

Слабое эхо в ответ. Слабый шорох.

Он заглянул в помещение, внутри которого светились огоньки какой-то установки.

— Свет!

Однако приказ на местную автоматику не подействовал. Светлее в помещении не стало.

Чувствуя ж и в о е, Руслан осторожно вплыл в помещение, сканируя весь его объём всей чувственной сферой.

По полу небольшой комнаты — четыре на пять метров — процокали невидимые коготки.

Сомневаясь в своей трезвости, Руслан включил нашлемный прожектор, пошарил лучом света по углам комнаты, обогнул включённую в ждущий режим установку (по-видимому, это был комплекс управления антеннами), и тотчас же по спине пробежали морозные мурашки. Не задумываясь, он нырнул на

пол, и сгусток радужного огня прошил воздух над спиной, проделал в стене помещения чёрный шрам; стреляли из плазмера. Руслан отскочил от пола (невесомость, мать её!), оттолкнулся от потолка, послал тело к выходу, надеясь перехватить того, кто стрелял. Но стрелок не стал ждать «продолжения банкета», не зная, как вооружён инспектор, и успел скрыться в коридоре. Возможно, его костюм был оборудован антигравом.

Руслан прислушался к удалявшемуся источнику пси-шума. Внутреннее зрение отметило движение в транспортном отсеке терминала, вздохнул шлюз, выпуская летательный аппарат. Затем раздался приглушённый переборками, сопровождаемый визгом раздираемого металла взрыв. Это взорвался флайт, на котором прилетел Руслан.

— Вот сволочь! — беззвучно выговорил он одними губами.

Поскольку никаких «насекомых» больше в помещениях терминала не было слышно, Руслан не стал таиться и красться по коридорам. Через две минуты он был возле транспортного отсека.

Дверь в отсек не отреагировала на его приказ открыться. В её толще сонно помаргивал красный огонёк. Очевидно, взрыв флайта нарушил герметичность отсека, и автоматика заблокировала выход наружу.

— Собака бешеная, как же я выйду? — спросил Руслан неизвестно у кого.

В наушниках костюма проклюнулся тонкий писк вызова.

Он включил личную консорт-линию.

— Инспектор, вы живы? — раздался чей-то хриловатый голос.

— Кто это? — нелюбезно осведомился Руслан.

— Иван Грымов.

— Ваня, я попал в ловушку. На Суперструннике есть надстройка в форме «рогов и ушей», это...

— Знаю, дополнительный каскад антенн. Что произошло?

— Кто-то стрелял в меня... и взорвал флайт.

Иван хмыкнул:

— По-серьёзному?

— Что?

— Вас действительно хотели убить или только припугнули?

Руслан помолчал, прокручивая в памяти последние события.

— Похоже, только попугали.

— Понятно. Ждите, к вам скоро придёт помощь. Заметили кого-нибудь?

— Нет, никого, — с сожалением признался Руслан.

— Жаль. Ладно, разберёмся. — Голос Ивана пропал.

Руслан поплавал в похолодевшем воздухе у двери в отсек, не зная, что делать дальше, потом начал по второму разу обследовать терминал.

Ему удалось проникнуть в ещё одно помещение на втором этаже строения, где, по всей видимости, и прятался неизвестный киллер, но в нём сгрудились лишь синие и жёлтые контейнеры с каким-то оборудованием. Двери остальных помещений не открывались.

Через двадцать минут к веретену терминала пристыковался пограничный модуль, и Руслан лицом к лицу столкнулся с Ярославой.

Она быстро оглядела его, ошеломлённого неожиданной встречей, с ног до головы. Лицо женщины под прозрачным кокусом шлема прояснилось.

— Мне сказали, что ты... что инспектор ФАК попал в аварию.

— Извини, — виновато развёл руками Руслан, — не повезло.

— Что случилось?

— По какой-то причине взорвался мой летун. А ты одна?

— Что значит — одна? — подняла брови Ярослава.

— Обычно рядом с тобой этот бравый мачо Веласкес.

Лицо Ярославы стало каменным.

— Вы очень наблюдательны, инспектор. Будьте добры, не попадайте в ситуации со взрывами. Может быть, вам лучше сменить профессию?

Она повернулась, прошла сквозь группу расступившихся космонов и исчезла в отсеке.

Кто-то дотронулся до его плеча. Руслан повернул голову.

— Вам действительно повезло, инспектор, — сказал пограничник Мешем вежливо. — Флайт мог взорваться и позже.

Руслан с трудом заставил себя думать не о бывшей жене, а о делах.

— Я понял, лейтенант. Пойдёмте выпьем?

— Почему бы и нет? — согласился Мешем.

Глава 12

ПОРА УХОДИТЬ

Звонок визора раздался, когда Воеводин закончил ухаживать за клумбой; территорию коттеджа он с великим удовольствием облагораживал сам.

— Включи, — скомандовал он домовому, снимая тонкие рабочие перчатки.

Над плоским блюдом хозяйственного кйба вырос виом связи.

— Доброе утро, — сказал появившийся в виоме Людвиг Ван Бреевен, министр юстиции Объединённого Правительства Европы.

Министру исполнилось семьдесят девять лет, он и выглядел на все семьдесят девять: морщинистый, с пепельно-седыми прядями волос, худой, печальный. Хотя при этом старик обладал острым молодым умом, быстрой реакцией и креативным мышлением. Воеводин знал его почти пятнадцать лет и всегда поражался энергии, заключённой в этом немощном с виду теле. Неизвестно, догадывался ли Ван Бреевен об истинной профессии Воеводина, однако консультантом был отменным.

— У нас уже десять часов, — сказал командир «Сокола», ответив на приветствие.

— У нас восемь, — сказал Ван Бреевен; жил он в Брюсселе. — Мне доложили, что ты меня искал, Стефен.

— Есть предмет для разговора.

— Не соблаговолишь навестить старика в его скромном жилище? Сегодня мне не хочется шляться по гостям.

Разговор шёл на английском, но слово «шляться» голландец произнёс на русском.

Воеводин улыбнулся.

— Буду у тебя через полчаса.

Бреевен кивнул, и виом погас.

Воеводин не спеша собрал инструмент, умылся, переоделся в обычный гражданский уник с эмблемой пенсионной службы, какое-то время размышлял, не воспользоваться ли спецтранспортом. Официально он имел право пользоваться гаражом муниципальных властных структур — как гражданин с высоким социальным статусом: двенадцать лет назад он был мэром Бря-

ска. То, что он в настоящее время является советником Службы безопасности, не говоря уже о руководстве «Соколом», было известно лишь паре человек в высших эшелонах федеральной власти.

«Контроль», — мысленно вызвал он встроенную в коттедж систему наблюдения, контроля и анализа внешней обстановки.

«Горизонт чист, — доложил инк контроля. — Потоки внимания в пределах фона».

Это означало, что никто не интересовался коттеджем советника, в том числе — с орбитальных станций и спутников, никто специально не следил за его передвижением с помощью микроустройств типа «нанокомар».

— Охрана, машину.

Плавню уехала вниз створка личного гаража, наружу выскользнул флайт «Мазда» цвета «брызги шампанского».

Воеводин залез в кабину, за ним ловко шмыгнул витс охраны, и флайт взял курс на метро города. Через несколько минут Воеводин со спутником вылезли из флайта на площадке аэропаркинга у центрального метро Смоленска. Ещё через минуту они вышли из метро Брюсселя.

Ван Бреевен жил в обычном жилом модуле многоэтажной башни, хотя как министр имел право на коттедж. Квартира его и в самом деле не поражала роскошью, но и аскетическим её убранство назвать было нельзя: стандартная пятикомнатная урбанада, в меру уютная, без особых изысков и излишеств. Современные интерьерные решения были поразнообразней.

Воеводин пожал руку хозяину, вышедшему встретить его в официальном унике правительственного чиновника.

— Куда-то собрался?

— Предлагаю позавтракать в нашем ресторанчике. Мы там бывали.

— Помню, «Дольче» называется, так? Я не голоден, но составлю компанию.

Они поднялись на верхний этаж здания с круговым панорамным окном, через которое открывался великолепный вид на город и его окрестности.

Ван Бреевена здесь знали, и официант, с виду — живой человек, предложил им столик у окна.

— Наверху есть места? — спросил министр.

— Там молодёжь гуляет, — ответил официант виноватым тоном.

Ван Бреевен поиграл бровью:

— Так рано?

— Ещё с ночи остались. Кто-то из них выиграл в казино, вот и празднуют.

— Посмотрим.

Они поднялись на крышу здания, превращённую в летнюю веранду ресторана.

Здесь и в самом деле расположилась пёстрая молодёжная компания. Почти все столики под зонтиками были заняты. Но не это остановило Ван Бреевена и его гостя. Молодые люди, одетые в немыслимые цветные блузоны, прозрачно-мигающие платья, шорты и скуфии — по последней моде, вели себя не просто свободно, а непристойно свободно! Они сидели друг у друга на коленях, лежали на столах, танцевали в центре площадки, кричали, смеялись, пили, курили, и воздух был насыщен цветными дымками и сладковато-приторными запахами, от которых кружилась голова.

Несколько пар целовались, причём как парни с девушками, так и парни с парнями. Ещё несколько молодых людей имитировали любовь, прижимаясь друг к другу и скользя руками по разгорячённым телам.

Ван Бреевен и Воеводин переглянулись.

— Первый раз вижу тут такое, — проворчал министр озадаченно. — Прошу прощения.

— Это уже давно стало нормой, — сказал Воеводин. — Даже у нас, в России, моральные институты работают плохо.

— Пойдём вниз.

Они спустились в ресторан, сели у прозрачного, практически невидимого окна. Официант возник рядом как привидение. Всё-таки он был всего лишь вифом¹, а не живым человеком.

— Что прикажете?

— Уберите ту компанию, наверху. Чёрт-те что у вас творится!

— Извините, это не в моей компетенции. Они никому не мешают, ведут себя тихо.

¹ Ви ф — видеофантом.

— Тогда подожди немного, мы тебя вызовем.

Официант исчез.

— Успокойся, Людвиг, — сказал Воеводин. — Не делай резких телодвижений. Это бесполезно, всё равно что воевать с мельницами. Нужны иные меры.

— Меры давно разработаны, только их никто не выполняет. Самое плохое, что дети от такой псевдолюбви не рождаются. Население Европы поддерживается только за счёт миграции с юга. Ты заметил? Разнополых пар среди них меньше, чем однополых.

— Скорее всего это трикстеры. Мужикам вообще, судя по всему, грозит вымирание. Игрек-хромосома, благодаря которой мы рождаемся на свет, неуклонно теряет гены. Вот почему всё чаще рождаются гермафродиты и трикстеры, представители третьего пола. Уже можно вести речь о стастистике. И этот процесс идёт везде, мой друг. Просто в Европе это заметней. Вы стали слишком изнеженными и мягкотелыми, чтобы поддерживать порядок.

— Ты прав, — согласился старик. — Мы настолько сильно привязаны к благам цивилизации, что малейшее изменение климатических условий или текущего статуса приводит к нервным срывам. Уровень рождаемости в Европе сведён к нулю. Мы уже на восемьдесят процентов азиаты. Которые, кстати, тоже воспитаны с желанием пользоваться всеми ценностями цивилизации, не давая ничего взамен.

— Это закономерный процесс. Наши расы уходят, на их место приходят более жизнеспособные, пассионарные народы.

— К чёрту их пассионарность! Они точно так же поддерживают распушенность, помноженную на дремучую дикость.

— В первую очередь европейцы виноваты в падении нравов сами. Разложение общества достигло таких масштабов, что это позволило пришлым народам без усилий расправиться с вами. Они же ненавидят вас в силу слишком большой разницы в уровне культуры. Беспорядочные половые связи и религиозные предрассудки всегда становились главными причинами крушения цивилизаций в прошлом. Вспомни Рим, Византию, Афганистан, Ирак, Соединённые Штаты.

— Штаты ещё держатся.

— Да какое там — держатся! — махнул рукой Воеводин. —

Они погрязли в сытости и конформизме, их внутренние отношения настолько формализованы, что ни о каком выживании речь не идёт. Они уже никогда не поднимутся до уровня мирового жандарма. Вот Китай поднимется, верю.

Ван Бреевен стал печальным.

— Завидую вам, русским. Вы ещё можете заставить себя жить не хлебом единым, а главное — рисковать. Мы уже потеряли это качество.

— Мы не заставляем себя рисковать, — улыбнулся Воеводин. — Мы так живём испокон веков. Но давай не будем углубляться в философские дебри. Что случилось, что ты мне позволил?

— Пришла пора уходить, — пробормотал Ван Бреевен как бы про себя, поднял голову. — Жизнь неумолима. Стефен, скажи пожалуйста, ты должен знать, Джона... убили?

Воеводин понял, о ком идёт речь. Мысленно приказал терафиму включить систему аудиозащиты. Теперь их никто не мог подслушать.

— Убили, Людвиг. Почему тебя это интересует?

— В последнее время новостные каналы пестрят сообщениями о внезапных смертях вполне здоровых людей. Технари, учёные, правительственные чиновники... теперь вот сотрудники спецслужб.

— Джон Ву был не простым сотрудником.

— Что происходит, Стефен?

Воеводин помедлил, глядя на панораму Брюсселя двадцать четвёртого века: старинных зданий было много, а высотных зданий мало.

— Людвиг, что тебя держит в Европравительстве? Привилегии, слава? Привилегий у тебя и без того хватает, а слава тебе не нужна. Уходи, пока не поздно.

— Ты не ответил на вопрос.

— Я всего лишь советник Службы безопасности.

Ван Бреевен усмехнулся.

— Вот и ответь мне как советник. Правда, что начинается очередной корпоративный передел мира?

Воеводин выслушал мысленное сообщение бригады сопровождения:

«Горизонт чист. Полевая обстановка нормальная. Потоки внимания в пределах фона».

Это означало, что разговаривающими в ресторане никто не интересовался.

— Ну, это вряд ли. Что за фантазии? Сам же говорил, что и европейцы и американцы погрязли во грехе, им не до передела. А исламское движение лишь поддерживает свою структуру, ему не нужен захват власти в глобальном масштабе.

— Китайцы?

— Китайцы действительно амбициозны и устремлены к «гегемонии пролетариата», но при этом они понимают, что открытая экспансия чревата непредсказуемыми последствиями. Их самолюбие тешит то обстоятельство, что их держава занимает одну из ведущих позиций в мире.

— Они слишком бесцеремонно присваивают себе территории на других планетах, астероиды и даже целые планеты у других звёзд.

— Мы слабеем, друг мой, и на наше место приходит иная сила. Но уверяю тебя, китайцы здесь ни при чём. Хотя рядовые жители Поднебесной и могут поддерживать...

Ван Бреевен подождал продолжения:

— Что поддерживать?

— Экспансию, Людвиг, — тихо, но твёрдо сказал Воеводин, глядя в прозрачные глаза старика. — Нас атаковали. Когда мы опомнились и поняли, в чём дело, многие оказались на той стороне. В том числе и высокие должностные лица. Они есть и в нашем Правительстве, и в спецслужбах. Поэтому уходи. К тебе придут и предложат работать на них добровольно. Если не согласишься, в твоё сознание внедрят спецпрограмму, отчего ты станешь зомби, либо... убьют. Как убили Джона.

Ван Бреевен поник, провёл рукой по щеке, словно стирая невидимую слезу.

— Примерно так я это себе и представлял: захват... Кто они?

— Не знаю, — честно ответил Воеводин. — Служба работает, но результатов пока мало. В наших рядах также окопались агенты Вируса, которые пресекают все попытки анализа ситуации.

— Вируса?

— Так мы называли агрессоров.

— Ради чего они всё это делают?

— Не поверишь, — раздвинул губы в усмешке Воеводин. — С их подачи и начала реализовываться программа строительства Суперструнника. То есть по сути пятнадцать лет назад.

Ван Бреевен удивлённо посмотрел на собеседника:

— Зачем им Дженворп?

— И этого я не знаю, — вздохнул Воеводин. — Хотел бы знать. Но все события развёртываются вокруг него. Больше я ничего не могу сказать.

Ван Бреевен пригорюнился.

— Значит, и вправду пора уходить.

— Завтракать будем?

— Что? Ах, да... конечно... официант, — позвал министр.

Воеводин выключил скремблер.

— Официант!

У стола возник вежливый молодой человек.

— Яичницу из трёх яиц, — сказал Ван Бреевен, — с ветчиной и зеленью, кефир, горячие булочки. — Он поколебался немного. — И принеси-ка, данскер, водки.

— Марка? — спросил официант.

— «Русский размер». Граммов сто... нет, двести.

— Вам? — посмотрел виф на Воевอดина.

— Творожное консоме, горячее молоко, — заказал он.

— Водка?

— Не надо.

Официант исчез.

Воеводин посмотрел на задумчиво-горестное лицо министра.

— Водка, с утра?

— Хочу отключиться, — скривил губы Ван Бреевен.

— Почему именно «Русский размер»?

— Ваша водка лучшая в мире, а «Русский размер» мне посоветовали друзья. Утверждают, что она самая чистая и мягкая, а самое главное — после неё не болит голова.

— Если пить в меру.

— Я всегда пью в меру. Но ты меня разволновал, Стефен. Неужели всё так плохо?

— Не всё, — улыбнулся Воеводин. — мы ещё живы, а значит, ещё можем изменить мир к лучшему.

К столику подплыл плоский киб с заказом, ловко расставил

блюда, налил из небольшого пузатого графинчика водку в стаканчик. Возникший как привидение официант спросил:

— Что-нибудь ещё?

— Спасибо, ничего.

Ван Бреевен взял изящный стаканчик двумя пальцами.

— Может, выпьешь со мной? Как там у вас говорят? За здоровьем?

Воеводин качнул головой:

— Мне ещё клумбу чистить надо.

Министр понимающе усмехнулся, опрокинул в рот стаканчик. Подержал водку во рту, проглотил. Глаза его стали круглыми.

Воеводин подал ему ломтик хлеба.

— Занюхай.

Ван Бреевен поднёс хлеб к носу, просипел:

— Настоящий русский размер! Мозги как сквозняком продуло! Как вы это пьёте?

— Закалка, — пожал плечами Воеводин. — Есть поговорка: пока русский пьёт, боги делают за него дела.

Ван Бреевен посидел немного, прислушиваясь к своим ощущениям, жестом приказал официанту налить ещё. Киб исполнил приказ.

— Ещё раз будем здоровы.

Графинчик опустел.

Глаза Ван Бреевена затуманились, на щеках выступил румянец.

— Жить хочется, честное слово! Закажу себе домой пару бутылок. Буду рекомендовать «Русский размер» всем родичам, кто ещё не пробовал.

Они принялись за еду.

Ван Бреевен завёл было речь о воспитании детей, но сбился и ушёл в себя. Видно было, что он опьянел.

Позавтракали в молчании. Воеводин помог министру спуститься вниз, в квартиру, усадил на диван.

— Мне надо идти, Людвиг.

— За клумбой ухаживать? — расплылся в хитренькой улыбке Ван Бреевен.

— Дела. — Воеводин пошёл к двери, оглянулся. — Звони, если понадобится.

— Значит, ты считаешь, что Вирус уже пятнадцать лет строит Дженворп? — вдруг совершенно трезвым голосом спросил старик.

Воеводин пристально посмотрел на него.

— Никому об этом ни слова, Людвиг! Стоит им узнать, что мы догадываемся о положении дел, нас не пощадят.

— Не волнуйся, советник, я не враг ни тебе, ни себе. Буду думать, что делать дальше.

Воеводин вышел.

Каждый уровень здания имел угловую площадку для посадки лёгкого личного транспорта. Руководителя «Сокола» ждал мощный «Хаммер», в котором смирно сидели трое оперативников бригады сопровождения.

— Прицепите к нему «эшелон», — сказал Воеводин, залезая в кабину «Хаммера». — Он человек дальновидный и вряд ли позволит сболтнуть лишнее, но лучше исключить случайности.

Рослый командир группы отдал распоряжение. Через минуту рядом сел спортивного вида «Порш» с двумя молодыми людьми. Парни помахали руками — это были оперативники бригады поддержки, — и «Хаммер» взлетел. Уже когда аппарат подлетал к метро Брюсселя, позвонил Грымов:

— Степан Викторович, на Руслана было организовано нападение.

Воеводин раздул ноздри.

— Он жив?!

— Всё в порядке, парень реактивный, да и нападение больше смахивает на предупреждение инспектору ФАК. Если бы они хотели его убрать, запустили бы нанокиллера. Наши ребята занялись выяснением обстоятельств инцидента. Сам Руслан никого не видел.

— Хорошо, продолжайте подстраховывать его. Он там как бельмо в глазу у агентов Вируса. Его не оставят в покое.

— Подстрахуем.

— «Ра» молчит?

— Молчит.

Воеводин выключил мобильник.

«Хаммер» сел у кристаллической глыбы брюссельского метро.

Глава 13

БАЙ-БАЙ

Расследованием инцидента в транспортном отсеке антенного терминала занялась Служба безопасности, но Руслан не ждал от следователей каких-то откровений. В любом случае вычислением личности нападавшего должны были заняться агенты Вируса, поэтому ждать результатов не стоило. С другой стороны, можно было попытаться вычислить киллера по степени воздействия инспектора ФАК на структуры строительной компании, чем Руслан и занялся. Каково же было его удивление, когда первыми отреагировали на возникшую проблему работники клуба «Бай-Бай».

В жилой зоне Руслана встретила очаровательная блондинка в унике с эмблемой компании обслуживания — веник в красном круге, — кокетливо улыбнулась:

— Вы Руслан Горюнов, инспектор ФАК?

— Инспектор, но не «фак», — улыбнулся в ответ Руслан; заговорила блондинка на английском.

— Меня зовут Марлен, я уполномочена передать вам предложение моего шефа.

— Передавайте, — кивнул Руслан. — А кто ваш шеф?

— Директор клуба «Бай-Бай».

Руслан пристально посмотрел на блондинку:

— По-моему, мы с вашим шефом обо всём договорились.

— Всё-таки ознакомьтесь с предложением. — Девушка протянула Руслану блестящую пуговку флэшки.

Заворчал терафим:

«Это небезопасно! Не бери!»

Руслан и сам почувствовал некую ауру тревоги, окружавшую красавицу, однако вынужден был играть свою роль инспектора до конца.

— Хорошо, прочту. — Он небрежно сунул флэшку в карман уники.

— Не хотите побывать у нас в гостях? Мы примем вас по VIP-классу.

— Возможно, я найду для этого время.

— Не пожалеете, — обещающе улыбнулась блондинка Марлен. — Будем ждать.

Покачивая бёдрами, она удалилась походкой топ-модели. Фигура у неё была потрясающая.

Интересно, подумал Руслан, кто она шефу «Бай-Бай»? Секретарша, помощница, любовница? Или всё вместе?

Он спохватился, поспешил к себе в номер, заперся и воткнул пуговку флэшки в гнездо на вириале персонального инка.

— Открой.

Инк послушно развернул запись.

Перед Русланом соткался из воздуха безликий силуэт мужчины (синтезированный «призрак», не имеющий никаких примет), зазвучал басовитый мужской голос:

— Инспектор, мы могли бы договориться. Вы закрываете глаза на деятельность клубов развлечений на территории коммунальных зон Дженворпа, мы переводим на ваш счёт некую сумму.

Руслан невольно усмехнулся, хотел спросить: о какой сумме идёт речь? — но голос продолжил:

— Речь идёт о сумме с шестью нулями. Если наше предложение вам понравится, в баре вы найдёте Марлен. Всего самого наилучшего.

Мужчина без лица замолчал.

И тотчас же флэшка превратилась в струйку дыма, самоликвидировалась. Руслан не успел даже сказать инку, чтобы тот записал сообщение в память.

«А могла быть и бомба!» — проворчал бдительный терафим.

Руслан тоже подумал об этом. Если уж кто-то решил по-настоящему устроить охоту на чересчур настырного инспектора ФАК, то следовало ждать от него любых пакостей.

В бар он не пошёл. Его ждал господин Фердинанд Херциг, неожиданно пожелавший принять инспектора в своей резиденции.

Рабочий модуль главного конструктора Суперструнника мало чем отличался от других модулей, в том числе от кабинета Ярославы. Но во время своего первого посещения Херцига Руслан больше внимания уделял хозяину кабинета, теперь же предпочёл незаметно осмотреться и выявил множество мелких деталей, неплохо подчёркивающих характер владельца. По ним он и составил примерный психотип учёного, разработавшего теорию «вакуумного квантового кристалла».

Психологи назвали бы носителя такого психотипа «экстравертным логиком». Люди подобного склада, с одной стороны, стараются поддерживать деловые отношения с коллегами, с другой — замкнуты, неконтактны, уверены в своей непогрешимости и ориентированы лишь на формальное общение.

Херциг снова рассматривал объёмное изображение какой-то сложной установки, медленно вращавшейся вокруг оси: вином занимал чуть ли не половину кабинета, — и заговорил с гостем не сразу.

— А, это вы, инспектор? Проходите, присаживайтесь. Могу угостить зелёным чаем.

— Благодарю вас, господин Херциг. Если вы хотели только напоить меня чаем...

Автор проекта оторвался от созерцания вращавшейся конструкции, глянул на Горюнова.

— Мне сообщили, что вы попали в неприятную историю.

— Да, в меня стреляли, — сообщил Руслан.

— И что же?

— И не попали.

Херциг сдержал улыбку, хотя в глазах его запрыгали весёлые искры.

— Рад, что всё закончилось благополучно. Вы знаете, кто это сделал?

— Пока нет, но надеюсь узнать. Расследованием занимается Служба безопасности, так что волноваться нечего.

— Что ж, рад, что вы уцелели. Каковы ваши впечатления от нашего шедевра?

— Грандиозная машина! — честно признался Руслан. — Даже самые большие земные ускорители смотрятся на его фоне как игрушки.

— Ну, это не совсем ускоритель и даже совсем не ускоритель.

— Всё равно Суперструнник выбьет из вакуума целый ливень всяких элементарных частиц, для чего и создавались ускорители.

— По большому счёту вы правы. Значит, вы уже освоились и включились в работу. Есть проблемы?

— У кого их нет? — пожал плечами Руслан. — Мне даже

предложили закрыть глаза на кое-какие нарушения, пообещали заплатить.

— Вот как? — удивился Херциг. — Кто же это у нас такой смелый? Неужели мои инженеры?

— Нет, это сопутствующие структуры. Не хотят тратиться на цивилизованную уборку мусора.

Херциг улыбнулся.

— Я уже расстроился. Кто же вам не побоялся сделать такое предложение? Если не секрет, конечно.

Руслан сделал вид, что колеблется.

— Вам я могу сказать: это клуб «Бай-Бай».

Херциг фыркнул, покачал головой.

— Неужели в наше время ещё возможны подобные ситуации? Ведь если информация о подкупе должностного лица всплывёт, этими негодяями займутся правоохранительные органы. Вы не боитесь, что они... м-м, прибегнут к угрозам?

— Не боюсь! — сделал решительное лицо Руслан. — Я здесь и поставлен для того, чтобы навести порядок.

— Ну-ну, — сказал Херциг скептически. — Благородная задача. Если понадобится моя помощь — обращайтесь смело. У меня масса хороших связей в разных инстанциях, в том числе и в криминальной полиции.

— Спасибо, господин директор! — щёлкнул каблуками Руслан, чётко повернулся, вышел.

Херциг проводил его задумчивым взглядом. Вероятно, он окончательно укрепился в своём мнении, что инспектор ФАК недалёкий человек.

Сам же Руслан остался весьма доволен своим поведением. Он и должен был выглядеть перед всеми прямолинейным солдафоном, отстаивающим букву закона.

Подумав, как распорядиться полученной информацией, он всё-таки заглянул в бар.

Блондинка Марлен сидела у стойки в одиночестве и потягивала через соломинку коктейль. Увидев Горюнова, она игриво помахала ему рукой.

Руслан огляделся, подошёл.

Несмотря на рабочее время (хотя в принципе на Суперструнке отсчёт времени условен, люди работают круглосуточно), в баре сидели группами, по двое и поодиночке многие работни-

ки стройки разных профессий. Среди них были и женщины, явно относившиеся к профессионалкам лёгкого поведения. Но Руслана больше заинтересовали какие-то молчаливые личности в тёмно-коричневых комбинезонах, сидевшие парами в разных углах зала. По-видимому, это были охранники бара либо спутники Марлен. Не витсы — живые люди. И все они были опасны, судя по их ауре.

— Присядете? — шлёпнула Марлен ладошкой по высокому стулу у стойки бара; обслуживали бар также живые бармены.

— Благодарю, нет времени, — отказался Руслан официальным тоном. — Передайте своему боссу, что я буду строго следить за соблюдением правил и строго карать за нарушение экологических законов.

— Вы отказываетесь? — не поняла Марлен. — От такого выгодного предложения?! Неужели я вам не понравилась?

— Я трикстер, — сказал Руслан серьёзно. — Всего хорошего.

Брови блондинки взлетели на лоб. Она не сразу нашлась, что сказать в ответ:

— Мы найдём... для вас... э-э... варианты...

— Спасибо, не надо, — повернулся к ней спиной Руслан и направился к выходу из бара, отметив боковым зрением общее движение парочки мрачных парней в коричневых униках. Они явно следили за блондинкой, являясь её телохранителями или исполнителями поручений.

В своём жилом модуле Руслан просмотрел свои записи, провёл дополнительный анализ всех встреч и сделал вывод, что агенты Вируса себя почти ни в чём не проявляют. Заподозрить в пособничестве Вирусу можно было всего трёх-четырёх человек: китайца Сю Синьзы, помощника Херцига Жозефа Поллака, пограничника Мешема и... саму госпожу Ярославу Тихонову, руководящую стройкой. Контакты всех служб замыкались на ней, из чего следовало, что она контролировала большинство руководителей, имела возможность влиять на каждого, встречаться с кем угодно в любое время суток и получать инструкции от эмиссаров Вируса. Если только сама не являлась эмиссаром.

Последняя мысль испортила настроение настолько, что Руслан не сразу избавился от противного ощущения предательства. Хотя, опять же, он отлично понимал, что не имеет ника-

кого права осуждать бывшую жену в её привязанностях. Мало того, ему всё больше хотелось встретиться с ней в неформальной обстановке и поговорить по душам. Тем не менее он переборол желание немедленно позвонить ей и вместо этого, проверив поисковой системой костюма наличие в квартире подслушивающих и подсматривающих устройств, позвонил Ивану Грымову:

— Иван, добрый день. Есть новости от шефа?

— Он сказал, что тебе нужна консультация по Суперструннику.

— Хотелось бы побеседовать со специалистом.

— Тебя ждёт доктор физматнаук профессор Всеволод Шапиро. Запомни номер. — Грымов продиктовал адрес видео. — Что-нибудь ещё?

— Как идёт расследование того дурацкого нападения в антенном узле?

— По косвенным данным, это был китаец Синьцзы.

— Как вы узнали?

— Не узнали — вычислили. У нас есть видеозапись перемещения всех транспортных средств у Суперструнника в тот день. Камеры зафиксировали два флайта класса «Пассат»: один твой, второй принадлежал астроному.

— Значит, он не астроном.

— В том-то всё и дело, что астроном. И у него действительно имеется сертификат доступа на стройку в качестве консультанта. Кстати, давал разрешение на привлечение китайца лично Жозеф Поллак.

— Понял, до связи.

Руслан задумчиво скушал мятную пастилку зубного чистильщика (зубы очищал специальный нанофаг). С китайцем надо было что-то делать. Но он не должен был знать, что контрразведка взялась за него всерьёз.

«Поговорю с ним вечером, — решил Руслан. — Посмотрим, что он будет петь».

На звонок Руслана профессор Шапиро ответил тотчас же.

Это был мужчина в летах, с буйными полуседыми волосами и с глазами давно ушедшего в себя анахорета. Чем-то он походил на Альберта Эйнштейна в старости.

— Слушаю вас.

— Меня зовут Руслан Горюнов, и мне нужна консультация. Вас предупредили?

— Можете прилететь ко мне сейчас?

— Где вы живёте?

— В Минске, бульвар Славянского Союза, жилой комплекс «Алые паруса», десятый уровень, модуль триста тридцать. За полчаса успеете добраться?

— Даже раньше.

— В таком случае поторопитесь, у меня мало времени, в одиннадцать у меня совещание в Коллегии.

— Хорошо, ждите.

Руслан запер дверь и рысью направился к транспортному отсеку. Через пять минут он выходил из метро Минска, сел в свободное такси форд-класса и вскоре вышел из него на площадке жилой башни, действительно издали напоминавшей корабль с алыми парусами.

Профессор Шапиро жил в стандартной трёхкомнатке, превращённой им в библиотеку старинных книг и одновременно в научную лабораторию. Была ли у него жена, Руслан не знал, но, судя по отсутствию уюта и захламлённости квартиры, Шапиро жил один.

— Проходите в кабинет, — сказал он, пожимая руку гостю; одет профессор был в атласный зелёный халат с красными драконами, — я сейчас.

Он скрылся в туалетной комнате.

Не зная, чем отличаются комнаты модуля, Руслан наугад заглянул в одну из них, увидел смятую широкую кровать, объёмный снимок — витейр голыи женщины на стене, смущённо оглянулся. В туалетной комнате лилась вода. Хозяин приводил себя в порядок. Руслан ещё раз глянул на женщину: ничего фигурка, красивая, лицо только подкачало, интересно, жена это или кто ещё?

Он прошёл чуть дальше по коридорчику, заглянул в другую дверь и увидел светящийся виом посреди комнаты, в котором мерцала какая-то сложная схема, не то инженерная конструкция, не то математическая формула. Здесь тоже стояли полки с книгами, валялись коробки разного размера, стол был загромождён аппаратурой, и воздух в комнате представлял собой

смесь запахов, больше присущих какому-то заводу, нежели жилому помещению.

Вошёл Шапиро с полотенцем через плечо, сгрёб хлам на диванчике в сторону, бросил полотенце на спинку старинного стула.

— Садитесь. Что вас привело ко мне?

Ни чаю, ни кофе он не предложил.

— Вы знаете, что строительство Суперструнника заканчивается?

Шапиро кивнул:

— Конечно, знаю.

— Мне хотелось бы поговорить об идее создания генератора «суперструны». С чего всё началось?

Шапиро слегка оживился.

— Это было давно.

— Я знаю, пятнадцать лет назад.

— Пятнадцать лет назад начался монтаж первых секций Дженворпа, сама же идея создания возникла лет на пять раньше. Что именно вас интересует?

— Идею подал Херциг?

— Федя Херциг разработал теорию «вакуумного кристалла», если вам это о чём-то говорит. Тогда же коллеги заговорили о пределах возможностей суперколлайдеров, существующих ускорителей элементарных частиц. Ни один коллайдер не мог преодолеть барьер энергий десять в пятнадцатой степени эвов.

— И Херциг предложил построить Суперструнник, который смог бы возбудить «суперструну», свёртывающую пространство в линейную структуру из множества чёрных дыр.

Шапиро озабоченно посмотрел на Руслана:

— Вы физик?

— Нет, я заканчивал Воронежский институт промышленных технологий. Но увлекаюсь космосом.

— Понятно, говорите вы складно. Тогда зайдём с другой стороны, космологической. Вы в курсе, как возникла наша Вселенная?

— Специально изучал этот процесс. Мне и самому было интересно в нём разобраться. Само рождение называется Большим Взрывом, и длилось оно ничтожную долю секунды. По-

моему, эта цифра близка к десяти в минус тридцать третьей степени.

— Приблизительно, — кивнул Шапиро с благостным видом.

— Затем последовала фаза гипербыстрого — его называют инфляционным — расширения, которая длилась, опять же, ничтожные доли секунды.

— Десять в минус десятой степени секунды.

— За инфляционной шла фаза расширения с падением градиента скорости, которая длилась почти восемь миллиардов лет. А около шести миллиардов лет назад снова началась фаза ускоренного расширения.

— Совершенно верно, молодой человек. Она длится и сейчас. В результате мы живём в эпоху вырождения континуума, «скатывания» пространства к двумерности, о чём мало кто знает. Длиться эта фаза будет, по расчётам Херцига, более ста миллиардов лет, по моим же — не более двадцати.

— Почему такое большое расхождение? — хмыкнул искренне заинтересованный Руслан.

— Он тоже не учитывает вырождения мерности, — улыбнулся Шапиро. — В теории «вакуумного кристалла» этой гипотезе нет места. Его теория вообще притча во языцех, поскольку базируется на спорных принципах и новых понятиях, таких как «квадруполь» — кватернион безмассовых зарядов, «сглаживание бозонного поля», «дискретная геометрия», «сферическая деформация вакуума» и тому подобное. Но он хорошо владеет дискуссионной методикой и смог отстоять свою идею перед Мировым Научным Советом.

— Совет решил строить Суперструнник?

— Совет согласился, что это даст большой толчок давно агонизирующей физике. Мы уже поняли природу тёмной материи, разгадали принципы тёмной энергии, которой является сам вакуум, научились создавать каналы мгновенной транспортировки массивных объектов, но до сих пор не можем экспериментально подтвердить многие тезисы теории Великого Объединения. Я, к примеру, сам поучаствовал бы в изучении свойств безмассовых конфигураций, из которых и состоит вакуум. Кстати, гипотеза Херцига утверждает, что наша Вселенная весьма велика, так как прожила эпоху сверхбыстрого рас-

ширения. Я же склоняюсь к идее, что Вселенная конечна и невелика.

— Почему?

— Ещё в двадцать первом веке заметили, что распределение пульсаций реликтового фона ограничено. Если бы Вселенная была бесконечна или очень велика, распределение флуктуаций фона не имело бы ограничений «сверху». На самом деле ограничения есть.

— Как вы это объясняете?

— Наши наблюдения подчиняются своеобразному оптическому обману. Вселенная представляет собой набор повторяющихся структур — «вакуумных додекаэдров», правильных пятиугольников, из-за чего она похожа на «бесконечный футбольный мяч». Ещё она похожа на многомерную зеркальную комнату, предметы в которой — звёзды и галактики — дают множество отражений.

— Суперструнный даст возможность проверить это?

— Наверное, — сделался меланхоличным Шапиро. — Я надеюсь. Как инструмент исследования квантовых свойств вакуума он наверняка сыграет большую роль. Что ещё вас интересует?

— Несколько конкретных вопросов. Я обнаружил с десятков конструктивных доработок Дженворпа, и они меня заинтриговали.

— О каких доработках идёт речь?

— О сфинктере коллиматора, которого не было в первоначальном проекте, об антеннах системы контроля.

— Каких антеннах?

— Системы контроля. Под таким названием они в настоящее время смонтированы на ферме Суперструнника. Я побывал в терминале управления блоком антенн, и у меня возникло странное ощущение, что назначение антенн другое.

— Ну-ка, ну-ка, — снова оживился Шапиро, — опишите мне их.

Руслан начал описывать конструкцию антенн, потом спохватился:

— У вас ведь есть эмскан?

— Разумеется. Старый я дурак.

Профессор вытащил из вириала инка дугу с наушниками

мыслесъёма, подал гостю, по пути выключив виом. Изображение «математической формулы» над столом исчезло.

Руслан надел на голову эмскан, вспомнил, как выглядят «рога и копыта» антенн, и персональный инк хозяина послушно отобразил конструкцию в объёме.

Шапиро, шевеля бровями, начал рассматривать изображение антенн с разных сторон. Через минуту сказал:

— Любопытно, любопытно. Однако эти лопасти мало напоминают приёмные антенны системы контроля. Что вы помните ещё?

Руслан подумал и нарисовал установку в одном из помещений терминала, где в него стрелял неизвестный.

Шапиро скептически поджал губы:

— Слим-модулятор?

— Что такое слим-модулятор?

— Генератор гравитационных и антигравитационных полей, по сути — двигатель. Такие устанавливаются, если не ошибаюсь, на всех транспортных средствах от флайтов до спейсеров. Но, судя по всему, это очень мощная машина. Тогда становится понятной и геометрия антенн.

— Вы хотите сказать... — Руслан сбросил дугу эмскана.

— Это не система контроля. Это система управления положением Дженворпа.

— Но ведь две такие системы уже стоят на концах фермы.

— Значит, для чего-то понадобилась третья. Странно другое: почему разработчики называли её узлом контроля? Для изучения чёрных дыр и экзот-струй нужна совсем другая аппаратура.

— Экзот-струй?

— Дженворп должен создать условия для рождения экзотических частиц тёмной материи: аксионов, нейтралино, вимпов, бозонов Хиггса. Но для их регистрации создаются специальные исследовательские комплексы.

— Да, я их видел. Все они будут работать в автоматическом режиме, объединённые Гением в одну систему.

— Гением? — не понял Шапиро.

— Это управляющий инк Суперструнника.

— Ах, да, конечно. Итак, молодой человек, вы получили все ответы на свои вопросы? Мне, к сожалению, пора собираться.

Руслан поднялся.

— Извините, что задерживаю. Можно, я позвоню вам, если понадобится дополнительная консультация?

— Хоть две, буду рад помочь.

Шапиро проводил гостя до порога.

— Извините ещё раз, — проговорил Руслан смущённо, — а почему вы не работаете на Суперструннике? Вы же крупный специалист в физике элементарных частиц.

Шапиро усмехнулся.

— Я не принадлежу к научной группе Херцига. Как и многие мои коллеги. С ним работают только те люди, кто безоговорочно поддерживает его теорию.

— Понял. Всего доброго.

Руслан задумчиво поднялся на аэроплощадку, вызвал такси. Через несколько минут он был уже у метро. Поколебался немного, выбирая маршрут, потом решил заскочить на часок домой, привести в порядок мысли.

Минское метро приняло пассажира, московское в Мытищах выпустило. Спустя ещё несколько минут Руслан стоял перед дверью в свою квартиру, мечтая о ванной. И вдруг почувствовал холодный ветер угрозы, подувший навстречу. Замер, прислушиваясь к бродящим внутри тела «сквознячкам».

Кто-то посмотрел на него сквозь дверь, оценивающе, пренебрежительно и недобро. Очень недобро, как на комара, которого собрались прихлопнуть.

Руслан отшатнулся от двери, стремительно рванул прочь, и в то же мгновение она взорвалась!

Глава 14

КРИВЫЕ ДОРОЖКИ

Боем этот танец вокруг Оси Зла назвать было нельзя.

«Ра» не хотел драться. Его вынудили.

Оружием «черепахи», погнавшейся сначала за «големом», а потом за спейсером, были гигантские электрические молнии, способные испепелить гору наподобие земного Казбека. К счастью, скорость молний — а они по сути являлись пучками элек-

тронов — не достигала скорости света, поэтому спейсеру какое-то время удавалось уворачиваться от разрядов.

Потом Роза Линдсей сообразила, что электронные струи рождаются от «сотрясений вакуума». То есть выходило, что хозяева агрессора владеют технологиями поляризации вакуума¹, и тогда встал вопрос о дальнейшем «диалоге» с ними. Стоило «черепахе» прицелиться поточнее, и созданная ею «трещина в вакууме», мгновенно заполнявшаяся электронами, накрыла бы спейсер.

«Ра» не являлся военным кораблём. Но, поскольку рассчитан был на любые аварийные и чрезвычайные ситуации, имел оружие. В распоряжении Маккены были лазерные пушки, плазмеры и слим-модулятор, который давно получил среди профессионалов кличку «суслик».

Сначала Маккена надеялся договориться с хозяевами «черепахи», для чего слал в космос призывы на всех языках остановиться и «поговорить по-человечески».

Не подействовало.

Тогда «Ра» огрызнулся лазерными трассами.

«Черепаха» отразила удары и обиделась. Молнии засверкали чаще, постепенно приближаясь к маневрирующему спейсеру.

«Ра» накрыл противника разрядом плазмера.

«Черепаха» — теперь стало окончательно ясно, что она представляет собой некий автомат либо организм, предназначенный для охраны Оси Зла, — не обратила внимания на плазменный сгусток и ответила десятком молний, чудом не задевших земной космолёт.

И тогда Маккена навёл на преследователя «суслик».

Слим-модулятор не просто создавал гравитационный «шторм», он деформировал вакуум, то есть саму основу континуума, и от этого полевого воздействия уберечься было невозможно. По крайней мере земные учёные не знали способов защиты от излучения, «скручивающего» даже космическую пустоту.

Впрочем, «черепаха» тоже этого не знала.

¹ Именно поляризация квадруполь, то есть безмассовых частиц, из которых состоит вакуум, и создаёт электромагнитные поля; сферическая деформация вакуума создаёт гравитационные поля.

Первый же выстрел «Ра» попал в цель и «свернул» бок «черепахи», как лист жести. Защитник Оси тут же перестал метать молнии и косо пошёл «вниз», к ферме Оси, потеряв способность маневрировать.

Люди в рубке спейсера молча смотрели, как он шевельнулся два раза, словно «черепаха» пыталась выбраться из повреждённого панциря, а затем врезался в «можжевеловый куст» ближайшего «швеллера» фермы — на скорости в полсотни тысяч километров в секунду!

Вспышка света была не слишком яркой.

«Черепаха» отскочила от «куста», врезалась в соседний.

Вытянулся и опал язычок пламени, вспухло и расплылось облачко дыма.

— Гитлер капут! — прокомментировал драйвер-секунда спейсера Вячеслав Терёшин.

Что это означало, не знал, наверное, и он сам. Выражение сохранилось ещё со времён Второй мировой войны, когда было актуальным. В настоящее время его юмор понимали не все. Хотя Маккена понял.

Однако радость экипажа по поводу победы длилась недолго. Не успели космолётчики обменяться репликами и обсудить своё положение, как драйвер-прима обнаружил ещё одну «черепаху», полным ходом мчавшуюся к месту боя.

Автоматика спейсера по-прежнему не работала, за исключением автономных систем, инк не предупреждал экипаж о подготовке к «непрогнозируемому контакту», и Маккена объявил отступление.

— Уходим домой! — закончил он. — Здесь нам делать больше нечего.

— Роза ещё не отошла от нагрузок, — тихо напомнил командиру бортинженер по личной линии.

— Я знаю, — сухо ответил ему Маккена. — Но у нас нет выбора. Вацлав. Курс на Северный Крест¹. Глубина оверспейса — пять тысяч эсвэ. Экипажу — полная упаковка по ЧС-драйву!

— Я готов, кэп, — ответил первый пилот.

«Черепаха» приблизилась, вырастая в размерах. Стало по-

¹ Созвездия «с той стороны» Галактики с видом на Солнце имеют другие очертания.

нятно, что она гораздо крупнее своей напарницы. Длина её от «рогов» до «кончика хвоста» достигала пяти километров. У всех, наблюдавших за ней, снова родилось ощущение, что это не космический корабль, а некое живое существо, оберегавшее доверенную ему конструкцию.

— Левиафан! — пробормотал Терёшин.

— Старт! — обронил слово Маккена.

«Ра», уходивший от врага в обычном режиме, перешёл на «струну».

Последнее, что увидели члены экипажа, был пучок молний, протянувшихся от «черепахи» к спейсеру.

Сознание людей погасло...

* * *

Перед глазами перестали кружиться цветные спирали, и Маккена увидел перед собой звёздную россыпь. Тряхнул головой, зажмурился, открыл глаза, но звёздная панорама не исчезла. Обзорная система была включена, и виом в рубке показывал окружающий спейсер космос.

— Вышли нормально, — раздался в наушниках шлема голос пилота.

— Где? — поинтересовался Маккена.

— А хрен его знает, — ответил бортинженер жизнерадостно.

— Определяйтесь.

— Командир, Роза без сознания, — доложил Успенский. — На вызовы не отвечает.

— В медотсек её! — приказал Маккена. — Я сейчас спущусь. Всем стандарт по форме ЧС! Вацлав — контроль функционирования.

— Работаем уже.

Маккена с минуту рассматривал незнакомые созвездия, вылез из командирского кокона, добрался до лифта, «мускул» которого доставил его в медотсек.

Успенский и Терёшин уже были здесь. Сняли с эксперта защитный костюм, уложили безвольное тело в саркофаг реаниматора.

Над прозрачной крышкой саркофага высветился столбец

разноцветных цифр, указывающих параметры физиологического и психического состояния Розы.

— Очень высокое черепное давление, — буркнул инконик. — Сердце работает как насос в режиме форсажа, причём неровно. Мне это не нравится.

— Ничего, с кардиокризисом наш эскулап справится, — сказал Терёшин.

— Возможно, однако нам ещё прыгать и прыгать. Что же, каждый раз после этого помещать её в реанимацию?

— Предложи что-нибудь другое.

Оба посмотрели на Маккену.

— Вацлав, определился? — вызвал он Хржичку.

— Не понимаю, — отозвался драйвер-прима. — Нас вынесло к краю второго Рукава!!

Мужчины переглянулись.

— Слава, побудь здесь, посмотри за ней, — сказал Маккена. — Придёт в себя, поговори, успокой.

— Хорошо.

Маккена и Успенский вернулись в рубку.

Аппаратура кресел по-прежнему не работала, поэтому приходилось ориентироваться с помощью личных инков, чем Хржичка и занимался.

На панорамном виоме светилось зелёное перекрестье визи-ра, быстро вспыхивали и гасли цифры и символы, загоралось, перемещалось и делилось на сектора световое кольцо целеуказателя.

— Вот, полюбуйтесь.

Перед узкой полосой ограничителя рубки выросло объёмное изображение Галактики. Крошечный огонёк на краю Рукава Ориона сделался ярким, стал мигать. Это было Солнце. Вспыхнула и замигала синяя искорка под шаровым звёздным скоплением, обозначавшая положение спейсера.

— Ни хрена себе! — поскрёб в затылке Успенский. — Мы же шли прямо к Солнцу!

— Девиация, — сказал Хржичка. — Целились мы хорошо,

¹ Наша Галактика имеет несколько спиральных рукавов. В первом — «местном» Рукаве Ориона—Лебедя — располагается Солнце, соседний называется Рукавом Стрельца, остальные — Рукавами Шита, Персея, Угольника—Центавра, Южного Креста, Киля.

но почему-то не попали в вектор. Может, «червь» сожрал и путевые программы?

— Инк ручного режима не повреждён, — сказал Успенский уверенно. — Я проверил. Иначе мы вообще не смогли бы стартовать.

— Покопайся в сервере посерьёзней. Отдыхаем сутки, потом отправляемся дальше. С этой точки до Солнца...

— Четырнадцать тысяч эсвэ, — сказал пилот.

— Как минимум два оверспейса. А вообще хорошо бы уложиться в один.

— Вряд ли это достижимо без инк-сопровождения. Мы сейчас в положении команды парусника в море, не имеющего никаких навигационных приборов, кроме глаз.

Маккена хмыкнул, оценив сравнение.

— Навигационные приборы у нас кое-какие имеются. Но мне не нравится, что «струна» оказалась такой неточной. Что-то здесь не так. Мы не могли отклониться почти на тридцать градусов. На два-три допускаю, но не на тридцать.

— Я проверю, — мрачно пообещал Успенский.

— Слава, помоги ему.

Бортинженер молча активировал ремонтный киб.

Роза пришла в себя через час.

Диагност определил её состояние как «стабильно тяжёлое», однако медицинская техника спейсера не могла кардинально лечить подобные кардиосиндромы, могла только поддерживать человека в определённом состоянии, и Розу решили оставить в медотсеке под опекой второго пилота.

Маккена снова спустился к ней, присел на ложемент реанимационной камеры. Пилот потоптался рядом, вышел.

Эксперт была в сознании. Под глазами у неё обозначились тёмные круги, лицо заострилось, в глазах пряталась печаль.

— Я вас подвожу, — с тихим сожалением сказала она.

— Чепуха, — отмахнулся Маккена, испытав неожиданный приступ жалости к женщине. — С каждым может случиться.

— Не с каждым... но со мной никогда такого не случалось.

— Это называется «глубокой пространственной несовместимостью». К сожалению, выявляется такая несовместимость

только при достаточно частом использовании «струнных» переходов. Вашему организму они противопоказаны.

— Я понимаю. Не обращайтесь на меня внимания, решайте проблему возвращения. Нам обязательно надо вернуться и сообщить о том, что мы узнали.

— Вернёмся, обещаю. Я летаю уже двадцать два года, и ещё не было случая, чтобы не вернулся. — Маккена обозначил улыбку.

Роза улыбнулась в ответ.

— Это правда. Вы женаты, капитан?

Маккена помолчал.

— Был женат. Давно.

— Вы хотите сказать, что сейчас вы вместе не живёте?

— Моя бывшая жена счастлива с другим человеком.

— Дети?

— Двое, парни, живут отдельно, уже взрослые. Тим учится в полицейской академии, Вильям служит в десантных войсках быстрого реагирования. Собирается поступать в Морской юридический корпус. Любит море до самозабвения.

— Похоже, вам удалось привить им стремление к самореализации.

Взгляд Маккены потеплел.

— Они правильные парни. А ваши девочки?

Роза улыбнулась.

— Они живут с бабушкой, то есть с моей мамой. Им всего одной двенадцать, другой тринадцать лет.

— Командир, алярм! — раздался голос Хржички. — Эта гнусная тварь нас догнала!

Маккена мгновение сидел неподвижно, ничем не выдавая своих чувств, потом погладил вздрогнувшую женщину по руке и выскочил из отсека, бросив на ходу:

— Не волнуйтесь, всё будет хорошо.

В рубке было темно.

Обзорную систему спейсера удалось восстановить, поэтому звёзды в панорамном виоме можно было различать в объёме: какие-то из них находились ближе, какие-то дальше. Кроме того, визинг-автоматика позволяла наблюдать за любыми объектами в сфере видимости, выделяя их на фоне звёздных россыпей. Голубой огонёк обозначал приближавшийся к спейсеру

объект, а чуть ниже вариатор «вырезал» в черноте космоса окно, в котором виднелась знакомая «медуза». Или, скорее, «черепаха».

— Как она смогла нас обнаружить и догнать? — сквозь зубы проговорил Маккена.

Вопрос повис в воздухе.

— По следу, — после паузы пошутил Хржичка.

— «Струна» следов не оставляет.

— Может, они каким-то образом определяют вектор прыжка?

— Зачем это им надо? — хмыкнул Успенский. — Выслеживание гостей не входит в функции охраны.

— Значит, «черепахи» занимаются не только охраной Оси, но и разведкой.

— Всё равно непонятно, зачем это им надо.

— Вряд ли у них благородные цели, — сказал бортинженер. — Вспомните первый космолёт, который они уничтожили. А может быть, и не один.

Маккена молчал, наблюдая за растущим голубым огоньком в панораме виома. «Черепаха» шла прямо к спейсеру, постепенно нагоняя земной корабль.

— Попробуй оторваться на манёвре, — сказал наконец Маккена. — Огонь не открывать. Я сейчас.

Он спустился в медотсек.

Терёшин тактично удалился.

— Нам придётся уходить по «струне», — сказал Маккена. — Чем быстрее мы доберёмся до Солнца, тем лучше.

— Я понимаю, — тихо сказала Роза.

— Придётся потерпеть.

— Потерплю.

Маккена взял руку женщины в свою. Она слабо улыбнулась.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, ничего не говоря. Потом Маккена бережно опустил руку Розы на грудь и быстро вышел. Женщина ещё раз улыбнулась, закрыла глаза.

— Отвечаешь за неё, — сказал Маккена Терёшину в коридоре.

— Конечно, кэп, — бодро ответил второй пилот.

В рубке Маккена движением руки разогнал экипаж по местам, занял своё кресло.

«Черепаха» упорно висела на хвосте, повторяя все эволю-

ции спейсера, и явно не собиралась отказываться от погони. Она тоже умела набирать скорость «шпугом».

— Вацлав, оверспейс на Северный Крест, глубина семь тысяч эсвэ.

— Принято, командир.

— Обойдись без сбоев и глюков.

— Постараюсь.

— Экипажу готовность один!

— Готовы! — дружно ответили все.

— Медик? — на всякий случай спросил Маккена.

— Всё в порядке, командир, — прилетел тихий голос Розы Линдсей.

Маккена выдержал паузу.

Расстояние между «черепахой» и спейсером сократилось до пятидесяти километров. Тоненький бледный лучик вырвался из головного бугра «черепахи», видимый так, будто корабли мчались в атмосфере какой-то планеты, не в безвоздушном пространстве. Лучик потянулся к спейсеру.

— Старт! — выдохнул Маккена.

«Ра» послушно нырнул в «суперструну» прокола пространства и вынырнул из неё спустя одно мгновение далеко от места встречи с «черепахой».

Маккена пришёл в себя быстро.

— Медотсек?!

— Дышит, — не сразу отозвался Терёшин. — Но без сознания. Симптомы те же: кардиокризис.

Маккена оглядел сферу обзора.

Шаровое звёздное скопление Омега Кентавра осталось где-то позади. Под спейсером образовался чёрный провал с редкими звёздами, над спейсером сияла звёздная река неизвестного спирального рукава Галактики.

— Вацлав, где мы?

— Считаю, — сказал драйвер-прима. — С ходу не определишься. Похоже, мы болтаемся где-то между рукавами.

— А должны быть по вектору Кентавра в семи тысячах эсвэ от Солнца, — заметил Успенский. — Неужели инк ручного режима тоже поражён «червем»?

— Ты же сам его тестировал.

— С помощью такого же малого инка.

- Может, тестер тоже хандрит?
- В таком случае все наши инки заболели!
- Вот Солнце! — определил наконец пилот положение светила человеческой цивилизации.

В неимоверной дали на краю звёздной реки вспыхнул пульсирующий оранжевый огонёк.

— Двенадцать тысяч эсвэ! Не понимаю, в чём дело, но инк ручной наводки явно глючит. Мы не должны были оказаться здесь.

— Это означает лишь одно... — начал Успенский.

В рубке стало тихо.

— Что? — не выдержал Хржичка.

— Все системы спейсера начинают «сыпаться». Мы отловили не всех «червей». Какие-то из них продолжают своё чёрное дело. Если мы не доберёмся до Солнца за пару прыжков, то не доберёмся до него никогда.

Головы членов экипажа повернулись к капитану.

Маккена молчал, переживая опустошающее чувство собственного бессилия. Но перед лицом своих подчинённых он обязан был держать марку.

— Переходим на «чрезвычайку»! Виль, Митя — займитесь поиском нановирусов. Вацлав, смени линк ручной наводки, протестируй драйвера хода. Слава, обработай все помещения машины антидотом. Никому не раздеваться, спать в «кокосах», есть только консервы НЗ. Через три часа стартуем к Солнцу. Задачи понятны?

— Так точно, кэп! — козырнул экипаж.

— Поехали!

* * *

Контроль функционирования уцелевших компьютерных систем не выявил наличия вирусов. Однако все понимали, что гарантий их отсутствия на борту спейсера нет. Надо было довольствоваться тем, что осталось от вирусной атаки. И надо было пытаться свернуть с кривых дорожек космоса, выбрать правильный маршрут и, образно говоря, махнуть к Солнцу напрямик, минуя ловушки и тупики.

Роза Линдсей очнулась от встряски «суперструнного» режима далеко не сразу.

Маккена спустился к ней и провёл в медотсеке два часа, всем своим видом подчёркивая, что ничего особенного не происходит. Экипаж поддерживал своего капитана, чем мог, в том числе и анекдотами, что в общем положительно сказывалось на тонусе больной. Маккена был им весьма благодарен за это, хотя вслух своего отношения к царящей на борту «атмосфере легкомыслия» не высказывал.

— Хочу коньяку, — заявила вдруг Роза после одного из анекдотов, который рассказал Успенский.

Маккена удивленно посмотрел на неё.

— Считайте это женским капризом, — сморщила носик Роза. — Хочу, чтобы закружилась голова. Или у вас на борту нет коньяку?

Маккена повернул голову к появившемуся Терёшину, который добровольно взял на себя обязанности медбрата.

— Найдём, — разулыбался тот. — У Мити где-то была бутылка «Смоленского Олега».

— «Смоленский Олег»? — сделала круглые глаза женщина.

— Очень качественный напиток, — успокоил её драйвер-секунда. — Мы пробовали... — Он виновато посмотрел на Маккена, но тот сделал вид, что не понял. — Чистый — как святая вода, и никаких последствий!

— Неси, алкоголик, — шевельнул железными челюстями Маккена. — Сам не пил, но по отзывам знаю, что этот коньяк очень ценит комиссар.

Воодушевлённый Терёшин исчез и вскоре появился с бутылкой, на которой переливалась дымчато-голографическая этикетка с надписью: «Смоленский Олег. 2007» и рисунком бородатого меченосца в доспехах.

— Посуда, — напомнил Маккена.

Пилот смущённо почесал в затылке, умчался в кают-компанию и вернулся с тремя пластмассовыми стаканчиками.

— Прошу прощения, это самые маленькие.

— Фрукты, — сказал Маккена.

Терёшин засмутился ещё больше, исчез, как привидение.

Роза тихо засмеялась.

— У вас все члены экипажа такие?

— Какие?

— Непьющие.

Маккена пожал плечами.

— В употреблении алкоголя замечены не были. Вообще удивительно, что Митя пронёс на борт бутылку коньяку. Я с ним потом разберусь.

— Не наказывайте их, они хорошие.

Вернулся второй пилот с блюдом фруктов и орехов.

Налили по глотку коньяка.

— За возвращение, — поднял свой стакан Терёшин.

Маккена сверкнул глазами.

Пилот понял, виновато шмыгнул носом.

— Я имею в виду, что мы справимся.

— Будьте здоровы, — сказал Маккена.

Стаканы сдвинулись.

Роза выпила свою долю, поморщилась. Терёшин подал ей дольку апельсина.

— Ну, как?

— Горько... и странно... огонь течёт внутри живота...

— Сейчас пройдёт, и будет хорошо.

Маккена хотел было пошутить, что хмель ударяет в голову незаметно, зато его последствия заметны, но в это время слышался голос первого пилота:

— Тревога, командир! Снова эта дьявольская тварь!

Мужчины обменялись взглядами.

— Какая упорная! — проговорила Роза невнятно; глаза её заблестели.

— Останься! — бросил Маккена пилоту, метнулся к выходу из отсека.

В рубке выяснилось, что «черепеха», преследовавшая спейсер от самой Оси Зла, вышла к земному кораблю гораздо ближе, чем в прошлый раз. Создавалось впечатление, что она действительно находит спейсер по каким-то следам, хотя, по утверждению земных учёных, никаких следов «суперструнное» преодоление пространства не оставляло.

— Что будем делать, кэп? — осведомился возбуждённый Хржичка. — Не пора ли дать ему по рогам?

— Лучше обойтись без драки, — пробормотал бортинженер.

— Тогда он будет гнаться за нами до тех пор, пока мы не долетим до Солнца.

— Ну и хорошо, там его встретят пограничники.

— А если она приведёт за собой целую армаду «черепах»?

Все одновременно посмотрели на капитана.

Маккена думал, взвешивая решение.

— Отступаем в крайнем случае. Приготовиться к бою!

Члены экипажа закрылись в коконах защиты.

Маккена сделал то же самое, нацепил эмскан, позволяющий управлять техническими системами корабля в ручном режиме.

«Черепаха» приблизилась, показав целый пучок «щупалец». Намерения преследователя были предельно ясны.

— Вацлав, манёвр!

«Ра» стремительно завалился влево по ходу движения, сделал красивую петлю, возносясь над «черепахой».

Маккена поймал в визирные метки нашлемного целеуказателя тело «черепахи» и выстрелил, сразу используя самое мощное оружие спейсера.

Разряд «суслика» был точен.

Лобовой бугор «черепахи» вскипел фонтанчиками пара. Фонтанчики развернулись «капустными листьями» и застыли. «Черепаха» сбавила скорость. Сверкнули две-три молнии, выпущенные в белый свет, не прицельно, словно у космического охотника отказали все прицелы.

Маккена выстрелил ещё раз.

«Черепаха» странным образом изогнулась, как живая, превратилась в конгломерат встопорщенных «капустных листьев». Слим-модулятор продолжал исправно деформировать вакуум, а вместе с ним и заключённые в нём материальные объекты.

— Это тебе не мелочь по карманам тырить! — злорадно проговорил появившийся в рубке Терёшин, снова вспомнив одно из старинных выражений.

— Ты что здесь делаешь?! — оглянулся на него Маккена.

Пилот исчез.

— Вацлав, старт!

— Глубина оверспейса?

— Четырнадцать тысяч! Без разрыва!

— Понял. Держитесь!

«Ра» ещё какое-то время мчался к звёздам спирального рукава, таща за собой, как на буксире, гору «капустных листьев» преследователя, тщательно прицелился и нырнул в созданную им же «трещину» в пространстве.

Последней мыслью членов экипажа была мысль: не попусти, господи!

Маккена же подумал о Розе, надеясь, что кривые дорожки кончились, они выйдут к Солнцу и земные врачи спасут эксперта.

Глава 15

ЖЕНА ЦЕЗАРЯ ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ

Полицейские, занявшиеся расследованием обстоятельств взрыва в квартире Руслана, ушли через два часа. Никаких выводов они не сделали. Кто и зачем установил на двери квартиры взрывное устройство, осталось невыясненным. Сам Руслан имел кое-какие предположения, но делиться ими с полицейскими не стал. Тот, кто сделал попытку ликвидировать инспектора, действовал исключительно осторожно, умело, профессионально. Спасла Руслана только интуиция.

Видеокамеры системы охраны жилой башни не зафиксировали ни одного подозрительного человека. Если не считать мелькнувшей у входа на горизонт женщины, похожей на Ярославу. Но Руслан не поверил своим глазам, когда ему показали видеозапись, хотя и отложил сей странный факт в памяти. Ярославе нечего было делать на Земле, да ещё в доме своего бывшего мужа. Тем более что гостья была брюнеткой, а Ярослава — шатенкой.

Совпадение, шепнул ему внутренний голос.

Жаль, ответил он сам себе, не задумываясь, чего именно ему жаль.

И всё же брюнетка была очень похожа на Ярославу.

Руслан вызвал ремонтную бригаду, подождал, пока витсы установят новую дверь. На всякий случай тщательно обследовал квартиру на предмет появления в ней подслушивающих «клопов». Ничего не нашёл. И отправился на Суперструнник.

Слежку он обнаружил, подлетая к метро на такси: за жёлтым, с шашечками, флайтом форд-класса следовал, не отставая, бело-синий «БМВ» без номеров и каких-либо опознавательных знаков.

Стараясь выглядеть беззаботным и довольным жизнью,

Руслан поздоровался с каким-то старичком, поговорил с ним, изрядно удивив, о росте цен на лунные участки и вычислил наблюдателей.

Их было двое: мужчина лет сорока и мужчина помоложе, щупленький, низкорослый, быстроглазый. Оба щеголяли в серо-белых униках клерков. Определить их принадлежность к определённой организации издали было невозможно. Скорее всего их форма являлась камуфляжем.

«Запомни лица, — приказал Руслан терафиму. — Потом проверим по картотеке Управления».

«Я могу заняться этим прямо сейчас».

«Займись».

Руслан выбрал камеру метро, отметил движение «клерков», явно заинтересованных его выбором, и вышел из камеры метро в транспортном отсеке деловой зоны Суперструнника. В коридоре спрятался на галерее, за ребристой трубой воздушного фильтра, глядя на дверь отсека, посмеиваясь над собой, не зря ли сыграла тревогу интуиция. Оказалось, не зря. Спустя полминуты после его перехода с Земли на стройку появилась знакомая парочка преследователей. За ним и в самом деле следили. Почему так грубо и безыскусно, понять было трудно, и тем не менее слежка была фактом, а не горячечной фантазией испуганного мозга.

Мужчины, появившиеся в коридоре деловой зоны, очевидно, имели пропуск, иначе их просто завернула бы охрана комплекса. Они покрутили головами, явно ища кого-то, и медленно двинулись к portalу, объединявшему все уровни делового центра Суперструнника.

«Шустрый, определил, кто они?»

«Жду ответа из Управления».

«Запусти за ними «муху».

Терафим, управляющий спецтехникой костюма, отправил в полёт «муху» — микровидеокамеру, способную перемещаться с помощью крохотных, размером с полсотни молекул, ионных двигателей. Человеческий глаз мог разглядеть «муху», только точно зная, где она находится.

Перед глазами Руслана развернулся прозрачный голографический лист изображения, передаваемого «мухой».

Гости стройки пересекли холл (сила тяжести на всех строи-

тельных объектах в космосе поддерживалась почти земная), поднялись на второй уровень, как к себе домой, вошли в резиденцию координатора стройки. Связь прервалась. Резиденция госпожи Тихоновой была защищена от подглядывания.

Озадаченный Руслан спустился с галереи, зашагал в том же направлении, раздумывая, каким образом его бывшая супруга связана с людьми, проявившими к нему интерес. Парни явно не были чужими на стройке, раз их пропустили не только в деловую зону, но и к самому координатору. Ярослава должна была их знать.

— Вывод? — любопытствовал внутренний голос.

— Иди к чёрту! — грубо ответил ему Руслан.

Вывод напрашивался сам собой, и он Руслану не нравился.

Ярослава Тихонова проявляла некий нездоровый интерес к перемещениям бывшего мужа. Это были её люди. И, возможно, именно они установили на двери квартиры Горюнова взрывное устройство.

«Ну, что там, Шустрый?»

«Только что получил ответ, — доложил терафим. — Вот этот человек (перед глазами Руслана развернулось изображение брюнета) — сотрудник Европейского отделения ФАК Муслим Фахтияр. Его спутник (изображение брюнета сменилось изображением худенького подвижного лица) — сотрудник Европейского филиала Службы безопасности Авраам Косой».

Руслан фыркнул.

«Красивая фамилия, однако! Что они здесь делают? А главное — я им зачем?»

«Если бы я знал, носил бы красные атласные штаны», — пошутил терафим.

Руслан пропустил ответ мимо ушей.

Гости Ярославы появились в коридоре второго уровня, сопровождаемые Серджо Веласкесом, направились к лифтам. Веласкес вдруг остановился, прислушался к чему-то, остро посмотрел прямо в зрачок «мухи», словно знал, что за ним наблюдают. В следующий момент что-то сверкнуло в воздухе, и передача оборвалась.

«Блин! — мысленно произнёс оторопевший Руслан. — Он уничтожил «муху»!»

Терафим промолчал. В его функции не входило обсуждение с хозяином тех или иных тонкостей внешней жизни.

— Господин инспектор? — послышался сзади чей-то голос с характерным акцентом.

Руслан внутренне поморщился. В настоящий момент с китайцем Сю Синьцзы он бы хотел встретиться в последнюю очередь. С другой стороны, астронома стоило поугаждать и понаблюдать за реакцией. Интересно, куда он побежит, если ему предъявить обвинение в попытке ликвидации важного чиновника?

— Господин Синьцзы? — Руслан сделал официальное лицо. — Разве вас ещё не задержали сотрудники Службы безопасности?

— Меня? — вздёрнул реденькие бровки астроном. — За что?

— Как за что? Разве это не вы напали на инспектора ФАК в антенном модуле?

В глазах китайца мелькнула растерянность. Широкая радужная улыбка сменилась гримасой. Хотя он тут же взял себя в руки.

— О чём вы, господин инспектор?! Какое нападение?! На кого?!

— На меня! — строго сказал Руслан. — Вас там видели. Что это ещё за шутки? В какие игры вы играете?

— Что вы говорите, господин инспектор? — затараторил китаец. — Кто-то над вами подшутил, клянусь святым Брюсом Ли! Ни в кого я не стрелял! Я мирный человек, господин инспектор, изучаю звёзды, интересуюсь философией. Меня хорошо знают в Астрономическом Союзе.

— В таком случае зачем вы шныряете здесь, по стройке, если ваше дело — консультирование руководства?

— Но я ведь должен знать, как происходит установка важных астрономических систем? Антенны, о которых вы говорите, как раз и находятся в моём ведении.

— А по моим данным, они к астрономическим системам не имеют никакого отношения.

— Господин инспектор не понимает, — покачал пальчиком китаец, сморщив лицо в очередной деланой улыбке. — Могу объяснить, зачем нужны антенны Суперклизме и другие астрономические комплексы.

— Не надо.

— Вы же бывший спасатель, господин инспектор? — сказал Сю Синьцзы, как бы подчёркивая отсутствие у Руслана соответствующего образования. — Вам обязательно нужен консультант и помощник.

— Вы себя, что ли, имеете в виду? — хмыкнул Руслан.

— Разумеется, кого же ещё. Я буду вам полезен.

— Снимете с себя подозрения сотрудников безопасности, поговорим. Если это не вы стреляли в меня...

— Клянусь великим Ли! — вскинул к груди сжатые кулаки астроном. — Конечно не я!

— Всего хорошего, господин Синьцзы.

Руслан гордо прошествовал к лифтам, боковым зрением отмечая, как астроном суетливо помчался куда-то в глубь деловой зоны, заговорив с кем-то по мобильной связи.

«Прицепил «клопа»?» — спросил Руслан мысленно.

«Прицепил», — коротко ответил терафим.

«Почему же он не включается?»

«Не знаю».

Руслан оглянулся.

Китаец исчез среди спешащих по своим делам работников стройки. Всё-таки заявление Горюнова вызвало у него беспокойство. Теперь он должен был связаться с начальством, посоветоваться и выработать стратегию поведения, чтобы остаться на Суперструннике. Знать, что тобой интересуется Служба безопасности, неприятно даже ни в чём не замешанному гражданину. А китаец почти на сто процентов работал на систему Вируса.

«Что с «клопом»?» — напомнил Руслан.

«Молчит, зараза», — сказал Шустрый недовольно.

«Может быть, ты запустил некондиционного «клопа»?»

«Эта техника не ломается».

«В таком случае нашего «клопа» слопал какой-то «паук».

«Не понял».

«Костюм Синьцзы снабжён видеозащитой. «Клопа» уничтожили, как только он вышел на цель. А это означает, что наш астроном далеко не так прост, как кажется. Нормальные астрономы не носят спецкостюмы с антيناблюдательной начинкой».

Терафим по обыкновению промолчал.

Руслан кивнул сам себе. Логика его была безупречной. В костюме самого Руслана была встроена точна такая же аппаратура, не позволяющая прицеплять к нему невидимые «жучки», «мошки», «клопы» и прочую наноспещтехнику для подслушивания и подглядывания.

В голову пришла идея посмотреть на Суперструнник извне.

Руслан свернул к транспортному отсеку, занял принадлежавший ему по долгу службы флайт, точно такой же, какой был взорван в антенном модуле.

В стене отсека протаяло стартовое окно, и флайт вылетел в космос, провожаемый бесстрастными взглядами витсов охраны и автоматическими видеокамерами следящих систем.

В глазах зарябило от звёзд.

Руслан зажмурился, сосредоточил внимание на расслабленном созерцании космических панорам, посмотрел на звёзды глазами эстета.

Космос послушно преобразился, превращаясь в изумительно красивую и совершенную звёздную картину.

Руслан замер, отдаваясь зову прекрасного. Но не надолго. В голове раздался мысленный шёпот терафима:

«Куда летим?»

«Никуда, — очнулся Руслан. — Мне просто надо подумать».

Думать ему ни о чём не хотелось, но и бездействовать он не умел. Поднялся над фермой Суперструнника, прослеживая её безупречную конструкцию, и ему вдруг показалось, что с этой позиции Суперструнник больше всего напоминает современный ракетный карабин «дракон».

Руслан поднял флайт чуть выше.

Сходство усилилось.

Он покачал головой. Раньше в таком ключе о свойствах суперструнного «потрясателя основ Мироздания» не думалось. Очевидно, его предназначение в свете новых данных, полученных Русланом от физика Шапиро, получило иную окраску. Суперклизма была необходима Вирусу позарез, иначе он не предпринял бы столько усилий для реализации проекта. Ещё более очевидным становился план её использования: Дженворп должен был и в самом деле послужить «карабином», чтобы выстрелить по Оси Зла в шаровом звёздном скоплении Омега Кентавра. Что это давало Вирусу — надо было думать.

В ухе проклюнулся девичий голосок:

— Руслан, ты где?

Руслан не сразу сообразил, что голосок принадлежит его давней подружке Ларисе, которую он встретил в деловой зоне Суперструнника несколько дней назад.

— Я занят, — строго сказал он.

— А я как раз освободилась, — жизнерадостно сообщила Лариса. — Не хочешь посидеть полчасика в нашем баре?

Руслан хотел отказаться, потом передумал:

— Хорошо, буду минут через двадцать.

Он развернул флайт, бросил ещё один взгляд на «дуло карабина», пропадавшее в темноте космоса, неторопливо вернулся к жилой пирамиде Суперструнника. Ощущение подглядывания, рождённое системой видеокамер наблюдения за пространством вокруг генератора, сошло на нет. Зато в коридоре за пределами транспортного отсека оно возникло вновь. Здесь тоже работала служба охраны, избавиться от присутствия которой было невозможно. Хотя именно этот аспект её работы вносил элемент успокоения в душу каждого жителя рабочего гонда.

Лариса сидела за барной стойкой и болтала с витсом-барменом, как с живым человеком.

Обтягивающий бело-золотой уник выгодно подчёркивал её фигурку, но у Руслана не возникло желания встретиться с девишкой наедине, как в былые времена.

— Привет, инспектор, — обрадовалась она его появлению. — Всё пыталась тебе позвонить, но ни один твой номер не отвечает.

Руслан подсел к стойке.

— Как же ты меня нашла? — Он посмотрел на бармена. — Кофе по-селенитски.

Бармен занялся приготовлением напитка.

В принципе обслуживающая людей техника достигла тех «магических» высот, когда могла выполнять их приказы, оставаясь невидимой. И кому-то подобное «волшебство» нравилось. Однако большинство жителей Земли предпочитало пользоваться бытовой техникой, адаптированной под сопровождение «старинного культа обслуживания», отчего практически во всех ресторанах, кафе, барах и заведениях отдыха клиентов обслуживали витсы либо живые люди.

— Встретила Махмуда, — сказала Лариса, — он и дал твой новый номер.

— Ага, — сказал Руслан, с трудом отрываясь от созерцания золотого узора на груди Ларисы.

Девушка засмеялась.

— Не усни, а то у тебя такой вид, будто ты двое суток не спал. Почему ты работаешь здесь, а не в своём Спас-центре?

— Уволили, — серьёзно сказал Руслан.

— За что?! — изумилась девушка.

— За несоблюдение СРАМ.

— Расскажи! — заинтересовалась Лариса. — Давай присядем у стеночки? Оттуда такой красивый вид открывается.

Они пересели к прозрачной стене бара, сквозь которую действительно была видна панорама Солнечной системы с выделенными специально и укрупнёнными планетами, а также блесившая под лучами Солнца «железная дорога» Суперструнника.

Руслан коротко рассказал ей о своей последней спасательной операции, о том, как ему предложили работать в агентстве. Лариса переживала. Потом начала щебетать о своих проблемах, о подругах, о каких-то общих знакомых. Руслан слушал с пятого на десятое и думал о том, что он до сих пор не разгадал главную загадку Суперструнника: кто командует парадом. То есть кто является эмиссаром Вируса, призванным запустить Суперструнник к определённом сроку.

— ...не слушаешь! — достучался до его сознания упрёк себе-седницы.

— Ничего подобного, слушаю, — возразил он рассеянно. — Просто работы много, приходится выкраивать минуты для отдыха.

— А чем ты занимаешься?

— Навожу порядок. — Слова вырвались сами собой, но смысл его деятельности отражали. — На стройке работают тысячи людей, и кое-кто из них не прочь позаниматься незаконным бизнесом.

Лариса сморщила носик.

— По-моему, инспектору Федерального агентства не пристало наводить порядок в сфере незаконного бизнеса. Вы должны контролировать опасные опыты и производства. Разве стройка является опасным производством?

— Ты не представляешь, сколько вокруг неё вертится разных организаций, пытающихся нажиться на поставках некондиционных материалов и на бытовом обслуживании. К примеру, клуб развлечений «Бай-Бай» сбрасывает мусор в космос, вместо того чтобы отправлять его в контейнерах законным путём на мусороперерабатывающие заводы. Кстати, где ты здесь устроилась?

— Танцую в казино «ЮЭрэп». Ты уже забыл, где мы познакомились? А здесь наш филиал, я работаю сутки через двое. Не хочешь заглянуть на часок? — Лариса лукаво прищурилась.

Руслан открыл рот, собираясь сослаться на занятость, и в этот момент в бар вошла Ярослава. Естественно, не одна. Похоже, Серджо Веласкес не отходил от неё ни на шаг.

Глаза Руслана и Ярославы встретились. Во взгляде бывшей супруги проскользнула искра иронии. Она оценивающе посмотрела на Ларису, на Руслана, кивнула и проследовала в противоположный угол зала, села у прозрачной стены.

Руслан обнаружил, что у него пылают уши.

— Ты её знаешь? — донёсся голос Ларисы.

— Разумеется, — очнулся он, криво улыбнулся. — Кто же не знает координатора стройки?

— Она так странно посмотрела на тебя, как будто вы давно знакомы.

— Я встречаюсь с ней по долгу службы.

— Она красивая.

Руслан посмотрел на девушку.

Её аура была чистой и приятной. Ни одного «грязного» оттенка. Лариса жила просто, незатейливо, радостно, принимая жизнь такой, какой она была, не претендуя ни на какие серьёзные отношения. С ней было легко и весело. Но о любви речь не шла. Поэтому и встречались они редко.

— Извини, мне пора бежать. Когда ты работаешь?

— Заступаю в двенадцать по среднесолнечному.

— Я загляну... на часок. — Он улыбнулся, стараясь выглядеть собранным и решительным.

— Буду ждать, — помахала пальчиками Лариса, принимаясь за коктейль.

Он вышел из бара, поймав короткий и точный, как пуля из

снайперской винтовки, взгляд Ярославы. В её глазах стоял вопрос.

Руслан добрался до номера, привычно проверил его спецпаратурой на предмет наличия «клопов». Привёл чувства в порядок. И подумал, что надо разработать план контактов с подозрительными личностями, претендующими на звание агентов Вируса.

Ярослава Тихонова должна была занять в списке первое место.

Он прищурился, помял пальцами глазные яблоки. Подозревать жену в пособничестве Вирусу не хотелось, да и сердце яростно сопротивлялось самой мысли, что она могла стать агентом. Но он не имел права игнорировать факты, а также собственные умозаключения. Их анализом должны были заниматься другие люди. Руслан подогрел грин-тоник, залпом выпил стакан. Полегчало.

«Шустрый, расставь по полочкам».

«Что именно?» — осведомился терафим.

«Всех, кто подозрителен. Мы займёмся ими вплотную».

Руслан сбросил уник со всем его невидимым спецоборудованием и, оставшись в оберегавшем кожу трико, начал составлять в уме «подозрительный реестр», одновременно отжимаясь от пола на кулаках.

Он выдохся на трёхсотом отжиме, перевернулся на спину.

Список получился не слишком большим, однако требовал основательных затрат времени на реализацию плана контактов. И слежки. Сам Горюнов не мог наблюдать сразу за всеми подозрительными лицами, вследствие чего ему нужны были люди и техника слежки.

Итак, номер один: Ярослава Тихонова...

Кто-то аккуратно постучал в дверь номера.

— Открой, — машинально приказал он домовому.

Инк разблокировал замок.

Дверь открылась.

Вошла Ярослава.

Руслан, лежавший на ворсистом полу комнаты в расслабленной позе, вскочил.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, ничего не говоря.

Потом Ярослава сделала шаг вперёд. Дверь закрылась.

— Добрый день.

— Добрый...

— Мне сказали, что на тебя было совершено ещё одно нападение.

— Пустяки, — пробормотал он. Спыхватился, что стоит одетый «не по форме», стремительно натянул уник. — Извини... те. Ярослава покачала головой.

— Ты был и остался мальчишкой. Что ты здесь делаешь, спасатель? Два покушения за пять дней! Кому ты отдавал мозоль?

Руслан невольно улыбнулся.

— Здесь есть кому наступать на мозоли.

— Прежнего инспектора ФАК не видели и не слышали. А ты умудрился за несколько дней не понравиться всем. Поллак намеревается убраться тебя с территории стройки.

— Возможно, у Поллака тоже рыльце в пушку?

— Ты всем мешаешь.

— Тебе тоже?

Короткая дуэль взглядов.

Ярослава снова покачала головой.

— Вы странно себя ведёте, инспектор. Возможно, вам и в самом деле придётся покинуть стройку... чтобы остаться в живых.

— Пусть вас это не беспокоит. Я всего лишь делаю своё дело. — Он спыхватился. — Не желаете чего-нибудь выпить? У меня есть хорошее германское вино — «Молоко любимой женщины».

— Как-нибудь в следующий раз.

— А он будет, следующий раз?

— Это зависит от вас, господин инспектор. Я бы всё же посоветовала вам сменить род деятельности на более спокойный. Вы ведь занимались какой-то работой в Спас-центре?

— Какой-то, — усмехнулся он.

— Вот и возвращайтесь к любимому делу.

Руслан мысленно включил стенное видео.

Две стены комнаты превратились в панорамный виом с видом на звёзды и на «железную дорогу» Суперструнника.

— Знаешь, что это такое? — кивнул Руслан на блестящую ферму, уходящую в черноту космоса.

Ярослава недоуменно пожала плечами.

— Дженворп... генератор фазовой деформации...

— Это физика. А есть ещё философия и метафизика. В метафизическом плане Суперструнник являет собой кнут в руках неопытного пастуха. Этим кнутом можно заставить стадо коров идти в нужном направлении, а можно неосторожным шелчком выбить корове глаз.

Ярослава скептически пошевелила бровью, разглядывая нарочито бесстрастное лицо собеседника.

— Столь образно ты ещё не говорил. Кто же, по-твоему, этот «пастух», что взялся за «кнут» Суперструнника?

— Не знаю, — развёл руками Руслан. — Но хочу узнать. Поэтому и останусь здесь до конца, пока не найду ответы на все свои вопросы.

Ярослава помолчала, косясь на блестящую ленту в растворе виома.

— Будьте осторожны в своих изысканиях, инспектор. Поллак, по-моему, уже выложил докладную о служебном несоответствии вашему начальнику, и тот может вас отозвать.

— Господин Тихонов? — безразличным тоном уточнил Руслан. — Тот самый? Ваш муж?

— Бывший, — сухо ответила Ярослава и вышла.

Дверь закрылась.

Руслан сделал движение, будто хотел схватить её за край платья, присел на корточки, прислушиваясь к затихающему гулу крови. «Интересно, зачем она приходила? — спросил внутренний голос. — Неужели действительно переживает за тебя?»

Не знаю, ответил Руслан своим тайным надеждам.

Подозревать Ярославу не хотелось. Может быть, жена Цезаря и в самом деле вне подозрений?

Глава 16

ВОЗРАСТ ЛЮБВИ НЕ ПОМЕХА

Идея постричься возникла у Всеволода Шапиро во время встречи со студентами. Двое из них прибыли на randevu с профессором абсолютно безволосыми, с татуировкой на головах, и у Шапиро при взгляде на них вдруг родилось желание сделать

себе классную молодёжную причёску. Очень уж хотелось понравиться одной юной даме, с которой он начал встречаться недавно.

Идея понравилась. Шапиро после встречи со студентами повертелся перед зеркалом в кабинете, подёргал себя за седые космы и решил после обеда заглянуть в ближайшую парикмахерскую.

Минск начала двадцать четвёртого века являлся не только столицей удельного княжества Беларусь в составе России, но и крупнейшим научным и культурным центром Евразии. Одних только высших учебных заведений в нём насчитывалось более двухсот. Кроме того, в Минске располагались всемирно известные научные центры и лаборатории, попасть в которые считали за честь многие знаменитые учёные.

Всеволод Шапиро работал в МФТИ — Минском физико-техническом институте, известном тем, что в его стенах родилась известная Теория Великого Объединения, давшем миру таких известнейших исследователей, как Василёв, Глоцер, Фома Верующий и Фердинанд Херциг. Последний, правда, проработал в МФТИ всего два года и ушёл в Европейский ЦЕРН, однако его помнили, и вместе с двумя десятками бронзовых барельефов на Аллее Славы института красовался и его барельеф.

Шапиро не был столь знаменит, но всё же занимал должность начальника физической лаборатории высоких энергий по праву. Он также преподавал в Минском университете и носил звание доктора физико-математических наук. К его мнению прислушивались многие учёные с мировыми именами. И только Фердинанд Херциг, с которым он не раз вступал в полемику, не жаловал профессора и отзывался о нём нелицеприятно. Хотя и он изредка признавал свою неправоту. Во всяком случае, замечания Шапиро по многим аспектам своей «теории вакуумного кристалла» Херциг принял.

Впрочем, об этом знали только он сам и Шапиро, отстаивающий свою точку зрения на Вселенную в целом и на её «додекаэдровость» в частности. Эту его теорию — о сравнительно небольших размерах Вселенной (не больше семидесяти миллиардов световых лет) — поддерживали только ученики профессора.

Идея постричься родилась у него двадцать шестого апреля.

Но Шапиро приступил к её осуществлению днём позже, пе-

ред встречей с юной девицей, которую звали Кармен. Она училась на третьем курсе университета и была моложе Шапиро на тридцать восемь лет. Но это не мешало физику, а главное — самой Кармен, и их встречи происходили регулярно. Хотя и вдали от стен учебного заведения и от Минска вообще. Профессор имел небольшой коттеджик на Марсе, в долине Маринера, приобретённый им по случаю, и теперь с удовольствием отдыхал там, предаваясь сладостному времяпрепровождению, о котором раньше и не мечтал.

Парикмахерскую он выбрал поближе к дому в Минске.

По сути, это был известный всему городу центр физического совершенствования, имевший свои лаборатории визажистики, лечебные кабинеты, косметические салоны, залы для занятий шейпингом, бани. И парикмахерскую. В ней и появился Всеволод Шапиро днём двадцать седьмого апреля, намереваясь превратить буйную седую «эйнштейновскую» поросль на голове в эстетический шедевр.

Приняли его настоящие живые мастера, и Шапиро больше часа провёл в блаженном состоянии, не замечая никого и ничего. Он даже вздохнул с разочарованием, когда всё кончилось.

— Благодарю! — проговорил он с чувством, наградив улыбкой милую девушку, сделавшую из него писаного красавца. — Теперь всегда буду стричься только у вас!

Девушка в ответ произнесла пару дежурных фраз, приняла от клиента сотню белрублей, сделала книксен и поспешила в зал, к другому клиенту.

Благоухая «Вереском», Шапиро оглядел себя в зеркале, остался доволен: издали его и в самом деле можно было принять за молодого парня с модной причёской «а-ля гламур», — и вызвал такси. Естественно, за окружающими он не следил, а потому и не заметил, что за ним осторожно наблюдают двое парней в открытом флайте; у них были чёрные очки с подачей изображения на внутреннюю поверхность стёкол, а велось наблюдение с помощью мобильной микрокамеры — «мухи».

Такси домчало пассажира до метро, высадило у красивой кристаллической пирамиды с красной буквой «М».

Шапиро в потоке других пассажиров поспешил в зал.

За ним, не отставая, последовали парни в очках.

Шапиро выбрал кабину, дверь за ним закрылась. Он набрал код.

Парни в очках переглянулись: «муха» передала из кабины изображение маршрутной панели и номер, который набрал профессор.

Кабина опустела.

Парни тут же заняли её, передали кому-то полученную информацию и набрали тот же код.

Шапиро вышел в зале семнадцатого марсианского метро, которое располагалось ближе всех к его коттеджу. Побродил по залу, нетерпеливо поглядывая сквозь прозрачную стену на безрадостный марсианский пейзаж. Несмотря на двухсотлетнее освоение оранжевой планеты людьми, её атмосфера ещё не достигла значений, позволяющих людям дышать свободно в любой точке Марса, и лишь в долинах и глубоких кратерах давление почти равнялось земному. А поскольку коттедж Шапиро располагался именно в такой долине, на берегу озера, он мог гулять у воды без респиратора, хотя и непродолжительное время.

Появились парни в очках.

За ними вышли из кабины ещё двое мужчин, и тоже в очках.

Все четверо обменялись взглядами и разошлись по залу, как бы знакомясь с интерьером марсианского метро.

Наконец, спустя двадцать минут ожидания, появилась Кармен в кокетливом розовом унике.

Шапиро устремился к ней, и пара проследовала через прозрачный рукав к транспортному терминалу метро. Здесь они сели в освободившийся двухместный «БМВ», и стартовый автомат открыл аппарату окно.

Тотчас же мужчины в очках, как по сигналу, последовали за ними, бросились к стоявшей в сторонке чёрной «Волге» с опознавательными знаками грузовой транспортной службы. Аппарат устремился вслед за лёгким голубым «БМВ» с двумя седоками. А вслед за ним поднялся из-за холма сидевший снаружи коричнево-зелёный «Хаммер», который вдруг покрылся слоем искажений, будто попал в раскалённое облако, и исчез. Очевидно, его пассажиры включили режим «инкогнито», не желая, чтобы аппарат кто-либо видел.

Двести с лишним километров от метро до Маринер-структуры «БМВ» преодолел за двадцать минут.

Кармен была весела и разговорчива.

Шапиро, довольный произведённым на девушку эффектом, изредка позволял себе умные фразы и шутки.

Они оставили машину в герметичном боксе, расположились в небольшом каминном зале с видом на озеро и выпили по бокалу шампанского. После этого профессор по-молодецки подхватил девушку на руки и понёс в спальню.

Дурачась, они начали раздевать друг друга. Замерли в поцелуе. Причёска профессора перестала играть какую бы то ни было роль. И в этот момент в коттедже, охраняемом витсами и системой эссемблер-защиты, появились неожиданные гости.

Неизвестно как, но им удалось открыть дверь на верхнюю галерею, откуда можно было спуститься вниз. При этом ни одна защитная линия коттеджа не сработала. Будто у гостей была «договорённость» с инком дома, который и впустил их, соблазнённый «открывающимися перспективами роста» либо чем-то ещё, особо необходимым интеллект-компьютеру.

Шапиро узнал о визите несколько минут спустя, когда его грубо оторвали от юной дамы. Ошеломлённо глянул на четверых парней в очках, отброшенный к стене спальни.

Кармен, пискнув, попыталась спрятаться под простынёй, но один из гостей выстрелил в неё из «глушака», и она застыла безвольно, широко открыв глаза.

— В-вы кто?! — прохрипел профессор. — Какого чёрта вы здесь делаете?!

— Ответишь на вопросы добровольно — будешь жить, — равнодушно проговорил самый высокий из парней. — У тебя в гостях был недавно инспектор ФАК Руслан Горюнов. Что ему было нужно?

Шапиро возмущённо подался вперёд, но был снова отброшен к стене.

— Сидеть!

— Да какое это имеет значение? Кто вы такие?!

В плече второго парня, пониже и поплотнее, раздвинулись шторы встроенного в костюм оружия, высунулось дуло «рэнгера», и он выстрелил.

Пуля попала Шапиро в плечо. Он ойкнул, схватился за плечо, в котором появилась дырка. Из-под пальцев выдавилась струйка крови.

— Какого дьяво...

— Будешь отвечать?

— Но я ничего не знаю! У меня был давний знакомый, мы с ним говорили о космологии. У него появился интерес к физике. Что вы с ней сделали?!

Шапиро, кривясь от боли, потянулся к Кармен, но замер, увидев раскрывшееся в плече парня дуло «рэнглера».

— Значит, по-хорошему не хочешь. Будем по-плохому. Прострели ему вторую руку.

Дуло пистолета шевельнулось. Шапиро, побледнев, вжался в стену.

В коридоре раздался какой-то дробный тихий стук, будто по мраморному полу процокали коготки мелкого зверька.

Парни насторожились.

— Малев? — спросил второй, пониже ростом.

Все они имели ларинг-рации с выходом на слуховые нервы и могли переговариваться друг с другом мысленно или в аудио-режиме.

— Молчит.

— Тунг, сходи, проверь.

Парень с пистолетом вышел из спальни и тут же вернулся.

Впрочем, как оказалось, это был не он. Просто на новом госте был надет такой же спецкостюм и очки.

Промедлили и остальные гости, ждавшие своего.

Мелькнули тусклые вспышки плазменных разрядов.

Парни, допрашивавшие Шапиро, попадали на пол спальни с обугленными лицами.

Двое из них оказались витсами, поэтому продолжили сопротивление, пока в них не разрядили нейтрализаторы молекулярных связей. Лишь после потери чип-карт (головы витсов испарились) они перестали двигаться.

Третий гость, самый высокий, был живым человеком. Он погиб практически мгновенно, также не успев выстрелить из встроенного в костюм аннигилятора «шукра».

Вслед за стрелком, в доли секунды перестрелявшим команду неизвестных киллеров, в спальню вбежали ещё двое мужчин и женщина в белом унике.

— Займись, — кивнул на раненого Шапиро и его приятельницу один из них, белобрысый, с прозрачно-серыми глазами.

Женщина развернула походный медицинский модуль, хлопотала над профессором, уложила Кармен на кровать.

Сероглазый обошёл спальню, остро вглядываясь в тела лежащих, посмотрел на Шапиро.

— Извините, профессор. Пришлось нейтрализовать витсов на стрёме, поэтому и задержались. Чего они от вас хотели?

Шапиро, потный, расслабленный, скривил губы:

— Спрашивали, зачем ко мне приходил инспектор ФАК Горунов.

Мужчины обменялись быстрыми взглядами.

— Понятно. Сейчас вас подлечат, и мы отправим вас домой. Какое-то время придётся посидеть под негласным надзором. Просьба: никому ни слова о происшествии.

— Кто вы?

Сероглазый улыбнулся:

— Служба безопасности. Договорились?

— А с ней что? — Шапиро перевёл взгляд на Кармен.

— Вазомоторный шок, — ответила женщина-врач. — Обычное состояние после разряда пси-генератора. Через пару часов будет в порядке.

— Ей тоже придётся не ходить на занятия несколько дней. Лучше, если она будет с вами. Жена не будет возражать?

Шапиро снова скривил губы:

— Жена уже больше года живёт с другим человеком. Разумеется, Кармен побудет со мной.

Сероглазый кивнул, вышел в коридор.

В каминном зале его встретил только что прилетевший Воеводин.

— Успели?

— В самый притык. Очень трудно было нейтрализовать наблюдателей, чтобы не запаниковала киллер-команда.

— Как профессор?

Сероглазый — это был Иван Грымов — усмехнулся:

— Как говорится, ничто человеческое нам не чуждо. Держится молодцом. Ему пятьдесят семь, а девицу отхватил — не каждому юнцу удастся.

— Возраст любви не помеха. Всё-таки они действуют слишком прямолинейно, ты не находишь?

— Финал близок. Стройка практически завершена. Пуск Суперклизмы назначен на двадцать второе июня. Вирус торо-

пится и не хочет рисковать даже малейшей утечкой информации, потому ликвидирует даже потенциальных носителей.

— Философ ты, однако.

— Жизнь заставит, не только философом станешь.

— Да? — удивился Воеводин. — Кем же?

— Контрразведчиком, — ответил Грымов мрачно.

— М-да, шутник. Давно разговаривал с Горюновым?

— Парень ходит по лезвию бритвы. Но ведёт себя умно, как и подобает дотошному инспектору ФАК. Поднял против себя сытое начальство. Предложил нам список подозрительных личностей, с которыми хочет поработать.

— Ну-ну? — заинтересовался Воеводин.

— В списке восемь фамилий. Среди них фамилия его бывшей жены, координатора стройки Ярославы Тихоновой.

Воеводин оглянулся на оперативников «Сокола», увозивших на антигравах трупы киллеров, завернутые в фольгу.

— Он её так сильно не любит?

— Да нет, — смущённо качнул головой Грымов. — По моим наблюдениям, он хочет возобновить отношения.

— Но при этом помещает её в список подозреваемых.

— А разве мы не внесли её в наш собственный список подозреваемых?

Мужчины обменялись понимающими взглядами.

— Присмотрите за ним, — сказал Воеводин. — Он хороший парень. Благодаря ему мы уже вышли на реальных агентов Вируса.

— Смотрим.

— Кого ещё он подозревает?

— Поллака, Шевчука, самого Херцига, китайца Синьцзы, Веласкеса и двух новых парней, которые следили за ним: Муслима Фахтияра и Авраама Косого.

— У нас есть на них что-нибудь?

— Только послужные данные. Оба работают на европейские спецслужбы. Они засветились после взрыва в квартире Горюнова.

— Пошли за ними наружку.

Грымов кивнул, исчез вслед за своими подчинёнными.

Воеводин в задумчивости прошёл по каминному залу котеджа и направился к спальне. Надо было успокоить профессора и побеседовать с ним о Суперструннике.

Глава 17

РАБОТА НЕ ВОЛК. ЯДОВИТАЯ ЗМЕЯ

Свой план контактов с подозрительными лицами Руслан начал претворять в жизнь сразу после странной беседы с Ярославой. Зачем она приходила (кстати, не одна, Веласкес ждал её в коридоре), так и осталось неразгаданным. Вряд ли — осведомиться о здоровье бывшего мужа. Властная и сильная, она не могла позволить себе переживать за какого-то там инспектора Федерального агентства. С другой стороны, Руслан очень хотел верить, что некие положительные чувства у неё к нему имелись. Узнать бы только какие.

Он спустился в бар, китайца Синьцзы там не нашёл и позвонил пограничнику Мешему. В голове зародилась мысль задать ему несколько провокационных вопросов и понаблюдать за реакцией поручика.

Мешем отыскался быстро. Он собирался отправиться на Землю после дежурства, однако согласился встретиться с инспектором, не ссылаясь на занятость.

Встретились в баре.

Руслан заказал кофе по-индейски — с добавлением неразмолотых жареных зёрен, Мешем — горячий венерианский мёд.

— Я хочу тебя попросить, — перешёл на «ты» Руслан. — Давно присматриваюсь к твоему шефу.

— К Цвиркуну?

— Нет, к Шевчуку.

— А что Шевчук?

— Ведёт себя подозрительно. Я доложил своему начальству о безобразиях на стройке, оно направило докладную Шевчуку, а тот словно бы и не получал ничего. Полный молчок.

На лице Мешема не дрогнула ни одна чёрточка.

— Ну, и чего ты хочешь от меня?

— Познакомь меня с ним.

Пограничник удивлённо посмотрел на Руслана:

— Зачем?

— Хочу выяснить его отношение к запуску Суперструнника. Экологическую экспертизу делало наше агентство, но подписывали большие начальники, в том числе и он.

— Ну и что?

— Как что? Он же должен был обеспечить всестороннюю проверку проекта, цепляться к каждой буковке заключения, а на самом деле подписал его не глядя.

— Откуда ты знаешь?

— Мой непосредственный начальник поделился сомнениями, — соврал Руслан, не моргнув глазом. — Вот я и хочу выяснить, почему господин главный пограничник так уверен в безопасности данного объекта.

— Хорошо, познакомлю. Кстати, он в данный момент на Саадиате.

— Где? — не понял Руслан.

— Ты ни разу там не был?

— Не приходилось.

— Это остров недалеко от Абу-Даби, его ещё называют «островом счастья».

— Абу-Даби? Это же столица Объединённых Русско-Арабских Эмиратов. Конечно, я слышал не раз, но действительно отдыхать там не удосужился.

— Я был дважды. Впечатляющая архитектура. Остров застроили ещё в начале двадцать первого века, по-моему, то ли в две тысячи пятнадцатом году, то ли в две тысячи двадцатом. По тем временам это был уникальный архитектурный ансамбль. Он и сейчас очень даже хорош, хотя комплекс для отдыха радикально изменился. Музеев много.

— Что за музеи?

— «Ворота для культурного обмена», — усмехнулся пограничник. — Так высоко ценят в мире Саадиат. Музеев я знаю четыре. Музей восточных искусств, его проектировал иракский архитектор Заха Хадид, Музей классического искусства, не помню автора, Морской музей. Есть и Музей русских традиций. Я побывал почти везде, но мало что увидел. Вернее, на походы по музеям требуется слишком много времени.

— Наверное, они сейчас пустуют?

— Почему? Народ ходит, глазееет, приобщается. Кстати, в Музее искусств Хадиды есть концертный зал и театры: музыкальный, оперный, драматический.

— Правда?

Мешем подозрительно посмотрел на Руслана:

— Ты действительно там не бывал?

Руслан смущённо пригладил волосы.

— Честно, не бывал. Я люблю отдыхать в средней полосе России, на реках Мещёры, Ярославской губернии, на Байкале. В прошлом году участвовал в автопробеге от Екатеринбурга до Забайкалья. Неслабый драйв, признаться, даже для профи. Дорог почти не осталось, машины старые. А в Абу-Даби не был.

— Тогда тебе будет интересно.

Руслан задумчиво прожевал кофейное зёрнышко.

— В принципе можно было бы и махнуть на этот «остров счастья». Или ты занят?

— Могу сопроводить.

— Тогда жди меня через десять минут у метро.

Руслан допил кофе, спустился к себе в номер и сообщил консьерж-дежурному «Сокола» о том, что убывает на Саадиат. Проверил экипировку. Настроил аппаратуру для скрытого наблюдения. Спустился ещё ниже, к залу метро.

Мешем ждал его в отсеке, со скупающим видом расхаживая у кабин.

Заняли одну из свободных кабин, пограничник поколдовал над заказом маршрута, и «струна» метро бросила пассажиров сквозь пространство к Земле, на берег Персидского залива, где располагалась столица ОРАЭ.

Объединённые Арабские Эмираты присоединились к России в две тысячи двести втором году, вслед за Ираном, Кувейтом, Сирией и Саудовской Аравией. А уже через полсотни лет все ранее пустынные земли страны были освоены русскими олигархами, многие из которых оказались побогаче арабских шейхов, основу богатств которых составляла нефть. Однако к две тысячи двести шестидесятому году нефть перестала играть роль главного энергетического сырья, мир перешёл на другие технологии, «вакуумные», транспорт ушёл с земли в небо, и арабские шейхи оказались не у дел. Лишь поддержка россиян и помогла им удержать под контролем ситуацию в стране, на которую зарилась Объединённая Северная Америка. С тех пор страна и стала называться Русско-Арабскими Эмиратами.

Столица ОРАЭ в значительной степени сохранила свой восточно-мусульманский колорит. По легенде город был основан в тысяча семьсот шестидесятом году: арабов-охотников привела к источнику пресной воды газель. Поэтому он и получил на-

звание Абу-Даби — «Отец газели». В тысяча девятьсот пятидесятом году в местечке Рас Садр было обнаружено первое крупное месторождение нефти, и за последующие тридцать лет Абу-Даби из маленькой деревушки превратился в мегаполис с ультрасовременными — по тем временам — небоскрёбами. Самое интересное, что многие небоскрёбы простояли более четырёхсот лет с момента постройки, и лишь последовавшая в двадцать третьем веке революция строительных материалов — люди научились выращивать дома как кристаллы, с помощью биотехнологий, — изменила у жителей страны отношение к старым зданиям из стекла, стали и бетона. Впрочем, здания, возведённые ещё в двадцать первом веке, до сих пор высились над городом и Персидским заливом.

Пока такси местных линий несло пассажиров от метро к острову Саадиат, Руслан с интересом рассматривал проплывающие под аппаратом мечети и причудливые фонтаны, которых было великое множество. Метро, из которого вышли гости города, было построено на окраине старого Абу-Даби, откуда был виден Форт Аль Хусн, и Руслан даже попросил Мешема пролететь над ним.

— Здесь до сих пор размещается центр документации и палеоисторических исследований.

— Красиво, — сказал Руслан, и в самом деле восхищённый мастерством древних строителей.

— Да, есть на что посмотреть, — согласился пограничник.

Такси воспарило над водами залива, приблизилось к острову. Стали видны купола музеев и ажурные шпили минаретов, утопающие в тучах изумрудной зелени. Высотных зданий на Саадиате было мало, и все они не являлись жилыми, если не считать многочисленных отелей. Здесь вся архитектура подчинялась одному закону: закону приобщения к мусульманским святыням и эстетике искусного вплетения человеческих конструкций в природу.

Такси нырнуло вниз, к зданию Морского музея, похожего издали на белоснежный круизный лайнер с множеством палуб, выброшенный на берег штормом и оставшийся там навсегда.

— Ну, и где мы будем искать твоего босса? — спросил Руслан, скептически настроенный после всего увиденного.

— Зачем его искать? — пожал плечами Мешем. — Он живёт в отеле «Зарикан», у него свои апартаменты.

— Откуда ты знаешь?

— Шевчук этого и не скрывает. Он ещё в бытность свою украинским бизнесменом приобрёл недвижимость в разных концах света. Потом стал депутатом Киевской Рады, министром безопасности Украины, комиссаром безопасности Европарламента, и только после этого — командором Федеральной Погранслужбы.

— А ещё что ты о нём знаешь?

— Он был семь раз женат, — улыбнулся Мешем. — Всех его детей я не считал, знаю двух-трёх. Сейчас он живёт с фотомоделью по имени Альбина, ей двадцать, ему сорок девять.

— Нормально.

— И я так считаю.

— И всё-таки ты знаешь его так, будто хорошо с ним знаком.

— Встречался несколько раз, — скромно сказал Мешем. — А вообще-то я знаком с его дочерью от второго брака Катериной. Она училась со мной в институте, в одной группе.

— Ах, вот в чём дело, — усмехнулся Руслан, кинув взгляд на профиль спутника. — Мне надо было самому догадаться.

Они вышли на площадь, окружённую мечетями и усеянную отдыхающими.

Руслан оглянулся. Ему показалось, что в толпе мелькнуло знакомое лицо. Поискал глазами человека, но тот как сквозь землю провалился. Чёрт, неужели это был Авраам Косой? Он-то что здесь делает? Снова следит?

— Почему мы не сели в паркинге отеля?

— Пройдёмся, погода хорошая, не жарко, дышится легко. Тут недалеко, двести метров. Видишь башенку над деревьями? Это и есть отель «Зарикан».

В пёстрой толпе зевак они приблизились к высокому — метров триста — шпилью с выступающими из кристаллической пены центральной стойки «тарелками» номеров. Вокруг шпиля вилась струйка летательных аппаратов разных классов, но в основном садились на галереи и взлетали богатые машины марок «БМВ», «Мойбах», «Феррари» и «Мерс».

— Нас туда не пустят, — проговорил Руслан с сомнением. — Это же частный отель.

— Пустят, — остался спокойным Мешем.

Они вошли под прозрачную полусферу центрального входа в здание, миновали две прозрачные стойки опознавания и контроля, остановились в прохладном холле отеля, на красивом, подсвеченном изнутри мозаичном полу, глядя по сторонам.

Тотчас же рядом возник молодой человек в лиловом бурнусе, профессионально улыбнулся, заговорил по-арабски.

Мешем поднял палец, и молодой человек заговорил по-английски:

— Извините. Чего изволите, господа?

Мешем посмотрел на Руслана.

— Нам хотелось бы увидеться с господином Шевчуком.

— Боюсь, это невозможно, — замялся виф как живой человек.

— Передайте ему, что с ним хочет поговорить бойфренд его дочери Катерины. По важному делу.

Молодой человек в бурнусе, играющий роль помощника метрдотеля, исчез.

Руслан хмыкнул.

— По важному делу, говоришь?

— Ты же сам хотел поделиться с ним своими умозаключениями. Разве это не важное дело?

Руслан засмеялся, покрутил головой.

— Я думал, ты найдёшь личную причину.

— Нет никаких личных причин. — Мешем подумал. — Кроме одной разве что. Катерина слишком увлеклась глубоководным дайвингом, а это опасная штука.

Руслан огляделся.

В холле играла тихая музыка. В креслах у стен сидели какие-то люди, в основном — в белых арабских бурнусах, важно прогуливались господа азиатского типа. Ни одного белого среди них Руслан не заметил. Хотел обратить внимание Мешема на это обстоятельство, но рядом вновь соткался из воздуха фантом обслуживающего отель инка.

— Господин Шевчук согласился принять вас. Идёмте, я вас провожу.

Они прошли к прозрачной колонне лифта, и дымчато-се-

ребристая платформа за считанные секунды вознесла гостей на сотый ярус отеля.

Проверять документы у них никто не стал. Очевидно, система контроля быстро разобралась, кто именно решил посетить отель, оценила их психонастроенность, отсутствие оружия и пропустила.

Коридорчики, напоминающие в плане пятиконечную звезду.

Пальмы, растущие из пола.

Приятные запахи, прохлада.

Гостей встретил ещё один молодой человек с прицеливающимся взглядом, одетый в обыкновенный с виду уник. Интуиция шепнула Руслану, что это живой человек. Он оглядел гостей, не здороваясь, поманил рукой.

— Идёмте.

Руслан и Мешем переглянулись.

Их прежний проводник улыбнулся, помахал рукой и растворился в воздухе. В его миссию не входила процедура знакомства жителей отеля с приезжими.

Охранник с подбритым затылком проводил их по одному из коридорчиков к двери номера, дверь растаяла, он сделал приглашающий жест: входите.

Гости вошли.

Маленький холл с прозрачными стенами и рядом непрозрачных плоскостей. Сквозь стены открывается великолепный вид на залив, на остров и весь Абу-Даби. Три мягких кресла в марокканском стиле. Висящий в воздухе поднос с фруктами и напитками.

— Угощайтесь, — равнодушно сказал охранник. — Хозяин сейчас выйдет к вам.

Гости остались одни.

Руслана одолели сомнения. Показалось, что он напрасно затеял всю эту игру со знакомством. Мешем вёл себя абсолютно естественно, и лишь малюсенький нюансик подмаргивал в голове Горюнова красным светом, как индикатор опасности: друзьями они не были, но Мешем почему-то без возражений согласился помочь Руслану дойти до одной из вершин властных федеральных структур.

— По глотку тоника?

— Пей, я не хочу. — Мешем прошёлся по небольшой треугольной комнате, приглядываясь к её интерьеру.

— Ты здесь был уже? — поинтересовался Руслан.

— Н-нет, — ответил пограничник после почти незаметной заминки. — Катерина рассказывала.

— Хотелось бы посмотреть, как живёт командор Федеральной Погранслужбы.

Одна из непрозрачных плоскостей в холле, напоминающих тонкие стенки из рисовой бумаги, превратилась в проём двери, из него вышел плотный мордастый мужчина с высоким ёжиком чёрных волос. Взгляд у него был тяжёлый и неприятный. Одет он был в почти прозрачный домашний халат-сари, скрывающий тем не менее фигуру.

— Джон, что случилось?

— Знакомьтесь: Дмитрий-Яков — Руслан Горюнов, инспектор ФАК на Дженворпе. У него есть вопросы к вам.

Шевчук нахмурился, пожевал губами, смерил фигуру Руслана странным — в с п о м и н а ю щ и м взглядом.

— Горюнов? Забавно. Мне только что говорили о вас.

— Надеюсь, хорошее? — вежливо сказал Руслан.

— Разное. Например, что вы слишком буквально понимаете инструкции руководства и мешаете работать.

— Я мешаю работать только тем, кто не в ладах с законом, — веско сказал Руслан.

— Правильная позиция, — кивнул Шевчук. — Так что вы хотели у меня спросить?

— Извините, что пришлось оторвать вас от...

— Покороче. Можно было записаться ко мне на приём в рабочем порядке, но уж коль пришли — спрашивайте.

— Почему вашей службой не выполняются распоряжения инспектора ФАК, направленные на соблюдение соответствующих норм и правил?

Озадаченный Шевчук и Мешем переглянулись.

— Инспектор — это вы, разумеется.

— Какая разница?

— А о каких правилах и нормах идёт речь?

— На стройке много лишних людей, имеющих пограничные сертификаты. Все они якобы являются консультантами и

экспертами монтажников и научных руководителей, на деле же никого не консультируют.

— Интересное заявление. Можете назвать фамилии?

— Астроном Сю Синьцзы. В услугах астрономов Дженворп в настоящее время не нуждается, однако господин Синьцзы имеет «золотой» доступ ко всем объектам стройки.

— Не знаю такого астронома. Кто ещё?

— Муслим Фахтияр, сотрудник Европейского отделения ФАК.

— Но он же ваш коллега.

— На стройке должен работать только один инспектор агентства, о втором никто меня не предупреждал.

— Разбирайтесь с ним сами, это ваши проблемы. Какие претензии к моей службе у вас есть конкретно?

Шевчук так и сказал: «к моей службе», — и Руслан отметил сей примечательный факт.

— Система наблюдения за пространством вокруг Суперструнника работает со сбоями, о чём я также докладывал. А она находится в ведении Погранслужбы. Изменения в конструкции Дженворпа не обсуждаются на коллегии ФАК и подписываются вашими представителями без надлежащих проверок. Есть и другие вопросы, которые должны быть решены в ближайшее время. Вот список.

Руслан подал командору блестящую пуговку флэшки. При этом он скомандовал терафиму:

«Запусти «клопа»!»

Шевчук взял флэшку, и невидимый глазу «клоп» — микро-скопическая видеокамера — перепрыгнул на руку командора, уселся на один из волосков запястья, замер. Включиться он должен был только через час после активации.

— Разберёмся, — сказал Шевчук; в глазах его мелькнула не то тень досады, не то угроза. — Оказывается, вы действительно добросовестный работник, господин инспектор. Я отмечу это на правительственном совещании. У вас всё?

— Так точно! — вытянулся Руслан.

Шевчук посмотрел на Мешема.

— Спасибо, Джон, твой друг произвёл на меня впечатление. Как твои успехи?

— Нормально, — сказал пограничник. — Сэр, хочу попро-

сать вас об одолжении: поговорите с Катериной, она увлеклась абиссальным дайвингом и не хочет слушать никого, в том числе инструктора. Это может плохо кончиться.

— Да, это похоже на Катку, — кивнул Шевчук, задумчиво изучая лицо пограничника. — Она всегда отличалась дерзостью и отсутствием здравого смысла.

— Сэр...

— Хорошо, я поговорю с ней. Если у вас всё, то разрешите откланяться, у меня дела.

Мешем и Руслан одновременно отступили назад.

Шевчук повернулся к ним спиной, вошёл в туманную плоскость, исчез, как фантом.

Появился его телохранитель, открылась входная дверь. Гости проследовали в коридор, дверь за ними закрылась.

— Суров твой начальник, — сказал Руслан со смешком.

— Странно, что он нас принял, — признался вдруг Мешем, утратив на мгновение свой обычный бесстрастный вид. — Я думал, он отошлёт нас к своим замам.

— Ты с ним не дружишь?

— Я похож на человека, другом которого является командор Федеральной Погранслужбы?

Руслан засмеялся.

— Извини.

Они сели в лифт, спустились в холл отеля, живущий своей неторопливой жизнью.

— Я тебе больше не нужен? — спросил Мешем.

— Спасибо огромное за поддержку, — сказал Руслан. — Если честно, я сам не рассчитывал на встречу с командором. Но теперь, благодаря тебе, ситуация на Дженворпе изменится. Шевчук наведёт порядок. Хочешь, полетим ко мне, выпьем чего-нибудь?

— У меня другие планы. Доберёшься до метро?

— Без проблем. Погуляю немного и полечу на работу. Понадоблюсь — звони. Когда ты заступаешь на дежурство?

— Через сутки.

— Увидимся.

Они пожали друг другу руки, и Мешем двинулся через холл к выходу.

Рядом возник прежний молодой человек в бурнусае.

— Надеюсь, вам у нас понравилось? — На этот раз он заговорил по-русски, подчиняясь указаниям системы контроля. Внутри отеля всё контролировалось видеокамерами.

— О да! — искренне ответил Руслан.

За пределами здания было жарко, температура поднялась до тридцати градусов по Цельсию. Но пешеходы на площади не обращали на это внимания, увлечённые созерцанием местных архитектурных красот. Присоединился к ним и Руслан, также замороженный атмосферой приобщения к памятникам старины, подхваченный потоком иного времени — скользящего мимо жизни, но от жизни этой зависимого.

Шевельнулся в голове терафим.

И тотчас же Руслан заметил в толпе знакомое лицо.

— О, господин инспектор! — широко улыбнулся астроном Сю Синьцзы. — Какая неожиданная встреча!

«Неожиданное в жизни случается чаще, чем ожидаемое», — вспомнил Руслан чьё-то изречение.

— Я тоже не ожидал вас встретить на Земле.

— У меня здесь друзья. У вас есть свободная минутка?

— Нет, я тороплюсь.

— Хотел рассказать вам кое-что интересное.

Руслан подозрительно посмотрел на обманчиво простодушное лицо китайца.

— Вас уже оправдали?

— Меня вызывали в безопасность, но отпустили. Я же говорил, что ни в чём не виноват. А вы что здесь делаете?

— У меня тоже в Абу-Даби есть друзья, — сухо сказал Руслан, с усмешкой подумав о Шевчуке. — Если хотите, идёмте со мной, по пути расскажете, что случилось.

— Моя информация требует спокойной обстановки, — покачал головой китаец. — К тому же я не хочу, чтобы нас видели вместе. Давайте встретимся на Дженворпе.

Руслан оглянулся, чувствуя затылком чей-то прицеливающийся взгляд.

Кругом сновали люди, мелькали улыбающиеся лица, никто не отводил глаза, никто не отворачивался. Но в з г л я д тем не менее ощущался осязаемым потоком внимания. Неужели интуиция не обманула: его ведут?

— Хорошо, через час жду вас в своём номере на Дженворпе.

Китаец кивнул и растворился в толпе.

И тотчас же проснулся терафим:

«Наноатака! Уничтожил три «пули»!»

Руслан замер, протягивая во все стороны «шупальца» экстрорезерва. Система защиты костюма включалась сама собой, автоматически, но он должен был почувствовать опасность. Или «взгляд в спину» и был проявлением угрозы? Кто-то целился в него сквозь оптический прицел?

Над головой бесшумно пронеслось такси с затемнённым блистером.

Чёрт! Это же самое верное средство доставки для киллера! Надо убираться отсюда подобра-поздорову!

Руслан вызвал службу такси.

Через минуту к нему спустился лёгкий «Форд». Он прыгнул в кабину, опять ощущая спиной чей-то липкий взгляд, торопливо скомандовал автомату:

— К метро!

Такси послушно вознеслось в небо.

«Кто стрелял, Шустрый? Заметил?»

«Ваш собеседник», — ответил терафим.

«Китаец?! — удивился Руслан. — Я думал, стреляли сзади...»

«Нет, вектор атаки определён точно».

«Кто же следил за мной?»

«Поток внимания был слабым, определить источник не удалось».

Руслан поёжился, вдруг осознав, какой опасности избежал. Появление Синьцзы случайным быть не могло. Он явно знал, что Горюнов в Абу-Даби. Но кроме него существовал ещё координатор атаки, заинтересованный в исчезновении инспектора, он и должен был следить за ним, докладывая обо всех перемещениях... кому? Китайцу? Тогда они работают вместе. Ещё кому-то? Мешему? Не похоже. Неужели самому Шевчуку?

Такси опустилось на паркинг-поле возле утёса метро.

Руслан, чувствуя свою относительную незащищённость, почти бегом направился в общий зал и вздохнул с облегчением, только когда занял свободную кабину. Подумал мимолётно: быть спасателем намного спокойнее...

Но если китаец не побоялся напасть на него при большом скоплении народа, означает ли это, что он запаниковал? Или

запаниковал кто-то другой, приказав ликвидировать инспектора любым способом?

«Доложи Воеводину», — посоветовал внутренний голос.

Руслан набрал код, и «струна» метро отправила его на Суперструнник.

Глава 18

МЫ ПОДОЖДЁМ

Они долго рассматривали звёздную реку, теперь под ногами, а не над головой, и молчали. Потом Хржичка сказал, как бы извиняясь:

— Мы между Рукавами. Расстояние до Солнца — около семи тысяч эсве.

— Всё-таки ближе, чем в прошлый раз, — хмыкнул Терёшин. Маккена посмотрел на него:

— Почему ты здесь?

Драйвер-секунда виновато шмыгнул носом, попятился.

— Она всё равно без сознания...

— Вниз!

Терёшин исчез.

Маккена повернул голову к Успенскому:

— В чём дело? Почему мы болтаемся в пустоте, как челнок без руля в море? Ты же утверждал, что инк ручного режима не повреждён «червями».

— Возможно, «червь» необычайно хитёр.

— То есть?

— Он включается только в момент старта и выводит из строя роутер. Либо одновременно тормозит аар-программу и дайк-систему¹. Что, естественно, сбивает прицел, и мы летим в сторону от цели.

— Это можно исправить?

— В наших условиях вряд ли. — Успенский поймал жёсткий взгляд командира, торопливо добавил: — Я попробую.

— Виль, помоги ему. Вацлав, определись поточнее, где мы.

Маккена посмотрел на звёздную спираль «под ногами» —

¹ Роутер — маршрутизатор. Аар (англ. aar) — автономный обход неисправных узлов. Дайк (dike) — система, заглушающая дефектную часть программы.

положение звёзд в глубине сферы обзора зависело от положения корабля и ориентации силы тяжести — и выбрался из командирского кокона.

Терёшин прохаживался по медотсеку, что-то бормоча себе под нос. Похоже, он пытался молиться. Увидев Маккена, встал по стойке «смирно».

— Всё нормально, кэп. Медик трудится, вытаскивает её из комы.

Маккена молча прочитал появлявшиеся в окошке диагноста надписи, склонился над реанимакамерой. Глаза Розы были закрыты, лицо казалось печальным. Впечатление складывалось такое, будто она плакала недавно.

— Иди, помоги ребятам, — сказал Маккена.

Пилот потоптался немного у прозрачного саркофага реанимационной капсулы, не зная, что сказать. Ободряющих слов не нашёл, исчез.

Маккена вырастил стул, присел напротив камеры, продолжая изучать лицо женщины. Спросил через минуту:

— Диагноз тот же?

— Кардиосплит, — отозвался медицинский инк. — Потеря мышечной синхронизации. Она живёт за счёт искусственного сердца.

— Прогноз?

— Нужна срочная операция.

— Я спрашиваю о прогнозе по обстоятельствам.

Инк помолчал, как это делает живой врач, прежде чем сообщить неприятность.

— Ещё один пространственный переход она не выдержит.

Маккена кивнул, сгорбился. Лицо его утратило обычную твёрдость.

— Она должна жить, — пробормотал он. — Сделай всё возможное.

— Разумеется, я делаю, — сварливо проговорил инк.

Маккена посидел ещё несколько минут, не меняя позы, потом размял лицо ладонями, поднялся в рубку.

Четыре с лишним часа «Ра» мчался по инерции, сориентированный на далёкое Солнце, едва различимое среди мириад других ярких звёзд на фоне центрального ядра Галактики.

Маккена ещё трижды спускался в медицинский отсек ко-

рабля, беседовал с инк-лекарем, думал, поднимался в рубку и молчал. Зачем-то он побывал и в транспортном отсеке, но свои действия ни с кем не обсуждал.

Экипаж трудился.

Хржичка вычислил реальные координаты космолёта, хотя это ничего в данный момент не решало. Расстояние до Солнца не изменилось. Лучу света пришлось бы преодолевать это расстояние семь тысяч лет.

Успенский и Иванов вскрыли все бортовые инк-системы, используя ремонтные кибы, заменили все узлы, какие могли, провели контроль функционирования уцелевших блоков. Но гарантии в том, что инк ручного режима сработает правильно, никто им дать не мог. Энергетически спейсер не зависел от состояния инконики, вакуумный «насос» работал исправно, подпитывая генераторы корабля, однако всё зависело не от него и не от слаженности экипажа, а от надёжной работы квантовых компьютеров, нацеливающих корабль. А именно в них все и сомневались.

Какое-то время космолётчики ждали появления преследователей, удивительным образом находивших корабль в космосе. Однако «черепахи» больше не вырисовывались в сфере обзора. Ни сзади, ни впереди. Они сделали своё дело, отогнали пришельца от Оси Зла, будучи уверенными в том, что тот никогда не достигнет родины и не расскажет, что видел.

Последнюю мысль высказывать вслух никто не стал. Но она владела умами всех космолётчиков и не желала уходить.

Подготовка к «струнному» прыжку закончилась.

Маккена собрал экипаж в кают-компания.

— Жду предложений.

Члены экипажа обменялись неуверенными взглядами.

— Мы не имеем права... — начал измученный невиданной нагрузкой Успенский.

— Что?

— Ждать. Мы обязаны донести до своих важную информацию.

Маккена оглядел лица подчинённых.

— Кто ещё так думает?

Хржичка отвёл взгляд.

— Надо лететь, командир. У нас нет выбора.

— Есть.

В кают-компании стало совсем тихо. С недоверием и ожиданием чуда экипаж смотрел на своего капитана.

— Есть, — повторил Маккена уверенно и властно. — У нас имеется исправный «крот». Мы с Розой останемся здесь и подождем вашего возвращения.

Члены экипажа растерянно переглянулись.

«Кротом» назывался автономный аварийно-спасательный модуль, в котором экипаж спейсера мог прожить какое-то время в случае чрезвычайного происшествия. Но его создатели не рассчитывали использовать «крота» так далеко от обжитой людьми зоны космоса.

— Кэп, вы понимаете... — начал Терёшин.

— Понимаю! — оборвал его Маккена. — Месяца два мы продержимся. «Крот» в рабочем состоянии, я проверял, «черви» в него не проникли. Мы возьмём дополнительный маяк, реаниматор и запас пищи.

— А если мы не...

— Отставить возражения! На сборы два часа! Все по местам! Маккена вышел из кают-компаний.

Все посмотрели на Хржичку.

— А что я? — развёл руками первый пилот. — Он сам решает, что делать.

— Это же верная смерть! А если мы не сможем добраться до Солнца?

— Какая разница? И в том и в том случае он не проигрывает. Наше возвращение не было предусмотрено.

— Тем более мы должны дойти! — сказал Иванов.

Подготовка «крота» к автономному плаванию в космосе длилась ровно два часа.

Модуль вывели наружу, загруженный запасами пищи и энергии под завязку. Проверили работу всех бортовых систем. Включили маяк, послушали звонкую капель аварийного зова на всех частотах.

Роза Линдсей слушала тоже. Она пришла в себя уже внутри «крота», куда уместили реанимационную камеру вместе с аппаратурой медицинского инка. Правда, что происходит, она не понимала, никто ей ничего не сказал.

— Давайте прощаться? — смущённо посмотрел на капитана Хржичка. Он не знал, как себя вести в этой ситуации.

— Никаких прощаний, — качнул головой Маккена. — Я не собираюсь ждать вас долго. Дойдёте, сообщите информацию и вернётесь с необходимым медицинским оборудованием.

— Конечно, кэп, — торопливо согласился первый пилот.

Маккена пожал руки подчинённым и скрылся в люке. Вскоре он появился в левой полусфере обзора, на фоне глубокой бархатной черноты, освещённый прожектором корабля. Помахал рукой, скрылся в капсуле «крота», похожей на диковинный кактус; в кактус его превращали «колючки» антенн защитной системы.

— Уходите! — донёсся его голос. — Доброго пути!

Хржичка проглотил ком в горле, сдавленным голосом командовал:

— Готовность ноль! Поехали!

«Кактус» начал удаляться и через минуту затерялся среди россыпи звёзд.

Тогда пилот зарастил кокон-кресло, сунул руку в перчатку ручного управления и шевельнул указательным пальцем, посылая импульс управления инку ручного режима.

«Ра» покрылся слоем прозрачного голубого пламени...

Маккена и Роза, лежащая в реаниматоре, наблюдали за стартом корабля через окно дальновидения, похожее на глубокий колодец. «Ра» был виден как золотой кристаллик, окутанный сеточкой молний. Потом он исчез.

— Всё будет в порядке, — бодрым голосом проговорил Маккена. — Они дойдут.

— Ты... остался... из-за меня, — сказала Роза едва слышно.

Маккена посмотрел на неё.

По бледной щеке женщины скатилась слеза.

Маккена улыбнулся.

— Давай по глоточку коньяка? Парни оставили нам бутылочку. Надеюсь, наш эскулап разрешит нам эту вольность.

— Ты... остался... из-за меня.

— Ну, остался, и что? — Маккена достал коньяк, пластиковые стаканчики.

— Почему?

Он посмотрел на Розу.

Глаза женщины стали большими, в них вспыхнул лучик надежды и тихого счастья. Она поняла...

Глава 19

АСТРОНОМЫ ЗДЕСЬ НЕ ХОДЯТ

Продав Сю Синьцзы в бар больше часа, Руслан забеспокоился. Интуиция подсказывала, что неявка астронома на свидание, которого он сам же добивался, ничего хорошего не сулит. В том, что китаец является агентом Вируса, Горюнов не сомневался. Была неясна лишь его роль в создавшейся ситуации. Скорее всего, он играл роль провокатора, изучавшего реакцию подозрительных — для Вируса — людей, и никак не мог определить роль самого Руслана, который вёл себя не менее провокационно.

Поразмыслив над этим, Руслан из своего номера связался с консьерж-оператором информслужбы «Сокола»:

— Добрый день. Дайте мне мобильный астронома Синьцзы.

— Поиск займёт какое-то время, — ответил уже знакомый Горюнову дежурный; у него был ник — Барни, однако настоящего имени Руслан не знал. Да и не стремился узнать.

— Жду.

Ожидание длилось четверть часа.

За это время Руслан ещё раз посетил бар, китаец там не обнаружил и вернулся в номер.

— Готово, — позвонил Барни. — Запоминай.

Он продиктовал десять цифр, и Руслан набрал номер мобильного Синьцзы.

С минуту шли гудки. Потом прорезалась связь:

— Х-р-р... с-с-а... хелло?

— Кто говорит? — насторожился Руслан.

В наушнике мякнуло, кто-то чем-то зашелестел, потом раздался хриплый шёпот:

— Х-х-а... м-мне... нушшен... с-с-рошно...

Связь прервалась.

Руслан хотел набрать номер китайца ещё раз, но передумал. Связался с дежурным:

— Барни, найдите номер комнаты Синьцзы в отеле Супер-струнника. Если, конечно, он поселился там.

— Жди.

Потянулись секунды ожидания, складываясь в минуты.

Руслан проверил работу всех сторожевых и защитных систем костюма, пребывая в лёгком возбуждении, пожалел, что у него нет оружия. Хотя тут же пришла мысль, что спокойствия никакое оружие не добавило бы.

Позвонил Барни:

— Официально Сю Синьцзы в зоне отдыха Дженворпа не зарегистрирован, но, по данным наблюдения, его часто видели у каюты номер триста шестнадцать.

— Кто там живёт?

— Минуту, пошукаю. — Прошла действительно ровно одна минута. — В триста шестнадцатом живёт полковник Петро Цвиркун.

— Начальник Мешема?!

— Командир подразделения «Брама» Федеральной Погран-службы.

Руслан выпятил губы, но от свиста удержался.

Подразделение «Брама» было создано полсотни лет назад в связи с попытками Балтийских стран «восстановить историческую справедливость», и занималось конфликтными ситуациями. По имевшимся у Руслана сведениям, оно хорошо зарекомендовало себя в операциях на Земле, в районе Палестино-Израильского противостояния, в Афганистане, Ираке и на Корейском полуострове.

— Мешем мне об этом не говорил.

Дежурный промолчал.

— Спасибо, Барни, — сказал Руслан, выключая канал связи.

Пришло неуютное ощущение дежавю. Руслан попытался отыскать его причину, но не смог. Мешало другое чувство, не менее неуютное: что он опаздывает.

Руслан торопливо закрыл дверь номера, поднялся на третий уровень жилой пирамиды. Огляделся, стараясь выглядеть спокойным и беззаботным.

По коридорам жилой зоны шли люди, но все они были заняты своими мыслями или переговорами с неведомыми або-

нентами. На инспектора никто внимания не обращал. И тем не менее у него сложилось впечатление, что за ним наблюдают.

«Шустрый, у меня шерсть на спине шевелится».

«Отмечаю поток внимания, — откликнулся терафим. — Скорее всего это эффект работы видеокамер. Коридоры зоны контролируются местной полицией».

«Никого подозрительного не видишь?»

«Нет».

«Ладно, доделаем дело до конца».

Руслан подошёл к белой двери с номером 316, вежливо постучал в дверь костяшкой согнутого пальца.

Никто не ответил.

Он постучал ещё раз, виновато посмотрел на проходившего мимо старика в строгом чёрном унике. Старик величественно кивнул, прошествовал мимо, как памятник самому себе. На рукаве его сверкнул серебром шеврон службы доставки.

Руслан улыбнулся в душе. Очевидно, пожилой космен работал оператором или мелким клерком почтово-грузовой службы, но выглядел так, будто владел собственным алмазным приiskом.

Дверь соседнего с триста шестнадцатым номера дрогнула, поползла влево, но открылась не до конца. Из щели прилетел едва слышный хрип.

Руслан поколебался немного, но всё же решил подойти.

— Эй, есть тут кто-нибудь?

Ответом был всё тот же хрип. Впечатление было такое, будто человека душили и он никак не мог позвать на помощь.

Руслан толкнул створку двери, она убралась в стену.

Взору открылись внутренности номера, состоящего из двух комнат. В передней стояли два кресла, диванчик, прозрачный столик и стереосистема видео. Свет в комнате не горел. Никого в помещении видно не было. Полупрозрачная дверь в соседнюю комнату была закрыта. Судя по тусклому голубоватому свету, сочащемуся сквозь дверь, в ней горел ночник. Именно оттуда и доносился смутивший Руслана хрип.

— Кто здесь? — позвал он громче. — Эй, хозяин!

Хрип прекратился.

Руслан ещё поколебался немного, потом всё же дотронулся до двери. Створка бесшумно спряталась в стене.

Вторая комната была спальней, причём довольно прилич-

ной по размерам. Одна кровать в ней занимала большую площадь, чем весь номер Руслана. Кроме кровати спальня была оборудована множеством подвесок, зеркал, ниш с какими-то вычурными флаконами и занавесок. Очевидно, в номере обитала женщина, и не просто женщина — важная персона. Однако не интерьер комнаты привлёк внимание Руслана.

На кровати лежал... связанный по рукам и ногам Сю Синьцзы, с заклеенным лентой ртом, и смотрел на гостя остановившимися глазами. По телу его пробежала волна дрожи, сжались и разжались прихваченные к груди липкой лентой кулаки.

— Сю?! — невольно воскликнул Руслан, бросаясь к нему.

Сзади прошумело.

«Уходи!» — шепнул внутренний голос.

И тотчас же в спальню ворвались люди в «дымящихся» спецкостюмах, с тающими и возникающими вновь шлемами на головах. Судя по их виртуальным колебаниям, спецкостюмы гостей были снабжены маскирующими системами «хамелеон». Все они навели на Руслана стволы «универсалов», торчащих над плечами.

— Не двигаться! — взревел гулкий голос. — Руки за голову! К стене! Неподчинение буду расценивать как попытку сопротивления! Буду вынужден открыть огонь на поражение!

Руслан послушно сцепил руки на затылке, отступил к стене спальни.

— Я ни в чём не...

— Молчать!

Двое из полицейских подскочили к астроному, склонились над ним. В руках первого появился «ёжик» диагноста.

— Мёртв! — констатировал он спустя несколько секунд. — Он его убил!

— Не убивал я никого! — запротестовал Руслан. — Только что вошёл.

— Молчать! Всё, что ты скажешь, может усугубить твою вину! Сидни, уведите его!

Гигант в полицейском униформе ощупал фигуру Руслана лучиком металлоискателя.

— Он безоружен. Иди!

Толчок в плечо.

Руслан вынужден был податься к двери, но остановился.

— Требую зафиксировать мой идентификат! Я инспектор ФАК Руслан Горюнов. Сюда зашёл случайно...

Ещё один толчок, теперь в спину.

— Всё, что нужно, зафиксировано. Иди молча, инспектор. Руслана вывели из номера.

К счастью, коридор в этот момент пустовал. Лишь один человек мелькнул в конце коридора, оглянулся и исчез. Руслану показалось что-то знакомое в его облике, но мысли были заняты другим. Его явно подловили, с этим трудно было спорить, и теперь доказать свою непричастность к убийству китайца будет непросто. А главное, если невиновность и будет доказана, из инспекторов его уберут, а это означает, что карьере контрразведчика для господина Горюнова можно считать законченной. На Суперструннике его не оставят. Бедный Сю! Руслан невольно оглянулся.

— Шагай! — взяли его под локти.

Сквозь чёрно-зеркальное стекло шлема нельзя было разглядеть лица полицейского, но голос его Руслану не понравился. Включившееся подсознание подсказывало, что ситуация слишком хорошо просчитана для рядовых стражей правопорядка. Чувствовалась рука профессионала боевых операций. Одним ударом Вирус убирал двух неугодных людей: проштрафившегося астронома-эксперта и подозрительного инспектора. Интересно, что он предпримет дальше?

Руслана повели по коридору к лифту. Однако вместо того, чтобы спуститься на нижний уровень и проследовать к переходу в деловую зону, где находилась контора полиции, конвоиры повезли пленника куда-то в транспортный отсек.

Как оказалось, эту часть строительного комплекса Руслан не знал.

Из лифта он и двое сопровождающих сели на эскалатор, который увёз их, минув открывающиеся и закрывающиеся за ними люки, в недра комплекса. Мелькнули плохо освещённые эстакады, коридоры, площадки, фермы. Бегущая дорожка трижды свернула, и конвоир столкнул Руслана с неё в тупике с единственной дверью. На двери слабо светился номер 101 и была видна выведенная краской надпись: «Посторонним в...»

Дверь бесшумно убралась в стену.

— Куда вы меня?.. — оглянулся Руслан.

Его толкнули в спину.

— Заткнись!

Можно было посопротивляться, тем более что от него, по-видимому, никакого сопротивления не ждали, но Руслан решил выяснить до конца, какую игру ему предлагали. Во всяком случае, атаки «наночервей» пока можно было не ждать, а главное, что он мог связаться с отрядом быстрого реагирования «Сокола» и вызвать помощь.

Однако о ней пришлось забыть, как только он перешагнул порог помещения, притавшегося под номером 101 и надписью «Посторонним в...».

Для чего оно предназначалось, Руслан не понял. Никакого оборудования или сложного имущества в нём не было. Лишь посреди слабо освещённой квадратной комнаты стояло кресло необычной формы с торчащим из спинки скелетом зонта. Зато стены комнаты были забраны серебристой мелкоячеистой сеткой, равно как пол и потолок, из чего Руслан сделал вывод, что сигнал тревоги может и не дойти до адресата.

Тот же вывод сделал и Шустрый:

«Помещение заэкранировано! Связи с дежурным нет!»

«Вызывай постоянно!»

«Я вообще ничего не слышу, глухая тишина на всех диапазонах!»

«Не ной, что-нибудь придумаем».

Гигант-полицейский подтолкнул Руслана к креслу:

— Садись!

Руслан сделал вид, что сломлен, прислушался к своим ощущениям. Кресло ему не понравилось. Комната тоже не нравилась. Вообще ничего не нравилось. Пора было начинать малую войну, поскольку его явно хотели допросить с пристрастием, а отвечать на вопросы он не хотел.

Поздно, доктор, прошелестел в голове холодный ветерок сожаления. Надо было сопротивляться раньше.

Ничего не поздно, огрызнулся Руслан, прикидывая, как начать малую войну, чтобы не получить в лоб или в спину разряд из полицейской «пушки».

Ствол «универсала» на плече полицейского поёрзал, зрачок ствола глянул в лицо Горюнову.

— Садись, инспектор! Приказано разобраться с тобой, плохому или по-хорошему. Что предпочитаешь? Прямо ответить на вопросы или стать сожжённым трупом?

— Кто вы? — сдавленным голосом спросил Руслан, якобы жутко испугавшись. — Что вам от меня нужно?

— На кого ты работаешь?

— А то вы не знаете. На Федеральное агентство...

Тугой невидимый кулак гравитационного импульса отбросил Руслана к креслу. Он едва удержался на ногах, чувствуя солёноватый привкус крови на языке. В голове зашумело.

— Какого дьявола?! Я инспектор ФАК! Вам это с рук не сойдёт! Пожалуюсь на...

Ещё один удар!

Руслан отлетел к стене помещения, упал, раскинув руки, глядя в потолок, делая вид, что находится в полубессознательном состоянии. Мозг работал ясно и чётко, оценивая положение как тяжёлое, но не безнадёжное, и всё же он пока не видел выхода из тупика, в какой попал из-за своей же неопытности.

— Хлипкий инспектор попался, — равнодушно заговорил второй полицейский. — Времени у нас мало, давай не будем заниматься уговорами. Глушани его из «удава», сам всё расскажет.

— «Удав» сделает его идиотом.

— Ну и отлично.

Полицейские подошли к Руслану. Первый наклонился над ним.

— Эй, инспектор, ты меня слышишь?

— Слышу, — шевельнул губами Руслан и включился в боевой режим.

Время для него замедлилось.

Энергия перетекла из сердечной чакры в руку. Пальцы с хрустом сжались в кулак. Кулак молнией угодил в забрало шлема полицейского, приобретая твёрдость металла.

Удар был столь быстр и силен, что гиганта отнесло к противоположной стене помещения как пушинку.

Вскрик, полёт, удар о стену!

Дуло «универсала» на плече второго полицейского развернулось к Руслану, и кто знает, чем бы всё это закончилось, но в этот момент дверь за спиной полицейского превратилась в облако дыма, в этом облаке возникла плохо видимая фигура, и полицейский кубарем укатился в угол помещения, сбив по пути кресло. Он тут же подхватился на ноги, обладая хорошей физической подготовкой, но второй выстрел из такого же «универ-

сала», что был у него (стреляли, используя гравитационные разряды), едва не расплющил полицейского о стену. Выстрелить в ответ он не успел, теряя сознание.

— Быстро отсюда! — прозвучал чей-то гортанный голос.

Не разглядев своего спасителя, Руслан метнулся сквозь быстро редееющее облако дыма (дверь разнесли выстрелом из неймса) в коридор, едва не споткнулся о лежащее у порога тело третьего полицейского.

Рядом стоял, держа в обеих руках (не на плече!) по пистолету («универсал» и неймс), быстро ворочая головой влево-вправо, ещё один человек в стандартном светло-коричневом унике. Руслан не поверил глазам: это был Авраам Косой!

Руслан оглянулся.

На него смотрели непроницаемые чёрные глаза... Муслима Фахтияра!

— В полицию, бегом! — тем же гортанным голосом бросил Фахтияр. — Скажешь, что на тебя напали вооружённые люди, но ты смог отбиться и убежать.

— Они тоже полицейские...

— Не тоже, — скривил губы Косой.

— А вы кто?

— Бегом! — рявкнул Фахтияр. — Потом будешь рассуждать!

Руслан бросил взгляд на полицейского у двери, понял, что ничего не понимает, и метнулся к бегущей дорожке эскалатора. Оглянулся на повороте.

Его спасителей уже не было в коридоре! Будто испарились в воздухе, сделав своё дело. «Неужели они следили за мной? — ворохнулась в голове неприятная мысль. — А если следили, почему я этого не заметил?»

Дорожка вынесла Руслана в более оживлённое место транспортной зоны.

Люди входили в зал метро и выходили, собирались группками, что-то обсуждали, разговаривали, смеялись и расходились. Никто из них на торопливо идущего инспектора ФАК не обратил никакого внимания.

Он сбавил шаг, позвонил дежурному:

— Барни, это были наши ребята?

— Ты о чём? — поинтересовался дежурный.

— Убили китайца Сю Синьцзы, напали на меня, кто-то при-

шёл мне на помощь... точнее, не кто-то, а двое парней, которых я...

— Короче.

— Это были Косой и Фахтияр.

— В бригаде контрреагирования такие не числятся. Я уточню, жди.

— Что мне делать?

— Звони Грымову. — Связь прервалась.

Руслан подышал через нос, успокаиваясь, сел в лифт, направлявшийся в деловую зону стройки. Вызвал помощника Воеводина и коротко доложил ему о случившемся.

— Странная история, — хмыкнул Грымов. — Ты уверен, что это были именно Фахтияр и Косой?

— Зуб даю! Может быть, они из конторы?

Руслан имел в виду Службу безопасности.

— Может быть. Делай, как они советовали, доложи в управление полиции на Суперклизме. Посмотрим, что будет дальше.

— Косой и Фахтияр следили за мной...

— Разберёмся, не переживай. Главное, что они не агенты Вируса, иначе мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

Руслан почувствовал сосущий холодок в желудке.

«Нарываешься, инспектор, — недовольно сказал внутренний голос. — Думать надо, соображать. За тебя ещё не брались всерьёз, потому что недооценили. А если оценят адекватно?»

«Буду думать», — пообещал он сам себе.

В полицейском управлении, обеспечивающем порядок на Суперструннике, инспектора выслушали с интересом и оживлением. Бюстителей порядка было четверо, один из них в ранге капитана, остальные капралы. Они переглядывались по ходу речи Горюнова, вопросов не задавали и были недоверчивы, как взрослые дяди, оценивающие фокусы клоуна в цирке.

— Вы уверены, господин Горюнов, что всё именно так и было? — спросил наконец грузный, малоподвижный и малосимпатичный капитан. — Где на вас напали?

— В номере триста шестнадцать, — сказал Руслан. — Дверь была открыта, я вошёл...

— Макинрой, проверь, — повернул капитан голову к подчинённому.

Полицейский вразвалочку подошёл к своему столу, поводил

над столешницей рукой, формируя призрачные световые файлы, заговорил с кем-то по-английски.

Руслан исподволь огляделся.

Полицейское управление стройки представляло собой небольшую круглую комнату с видеотерминалом, четырьмя рабочими столами и шестью креслами. Абсолютно спартанская обстановка, ничего лишнего, если не считать таковым кухонный агрегат «Грёзы» фирмы «Саеко».

Капитан заметил его взгляд.

— Кофе хотите?

— Не откажусь, — облизнул губы Руслан.

По движению брови капитана второй полицейский, маленький, толстый, рыжий, приготовил «грёз-кофе», вполне удовлетворительного качества, как показалось гостю. Он заявил об этом, чем привёл полицейских в хорошее настроение. Правда, на деловых их качествах это никак не отразилось. Они явно скучали и вели себя как сонные мухи. Мало того, они не знали, что на третьем уровне жилой зоны произошло убийство, иначе вели бы себя по-другому.

Капрал по имени Макинрой перестал колдовать над рабочим столом, повернулся к командиру:

— У нас всё тихо, всё под контролем. Никто об убийстве господина Сюнцы...

— Синьцы.

— Синьцы не сообщал.

— Не может быть! — искусно сыграл ошеломление Руслан, уже понимая, что агенты Вируса спрятали концы в воду. — Он лежал там, в номере... с открытыми глазами... и не дышал. Потом ворвались вы... то есть полицейские в «кокосах», схватили меня и потащили...

Стражи порядка переглянулись. Капитан покачал головой.

— Никто из наших коллег в жилой зоне не работал и тащить вас не мог. Докладов о вашем задержании к нам не поступало. Происшествий с нападениями, да ещё с убийством астронома, не зафиксировано.

— А вы, случайно, не употребляете, э?.. — сказал толстый рыжий полицейский.

— Не употребляю! — с негодованием отверг предположение Руслан. — Галлюциногедониками не пользуюсь!

— Однако ваше заявление...

— Проверьте! Вы обязаны это сделать!

— Шон, сходи с инспектором на третий уровень, — с неохотой сказал капитан, — проверь, что там.

Темнолицый, широкий, как шкаф, полицейский молча надел фуражку, направился к двери.

— Спасибо, — сказал Руслан, догоняя его. — Премного благодарен! Будьте здоровы! Может быть, я, конечно, не понял...

— Идите, — махнул рукой капитан со скукой на лице.

Полицейский по имени Шон перешёл из одной пирамиды в другую, поднялся на третий этаж жилого комплекса, оглянулся на семяющего сзади Горюнова:

— Какой номер?

— Триста... м-м, шестнадцатый, кажется.

Капрал остановился перед дверью с номером 316, дотронулся пальцами до околыша фуражки:

— Капрал Шон Монтгомери. Извините за беспокойство. Можно с вами поговорить?

Повисла пауза.

Полицейский подождал немного, постучал в дверь костяшками пальцев.

— Прошу прощения, откройте, пожалуйста.

— Дверь была открыта, — робко сказал Руслан.

— Похоже, там никого нет.

Полицейский постучал ещё раз.

Дверь бесшумно скользнула в стену. На пороге появился пожилой сухопарый джентльмен с седыми висками, одетый в яркий халат малинового цвета.

— Что вам угодно?

— Вы здесь проживаете?

— Разумеется, я. Советник юстиции Эрих Мулдниекс.

— Могу я заглянуть в номер?

Малиновый халат пожевал губами, посмотрел на Руслана, на капрала.

— Разумеется, можете. Хотя это есть нарушение прав человека. Что случилось, капрал?

— Мы проверяем заявление инспектора.

Полицейский оглянулся на Руслана, стоявшего с растерянным видом, зашёл в номер, заглянул в спальню, вернулся. Бросил два пальца к виску:

— Извините ещё раз, что нарушили ваш отдых. Жалобы на обслуживание есть?

— Нет.

— Будьте здоровы.

Мужчина в халате пожал плечами, бросил на Руслана равнодушный взгляд. Дверь за ним закрылась.

— Советую вам не употреблять крепких спиртных напитков, — сказал полицейский Шон Монтгомери. — Тогда не будут мерещиться убитые китайцы.

— Я не употребляю, — пролепетал Руслан.

— Всего хорошего, инспектор.

Капрал кивнул и удалился, прямой, величественный, как оживший монумент.

Руслан проводил его растерянным взглядом, чувствуя, что за ним наблюдают, и подумал, что система Вирус работает исключительно оперативно. Скорее всего, она расправилась бы и с ним, не вмешайся Фахтияр и Косой. Кто же вы, парни? На кого работаете? Не на отряд «Сокол», это точно. На Службу безопасности? Но ведь она под контролем Вируса.

Мимо прошли две молодые девушки, оглянулись, засмеялись.

Руслан очнулся.

Ладно, разберёмся. Если китаец Синьцзы действительно мёртв, следует ждать других активных действий Вируса. Попробуем и дальше играть роль недалёкого инспектора ФАК. Кто там у нас на очереди? Жозеф Поллак? Пора познакомиться с тобой поближе, дружок.

Глава 20

ТИХАЯ ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА

Рабочий день координатора стройки начинался в шесть утра, точнее, в шесть ноль-ноль по среднесолнечному времени, и длился не пять часов, как обычный рабочий день где-нибудь на Земле, а все двадцать четыре часа. То есть свободного времени у Ярославы Тихоновой практически не было. В любой момент ей могли позвонить помощники, подчинённые, ответственные за определённые участки работы, а то и клерки вышестоящих чиновничьих структур, коих было множество.

Однако к этому Ярослава привыкла и относилась философски. Труднее было привыкнуть к роли твёрдой, целеустремлённой начальницы грандиозной стройки, занятой только делами насущными и мечтающей о достижении конечной цели — создания в космосе «суперструнного» генератора, который помог бы человечеству окончательно покорить вакуум, пространство и время.

Правда, у Ярославы были и другие обязанности, о которых не говорилось вслух и про которые знали только особо приближённые люди. Их было мало, но они руководили другими людьми, и у Ярославы по сути на Суперклизме была своя армия, контролирующая стройку с иных позиций. Эта армия воевала: с недобросовестными поставщиками, с нечистыми на руку чиновниками, с нерадивыми специалистами, лениво исполняющими свои обязанности, и даже с сотрудниками спецслужб, сующими нос не в свои дела. Среди этих сотрудников были и пограничники, и безопасники, и эксперты-инженеры, и даже инспектор Федерального агентства по контролю за опасными исследованиями. А именно — Руслан Горюнов. Бывший муж Ярославы. Который, судя по всему, работал ещё и на Службу безопасности, играя при этом роль формалиста-служаки.

Ярослава улыбнулась.

Руслан изменился, это было заметно, а главное, он почему-то странно реагировал на неё, то ли стесняясь, то ли испытывая какие-то чувства, которые сам же пытался нейтрализовать, погасить, забыть. Неужели он снова влюбился? В неё же, Ярославу Тихонову, с которой прожил когда-то целых два года?

Ярослава снова улыбнулась, с кроткой печалью. И ожиданием. Ожиданием чего? Открытия? Чуда? Радости и счастья? Неужели в её душе всё ещё сохранились те же чувства, готовые завладеть ею снова?

Она закрыла глаза, покачала головой.

Поздно, мил дружок Горюнов. Время ушло, мир приобрёл новое качество, изменилось мировосприятие и много чего ещё. Нельзя возвращаться в прошлое, надо строить будущее. Да и настолько ли ты вырос, чтобы ждать чуда?

Кто-то вежливо кашлянул.

Ярослава открыла глаза.

Она сидела за рабочим столом с бесшумно вспыхивающими над ним световыми транспарантами и бланк-сообщениями, а

напротив стоял Серджо Веласкес. Первое время она пугалась неожиданным его появлениям, потом привыкла. Лучшего помощника и хранителя тайн найти было трудно. Вернее, невозможно.

— Он из контрразведки, — сказал Веласкес, не меняя выражения лица; Серджо всегда был сосредоточен, вежлив и предупредителен.

— Я думала, он из конторы, — с некоторым удивлением сказала Ярослава; речь шла о Руслане. — Безопасность должна была заслать к нам своих людей.

— Он человек Воеводина. Играет роль законника, подставляется, чтобы контрразведка могла определить, кто за ним следит.

— Он ходит по минному полю.

— Вам его жалко?

Ярослава пошевелила бровями в сомнениях.

— У меня к нему иное отношение. Он не понимает, с кем столкнулась контрразведка, как и Воеводин, кстати.

— Контрразведчики догадались о Знающих-Дорогу-Не-Терпящих-Возражений. Они назвали их систему Вирусом.

— Воеводин классный спец. Жаль, что он не с нами. Может, раскроем ему глаза?

— Рано, координатор. Это парни с неуёмной энергией, они нам только спутают карты.

— Да, рано, ты прав. Хотя не случилось бы поздно. Контрразведчики скоро сядут нам на хвост, и тогда нам придётся их нейтрализовать.

— Мы разрабатываем концепцию их сдерживания.

— Поторопитесь, у нас мало времени. Что по Херцигу?

— Анализ функций Дженворпа показывает, что главной его задачей является возбуждение «стоячей волны деформации» вакуума. Шапиро утверждает, что характеристики этой «волны» позволят изменить вакуум таким образом, что он перейдёт в другое состояние. Физик назвал это состояние «переохлаждённым».

— Ну и что?

— Шапиро умница, он уверен, что может произойти скачок скорости расширения Вселенной.

— Его идея способна инициировать заседание Федерально-

го Совета безопасности. Херциг попытается избежать этого всеми доступными средствами.

— Я понял. Профессор становится слишком опасным для Херцига. Может быть, умыкнуть Шапиро у контрразведчиков, пока всё не кончится?

Ярослава провела ладонью по лицу.

— Херциг действительно пойдёт на любые жертвы, лишь бы ему не помешали. Но про Шапиро забудь, его охраняют люди Воеводина, вот пусть и позаботятся о нём.

— Что делать с безопасниками? Двое из них мозолят глаза нашим парням, ещё трое ходят за Херцигом и его командой.

— Выйди на Гута, пусть побережёт своих людей.

Веласкес кивнул.

Алан Гут сменил умершего директора Службы безопасности Джона Ву, а так как он был молод и амбициозен, то не боялся ни бога, ни чёрта, ни смерти. Его агенты вели себя крайне неосторожно, и он их не жалел.

— Подготовьте для них «дезу». Пусть понаблюдают за кем-нибудь посторонним, не имеющим никакого отношения к нашим проблемам.

— Президент клуба «Бай-Бай» подойдёт?

Ярослава засмеялась.

— Хорошая кандидатура. Он жулик и проходимец, но имеет на Земле высоких покровителей, закрывающих глаза на его проделки.

— Скорее, они имеют с этого неплохой гонорар.

— Хорошо, включите президента в список лиц, перспективных для отвлекающего манёвра. Ты говорил, что за мной хотели установить слежку.

— Попытки продолжаются. Кстати, ваш бывший... э-э...

— Горюнов действительно был моим мужем.

— В общем, инспектор тоже пытался запустить «клопа». Мы уничтожили его суперсовременный «наноглаз», и он успокоился. Но кто-то постоянно запускает к нам «мух» и «клопов», причём каждый раз на других носителях. Отследить их трудно. Хотя мы пока справляемся.

— Кто это делает?

— Двух деятелей мы выловили, это люди Херцига, но их больше.

— Команду Херцига пора ограничивать.

— Ликвидировать?

— Нет, Вирус просто заменит агентов. Так мы их знаем и можем прогнозировать события, а при замене ещё не факт, что мы сможем контролировать нового носителя. Агентов надо ограничить в правах и возможностях.

— Дать им всем по помощнику?

— Продумайте.

— Я понял.

— Когда Херциг хочет испытать Суперструнник?

— Официально запуск должен состояться двадцать второго июня, но, по моим данным, Херциг готовится включить его двадцатого мая.

— Ещё целых три недели!

— Продержимся, координатор. — Веласкес наметил улыбку. — Лишь бы нам не помешали всякие ретивые инспекторы.

— Не спускайте с него глаз. Он мне нужен... — Ярослава подумала, добавила совсем тихо, задумчиво, с какой-то странной неуверенностью: — Живым.

— Горюнов обладает неплохим паранормальным резервом.

Ярослава очнулась от своих мыслей, подняла брови:

— Не поняла. Ну и что?

— Я к тому, что он чует слежку. Подобраться к нему близко очень непросто. К тому же он хороший рукопашник.

— Я поняла, ты пытаешься меня успокоить. — Ярослава слабо улыбнулась, качнула головой. — Я не нуждаюсь в успокоении. Но всё равно спасибо. Следите за ним издалека. Теперь давай пройдемся по строительству. Где мы тормозим?

Веласкес развернул виом коммуникатора (его личный инфор был встроен в перстень на пальце) и начал показывать узлы Суперструнника, где заканчивались монтажные работы. Речь зашла о сугубо строительных категориях.

Через полчаса главный прораб стройки и он же — начальник службы охраны VIP-руководителей ушёл. Ярослава осталась одна в кабинете, включившись в систему принятия важных решений по всем возникающим проблемам. Потом спустилась в ресторан жилой зоны, пообедала без Веласкеса, но под надзором охраны, вернулась в кабинет. Захотелось увидеть Руслана, побеседовать с ним, убедиться в его «материальности». Однако её снова увлекла суэта координационных забот, и Ярослава просидела за столом четыре часа, пока не почувствовала

усталость. Подумала — не пригласить ли действительно инспектора ФАК в бар?

И в этот момент к ней пришёл посетитель. Причём такой, какого она не ждала вовсе. Влас Тихонов, начальник отдела космоконтроля ФАК, непосредственный начальник Руслана. По-видимому, он был внесён в реестр особо важных персон Суперструнника, потому что охранная система пропустила его без обычных запросов у координатора: ждёт она посетителя или нет?

Дверь открылась, Тихонов переступил порог кабинета. Красивый, ухоженный, значительно-импозантный, с волевым породистым лицом и длинными волнистыми волосами, кареглазый. И очень-очень уверенный в себе. Именно это его качество и решило исход их второй встречи после знакомства, когда он предложил ей руку и сердце. Она ему поверила.

— Здравствуй, — сказал Тихонов с некоторой внутренней скованностью. Однако при этом он лучезарно улыбнулся, и стало ясно, что он хочет показать своей бывшей жене свою непоколебимую веру в непогрешимость суждений и в отсутствие вины.

Впрочем, она его и не винила ни в чём. Влас Тихонов жил по своим жизненным правилам и оценкам, и эти оценки оказались далеки от тех принципов, какие были свойственны ей самой.

— Здравствуйте, господин Тихонов, — бесстрастно сказала Ярослава. — Что привело вас на нашу строительную площадку? Неужели ваш инспектор перестал справляться с работой?

Брови Тихонова при слове «господин» встали «домиком», он ждал более радушного приёма, но человеком Влас был сильным и быстро сообразил, как себя вести.

— Инспектор Горюнов берёт на себя слишком много, — сказал он официальным тоном. — Возможно, придётся его заметить.

— А мне он показался вполне адекватным специалистом, хорошо знающим своё дело. Хотя, конечно, вам видней. Итак, в чём проблема, господин Тихонов?

— Яра... — начал гость неожиданно робко.

Она подняла руку, останавливая его:

— Здесь нет Яры, Влас. Здесь находится Ярослава Никитична Тихонова, координатор стройки. Если у тебя есть к ней во-

просы — задавай, я отвечу. Если же ты пришёл поговорить о личных делах и проблемах, то обратился не по адресу.

Тихонов криво улынулся:

— Ты всё забыла?

— Всё, что я помню, — моё! Всё, что я забыла, — твоё. Мы очень близки...

Лицо Тихонова посветлело, глаза расширились, заблестели, рот приоткрылся. Ярослава чуть не фыркнула, так он был сейчас смешон, и добавила безжалостно:

— Близки по стремлению к цели, эгоистичны, поэтому мы никогда не будем счастливы вместе. Мы даже не можем остаться друзьями, только партнёрами.

Тихонов сглотнул, посидел несколько мгновений с разгладившимся, пустым лицом, сделал усилие и вернул себе прежний волевой вид.

— Ты просто не готова к разговору о личном. Я подожду. Эта стройка скоро закончится, ты вернёшься на Землю, и мы встретимся. Обещаю тебе, я буду терпелив. Но настойчив.

— Мог бы и не обещать, — с грустью усмехнулась Ярослава. — В отсутствии настойчивости упрекнуть тебя нельзя. Но я действительно не готова к беседам о личной жизни и вряд ли буду готова в будущем. Это всё, о чём ты хотел со мной поговорить?

— Нет, не всё. Генеральный директор Агентства предложил провести дискуссию о возможных последствиях включения Суперструнника, пригласив на неё всех знаменитых учёных, работающих по данной теме. Дискуссия будет организована здесь, на территории вашей деловой зоны, с привлечением всех информационных видеоканалов.

— Вы серьёзно? — удивилась Ярослава.

— Разумеется, я не шучу. Херцигу уже сообщили об этом решении, он не возражает. Мероприятие обещает быть сногшибательно интересным.

Ярослава стиснула зубы, чтобы не выругаться.

— Кто подал идею?

— Я! — осклабился Тихонов. — Правда, она великолепна? Наша компания сразу же становится вне подозрений, случись что во время испытаний Суперструнника.

— Идиот!

— Что?! — растерялся начальник Руслана. — Ты... меня?..

— Извини, я о своём, девичьем. Ты прав, испытания могут закончиться совсем не так, как рассчитывают учёные. Но это уже другая история. Когда вы намечаете провести дискуссию?

— Второго мая.

— Хорошо, что предупредили, мы успеем подготовиться.

— Агентство все проблемы берёт на себя...

— Господин Тихонов, — перебила его Ярослава, — в любом случае ваше агентство создаст мне массу других проблем, которые я вынуждена буду решать. Кстати, в ущерб качеству стройки.

— Я тебе помогу...

— Спасибо, не надо. Помощников у меня хватает. Квалифицированных. У вас всё?

Тихонов поднялся, уже не столь важный и решительный, как прежде.

— Один вопрос... личный...

— Хотелось бы обойтись без личных вопросов.

— Только один.

— Хорошо, слушаю.

— Этот Веласкес... кто он тебе?

Брови Ярославы изогнулись, она фыркнула, засмеялась.

— Что в этом смешного? — нахмурился он.

Ярослава на миг стала печальной.

— Боже мой, как вы похожи!

— Ты о ком?

— Так, вспомнила одного человека. Прости, мне нужно работать.

— Ответа не будет?

— Я не знала, что мужские вопросы могут быть глупее женских.

На щёки Тихонова легла краска. Он молча повернулся и вышел.

Ярослава закрыла глаза, откинулась на спинку кресла. Улыбнулась сама себе.

— Вы очень удивитесь, милые мои, когда узнаете, кто мне Веласкес.

В ухе проклюнулся вызов рации:

— Координатор, я вам нужен?

Ярослава с трудом сосредоточилась на рабочих проблемах.

— Через полчаса летим к левому стриммеру, там намечается срыв графика.

— Буду через полчаса.

— Ты в курсе, что ФАК собирается провести у нас дискуссию о возможных последствиях включения Суперструнника?

Веласкес помолчал.

— Мне об этом никто не говорил.

— Я тоже только что сама узнала. Тебе придётся заняться размещением специалистов, а главное — найти парочку физиков, способных внятно объяснить широкой общественности, что Суперклизма безопасна во всех отношениях.

— Найдём.

— Тогда жду через полчаса.

Ярослава переключила все координационные каналы на двух заместителей, поколебалась немного, но всё же нашла в себе силы не звонить Руслану. Хотя очень хотела увидеть его.

Спустилась в бар в сопровождении витса-телохранителя, заказала горячий венерианский гиппоик, или мёд, как его называли, по цвету напоминавший жидкий изумруд. Поискала свободное местечко у прозрачной стены зала с видом на Млечный Путь, села.

И в этот момент в бар, словно чувствуя её появление, вошёл Руслан.

Глаза их встретились...

Глава 21

ВЕРНУЛИСЬ ТЕ, КОГО НЕ ЖДАЛИ

Его заметили совершенно случайно: телескоп «Хаббл-100», обозревающий просторы окраин Солнечной системы в автоматическом режиме, зафиксировал блеснувшую в отсвете звёзд пылинку, и контролирующий работу телескопа инк решил разобраться, что он обнаружил. Оказалось — не ядро кометы в афелии и не ледяной астероид. Уже через час после непрерывных наблюдений участка неба в этом направлении стало ясно, что «Хаббл» обнаружил мчавшийся к Солнцу космический корабль.

Новость сенсацией не стала. За дело взялась Служба безо-

пасности Солнечной системы, и вся информация о появлении корабля была засекречена.

Вскоре выяснилось, что корабль не имеет отношения к инопланетянам, принадлежит той же самой Службе, носит имя «Ра» и, по данным пограничников, должен находиться в это время в доке на одном из спутников Юпитера. Почему он вдруг возник далеко за пределами Солнечной системы, да ещё мчавшимся к ней из глубин созвездия Орла почти со скоростью света, никто из начальников СБ сказать не мог. В том числе новый директор Службы безопасности Алан Гут. Для него появление спейсера тоже оказалось полной неожиданностью.

«Ра» пронзил облако Оорта, состоящее из ледяных глыб, мелких камней и пылевых конгломератов — ядер будущих комет, затем пояс Койпера за пределами орбит Плутона и Нептуна. Ни на один запрос наблюдателей Погранслужбы, контролирующих границы Солнечной системы, он не ответил, отчего стало ясно, что либо корабль идёт в полностью автоматическом режиме, исключаящем любой обмен информацией, либо он без экипажа, либо экипаж по каким-то причинам не может ответить на вызовы. Мало того, спейсер не сбросил скорость и продолжал мчаться в прежнем направлении, причём не точно к Солнцу или тем более к вероятной точке встречи с Землёй, а на пять градусов «левее». Если бы люди предоставили ему свободу, он миновал бы Солнце и нырнул в темноту пространства между Рукавами Угольника и Южного Креста.

Спешно был созван экспертный совет тревожных служб человечества (широкая общественность по-прежнему ничего не знала о странном возвращении спейсера), на котором было решено остановить корабль и отвести его к спутнику Нептуна Нерееде, где Погранслужба имела базу.

К операции готовились шесть часов.

«Ра» миновал орбиту Урана и приблизился к более обжитым людьми районам Солнечной системы. На преодоление всей Системы при той скорости, на которой он шёл, ему понадобились бы всего лишь сутки.

Навстречу кораблю вылетели два спасательных модуля, битком набитые спецтехникой и энергией, способные ходить «по

струне». Они встретили «Ра» вблизи орбиты Нептуна, уравнивали скорости, начали осторожно сближаться.

Маневр потребовал тщательных расчётов (инки спасателей справились с этим легко) и отработки пункта СРАМ-инструкции по поведению в чрезвычайных ситуациях.

«Ра» молчал. Средства связи его не работали.

Спасатели приступили к операции по задержанию «глухого безумца».

Спейсер был «взят на абордаж», заключён в специальный аварийный кокон, выращенный по особым программам из высокопрочной биокерамики, и спасатели начали торможение.

Пилоты «Ра» по-прежнему никак не отреагировали на эти действия. Спейсер казался не просто слепым и глухим, а вообще мёртвым. Вероятнее всего, он был неуправляем и бороздил космос по инерции.

Впрочем, это было только на руку спасателям, опасавшимся неадекватных манёвров инка спейсера. Теперь они могли закончить операцию по остановке корабля и транспортировке на базу.

Спасательные работы закончились через двое суток.

«Ра» перенесли на Нереиду, а со спасателей взяли подписку о неразглашении тайны корабля. Служба безопасности, не знаящая причин тайной экспедиции «Ра» и такого странного поведения, отработывала свои инструкции.

Тридцатого апреля техникам особой бригады СБ удалось вскрыть корпус молчавшего спейсера и пробиться в рубку. Там они обнаружили четырёх членов экипажа, двое из которых были уже мертвы: инконик Митрофан Успенский и первый пилот корабля Вацлав Хржичка. Ещё двое, драйвер-секунда Вячеслав Терёшин и бортинженер Вильгельм Иванов, подавали слабые признаки жизни.

Транспортировать их в таком состоянии на Землю было нельзя, и на Нереиду срочно отправили бригаду медиков Службы. Уцелевших членов экипажа перенесли из корабля под купол базы, и медики приступили к их лечению.

Эксперты из другого подразделения начали изучать корабль, и уже через два часа родилась сенсация: ни один инк спейсера не работал! Все они были повреждены нановирусами!

* * *

Воеводин узнал о возвращении разведкорабля, ушедшего к шаровому звёздному скоплению Омега Кентавра, практически сразу же после обнаружения его телескопом «Хаббл-100».

Сыграли тревогу, и вместе с безопасниками, а потом и со спасателями за спейсером следили уже и контрразведчики, вошедшие в группы сотрудников тревожных служб.

Когда «Ра» отбуксировали к Нереиде, Воеводин дал приказ готовить захват спейсера, чтобы агенты Вируса не успели его уничтожить. К этому моменту контрразведчики внедрили во все космические службы человечества, и без их участия не обходилось ни одно мероприятие, рождаемое в недрах властных структур. При этом Воеводин понимал, что они не имеют права как «засвечиваться», обнаруживать себя, так и опаздывать, вздумай агенты Вируса провести какую-либо операцию.

Первого мая, в одиннадцать часов по среднесолнечному времени, как только спейсер был вскрыт и люди узнали о состоянии экипажа, Воеводин вызвал десант-группу на Тритон, самый большой спутник Нептуна, где «Сокол» имел небольшую базу, замаскированную под обсерваторию. Система Нептуна насчитывала около полусотни спутников. Все они были нерегулярными, то есть имели меняющиеся со временем орбиты. Их размеры колебались от четырёхсот километров — у Протея — до сотен метров. Но лишь один Тритон, диаметр которого достигал двух тысяч семисот пяти километров, вращался вокруг Нептуна в обратную, по отношению к вращению самой планеты, сторону. Поэтому он встречал остальные спутники, вращавшиеся «правильно», чаще и был удобен для наблюдения за ними.

Нереида являлась одним из самых далёких спутников Нептуна и двигалась по орбите с большим эксцентриситетом, отчего то подбиралась к Нептуну совсем близко, то удалялась от него на пять с половиной миллионов километров. Она представляла собой неровный каменный шар диаметром триста сорок километров, усеянный кратерами, и была идеальным полигоном для испытаний разной космической техники: от горнопроходческих комбайнов до нейтрализаторов тяготения.

Полсотни лет назад здесь взорвался первый кварковый реактор, Нереиду пробило насквозь «боковым лепестком» взры-

ва, но, к счастью, люди не пострадали. Экспериментом управляли компьютеры. Зато после этого специалисты смогли добраться по пробитой скважине диаметром в три километра до ядра спутника и убедиться в справедливости своих планетарных теорий: Нереида не имела металлического ядра, только каменное и в общем-то мало чем отличалась от астероидов пояса Койпера.

Впрочем, эти подробности мало интересовали Воеводина и его команду. Им предстояло незаметно добраться до космодрома на Нереиде и выкрасть уцелевших членов экипажа «Ра».

Обсерватория на Тритоне имела собственную станцию метро, что позволило Воевдину добраться сюда без каких-либо проблем. Как и боевой группе под командованием Грымова.

Собрались в маленьком зальчике для визуальных наблюдений за Нептуном. При включении визинг-аппаратуры стена зала исчезала, и наблюдатели без видимой защиты оказывались на вершине горы, где и стояла обсерватория.

Полюбовавшись на гигантскую круглую глыбу Нептуна над головой, испещрённую полосами всех оттенков синего цвета (синей планета была из-за рассеянного в атмосфере аммиака), Воевдин велел выключить визинг и оглядел спокойно-сосредоточенные лица оперативников.

— Задача понятна?

— Так точно, — ответил старший группы, капитан, пришедший в «Сокол» из спецназа Российских сил быстрого реагирования, Плетнёв.

— Инструктаж нужен?

— Никак нет.

— Приступайте.

Группа бесшумно исчезла за дверью зала.

Вошёл Грымов.

— Всё под контролем, шеф. Вернулись только четверо, да и то лишь наполовину. Двое мертвы. На борту «Ра» нет ни одного эксперта, а главное — кэпа.

— Что удалось узнать?

— Спейсер появился по вектору созвездия Орла, а не Кентавра, то есть вовсе не оттуда, откуда мы его ждали.

— Точнее.

— В тысяча девятьсот восемнадцатом году в Орле вспыхну-

ла новая, по яркости почти сравнимая с Сириусом. До сих пор в этом месте наблюдается облако светящегося газа — сброшенная и разлетающаяся во все стороны внешняя оболочка звезды.

— Она как-то связана с Осью Зла?

— По-моему, никак.

— Почему же «Ра» вернулся оттуда?

— Объяснение только одно: их мотало по космосу из-за отсутствия инк-контроля. У спейсера повреждён даже инк ручного режима.

— Где Маккена? Почему на борту отсутствуют эксперты?

Грымов сделал жест, означающий: я не знаю. Добавил:

— Захватим ребят, подлечим и выясним.

— Иди.

Помощник исчез.

Воеводин сел в кресло, включил коммуникатор: теперь он мог видеть и слышать всё, что видели и слышали оперативники.

Операция началась в одиннадцать часов двадцать минут.

Охраняли базу Погранслужбы на Нереиде витсы, не считая системы охраны объектов подобного назначения. Разумеется, база имела собственное метро, поэтому отсек мгновенного транспорта находился под непрерывным контролем. Проникнуть внутрь базы могли только люди, имеющие спецпропуска.

Оперативники Воеводина такие пропуска имели.

В двадцать пять минут двенадцатого по среднесолнечному времени зелёный мигающий огонёк на кабине метро показал, что на базу передан пассажир.

Система контроля приготовилась принять живой груз.

Двери кабины открылись.

Оттуда вышли двое мужчин в белых «кокосах» с красными крестами медицинской службы, с дипломатами персональных медицинских комплексов в руках. Аппаратура контроля обменялась с аппаратурой «кокосов» сигналами, получила нужный ответ «свой» и пропустила медиков в коридор. Особой нужды в дополнительной проверке прибывших визитёров не было, все знали, что на территории базы находятся члены экипажа разведкорабля, нуждавшиеся в лечении и уходе.

Врачи поднялись на второй уровень базы, где располагались каюты отдыха сотрудников, кафе, бар, кают-компания, зал от-

дыха и медицинский отсек. Турникеты на эскалаторах и в переходах пропустили их без остановок.

Врачи остановились перед дверью медицинского отсека.

Один из них направил торец дипломата на дверь, на нём загорелась и погасла неяркая фиолетовая искорка. Наблюдавшие за коридорами по монитору видео охранники ничего не поняли, так как сработал дистанционный «инк-взламыватель», но дверь открылась. Врачи спокойно вошли внутрь. Дверь за ними закрылась. Дальнейшие события в медотсеке протекали в течение двух секунд.

В отсеке находилось пять человек. Двое из них — члены экипажа «Ра» — лежали в прозрачных капсулах реанимационных камер. Двое возились у мигающей огнями видеоколонны диагноста; они были настоящими врачами. Пятый бдительно наблюдал за происходящим — он был витсом. Однако даже он не успел отреагировать на тихое, незаметное глазу нападение.

Сначала сработал «глушак», излучение которого парализовало всю инконику витса: он замер на полушаге, потом опустил ногу и выпрямился, глядя на гостей пустыми глазами.

Потом второй импульс «глушака», рассчитанный уже на людей, последовавший через две десятых секунды после первого, поразил врачей. Они тоже застыли, не в силах выговорить слово или понять, что происходит.

— Помогите нам с транспортировкой пострадавших, — сказал первый оперативник. — Нужна полная биологическая консервация с глубоким охлаждением. Это приказ!

Врачи, получившие команду на подсознательном уровне, беспрекословно начали действовать.

Под колпаки реанимакамер был пущен охлаждающий газ, камеры переведены в автономный режим. Включились антигравы, подвесившие камеры над полом. На всё это потребовалось три с половиной минуты.

— Иди вперёд! — лязгнул металлом голоса второй оперативник, обращаясь к витсу. — Задание: обеспечить беспрепятственную доставку пациентов к транспортному отсеку! Выполняй!

Витс двинулся к двери медицинской палаты.

— Вы останетесь до подхода распорядителя! — добавил первый оперативник, оглянувшись на врачей. — Всё нормально! Ничего не предпринимайте, ждите!

Кортеж проследовал по коридору к лифту, где его попытался остановить ничего не понимающий сотрудник базы. Однако витс, шагнувший впереди, развернул к нему плечевую турель «универсала» и проговорил ровным голосом:

— Прошу не мешать выполнению приказа!

Сотрудник, бледнея, отступил.

«Врач», следующий за витсом, разрядил в него «глушак», отключая сознание.

Лифт по очереди перенёс капсулы с неподвижными телами космиков на первый уровень базы.

Здесь отряд попытались задержать настоящие охранники уровня, но были также остановлены невидимыми разрядами «глушаков». К счастью, удалось обойтись без жертв, хотя и не без огневого контакта: витс, перепрограммированный оперативниками Воеводина, открыл огонь по витсам охраны. Все трое погибли.

В транспортном отсеке группу ждал челнок «Зельга», из которого выгружали какие-то контейнеры. Как только капсулы реанимакамер всплыли в громадный ангар, кибы прекратили разгрузку, метнулись к группе и мгновенно втолкнули камеры в люк грузового отсека «Зельги». За ними без суеты и паники, очень быстро, сели в челнок члены группы. «Зельга» зарастила все люки, включила аварийные огни и поднялась к куполу ангара. Казалось, она сейчас врежется острым клювом в прозрачный пузырь, но в последнее мгновение в куполе ангара открылось стартовое окно, и челнок вылетел в открытый космос. Помогла экипажу пройти выходной контроль другая группа оперативников «Сокола», вовремя нейтрализовавшая охрану центра управления базы.

«Зельга» поднялась над каменистой полусферой Нереиды, горизонт которой не позволял наблюдать за поверхностью спутника дальше четырёх километров. Здесь над Нереидой на высоте пяти километров плавали три спейсера Погранслужбы, работающие в поддежуривающем режиме. То есть их команды находились на базе, а в рубках управления дежурили только пилоты спейсеров, обычно увлечённые своими личными делами. Для включения в боевой режим им требовалось от семи до пятнадцати минут. Но как раз этого времени оперативники «Сокола» им и не дали.

«Зельга» храбро полезла в небо Нереиды, к громадному шару Нептуна, и тотчас же на челнок свалилось смутно видимое прозрачное «облако искажений» перспективы, внутри которого прятался спейсер «Непобедимый». Он выбросил невидимые силовые «щупальца», за доли секунды втянул челнок в десантный отсек и полностью растворился в темноте космоса.

И только спустя минуту после этой сверхбыстрой и точно рассчитанной операции на базе начался переполох. Правда, никого мобилизовать на поиски и перехват похитителей он уже не мог. Мало того, пока охрана базы бестолково металась вокруг самой базы и обследовала отсеки, грузовой и транспортный терминалы, куда-то пропал и находившийся под карантинным изоляционным куполом спейсер «Ра». Точнее, видеокамеры слежения за окрестностями базы зафиксировали некое струение купола, деформацию его формы, какие-то призрачные струи вокруг, но отреагировали на это охранники слишком поздно. «Ра» исчез.

Командор Погранслужбы прибыл на базу через полчаса после случившегося. Его сопровождали два помощника и начальник личной охраны Булат Батырбей. Шевчук молча выслушал сбивчивые объяснения незадолго до него прибывшего на место происшествия начальника базы Кернеса, потом ещё более путаную речь командира охраны базы. Посмотрел на Батырбея.

На плече помощника выросла турель «универсала», дуло оружия шевельнулось туда-сюда, дважды плюнуло сгустком прозрачного огня, и командир охраны базы и её начальник с криками упали на пол, обугленные плазменными разрядами.

Один из витсов охраны, сопровождавший Кернеса, направил было дуло своего штатного «универсала» на командора, но был тут же уничтожен Батырбеем.

— Убрать! — угрюмо буркнул Шевчук, глядя на дёргавшиеся тела. — Причислить к жертвам нападения террористов. Похищение членов экипажа спейсера и самого корабля также оформить как террористический акт.

— Мы не можем уничтожить записи... — заикнулся бледный заместитель Кернеса.

Сверкнул ещё один бледный плазменный разряд.

Заместитель отлетел к двери с почерневшим лицом.

— Все видеозаписи откорректировать под версию теракта, — сказал Шевчук.

— Сделаем, — бесстрастно пообещал Батырбей. — Один вопрос, босс. Инспектор ФАК Горюнов не просвечивается. Есть подозрение, что он является «кротом» контрразведки глубокого залегания.

— Уберите.

— Слушаюсь.

— И найдите мне похитителей! Кем бы они ни были! Даю двадцать четыре часа.

Шевчук повернулся и вышел из медицинского отсека базы.

Переглянувшиеся помощники и пограничники поспешили за ним.

* * *

«Непобедимый» не стал пересекать Солнечную систему в режиме «струны», для этого не было необходимости. Все нужные для лечения пострадавших косменов специалисты находились на его борту. Поэтому спейсер включил шпуг и уже через несколько минут приземлился на площадке во льдах Северной Земли Тритона, которую очень трудно было увидеть из космоса. К тому же он накинул на себя «саван» невидимости, созданный генератором режима «инкогнито».

Капсулы реанимакамер перенесли из десантного отсека спейсера в медицинский, и врачи кинулись колдовать над неподвижными телами Вячеслава Терёшина и Вильгельма Иванова.

Воеводин прибыл на борт корабля через два часа после его приземления на Тритоне. Однако в медотсек его не пропустили, скорых результатов лечения косменов ждать не приходилось. Тогда он перешёл на борт спасателя «Фудзи», который и украл спейсер «Ра» с космодрома на Нерейде.

Грымов уже был здесь и мог кое-что сообщить шефу.

— Ясно одно, — сказал он, встретив Воеводина в ангаре на Титане, спутнике Юпитера, куда был доставлен «Ра». — Это была нановирусная атака. Отправляя экспертов Кингсли Фурсенко, он же и запустил «червей» в корабль.

— Где Маккена? — тяжело спросил Воеводин.

Грымов виновато развёл руками:

— Ни один инк спейсера не уцелел, записей не осталось. О судьбе Маккены и экспертов могут сказать только те, кто спасся. Я вообще не понимаю, как им удалось дойти до Солнца, если даже инк ручного управления выдаёт неправильные данные. Похоже, они не должны были вернуться.

— Что они обнаружили там, в Кентавре? Что такое Ось Зла?

— Вопрос не ко мне.

Воеводин посмотрел на тускло отблескивающую в лучах прожекторов коническую гору вернувшегося спейсера. Но «Ра» молчал. Он ничего не мог рассказать людям, ослепший, оглохший, немой, почти мёртвый. И всё же он вернулся.

— Работайте, — сказал Воеводин, разворачиваясь к отсеку метро.

Члены экипажа «Ра» пришли в себя на второй день упорной кропотливой работы медиков. Беседовать с ними долго было ещё нельзя, но ситуацию прояснить они смогли.

Воеводину позвонил Грымов:

— Маккена жив! Он остался с Розой Линдсей в спасательном модуле где-то в районе Орла, в десяти-пятнадцати тысячах эсве от солнца. Нужен срочный спасательный рейд по вектору Орла!

— Отправляй, — сказал Воеводин, испытывая одновременно радость и печаль. — Марч?

— Погиб.

— Как? Впрочем, детали потом. Что они обнаружили?

— Ось Зла — искусственно созданная звёздная система, удерживаемая неким механизмом, который виден в форме металлической конструкции — фермы. Но главное, что эта система метастабильна. Она может в любой момент сбросить всю накопленную энергию.

Воеводин сжал зубы.

— Суперструнник!

— Точно, — кивнул Грымов. — Для этого он и строится.

Они несколько секунд смотрели друг на друга, понимая всё без слов.

— Херцига надо остановить!

— Как?

— Не знаю, думайте. Подключи к работе Шапиро.

— Хорошо. — Грымов исчез, выключил канал связи.

Воеводин походил кругами по кабинету — он работал дома — и начал переодеваться. Надо было срочно посоветоваться с Ван Бреевеном.

Глава 22

МЕДВЕЖАТНИК ГОРЮНОВ

Руслан никогда не считал себя особо впечатлительной натурой. С другой стороны, эмоциональная оценка действительности занимала немалую часть его жизни. Во всяком случае он часто задумывался над психологическими нюансами в отношениях людей, любил уединённость, подкармливающую созерцательные устремления души, и эстетику естественных форм природы. Лишь нелогичные поступки окружающих иногда ставили его в тупик, заставляли задумываться над непостижимым миром внутренних человеческих решений. Так было и после неожиданной встречи с Ярославой в баре деловой зоны Суперструнника.

Она явно ждала встречи с ним, хотя и прятала чувства под маской деловой женщины, и все её вопросы так или иначе касались причин появления Горюнова на стройке в качестве инспектора ФАК. При этом Ярослава пыталась оценить его нынешнее положение и, что было важней, личные отношения с окружавшими его людьми. Она первая заговорила о Тихонове, изрядно удивив Руслана, и она же посоветовала держаться от её бывшего мужа (впрочем, Руслан в этом отношении тоже был бывшим) подальше.

— Почему? — опешил Руслан.

— Потому что он ради собственного благополучия спокойно рискнёт чужой жизнью, — ответила Ярослава. — Вам известно, господин инспектор, что он предложил идею устроить дискуссию о возможных последствиях включения Суперструнника?

— Это ни для кого не секрет. Что тут плохого?

— Такая дискуссия хороша была пятнадцать лет назад, до запуска проекта. Теперь она не нужна. Тихонов просто хочет

переложить ответственность рискованного мероприятия на плечи других людей. И остаться в стороне в случае неудачи.

— Разумно.

— Конечно, разумно, если посмотреть на это решение извне. Но ведь стройка — закрытый объект, посторонним на ней не место, а нам придётся прилагать дополнительные усилия для обеспечения темпов строительства.

— Почему? — не понял Руслан.

— У Херцига много завистников, мечтающих занять его место. Они наверняка предложат свои концепции Дженворпа, более безопасные, по их умозаключениям. И ФАК, естественно, воспользуется возможностью произвести дополнительную экспертизу экологической чистоты проекта. Что, естественно, затормозит строительство.

— Ну и хорошо, зато мы будем уверены, что проект учитывает все последствия.

— Ни одна экспертная комиссия не нашла в теории Херцига изъянов. И не найдёт. Специалистов его уровня на Земле нет.

— А Шапиро?

— Шапиро — хороший физик, но его идеи противоречат общепринятым физическим концепциям. Его не поймут. И дело не в нём: кто-то хочет сорвать стройку. Этого допустить нельзя.

Руслан вспомнил слова Воеводина о том, что Вирус торопится закончить строительство Суперструнника до определённого момента. И Ярослава тоже призывала это сделать. Неужели она и в самом деле работает на Вирус?

— Поможешь? — перешла на «ты» координатор стройки.

— Попробую, — пробормотал застигнутый вопросом врасплох Руслан. — Только не знаю как. И... зачем.

Она вдруг накрыла его руку на столе своей ладонью, всего на один миг.

— Мне это очень важно, Руслан.

Убрала руку, встала, приобретая прежний властный вид.

Поднялся и он.

— Будь осторожен. — Она заглянула ему в глаза и пошла из бара, сопровождаемая возникшим за спиной витсом охраны. Красивая, гибкая, соблазнительная, решительная. И одинокая.

— Буду... — сказал он ей вслед, чувствуя лёгкий эйфорический звон в голове.

Полдня после этого он прожил под впечатлением встречи, сотню раз задавая себе один и тот же вопрос: чего она хотела от него на самом деле? — но не находя ответа. Потом позвонил Грымов, и они встретились на Земле, в резиденции «Сокола» в Осаке, где контрразведка имела базу.

Впрочем, базой эту маленькую контору в жилой башне Намбай назвать было трудно. Она имела всего три крохотных помещения и пряталась под вывеской «Японской консультационной компании». Какие консультации она давала и кому, Руслану было неизвестно.

— Можешь выходить из игры, — сказал Грымов, рассказав о возвращении «Ра» и о проблемах, возникших в связи с этим возвращением. — Скорее всего ты уже попал в списки подозреваемых в содействии Службе безопасности, и Вирус не оставит тебя в покое.

— Но я же ничего не сделал, — выдавил Руслан.

— Ты дал нам возможность зацепиться за тех, кто начал тобой интересоваться. Всю сеть агентов Вируса мы, конечно, не выявили, но кое-кого отловили.

— Всё равно на эмиссаров Вируса мы не вышли.

— С ними будут работать другие люди.

Руслан упрямо вскинул подбородок.

— Я останусь! Попробую затронуть ещё нескольких деятелей, пусть понервничают, если они являются агентами, пусть погоняются за мной. А вы проявите всю их систему.

Грымов усмехнулся.

— Безумству храбрых поём мы песню.

— Я серьёзно.

— И я серьёзно. Опасность очень велика, агентура Вируса не останавливается ни перед чем. Помни об этом. Мы, конечно, постараемся тебя подстраховать, но вряд ли сможем успеть везде.

— Я сам отобьюсь, если что.

— Учти, что практически весь Суперструнник напичкан скрытыми датчиками наблюдения за служебным персоналом и строителями. Мы никак не можем найти терминал наблюдения, что не есть хорошо. Нам бы пригодилось знание координат центра.

— Попробую отыскать. — Руслан с удовольствием допил

предложенный японский чай соами, по вкусу напоминающий куриный бульон. — Значит, Ось Зла образует скрытое взрывное устройство.

— Можно сказать и так.

— А что произойдёт, если Ось взорвётся?

— Никто не знает. Шапиро считает, что готовится какой-то прорыв из нашей Вселенной в другую. Или наоборот, оттуда к нам, что ещё хуже. Возможно, произойдёт фазовый переброс вакуума, и все физические законы изменятся. В этом случае всё живое во Вселенной погибнет.

— Но ведь в таком случае погибнет и сам Вирус.

— Кто знает? Может быть, как раз взрыв Оси и создаст необходимые условия для его развития. Мы этого не знаем. Главное, что Вирус из всех сил стремится инициировать взрыв Оси, для чего и хочет побыстрее закончить наладку Суперструнника.

Руслан вспомнил просьбу Ярославы помочь завершить строительство генератора. Пришло неуютное ощущение предательства. Но у него пока не было прямых доказательств того, что Ярослав работает на систему Вирус. Были только подозрения.

— Вот почему он ликвидирует всех, кто может помешать ему запустить Суперструнник, — закончил Грымов. — Надумашь уйти — позвони, мы поймём.

— Не надумаю.

— Смотри, я тебя предупредил.

Они пожали друг другу руки, и Руслан покинул тихую контору «Японской консультационной компании», так и не увидев ни одного её сотрудника.

В своём номере на Суперструннике он спокойно обдумал план работы и приступил к его исполнению. Пружина противостояния Вируса и контрразведки сжалась до отказа, он это чувствовал, несмотря на отсутствие активных военных действий, но был уверен, что избежит «летального исхода операции».

Для начала он вызвал Мешема:

— Джон, мне нужна твоя помощь, ты свободен?

— Вообще-то я в Лондоне, — сообщила голова лейтенанта в видеообъёме мобика, — но могу прилететь через полчаса.

— Извини, что нарушил твои планы.

— Всё нормально. Где встречаемся?

— В метро Дженворпа.

Виом связи погас.

Руслан проверил на всякий случай наличие в номере подсматривающих «клопов» — это уже начинало входить в привычку — и быстро облачился в спецкостюм, имеющий множество полезных приспособлений. То, что он собирался сделать, нуждалось в техническом наборе и инк-сопровождении.

Мешем прибыл на Суперструнник ровно через полчаса, в костюме пограничника.

— Через два часа на дежурство, — пояснил он, отвечая на взгляд Руслана. — Какая помощь тебе нужна?

— Хочу проникнуть в номер одного знакомого.

Мешем ничем не выразил своего удивления, только уточнил:

— Тайно?

— Очень хочется взглянуть, как он живёт.

— Если мы вскроем каюту, сработает система контроля, и через пару минут прибежут полицейские.

— Вот почему ты должен будешь отвлечь их, объяснить, что осуществляется выборочная проверка жилых помещений зоны отдыха. Ну, или что-то в этом духе.

Мешем подумал.

— Лучше предупредить полицейских заранее. Это их не остановит, но задержит. Ты уверен, что это необходимо?

— Абсолютно.

— Тогда давай договоримся: я жду пять минут и иду в управление полиции, а ты через пять минут попробуй проникнуть в номер своего знакомого.

— Ты даже не спрашиваешь, кто он? — прищурился Руслан.

Мешем пожал плечами.

— Зачем? Меньше знаешь — крепче спишь. Я пошёл.

Больше озадаченный, чем обрадованный таким подходом пограничника к делу, Руслан поспешил на четвёртый уровень жилой зоны, где находилась каюта Серджо Веласкеса. Именно в неё и намеревался попасть Руслан, в план которого входило также вскрытие кают и других подозреваемых.

Ровно через пять минут он приступил к реализации замысла.

Дверь с номером «414» ничем не отличалась от других дверей гостиницы. Руслан подошёл к ней вплотную, постучал,

включил сканирующий «инк-взламыватель», встроенный в костюм.

Дверь вдруг «посмотрела» на него с явным интересом, как живое существо. Руслан даже поёжился от этого ощущения, будто и в самом деле столкнулся с собакой хозяина.

«Готово», — доложил Шустрый, управляющий всей «спецухой» костюма.

Руслан боковым зрением отметил отсутствие в коридоре людей, толкнул дверь и шагнул в номер, испытав неприятное ощущение вины. Это был первый в его жизни взлом чужой собственности.

В номере было темно.

— Свет! — скомандовал Руслан.

Вспыхнули неяркие светильники, спрятанные в углах комнаты.

Руслан замер, окидывая помещение взглядом, пока инк «спецухи» искал встроенные в двери и стены видеокамеры. Но никакой дополнительной защитной аппаратуры в номере Веласкеса не обнаружилось. Мало того, номер казался нежилым, так как его внутреннее убранство было нетронутым, безукоризненно чистым и геометрически правильным. Ни на кровати, ни на столе не валялись неубранные вещи, не лежали сигареты, какие бы то ни было мужские аксессуары, в стенном шкафу не висели рубашки и костюмы. Номер сверкал идеальным порядком и явно не использовался по назначению.

Руслан прислушался к своим ощущениям. Вновь появилось чувство заинтересованного взгляда, хотя Шустрый тут же заверил хозяина, что в номере Веласкеса нет никакой спрятанной видеоинконики. Временное жилище главного прораба стройки, помощника Ярославы, никогда ему жилищем не служило, что навело Руслана на грустные размышления. Вполне могло быть, что Веласкес пользовался другим номером, к примеру номером Ярославы.

«Уходим, — посоветовал терафим. — Здесь ничего нет».

Повинуясь интуиции, Руслан шагнул к столику в углу комнаты, взялся рукой в перчатке за ручку и выдвинул ящик верхний тумбочки. В ящичке лежали ажурный нож очень необычной формы, похоже — фарфоровый, и друга кристалликов, по виду — золотых, также очень интересной формы. И оба этих

предмета показались Руслану живыми, так как дружно «посмотрели» на «вора» с любопытством и ожиданием.

Он протянул к ним руку.

Тотчас же нож превратился в отвратительного вида скорпиона, а друза золотых кристаллов — в зубастую лягушку с кроваво блеснувшими глазами.

Руслан отдёргнул руку.

Скорпион и лягушка вернули свой прежний вид.

«Вашу мать! — проговорил про себя Руслан. — Шустрый, зафиксировал?»

«Что?» — спросил терафим.

«Как что? Разве ты не видел, как они поменяли форму?»

«Нет».

Руслан озадаченно присмотрелся к ножу и кристаллам.

«Интересно! Мне это померещилось, что ли?»

Он снова осторожно протянул руку к странным предметам.

Нож мгновенно оброс иглами и приобрёл облик шестипалого мохнатого зверька с зубастой пастью. Друза кристаллов зашипела, растеклась колечками дыма, и эти колечки быстро собрались в шипастого дракончика с телом из текучего жидкого металла.

«И теперь не видишь?»

«А что я должен видеть?» — поинтересовался Шустрый.

«Что ты видишь?»

«Куски кристаллической горной породы, похожие на пирит».

«Обалдеть можно! Я вижу нож и кристаллы, которые превращаются в живых существ, стоит к ним приблизиться».

«Иллюзия».

«Сам понимаю. Моя психика реагирует на какое-то излучение от этих предметов».

«Радиация в пределах фона».

«Возможно, это пси-излучение».

«Спин-торсионное поле».

«Ну, Веласкес, ну, сукин сын! Откуда у него такие забавные штучки?»

В наушниках раздался тихий голос Мешема:

— На монитор поступил сигнал несанкционированного

доступа в каюту номер четыреста четырнадцать. Срочно уходи отсюда, если ты ещё там! Полицейские будут через минуту.

Руслан с сожалением задвинул ящик тумбочки — очень хотелось забрать странные «живые» предметы, включил динго¹ костюма. Теперь он стал похож на женщину с длинными распущенными волосами. Затем оставил в стене двух «видеоклопов» и быстро выскользнул за дверь.

В коридоре четвёртого уровня по-прежнему никого не было видно, однако «гвоздь» чужого взгляда в спине не оставлял сомнений, что за ним сейчас ведётся наблюдение, и Руслан метнулся к лифтам, считая секунды.

Он успел.

Дверь лифта закрылась за его спиной за мгновение до того, как из соседней кабины выскочили полицейские.

В кабине лифта, не имевшей видеокамер, Руслан снова превратился в инспектора ФАК и спустился в бар. Через минуту к нему присоединился Мешем.

— Всё в порядке? Нашёл что-нибудь?

— Ничего, — сказал Руслан, берясь за бокал заказанного тоника.

— Я не требую ответа, — улыбнулся пограничник. — Просто у тебя такой вид, будто ты ещё не проснулся.

— Есть от чего, — признался Руслан. — Такое впечатление, что он там не живёт. Хотя в столе у него...

Мешем подождал продолжения, подозвал официанта и заказал горячий шоколад.

— Что у него в столе?

Руслан не выдержал и рассказал собеседнику о своём опыте взламывания чужих владений.

— Психиаль... — задумчиво проговорил Мешем.

— Что?

— Те предметы в столе похожи на психиали — особого рода игрушки, меняющие форму в зависимости от настроения владельца. Они используются при лечении неврозов.

— Никогда не видел таких игрушек.

— Они достаточно популярны, особенно в Европе и в Северной Америке. Я видел.

¹ От слов: динамическая голография — аппарат видеомаскировки.

— Ну, хорошо, допустим, Веласкес приобрёл эти игрушки в Америке, почему же в его комнате чисто и пусто, как в... — Руслан поискал слово, — как в туалете?

— Спроси у него.

— Вот-вот, — поскучнел Руслан, — только и осталось спросить напрямую, что прораб прячет в номере и почему в нём не живёт.

В бар заглянули двое полицейских, заметили приятелей, сидевших у стены с видом на ферму Суперструнника, подошли. Первый, усатый, высокий, смуглолицый, дотронулся пальцами до виска.

— Капрал Кутуев, полицейское управление. Господин Горюнов? — Говорил полицейский по-русски довольно чисто.

Руслан и Мешем обменялись взглядами.

— Слушаю вас.

— Вас видели на четвёртом уровне жилой зоны входящим в каюту номер четыреста четырнадцать. Из каюты вы не вышли. Зато вышла незнакомая женщина. Можете объяснить сей феномен?

— Не знаю, кого вы там видели на четвёртом уровне, — сказал Мешем вежливо, — но мы с господином Горюновым последние два часа не расставались. Вы не ошиблись в идентификации объекта?

Он врал, но полицейские почему-то не обратили на это внимания.

— Ошибки исключены, — не менее вежливо заметил второй блюститель порядка, подтянутый, мускулистый, с хищным носом. — Коридоры жилой зоны просматриваются видеокамерами системы контроля. Можем показать запись. Каюта четыреста четырнадцать была вскрыта, вас видели входящим в неё. Идёмте с нами, вам придётся написать объяснительную записку.

— Мы хотели пошутить... — начал Мешем.

В бар вдруг стремительно влетел Серджо Веласкес, нашёл глазами полицейских, приблизился.

— Будьте любезны, господа, я владелец каюты четыреста четырнадцать. Отпустите его.

— Этот человек взломал замок вашей... — сказал полицейский с усами.

— Я знаю, он действительно собирался пошутить, хотя удач-

ной эту шутку назвать трудно. Всё в порядке, я не буду делать заявление, мы разберёмся.

— Как знаете, — нехотя сказал полицейский с хищным носом.

Оба дружно кинули два пальца к околышам фуражек (эта форма сохранялась незыблемой уже три века) и направились к выходу из бара.

Веласкес мельком глянул на Мешема, смерил Руслана оценивающим взглядом. По губам его скользнула улыбка.

— Ну, и что вы там хотели увидеть, господин инспектор?

— Я не хотел пошутить, — мрачно ответил Руслан. — В мои обязанности входит негласная проверка условий проживания всех ответственных лиц стройки.

— Вплоть до взламывания замков их кают?

— У меня карт-бланш...

— Карт-бланш на грабёж? Не знал, что инспекторам ФАК выдаются такие полномочия. Ну, и как, выяснили, как я живу?

Руслан приподнял бровь.

— А вы там живёте?

— Конечно, — не смутился Веласкес. — Просто я очень аккуратный человек, люблю чистоту и порядок.

Руслан хотел сказать, что он не нашёл в номере прораба ни одной личной вещи, но передумал.

— Вы исключительно аккуратный человек, господин Веласкес. Извините, что пришлось нарушить границы ваших владений.

Веласкес молча направился к двери бара, оглянулся.

— Не советую действовать такими методами, инспектор. Это может плохо кончиться. Особенно если вы вздумаете навестить господина Херцига.

В бар вошёл молодой человек в форме строителя, что-то сказал Веласкесу. Тот кивнул, и оба исчезли.

— У тебя и в самом деле есть карт-бланш на взлом любого номера? — поинтересовался Мешем заинтересованно. — Я думал, такие полномочия даются только работникам спецслужб.

Руслан криво улыбнулся.

— Разве ФАК не спецслужба? Но, увы, у меня нет таких полномочий.

— Я так и думал. Станный человек этот Веласкес.

— Это уж точно, — согласился Руслан. — Странно уже то, что он не стал поднимать шум. Пожалел, что ли?

— Такие люди никого не жалеют.

— И всё же он меня по сути спас от уголовного преследования. Конечно, я бы оправдался в конце концов, но в правах меня бы ограничили.

— Скажи честно, зачем ты всё это затеял?

Руслан посмотрел на Мешема.

Пограничник ответил серьёзным, внимательным, испытующим взглядом, в котором не было и тени осуждения. И это было странно, потому что любой другой человек на его месте первым делом потребовал бы пойти в полицию и признаться во всех грехах. А вопрос: зачем ты всё это затеял? — задал бы ещё до взлома каюты Веласкеса.

— Я его ревную, — глухо ответил Руслан, что было правдой. — К своей жене.

Слово «бывшей» он пропустил намеренно.

Глава 23

ЗОЛОТО МАККЕНЫ

Спейсер Службы безопасности «Непобедимый», новейший корабль первого класса, являлся квазиживым техноорганизмом и управлялся экипажем из трёх человек. Капитаном корабля был Матеус Бренчкорт, операторами систем жизнеобеспечения и энергоснабжения — Вальтер Спичкин и Жозеф Аккула. Все они работали в Службе безопасности давно, считались классными специалистами и выполняли задания практически без срывов, быстро, точно и в срок. При этом они оставались нормальными людьми, дружили семьями и не стеснялись в выражениях, обсуждая какие-нибудь жизненные коллизии. Однако приказы они не обсуждали никогда.

Вводная — нырнуть в космос по вектору созвездия Орла — поступила командиру спейсера на другой день после выполнения предыдущего задания, то есть после похищения оперативниками Службы (кто именно это сделал, космолётчики не знали) еле живых членов экипажа «Ра».

— Цель? — запросил Бренчкорт центр управления полётами.

— Получите по «струне» после первого оверспейса, — ответили ему.

Бренчкорт пожал плечами, и «Непобедимый» начал свой рейд, ещё не представляя, с чем придётся столкнуться экипажу.

Первый прыжок вынес спейсер к Таразеду — Гамме Орла.

Эта оранжевая звезда спектрального класса КЗ располагалась всего в четырёхстах шестидесяти световых годах от Солнца. Здесь капитан «Непобедимого» дождался целеуказаний с базы и направил корабль к рассеянному звёздному скоплению NGC 6755, удалённому от Солнца на расстояние в четыре тысячи восьмьсот световых лет.

Корабль преодолел весь путь за два часа, из которых час пятьдесят девять минут и пятьдесят девять секунд занимали расчёты оверспейсов и ожидание целеуказаний.

Ещё два часа после этого корабль дрейфовал к окраине рассеянного звёздного скопления, а экипаж занимался привычными делами контроля и наблюдения за пространством, пока не получил новый приказ: идти в район шарового звёздного скопления NGC 6760.

— Странно, что нас не отправили сразу к цели, — пробормотал оператор-прима Вальтер Спичкин.

— Нормальная маскировка намерений, — возразил ему оператор-секунда Жозеф Аккула; меж собой космолётчики называли его Акулой, хотя Жозеф был уравновешенным и добрым малым, совсем «не кусачим». — Странно другое: каким ветром «Ра» занесло сюда? От Омеги Кентавра до этого «шеститысячника» больше пятидесяти тысяч эсве.

— Специалисты разберутся, — сухо заметил капитан Бренчкорт. — Поехали!

«Непобедимый» прыгнул.

Скопление NGC 6760 было удалено от Солнца на тринадцать тысяч световых лет, от NGC 6755 его отделяла пропасть пространства в семь с половиной тысяч световых лет, и спейсер преодолел это расстояние за доли секунды. На контроль функционирования бортовых систем корабля потребовалось гораздо больше времени.

— Самочувствие? — привычно осведомился Бренчкорт, получая информацию о состоянии спейсера напрямую в мозг.

— Норма, — отозвались в унисон операторы.

— Идём «на половине»¹ к крайней звезде кластера, она у нас на визире, и слушаем космос. Спасательный модуль имеет радиомаяк, он где-то рядом.

— Слушаем, — ответили операторы.

«Непобедимый» понёсся к раскинувшемуся впереди компактному звёздному скоплению, насторожив все свои «уши» — антенны радаров и следящих систем, принимающие даже слабые «шорохи» межзвёздного пространства в большинстве диапазонов электромагнитного спектра.

Прошёл час, другой, третий...

Экипаж позавтракал, продолжая вслушиваться в бормотание Великой Тьмы. Конечно, основную нагрузку нёс при этом инк спейсера по имени Кевин, но приказ командира обсуждению не подлежал, и операторы прилежно занимались тем же делом: слушали «шёпот» звёзд.

Прошёл еще один час.

Антенны спейсера уловили очередь чередующихся коротких и длинных сигналов.

Кевин «встрепенулся», доложил о необычном сигнале.

Капитан и операторы несколько раз прослушали странное сообщение неизвестно кому и неизвестно от кого, но передатчики землян в этом диапазоне волн не работали. Возможно, это и в самом деле был некий вызов или сообщение разумных существ своим собратьям, однако «человеческим» от него не пахло. Да и расшифровать послание не удалось.

— Откуда пришла эта «азбука Морзе»? — запросил Бренчкорт Кевина.

— Рукав Персея. Точнее определить не могу, там слишком много звёзд. Сигнал мог идти от любой из них в районе одного эсве. Это около двух сотен звёзд.

— Жаль, можно было бы поискать этих парней, — сказал Аккула.

— Работайте, — сухо сказал Бренчкорт.

— Работаем, — вздохнули операторы, в ушах которых звучала «песня» космоса: щелчки, свисты, скрипы, басовитое урчание, глухие хрипы и звоночки. Но все эти звуки не несли ос-

¹ «На половине» — термин звездолётчиков, означает скорость корабля, равную половине скорости света.

мысленной информации, они принадлежали естественным процессам, происходящим в галактике.

Лишь на вторые сутки непрерывного бдения (спали по очереди) Кевин наконец расслышал знакомую каплю радиомаяка, и «Непобедимый» помчался к невидимой ещё цели, находившейся «всего» в неделе пути, если идти со скоростью света.

Ждать столько не стали. Кевин рассчитал «струну», и спейсер неощутимой тенью прыгнул сквозь длинный сгусток пыли, внутри которого пряталось ядро будущей звезды, к источнику радиосигнала.

Квазиживая техника не подвела. Спейсер вышел из «струны» в двух тысячах километров от спасательного модуля, посылавшего во все стороны сигнал бедствия. «Непобедимый» отработал моторами и через полчаса подошёл к чечевице модуля вплотную.

— Захват! — скомандовал капитан Бренчкорт.

«Непобедимый» выбросил силовую «сеть», втащил модуль в недра корабля, где образовалась полость приёмного отсека. Через минуту стало известно, что обитатели модуля живы, хотя Роза Линдсей в данный момент жила лишь за счёт реанимационной камеры.

Маккена был суров и немногословен. Пожав руки членам экипажа «Непобедимого», он вернулся в модуль, забыв поблагодарить операторов и капитана за спасение. Впрочем, они не нуждались в благодарственных словоизлияниях, они выполняли свою работу.

Розу Линдсей перенесли из приёмного отсека в медицинский, и находившийся на борту спейсера реанимационный комплекс, управляемый инком класса Умник, приступил к диагностированию и лечению Розы. Он уже имел опыт подобного рода исследований, так как участвовал в лечении космолётчиков «Ра», поэтому в особых указаниях людей, живых врачей, не нуждался.

Прошли сутки.

Роза Линдсей пришла в себя.

Бренчкорт созвал видеосовещание, в котором принял участие капитан «Ра».

— Умник советует доставить больную в стационарную кли-

нику, — сказал капитан «Непобедимого». — Но режим «струны» ей противопоказан.

— На «свете» мы будем добираться до Солнца тринадцать тысяч лет, — хмыкнул оператор-прима спейсера.

Все выжидательно замолчали.

Маккена тоже молчал. Решение принимал не он, но от него зависело качество принимаемого решения.

— Оставьте нас здесь, — проговорил он наконец.

Операторы, заключённые в коканы управления внутри императив-центра корабля, как косточки внутри апельсина, обменялись выразительными взглядами: они могли видеть друг друга через общий интерком.

— Коллега, это невозможно, — сказал Бренчкорт. — Я не имею права оставить вас здесь.

— Она не выдержит «струнного» оверспейса.

— Во-первых, это ещё неизвестно. Во-вторых, оставаясь в модуле, вы всё равно... м-м, не проживёте долго.

Маккена помолчал.

— Ей нужен уход и покой.

— Мы подождём пару суток, Умник её подлечит.

На этот раз молчание длилось дольше.

Экипаж «Непобедимого» терпеливо ждал.

Маккена смотрел на звёзды, поглядывал на отсек с реанимационным комплексом (в пассажирском коконе, где он сидел, вся видеоинформация передавалась напрямую к глазам), думал о чём-то с непроницаемым лицом. Потом сказал:

— Хорошо, подождём. Если Умник гарантирует благополучный исход оверспейса, мы уйдём к Земле.

Совещание закончилось. Капитан Бренчкорт не любил сентиментальных душевнотельных бесед, хотя и понимал коллегу. Маккена был влюблён, и это обстоятельство снимало с него все обвинения в неправильной оценке ситуации.

Сутки «Непобедимый» висел в пространстве, освещаемый лучами шарового звёздного скопления NGC 6760. Ярким скопление назвать было нельзя, но его света хватало, чтобы люди могли хорошо видеть лица друг друга.

Экипаж занимался своими рутинными делами, подчиняясь раз и навсегда заведённому порядку в дальнем походе.

Маккена общался с Умником, продолжавшим лечение Ро-

зы, и подолгу находился рядом с экспертом, пространно рассказывая ей о своём детстве, о друзьях и родственниках, о мечте, которая привела его в корпус космолётчиков.

Роза Линдсей слушала, улыбаясь больше своим мыслям, нежели шуткам Маккены. А потом эта идиллия закончилась, потому что откладывать решение о возвращении было нельзя.

Капитан Бренчкорт снова собрал видеосовещание. Он был краток:

— Ваши предложения, коллега.

— Умник утверждает, что она по-прежнему слаба, — пробормотал Маккена.

— Тем не менее у нас есть шанс доставить её в земную клинику. Здесь я вас не оставлю.

— Давайте подождём ещё пару дней.

— Рудольф, поймите, Умник не сделает большего, чем уже сделал, — мягко проговорил Спичкин. — Розу можно поднять на ноги только на Земле.

— До неё ещё надо добраться.

— Мы сделаем один длинный прыжок вместо...

— Вальтер! — оборвал оператора капитан Бренчкорт.

Спичкин замолчал.

— Хорошо, ещё сутки, — добавил Бренчкорт после паузы. — Потом идём домой.

Маккена вылез из кокона пассажирского отсека, спустился в медицинский бокс.

— Жаль парня, — перешёл на другую линию связи Спичкин.

— Заболел, однако, — сказал Аккула.

— Чем? — не понял оператор-прима.

— Любовь — это болезнь.

Спичкин хмыкнул.

— Это ты говоришь как специалист?

— Конечно. Я тоже болел.

— Может быть, подскажешь, как нам вылечить коллегу?

— Лучшее лекарство от любви — другая женщина.

Спичкин засмеялся.

— Да уж, ты у нас просто профессор по любви.

— Займитесь делом, — недовольно сказал капитан Бренчкорт. — Остроумцы.

Операторы искали достойный ответ своему боссу, но ответить не успели. Дальнейшие события показали, что о походе «Непобедимого» знали не только те сотрудники СБ, кому было поручено руководить операцией спасения.

Внезапно совсем близко от дрейфующего в пустоте спейсера, всего в полутора километрах, проявилось сияющее веретено искусственного объекта, который оказался точно таким же космическим кораблём, что и «Непобедимый».

— Наши?! — удивился Спичкин, дежуривший в данный момент.

Всю поступающую извне информацию инк спейсера выдавал ему в первую очередь.

— Не может быть! — озабоченно отозвался Аккула.

Капитан Бренчкорт отреагировал на это более профессионально:

— Боевая тревога!

И это спасло «Непобедимый»!

Проявившийся после выхода из «струны» спейсер не ответил на вызов, зато без предупреждения нанёс по «Непобедимому» удар из всех видов оружия, имевшегося у него на борту. Единственное, чего у него не было, так это «суслика», генератора деформации вакуума, по сути — генератора «струны», способного свернуть в тончайшую нить любой материальный объект.

Инк «Непобедимого», получивший приказ командира «Боевая тревога!» за мгновение до атаки, успел накрыть спейсер коконом полевой защиты, и энергетические трассы плазмеров, лазеров и аннигиляторов отразились от «ошестинившегося» космолёта, ушли в космос. Тем не менее спейсер ощутимо трянуло, он затанцевал в клубах пламени, среди вихрей невидимых силовых полей.

— «Инкогнито»! — перешёл на мыслеуправление капитан Бренчкорт. — Манёвр влево на две единицы!

Инк «Непобедимого» накрыл спейсер «саваном» невидимости, рванул корабль влево по ходу движения в форсажном режиме.

Но и противником управлял инк, мало в чём уступавший Кевину, поэтому он успел ещё дважды поразить спейсер, точнее, попасть в его защитное поле, прежде чем «Непобедимый»

растаял в космосе и прыгнул по перпендикуляру на два километра влево, избегая очередного попадания.

— Императив, командир? — с подчёркнутым равнодушием спросил оператор-секунда.

— Долг платежом красен, — ответил Бренчкорт не по уставу. Однако его поняли. Капитан не собирался бежать. Он собирался драться.

Незнакомый спейсер, выпустив веер огненных штрихов, тоже спрятался под «шапкой-невидимкой» и пропал из виду. Но поскольку он явно продолжал двигаться в прежнем направлении, Кевин нанёс ответный удар, просчитав варианты манёвра.

Со стороны это, наверное, было необычное зрелище: из пустоты вдруг вынеслась очередь тающих лазерных трасс и вонзилась в такой же «пустой» чёрный мешок, породив ливень гаснущих фиолетово-зелёных молний.

Однако инк чужого спейсера не сплеховал, корабль метнулся в сторону и ответил ручьями сиреневого пламени, едва не задевшими корпус «Непобедимого».

Кевин снова прицелился (длительность всех этих действий не превышала миллионных долей секунды), выстрелил.

На сей раз лазерная трасса унеслась в космос, не найдя противника. Он тоже умел маневрировать в безынерционном режиме, мгновенно меняя направление движения под разными углами к вектору движения. Обнаружить его можно было только по ответной стрельбе.

Молнии и огненные всполохи перестали кромсать тьму космического пространства.

Могучие корабли, способные одним выстрелом разнести в пыль астероид размером с Весту, начали кружить, закручивать замысловатые спирали, невидимые друг для друга, и ждать ошибки противника. Но даже масс-детекторы «Непобедимого», улавливающие слабые гравитационные поля на больших расстояниях, не могли точно определить местоположение чужого спейсера по его гравитации. Защита чужака была совершенна. Впрочем, как и защита «Непобедимого».

— Надо запустить брандер! — раздался вдруг в наушниках операторских коконов голос Маккены. Он выбрался из меди-

цинского бокса в пассажирский отсек и подключился к интеркому.

— Не понял, — отозвался капитан Бренчкорт.

— Голографический пузырь, имитирующий форму спейсера. Чужак навернякаотреагирует на его появление атакой, выстрелит, а мы тут же ответим. Только уже посерьёзней, из «суслика». Тут или—или: или они нас, или мы их.

— Может быть, лучше вернуться на Землю и доложить комиссару о нападении? — неуверенно предложил Аккула.

— Не факт, что это поможет определить агрессора, — сказал Спичкин рассудительно.

— Попробуем вариант брандера, — решил капитан Бренчкорт. — Не получится — стартуем к Солнцу. Готовим «пузырь».

Команда приступила к выполнению приказа.

На борту «Непобедимого» отыскивали запасной маскер — генератор защиты, помогающий накрывать спейсер «саваном» невидимости, настроили его соответствующим образом и запустили в космос, опять же — пока невидимым.

— Кевин, полный «ёжик»! — скомандовал Бренчкорт, что на сленге космолётчиков означало переход на императив максимального драйва. — Ты должен успеть выстрелить, как только проявится противник. Задачу понял?

— Так точно!

— Включай!

В километре от «Непобедимого» проявился бликующий конус маскера, действительно формой напоминавший спейсер. Исчез.

Спустя долю секунды космос прорезал ливень огненных стрел: невидимый чужак открыл стрельбу.

И тотчас же Кевин, мгновенно вычисливший положение агрессивно настроенного преследователя, сделал один-единственный выстрел из слим-генератора.

Бой с прятками и игрой в кошки-мышки на этом закончился.

Импульс «суслика» зацепил чужака, попавшая под удивительный процесс свёртки мерности пространства — из трёх измерений в два — часть корпуса космолёта со всем её содержимым превратилась в тончайшую плоскость толщиной всего в одну элементарную частицу, шириной в сто метров и длиной в

несколько километров. И мощный корабль перестал быть космическим кораблём, потеряв возможность двигаться, а также военным крейсером, так как оказался повреждённым инк спейсера. Во всяком случае так можно было понять его дальнейшее молчание.

— Кевин, маскер повреждён? — спросил капитан Бренчкорт.

— Повреждён, но управляем.

— Включай.

— Правильно, — одобрил Маккена.

Уцелевший после залпа чужака маскер изобразил голографический мираж спейсера. Но открывать огонь по нему никто не стал. Разбойничий корабль, внезапно обретший гигантский «парус» и чем-то напомнивший старинную шхуну, потерял возможность вести преследование и стрелять из всех «орудий».

— Связь!

— Вызываю, — сказал инк, — но он не отвечает.

— Императив «абордаж», — подсказал Маккена. — Могу пойти я.

— Вальтер, прижмись к нему вплотную, — приказал Бренчкорт.

— А если он хитрит? Мы приблизимся, а он шваркнет из плазмера.

— Мог бы, давно шваркнул бы.

— Зачем он нам нужен? — подал голос Аккула. — Задание мы выполнили, можем возвращаться.

— Надо выяснить, кто они и почему атаковали нас, — проворчал Маккена.

«Непобедимый» плавно переместился к чужаку, не снимая «савана» невидимости.

Громада «паруса» закрыла носовую полусферу обзора. Стали видны продольные складки, вмятины и разрывы в корпусе неизвестного корабля, сформировавшиеся в момент свёртки части корпуса.

— Никого там нет, — проворчал Аккула.

— Отставить разговоры! Работаем на «абордаже»! Вальтер, седлай «голем».

— Иду. — Спичкин вылез из операторского кокона.

— Я с ним, — сказал Маккена. — Вдвоём будет проще соблюдать СРАМ-инструкцию и осматривать корабль.

Бренчкорт помолчал, но возражать не стал.

— Хорошо, идите.

Маккена и Спичкин облачились в защитные «кокосы», спустились в транспортный отсек, заняли места в модуле.

Кевин перебросился с инком «голема» дежурными видеограммами и открыл стартовый колодец. «Голем» вынесло в открытый космос.

Чужак по-прежнему не подавал признаков жизни. Ни передатчики, ни защитные комплексы его не работали. Повреждения, полученные космолётом от импульса слим-генератора «Непобедимого», были столь значительны, что с ними не могли справиться ремонтные системы.

«Голем» облетел деформированный корпус спейсера, нашёл подходящий разлом и нырнул внутрь.

Видеокамеры модуля передали на материнский корабль изображение интерьера чужака.

Впрочем, ничего особенного космолётчики не увидели. Это был точно такой же земной спейсер, выращенный по технологиям квазиживых организмов, коридоры и лифты возникали в нём по мере надобности, поэтому геометрия интерьеров по сути отсутствовала. Механоорганизм корабля был мёртв или почти мёртв. Пробираться по его сохранившимся «артериям» и извилистым ходам «кишечного тракта» было трудно.

«Голем» застрял.

— Командир, мне дальше не пройти, — доложил Спичкин. — Может, расширим коридорчик с помощью неймса?

— Я выйду, — предложил Маккена. — Попробую пробраться в рубку без активного вмешательства.

— Давай, — согласился капитан Бренчкорт.

Маккена выбрался из «голема», медленно поплыл — в корабле царила невесомость — по узкому проходу внутрь спейсера. Скрылся из глаз.

— Что там у тебя? — спросил Бренчкорт через минуту.

— Пытаюсь реанимировать лифт.

— Застрянешь.

— Иначе не пройду. Продолжайте вызывать экипаж.

— Никто не отвечает.

Прошло ещё несколько минут.

— Дошёл, — сообщил наконец Маккена. — Полрубки отсутствует, остальная половина всмятку.

— Команда?

— Похоже, все мертвы. Ни одного целого объекта. Вот, что-то мигает... — Маккена замолчал.

— Не рискуй! — не выдержал Спичкин. — Это могила, надо выбираться отсюда.

— Сейчас, попробую разобраться, — невнятно пропыхтел Маккена. — Ага, вот как надо... кажется, не всё сдохло... господа, это спейсер СБ Эстонии «Курвинесмиеми». Послан на перехват спейсера Федерации «Непобедимый». Команда — пять человек, капитан — Эйхмяэ Тиллисеп.

— Живы?!

— Увы, груз «двести».

— Возвращайся.

— Может, вытащим... тела? — неуверенно спросил Аккула.

— Зачем? — осведомился капитан Бренчкорт неприятным голосом.

— Ну, они же подчинялись приказу...

— У каждого своя судьба.

— Мы бы их забрали, — сказал Маккена мрачно, — если бы это можно было сделать. Экипаж по сути размазан по всему «парусу», забирать нечего.

— Возвращайся, — повторил капитан Бренчкорт.

Через двадцать минут «голем» вернулся на борт «Непобедимого».

— Идём к Земле, — сказал капитан Бренчкорт не терпящим возражений тоном. — Пять минут на подготовку.

Маккена, снявший «кокос», молча спустился в медицинский бокс, где мирно спала Роза Линдсей. О том, что произошло за это время, какой опасности подвергался «Непобедимый», а также капитан Маккена, она не знала.

Маккена опёрся руками о край реанимационной капсулы, вглядываясь в бледное лицо женщины с тёмными кругами под глазами. Лицо сурового капитана вдруг стало виновато-грустным, разгладилось, обрело несвойственные ему ранее черты. Его осветили ожидание и надежда.

Глава 24

ВСЕМЕРНОЕ СОДЕЙСТВИЕ, БЛИН!

Пятого мая в деловой зоне Суперструнника, в специально оборудованном конференц-зале состоялась дискуссия всемирно известных учёных-физиков, инженеров и строителей Дженворпа, в которой участвовали около полусотни специалистов в области ОТО — Откорректированной теории относительности — и новейших теорий вакуума. Вывод комиссии ФАК, возглавляемой начальником отдела космоконтроля Власом Тихоновым, был однозначен: строящийся генератор «суперструны» безопасен для экологии Солнечной системы в частности и для галактики Млечный Путь в целом. После чего специальная Строительная ассамблея при Совете Объединённых Наций издала распоряжение всем Федеральным службам и частным лицам «всемерно содействовать строительству Суперструнника и запустить его в эксплуатацию к середине июня две тысячи триста четвёртого года».

Руслан, естественно, был приглашён на дискуссию и получил истинное удовольствие от процесса, выслушав немало интереснейших выступлений. Однако учёные были единодушны в своих оценках возможных воздействий Суперструнника на окружающую среду. Несмотря на некоторые теоретические разногласия. По их мнению, наука о Вселенной вплотную подошла к прорыву в будущее, что должно было сказаться и на практической стороне деятельности человечества. В случае удачи человека ждали не только самые удалённые от Солнца квазары и экзотические «реликтовые струны», рождённые в самом начале Большого Взрыва, но и другие Вселенные.

Против теории Херцига выступил только профессор Шапиро из Минского физико-технического института. Но на его доклад никто не обратил внимания, будто его и не было вовсе. А Руслан сделал вывод, что все выступавшие, восторженно оценившие теорию Херцига, просто были зомбированы Вирусом. Иначе такое единодушие трудно было объяснить.

Доложив Грымову о своих выводах, Руслан снова принялся размышлять, как ему «достать» очередного подозреваемого в связях с Вирусом, то есть Жозефа Поллака, и был искренне удивлён, когда Поллак сам вызвал его к себе.

Встреча состоялась в деловой зоне строительства Супер-струнника, в личном рабочем модуле Поллака, практически не уступавшем апартаментам Херцига по площади и объёму встроенных в него технических устройств.

Поллак, вальяжный блондин с роскошной шевелюрой и злыми белыми (такое складывалось впечатление) глазами, принял инспектора ФАК не сразу, словно подчёркивая его незначительность по сравнению с масштабом собственных забот. Он долго разговаривал с кем-то по интеркому, потом манипулировал световыми фигурами над столом, снова звонил и наконец пригласил терпеливо стоящего у двери Горюнова сесть.

— Спасибо, я постою, — вежливо отказался Руслан.

Поллак окинул его фигуру внимательным взглядом.

— Господин инспектор, вам говорили, что вы мешаете работать?

— Кому? — тем же тоном спросил Руслан.

— Всем, в том числе руководству стройки.

— Ерунда, наговоры.

— Мне жаловалась на вас координатор стройки госпожа Тихонова.

— Бред! — возмутился Руслан. — Вы врётё! Координатор стройки не могла жаловаться на меня, потому что лично ей я не мешаю никоим образом. Хотите, устройте мне очную ставку с ней, она подтвердит.

— А вы наглец, господин инспектор!

— От такого слышу! — парировал Руслан, приняв официальный вид. — Это всё, что вы хотели мне сказать?

Поллак потемнел, но сдержался, сузил глаза.

— Предупреждаю вас в последний раз, инспектор: ещё одна жалоба — и на Дженворпе будет работать другой представитель ФАК!

«Шустрый, запусти «клопа»!» — мысленно скомандовал Руслан, вслух же сказал:

— О ваших угрозах будет доложено кому следует, господин Поллак. Честь имею!

Он щёлкнул каблуками, развернулся и вышел из кабинета помощника Херцига. В коридоре спросил терафима:

«Запустил «клопа»?»

«Двух», — ответил Шустрый.

«Молодец!»

Руслан вернулся в свой номер, автоматически проверил наличие подсматривающих видеоустройств, активировал оставленного у Поллака микрошпиона.

Сначала виом связи показывал только плохо различимые расплывчатые контуры предметов интерьера, потом «видео-клоп» сфокусировал сферу обзора, настроился, и стал виден стол Поллака и он сам, сидящий за столом. Судя по всему, «клоп» занял удачную позицию в потолке, прямо над головой хозяина кабинета.

Стал слышен слегка дребезжащий голос. Поллак разговаривал с абонентом, причём раздражённо, на высоких тонах:

— Командор, это ваши проблемы, а не мои! Вы должны были убрать этого наглеца ещё неделю назад!

— Это же он про меня, — сообразил Руслан, довольно ухмыльнулся. — Достал-таки я его!

Ответа Шевчука не последовало, либо он был не слышен. Поллак заговорил снова:

— Да мне плевать, как вы это сделаете! Завтра же на стройке должен работать другой инспектор!

Поллак встал из-за стола, прошёлся по кабинету, почёсывая подбородок, вернулся к столу. Перед ним высветилась странная сотовая конструкция, в глубине которой угадывалась морда какого-то зверя — тигра, судя по жёлто-коричневым полосам и клыкам.

— Мы сэкономим два дня, экселенц, — сказал Поллак. — Настройка займёт всего неделю. Пробный запуск Дженворпа состоится двадцать восьмого.

— Пробного запуска не будет, — проскрежетал на английском языке «тигр». — Двадцать восьмого Херциг иницирует Ось, и вся эта возня с генератором станет не нужна.

— Как прикажете, экселенц, — склонил голову Поллак.

— Устранили мешающие факторы?

— Работаем, экселенц. К сожалению, командор позволил Службе безопасности выкрасть спейсер «Ра», и мы вынуждены исправлять ситуацию в экстренном плане.

— Мы же сменили комиссара.

— Он не контролирует всю Службу. Против него работает

особая команда контрразведки «Сокол». Нам с трудом удалось внедрить туда своего человека.

— Результаты?

— Они послали к Орлу спейсер «Непобедимый», чтобы забрать капитана «Ра» Маккену, но спейсер назад не вернётся. Его перехватит фрегат «Курвинесмиеми», который нам любезно одолжила эстонская служба безопасности.

— Вы говорили о подозрительных действиях инспектора Горюнова. Он тоже работает на «Сокол»?

— Он просто дурак, экселенц... — Поллак замолчал, поворачивая головой и вдруг посмотрел вверх на потолок, по сути — прямо в зрачок видеокамеры «клопа». Глаза его расширились. — Фак ю!

Изображение кабинета исчезло: Поллак включил нейтрализатор видеосигналов. Почему аппаратура его кабинета не выявила и не уничтожила микрошпиона сразу после включения видеокамеры, было неизвестно. Возможно, он был так уверен в своей неуязвимости, что забыл об элементарной осторожности.

— Записали передачу? — позвонил Руслан дежурному.

— Уходи оттуда! — посоветовал ему Барни. — Они теперь сделают всё, чтобы оторвать тебе башку!

— Она мне ещё нужна, — засмеялся Руслан, — поберегу. Поищите «крота» в системе, о котором говорил Поллак. Интересно даже, кто это может быть.

— Найдём, — пообещал Барни.

Чувствуя моральное удовлетворение от успешно проделанной работы, Руслан отправился гулять по коридорам деловой зоны стройки, и уже через несколько минут Шустрый доложил о возросшем «потоке внимания». За инспектором ФАК начали следить, используя летающих невидимых «насекомых». Поллак выполнял данное эмиссару Вируса обещание.

Руслан позвонил Мешему:

— Поллак пригрозил меня уволить.

Мешем помолчал.

— Есть за что?

— Я сказал, что моё начальство будет проинформировано об этом.

— У Поллака большие связи в верхах.

— Он работает ещё на одну интересную структуру. Хочешь понаблюдать за ним?

— Не хочу.

— Я имею в виду, что в его кабинете сидит мой шпион.

Мешем опять помолчал.

— Мне это не нравится. Уверен, что твои действия законны?

— Меня уполномочили, — веско сказал Руслан.

Пограничник хмыкнул:

— Интересно кто. Я освобожусь через полтора часа, где тебя искать?

— Созвонимся.

Виом связи растаял. Но через несколько минут звонок раздался снова. Подумав, что Мешем хочет что-то добавить, Руслан включил мобик. В объёме передачи возникло лицо Яро-славы.

— О! — вырвалось у Руслана.

Она не обратила внимания на его реакцию.

— Зачем ты поссорился с Поллаком? Он вне себя, требует немедленно убрать тебя со стройки. Что ты ему наговорил?

— Он мне сообщил, что ты жаловалась на меня.

— Чушь! И что ты ответил?

— Сказал примерно то же самое. Но главное не в этом.

— А в чём?

— Я запустил к нему в кабинет «клопа».

— Зачем?!

Откуда у сотрудника федерального агентства устройство для тайной видеозаписи, уже сотни лет называемое в среде спец-служб «клопом», она не спросила.

— Захотелось посмотреть, чем он занимается.

— Посмотрел?

Руслан криво улыбнулся:

— Он разговаривал с одним типом, который прятался под личиной тигра. Не знаешь случайно, кто тут у нас на Супер-струнке живёт под маской тигра?

— Уверен, что это был тигр?

— Мои глаза меня ещё не обманывали.

— О чём же они говорили?

— О запуске Суперструнника двадцать восьмого мая. О моей ликвидации.

— Ох и дурак же ты, инспектор! Вечно съешь нос куда не следует!

— Почему дурак? — возразил Руслан, шокированный такой оценкой женщины, в которую влюбился снова. Вспомнил слова Поллака: «Он просто дурак...» Перевёл разговор на другую тему: — Вот теперь хочу инициировать второго «клопа».

— Даже не думай! Твоё любопытство доведёт тебя до...

— До погоста? — Руслан фыркнул. — Это мои проблемы. Можно подумать, что тебя волнует моя судьба.

Ярослава поджала губы.

— Господин инспектор, вы уже дважды висели на волоске от смерти...

— Не пугайте, господин координатор, — махнул рукой Руслан. — Мы ничего противозаконного не делаем.

— Если не считать взлом чужого номера. — Тон Ярославы стал ледяным. — Что вы искали в каюте Веласкеса?

— Пилочку для ногтей, — пошутил Руслан. — Он вам всё-таки доложился.

Ярослава внимательно посмотрела ему в глаза, и виом связи погас.

Руслан сгорбился, чувствуя себя закоренелым преступником. Но мысль продолжала работать, и он вдруг окончательно осознал всю полноту свалившейся на него беды: Ярослава работала на Вирус! Иначе трудно было объяснить её отношение ко всему происходящему и в особенности — к своему бывшему мужу, смысл действий которого она пыталась разгадать.

Он надавил пальцами на глаза, до вспышки белого света, до боли, застонал.

«Что случилось? — всполошился терафим. — Тебе плохо?»

— Мне очень плохо, — пробормотал он еле слышно, соглашаясь. — Но я справлюсь!

Он спустился в бар, попросил пейотль-коктейль, выцедил полбокала, но облегчения не почувствовал. Хотел заказать чего-нибудь покрепче, потом передумал. Алкоголь в таких ситуациях помогал временно.

Тогда он стал анализировать разговор с Поллаком и вдруг вспомнил, что кабинет помощника Херцига перегорожен надвое. Та часть кабинета, что находилась за ажурной с виду стен-

кой, не просматривалась гостями, и что там прятал Поллак, было неизвестно.

— Центр управления! — вслух сказал Руслан, вспоминая слова Грымова о том, что они ищут терминал наблюдения за Суперструнником. Что, если и в самом деле этот терминал спрятан в кабинете заместителя Херцига? Ведь это удобно — иметь под рукой такую систему и знать обо всём, что творится на стройке. Возможно, Поллак реально держит под контролем весь Суперструнник, используя скрытые датчики наблюдения. Но тогда встают два вопроса. Первый: кем является «тигр», с которым он разговаривал? И второй: почему Поллак не спросил о взломе Русланом каюты Веласкеса? Он не знает об этом? Ему никто не доложил? Полиция стройки на него не работает?

— Что вы сказали? — вырос рядом официант бара. — Повторить?

— Нет, двойной эспрессо, с жареным лимоном, — сказал Руслан.

Вопросы, заданные самому себе, требовали ответа. Но в голову ничего дельного не приходило. В принципе, достаточно было проникнуть в кабинет Поллака и выяснить, что содержится за стенкой. Однако таким способом, какой избрал Руслан для проникновения в каюту Веласкеса, в кабинет Поллака попасть было невозможно. Кабинет наверняка охранялся, и для его штурма потребовался бы взвод спецназа с необходимым оборудованием и оружием. Санкцию на проведение подобной акции не дал бы ни Грымов, ни тем более Воеводин.

Что же делать?

Официант принёс кофе.

Руслан отхлебнул, чуть не обжёгся, судорожно затолкал в рот ещё более горячий жареный лимон и поймал нужную мысль.

Стоило найти самый обыкновенный интроскоп, помог бы даже медицинский сканер-томограф, и можно было просветить стенку кабинета Поллака снаружи, из космоса. Если всунуть сканер в достаточно большой флайт типа «Грэнд Патрол», никто и не догадается, что происходит.

— Йес! — шёпотом вскричал Руслан, делая понятный жест. Отмахнулся от возникшего напротив официанта. — Свободен!

«Тебя шлёпнут», — флегматично заметил внутренний голос.

«Пусть попробуют!» — огрызнулся Руслан.

Допив кофе, он принялся действовать.

На Суперструннике добыть мобильный интроскоп было не-реально. Поэтому пришлось лететь на Землю и поднимать старые связи (к Воеводину тоже обращаться не хотелось). Руслан дошёл даже до того, что позвонил бывшей подружке Агнессе, которая работала в Бакулевском медицинском центре, в Москве, и попросил принять его «как пациента».

Заинтригованная Агнесса, врач-психиатр по образованию, согласилась, и в одиннадцать часов дня по времени Москвы Руслан появился в приёмной Агнессы, предъявив на входе в Центр удостоверение инспектора ФАК.

«Поток внимания», который он чувствовал на территории Суперструнника, на Земле перестал донимать, но Руслан всё же проверил свои ощущения, поменяв два десятка метро, пока не убедился в отсутствии слежки. Неизвестные наблюдатели не рискнули прицепить к нему «клопа» и потеряли из виду.

Агнесса была полной блондинкой с миловидным пухлогубым личиком и розовыми, по последней моде, глазами. Когда-то она помогла Руслану преодолеть хандру после развода с Ярославой и относилась к нему почти как мать.

— Что у тебя случилось? — полюбопытствовала она, когда он преподнёс ей букет весенних фиалок и поцеловал в щёку.

— Да ничего особенного. — Руслан посмотрел на витейр в нише стены, изображавший сурового мужчину со шрамом на лбу. — Кто это?

— Мой муж, — улыбнулась Агнесса. — Его зовут Фредерик.

— Да-а? — не поверил Руслан, испытывая странное облегчение, но вовремя спохватился. — Симпатичный парниша.

— Очень сильный и добрый, — гордо сказала Агнесса. — Работает мастером в Шхита, на мясокомбинате, в цехе по забою скота.

Руслан представил Фредерика с топором в руке, отрубающего голову быку, и поспешно перевёл разговор на нужную тему:

— Агни, мне нужен универсальный томограф с радиусом действия до десяти метров. В вашем центре есть такие?

— Не знаю, — распахнула глаза молодая женщина, — должны быть, наверное. Зачем тебе?

— Я работаю в Федеральном агентстве по контролю за опас-

ными исследованиями, мы собираемся провести один важный эксперимент. Поможешь с томографом?

- Почему ты не возьмёшь томограф в своей конторе?
- Это секрет!
- Стационарный мне не дадут...
- Мне нужен мобильный, с наборной конфигурацией.
- Всё равно понадобится разрешение главврача.
- Это я беру на себя.

Агнесса с сомнением поправила локон волос, включила вириал инка. Над столом засветилась «ёлочка» оперативного виома. Женщина принялась искать томограф в базах данных клиник центра.

Руслан огляделся, припоминая обстановку кабинета, находя в интерьере новые детали. Насколько помнилось, раньше в кабинете не было столько фаллосовидных предметов: статуэток, чаш, безделушек и напольных ваз. Вполне очевидно, изменение интерьера подчинялось вкусу мужа Агнессы.

— Нашла, у нас всего пять рабочих томографов, но один на складе, такой, какой тебе нужен.

- Кто у вас главврач?
- Аркадий Берштейн, но скорее всего он на обходе.
- Звони.

Главврач Берштейн, совсем молодой, с гривой блестящих чёрных волос и орлиным носом, отыскался у себя в кабинете.

Руслан в три слова обрисовал ему ситуацию, сославшись на «тайну ФАК-мероприятий», показал удостоверение инспектора и голографический «золотой допуск».

— Берите, — показал ослепительную, в тридцать два зуба, улыбку главный врач центра. — Только не забудьте вернуть. Я сейчас дам распоряжение соответствующим службам.

Руслан чмокнул Агнессу в ухо, она проводила его к хозяйственному распорядителю клиники, и через полчаса контейнер с новеньким томографом был загружен в пузатый багажник флайта «Мицубиси», принадлежащего Агентству по чрезвычайным ситуациям; Руслан вспомнил старых друзей, позвонил Роме Панову в Обнинск, и тот прислал к Бакулевскому центру одну из свободных машин агентства.

Руслан вскрыл контейнер в багажнике «Мицубиси», побеседовал с инструкцией на магнитно-ядерный томограф и быст-

ро собрал интроскоп нужной конфигурации. Единственное, что не понадобилось, это прозрачная крышка капсулы для удобного размещения пациента. В той операции, какую задумал Руслан, «пациентом» был кабинет Поллака.

«Мицубиси» доставил томограф к седьмому московскому орбитальному лифту.

Руслан снова показал свой карт-бланш, и его пропустили к стартовому столу лифта без очереди. Он выгрузил своё «оружие» из «Мицубиси» — весил интроскоп около семидесяти килограммов, влез в модуль грузопереноса, и антигравитационный лифт метнул пассажира с грузом на двухсоткилометровую орбиту.

На площадке финиш-створа Руслан выбрал удобную «Зельгу», разместил в кабине томограф, и аппарат понёс его выше, в космос, набирая скорость. Через два часа «Зельга» приблизилась к Суперструннику. Чувствуя себя «агентом 007», Руслан доложил охране стройки о своём прибытии, и его пропустили, не спросив, почему он не воспользовался более простым способом доставки. Ответ у него был: потому что никто не должен знать о задуманной операции, — но признаться в этом означало активизировать всю защитную систему Вируса, что было недопустимо.

«Зельга» добралась до бликующих под лучами солнца конусов деловой и жилой зон стройки, медленно прошлась над ними. Руслан рассчитал положение кабинета Поллака, развернул интроскоп дулом к близкой стене делового конуса, скомандовал сам себе:

— Работаем, инспектор!

«Зельга» замедлила ход, остановилась, и он включил томограф.

Сначала виом аппарата показывал какие-то скрученные ленты, светящиеся чешуи и решётки. Потом Руслан приспособился к приёму видеoinформации и стал видеть внутренности помещения за непрозрачной зеркальной стеной деловой зоны. Спohватившись, приказал компьютеру аппарата вести запись.

Виом отобразил вычурные стойки с мигающими огнями, сетчатые конструкции, ветвистые «оленьи рога», бродячие «струйки дыма», исчезающие в глухой серой пелене. Пелена определяла предел видимости интроскопа, начинавшийся даже ближе

десяти метров. Но и того, что увидел Руслан, хватало, чтобы сделать однозначный вывод: в кабинете Поллака прятался самый настоящий операционный терминал, работающий на полную катушку. Скрыть его под накидкой невидимости хозяева терминала не догадались, так как были уверены, что никто не станет наблюдать за ним из космоса.

В поле зрения интроскопа зашевелились водянистые тени: это были операторы терминала, трое.

— Вирусята! — прошептал Руслан.

— Эй, блюдо с гайками! — гаркнул в кабине «Зельги» голос оператора охраны стройки; говорили по-русски. — «Зельга», бортовой «сто пятнадцать»! Что вы там застряли?!

— Пью лекарство от сердечного приступа, — опомнился вздрогнувший Руслан. — Имею право.

— Зона в допуске «чёрное золото»! Убирайтесь оттуда к чёртовой матери!

— Уже убираюсь. — Руслан торопливо связался с Грымовым, перебрал ему запись увиденного в интроскопе. — Могу я потолкаться тут поблизости? Нужна оценка ковергенции и эмерджентности объекта.

Охрана понятия не имела, что такое ковергенция и эмерджентность объекта, поэтому на всякий случай ответила отказом.

— Ну и ладно, — не огорчился Руслан, — доложу начальству, что мой допуск не соответствует.

«Зельга» сделала петлю над конусом деловой зоны стройки, среди снующих там и сям аппаратов разного калибра. Руслан прикинул было, не посмотреть ли, что делается в кабинете координатора стройки, но внутренний протест преодолеть не смог. Понимал, что информация может оказаться полезной, однако душа была против этого шага.

«Железная дорога» Суперструнника с его пристройками стала удаляться. «Зельга» направилась к Земле, ведомая инкпилотом. Шпугом, то есть с двойным ускорением, она бороздить космос не умела, поэтому приходилось терпеть её медлительность. Набрав скорость, равную одной десятой скорости света, кораблик понёсся сначала к Марсу, а затем повернул к приближающейся в нужную точку орбиты Земле.

Руслан приготовился ещё раз просмотреть сделанную ин-

ком томографа запись и в это время заметил догонявшую его звёздочку.

Проснулись инстинкты самосохранения, заворочалась интуиция.

— Попробуй свернуть, — приказал он инку аппарата.

«Зельга» слегка изменила вектор движения.

Звёздочка повторила манёвр.

Судя по её скорости, это был мощный и быстрый флайт типа «Ламборгини» либо вообще военный корвет.

— Форсаж! — бросил Руслан.

«Зельга» напрягла свои «мышцы», то есть генераторы движения. Скорость медленно приблизилась к отметке в сорок тысяч километров в секунду.

Звёздочка и не думала отставать.

В зоне марсианской орбиты стали попадаться крупнотоннажные транспортные комплексы, «КамАЗы» и «Вольво», а также мигающие предупредительными огнями сооружения: вынесенные в космос заводы, мусороперерабатывающие фабрики, обсерватории и лечебные центры.

— К Марсу! — приказал Руслан. — Садимся в экстренном режиме у любого посёлка!

«Зельга» ещё чуть повернула по ходу движения. Впереди загорелась оранжевая монета Марса, увеличиваясь с каждой секундой.

Звёздочка в кильватере аппарата превратилась в остроносую сигару. Теперь можно было точно определить тип и класс преследователя: это и в самом деле оказался военный корвет малого класса «Абрахам», принадлежащий космическому флоту Китая.

— Какого дьявола вам от меня надо? — процедил сквозь зубы Руслан.

Корвет рывком настиг «Зельгу».

Руслан перехватил управление у инка, на инстинкте уклонился влево, закрутил спираль.

Мимо бесшумно пролетело лиловое полотнище плазменного разряда.

Марс вырос впереди пушистой круглой горой. Сбоку пронеслась каменная глыба Деймоса.

Корвет выстрелил ещё раз, опять мимо.

— Ничего, ничего, — оскалился Руслан, бросая аппарат то

вправо, то влево. — Не достанете, сволочи! Создали стрессовую ситуацию, идиоты, и не знаете, что стресс сегодня — это добрые старые времена завтра!

Лазерная трасса вонзилась в корму «Зельги», прошивая её насквозь. Однако двигатель продолжал работать, и на манёвренности аппарата попадание не сказалось никак. А затем преследователь перестал стрелять.

«Зельга» ещё некоторое время судорожно скакала над горными разломами Марса, теряя скорость, задымилась, уворачиваясь от разного рода спутниковых систем над планетой, потом Руслан оглянулся и успел заметить, как отставший корвет внезапно превратился в яркий язычок радужного пламени.

Ошеломлённый исходом погони, Руслан перевёл взгляд чуть выше и увидел тающий в небе Марса силуэт спейсера. Какой именно службе он принадлежал, определить было невозможно, однако не оставалось сомнений, что именно он уничтожил преследовавший «Зельгу» корвет.

— Спасибо! — пробормотал взмокнувший от эмоций Руслан, только теперь осознавший, какой опасности избежал. Добавил, расслабляясь: — Ну, господин Поллак, вирусоноситель хренов, погоди!

Глава 25

ВИРУС ПРОТИВ «СОКОЛА»

Ван Бреевен не стал помогать Воеводину, сославшись на плохое здоровье. Скорее всего он банально испугался войны с неизвестной силой, которую контрразведчики окрестили Вирусом. Поэтому Воеводин понял старика правильно и не стал акцентировать его внимание на возникших проблемах. Попросил только дать канал связи с администрацией Союза Объединённых Наций, чтобы иметь возможность подключить к операции по уничтожению Вируса космические флоты земных государств: на горизонте замаячила вероятность их вмешательства.

Вернувшись в свой рабочий «бункер» на Земле, Воеводин вызвал Грымова.

— Всё в порядке, — доложил помощник, умудравшийся раз-

говаривать сразу с тремя абонентами. — Мы выявили ещё двух прямых агентов Вируса. А Горюнов обнаружил терминал-центр.

— Где?

— Где мы даже не предполагали, в кабинете Поллака. Даю картинку.

Виом над столом Воеводина показал внутренности кабинета Поллака.

Воеводин покачал головой:

— Этого не может быть. Наличие центра предполагает увеличение внешней активности в данном конкретном месте. Наблюдение за кабинетом Поллака ничего не выявило.

— Возможно, кабинет имеет свой пронзающий лифт или вообще кабину метро.

— Мы бы заметили концентрацию массы.

— Значит, это лифт.

— Как говорится: наглость — второе счастье. Надо было просчитать все варианты. Как Горюнову удалось выйти на Поллака?

Грымов смущённо дёрнул себя за мочку уха.

— О таком способе мы не догадались. Он просто раздобыл медицинский томограф, превратил в интроскоп, на грузовой «Зельге» подлетел к внешнему периметру делового комплекса и посветил в кабинет Поллака. То ли защитное поле кабинета было отключено, то ли его вообще нет, но факт остаётся фактом: терминал прячется там. Можем планировать операцию по его уничтожению.

— Рано. — Воеводин задумался. — Странно, что Горюнова отпустили живым.

— Его и не отпустили, — усмехнулся Грымов. — За ним послали китайский корвет «Куньлунь». Пришлось активизировать наши ударные силы. Корвет, естественно, перешёл в виртуальное состояние.

— Это война, Иван. Либо они нас, либо мы их.

— Я понимаю. Горюнова я уже предупредил, ему надо срочно уходить оттуда. Но он хочет довести дело до конца. Парень сорвиголова, ничего не боится, бывший спасатель как-никак, вот и действует нестандартно.

— Из-за чего нам приходится всё время вытаскивать его из задницы. Хорошо, я с ним сам поговорю. Готовь операцию по

захвату выявленных агентов. Пора начинать активную фазу «партизанской войны». Как ты думаешь, кто прячется под маской тигра, с которым беседовал Поллак?

— Я лично считаю, что это координатор стройки. Самая удобная позиция для управления всеми силами Вируса.

— Не Херциг?

— Может быть, Херциг является её замом в ранге исполнительного эмиссара. Мы ведём наблюдение за обоими, но они... — Грымов пошевелил пальцами, — ведут себя очень аккуратно.

— Продолжайте наблюдение. Мы возьмём их непосредственно в день запуска Суперструнника.

— Я бы взял их сейчас.

— Они просто сменяют эмиссара.

— А если мы перепрограммируем их?

Воеводин хмыкнул:

— Интересная идея. Беда только в том, что, если у нас не получится, мы потеряем возможность влиять на события.

Грымов подумал, кивнул и исчез.

Через несколько минут из бункера на Земле он переместился на борт спейсера «Вайтрашн», где его ждала оперативная группа из семи человек.

— Начинаем «партизанскую войну», — сказал он, оглядев сосредоточенные лица спецназовцев. — Все в форме?

— Вводная, — коротко потребовал командир группы капитан Буревой.

— Берём Мешема и Цвиркуна.

— Одновременно?

— В этом вся прелесть замысла. Вряд ли они будут ждать атаки в довольно оживлённом месте, да ещё сразу на обоих. Мешем, по данным наблюдателей, сейчас получает задание от Цвиркуна. Теперь конкретика. Надели визоры...

Оперативники активизировали коммуникационно-командные системы, холодными змейками заползшие из-под воротников под волосы на висках и на затылке. Встроенные в спецкостюмы боевые комплексы в течение нескольких секунд настроились на решение боевых задач, инки костюмов отрапортовали о готовности к выполнению мысленных команд.

Грымов развернул в воздухе объёмную схему Суперструн-

ника и быстро провёл инструктаж. Через полчаса группа начала действовать.

Кабинет Петро Цвиркуна, начальника Централа Погранслужбы на Суперструннике, в отличие от кабинетов других руководителей располагался не в деловой зоне, а в отдельном строении кубической формы, соединявшем оба конуса — деловой и жилой.

В начале двенадцатого борт спейсера «Вайтрашн» покинула первая тройка оперативников во главе с поручиком Пшенчански. Они должны были нейтрализовать систему контроля за коридорами в районе операции непосредственно перед атакой.

Вслед за ними стартовали к зеркально-прозрачным конусам ещё четыре человека. Ими командовал сам капитан Буревой.

Зная расположение коммуникационных каналов и камер слежения, группа Пшенчански заняла позиции у переходов из жилой и деловой зон к резиденции Погранслужбы.

Группа Буревского прибыла к исходным рубежам через несколько минут. Имея встроенные в костюмы динго-квесты, оперативники превратились в обычных клерков: строителей, хозяйственников, работников обслуживающих стройку организаций, и на них никто не обратил внимания.

В одиннадцать часов сорок две минуты Грымов подал сигнал к атаке.

Группа Пшенчански слаженно врубила генераторы помех, точно отключившие видеокамеры слежения.

Оперативники Буревского, болтавшиеся по коридорам деловой и жилой зон, непостижимым образом одновременно сошлись к управлению Погранслужбы.

— Аз! — бросил капитан одно слово.

Оперативники включили «инк-взламыватели» замков в двух коридорах, ведущих к Централу, и через несколько секунд вошли в небольшой холл нижнего уровня, откуда начинались бегущие дорожки на разные уровни кубического строения. Вслед за ними двинулись остальные.

— Буки! — скомандовал Буревой.

Двое оперативников из группы Пшенчански заняли позиции у дверей. Они должны были перекрыть подходы к Централу и не пропустить никого, в том числе полицию, если начнётся тревога. Сам Пшенчански направился к транспортному терми-

налу, чтобы в нужный момент захватить любой из больших флайтов и дожидаться товарищей после окончания операции.

— Веди! — послышался в имплант-рациях оперативников голос Бурового.

Один из оперативников выстрелил в появившегося в лифте пограничника из «глушака», приказал тихо:

— Иди по своим делам!

Обмякший было пограничник встрепенулся и двинулся дальше по коридору, как ожившая статуя. Воля его была заблокирована приказом как минимум на полчаса.

— Продолжайте, — долетел всем членам группы голос Грымова. — Мешем и Цвиркун всё ещё беседуют.

«Специалист по взлому» остановился у двери под номером 100 и включил сканер, находящий код запираения замка.

Буровой прошёл по двери лучом «глушака».

Через секунду дверь в кабинет Цвиркуна открылась.

Оперативники один за другим шмыгнули в кабинет.

Цвиркун, сидевший за столом, даже не повернул головы к трём «привидениям», возникшим в кабинете. Будто ничего не слышал и не видел. Мешем вёл себя точно так же. На их лицах не отразилось ни малейшего волнения или удивления. Пограничники выглядели абсолютно спокойными. Но они разговаривали!

Вошёл Буровой, бросил взгляд на Мешема, перевёл на Цвиркуна и вдруг скомандовал по рации:

— Алярм! Все назад! Засада!

Привыкшие к повиновению оперативники включили «хамелеоны», превратились в тающие дымные струи, исчезли.

Цвиркун и Мешем продолжали смотреть друг на друга, как ни в чём не бывало. Но Буровой уже понял, что им скормили динго: пограничников здесь на самом деле не было, присутствовали только их объёмные изображения.

На голову капитана обрушился мощный пси-разряд.

«Защитник», вмонтированный в шлем костюма, отбил его частично, однако импульс повторился — со сменой частоты, и Буровой мысленным усилием отключил сознание. Заработала его паранормальная психика, использующая нервные узлы позвоночника и брюшной полости в качестве «альтернативного мозга».

Капитан выстрелил в стол Цвиркуна из аннигилятора и добавил очередь из неймса по стенам кабинета, в которых были упрятаны стрелковые и психоподавляющие устройства.

В центре кабинета вспыхнул и лопнул ослепительный шар аннигиляционного взрыва, разнося всё его оборудование в клочья.

Капитана — он успел повернуться к взрыву спиной — вынесло в коридор.

Оперативников здесь уже не было. Они исполняли приказ, отходя к транспортному отсеку, где их ждал поручик Пшенчански. Пришлось прорываться с боем через две преграды: дверь в отсек и группу спецназа Погранслужбы. Но оперативники «Сокола» справились с этим, потеряв лишь одного человека — Пшенчански. Он закрыл своим телом подчинённого. Затем группа заняла места в шикарном «Майбахе» и вылетела в космос, получив последний приказ капитана:

— Уходите!

«Майбах» косо пошёл прочь от конусов строительного комплекса. Рядом возник на мгновение спейсер «Вайтрашн», подхватил машину и тут же растаял в пустоте.

Буревой в это время шагал по коридорам управления Погранслужбы и палил из всех стволов своего стрелкового комплекса по обнаруживаемым целям примчавшейся засадной команды, не давая им высовываться из-за поворотов коридоров. Кто из спецназовцев потерял терпение — приказ был дан задержать «террориста» любой ценой, — осталось невыясненным. Но после очередного фейерверка в грудь капитану врезался сгусток антипротонов, и защита его «кокоса» не выдержала. Разбрызгивая клочья и струи огня, он прошагал ещё с десяток метров, продолжая вести меткую стрельбу, потом упал.

Пламя аннигиляции, превратившее коридор в обуглившийся пузырящийся тоннель, съёжилось, погасло. Над таким же чёрным сожжённым телом Буревого ещё вились какое-то время спирали дымов, растаяли. Появился киб, осветил тело проектором. Буревой не пошевелился. И лишь тогда в коридоре стали возникать из воздуха фигуры спецназовцев, выключающих системы невидимости.

— Кто стрелял?! — послышался мрачный голос командира засадной группы.

Никто ему не ответил.

* * *

Воеводин выслушал доклад Грымова с непроницаемым видом.

— Кто разрабатывал операцию?

— Первоначально я, потом подсоединился Ферейра.

— Ферейру тихо отстранить от всех операций, прицепить к нему «хвост», установить прослушку.

— Ты думаешь...

— Я ничего не думаю! Нарваться на засаду ни с того ни с сего мы не могли. Кто-то знал о наших планах.

— Может быть, прокололись наблюдатели «наружки»? Они утверждали, что Мешем у Цвиркуна.

— Что видели, о том и докладывали. Нас очень грамотно провели. Хотя, конечно, проверь и «наружку».

— Цвиркун и Мешем теперь знают, что за ними началась охота.

— Если Вирус понимает все расклады игры, он их сам уберёт, чтобы не произошло утечки информации. Тем не менее их надо найти и понаблюдать.

— Сделаем.

Воеводин помолчал.

— Сообщи родичам Пшенчански и Буревоего... впрочем, я сам. И найди мне Горюнова.

Грымов кивнул, глядя на командира сочувствующе и виновато, выключил связь. Он вполне понимал чувства Воеводина. Потеря бойца для командира «Сокола» не являлась простой неудачей и цифрой в отчёте со знаком «минус», а капитан Буревой был не только классным профессионалом, но и другом Воеводина.

— Теряем... — сказал он вслух, не обращаясь ни к кому.

Это же слово мысленно произнёс и Воеводин, усилием воли возвращаясь к своим делам.

Глава 26

КТО НЕ СПРЯТАЛСЯ, Я НЕ ВИНОВАТ

Поллак был раздосадован и не скрывал этого.

— Я его недооценил. Но уверяю вас, Фердинанд, ошибка будет исправлена в ближайшие несколько часов.

Херциг оторвался от созерцания сложнейшей конструкции Ворп-генератора в растворе виома — разговор состоялся в его кабинете, — посмотрел на помощника:

— Это не просто ошибка, Жозеф. Экселенц требует наказать вас, и очень строго.

— Наказывайте. — Поллак растянул бледные губы в презрительной усмешке. — Интересно, с кем он останется в таком случае? С деградирующими зомби, такими как Цвиркун?

— Добейтесь успеха, и он забудет о наказании.

— Мы уже добились успеха, направив контрразведку по ложному следу. Вряд ли они теперь рискнут открыто атаковать нас. Кстати, я не понимаю, почему они действуют секретно от всех спецслужб, в том числе от Службы безопасности.

— Потому что контрразведка только так и эффективна. Выйти бы на того, кто её возглавляет.

— Выйдем.

— Уже почти не осталось времени. Послезавтра тестируем основной «позвоночник» Дженворпа, а через пять дней проведём пуск.

— На десять дней раньше?

— Я специально не давал никому точных дат поворота Большого Аттрактора для включения.

— Контрразведчики называют его Ось Зла.

— Очень образно, — усмехнулся Херциг. — Они ещё не знают, насколько правы. «Непобедимый» молчит?

— Вряд ли он вернётся.

— Он не должен вернуться! Работайте, Жозеф, от вашей активности многое зависит. Горюнова убрали?

— Ещё нет, — ответил Поллак с заминкой. — Но мы занимаемся инспектором.

— Экселенц будет расстроен, если вы не справитесь с таким пустячным делом.

— Сейчас убрать инспектора непросто. К расследованию происшествий на Дженворпе подключилась Федеральная прокуратура, а у нас там почти никого нет.

— Так внедрите туда своего человека!

— Занимаемся, Первый.

— Идите.

Поллак вышел, озабоченный и злой. Предупреждение Хер-

цига не было голословным. Если экселенц был кем-то недоволен, то это обычно заканчивалось печально. Судьба китайца Сю Синьцзы являлась хорошим примером.

Однако дел накопилось много, и угроза «выйти в отходы» отошла на второй план.

Сначала Поллак созвал видеоселекторное совещание всех специалистов, подчинённых ему как заму главного конструктора Дженворпа, работавших на Суперструннике, и в жёсткой форме посоветовал работать быстрее и качественнее. На все утряски и конструктивные доделки узлов он дал всего двое суток.

Затем в кабинете Поллака собрались его агенты по особым поручениям.

— Первый недоволен вашей работой, — сказал Поллак, кинув косой взгляд на свою «гвардию». — Мне мешают два человека. Прораб стройки Серджо Веласкес и Руслан Горюнов, инспектор ФАК. Оба должны исчезнуть, причём желательно не позднее чем через двое суток. Есть предложения?

— Веласкеса убрать сложно, — угрюмо пожал плечами Цвиркун, — он «упакован» ЗС¹ по горло и не ходит без охраны. Будем следить, как только откроется — ликвидируем.

— В каюте Веласкеса обнаружены странные вещи, — напомнил лейтенант Мешем. — Их надо забрать и отдать в лабораторию. Сдаётся мне, что это очень непростые объекты. Уж не пахнет ли от них Межгалактическим Контролем?

— Контролёры, как правило, не оставляют никаких следов, — хмуро сказал Поллак.

— И всё же было бы странно, если бы они не появились на Дженворпе. Это их работа.

— Проверим, — сказал Цвиркун. — Хотя для Контролёров это прокол — хранить свои игрушки открыто. Может, этот ваш инспектор сочинил что-нибудь на скорую руку?

Мешем флегматично посмотрел на Поллака:

— Горюнов открыт как ребёнок и простодушен. Он считает меня своим приятелем.

— Не ошибаешься ли ты, Сотый? Не с его ли подачи контрразведка пыталась захватить вас с Цвиркуном?

— Я могу убрать его в любой момент.

¹ ЗС — защитные системы.

— Ну, так убери! Только без шума, чтобы он просто исчез и всё, без последствий и прокурорского расследования.

— Думаю, это неправильно, Второй. Его можно использовать для ликвидации того же Веласкеса и координатора стройки Тихоновой.

Поллак жестом остановил собравшегося ответить Мешема.

— Хорошее решение. Займись разработкой операции.

— А как получилось, что контрразведка заинтересовалась вашим кабинетом? — спросил Цвиркун.

Поллак свёл брови к переносице:

— Не ваше дело, Девяностый! Занимайтесь своими делами!

— Слушаюсь, Второй.

— Задачи всем понятны?

Агенты по особым поручениям переглянулись.

— Контрразведка знает о нас недопустимо много, — проворчал Цвиркун. — Я бы поискал среди нас «крота».

— Если бы «крот» рыл землю на наших территориях, они бы не клюнули на подставу и не послали команду для вашего захвата. Усильте охрану деловой зоны стройки и всех важных узлов Дженворпа. Надеюсь, Погранслужба с этим справится?

Цвиркун и Мешем одновременно встали.

Поллак посмотрел на них с сомнением, хотел что-то добавить, но только махнул рукой:

— Свободны.

Мешем вышел вместе с начальником Погрануправления, спустился к нему в кабинет. Здесь всё уже было восстановлено, прибрано, стол и аппаратуру связи заменили, покрытие пола и стен тоже, но в воздухе ещё витали тонкие запахи гари.

— Идея с динго себя оправдала, — со смешком сказал Цвиркун. — Было бы хуже, если бы на месте наших видеодвойников находились мы сами.

— Поллак так и хотел устроить.

— Он идиот! Вызвать Горюнова к себе и не позаботиться о скан-контроле! Интересно, Первый знает об этом?

— Какая разница? Если Поллак дознается о наших сомнениях, он нас уберёт.

— Надо стать очень полезными для Первого.

Мешем налил себе глоток виски из бара, добавил льда.

— Есть одна идея. Надо предложить Херцигу отвлекающий

манёвр: повредить какой-нибудь важный узел Дженворпа, объявить всем об аварии и о переносе срока запуска генератора. Контрразведка клюнет и расслабится. А мы заранее подготовим замену узла и установим его в нужный момент.

Глаза Цвиркуна остановились: он переваривал идею.

— Можно попробовать. Я доложу Первому.

— Это моя идея.

— Я скажу, что твоя. Возьми на себя проверку всего спецназа. Надо выявить «крота» контрразведки. Кто-то доложил ей о нас. И ещё — инспектор Горюнов. Что ты там говорил о его использовании для ликвидации координатора?

— Она его бывшая жена. Он её ревнует и подозревает в сговоре с нами. Это можно использовать.

— Как?

— Я думаю.

— Тогда иди, думай. Мне ещё нужно подготовить доклад Шевчуку.

Мешем вышел, поднялся в свой крохотный рабочий модуль на пятом уровне Централа, около часа общался с инком, потом созвонился с Горюновым:

— Уже знаешь о теракте?

Руслан, выглядевший в виоме непривычно расстроенным, бросил на пограничника взгляд исподлобья.

— Ты о чём?

— Какой-то маньяк расстрелял кабинет моего шефа из анигилатора.

— Меня самого недавно хотели убить, — оскалился Горюнов. — Причём не здесь, а на Земле. Следят, сволочи, за моими передвижениями. Я уже подал заявление в полицию. Теперь вот вынужден ходить с телохраном. Кому я помешал, хотелось бы знать.

— Ты многих напугал своей деятельностью. К Веласкесу в каюту залез. Кому это понравится? Он вполне мог осерчать на тебя и заказать.

— Думаешь, это Веласкес навёл на меня киллеров?

— Кто ещё?

— Не знаю, я требую от людей только одного: соблюдения закона, ничего сверх этого.

— Законы в наше время соблюдают только дураки. Я осво-

бодился после дежурства, можем посидеть где-нибудь в ресторанчике.

— Попозже, если можно, через пару часов. Мне нужно закончить доклад начальству и добиться аудиенции у координатора стройки.

Мешем покачал головой:

— Не рекомендую.

— Почему?

— С ней при мне разговаривал мой шеф, и она была очень на тебя сердита. По-моему, из-за Веласкеса.

— Она прямо так и сказала?

— Не прямо, но не понять её было нельзя. Вообще координатор в последнее время странная, уволила двух замов, накричала на Херцига, пожаловалась на пограничников, которые якобы превышают полномочия, в комиссию СОН по администрированию.

На лицо Горюнова легла тень.

— Её можно понять.

— Такой она раньше не была. Да что я тебе говорю, ты и сам знаешь. Ладно, приму душ и погуляю по лесочку в Норфолке. Звони.

Мешем выключил мобик, представил лицо инспектора, улыбнулся. Горюнов наверняка подозревал его в связях с Вирусом, но играл в свои игры. Как и он, лейтенант Мешем, — в свои. В прошлом — лейтенант Погранслужбы Мешем. А ныне — Несущий Функциональные Обязанности сотого уровня.

Мобик зазвонил снова.

Мешем включил обратку.

— Зайдите ко мне, лейтенант, — сказал возникший в виоме на мгновение Херциг, он же — Первый в иерархии Знающих-Дорогу.

— Сейчас буду, — торопливо ответил Мешем, у которого, образно говоря, ёкнуло в груди.

Через три минуты он был в кабинете главного идеолога Суперструнника.

— Вы назначены исполнителем отвлекающего манёвра, — сказал Херциг, не отрываясь от схемы генератора, висящей перед ним.

— Слушаюсь, — коротко ответил пограничник.

— Всё подготовлено, — продолжал Херциг. — Вам надо погнать к сфинктеру коллиматора модуль и протаранить сфинктер. Вас там все знают, поэтому пропустят без проверки.

— То есть меня выводят из дальнейшего участия в процессе, — сказал Мешем. — Я вас правильно понял?

— Если сможете каким-то образом избежать захвата вас силами Службы безопасности...

— Вы же знаете, что это нереально.

— Выполняйте приказ, Сотый.

Мешем не двинулся с места.

— Я ещё могу пригодиться, Первый. Использовать меня в качестве камикадзе — идея Поллака?

Херциг наконец оторвался от схемы, посмотрел на него.

— Даже если это идея Поллака, что вас не устраивает?

— Второй ведёт себя неадекватно. Я проанализировал его последние шаги и понял, что он намеренно допустил утечку информации, пригласив к себе инспектора Горюнова. Которого потом не смогли ликвидировать китайцы.

Херциг склонил голову набок, разглядывая бесстрастное лицо пограничника блестящими чёрными глазами.

— Какие ещё сомнения у вас наличествуют относительно действий Поллака?

— Могу переслать по Сети свои выводы.

— Хорошо, перешлите. Но приказ должен быть выполнен.

— У меня есть идея использовать Горюнова для решения некоторых наших проблем.

— Убрать координатора?

— И Веласкеса.

— Эту идею подал Девяностый.

— Цвиркун? — удивился Мешем. — Но это моя идея! Два часа назад я поделился ею с ним. А он представил идею как свою?

— Разбирайтесь с ним сами.

— Но у него нет выхода на Горюнова! Он не сможет подтолкнуть его на этот шаг — ликвидировать координатора! Горюнов считает меня своим другом, а не Цвиркуна.

Херциг потёр рукой лоб, прошёлся вокруг конструкции в центре кабинета, сел в кресло.

— Ну-ка, поподробней.

Мешем описал ему разговор с шефом.

Херциг усмехнулся.

— Где-то я слышал определение — пауки в банке. Вы похожи. Хотя нет смысла вас осуждать. Вы меня уговорили, Сотый, оператором акции я назначу Двухсотого. Займитесь Горюновым. Сколько вам потребуется времени?

— Двое... — начал Мешем, заметил мрачный блеск в глазах Херцига, быстро поправился: — Сутки!

— Идите.

Мешем чётко повернулся, поспешил из кабинета и едва не споткнулся от голоса эmissара:

— Понаблюдайте-ка за Вторым, Сотый. Обо всех его действиях и встречах докладывайте немедленно.

Мешем по-уставному кинул подбородок на грудь, вышел и только за дверью кабинета обнаружил, что меж лопаток течёт ручеёк пота. Это была чисто человеческая реакция на угрозу, но ему хотелось жить. И как человеку, и как внедрённой в человека-носителя сущности сотого уровня Знающих-Дорогу.

* * *

В шесть часов три минуты по среднесолнечному времени на Суперструннике произошло ЧП: шедший на малой скорости пограничный катер «Ауди Q7» внезапно рыскнул в сторону и врезался в сфероидальную «шишку» сфинктера, венчавшую то-рець генератора. Удар был достаточно мягким, но катер почему-то взорвался, сфинктер попал в струю взрыва и был практически уничтожен. К счастью, в этот момент бригада инженеров, занятая регулировкой узла, ещё не прибыла к месту работы после смены, поэтому в результате аварии погиб только пилот катера. Им оказался бармен клуба «Бай-Бай» Нифигадес.

К торцу Суперструнника тотчас же были стянуты подразделения Погранслужбы, полиции и Службы безопасности. Затем прибыла комиссия по расследованию инцидента, возглавляемая советником юстиции первого ранга Карпаччо; подчинённые за цвет лица прозвали его Кирпичом.

Расследование длилось сутки, в результате чего было объявлено, что запуск Дженворпа переносится как минимум на два

месяца, поскольку восстановить сфинктер не удастся, а на изготовление нового требовалось не менее месяца.

Мешем узнал о случившемся из уст Цвиркуна сразу же после ЧП. Но поскольку он знал всю подоплёку операции, то смолчал. Не стал он упрекать шефа и в краже идеи, понимая, что шеф управления Погранслужбы просто хочет выслужиться перед большим начальством. Он тоже очень хотел жить.

За сутки, истекшие после уничтожения сфинктера, Мешему не удалось встретиться с Русланом, зато он понаблюдал за Поллаком, и подозрения лейтенанта усилились. Заместитель Херцига, казалось, делал всё необходимое в рамках своих обязанностей и при этом ненавязчиво гнул свою линию «скрытого саботажа». Его подчинённые постоянно опаздывали сделать то или иное задание, а он не принимал никаких мер для устранения причин срывов. Мало того, он дважды за это время встречался с координатором стройки госпожой Тихоновой и провёл больше трёх часов в компании её помощника, прораба стройки Веласкеса.

Подумав немного, Мешем доложил о своих наблюдениях Херцигу.

— Наблюдайте дальше, — последовал сухой ответ учёного.

В девятнадцать часов следующего дня внезапно проявился таинственно молчавший Горюнов:

— Джон, меня вернули на Суперструнник. Можем пообщаться.

— А что, тебя хотели убрать? — спросил Мешем двусмысленно.

Руслан, бледный и взволнованный, воспринял его слова как шутку:

— Непосредственный начальник прочитал мне заявление Поллака, что я не соответствую должности, и предупредил, чтобы я не совал нос в дела физиков. Но к работе допустил.

— Поздравляю. Поллак продолжает считать тебя виновником своих бед.

— Встретимся в баре?

— У меня есть для тебя кое-какая интересная информация. Давай встретимся где-нибудь приватно, чтобы никто нас не увидел.

— На Суперструннике таких мест нет, всё сейчас контролируется полицией после взрыва сфинктера.

— Можем пересечься на Земле.

— Отличная идея. Знаешь, где я живу? Предлагаю через часок встретиться у меня дома, там-то уж точно никто нам не мешает.

Мешем взвесил предложение, кивнул:

— Хорошо, через час.

С минуту он размышлял, представляя разные варианты встречи с Горюновым, потом позвонил Цвиркуну:

— Горюнов предлагает встретиться у него дома, в Зарайске.

— Отлично! — обрадовался начальник управления Погранслужбы Суперструнника. — Птичка сама летит к нам в руки. Я сейчас же направляю туда свою команду.

— Не надо, я справлюсь. К тому же лучше его перепрограммировать, а не убивать. Сделать Двухсотым или Трёхсотым, всё какую-то пользу принесёт. Но это только после встречи. Если удастся столкнуть его с координатором, наша цель будет достигнута.

— Не верю я, что он пойдёт выяснять отношения с координатором. Не того масштаба он человек.

— Я остороженько подброшу в костёр его сомнений несколько полешек измышлений, которые он примет за факты. Он сам её ликвидирует.

— Хорошо, действуй, — кисло согласился Цвиркун. — Потом доложишь. Но смотри, не перехитри сам себя. Вдруг он умнее, чем ты думаешь?

Мешем выключил связь.

Через час он оставил пограничный флайт «Фиат» на стоянке у дома Горюнова в Зарайске и поднялся к нему на десятый уровень. Естественно — вооружённый до зубов. Оружие — неймс, «глушак» и «универсал» — было встроено в костюм таким образом, что никак не выделялось, но могло выстрелить в любой момент по мысленной команде. Взял лейтенант и маркер, запускающий серии «наночервей». Могла возникнуть ситуация, когда понадобилась бы «пуля» нановируса определённой функциональной направленности.

Руслан открыл дверь сразу, как только Мешем позвонил.

Инспектор был чем-то расстроен и озабочен, что-то искал,

рылся в вещах, звонил и бегал по всем комнатам с несчастным видом.

Защитная система костюма доложила Мешему, что в квартире больше никого нет, в стены не встроена никакая дополнительная энерговыделяющая аппаратура, поэтому он мог чувствовать себя почти комфортно.

— Что случилось? — спросил пограничник наконец. — Такое впечатление, будто у тебя украли ценную вещь.

— Пытаются украсть, — бледно улыбнулся Горюнов. — Мою жизнь. Кто-то позвонил и пригрозил, что, если я не брошу эту работу, меня замочат в натуре. А утром в меня стреляли! Прямо при выходе из лифта, представляешь? Вот теперь думаю, что делать.

— В полицию о нападении заявлять?

— Нет ещё, да и не нахожу нужным заявлять. Ничего не изменится. Побейте же вы уже запускали эту чёртову конструкцию! Вообще я, наверное, возьму пару дней отдыха. Ты в «Арктании» бывал?

— Даже не слышал. Что это за страна? Или чей-то спутник?

— Это отель на Северном полюсе. Его недавно открыли. Он стоит не на льду, а на горном хребте посреди океана, подо льдами. Глубина около полутора километров. Мне приятель рассказывал, он отдыхал там несколько дней, даже в экспедиции подводной участвовал. В хребте этом тоннели обнаружили, их ещё гиперборейцы проложили, в те времена, когда Арктика континентом была. Вот туда и махну, экзотикой подышу. Не хочешь со мной?

— Некогда, — вежливо отказался Мешем. — Не отпустят меня. После этого дурацкого ЧП весь Суперструнник на ушах стоит. Теперь к нему никто не приблизится даже на сотню километров, начальство ввело режим чрезвычайного положения. А отдуваться нам, погранцам.

— Сочувствую. — Руслан бросил ртыться в вещах, скрылся в модуле для водных процедур. — Налей себе чего-нибудь из бара, если хочешь, я сейчас.

Послышался звук льющейся воды.

Мешем прошёлся по гостиной инспектора, с любопытством озираясь. Полюбовался на коллекцию хрустальных безделушек, среди которых преобладали фигурки зверей, почитал на

корешках названия старинных книг за стеклом стенных стеллажей. В стене бесшумно протаяла полупрозрачная пелена, скрывающая нишу. Мешем заинтересовался, сунул руку в пелену, потом голову. И в этот момент инк костюма вдруг подал сигнал тревоги.

Мешем вздрогнул, мгновенно выдернул голову из ниши, но было уже поздно. На голову ему рухнул потолок.

Когда он пришёл в себя, то обнаружил, что сидит в кресле, откинув голову на валик сиденья, а в гостиной беседуют трое, в том числе хозяин. Гостей его Мешем не знал, хотя в памяти шевельнулись какие-то воспоминания. Впрочем, его в данный момент ничто не волновало и не тревожило, в душе царили покой, тишина и пустота.

Он шевельнулся.

Гости оглянулись. Руслан подошёл, улыбнулся:

— Всё в порядке?

Мешем перевёл взгляд на внимательно разглядывающих его мужчин, сказал меланхолически:

— Вы меня переиграли.

— Выходит, что так, — пробасил старший из мужчин, с седыми висками и каменным лицом. — Вы хорошо понимаете, с кем имеете дело?

— Контрразведка.

— К сожалению, времени у нас мало, программу самоликвидации, вшитую в вашу психику, мы не уничтожили, только заблокировали. В какой-то момент она всё равно сработает.

— Чего вы хотите?

— А ничего уже. Вы ответили на все наши вопросы.

— Не помню.

— Оно и к лучшему, Сотый. Кстати, это кодовая кличка или простое отражение функционального уровня?

— Последнее.

— Прощайте. — Седой кивнул и вышел.

Горюнов посмотрел на второго гостя:

— Мы можем для него что-нибудь сделать?

Тот молча развёл руками.

Руслан взъерошил волосы на голове, взгляд его стал виноватым.

— Дьявольщина! Извини. Ты мне симпатичен, если честно.

Один вопрос: что ты говорил о Тихоновой? Она с вами? Агент, эмиссар? Какой у неё уровень?

В глазах Мешема потемнело, сердце сжала холодная рука. Но он всё же смог выдавить:

— Она... с нами...

Глава 27

НЕОЖИДАННОЕ

Спейсер «Непобедимый» прибыл в Солнечную систему тихо и незаметно. Выгрузил на Тритоне, спутнике Нептуна, пассажиров, добрался до лунной базы СБ, опустился на пустое поле в центре кратера Плутарх, где высились геометрически правильные горы других машин Службы безопасности. Капитан спейсера Бренчкорт доложил о возвращении начальнику базы и стал ждать дальнейших указаний. О том, что он сначала побеседовал с главой контрразведки, своему начальству капитан докладывать не стал. Так же как и о том, что экспедиция увенчалась успехом.

Да, спейсер достиг указанного района в созвездии Орла, но ничего не обнаружил. Нет, никаких других кораблей он не встречал. Всё.

Прочитав его доклад, комиссар Службы безопасности Алан Гут вызвал капитана Бренчкорта в свою резиденцию в Москве, побеседовал с ним и оставил в покое. То, что «Непобедимый» никого не нашёл, являлось благой вестью для комиссара и его кукловодов. Докапываться до истины он не стал, важно было создавать имитацию бурной деятельности подчинённых ему структур и оставаться в своём кресле как можно дольше.

Рудольф Маккена гостил на базе контрразведки на Тритоне до тех пор, пока прибывшая с Земли бригада врачей не привела Розу Линдсей в норму. Медицина достигла таких высот, что вырастить второе сердце и заменить старое не представляло особого труда.

Спустя двое суток после возвращения Роза открыла глаза и увидела капитана «Ра», сидящего у «окна» палаты, созданного иллюзией видеопласта. Маккена смотрел в «окно»: там синело озеро, в небе светило солнце, пели птицы и было хорошо.

— Рудольф... — прошептала Роза.

Маккена посмотрел на неё с прищуром, смутился.

— Извини, соскучился по природе. — Он встал, подошёл к женщине. — Как ты себя чувствуешь?

— Нормально... слабость какая-то... но это пройдёт. Где мы?

— Пока на Тритоне. Пару дней придётся побыть здесь.

— Хочу на Землю. Ты уже был дома?

— Нет ещё. Ты выздоровеешь, вместе полетим.

— Значит, всё, что ты говорил там...

— Правда! — сказал он с железной уверенностью. — Меня, наверное, спишут из флота, но не это главное.

— А что главное?

— Ты! — Он посмотрел ей в глаза, поправился: — Мы!

— Я люблю тебя, — прошептала женщина.

В три часа ночи по времени Москвы Воеводина разбудил звонок мобика. Он включил связь. Виом отобразил помятое, с мешками под глазами, лицо Шапиро.

— Я знаю, чего хочет Вирус!

— Спокойно, Всеволод, — проворчал Воеводин. — За тобой никто не гонится. Мог бы и утром позвонить.

— Извини, если разбудил, я сейчас на Луне сижу, за временем не слежу. Парни «Ра» привезли ценнейшую информацию, их надо наградить.

— Короче, теоретик.

— Ось Зла — система с колеблющейся метрикой! Но не это главное: она сейчас находится в состоянии неустойчивого равновесия...

— Не повторяйся.

— И готова перейти в состояние расслоенных многообразий!

— Попроще, пожалуйста.

— Начнётся инфляция метрики пространства, которая приведёт к изменению вакуума, во-первых, и, во-вторых, вся барионная материя рассыплется, перейдёт в излучение.

— Ты хочешь сказать, Вселенная исчезнет?

— Нет, не исчезнет, но станет совсем пустой. Если не считать излучения. Эту пустую протяжённость можно будет использовать как территорию для заселения новой материей с

иными физическими законами и как гигантскую лабораторию для проведения любых экспериментов. Вот для чего Вирусу нужна вся эта возня с Дженворпом. Этим парням нужна чистая территория, ничем не загрязненное пространство.

— Ясно, — сказал Воеводин.

— Что тебе ясно? — вскричал Шапиро. — Если они добьются своего...

— Успокойся, не добьются, раз уж мы предупреждены. Однако, Всеволод, ты уверен в своих выводах? Учёные любят преувеличивать значение своих открытий.

— Ничего я не преувеличиваю, чёрт побери! Таковы факты, на основе которых и делаются выводы. Возможно, и существуют другие варианты, связанные с нынешним ускорением космологического расширения, но мой вариант абсолютно логичен.

— Хорошо, не волнуйся, мы примем твою информацию к сведению.

Шапиро негодуяще вскинул руки над головой, но Воеводин уже выключил связь. Посидел немного, прислушиваясь к неровному ритму сердца, мечтая о том времени, когда он наконец выпитися по-настоящему, вызвал Грымова.

Помощник выслушал начальника «Сокола» с утробным спокойствием.

— Но ведь Шапиро раньше утверждал, что для запуска Оси Зла нужно точное совпадение осей Суперструнника и самой Оси, прости за тавтологию. А без сфинктера, который только что повредил какой-то идиот, генератор запустить нельзя.

— Возможно, это очень тонкий отвлекающий манёвр, и сфинктер не нужен. Либо существует запасной узел.

— Об этом мы не подумали.

— Проверьте.

— Значит, мы на форс-мажоре?

— Не задавай ненужных вопросов. Первым делом нанесём удар по терминалу в кабинете Поллака. Потом надо убрать его самого, Веласкеса, Шевчука и Цвиркуна.

— А Херцига?

— Его трогать не будем до момента запуска.

— Хорошо бы узнать, когда этот момент наступит.

— Работай.

— Тогда полный алярм!

Воеводин не ответил, и Грымов исчез.

— Алярм, мать его! — пробормотал руководитель контрразведки, думая о своём.

* * *

Руслан, собиравшийся улечься на диванчик в своём номере на пару часов для «релаксации», с удивлением воззрился на возникшего на пороге Грымова:

— Какие люди! И без охраны!

Грымов не обратил внимания на шутливый тон инспектора.

— Начинается активная фаза противостояния. Попытаемся помешать Вирусу включить Суперструнник в нужное время.

— Разве это возможно?

— В твою задачу входит нейтрализация Поллака, — снова пропустил Грымов слова Руслана мимо ушей. — И если удастся... — Он помолчал. — Координатора стройки госпожи Тихоновой. Справишься?

Руслан сдержал тоскливый вздох, отвернулся.

— Я не уверен...

— В чём?

— Что она... с ними.

— Так выясни. У нас всего пара дней до запуска Суперструнника. В принципе, ты своё дело сделал, но ситуация осложнилась, если верить признанию твоего пограничника. Взрывом сфинктера Вирус отвлёк внимание спецслужб от основной своей цели и спокойно готовится к пуску. Помешать ему можем только мы.

— Я понимаю.

— Если не уверен в своих силах...

Руслан сжал зубы до боли.

— Я сделаю!

— Потребуется помощь — звони. — Грымов стукнул его ладонью по плечу и скрылся за дверью каюты.

— А как же, — запоздало пообещал Руслан.

С минуту он размышлял, с чего начать выполнение нового задания, потом заставил себя успокоиться, сосредоточился на просветлении и за несколько минут разработал план действий. В этот план входили встречи с Веласкесом и Поллаком,

установление «бесконтактного психоконтроля» за ними в случае отказа нанотехники и выход на Тихонову. То есть на Ярославу. Каким образом «нейтрализовать» бывшую жену, связанную, по словам Мешема, с Вирусом, он ещё не придумал.

Предвидение оказалось верным.

Руслан легко отыскал Веласкеса и Поллака, снующих по Суперструннику как челноки, но приблизиться к обоим не смог. Они были постоянно окружены сотрудниками компании «Асур» разного ранга, охранниками и витсами и не могли уделить инспектору ФАК ни минуты своего драгоценного времени.

Не работали и «клопы», запущенные Русланом для скрытого контроля за передвижениями подозреваемых. Скорее всего наблюдательную нанотехнику обнаруживали и уничтожали защитные системы обоих, что только усиливало подозрения Руслана. Реакция Поллака была ему понятна, а вот Веласкес вёл себя странно, хотя догадаться, почему он так миролюбиво настроен к «взломщику», было невозможно.

Тогда Руслан настроил себя на экстрасенсорный резонанс и попробовал мысленно сопровождать Веласкеса и Поллака по Суперструннику. Удалась эта операция с третьей попытки, да и то лишь в отношении Поллака. Веласкес оставался невидимым в общем информационном поле, из которого черпал сведения Руслан. Зато он теперь мог вычислить в любой момент, где находится заместитель Херцига. Осталось лишь подготовиться к перехвату и дожидаться, когда Поллак хотя бы на пару минут останется один.

Так прошли сутки.

Руслан вынужден был отвлечься от слежки, принять душ и несколько часов поспать. Затем снова подключился к «менталу», окружавшему Суперструнник и объединявшему всех людей, затем перешёл на параэнергетику. В принципе, так он делал всегда, участвуя в спасательных операциях, но не с такой интенсивностью и только в экстремальных ситуациях, длящихся короткое время.

Грымов выходил на связь дважды, выслушивал скупые доклады инспектора, ронял: «Будь осторожен», — и исчезал.

Руслан понимал, что контрразведчики на него особенно не рассчитывают, злился на себя, но ничего больше придумать не мог. Мелькнула мысль подойти к Поллаку, спросить, не агент

ли он Вируса, и выстрелить первым, если зам Херцига психанёт и сорвётся. Но мысль пришла и ушла, практически неосуществимая. Поллак мог просто дать команду своим охранникам ликвидировать задиру, и те выполнили бы приказ не задумываясь.

Руслан вернулся в деловую зону, зорко приглядываясь к лицам спешащих по своим делам людей, и наткнулся на идущего навстречу Цвиркуна.

— А я вас ишу, инспектор, — сказал начальник Погранслужбы Суперструнника неприветливо. — Не знаете, где лейтенант Мешем? Он собирался к вам в гости, насколько мне известно.

— Сам его ишу, — сделал квадратное лицо Руслан. — Он был у меня вчера, мы посидели в кафе «Пушкин», помечтали об Арктании и расстались. Утром я ему звонил, но он не отвечает.

Породистое мясистое лицо Цвиркуна отразило сомнение.

— И вы не знаете, куда он потом отправился?

— Насколько я его понял, у него было какое-то дело к Поллаку. Джон собирался навестить его и о чём-то круто поговорить. Спросите у Поллака, может, он знает, где Джон.

— Спрошу, разумеется, — кивнул Цвиркун. — Но и вам придётся написать объяснительную записку.

— С какого это рожна? — удивился Руслан. — Я не ваш подчинённый.

Цвиркун нахмурился, разглядывая фигуру Горюнова с тем же сомнением во взоре, однако настаивать не стал. Повернулся к нему спиной, бросил через плечо:

— Мы с вами ещё встретимся, инспектор.

— Всегда к вашим услугам, — вежливо сказал Руслан.

Вспомнив о своём «сверхтонком» наблюдении за интересующими его объектами, он сосредоточился на «экзомодальных» излучениях, имеющих отпечаток личностей Веласкеса и Поллака, и понял, что упустил обоих. В поле информации, омывающим весь Суперструнник, никто на его призыв не откликнулся. Ощущение было такое, будто оба агента Вируса, коими он их считал, покинули стройку. Либо заэкранировали свои «мыслительные сферы», став для него невидимыми.

Он поискал их, увеличивая мысленный охват пространства

до орбиты Марса, но устал и сдался. Медленно двинулся по коридорам деловой зоны, остановился в начале уровня, где располагался кабинет Поллака.

Кто-то посмотрел на него внимательно.

Встрепенулся терафим:

«Отмечаю рост потока внимания!»

«Сам чую!» — отмахнулся Руслан.

Он и в самом деле почувствовал себя неуютно, как чувствует себя человек в открытом море, на утлом судёнышке, заметив приближение шторма. Что-то произошло на Суперструннике, в воздухе запахло грозой, и связано это было с началом каких-то событий, угрожающих всей гигантской системе человеческих связей и отношений в районе стройки.

Руслан вызвал Грымова:

— Что происходит?

— Ничего особенного, — отозвался контрразведчик. — Убираем потихоньку мешающих. Мы даже не представляли масштабов вербовки Вирусом своих агентов. На Суперструннике чуть ли не каждый третий — его пособник того или иного уровня! Представляешь? Поэтому особенно не высовывайся, береги спину.

— У меня складывается впечатление, что вокруг началась какая-то возня. Может, Херциг отдал приказ запустить генератор?

Грымов помолчал.

— У нас нет данных, подтверждающих такой приказ.

— Попробую раздобыть. Где Поллак?

— Запроси «наружку».

— До связи.

Руслан переключил диапазон рации, собираясь связаться с дежурным «Сокола», и в этот момент в коридоре появился сам Поллак в окружении группы здоровенных молодых людей сурового вида. Увидел Руслана, поманил его рукой:

— Зайдите, инспектор.

Руслан, ошеломлённый предложением, не рискнул выстрелить в заместителя Херцига из «универсала», но запустил «мелкого», как называли сотрудники спецслужб нановирус-убийцу. При попадании в тело человека «мелкий» проникал в кровеносные сосуды, достигал сердца и отключал сердечную мышцу.

Или какой-нибудь другой важный орган. Найти и ликвидировать этого почти невидимого убийцу мог только такой же нановирус-антикиллер, настроенный на уничтожение своих собратьев.

Однако «мелкий» не сработал. Защита Поллака обнаружила «нанопулю» ещё до того, как она вышла на дистанцию поражения, и робот-убийца размером всего с два десятка молекул прекратил существование.

Двое парней из свиты Поллака направились было к Горюнову, почуяв его настроение, но зам Херцига остановил их жестом:

— Не надо, мне он нужен. Перекройте доступ на уровень.

Парни молча разошлись по коридору в разные стороны, остался лишь один — телохранитель самого Поллака.

— Заходите.

Однако Руслан не успел воспользоваться приглашением.

В левом крыле коридора вдруг началась стрельба! Замелькали тусклые вспышки «универсалов», ширкнуло яркое пламя аннигилятора. В коридор выплеснулась волна звуков: шипение, визг, клочкотание, грохот.

— Массаракш! — произнёс Поллак хладнокровно. — Не успеваю. Бегите, инспектор, спасайте Ярославу!

— Что?! — поразился Руслан.

С правого конца коридора послышался топот.

Руслан повернул голову.

К ним бежали... Муслим Фахтияр и Авраам Косой! На их плечах угрожающе ворочались в турелях дула «универсалов».

— Спокойно, инспектор! — предупредил Поллак желание Руслана выстрелить. — Это мои люди. Бегите, вам говорят! У вас ещё есть время.

— Вы же... вы...

Поллак усмехнулся:

— Я не Вирус. Контрразведчики не должны делать неправильные выводы, имея на руках правильные факты.

Фахтияр и Косой остановились рядом, поглядывая то на бой в конце коридора, то на Поллака, то на Руслана.

Поллак оценил выражение его лица, качнул головой, открыл дверь своего кабинета:

— Будет время — объяснимся. Спасайте жену, инспектор.

Херциг через час включит Дженворп. Вам надо успеть предупредить всех, кого надо. Живо!

Руслан вздрогнул, попятился, не спуская глаз с твёрдого сосредоточенного лица Поллака, находя в нём какие-то новые черты, и побежал. В конце коридора оглянулся.

Поллак уже скрылся за дверью кабинета. Его охранники открыли огонь по смутным теням в другом конце коридора. Разобраться, кто в кого стреляет, было невозможно. Как и понять, на чьей стороне Поллак и почему он отпустил инспектора ФАК, подозреваемого в связях с контрразведкой.

Руслан беззвучно выругался, метнулся к лифту мимо парней Поллака, охранявших вход в коридор с этой стороны. Взрыв он не услышал, а ощутил как беззвучный толчок в голову. Остановился, прислушиваясь к шуму за спиной, вспомнил о разработанной Громовым операции: контрразведчики уничтожили терминал контроля и связи в кабинете Поллака! В тот момент, когда он туда вошёл!

«А если Поллак — наш?!» — мелькнула мысль.

Руслан дёрнулся было назад, но в голове всплыло предупреждение Поллака, и он продолжил путь. На бегу позвонил Громову:

- Иван, вы взорвали кабинет Поллака?!
- Занимайся своим делом, — донёсся ответ.
- Херциг через час запустит Суперструнник!
- Знаю, мы пытаемся эвакуировать людей. Найди Тихонову.
- Но она же завербована...
- Возможно, она и есть главный эмиссар Вируса.
- Не может...

Связь прервалась.

Руслан скрипнул зубами, с трудом заставил себя успокоиться.

Включилась экстрасенсорика. Заработала интуиция. В голове протаяла космическая даль. «Железная дорога» Суперструнника предстала в воображении ажурной фермой связей и личных аур людей, работающих на стройке. Их было около трёх тысяч, и почти все они не подозревали о близком «конце света»: запуск генератора был смертельно опасен для всех присутствующих, кроме тех, кто находился в центре управления генератором.

Руслан сосредоточился на поиске ауры Ярославы и обнару-

жил её в жилой зоне стройки. Что она там делала, догадаться было трудно, да и мысли были заняты другим, поэтому он оставил свои размышления в стороне и помчался на пятый уровень жилого комплекса, ещё не зная, что скажет Ярославе при встрече.

Однако напрягать фантазию для решения этой проблемы ему не пришлось. События закрутились столь стремительно и головокружительно, что на их анализ не оставалось ни кванта времени.

Сначала его попытались перехватить двое мужчин в странных комбинезонах с пятнистым узором. Они открыли стрельбу из «универсалов», как только Руслан выскочил из лифта, и ему чудом удалось избежать гибели: помогли интуиция и реакция, в возбуждённом состоянии позволявшие определять источник смертельной опасности.

Он ответил из своего «универсала», выстрелил два «нанокиллера», подождал за колонной лифта и выглянул.

Розетка сходящихся коридоров жилой зоны на пятом уровне была пуста. Мужчины в пятнистом исчезли, будто их и не было. Лишь спустя несколько мгновений он увидел их в коридоре лежащими в судорогах у стены. «Нанопули» достали обоих. Защиты от нановирусов у них, очевидно, не было.

Руслан вспомнил слова Грымова: «Мы даже не представляли масштаба вербовки Вирусом своих агентов». Мужчины в пятнистых комби скорее всего тоже были завербованы эмиссарами Вируса и погибли, возможно, не зная, за что сражаются.

Руслан вошёл в темп, тенью перелетел коридор и остановился перед дверью, за которой — он это чувствовал — находилась Ярослава. В голове — ни одной мысли, одно только желание — убедиться! Либо в том, что она нормальный человек, любимая женщина, нуждающаяся в защите, либо агент Вируса и при этом — всё равно любимая женщина, нуждающаяся хотя бы в понимании.

Он стукнул кулаком в дверь.

— Ярослава, открой, это я!

Дверь открылась. На него с невозмутимым видом смотрел Серджо Веласкес.

Руслан сглотнул. Но приказ терафиму открыть огонь отдать не успел. Из-за плеча прораба вышла Ярослава.

Несколько долгих секунд они смотрели друг на друга.

Веласкес отступил.

— Я не могу тебя убить! — хрипло проговорил Руслан.

— Я тебя тоже, — бледно улыбнулась Ярослава; она выглядела спокойной и рассеянной, и лишь мерцавший в глазах огонь говорил о клочковавшей внутри неё буре чувств.

Руслан перевёл взгляд на Веласкеса.

— Ты... он...

— Серджио — витс, — качнула она головой. — Высокоинтеллектуальная техническая система последнего поколения. Поэтому его трудно уничтожить нановирусами. Помнится, ты пытался наблюдать за ним с их помощью.

Руслан пристально вгляделся в непроницаемые глаза Веласкеса.

Тот раздвинул губы в вежливой усмешке.

— Извините, если я вас разочаровал. — Он повернул голову к Ярославе. — Мне пора.

— Иди, — сказала она, не сводя глаз с Руслана. — Ты знаешь, что делать.

Веласкес обошёл посторонившегося инспектора... и исчез! Точнее, так быстро пересёк коридор, что даже тренированный глаз Руслана еле успел поймать этот момент.

— Заходи, — сказала Ярослава.

Руслан очнулся, сделал шаг вперёд. Дверь за ним закрылась.

Он оказался в небольшом помещении, битком набитом какой-то аппаратурой и светящимися столбами виомов. Возле двух виомов сидели юноша и девушка, молча и стремительно передвигавшие руками массивы символов и столбцы алых и синих цифр. Они выглядели живыми людьми, и лишь отсутствие аур говорило о том, что операторы — витсы.

— Я знаю, что ты — Вирус, — хрипло выговорил Руслан.

— Дурачок, — грустно улыбнулась Ярослава, прислушиваясь к чему-то: похоже, она разговаривала с абонентами по мыслесвязи. — Как и твой шеф, ты делаешь неправильные выводы, владея правдивой информацией.

В памяти всплыло высказывание Поллака на эту же тему.

— Поллак с тобой?

— Со мной. Но и он тоже не входит в свиту Вируса.

За дверью послышался какой-то шум.

Ярослава подняла руку, призывая собеседника к молчанию. Она и в самом деле общалась с кем-то по мыслесвязи.

— Тихо!

Юноша-витс внезапно перестал работать с виомом инка, быстро перестроил своё тело так, что получился четырёхрукий боец в доспехах, на плечах которого выросли турели плазмера и «универсала». Ни слова не говоря, он скрылся за дверью. Девушка продолжала своё занятие, не обращая ни на кого внимания.

— Рассказывай! — потребовал Руслан.

— У меня нет времени.

Он вырастил на плече такую же турель, направил дуло аннигилятора на играющие огнями и световыми фигурами аппараты.

— Я разнесу всю эту дребедень на атомы! Ну?!

На спине у девушки вдруг вырос горб, из которого высунулись ежастые полушария. Из полушарий вытянулись шевелящиеся рыльца, уставились на Руслана.

Ярослава повела рукой, рыльца спрятались. Судя по всему, это было оружие, какого Руслан ещё не видел.

— Хорошо, подожди минуту.

Ярослава отошла в угол помещения, где вспыхнул ещё один видеостолб, отразивший уменьшенную схему Суперструнника. Стала видна метель зелёных и алых искр, омывающая ферму генератора и конусы жилой и деловой зон стройки.

Руслан подошёл ближе.

— Что это?

— Кластер взаимодействий, — ответила женщина, занятая таинственными переговорами. — Зелёные звёзды — мы, красные — Знающие-Дорогу.

— Кто?

— Вирус.

Зёленых было меньше, насколько понял Руслан, и гасли они чаще, чем красные.

На Суперструннике шла война, это было очевидно, и соратники Ярославы проигрывали, уступали поле боя. Если только Руслан правильно оценивал ситуацию.

— Контрразведка — тоже красные?

— Сиреневые.

Руслан пригляделся и увидел три горсточки сиреневых звёздочек, еле заметных на общем фоне. Их было очень и очень мало.

— Не понял...

— Помолчи!

Руслан покосился на девушку, переставшую оперировать голографическими конструкциями. Она застыла на мгновение и начала изменять структуру и геометрию необычного вида аппаратов в помещении.

Мысли в голове Руслана бежали торопливо и беспорядочно, напоминая картинки калейдоскопа, но одна настойчиво возвращалась: не дай себя обмануть! Не дай себя обмануть!

И всё же Ярослава не признала контрразведчиков своими. Что это означает? Что она — агент Вируса? Или какой-то другой сверхсекретной организации? Мешем сказал правду? «Она с нами...» Или такова была его роль — натравить его, инспектора ФАК, на координатора стройки и уничтожить её руками Руслана?

Ярослава перешла к другому виому, который изобразил схему деловой зоны. Потом к третьему, внутри которого проявилось изображение центра управления Суперструнником. Стали видны суетившиеся у вириалов управления люди.

— Херциг! — подался вперёд Руслан, сжимая кулаки.

— Давайте же, — проговорила Ярослава, кусая губы, — включайте эту бандуру!

Руслан протрезвел, оценивающе посмотрел на бывшую жену.

— Слава, кто ты? Что здесь происходит?

Она потёрла кулачками глаза, посмотрела на Руслана как бы издали, отрешённо, и лицо женщины изменилось, стало по-детски беззащитным.

— Господи, как я устала!

— Рассказывай! Я уже понял, что ты заодно с Херцигом!

— Горюнов, Горюнов, ты, как всегда, близок к истине, но совершенно не представляешь, где она. Херциг — эмиссар Знающих-Дорогу-Не-Терпящих-Возражений...

— Вируса!

— А я — эмиссар Межгалактической Комиссии по контролю Закона. Божественного Закона, если хочешь. Системы, устраняющей негативные влияния на Божественную Этику таких

разумных сущностей, как Знающие-Дорогу. И при этом мы с Херцигом делаем одно и то же дело.

— Не понимаю!

— Тебе объяснили, что такое Ось Зла?

— Неравновесная система звёзд...

— Это генератор тонкой подстройки вакуума, оставленный ещё Предтечами миллиарды лет назад на случай «неправильного развития» Вселенной. Шесть миллиардов лет назад эпоха «плоского» расширения Мироздания сменилась эпохой ускоренного расширения.

— Из-за преобладания тёмной энергии.

— Из-за вмешательства разумных сил, попытавшихся изменить параметры вакуума. Но это отдельная тема. Так вот Ось Зла, или Большой Аттрактор, необходима для коррекции развития Вселенной, для перевода фазы ускоренного расширения в «плоскую фазу».

— Шапиро утверждает, что срабатывание Оси приведёт к уничтожению всей барионной материи.

— Нам стоило большого труда заставить поверить в это Знающих-Дорогу, которые и в самом деле хотят получить «пустой континуум» для своих игр. Они — жители другой Мета Вселенной, но своей им мало. А мы всего лишь помогаем им запустить Аттрактор, одновременно стараясь нейтрализовать их разведку и вашу контрразведку.

— Значит, ты — эмиссар Комиссии по контролю, — тупо повторил он.

— Ну, да, и что?

— Но ты же... — он поискал слово, — женщина...

Ярослава засмеялась.

— Иногда ты бываешь удивительно прозорливым.

Он не обратил внимания на её тон.

— Мы уже три года живём порознь.

— Мне предложили должность эмиссара три года назад.

— А «тигр», с которым разговаривал Поллак? Главный эмиссар Вируса? Или ваш человек?

— Это всего лишь камуфляж, скрывающий истинное лицо координатора Комиссии.

— Кто он?

— Я, — просто сказала Ярослава. — Херциг и Шевчук при-

нимают меня за главного представителя Знающих-Дорогу. Не зная, что я заменила на этом, так сказать, посту совсем другого человека.

— С ума сойти!

— Не надо.

— Если только это правда, — спохватился Руслан.

— Правда, не сомневайся. Ты должен это чувствовать.

Стены помещения вдруг содрогнулись, пол под ногами качнулся, по коридору пролетела гулкая волна грохота.

Девушка-витс выскользнула из недр сформированной ею конструкции, посмотрела на Ярославу. Та метнулась к виому со схемой Суперструнника, на теле которого возникли язычки пламени.

— Что случилось? — нахмурился Руслан.

— Ваши атакуют генератор, пытаюсь сорвать запуск. Их надо остановить.

— Но я не...

Ярослава повернулась к нему, подошла, положила руки на плечи.

— Помогите мне! Знающие-Дорогу до сих пор уверены, что работают на себя. Не надо их разубеждать. Пусть запустят Большой Аттрактор. Мы готовились к этой операции много тысяч лет! Понимаешь? Заставили Знающих-Дорогу принять решение использовать земной генератор, чтобы они не стали строить свой. Их уберут свои же, не прощающие ошибок. А мы будем жить долго.

Руслан облизнул пересохшие губы, попытался найти в словах Ярославы хоть какой-нибудь логический изъян. И не нашёл.

— Не уверен, что у меня получится. Но я попробую.

Он вызвал Грымова. Раз, другой, третий.

— Чёрт! Не отвечает!

— Кто?

— Грымов.

— Тебе нужен Воеводин.

Руслан начал вызывать начальника «Сокола», но ему опять никто не ответил.

— Он сейчас на спейсере «Непобедимый». К нему можно добраться только по консорт-линии метро.

— Я не знаю кода.

— Я знаю. Запоминай.

— Тогда я пошёл.

Руслан направился к двери, преодолевая внутреннее сопротивление, но Ярослава вдруг догнала его, прижалась к спине, обхватив его руками:

— Прости меня... это я сделала так, чтобы ты ушёл... но мне никто не должен был мешать... понимаешь?

— Нет, — мотнул он головой; зашло сердце. — Я бы не помешал.

— Ты не стал бы тем, кем стал.

— Кем?

— Человеком, которого я люблю!

Он замер.

— Яра...

— Иди!

— Яра, я...

— Иди же! — В голосе женщины отчётливо прозвучало рыдание. — И возвращайся! Я буду ждать!

Он поцеловал её руку, побежал, не оглядываясь.

В голове зазвенели хрустально-чистые слова Ярославы: тонкая подстройка, тонкая подстройка...

Может быть, Вселенной действительно нужна тонкая подстройка — не вакуума, нет — любви и нежности?..

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕДИЧ. Роман

Глава 1. НЕ БЕГИ ОТ МИРА	7
Глава 2. УЧЕНЫЕ — СВЕТ	15
Глава 3. ВЗЯТЬ ЕГО!	24
Глава 4. ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ	31
Глава 5. Я ЖЕ ФАНТАСТ!	44
Глава 6. КАТАРСИС	60
Глава 7. ЕДУ, ЕДУ, НЕ СВИЩУ.....	67
Глава 8. НЕ ХОДИТЕ, ДЕТИ, В АФРИКУ ГУЛЯТЬ	74
Глава 9. ШКОЛА ВЫЖИВАНИЯ.....	85
Глава 10. ПЕРЕМЕНА МЕСТ.....	98
Глава 11. ШКОЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	111
Глава 12. В ЧЁМ ТВОЁ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ?	123
Глава 13. ПИСАТЕЛЬ НЕ ДОЛЖЕН ЖИТЬ СПОКОЙНО	136
Глава 14. ТРИАДА: ВЫХОД НА РУБЕЖ.....	150
Глава 15. ЭТО ЕЩЁ НЕ МАГИЯ	164
Глава 16. ПИСАТЕЛЬ — НЕ ПРОФЕССИЯ.....	178
Глава 17. КОМАНДА	192
Глава 18. ПРОСТРАНСТВО КОНТРОЛЯ.....	204
Глава 19. КОНУНГИ	215
Глава 20. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ БЕСА.....	221
Глава 21. НАЙДИТЕ МНЕ МАЛЬЧИКА!	235

Глава 22. НЕТЬ.....	237
Глава 23. НЕ ВИНИ КОНЯ, ВИНИ ДОРОГУ	252
Глава 24. НЕСИММЕТРИЧНЫЙ ОТВЕТ	267
Глава 25. УМНЫЙ В ГОРУ НЕ ПОЙДЁТ.....	279
Глава 26. СТРОИТЕЛЬ ВЕЧНОГО.....	292
Глава 27. ПОГОНЯ.....	300
Глава 28. ГАШЕНИЕ «ЛУННОГО СВЕТА»	308
Глава 29. ВСЕ ЗА ОДНОГО.....	320
Глава 30. ОДИН ЗА ВСЕХ.....	328

ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН. *Роман*

Глава 1. ОСЬ ЗЛА.....	339
Глава 2. СЛЕДЫ ОСТАЮТСЯ ВСЕГДА	351
Глава 3. РАЗВЕДКА.....	362
Глава 4. НЕ БЫЛО ПЕЧАЛИ	373
Глава 5. УДАР В СПИНУ	387
Глава 6. НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ВСТРЕЧИ.....	399
Глава 7. ПРОФИЛАКТИКА	411
Глава 8. ЧТО ВЫ ИЩЕТЕ, УВАЖАЕМЫЙ?.....	424
Глава 9. ПОГРАНСЛУЖБА — ДЕЛО ТОНКОЕ	437
Глава 10. КАНАРЕЕЧКА ЖАЛОБНО ПОЁТ	442
Глава 11. ВЫШЕЛ ЗАЙЧИК ПОГУЛЯТЬ.....	453
Глава 12. ПОРА УХОДИТЬ.....	466
Глава 13. БАЙ-БАЙ.....	475
Глава 14. КРИВЫЕ ДОРОЖКИ	486
Глава 15. ЖЕНА ЦЕЗАРЯ ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ	499
Глава 16. ВОЗРАСТ ЛЮБВИ НЕ ПОМЕХА	510
Глава 17. РАБОТА НЕ ВОЛК. ЯДОВИТАЯ ЗМЕЯ.....	518
Глава 18. МЫ ПОДОЖДЁМ	530
Глава 19. АСТРОНОМЫ ЗДЕСЬ НЕ ХОДЯТ	535

Глава 20. ТИХАЯ ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА	546
Глава 21. ВЕРНУЛИСЬ ТЕ, КОГО НЕ ЖДАЛИ.....	554
Глава 22. МЕДВЕЖАТНИК ГОРЮНОВ.....	565
Глава 23. ЗОЛОТО МАККЕНЫ	575
Глава 24. ВСЕМЕРНОЕ СОДЕЙСТВИЕ, БЛИН!.....	587
Глава 25. ВИРУС ПРОТИВ «СОКОЛА»	599
Глава 26. КТО НЕ СПРЯТАЛСЯ, Я НЕ ВИНОВАТ.....	605
Глава 27. НЕОЖИДАННОЕ	617

Литературно-художественное издание

Головачев Василий Васильевич

ПОБЕДИТЕЛИ ЗЛА

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *С. Кладов*
Корректор *И. Витько*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Лео Хао*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 12.12.2007.
Формат 84х108 1/32. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 33,6.
Тираж 5100 экз. Заказ 2568.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо»

зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип pocket»

E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться в ООО «Форум»: тел. 411-73-58 доб. 2598.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Грандмастер отечественной фантастики

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

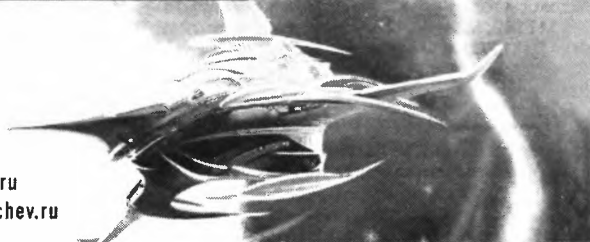
Новый роман
**«Посторонним
вход воспрещен»**

В 2006 – 2007 годах вышли
романы Василия Головачева:

- * «Укрощение зверя»
- * «По ту сторону огня»
- * «Ведич»

и сборник рассказов
«Мир приключений»

www.eksmo.ru
www.golovachev.ru

**Тайна рождения Вселенной
в новом романе Грандмастера!**

Серия

«АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ»

Основана в 1996 году

В течение 10 лет – одна из самых популярных серий отечественной фантастики, в которой издано более 300 книг

С начала 2007 года в серии изданы:

Михаил АХМАНОВ	«Страж фараона» «Меч над пропастью» «Вторжение»
Алексей БЕССОНОВ	«Пройдя сквозь дым»
Владимир БРАЙТ	«Королевства, проигранные в карты» «Королева Семи Палачей»
Василий ГОЛОВACHEВ	«Ведич» «Мир приключений» «Посторонним вход воспрещен»
Евгений ГУЛЯКОВСКИЙ	«Обратная сторона времени»
Алексей КАЛУГИН	«Подземелья Эйдана»
Андрей ЛИВАДНЫЙ	«Форпост» «Последний рубеж»
Андрей МАКСИМУШКИН	«Белый реванш»
Андрей УЛАНОВ	«Крест на башне»
Вячеслав ШАЛЫГИН	«Инстинкт гнева» «Черно-белое знамя Земли»

Сборник «ЗАКОНЫ ДАЛЬНЕГО КОСМОСА»

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

ПРОТИВ СКУКИ И ПЛОХОГО НАСТРОЕНИЯ!

Серия

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

С НАЧАЛА 2007 ГОДА В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- Роман Афанасьев «Стервятники звездных дорог»
- Виктор Бурцев «Очередь за солнцем»
- Роман Глушков «Боевые псы Одиума», «Аварийная команда»
- Александр Громов «Змееныш», «Крылья черепахи»
- Владислав Крапивин «Ампула Грина»
- Олег Курылев «Невозвращенец»
- Игорь Огай «Уровень атаки»
- Сергей Осипов «Демоны вне расписания», «Ночная охотница»
- Роман Папсуев «Цейтнот»
- Андрей Плеханов «Слепое письмо»
- Вадим Проскурин «Прививка от космоса», «Небесные воины»
- Виталий Романов «Вариант «Зомби», «Разум чудовища»
- Вячеслав Рыбаков «Звезда Полюнь»
- Вячеслав Силин «Монополия на чудеса»
- Александр Сухов «Танец на лезвии ножа»
- Сборник «Академия Шекли»

**Лучшие произведения русской фантастики
в одной серии!**

www.eksmo.ru

ISBN 978-5-699-25664-8

9 785699 256648 >